Иоахим ФЕСТ

Гитлер

Биография

ПУТЬ НАВЕРХ

Москва
«Вече»
2006

ББК 63.3(0)6
Ф44

Перевод с немецкого
А.А. Федорова, Н.С. Летневой, А.М. Андропова.

Иоахим Фест
Ф44 Гитлер. Биография. Путь наверх / Фест Иоахим ; Пер. с нем. А.А. Федорова, Н.С. Летневой, А.М. Андропова. — М. : Вече, 2006. — 640 с., ил.

ISBN 5-9533-1178-8

Книга «Гитлер. Биография» Иоахима Феста — известного немецкого историка Третьего рейха, многие годы являвшегося редактором авторитетной газеты «Франкфуртер альгемайне цайтунг», по праву считается одной из лучших биографий Гитлера. В свое время она стала сенсацией. Несмотря на внушительный объем и высокую цену, первое издание разошлось почти мгновенно. За первым последовал ряд других изданий, книга была переведена на многие языки и даже экранизирована. Центральной фигурой талантливо и увлекательно написанной книги является Адольф Гитлер. По мнению Феста, чудовищная по по своим масштабам воля к власти Гитлера обусловила установление нацистской диктатуры и продемонстрировала «поразительную силу влияния личности на исторический процесс».

В книге — «Путь наверх» — описан период жизни Гитлера, предшествовавший его вхождению во власть.

ББК63.3(0)6

ISBN 5-9533-1178-8 **Joachim Fest. Hitler. Eine Biographie. — Ullstein Buchverlage GmbH, 2003**
© А.А. Федоров, Н.С. Летнева, А.М. Андропов, перевод на русский язык, 2006
© ООО «Издательский дом «Вече», 2006

ОТ РЕДАКТОРА

Личность Адольфа Гитлера, оказавшего огромное влияние на развитие истории XX века, стала интересовать общество — а следовательно публицистов и историков — еще в тот момент, когда он не был всесильным правителем Германии. Уже в 1923 году региональный баварский политик привлек к себе внимание не только в Германии, но и за рубежом своей попыткой поднять мятеж в Мюнхене. Его радикализм, национализм, а также ярко выраженный антимарксизм сразу же обратили на себя внимание. И уже тогда начали формироваться две основные тенденции подачи личности Гитлера, в общем-то имевшие довольно мало общего с реальностью. С одной стороны, это было начатое коммунистической, социал-демократической и либеральной печатью создание карикатурного образа будущего фюрера, с другой — безмерное прославление избранности Гитлера со стороны нацистской печати, в какой-то мере поддержанной (с некоторыми оговорками) консервативной прессой. Здесь берут свое начало тенденции люмпенизации и демонизации Гитлера, причем многие элементы этих тенденций присутствуют в исторических и особенно публицистических работах, появляющихся вплоть до настоящего времени. И это несмотря на то что источники — прежде всего мемуарные, — на которых они базировались, уже почти полностью опровергнуты и разобраны. Уже вскоре после прихода Гитлера к власти появилась его биография, написанная социал-демократическим журналистом Конрадом Хейденом, где автор — блестящий публицист — создал образ люмпена, бывшего игрушкой в руках консервативных политиков и крупного капитала. С некоторыми оговорками этот образ был воспринят марксистской историографией и продолжал (а в ряде случаев и продолжает) муссироваться на страницах различных работ. Такой подход, естественно, не мог позволить понять причины столь стремительного возвышения Гитлера, понять логику его действий, причину тех или

иных его шагов. Тем не менее эта тенденция оказалась очень живучей, потому что позволяла использование умозрительных построений, четко укладывающихся в концепцию борьбы классов, противостояния пролетариата и буржуазии, труда и капитала. Чтобы воочию представить себе эту тенденцию, достаточно открыть очень популярную в СССР — возможно, популярную потому, что она была единственной крупной работой о Гитлере, — книгу Д. Мельникова и Л. Черной «Преступник № 1», выдержавшую несколько изданий: первое — в 1981 году, третье — исправленное и дополненное — в 1991 году. Только тираж последнего издания превысил 100 000 экземпляров. Лили воду на «мельницу люмпенизации» и бежавшие из Германии еще в 20—30-х годах соратники Гитлера, по тем или иным причинам рассорившиеся с ним: не освободившись от своих националистических воззрений, они стремились объяснить свою эмиграцию тем, что там к власти пришел клоун и фигляр, который порочит «национальную идею».

Тенденция демонизации личности Гитлера имеет более сложные предпосылки. Возможно именно поэтому идея «фюрера-демона» приобрела на Западе многих сторонников — она помогала объяснить необъяснимое и создать иллюзию познания непознанного: «дело Гитлера следует считать прорывом сатанинского принципа в мировую историю»[1]. С одной стороны, основы демонизации заложили противники Гитлера из консервативного лагеря: это была опять-таки попытка оправдать их собственные действия. Им надо было объяснить причины того, почему они поддались внушению Гитлера и пошли у него на поводу, почему они не остановили его на пути к власти и попустительствовали его политике захватов. С другой стороны, после краха Третьего рейха образ «сатанинского гения»[2] оказался чрезвычайно выгодным для огромного числа бывших нацистов, которым было необходимо оправдать свои действия во время нацистской диктатуры. А что могло быть лучше чем оказаться под незримой властью демонической личности, попасть от нее в зависимость и таким образом не отвечать за свои действия, списав все на «гипнотическое воздействие личности Гитлера». Их мемуары и показания стали

---

[1] *Meinecke F.* Die deutsche Katastrophe. Wiesbaden, 1947. S. 26.

[2] *Dehio L.* Deutschland und die Weltpolitik im 20. Jahrhundert. München, 1955. S. 30.

благодатной почвой для расцвета этой теории — тем более что в первые послевоенные десятилетия именно мемуаристика стала основой для исторических исследований.

Книга Феста стала водоразделом, в ней попытка добиться дедемонизации и делюмпенизации Гитлера достигла полного успеха. Конечно же она не была первой попыткой понять, что происходило в Германии, отрешившись от уже ставших привычными догм, — несколько ранее вышло несколько серьезных работ (о них мы упомянем ниже). Но фестовская биография Гитлера впервые показала, где лежат корни национал-социализма, откуда смог появиться Гитлер, и объяснила причины его стремительного восхождения к власти. Возможно, свою роль сыграло здесь то, что Фест не был профессиональным историком, — именно поэтому ему удалось охватить весь комплекс проблем, отойдя от традиционных подходов, связать личность Гитлера с процессами, которые были характерны для Европы, и для Германии в частности, в межвоенную эпоху. Как и Хейден (автор первой и очень интересной биографии Гитлера)[3], как и Уильям Ширер (автор интереснейшей, основанной на личных впечатлениях и в целом объективной книги «Взлет и падение Третьего рейха»)[4], Фест был журналистом.

Иоахим Фест родился 8 декабря 1926 года в Берлине. Девятнадцатилетним юношей ему удалось принять участие в последних боях Второй мировой войны, пережить горечь поражения и кратковременный плен в лагерях союзников. Вернувшись домой после освобождения, Фест, имевший уже завершенное гимназическое образование, стал изучать юриспруденцию, историю, социологию, германистику и историю искусств в Фрейбургском, Франкфуртском и Берлинском университетах. Получив таким образом разностороннее гуманитарное образование, он выбрал профессию журналиста, отвечавшую широкому кругу его интересов и дававшую ему возможность проявить себя во всех этих областях. И знания в различных областях, и опыт журналистской деятельности, где ему приходилось заниматься одновременно различной про-

---

[3] Совсем недавно в России была переиздана одна из лучших книг *Хейдена* «Путь НСДАП. Фюрер и его партия» (на русском фамилия Хейден была передана в традициях перевода 40-х годов — Гейден). М.: Яуза; ЭКСМО, 2004.

[4] Русское издание: *Ширер У.* Взлет и падение Третьего рейха. Т. 1—2. М.: Военное издательство, 1991.

блематикой, а также личный опыт участия в военных действиях и желание понять, что же произошло с его родиной, позволили ему подняться над уже начинавшими костенеть догмами исторической науки.

В начале 1950-х годов он примкнул к Молодежному союзу и стал активно участвовать в деятельности берлинского отделения Христианско-демократического союза. Проработать свободным журналистом Фесту пришлось недолго — очень скоро он был взят в штат Северогерманского радио, где с 1963 по 1968 год занимал пост шеф-редактора. Затем Феста пригласили на должность редактора одной из самых влиятельных западногерманских газет — «Франкфуртер Аллгемайне Цайтунг», а в год выхода его главной книги — в 1973 году — он стал соиздателем этой газеты. С 1993 года Фест удалился от руководства газетой и полностью сосредоточился на литературной деятельности. Работы Феста, посвященные нацизму, приобретшие огромную популярность во всем мире, были высокого оценены и в самой Германии: Фест стал лауреатом Премии Эрхарда (за биографическое исследование, 2003 год), Премии Ойгена Больца (за раскрытие роли немецкого Сопротивления; 2004 год), в 1981 году он стал почетным доктором истории Штутгартского университета. Биография Гитлера была не первой и не последней работой Феста. Свой первый шаг как историк он совершил в 1963 году, когда вышла в свет его работа «История Третьего рейха. Профиль тоталитарного общества» (Das Gesicht des Dritten Reiches. Profile einer totalitären Gesellschaft) — некий социальный портрет руководства нацистской Германии. Из поздних работ Феста, посвященных истории нацистской Германии и получивших наибольшую известность, стоит отметить книги «Шпеер. Биография» (Speer. Eine Biographie, 1999) и «Падение. Гитлер и крах Третьего рейха» (Der Untergang. Hitler und das Ende des Dritten Reiches, 2002). Уже в первой работе главный интерес Феста сосредоточился на личности Гитлера. Хотя целью было показать весь «правящий класс», фигура фюрера была доминирующей, ибо его роль в Третьем рейхе была огромной. Вся жизнь крутилась исключительно вокруг фюрера, только от него зависело, кто из его паладинов станет «первым среди равных». Эпиграфом к той книге могли служить приводимые Фестом слова Германа Геринга: «Каждый из нас имеет так много власти, как пожелает дать ему фюрер. Только находясь рядом с фюрером и составляя его свиту, фактически обладаешь могу-

ществом и держишь в руках эффективные рычаги управления государством»[5].

Ситуация с так называемой нацистской тематикой в середине 1970-х годов была похожа на нынешнюю как на Западе, так и в России. Срок в 30 лет как раз дает возможность вырасти новому поколению, которое начинает проявлять интерес к интереснейшей, полной противоречий и до сих пор до конца не исследованной эпохе Третьего рейха. Вышедшие в предыдущий «пик интереса» книги это поколение уже не устраивают — прошло время, многое было переосмыслено, открылись новых источники и факты, выдвинуты новые теории. Ведь история Третьего рейха, история Европы 30—40-х годов — это не Средневековье, она имеет непосредственное отношение к современному миру, миру, который и родился-то в результате Второй мировой войны. А своим возникновением эта война обязана нацизму, так что можно сказать, что тот мир, который теперь окружает нас, является во многом результатом именно возникновения, развития и конечно же, главное, поражения национал-социализма. Именно в борьбе с нацизмом сложились современные общечеловеческие ценности, неприятие в цивилизованных странах расовой розни и геноцида, а социальная политика, принесшая в Третьем рейхе столь большие успехи, легла в основу современного столь превозносимого социального устройства западного общества. Интерес общества к этому периоду германской и европейской истории привел к тому, что издательства стали в больших количествах выпускать книги соответствующей тематики — только в США в 1972 году вышло в свет 19 книг о Гитлере. Как следствие прилавки переполнились псевдоисторическими работами, написанными на очень низком уровне, а также мемуарами, в которых якобы очевидцы писали о том, чему свидетелями не были. (Сегодня в России примерно та же ситуация, за тем лишь исключением, что у нас не было «всплеска 70-х годов» и сейчас издатели имеют возможность опубликовать, а читатели, соответственно, ознакомиться с переводными работами того периода. Впрочем, из них лишь немногие — и к ним относится Фест — смогли до сих пор сохранить актуальность: большинство уже утратили свою новизну, а то и выводы их авторов были полностью опровер-

[5] *Fest J.C.* Das Gesicht des Dritten Reiches. Profile einer totalitären Herrschaft. München, 1988. S. 109.

гнуты более поздними исследователями.) Были конечно же и серьезные работы. В этой обстановке и появилась книга Феста и сразу же стала бестселлером — уже к началу следующего года ее тираж в ФРГ превысил 500 000 экземпляров, и это не считая французского и английского изданий. В следующие годы биография Гитлера, вышедшая из-под пера Феста, переиздавалась все с тем же неизменным успехом. Всего же она вышла на 15 языках.

Успеху книги Феста способствовало то — и этот факт чуть ли не сразу перевел работу журналиста в разряд классики исторических исследований, — что автор рассматривает Гитлера и нацистское движение как закономерный результат развития общества начала XX века. Тем более что ситуация в Германии осложнялась поражением в Первой мировой войне и чувством национального унижения, вызванного условиями Версальского мира. Фест писал о том, что люди старшего поколения чувствовали и сами; чувствовали, но не могли выразить словами. Показывая Гитлера — при всей его самобытности — продуктом эпохи, Фест одновременно ускорял процесс делюмпенизации и дедемонизации образа лидера нацистской партии. Причем его целью стало не введение в научный оборот новых источников. Нет, основываясь на том же фактическом материале, что и его предшественники, Фест сделал новые выводы, по-новому взглянул на процессы, происходившие в германском общества в начале XX века. И здесь Фест снова поразил всех — и, что самое интересное, продолжает поражать историков более позднего поколения. Основываясь в большинстве своем на неаутентичных источниках, большинство которых через 20 лет было признано не соответствующими действительности — всех этих полуправдивых мемуарах типа Раушинга, Ганфштенгля, Кибицека и насыщенных смесью из реальных и непроверенных фактов работ Тревора-Роупера, — он смог сделать выводы, которые были подтверждены фактами уже позже, после выхода его работы. Оказалось, что выводы, сделанные Фестом, опередили развитие западноевропейской исторической науки. Лишь позже — через 15—20, а то и через 30 лет — достоянием научной общественности стал фактический материал, говоривший о правоте Феста. Именно поэтому до сих пор в самым последних работах о Гитлере и Третьем рейхе историки неизменно ссылаются и цитируют Феста — больше чем таких его современников, профессиональных «серьезных историков», как Нольте, Буллок или Бросцат.

Говоря о Фесте, необходимо упомянуть и его современника западногерманского историка и философа Эрнста Нольте — он родился на три года раньше Феста. Идеи, выдвинутые им в своих работах — и прежде всего в «Фашизме в его эпоху»[6], вышедшей за 10 лет до книги фестовской биографии Гитлера, — оказали огромное влияние на методологию и выводы Феста. Именно Нольте связал развитие «фашизма» с общим кризисом европейской либеральной системы — эта идея очень хорошо просматривается и в работе Феста. Основополагающим в концепции Нольте было фактическое разделение тоталитарных систем (он ввел четырехуровневую их градацию) на «марксистскую» и «фашистскую». Тем самым Нольте очень широко трактовал фашизм как «антимарксизм, который стремится уничтожить противника благодаря созданию радикально противостоящей и тем не менее соседствующей идеологии и применению идентичных, хотя и модифицированных методов»[7]. С одной стороны, это был шаг вперед, но с другой — Нольте на базе некоторых общих черт, присущих любому авторитарному и тоталитарному режиму, а также очень расплывчатого понятия «антимарксизм» объединил в рамках понятия «фашизм» такие разные и, по существу, несовместимые системы, как германский национал-социализм, итальянский фашизм, режимы Болгарии, Румынии, Польши, Испании и других европейских стран. Основываясь на внешнем признаке противостояния Советскому Союзу и поддерживаемым им коммунистическим движениям, Нольте ради построения стройной концепции проигнорировал как различные предпосылки возникновения, так и внутренние — как идеологические так и государственно-правовые — различия «фашистских» режимов. Реанимировав имевшее хождение в межвоенный период исключительно политическое понятие «фашизм» (хотя фашистским можно считать исключительно режим, установленный Бенито Муссолини в Италии), Нольте заложил основы общего направления развития исто-

---

[6] Полное название книги: Der Faschismus in seiner Epoche. Action francaise — Italienischer Faschismus — Nationalsozialismus. München 1963. Другие более поздние работы Нольте по этой теме: «Марксизм и индустриальная революция» (Marxismus und Industrielle Revolution, Stuttgart, 1983), «Европейская гражданская война 1917—1945. Национал-социализм и большевизм» (Der europäische Bürgerkrieg 1917—1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus, 4. Aufl. Frankfurt/M. 1989).

[7] *Nolte E.* Der Faschismus in seiner Epoche. München, 1963. S. 51.

рических исследований, которые стали уделять основное внимание именно типологии «фашизма», подгоняя под это понятие крайне непохожие друг на друга государственные системы. Надо заметить, что Фесту удалось в целом избежать подобного подхода Нольте — возможно, прежде всего потому, что предметом его исследования стал Адольф Гитлер и Германия, а не вся Европа в целом. Хотя полностью освободиться от столь привлекательной и хорошо методологически подкрепленной теории Нольте ему все-таки не удалось.

Книга Феста долго ждала своего выхода на русском языке. Во времена Советского Союза это было невозможно — причем отнюдь не потому, как пишет ряд авторов, что возникали параллели между двумя тоталитарными режимами — советским и нацистским. Правда, Фест довольно отрицательно относится к любой диктатуре, и советская не стала исключением. Главная причина была другой — его прекрасно аргументированная точка зрения категорически расходилась с позицией отечественной историографии, которая всегда страдала однобокостью, предвзятой подачей материала и фальсификацией исторических фактов. Поэтому она смогла появиться только в 1993 году: под названием «Адольф Гитлер» она вышла в Перми в Культурном центре «Алетейя». Один из непосредственных свидетелей подготовки книги — Е.Д. Тамарченко — писал в научно-методическом журнале «Филолог» (издающемся Пермским государственным педагогическим университетом): «Очень быстро была подготовлена и издана книга знаменитого на Западе И. Феста... Огромный труд в это предприятие вложил профессор-историк П.Ю. Рахшмир, под руководством которого осуществлялся перевод и общая редактура. Резонанс слегка не рассчитали, и пришлось разным инстанциям давать письменные объяснения, что книга Феста уникальна и известна в культурно-исторических кругах как яркий антифашистский документ. А наш бдительный «совок», десятилетиями натренированный в стукачестве, все писал и писал по судам и прокуратурам, что некий Тамарченко пропагандирует Гитлера. Как водится, читать не читал, а то бы, может, и смекнул, что речь вовсе не о том, но страсть к доносу все затмевала. Слава Богу, времена сменились».

Та книга, которую вы держите в руках, основана именно на том переводе. Однако определенная работа над текстом при подготовке нового издания была проведена: прежде всего были исправлены некоторые неточности в переводе, в том числе в

названиях различных организаций, должностей, имен, а также событий жизни Гитлера. Кроме того, было добавлено большое количество комментариев, которые должны помочь читателю свободно читать книгу, не обращаясь за уточнениями к каким-либо вспомогательным источникам. Ну и конечно же в лучшую сторону книга отличается от первого издания наличием большого количества иллюстративного материала, помогающего воочию увидеть то, о чем говорит Фест.

Константин Залесский.
Москва, 2005 год

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ВЕЛИКИЙ ГИТЛЕР?

> Людей и государства губит не слепота, не незнание. Не так уж долго остаются они в неведении относительно того, куда приведет их начатый путь. Но есть в них поддерживаемый самой их природой, усиливаемый привычкой позыв, которому они не сопротивляются, который тащит их вперед, пока есть еще остаются хоть какие-то силы. Тот, кто может бороться с самим собой, — подобен Богу. Большинство же хотя и видит свою гибель, но продолжает стремиться к ней.
>
> *Леопольд фон Ранке* [1]

Вся известная нам мировая история не знает другого такого явления, как Гитлер, но можно ли называть его «великим»? Никто в истории не вызывал такого восторга, такого поклонения, ни на кого не возлагали таких благих ожиданий, как на него, но и никто другой не вызывал столько ненависти. Никто другой всего за несколько лет не смог единолично так укоротить течение времени и так изменить состояние мира; никто другой не оставил после себя такого количества разрушенных стран. Лишь коалиция почти всех государств мира после почти шести лет войны смогла стереть его с лица земли, — говоря словами одного офицера, участника немецкого Сопротивления, убила его «как бешеную собаку»[2].

---

[1] Эта мысль Ранке приводится в одной из работ Конрада Хейдена, которому автор считает себя в некотором отношении обязанным, поскольку это одна из самых первых попыток исследования таких явлений, как Гитлер и национал-социализм. А по смелости постановки вопросов и свободе суждений она и сегодня не знает себе равных.

[2] Так сказал полковник фон Герсдорф генерал-фельдмаршалу фон Манштейну. Цит. по: *Ehlers D.* Technik und Moral einer Verschwürung. S. 92.

Своеобразное величие Гитлера самым прямым образом связано с его эксцессивным характером — это был чудовищный, превосходящий все существовавшие размеры выброс энергии. Конечно, исполинское — это еще не значит исторически великое, ведь и тривиальное тоже обладает силой. Но в нем было не только исполинское и не только тривиальное. В вызванном им извержении на каждом этапе, вплоть до последних недель, проявлялась его направляющая воля. В своих многочисленных выступлениях он с легко различаемым подтекстом вспоминал о временах своей молодости, когда у него «ничего не было за душой: ни имени, ни состояния, ни прессы, совсем ничего или вообще ничего», и о том, как он только благодаря самому себе стал из «доходяги» властителем Германии, а вскоре и почти всей Европы: «Случилось нечто чудесное!»[3] И, пожалуй, это действительно так: в не имеющей аналогов степени он добился всего сам и достиг всего благодаря самому себе — сам себе учитель, создатель партии и творец ее идеологии, тактик и демагог-избавитель, государственный муж и на протяжении десятилетия эпицентр возбуждения во всем мире. Он опроверг то эмпирическое положение, что все революции пожирают своих детей, ибо был, как это подмечено, «Руссо, Мирабо, Робеспьером и Наполеоном революции, он был ее Марксом, ее Лениным, ее Троцким и ее Сталиным. Пусть по характеру и по сути своей он далеко уступал большинству из названных лиц, но, как бы то ни было, ему удалось то, что не удавалось никому из них: он контролировал революцию на каждом из ее этапов — и даже в момент ее поражения. Это говорит об ощутимом понимании им того, какие силы он пробудил»[4].

Однако он обладал еще и чрезвычайным чутьем относительно того, какие силы вообще могли быть мобилизованы, и не давал ввести себя в заблуждение господствующим тенденциям. Время его вступления в политику целиком и полностью пришлось на расцвет либерально-буржуазной системы. Но он нащупал скрытые точки сопротивления ей и, создавая смелые и революционные конструкции, сделал именно их своей программой. Политическому рассудку его поведение

---

[3] Из выступления 24 февраля 1937 года в мюнхенской пивной «Хофбройхаус». Цит. по: *Kotze H. v., Krausnick H.* Es spricht der Führer. S. 107.

[4] *Trevor-Roper H. R.* (Hrsg.). Le Testament politique de Hitler. P. 13.

представлялось противоречащим смыслу, и надменный дух того времени годами не принимал его всерьез. Но сколько бы насмешек ни вызывал сам его вид, экзальтированная риторика и театральность его выступлений, — он всегда каким-то трудно описуемым образом стоял выше банальных и плотских черт собственной личности. Его особая сила не в последнюю очередь и заключалась в том, что он умел строить воздушные замки с какой-то бесстрашной рациональностью — именно это подметил тот ранний биограф Гитлера, который выпустил в Голландии о нем в 1935 году книгу под названием «Дон-Кихот Мюнхенский»[5].

А за десять лет до этого политик-неудачник местного, баварского масштаба по фамилии Гитлер сидел в убогой меблированной комнате в Мюнхене и рисовал триумфальные арки и старинные здания, лелея казавшийся безумным план. Несмотря на крушение всех надежд после провала попытки путча в ноябре 1923 года, он не отказался ни от одного из своих слов, не умерил своего боевого пыла и ни на йоту не отошел от своих планов мирового господства. Буквально все, отмечал он потом, считали его просто фантазером. «Они все время говорили, что я безумен». Но спустя всего несколько лет все, к чему он стремился, стало явью или же поддающимися реализации проектами, и уже рушились те ценности, что претендовали на долговечность и нерушимость: демократия и многопартийное государство, профсоюзы, международная пролетарская солидарность, система европейских союзов и Лига Наций. «Так кто же был прав, — торжествовал Гитлер, — фантазер или другие? — Прав был я»[6].

В этой непоколебимой уверенности, что именно он наиболее полно соответствует духу и тенденциям эпохи, а также в его способности сделать эту тенденцию откровением и заложен, вероятно, элемент исторического величия. «Назначение величия представляется в том, — писал Якоб Буркхардт в своем знаменитом эссе из «Размышлений о всемирной истории», — что оно исполняет волю, выходящую за рамки индивидуального», и тут автор говорит о «таинственном сопряжении» между эгоизмом выдающегося одиночки и всеобщей волей: и своими общими предпосылками, и на отдельных эта-

[5] Автором книги был некий Фратеко. В том же году она вышла на французском языке в Париже под названием «M. Hitler, Dictateur».

[6] Из выступления 20 мая 1937 года. Цит. по: *Kotze H. v., Krausnick H.* Op. cit. S. 223.

пах, и особенностями его протекания, жизненный путь Гитлера представляет собой неукоснительную демонстрацию этой мысли, и в последующих главах читатель встретит неисчислимое множество свидетельств этому. Аналогичным образом обстоит дело и с остальными условиями, составляющими, по Буркхардту, суть исторического характера. Это — его незаменимость; то, что он переведет народ из старого состояния в новое, которое уже невозможно представить без него самого; то, что он даст выход фантазии века; что он олицетворяет собой не «только программу и раж какой-то одной партии», но и всеобщую потребность, а также выкажет умение «отважно ринуться через пропасть»; он должен будет обладать и способностью к упрощению, даром увидеть различия между подлинными силами и силами кажущимися, равно как, наконец, и аномальной, излучающей своего рода магическую мощь силой воли: «Сопротивление вблизи становится полностью невозможным — тот, кто хочет еще оказывать сопротивление, должен жить вне сферы того, о ком идет речь, жить вместе с его врагами, и может встретиться с ним только лишь на поле боя»[7].

И все же не поворачивается язык назвать Гитлера «великим». Сомнения тут вызывают не только преступные черты психопатологического облика этого человека. Ведь реальная всемирная история движется отнюдь не по тому пути, на котором «произрастает одна лишь моральность», и Буркхардт как раз и говорит об «удивительном отпущении относительно принятого нравственного закона», характерном для созна-

---

[7] Burckhardt J. Gesammelte Werke. Bd. 4. S. 151 ff. Кстати, в своем знаменитом письме Клаусу Манну Готфрид Бенн, говоря о Гитлере, прямо ссылаясь на точку зрения Буркхардта, писал: «Однако сегодня у нас Вы можете то и дело услышать вопрос: создано движение Гитлером или Гитлер создан движением? Этот вопрос является характерным, ибо оба эти явления невозможно отличить, поскольку они идентичны. Здесь действительно имеется то магическое совпадение индивидуального и общего, о котором Буркхардт говорит в своих «Размышлениях о всемирной истории», описывая великих деятелей мирового исторического процесса. Великие деятели — в них есть все: опасности в начале, их появление почти всегда только в страшные времена, необыкновенная выдержка, сверхъестественная легкость во всем, в том числе в том, что следует делать, но кроме того еще и свойственное всем мыслящим людям предчувствие, что именно он и есть тот, кто призван к свершениям, посильным только ему и никому другому». См.: *Benn G.* Gesammelte Werke. Bd. 4. S. 246 f.

ния крупных личностей[8]. Конечно, можно задать вопрос, не является ли запланированное и совершенное Гитлером абсолютное преступление в плане массового истребления людей чем-то иным, тем, что переходит границы имевшейся в виду Гегелем и Буркхардтом нравственной обусловленности; но все-таки сомнение в историческом величии Гитлера диктуется другим мотивом. Феномен великого человека имеет изначально эстетическую и лишь крайне редко и моральную природу, и если на первом поле он еще может рассчитывать на отпущение, то на втором — нет. Ибо одно из старых положений эстетики гласит, что не становится героем тот, кто при всех своих выдающихся качествах является неприятным человеком. Нетрудно утверждать (и тому есть масса доказательств), что Гитлер в высшей степени и был именно таким человеком, — множество мрачных, коренящихся в инстинктах черт, ему свойственных, его нетерпимость и мстительность, отсутствие у него великодушия, его плоский и голый материализм, одержимый одним лишь стремление к власти и вновь, и вновь высмеивавший в застольных беседах все остальное как «вздор», да и вообще все явно заурядные черты его характера вносят элемент отталкивающей обыкновенности в этот образ, никак не отвечающий общепринятому понятию о величии. «Привлекательное земное, — писал в одном из своих писем Бисмарк, — всегда сродни падшему ангелу, который прекрасен в своем беспокойстве, велик в своих планах и устремлениях, но лишен удачи, горд и скорбен»[9] — дистанция несоизмерима.

Но, может быть, уже утратило смысл само понятие? В одном из своих написанных в эмиграции проникнутых пессимистическим настроением эссе на политические темы Томас Манн хотя и говорил, имея в виду торжествовавшего Гитлера, о «величии» и «гениальности», но он имел в виду «обезображенное величие» и гениальность на самой примитивной ее ступени[10], а столкнувшись с такого рода противоречиями, понятие просто перестает быть самим собой. А, может быть, дело в том, что порождено оно историческим разумом эпохи, в значительно большей степени ориентировавшимся на действу-

---

[8] Burckhardt J. Op. cit. S. 175 ff.

[9] Письмо Бисмарка своей невесте 17 февраля 1847 года. Цит. по: Rothfels H. *(Hrsg.) Bismarck Briefe. Göttingen, 1955. S. 69.*

[10] *Mann Th.* Bruder Hitler. In: Mann Th. Gesammelte Werke (В дальнейшем — GW). Bd. 12. S. 778.

ющих лиц и идеи исторического процесса и упускавшим из виду необозримые хитросплетения.

Действительно, такое мнение весьма распространено. Оно утверждает второстепенность личности по сравнению с интересами, отношениями и материальными конфликтами внутри общества и усматривает неопровержимость этого своего тезиса именно на примере Гитлера: мол, будучи «наемником» и «орудием» монополистического капитала, он организовал классовую борьбу сверху и в 1933 году овладел стремившимися к политическому и социальному самоопределению массами, а затем путем развязывания войны стал осуществлять экспансионистские цели своих хозяев. В этих по-разному варьировавшихся утверждениях Гитлер представал в качестве вполне заменимой, «заурядной жестяной фигуры», как писал один из авторов левого направления, занимавшийся анализом фашизма, еще в 1929 году[11], и, во всяком случае, как лишь один из факторов в ряду других, но отнюдь не как определяющая причина.

В принципе это утверждение вообще отрицает возможность исторического познания путем исследования какой-либо биографии. И обосновывается это тем, что никакая конкретная личность не в состоянии оказывать сколь-либо решающее воздействие на исторический процесс со всеми его хитросплетениями и противоречиями и на всех его многочисленных, непрерывно меняющихся уровнях. Ибо, как утверждается, историография персоналий по сути лишь продолжает традицию старой придворной и мадригальной литературы, и в 1945 году вместе с крушением режима она просто поменяла местами знаки, сохранив в принципе ту же методику. Гитлер остался все той же непобедимой силой, приводящей в движение все и вся, и лишь «сменил свое качество: спаситель-избавитель стал дьяволом-соблазнителем»[12]. В конечном же итоге, утверждается

---

[11] Tahlheimer A. Gegen der Strom. Organ der KPD (Opposition), 1929. Цит. по: Abendroth W. (Hrsg.) u. a. Faschismus und Kapitalismus. S. 11. Мы не будем здесь останавливаться подробно на различных теориях, касающихся Гитлера, и попытках объяснить это явление. Широкий обзор дает, например, К. Д. Брахер: *Bracher K. D.* Die deutsche Diktatur. S. 6 ff., но прежде всего К. Хильдебрандт: *Hildebrandt K.* Der Fall «Hitler». Bilanz und Wege der Hitler-Forschung. In: Neue politische Literatur, 1969. H. 3. S. 375 ff.

[12] *Kühnl R.* Der deutsche Faschismus. In: Neue politische Literatur, 1970. H. 1. S. 13.

далее, что любое биографическое исследование служит, вольно или невольно, потребностям в оправдании тех миллионов былых его приверженцев, кто перед лицом такого «величия» без труда может представлять себя жертвой или уж хотя бы переложить всю ответственность за случившееся на патологические капризы бесноватого фюрера; короче говоря, биография — это скрытый оправдательный маневр в ходе всеобъемлющей стратегии, направленной на снятие вины[13].

Это утверждение подкрепляется еще и тем, что по своим индивидуальным параметрам Гитлер действительно лишь с трудом может привлечь к себе наш интерес — его личность на протяжении всех этих лет остается удивительно бледной и невыразительной. И только в контакте с эпохой она обретает свою напряженность и притягательность. Гитлер обладал многим из того, что Вальтер Беньямин назвал «социальным характером»: едва ли не показательное средоточие всех опасений, чувств протеста и надежд своего времени — и все это возведенное в высшую степень, изломанное и снабженное какими-то необычными чертами, но тем не менее никогда не утрачивавшее своей связи с историческим фоном и входившее в него составной частью. Жизнь Гитлера не стоило бы ни описывать, ни интерпретировать, если бы в ней не прояви-

---

[13] Эта оговорка не лишена оснований. Она касается тех работ, которые занимаются отдельными сторонами биографии Гитлера, роли женщин в его окружении, как в целом, так и по отдельности, и придают большое значение, например, злоупотреблению диктатором наркотиками или его головной боли, нежели идеологическим моментам, мировому экономическому кризису или определенным авторитарным традициям немецкого понимания государственности. Сюда же относятся и те идеологически предвзятые толкования, которые представляют Гитлера «выкормышем» некоей «нацистской клики» промышленников, банкиров и крупных землевладельцев, и, строго говоря, лишь перекраивают оспариваемый тезис о том, что историю делают личности, подгоняя его под «этих капиталистов». И в этом случае речь идет о хвалебной литературе, только со знаком минус и скрытым апологетическим мотивом. Сам же Гитлер и тут и там полностью выпадает из исторического контекста и превращается в абстрактное зло; см., например: *Czichon E.* Wer verhalf Hitler zur Macht?; его же, Der Primal der Industrie. In: Das Argument, H. 47; а также другие номера журнала, посвященные проблеме фашизма (33, 41). Полный перечень литературы о левых теориях и их затруднениях в плане анализа явления Гитлера см.: *Hennig E.* Industrie und Faschismus. In: Neue politische Literatur, 1970, H. 4. S. 432 ff.

лись надличностные тенденции и взаимоотношения, если бы его биография не была на всем своем протяжении одновременно и сколком биографии эпохи. И то, что она именно таковым и является, определяет вопреки всем возражениям правомочность такого жизнеописания.

Однако это обстоятельство придает в то же время более явственные черты, нежели обычно, и второму плану картины. Гитлер предстает тут на фоне переплетающегося узора тех объективных факторов, которые его формировали, ему способствовали, влекли его вперед, а порой и останавливали. И важную роль играют здесь и романтическое немецкое восприятие истории, и своеобразная угрюмая «серость» Веймарской республики, и национальная деклассированность, ставшая результатом Версальского мира, и двойная социальная деклассированность широких слоев вследствие инфляции и мирового экономического кризиса, и слабость демократической традиции в Германии, и страх перед угрозой коммунистической революции, и опыт войны, и просчеты утративших уверенность консерваторов, и, наконец, широко распространенные опасения, связанные с переходом от привычного строя к строю новому, еще не совсем понятному. И все это пронизывалось необходимостью давать скрытым, максимально перепутанным причинам недовольства простые формулы выхода и, увязая во всей этой уготованной эпохой трясине, искать убежища у какого-то подавляющего авторитета.

Став точкой средоточия этих многочисленных чаяний, опасений и затаенных обид, Гитлер и оказался исторической фигурой. То, что произошло, нельзя представить без него самого. В его лице конкретный человек в очередной раз продемонстрировал возможность насильственным путем изменять ход исторического процесса. В этой книге будет показано, сколь заразительными и мощными могут оказаться многообразнейшие переплетающиеся настроения времени, когда в каком-то конкретном человеке соединяются гений демагога, дар выдающегося политика-тактика и способность к тому самому «магическому совпадению», о котором говорилось выше: «История иной раз любит сосредотачиваться в каком-то одном человеке, которому затем внимает весь мир»[14]. И тут никак нельзя упустить из виду, что взлет Гитлера стал возможен только благодаря уникальному совпаде-

[14] *Burckhardt J.* Op. cit. S. 166.

нию индивидуальных и всеобщих предпосылок, благодаря той с трудом поддающейся расшифровке связи, в которую вступил этот человек со временем, а время — с этим человеком.

Эта тесная взаимозависимость лишает в то же время почвы любого рода утверждения по поводу каких-то сверхъестественных способностей Гитлера. Не демонические, а типичные, так сказать, «нормальные» черты и облегчили главным образом ему путь. Описание его жизни покажет, насколько сомнительными и идеологизированными представляются все теории, трактующие Гитлера с точки зрения его принципиального противопоставления эпохе и ее людям. Он был не столько великим противоречием своего времени, сколько его отражением — то и дело сталкиваешься тут со следами некоей скрытой тождественности.

Но сознание всей важности объективных предпосылок — и настоящая работа пытается воздать им должное также и формально, в первую очередь в специально включенных в нее «Размышлениях», — подводит и к вопросу о том, в чем же заключалось особое воздействие Гитлера на ход событий. Конечно, абсолютно верно утверждение, что движение «фёлькише»[15], развернувшееся в 20-е годы, нашло бы отклик и приверженцев и без его участия[16]. Но есть основания полагать, что оно было бы всего лишь одной из более или менее заметных политических течений в рамках существующей системы. То же, что придал ему Гитлер, представило собой ту неподражаемую мешанину из фантазий и последовательности, что, как увидит читатель, в высшей степени выражает сущность самого творца нацизма. Радикализм Грегора Штрассера или Йозефа Геббельса был и оставался всего лишь нарушением действовавших правил игры, которые как раз фактом такого нарушения и закрепляли свою легитимность. Радикализм же

---

[15] В начале XX века стало активно развиваться националистическое движение «фёлькише» (от нем. das Volk — народ). «Фёлькише» трактовали народ как культурно-биологическую и мистическую общность «крови и почвы» и пропагандировали превосходство «германского духа» и немецкой культуры над бездушной либеральной цивилизацией остальной Европы. В движение входили различные союзы, а также группы ителлигенции, которые занимались разработкой идеологии немецкого расизма и национализма. Среди этих последних особое место занимали оккультные ордена — «Германский орден», «Орден рыцарей святого Грааля» и «Общество Туле». — *Прим. науч. ред.*

[16] *Nolte E.* Der Faschismus in seiner Epoche. S. 451.

Гитлера, напротив, отменял все существующие условия и вносил в игру новый, неслыханный элемент. Многочисленные трудности бытия и комплексы недовольства того времени порождали бы, вероятно, периодические кризисы, но, не будь этого человека, не привели бы к тем взрывам, свидетелями которых мы стали. Начиная с первого кризиса в партии летом 1921 года и до последних дней апреля 1945 года, когда он исключил Геринга и Гиммлера из НСДАП, позиция Гитлера оставалась незыблемой. Он не терпел над собой никаких авторитетов — даже авторитета идеи. И своим грандиозным произволом он тоже делал историю — способом, который уже в его время представлялся анахроничным и, надо надеяться, никогда больше не будет использован. Это была цепь субъективных решений, неожиданных ударов и поворотов, поразительных по своему коварству поступков, идейных самоотречений, но всегда с упорно преследуемым фантомом на заднем плане. Что-то от его своеобразного характера, от того субъективного элемента, который навязывался им ходу истории, находит свое выражение в формулировке «гитлеровский фашизм», столь распространенной в 30-е годы в марксистской теории; и в этом смысле национал-социализм вполне обоснованно определяется как гитлеризм[17].

Однако остается вопросом, был ли Гитлер последним политиком, который с таким пренебрежением мог игнорировать весь комплекс взаимоотношений и интересов. Не становится ли ныне давление объективных факторов намного сильнее, а исторические возможности преступника крупного масштаба намного слабее? Ведь несомненным является то, что положение в истории зависит от той свободы, которую историческая личность отвоевывает себе у обстоятельств: «Нельзя действовать по принципу, — заявил Гитлер в своем секретном выступлении весной 1939 года, — уходя от решения проблем путем приспособления к обстоятельствам. Нет, следует приспосабливать обстоятельства к требованиям»[18]. С таким девизом, выразившим в очередной раз попытку соразмерить себя с образом великого человека, и прожил этот «фантазер» свою авантюрную, доведенную до последней черты и в конечном счете

---

[17] См., например: *Frank H.* Im Angesicht des Galgens. S. 137, 291; *Heiber H.* Adolf Hitler, S.157.

[18] Из выступления Гитлера 23 мая 1939 года в рейхсканцелярии перед руководителями вермахта, цит. по: *Domarus M.* Hitler. Reden und Proklamationen. S. 1197.

потерпевшую полное фиаско жизнь. Кое-что говорит за то, что с ним, наряду со многим другим, завершился целый этап мировой истории: «Ни в Пекине, ни в Москве, ни в Вашингтоне не сидеть уже больше такому же одержимому безумными мечтами о переделке мира... У единоличного главы нет больше свободы действий для осуществления своего решения. Он умеряет аппетиты... Гитлер, можно надеяться, был последним экзекутором «большой» политики классического типа»[19].

Коль скоро государственные мужи уже не делают историю или делают ее в меньшей степени, нежели весьма долго считалось, то этот человек, надо полагать, сделал больше, чем многие другие. Но одновременно, и в совершенно необычной степени, история сделала его. В эту «безликую личность», как называет его одна из последующих глав, не вошло ничего из того, чего бы еще не было, но то, что в нее вошло, обрело тут небывалую динамику. Биография Гитлера — это история непрерывного и интенсивного процесса взаимообмена.

Таким образом, подведем итог сказанному. Остается вопрос, может ли историческое величие сочетаться с ничтожными или невзрачными пропорциями личности. И тут не лишено смысла вообразить себе судьбу Гитлера в случае, если бы история не предоставила в его распоряжение те обстоятельства, которые вообще пробудили его и сделали рупором захвативших миллионы людей комплексов возмущения и враждебности. Он влачил бы одинокое существование где-то на краю общества, существование ожесточившегося и преисполненного мизантропией человека, мечтающего о великой судьбе и не могущего простить жизни то, что она не посчиталась с ним и отказала ему в роли всепобеждающего героя: «Угнетало только полнейшее отсутствие какого-либо внимания, из-за чего я тогда страдал больше всего», — так вспоминал Гитлер о времени своего вступления в политику[20]. Крах существовавшего порядка и присущие эпохе страх и предчувствие перемен дали ему для начала шанс выйти из тени безвестности. Величие, считает Якоб Буркхардт, это — потребность страшных времен[21].

И это величие, добавим, может идти рука об руку и с индивидуальным убожеством — вот чему учит появление Гит-

---

[19] *Augstein R.* Hitler, und was davon blieb. In: Der Spiegel, 1970. Nr. 19. S. 100 f.

[20] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 388.

[21] *Burckhardt J.* Op. cit. S. 166.

лера, причем учит на основе опыта, превосходящего весь имеющийся ранее. На протяжении целого ряда этапов эта личность представляется как бы растворившейся, исчезнувшей в ирреальном, и вот этот-то фиктивный характер, а не что иное, и был причиной того; что многие политики-консерваторы и историки-марксисты столь странным образом сходились во взгляде на Гитлера как на инструмент для достижения чьих-то целей. Будучи далеким от какого бы то ни было величия и не являясь крупной политической, а уж тем более исторической фигурой, он казался идеальным олицетворением типа «агент». Но глубоко заблуждались и те и другие — ведь одним из рецептов тактических успехов Гитлера как раз и было то, что он этим заблуждением, в которое проявлялась и проявляется классовая враждебность по отношению к мелкому буржуа, и делал политику. Его биография — это в то же время и история постоянной утраты иллюзий всеми сторонами; и уж конечно же в случае с Гитлером бьет мимо цели та полная иронии недооценка, которая для очень многих все еще диктуется его внешним видом и исчезает лишь тогда, когда речь заходит о его жертвах.

Все это будет проиллюстрировано в книге ходом его жизни, ходом самих событий. К скепсису же побуждает тут и вот какой мысленный эксперимент. Если бы в конце 1938 года Гитлер оказался жертвой покушения, то лишь немногие усомнились бы в том, что его следует назвать одним из величайших государственных деятелей Германии, может быть даже — величайшим. Его агрессивные речи и его «Майн Кампф», его антисемитизм и его планы мирового господства канули бы, вероятно, в Лету как его юношеские фантазии и лишь от случая к случаю вспоминались бы, к негодованию нации, его критиками. Шесть с половиной лет отделяли Гитлера от этой славы. Разумеется, способствовать ему в этом мог бы только насильственный конец, ибо по самой своей сути он был настроен на разрушение и не исключал тут и собственную личность. Так или иначе, но та слава была столь близка к нему. Так можно ли называть его «великим»?

КНИГА ПЕРВАЯ

ЖИЗНЬ БЕЗ ЦЕЛИ

Глава I

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И НАЧАЛО ПУТИ

Потребность в самовозвеличивании, вообще в самоумилении, присуща всем непризнанным личностям.

Якоб Буркхардт

Маскировать свою личность, равно как и прославлять ее, было одной из главных целей его жизни. Едва ли есть в истории другое явление, которое бы столь же насильственно и столь же последовательно, прямо-таки педантично, подвергалось стилизации и скрывало свою личностную суть. То же, что отвечало его собственному представлению о себе, походило скорее на монумент, нежели на человеческий портрет. На протяжении всей своей жизни он старался прятаться за этим монументом. Позу он обрел, когда уверовал в свое призвание, и уже в тридцать пять лет создал вокруг себя концентрированный, застывший вакуум одиночества великого вождя. А полутьма, в которой возникают легенды, и аура особой избранности лежат в предыстории его жизни. Но тут же — и источники всех страхов, загадок и удивительной характерности этой жизни.

Будучи фюрером рвущейся к власти НСДАП, он считал оскорбительным интерес к обстоятельствам его личной жизни и, став рейхсканцлером, запретил любые публикации на эту тему[1]. В свидетельствах тех, кто когда-либо соприкасал-

[1] См.: *Dietrich O.* Zwölf Jahre mit Hitler. S. 149; *Heiden K.* Geschichte des Nationalsozialismus. S. 75.

ся с ним — от друга юности до участников ночных застольных бесед в узком кругу, — единодушно подчеркивается его стремление сохранять дистанцию и не раскрывать себя: «В течение всей его жизни в нем было нечто такое, что удерживало дистанцию»[2]. Несколько лет в молодости он провел в мужском общежитии, однако среди тех многих людей, которые его там встречали, не было, пожалуй, ни одного, кто бы мог о нем вспомнить, — чужим и незаметным проскользнул он мимо них, и все последующие разыскания не дали почти ничего. В начале своей политической карьеры он ревниво следил за тем, чтобы не печатали его фотографий, и иной раз в этом усматривался хорошо рассчитанный ход уверенного в своей силе пропагандиста — мол, будучи человеком, чье лицо незнакомо, он тем самым становится и предметом самого жгучего интереса.

Однако не только «старым рецептом пророка», не только намерением внести в свою жизнь элемент харизматической мистики диктовались его старания затушевать себя — в значительно большей мере тут проявлялись и опасения скрытной, зашоренной, подавленной собственной неполноценностью натуры. Он все время был озабочен тем, чтобы заметать следы, не допускать опознаний, продолжать затуманивать и без того темную историю своего происхождения и своей семьи. Когда в 1942 году ему доложили, что в деревне Шпиталь обнаружена имеющая отношение к его семье могильная плита, с ним случился один из его припадков безудержного гнева. Своих предков он превратил в «бедных безземельных крестьян», а отца, отставного таможенного чиновника, — «почтового служащего»; родственников, пытавшихся вступить с ним в контакт, он безжалостно гнал прочь, а свою родную младшую сестру Паулу[3], ведшую одно время хозяйство у него в Оберзальцберге, заставил взять другую фамилию[4]. Характерно, что он не вел почти никакой личной переписки. Взбалмошному основателю расистской философии Йоргу Ланцу

---

[2] *Ribbentrop J. v.* Zwischen London und Moskau. S. 45.

[3] Хозяйством Гитлера в Оберзальцберге некоторое время управляла не младшая сестра Паула, а его старшая сводная сестра Ангела Раубал. Паула замужем не была и фамилию не меняла, лишь после войны — в 1945—1952 годах — она вынужденно носила фамилию Вольф. — *Прим. науч. ред.*

[4] См.: Der Spiegel, 1967. Nr. 31. S. 46. О приступе ярости из-за могильной плиты см.: *Speer A.* Erinnerungen. S. 111 f.

фон Либенфельсу[5], которому он был обязан кое-какими смутными ранними импульсами, после присоединения Австрии было запрещено писать ему; Рейнгольда Ханиша, своего прежнего приятеля по мужскому общежитию, он приказал убрать, и точно так же, как он не желал быть ничьим учеником, ибо уверял, что получил все познания благодаря собственному вдохновению, озарению и общению с духом, так не хотел он быть и чьим-то сыном — схематичный образ родителей появляется в автобиографических главах его книги «Майн Кампф» лишь постольку, поскольку это поддерживает легенду его жизни.

Его стараниям по утаиванию истины способствовало то обстоятельство, что пришел он с той стороны австро-германской границы. Как многие революционеры и завоеватели, от Александра Македонского до Наполеона и Сталина, он был чужим среди своих. И конечно же та взаимосвязь, которая существует между этим чувством аутсайдера и готовностью использовать народ — вплоть до его гибели — в качестве материала для своих диких и скоропалительных прожектов, касается и его тоже. Когда в переломный момент войны ему сообщили об огромных потерях среди юношей, только что произведенных в офицеры, в одной из кровавых битв на выживание, он коротко заметил: «На то они и молодые!»[6]

Однако мало того, что он был чужим. Его чувство порядка, нормы и буржуазности постоянно вступало в противоборство с его весьма запутанной генеалогией, и, судя по всему, его так никогда и не покинуло сознание дистанции между происхождением и амбициями, а также страх перед собственным прошлым. Когда в 1930 году появились слухи о намерениях заняться поиском сведений о его семье, Гитлер был чрезвычайно обеспокоен. «Людям не надо знать, кто я. Людям не надо знать, откуда я и из какой семьи»[7].

И по отцовской, и по материнской линии родиной его семьи была бедная провинция австро-венгерской монархии — лесной массив между Дунаем и границей с Богемией. Ее жители были сплошь крестьянами, на протяжении поколений не-

---

[5] Адольф Йозеф Ланц (он же Йорг Ланц) (19.7.1874—22.4.1954) считал себя отцом национал-социализма. Чтобы повысить свой авторитет, стал именовать себя Ланцем фон Либенфельсом. В 1899 году основал Орден Верфенштейн, целью которого было содействовать чистоте расовых основ арийской нации, а затем стал издавать расистский журнал «Остара». — *Прим. науч. ред.*

[6] См.: *Zoller A.* Hitler privat. S. 196.

[7] См.: Der Spiegel, 1967. Nr. 31. S. 40.

однократно вступавшими в брак между собой и пользовавшимися славой людей, живущих скученно и отстало. Проживали они в деревнях, чьи названия нередко всплывают уже в Средневековье: Деллерсхайм, Штронес, Вайтра, Шпиталь, Вальтершлаг. Все это небольшие, разрозненные селения в скудной лесистой местности. Фамилия Гитлер, Гидлер или Гюттлер[8], надо полагать, чешского происхождения (Гидлар, Гидларчек) и прослеживается — в одном из вариантов — в этом лесном массиве до 30-х годов XV века[9]. Но на протяжении всех поколений фамилия эта принадлежит мелким крестьянам, ни один из которых не вырывается из заданных социальных рамок.

7 июня 1837 года в доме № 13 в Штронесе, принадлежавшем небогатому крестьянину Иоганну Трумельшлагеру, незамужняя служанка Мария Анна Шикльгрубер произвела на свет ребенка, который в тот же день был окрещен под именем Алоис. В книге записи рождений общины Деллерсхайм строчка, сообщающая о личности отца ребенка, осталась незаполненной. Ничего не изменилось и тогда, когда пять лет спустя мать вышла замуж за безработного — «безместного» — подручного мельника Иоганна Георга Гидлера. Более того, она в том же году отдала своего сына брату мужа — крестьянину Иоганну Непомуку Гюттлеру из Шпиталя, — вероятно, по той причине, что боялась не справиться с воспитанием ребенка. Так или иначе, Гидлеры, если верить преданию, потом настолько обеднели, что у них «в конце концов не было даже кровати, и спали они в корыте, из которого кормили скот»[10].

Оба брата — подручный мельника Иоганн Георг Гидлер и крестьянин Иоганн Непомук Гюттлер — это двое из предполагаемых отцов Алоиса Шикльгрубера. Третьим же называют — и это скорее всего авантюрная, хотя и пришедшая из ближайшего окружения Гитлера история — еврея из Граца по фамилии Франкенбергер, в чьем доме, как говорят, и служила Анна Мария Шикльгрубер, когда забеременела. Во всяком случае, Ганс Франк, много лет бывший адвокатом Гитлера и ставший впоследствии генерал-губернатором Польши, давая показания в Нюрнберге, сообщил, что в 1930 году Гитлер получил от сына своего сводного брата Алоиса написанное, возможно, с целью шантажа письмо, в котором его автор в туманных выражениях намекал на «весьма определенные обстоятельства» в семейной

---

[8] По-немецки: Hitler, Hiedler, Höttler. — *Прим. науч. ред.*

[9] *Jetzinger F.* Hitlers Jugend. S. 11.

[10] Ibid. S. 19 f.

истории Гитлеров. Франк получил задание конфиденциально расследовать это дело и обнаружил кое-какие отправные точки для предположения, что дедом Гитлера был именно Франкенбергер. Правда, отсутствие документальных доказательств делает это утверждение весьма и весьма сомнительным, хотя у Франка в Нюрнберге вроде бы не было никакого повода приписывать Гитлеру предка-еврея. Последние расследования еще больше подорвали достоверность его заявления, так что это утверждение едва ли следует анализировать всерьез. Но его истинная суть и значение не столько в его объективной достоверности, сколько — и с психологической точки зрения, и по существу — в том, что Гитлер был вынужден в результате расследований Франка усомниться в своем происхождении. Новая следственная акция, предпринятая в августе 1942 года по инициативе Генриха Гиммлера, ощутимым успехом не увенчалась. Не является достаточно убедительной по сравнению со всеми другими предположениями насчет того, кто же был дедом Гитлера, и свидетельствующая об определенном комбинационном тщеславии версия, называющая «с граничащей с абсолютной уверенностью вероятностью» отцом Алоиса Шикльгрубера Иоганна Непомука Гюттлера[11]. В конечном итоге как одно, так и другое утвержде-

[11] *Maser W.* Adolf Hitler. Legende, Mythos, Wirklichkeit. S. 34, а также: Der Spiegel, 1967. Nr. 31. S. 40 ff., где также приводятся выводы Мазера. По поводу обстоятельств, рассказанных Гансом Франком, см.: *Frank H.* Im Angesicht des Galgens. S. 320 f., а также: *Maser W.* Hitler. S. 26 f. Мазер конечно же не может доказать свой тезис, но он излагает свои аргументы так, будто они уже нашли подтверждение. Даже тот факт, что Гюттлер не усыновлял Алоиса до смерти жены, которая скончалась в 1873 году, он расценивает как веский аргумент в свою пользу, в то время как отсюда скорее напрашивается вывод о том, что дело обстоит отнюдь не так, как он полагает. Ибо вести себя столь тактично Гюттлер должен был бы только в том случае, если бы он сам признал себя отцом Алоиса и усыновил его. Столь же сомнительны и все остальные аргументы. Кроме того, Мазер вообще не может привести ни одного объяснения поведению Гюттлера, которое бы стопроцентно подтверждало его точку зрения и исключало любую другую. Гипотеза о том, что требование Гюттлера изменить фамилию было условием признания Алоиса Шикльгрубера наследником, существует давно, см., например: *Kubizek A.* Adolf Hitler, mein Jugendfreund. S. 59. Впрочем, в связи с этим нельзя не заметить, что вопрос о том, кто был дедом Гитлера, имеет на самом деле второстепенное значение; разве что версия Ганса Франка могла бы придать этому вопросу новую психологическую окраску, в остальном же он не представляет никакого существенного интереса.

ние уходит во тьму запутанной и отмеченной нуждой, бескультурностью и ханжеством сельской жизни. Да и сам Адольф Гитлер не знал, кто был его дедом.

Двадцать девять лет спустя, после того как Анна Мария Шикльгрубер умерла «от изнурения, вызванного мятной настойкой» в Клейн-Моттене близ Штронеса, и через девятнадцать лет после смерти ее мужа его брат Иоганн Непомук с тремя знакомыми явился в дом пастора Цанширма в Деллерсхайме и заявил о желании официально усыновить своего «приемного сына», которому было уже около сорока лет[12], — таможенного чиновника Алоиса Шикльгрубера, хотя, как сказал заявитель, отцом ребенка был не он сам, а его покойный брат Иоганн Георг, сознавшийся в этом, что и могут подтвердить сопровождающие заявителя люди.

На деле же пастора либо обманули, либо уговорили. И он заменил в старой книге актов гражданского состояния пометку в записи от 7 июня 1837 года «вне брака» на «в браке», заполнил рубрику об отцовстве так, как от него хотели, и на полях сделал такую далекую от правды пометку: «Записанный отцом Георг Гитлер, хорошо известный нижеподписавшимся свидетелям, будучи названным матерью ребенка Анной Шикльгрубер, признал себя отцом ребенка Алоиса и ходатайствовал о внесении его имени в сию метрическую книгу, что и подтверждается нижеподписавшимися. +++ Йозеф Ромедер, свидетель; +++ Иоганн Брейтенедер, свидетель; +++ Энгельберт Паук». Поскольку все три свидетеля не умели писать, они поставили вместо подписей по три креста, а их имена пастор вписал сам. Однако он позабыл указать дату, отсутствуют тут и его подпись, равно как и подписи родителей (к тому времени уже давно умерших). И все же, хоть и вопреки законным нормам, усыновление произошло, и с января 1877 года Алоис Шикльгрубер стал Алоисом Гитлером[13].

Толчок к этой деревенской интриге несомненно был дан Иоганном Непомуком Гюттлером — ведь он воспитал Алоиса и, понятным образом, гордился им. Как бы заново родившийся Алоис женился и добился большего, нежели кто-либо из Гюттлеров или Гидлеров до того, так что вполне понятно,

---

[12] Признание отцовства было зафиксировано в книге записей 6 июня 1876 года. — *Прим. науч. ред.*

[13] Позднее исследователи установили, что Алоис изменил свою фамилию на Гитлер не в январе 1877 года, а 23 ноября 1876 года. — *Прим. науч. ред.*

что Иоганн Непомук испытывал потребность обрести собственное имя в имени своего приемного сына. Но и Алоис тоже был заинтересован в перемене фамилии — как бы то ни было, но, будучи энергичным и осознавшим свое положение человеком, он сделал за это время заметную карьеру, так что понятна и его потребность в приобретении «честной» фамилии — это давало гарантию и твердую почву его карьере. Ему было только тринадцать лет, когда он отправился в Вену, чтобы учиться сапожному ремеслу, но затем он решительно отказался от будущего сапожника и поступил на службу в австрийское таможенное управление. Продвижение его по службе шло довольно быстро, и в конечном итоге он дослужился до поста старшего таможенного чиновника, — учитывая его образование, это вообще было для него потолком... Он любил показываться в обществе, любил, чтобы его считали начальником, и придавал немалое значение тому, чтобы, обращаясь к нему, его величали «господином старшим чиновником». Один из его сослуживцев, вспоминая, называл его «строгим, точным, даже педантичным», а сам же он как-то заявил одному из родственников, попросившему у него совета при выборе профессии для своего сына, что таможенная служба требует абсолютного послушания и чувства долга и тут нечего делать «пьяницам, любителям брать взаймы, картежникам и иным людям, ведущим аморальный образ жизни»[14]. Его фотографии, а снимался он чаще всего по случаю очередного продвижения по службе, неизменно показывают статного мужчину с профессионально недоверчивым выражением лица, за которым скрывается суровая буржуазная добропорядочность и всегдашнее мещанское желание как можно лучше подать себя — не без достоинства и самодовольства, он демонстрирует себя постороннему наблюдателю в мундире с блестящими пуговицами.

Однако за этой внешней порядочностью и строгостью скрывался, несомненно, весьма переменчивый темперамент, находивший свое выражение в явной склонности к принятию импульсивных решений. Уже одна только страсть к перемене места жительства говорит о его беспокойном характере, не получавшем простора в рамках размеренной таможенной служ-

[14] См. письмо Алоиса Гитлера Алоису Фейту от 9 октября 1876 года, HA, File 17A, R 1, и там же заявление старшего таможенного секретаря Хебенштрейта от 21 июня 1940 года.

бы, — известны по меньшей мере одиннадцать переездов в течение менее чем двадцати пяти лет, правда, некоторые из этих переездов были связаны с перемещениями по службе. Алоис Гитлер был трижды женат, причем его первая жена еще была жива, когда он уже ожидал ребенка от будущей второй жены, а при жизни второй — ребенка от третьей. Его первая жена Анна Гласль[15] была на четырнадцать лет старше его, а третья — Клара Пёльцль — на двадцать три года моложе. Сначала она служила у него в доме, была родом — как и все Гидлеры и Гюттлеры — из Шпиталя и до перемены фамилии считалась — по меньшей мере, официально — его племянницей, так что для заключения брака потребовалось особое разрешение со стороны церкви[16]. На вопрос о том, находилась ли она с ним в кровном родстве, так же невозможно ответить, как и на вопрос, кто был отцом Алоиса Гитлера. Свои обязанности по дому Клара исполняла незаметно и добросовестно, она регулярно, повинуясь пожеланию супруга, посещала церковь и даже уже после вступления в брак так и не смогла полностью преодолеть прежнего статуса служанки и содержанки, каковой она и пришла в этот дом. И годы спустя она с трудом видела себя супругой «господина старшего чиновника» и, обращаясь к мужу, называла его «дядя Алоис»[17]. На сохранившихся фотографиях у нее лицо скромной деревенской девушки — серьезное, застывшее и с признаками подавленности.

Адольф Гитлер родился 20 апреля 1889 года в пригороде Браунау на Инне, в доме 219. Он был четвертым ребенком Клары и Алоиса. Трое до него (1885, 1886 и 1887 годов рождения) умерли в младенческом возрасте, а из двух родившихся после него в живых осталась только его сестра Паула[18]. Кроме того, в семье были и дети от предыдущего, второго, брака Алоиса — Алоис и Ангела. На развитие Гитлера этот маленький приграра-

---

[15] В 1864 году Алоис вступил в свой первый брак с дочерью зажиточных родителей Анной Гласль-Хёрер (1823—1883). — *Прим. науч. ред.*

[16] Прошение на имя епископального ординатора в Линце будущие супруги направили 27 октября 1884 года. В прошении указывалось наличие между ними «дальнего родства третьей степени». — *Прим. науч. ред.*

[17] По свидетельству Розалии Херль, HA. Op. cit.

[18] Дети Клары и Алоиса Гитлеров: Густав (1885—1887), Ида (1886—1888), Отто (родился и умер в 1887), Адольф, Эдмунд (1894—1900), Паула (1896—1960). — *Прим. науч. ред.*

ничный городок не оказал совершенно никакого влияния. Уже в следующем году отца перевели в Гросс-Шёнау в Нижней Австрии. Когда Адольфу было три года, семья переехала в Пассау, а когда ему исполнилось пять, отец был переведен в Линц. Там, вблизи местечка Ламбах, где в старом прославленном бенедиктинском монастыре шестилетний Адольф пел в хоре, прислуживал во время мессы и, по его собственному признанию, «так часто очаровывался величавой роскошью необычайно торжественных церковных праздников»[19], отец приобрел в 1895 году небольшое имение (около четырех гектар), но вскоре был вынужден его продать[20]. Выйдя досрочно на пенсию, он купил дом в Леондинге, местечке у самого Линца, где и прожил до конца своей жизни.

В противоположность этой картине, где, вопреки всем элементам нервозности, преобладают последовательность и размеренность, буржуазная солидность и чувство уверенности, легенда, созданная самим Гитлером, повествует о бедности, нужде и скудности в родительском доме и о том, как победоносная воля отмеченного печатью избранности юноши сумела преодолеть все это, равно как и деспотические амбиции бесчувственного отца-изгоя. Чтобы привнести в эту картину еще больше эффектной черной краски, сын впоследствии даже сделал отца пьяницей, которого ему приходилось, ругая и умоляя, со сценами «ужасающего стыда», уводить домой из «вонючих, прокуренных пивных». Как и подобает рано проявившемуся гению, он не только был удачливым заводилой среди сверстников в их похождениях на деревенском лугу и у старой крепостной башни, но и своими хорошо продуманными планами игр в приключения рыцарей и смелыми проектами экскурсий по окрестностям показал себя прирожденным руководителем-фюрером. Инспирированный этими невинными играми интерес к войне и солдатскому ремеслу наложил на его формирующийся характер первый отпечаток, говорящий о его будущей ориентации, — ему, писал, вспоминая, автор «Майн Кампф», «еще не было и одиннадцати», когда он открыл, что «особое значение тут имеют два бросающихся в глаза факта»: он стал националистом и «научился понимать и воспринимать

---

[19] *Hitler A.* Mein Kampf. S.4.

[20] Дом с земельным участком (38 000 квадратных метров) Алоис Гитлер приобрел в деревне Хафельд, близ Ламбаха. Продажа же этого дома не была вынужденной: его Алоис продал с выгодой для себя, а на часть вырученных денег приобрел дом в Леодинге. — *Прим. науч. ред.*

смысл истории»[21]. Эффектным и трогательным продолжением этого сюжета явились кончина отца, лишения, болезнь и смерть любимой матери, а также уход из родного дома сироты, «которому пришлось в свои семнадцать лет отправиться в чужие края и зарабатывать себе на хлеб».

На самом же деле Гитлер был бойким, живым и несомненно способным учеником, на чьи задатки, однако, уже с раннего возраста отрицательно влияла его очевидная неспособность к упорядоченному труду. А явная тяга к тому, чтобы жить так, как ему удобно, подкреплявшаяся и поддерживавшаяся темпераментом упрямца, заставляла его чаще всего следовать своему собственному настроению и потребности в красоте, чему он и отдавался со всем пылом. И хотя табели его успеваемости из разных народных школ, в которых он учился, постоянно свидетельствуют о том, что он был неплохим учеником, а на классной фотографии 1899 года он позирует в самом верхнем ряду с выражением своего очевидного превосходства. Но вот когда родители отдали его после народной школы в реальное училище в Линце, он, как это ни удивительно, потерпел тут полный провал. Его дважды оставляют на второй год, а еще раз переводят в следующий класс только после переэкзаменовки. В табеле его прилежание чуть ли не регулярно оценивается «двойкой» («невыдержанное»), и только по поведению, рисованию и гимнастике он получал удовлетворительные или хорошие оценки, а по всем остальным предметам его отметки были либо неудовлетворительными, либо с трудом дотягивали до «тройки». Табель за сентябрь 1905 года демонстрирует «неуды» по немецкому, математике и стенографии; даже по географии и истории, его «любимым предметам», как он сам потом говорил, где он «шел впереди всего класса»[22], отметки тоже были весьма низкими, а его успехи в целом были столь неудовлетворительными, что ему пришлось уйти из училища.

Этот явный провал объясняется целым комплексом причин и мотивов. Кое-что свидетельствует о том, что не в последнюю очередь сыграло здесь свою роль то обстоятельство, что, будучи сыном чиновника, он в сельском Леондинге был

---

[21] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 6, 8; о якобы имевших место эпизодах с отцом-пьяницей см.: *Frank H.* Op. cit. S. 331.

[22] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 8; подробнее об оценках в табеле успеваемости см.: *Jetzinger F.* Op. cit. S. 100 ff.

заводилой в играх своих сверстников, и это конечно же льстило его самолюбию, в то время как попав в Линц, в городскую среду детей учителей, коммерсантов и чиновников, он остался деревенщиной и аутсайдером. И хотя Линц на рубеже веков, несмотря на свои 50 000 жителей, оперный театр и трамвай, символизировавшие собой статус современного города, не утратил еще окончательно черт сельской глуши, этот город несомненно уже дал Гитлеру представление о социальной субординации. Во всяком случае, в реальном училище у него не было «ни друзей, ни приятелей», и в принадлежавшем злой хозяйке фрау Зекира пансионе, где он жил вместе с пятью своими ровесниками, он тоже оставался чужим, замкнутым и сторонившимся остальных: «Ни один из пяти остальных обитателей пансиона, — вспоминал один из его бывших однокашников, — с ним так и не подружился. В то время как все мы, воспитанники учебного заведения, говорили друг другу «ты», он обращался к нам на «вы», и мы тоже говорили ему «вы» и даже не видели в этом ничего странного»[23]. Характерным представляется тут то, что именно в это время впервые можно было услышать из уст самого Гитлера высказывание о его происхождении из хорошего дома, что и наложило в дальнейшем столь заметный отпечаток на его стиль и поведение, ибо это привило ему, стильному подростку в Линце и пролетарию в Вене, «классовое сознание» и стремление держаться любой ценой.

Впоследствии Гитлер представлял свое фиаско в реальном училище как реакцию протеста на попытку отца навязать ему карьеру чиновника, которую сам отец проделал и завершил столь успешно. Но и описание этого якобы продолжительного противоборства, которое Гитлер представит потом как ожесточенную борьбу двух мужчин с несгибаемой волей, является, как это выяснено, во многом его чистой воды выдумкой. А с какой наглядностью он много лет спустя описывал сцену в Главном таможенном управлении Линца, когда отец пытался уговорить его избрать ту же профессию, в то время как сын, «преисполненный отвращения и ненависти», видел тут одну только «государственную клетку», в которой «старые господа сидели друг на друге так плотно, как обезьяны»[24].

---

[23] См.: *Görlitz W., Quint H. A.* Adolf Hitler. Eine Biographie. S. 34 f., а также: *Kubizek A.* Op. cit. S. 68.

[24] *Picker H.* Hitlers Tischgespräche (далее — Tischgespräche). S. 324.

В действительности же следует скорее исходить из того, что отец едва ли прореагировал столь резко и раздраженно относительно будущего выбора профессии сыном, как это постарался сочинить Гитлер, дабы объяснить свой крах в учебе и придать уже своим юным годам черты железной решимости. Конечно, отец хотел бы видеть сына чиновником на самых высоких должностях и при званиях, которые ему самому были заказаны из-за его низкого образования. Но вполне правдоподобна тем не менее описанная Гитлером атмосфера продолжительной напряженности, причиной которой было частью несходство темпераментов, а частью и решение отца осуществить давно лелеемую (и странным образом проявившуюся потом и у сына) мечту и уже в 1895 году, в пятьдесят восемь лет, уйти на пенсию, чтобы, освободившись наконец от груза служебных обязанностей, отдаться безделью и удовлетворению собственных наклонностей. Для сына такая перемена означала самое непосредственное ограничение свободы в доме — вдруг он повсюду стал натыкаться на крупную фигуру отца, постоянно требовавшего уважения и дисциплины и воплощавшего свою гордость за достигнутое в претензии на безоговорочное послушание, так что именно в этом, а не в конкретных разногласиях по поводу выбора профессии и скрывались, по всей вероятности, причины конфликта.

Впрочем, отец застал только начальный период учебы сына в реальном училище. В начале 1903 года[25] на постоялом дворе «Визингер» в Леондинге он едва отхлебнул из бокала первый глоток вина, как повалился в сторону и, отнесенный в соседнее помещение, скончался еще до того, как успели прийти врач и священник. Выходившая в Линце либеральная газета «Тагеспост» поместила о нем многословный некролог, где говорилось о прогрессивных взглядах покойного, его грубоватом юморе, а также о его ярко выраженной гражданственности; газета называла его «другом пения» и авторитетом в области пчеловодства, равно как и воздавала должное его скромности и бережливости. Когда же сын из-за нежелания учиться и перепадов настроения бросил училище, Алоис Гитлер уже два с половиной года как лежал в могиле, а мнимая угроза карьерой чиновника уж никак не могла исходить от постоянно болевшей матери. Она, правда, кажется, какое-то время сопротивлялась упорным попыткам сына насчет того,

[25] Это произошло 25 января 1903 года. — *Прим. науч. ред.*

чтобы бросить учебу, но скоро у нее уже не осталось сил на борьбу с его эгоистическим и не терпевшим возражений характером: потеряв столько детей, она обратила всю свою заботу на двоих оставшихся, забота же эта обычно проявлялась в материнской слабости и податливости, и сын вскоре научился хорошо этим пользоваться. Когда в сентябре 1904 года его перевели в следующий класс только при условии, что он уйдет из училища, мать предприняла последнюю попытку и отправила его в реальное училище в Штейре. Но и там его успехи были весьма неудовлетворительными; первый его табель пестрел столькими «неудами», что Гитлер, как он сам рассказывал, напился и использовал этот документ в качестве туалетной бумаги, так что потом ему пришлось писать заявление о выдаче дубликата. Когда же и табель 1905 года оказался не лучше предыдущего, мать окончательно сложила оружие и разрешила сыну бросить училище. Правда, как он не без иезуитства признается в «Майн Кампф», тут ему «неожиданно на помощь пришла болезнь»[26], которая, впрочем, документально нигде не засвидетельствована; куда более важной представляется иная причина — его опять оставили на второй год.

Это была одна из тех катастрофических побед, которые Гитлер одержит еще не раз и не два: своими табелями об успеваемости, кишмя кишащими «неудами», он доказал своему могущественному отцу, уже лежащему в могиле, что путь в чиновничье сословие с его рангами и должностями, где отец желал бы его видеть, ему заказан навсегда. Одновременно он «со стихийной ненавистью»[27] бросил учебу, — она так и осталась в его жизни темой, пробуждавшей у него колоссальное ожесточение, — и все его непрестанные попытки унять бес-

---

[26] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 16. В подтверждение Гитлер ссылается на «тяжелую болезнь легких», однако это утверждение, по крайней мере в данном виде, явно несостоятельно. См.: *Jetzinger F.* Op. cit. S. 148, а также: *Heiden K.* Hitler. Bd. I. S. 28. Об истории с выпивкой пишет и А. Цоллер, см.: *Zoller A.* Op. cit. S. 49, где Гитлер объясняет этим свое отвращение к алкоголю.

Насчет истории с выброшенным табелем см. запротоколированное свидетельство Н. Хайма от 8—9 января 1942 года. Цит. по: *Maser W.* Hitler, S. 68 ff.

[27] *Kubizek A.* Op. cit. S. 72; ibid. S. 55, здесь же говорится о том, что отец и после своей смерти долго еще оставался для него силой, которой он побаивался.

покойство, порожденное этим фиаско, ссылками на призвание художника, так и не вытеснили до конца его жизни свойственного неудачнику чувства зависти и вражды. И вот, улизнув от требований нормального учебного процесса, он решил «целиком посвятить себя искусству». Он хочет стать художником. Этот выбор определяется, с одной стороны, производившим впечатление талантом к копированию, который у него был, а с другой — весьма смелыми представлениями, которые сын провинциального чиновника вкладывал в понятие о свободной, ничем не скованной жизни художника. Очень рано у него проявилась склонность к эксцентричному стилю жизни; один из жильцов пансиона, который держала его мать, рассказывал впоследствии, что порой Гитлер начинал вдруг рисовать во время обеда, нанося как одержимый, на бумагу наброски зданий, арок и колонн. Конечно, в этом сказывалась вполне законная потребность вырваться с помощью искусства из тисков и рамок узкого буржуазного мирка, к которому он принадлежал от рождения, уйти в идеальные сферы, и тот, собственно говоря, маниакальный пыл, с которым он, забывая и презирая все остальное, отдается теперь своим упражнениям в живописи, музыке и мечтам, бросает некий обманчивый свет на эту его страсть. Ведь с каким-нибудь определенным трудом, «профессией ради хлеба насущного», как он презрительно говорил, Гитлер связывать себя никак не желает[28].

Дело в том, что возвышения через занятия искусством он явно ищет и в социальном плане. Как за всеми наклонностями и выборами в годы его формирования явственно прослеживается огромная потребность быть или стать чем-то «более высоким», так и в его эксцентрической страсти к занятию искусством во многом проявляется представление о том, будто оно является привилегией «более избранного общества». После смерти отца мать продает их дом в Леондинге и перебирается в Линц[29]. Гитлеру уже шестнадцать лет, у него нет

---

[28] *Kubizek A.* Op. cit. S. 25; см., кроме того, докладную записку Вильгельма Хагмюллера руководству гау Верхний Дунай в 1942 году: *Görlitz W., Quint H.A.* Op. cit. S. 38.

[29] Надо отметить, что за дом Клара Гитлер получила 10 000 крон, хотя ее покойный муж приобрел его за семь лет до этого за 7770 крон — в то время квалифицированный рабочий получал менее 100 крон в месяц. В Линце же она сняла хорошую квартиру на Гумбольдштрассе, 31. — *Прим. науч. ред.*

никакого иного дела, как слоняться по дому; благодаря тому, что мать получает за потерю кормильца приличную пенсию[30], он может не забивать себе голову планами на будущее, а предаваться видимости привилегированного ничегонеделания, которое ему так нравится. Ежедневно он совершает променад по принятым для прогулок местам города, регулярно бывает на представлениях местного театра, вступает в музыкальный кружок и становится читателем библиотеки Общества народного просвещения. Растущий интерес к сексуальным вопросам влечет его, как он потом рассказывал, в отделение для взрослых Кабинета восковых фигур, и примерно в то же время в маленьком кинотеатре близ Южного вокзала он смотрит первый раз в жизни фильм[31]. Согласно описаниям, которыми мы располагаем, Гитлер был долговязым, бледным, робким и всегда тщательно одетым юношей, обычно он ходил, помахивая тросточкой с набалдашником из слоновой кости, и по внешнему виду и поведению казался студентом. Социальное честолюбие подстегивало и его отца, однако тот добился лишь того, что в глазах сына выглядело не бог весть какой карьерой; снисходительные слова, которые были посвящены им впоследствии жизненному пути «старого господина»[32], показывают, что самому себе он поставил цель куда более высокую — в мире мечтаний, созданном им наряду с реальностью и над нею, взращивались ожидания и самосознание гения.

Теперь, впервые провалившись на поставленном ему жизнью экзамене, он все чаще и глубже уходит в мир своих фантазий; здесь находит он убежище от того бессилия, которое с ранних лет испытывал перед отцом и учителями, здесь празднует он свои одинокие победы над миром, населенным чужими ему людьми, и отсюда посылает он свои первые проклятия и приговоры этому настроенному против него окружающему миру. Все, кто позднее будет вспоминать о нем, не преминут отметить его серьезность, замкнутость и «испуганность». Поскольку у него не было конкретного занятия, то его занимало все, весь мир, который, как он считал, следует из-

---

[30] Клара Гитлер получала ежемесячно вдовью пенсию в 100 крон, а также еще по 20 крон на каждого из младших детей — Адольфа и Паулу. Всего — 140 крон в месяц. — *Прим. науч. ред.*

[31] Hitler's Table Talk. S. 191, 195.

[32] «Старым господином» в начале 1930-х годов называли рейхспрезидента Пауля фон Гинденбурга. — *Прим. науч. ред.*

менить основательно и во всех его деталях»[33]. До поздней ночи сидит он над своими беспомощными архитектурными проектами перестройки Линца, лихорадочно чертя планы театральных зданий, роскошных вилл, музеев и того моста через Дунай, который тридцать пять лет спустя он со злорадным удовлетворением заставит построить именно по планам, нарисованным им еще подростком.

Он по-прежнему не способен к какому-либо систематическому труду и постоянно нуждается во все новых и новых занятиях, раздражителях, целях. Уступив его настояниям, мать покупает ему рояль, и какое-то время он берет уроки музыки. Но проходит всего четыре месяца, ему это надоедает, и занятия прекращаются. Единственным, кто более или менее долго оставался другом его юности, был сын линцского декоратора Август Кубицек, с которым Гитлера связывали мечты о музыкальной карьере. На день рождения Гитлер «дарит» ему дом в стиле итальянского Ренессанса из мира своих мечтаний: «Он не видел разницы, гововоря о чем-то готовом или о том, что еще только планировал»[34]. Куплен лотерейный билет — и вот он уже на какое-то время переселяется в ирреальный мир и проживает там на третьем этаже барского дома (Линц-Урфар, Кирхенгассе, 2) с видом на другой берег Дуная. До тиража остаются еще недели, а он уже подбирает обстановку, ищет мебель и обивку, рисует образцы и разворачивает перед другом планы своей жизни в гордом одиночестве и щедрой любви к искусству, такой жизни, которая должна будет опекаться «немолодой, уже немного поседевшей, но необыкновенно благородной дамой», и он уже видит, как она «на празднично освещенной лестнице» встречает гостей, «принадлежащих к одухотворенному, избранному кругу друзей». А потом наступит день тиража и развеет чуть или уже не осуществившуюся мечту, и Гитлер в припадке дикой ярости будет осыпать проклятиями не только собственное невезение, но и — что весьма характерно — еще в большей степени

---

[33] *Kubizek A.* Op. cit. S. 110; мнения знакомых, крестных родителей и учителей о характере молодого Гитлера приводятся в кн.: *Deuerlein E.* Der Aufstieg der NSDAP 1919—1933. S. 67; *Jetzinger F.* Op. cit. S. 105 f., 115 f.

[34] Кубицек часто подчеркивает бросающуюся в глаза склонность Гитлера подменять реальность мечтой, см., например: *Kubizek A.* Op. cit. S. 100 f. Описанную ниже историю с лотерейным билетом см.: Ibid. S. 127 ff.

легковерие людей, систему государственных лотерей и, наконец, само обманувшее его государство.

Говоря об этом времени, он дает себе очень точное определение — «не от мира сего»[35], и действительно, вся его жизнь концентрируется для него исключительно на себе самом. Кроме матери и наивно-восхищенного друга «Густля», служившего ему первым слушателем, сцена в эти важнейшие годы его юности остается пустой, — оставив школу, он покинул, собственно говоря, и общество. Когда во время своих ежедневных прогулок по центру города Гитлер стал встречать девушку[36], постоянно проходившую в сопровождении своей матери в одно и то же время мимо кофейни «Шмидторэк», он воспылал, как вспоминает его друг, страстью, которая перешла вскоре в интенсивное романтическое переживание, сохранившееся на годы. И несмотря на это, он так и не заговорил с девушкой и не открыл ей своих чувств. Кое-что говорит за то, что дело тут было не только в природной застенчивости, но и в желании защитить мечту от действительности, не допустить низкую тьму реальности в царство фантазии. Если верить словам его друга, Гитлер адресовал своему идеалу «бесчисленные любовные стихи», в одном из этих стихотворений она предстала «девушкой из замка, скакавшей в развевающемся бархатном платье на белом иноходце по лугам, усеянным цветами. Распущенные волосы лились золотым потоком с ее плеч. Ясное голубое небо любовалось ею. И все это было истинным, сияющим счастьем»[37].

И музыка Рихарда Вагнера, ее патетическая возбужденность, ее режущий, ранящий тон, обладающий такой завораживающей силой, тоже, судя по всему, с тех пор, как он попал под ее власть и чуть ли не каждый вечер бывал в опере, служила для него прежде всего средством гипнотического самоискушения, ибо ничто не отвечало так его стремлению бежать от действительности, ничто не способствовало так его желанию подняться над реальностью, как эта музыка. Характерно, что в это время он и в живописи любит как раз то, что было сродни этой музыке, — пышность Рубенса и его эпигона-декадента Ганса Макарта. Кубицек описывает экстатическую реакцию

---

[35] Tischgespräche. S. 194; *Hitler A.* Mein Kampf. S. 35.

[36] Эту симпатичную блондинку из Линца звали Штефани. Впоследствии она вышла замуж за капитана из Линцского пехотного полка. — *Прим. науч. ред.*

[37] *Kubizek A.* Op. cit. S. 79.

Гитлера после того, как они побывали на представлении оперы Вагнера «Риенци». Пораженный блестящей, полной драматизма музыкальностью этого произведения, равно как и захваченный судьбой Кола ди Риенцо — мятежника и народного трибуна из эпохи позднего Средневековья, одиноко и трагически гибнущего из-за того, что окружающий мир не понимает его, Гитлер уводит своего друга на гору Фрейнберг и, стоя над ночным темным Линцем, говорит и говорит. «Как скопившийся поток рвется через треск плотины, так и из него вырывались слова. В колоссальных, захватывающих картинах развивал он передо мной свое будущее и будущее своего народа». Когда друзья юности вновь встретятся спустя тридцать с лишним лет в Байройте, Гитлер скажет: «В тот час это и началось!»[38].

В мае 1906 года Гитлер в первый раз отправился в Вену, где он пробыл две недели. Его ослепил столичный блеск, великолепие Рингштрассе[39], подействовавшее на него «как волшебство из тысячи и одной ночи», музеи и, как написал он в одной из своих открыток, «могучее величие» Оперного театра. Он побывал в «Бургтеатре», а также на представлениях «Тристана» и «Летучего голландца». «Когда могучие волны звуков, — а завывание ветра уступают (!) ужасному рокоту волнующихся звуков, — то в этом ощущается возвышенное» — так писал он Кубицеку[40].

Неясным, однако, остается, почему, вернувшись из Вены, он ждал еще полтора года, прежде чем снова отправился туда,

---

[38] *Kubizek A.* Op. cit. S. 140 ff. Эта сцена выглядит, конечно, преувеличенно стилизованной, да и вообще следует сказать, что достоверность свидетельств Кубицека не может не вызывать серьезных сомнений. Нужно также иметь в виду, что свои воспоминания он писал с целью прославить Гитлера. Ценность книги не столько в достоверном фактическом материале, сколько в описании и оценке — нередко помимо желания самого автора — характера Гитлера. — *Прим. науч. ред.*

[39] Рингштрассе (Ringstrasse), улица в Вене, торжественно открытая 1 мая 1865 года. Эта широкая 4-километровая улица бульварного типа, окружающая древний центр города, проложена на месте средневековых крепостных валов. На Рингштрассе располагались самые знаменитые здания Вены: Опера, Ратуша, Бургтеатр, Университет, Парламент, Торговая академия и др. После этого сочетание внешней парадности, эклектичности и масштабности застройки специалисты стали называть «стилем Рингштрассе». — *Прим. науч. ред.*

[40] Цит. по: *Kubizek A.* Op. cit. S. 147. Правописание Гитлера страдает здесь, как и долго еще потом, такими же существенными огрехами, как и его знание синтаксиса. См. также: *Hitler A.* Mein Kampf. S. 18.

чтобы попытаться поступить в Академию художеств. Может быть, сыграло свою роль сопротивление озабочённой и с января 1907 года уже очень тяжело больной матери, но главным тут было, пожалуй, то обстоятельство, что он сам боялся сделать шаг, который положит конец его беззаботному времяпрепровождению и вновь подчинит его учебному процессу. Ведь так он мог изо дня в день предаваться тому, чему хотел, — мечтать, рисовать, гулять, читать глубоко за полночь или же, судя по звукам, доносившимся из его комнаты, часами без остановки ходить по ней туда-сюда. Не раз и не два назовет он годы в Линце самым счастливым временем своей жизни, «прекрасным сном», картину которого лишь слегка замутнило сознание краха, случившегося в училище. В «Майн Кампф» он описывает, как его отец когда-то отправился в город и поклялся «до тех пор не возвращаться в родную деревню, пока из него чего-нибудь не выйдет»[41].

С тем же девизом отправляется в путь в сентябре 1907 года и он. И как бы далеко ни приходилось ему в последующие годы удаляться от его прежних планов и надежд, желание вернуться в Линц победившим и оправданным, увидеть город в страхе, стыде и изумлении у своих ног и воплотить в действительность вчерашний «прекрасный сон» осталось у него на всю жизнь. Уже во время войны он будет нередко говорить, устало и нетерпеливо, о своем намерении удалиться на покой в Линц, создать там музей, слушать музыку, читать, писать, предаваться размышлениям. И все это было не что иное, как все та же его прежняя мечта о барском доме с необыкновенно благородной дамой и одухотворенным кругом друзей; эта мечта никуда не делась и продолжала волновать его. В марте 1945 года, когда Красная армия уже стояла у ворот Берлина, Гитлер велел принести в свой бункер, находившийся под Имперской канцелярией, планы перестройки Линца и, как рассказывают, долго стоял над ними с мечтательным выражением лица[42].

---

[41] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 3, 17. О «прекрасном сне» Гитлер говорит там же: Ibid. S. 16. См. по этому поводу также письмо А. Кубицеку от 4 августа 1933 года, в котором Гитлер пишет о «лучших годах моей жизни»; опубликовано в кн.: *Kubizek A.* Op. cit. S. 32. См. кроме того: A. Hitler in Urfahr, HA, File 17, Reel 1.

[42] Так сообщил автору А. Шпеер; см. также: *Zoller A.* Op. cit. S. 57. О мечте Гитлера уйти из политики см.: Tischgespräche. S. 167 f.; *Zoller A.* Op. cit. S. 57.

Глава II

КРУШЕНИЕ МЕЧТЫ

Вы — идиот! Если бы никогда в моей жизни не было фантазий, то где были бы вы, я, где были бы все мы сегодня?

Адольф Гитлер

Вена начала века — это европейская столица, сохранившая вековую славу и наследие веков. Блистая, возвышалась она над империей, раскинувшейся от границ Российской империи до самого края Балкан. Пятьдесят миллионов человек, представителей десятка разных народов и рас, — немцы, венгры, поляки, евреи, словенцы, хорваты, сербы, итальянцы, чехи, словаки, румыны и русины — были подвластны ей и объединялись ею. «Гениальностью этого города» было его умение смягчать противоречия, использовать очаги напряженности, свойственные многонациональному государству, друг против друга и извлекать из этого свои дивиденды.

Все казалось тут вечным. Император Франц Иосиф I отметил в 1908 году шестидесятилетие своего правления и был как бы символом самого государства[1] — его достоинства, его последовательности и его запоздалости. Позиции высшей аристократии, державшей в своих руках политику, да и всего австро-венгерского дворянства казались непоколебимыми, в то время как составившая огромные состояния буржуазия так и не приобрела здесь сколько-нибудь значительного влияния. Еще не пришло время всеобщего, равного избирательного права, но мелкая буржуазия и рабочий класс этого бурно растущего промышленного и торгового центра испытывали уже все более возрастающий нажим со стороны охаживающих их партий и демагогов.

И все же, при всем своем современном облике и цветении, это был уже вчерашний уходящий мир — мир сомнений, надломленности и глубоко засевшего в нем неверия в самого себя. Блеску, с которым в очередной раз расцвела Вена в начале века, были уже присущи краски заката, и все дорогостоящие празднества, без которых не обходилось ничто, даже

[1] Франц Иосиф I (18.8.1830—21.11.1916) — с 1848 года император Австрии и Апостольский король Венгрии из династии Габсбургов-Лотарингских. — *Прим. науч. ред.*

литература, несли в своей основе ощущение того, что эпоха уже израсходовала всю свою жизненную силу и продолжает только поддерживать иллюзию процветания. Усталость, поражения и страхи, все более обострявшиеся межнациональные свары и близорукость правящих кругов постепенно раскачивали это одряхлевшее, наполненное богатыми воспоминаниями здание габсбургской монархии. Да, внешне оно еще производило впечатление мощи. Но нигде больше атмосфера этой иллюзорности и усталости не ощущалась столь явственно, как здесь, в Вене. Другого, более блестящего и печального заката просвещенной монархии история не знает.

Противоречия многонационального государства стали проявляться со все возрастающей остротой уже в конце XIX века, особенно в 1867 году, когда Венгрия в результате знаменитого «уравнения прав» для себя добилась значительных привилегий. Обычно говорили, что австро-венгерская монархия — это горшок с многочисленными трещинами, перевязанный на скорую руку старой веревкой. Вот и чехи уже требуют для своего языка равных прав с немецким, не утихают конфликты в Хорватии и Словении, а в год рождения Гитлера в замке Майерлинг кронпринц Рудольф, запутавшись в сетях политических и личных интриг, находит выход из ситуации в сведении счетов с жизнью. В начале века во Львове губернатора Галиции убивают прямо на улице, год от года растет число уклоняющихся от военной службы; в Венском университете проходят студенческие демонстрации национальных меньшинств, на Ринге собираются под грязно-красными знаменами колонны рабочих и проводят в городе мощные манифестации — все это были симптомы брожения и обессиливания во всех уголках империи, явственно говорившие о том, что Австрия вот-вот развалится. В 1905 году в немецкой и российской печати муссируются многочисленные слухи о имевших якобы место контактах между Берлином и Петербургом на предмет того, не пора ли уже заключать соглашения о территориальных приобретениях, на которые соседи и заинтересованные стороны могут рассчитывать после конца габсбургской империи. Эти слухи были столь интенсивными, что Министерство иностранных дел в Берлине было вынуждено 29 ноября специально пригласить австрийского посла и успокоить его[2].

---

[2] См.: Grosse Politik. Bd. 22, Nr. 7349-7354; Polit. Archiv Bonn (Далее — PAB), Dtl. 131, Bd. 36.

Совершенно очевидно, что все позывы времени — пропаганда национализма и расового превосходства, социализм и парламентаризм — проявляли свою чреватую взрывом силу в этом с трудом сохранявшим равновесие государственном образовании особенно интенсивно. В парламенте страны давно уже не принималось ни одного закона без того, чтобы правительство не шло — во вред делу — на уступки отдельным группировкам. Немцы, составлявшие четверть всего населения, хотя и превосходили по своему уровню образования, жизни, цивилизованности остальные народы империи, но их влияние, сколь бы сильным оно ни являлось, уже не было решающим. Политика равных уступок ущемляла их как раз вследствие лояльности, которой от них ожидали, в той же степени, в коей она, эта политика, рассчитывала подкупить ненадежные национальности.

К этому же добавлялось и то, что воспламенявшийся национализм отдельных народностей уже не встречал на своем пути традиционного хладнокровия уверенной в себе немецкой правящей элиты. Напротив, нараставший, словно эпидемия, национализм охватил с особой силой самих немцев, особенно когда в 1866 году Австрия была удалена из общегерманской политики[3]. Битва при Кёниггреце переключила внимание Австрии от Германии в сторону Балкан и свела положение немцев в их «собственном» государстве до национального меньшинства. И вот тут их отчаянное стремление к самоутверждению вылилось, с одной стороны, в упреки по адресу монархии, которая, как они считали, в своей преимущественно прославянской политике недооценивала опасностей враждебного немецкому народу засилья, а с другой — в становившееся все более безудержным возвеличивание своего происхождения: «немецкое» превращается уже в понятие с ярко выраженным этическим содержанием и с высокомерной претенциозностью противопоставляется всему чужому.

Конечно, проявившийся на этой почве страх можно объяснить во всем его объеме только с учетом общего кризиса. В ходе ползучей революции гибла старая, космополитическая, феодальная и крестьянская Европа, ставшая особен-

---

[3] Имеется в виду тот факт, что после поражения в австро-прусской войне 1866 года и создания под эгидой Пруссии Северогерманского союза Австрия практически полностью утратила влияние на германские государства. — *Прим. науч. ред.*

ным анахронизмом как раз на территории австро-венгерской монархии. Связанные с этой гибелью потрясения и конфликты не пощадили никого. В первую же очередь угрозу себе ощущали буржуазные и мелкобуржуазные слои. Угроза эта исходила со всех сторон — от прогресса, от кошмарного роста городов, от стремительного развития техники, массового производства и монополизации. Грядущее, так долго бывшее сферой обнадеживающих личных и общественных утопий, становится начиная с этого времени для все более широких слоев причиной страха. В одной только Вене после отмены в 1859 году Цехового устава за тридцать лет пошли с молотка около 40 000 ремесленных мастерских.

Такого рода тревоги порождали, разумеется, и возникновение многочисленных движений, отражавших потребность в бегстве от реальности. Главным образом они исповедовали идеологию «фёлькише» и расового превосходства, которая выдавалась за учение, направленное на спасение гибнущего мира. В ней с трудом осязаемое чувство страха концентрировалось в картинах, доступных любому и каждому.

В обостренной форме этот защитный рефлекс проявился в антисемитизме, на котором сходились многие конкурировавшие между собой по другим вопросам партии и союзы: начиная от пангерманцев барона Георга фон Шенерера и христианских социалистов Карла Люгера. Уже в ходе экономического кризиса начала 70-х годов наблюдается всплеск антиеврейских настроений, проявлявшихся вновь и позднее, в связи с широким потоком переселенцев из Галиции, Венгрии и Буковины. И хотя эмансипация евреев шла весьма интенсивно, чему немало способствовало умиротворяющее и нивелирующее воздействие столицы Габсбургов, но именно по этой причине они и устремлялись сюда во все большем количестве. Всего за какие-то полвека, с 1857 по 1910 год, их доля в населении Вены с двух с небольшим процентов возросла вчетверо и составила уже более восьми с половиной процентов — выше, чем в любом другом городе Центральной Европы. В отдельных районах Вены, например в Леопольдштадте, они составляли до трети населения. Наряду с другими своими древними традициями, многие из них сохранили и свои характерные одеяния. Фигуры в долгополых черных кафтанах и в высоких шляпах бросались в глаза на улице на каждом шагу. Евреи казались чужестранцами, пришедшими из какого-то таинственного мира и принесшими с собой его ужасы.

Исторические обстоятельства отвели евреям определенные роли и занятия в экономике, что одновременно имело своим следствием отсутствие у них предрассудков и их мобильность. Ощущение угрозы и засилья вызывалось не только тем, что они непропорционально своему количеству вторгались в ученые профессии, оказывали доминирующее воздействие на прессу и завладели почти всеми крупными банками Вены и значительной частью ее промышленности[4], — дело было еще и в том, что их тип более точно отвечал свойственному крупным городам рационалистическому стилю времени, нежели тип представителей старой буржуазной Европы со всеми их традициями, сантиментами и робостью перед наступающими новыми временами. Это ощущение угрозы особенно находило свое выражение в утверждении, будто евреи оторваны от своих корней, оказывают разлагающее, революционное влияние и для них нет ничего святого; при этом их «холодный разум» полемически противопоставлялся немецкой сердечности и духовности. Это представление подкреплялось еще и тем обстоятельством, что многие евреи-интеллигенты со склонным к бунту и утопии темпераментом поколениями преследуемого меньшинства встали во главе рабочего движения, в результате чего и стала вскоре вырисовываться фатальная картина великого заговора. Как грядущий капитализм, так и грядущая революция пробуждали в среде перепуганных мелких ремесленников опасение, что евреи атакуют их мастерские и их буржуазный статус одновременно с двух сторон. К этому присоединялся еще и расовый фактор. Книга Германа Альвардта с характерным названием «Отчаянная борьба арийских народов с еврейством», хотя и черпавшая материал своих «документальных данных» из немецких исторических и современных источников, была встречена в Берлине 90-х годов, несмотря на все модные антисемитские течения того времени, всего лишь как болезненная выходка какого-то аутсайдера; в Вене же его фантазии захватили широкие слои населения.

---

[4] См.: *Andies H.* Der ewige Jude. S. 192; относительно этого и вышеприведенного цифрового и фактического материала см. также: *Jenks W. A.* Vienna and the Young Hitler. P. 113 ff. В 1913 году среди студентов медицинского факультета евреев было 29 %, на юридическом факультете — 20,5 %, а на философском отделении — 16,3 %. В отличие от этого доля евреев в общем количестве совершенных преступлений составляла лишь 6,3 % и была значительно ниже их пропорции по отношению к населению в целом; см.: *Jenks W. A.* Op. cit. P. 121 f.

Вот в этом городе и на этом фоне и провел Гитлер последующие годы своей жизни. Он приехал в Вену, окрыленный самыми радужными надеждами, с жаждой грандиозных впечатлений и намерением благодаря финансовым средствам матери продолжать вести жизнь в том же изнеженном стиле последних лет, но уже в более изысканной, столичной атмосфере. Не сомневался он и в своем таланте художника, более того, как он сам писал, в этом плане он испытывал «гордую уверенность»[5]. В октябре 1907 года он записывается на испытания по рисованию в Академии художеств, размещавшейся на Шиллерплац. По всей вероятности он даже не имел понятия, насколько высоки требования в этом прославленном учебном заведении. Правда, первый этап экзаменов[6], когда отсеялись 33 из 112 претендентов, он выдерживает. Однако классификационный список следующего этапа, содержащий общий результат, свидетельствует: «Не выдержали испытания по пробному рисунку и не допускаются к экзамену следующие господа: ...Адольф Гитлер, Браунау/Инн, 20 апреля 1889 года, немец, католик, отец — старш. чиновник, 4 кл. реального уч-ща. Мало изображений голов, пробный рис. неудовл.»

Удар был неожиданным и жестоким. Расстроенный до глубины души, Гитлер идет на прием к ректору Академии[7], который посоветовал ему заняться архитектурой, но в то же время уверил, что его рисунки свидетельствуют «безоговорочно о том, что он не способен стать художником». Потом Гитлер назовет все это «страшным ударом», «яркой молнией»[8], и, пожалуй, на самом деле, ему уже не придется больше пережить такого резкого столкновения мечты и действительности. Отомстило за себя и то, что он бросил реальное училище — для поступления в училище архитектуры требовалось представить документ об окончании школы 2-й ступени (в данном случае реального училища). Но его неприязнь к школе и строгому учебному распорядку была столь велика, что ему даже не пришло в голову вер-

---

[5] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 18 f. Приведенный ниже классификационный список опубликован в кн.: *Heiden K.* Hitler. Bd. 1. S. 30.

[6] Первый этап включал в себя дважды по 3 часа на письменное сочинение по широкому кругу тем, включая два задания на выбор по композиции. — *Прим. науч. ред.*

[7] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 19.

Ректором Академии художеств на тот момент являлся профессор Зигфрид Алеман, по национальности еврей (что впоследствии дало Гитлеру возможность говорить о «еврейском заговоре»). — *Прим. науч. ред.*

[8] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 19.

нуться в училище. Уже взрослым человеком он назовет такое условие получения образования «неслыханно тяжелым», а экзамен на аттестат зрелости — непреодолимым барьером: «Так что по человеческим меркам моей мечте стать художником осуществиться было не суждено»[9].

Однако более вероятным представляется, что, потерпев столь сокрушительный провал, он просто боялся унизительного возвращения в Линц и особенно в свое прежнее училище, бывшее свидетелем его предыдущего, первого краха. Поэтому он в растерянности продолжает оставаться в Вене и даже, очевидно, не сообщает домой о том, что не выдержал вступительного экзамена. Однако он отнюдь не собирается менять свою жизнь в пансионе с прогулками по городу, посещением оперы и работой над бесчисленными дилетантскими прожектами, высокопарно называемыми им «штудированием», на какую-либо серьезную деятельность. Даже когда болезнь матери резко обострилась и она оказалась на пороге смерти, он так и не рискнул вернуться домой. Мать не без горечи говорила в те дни, что Адольф будет идти своим путем, невзирая ни на что, «как будто он один на всем свете». И только лишь узнав о ее смерти, 21 декабря 1907 года, сын возвращается в Линц[10]. Врач семьи[11], лечивший мать до последнего дня, говорил потом, что ему «не доводилось видеть когда-либо молодого человека, так убитого горем и печалью». Сам же Гитлер говорит, что он плакал[12].

---

[9] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 19.

[10] Данная информация не соответствует действительности. На самом деле, получив письмо от соседки матери — жены почтмейстера — о том, что самочувствие Клары резко ухудшилось, Адольф Гитлер отправился в Линц и уже 22 октября 1907 года вместе с младшей сестрой был на приеме у лечащего врача Эдуарда Блоха. После ухудшения состояния матери Адольф сдвинул в ее комнате в сторону шкаф, поставил софу и спал каждую ночь рядом с кроватью матери. Она умерла на руках своего сына. См., например, *Шааке Э.* Женщины Гитлера. М., 2003. С.18—21. — *Прим. науч. ред.*

[11] Этим врачом был еврей Эдуард Блох. После аншлюса Австрии Блох обратился к Гитлеру с просьбой о помощи. Гитлер распорядился, чтобы «благородный еврей» Блох был поставлен под опеку гестапо и не подвергался никаким преследованиям пока ему не будут оформлены документы на выезд в США. Умер Блох в 1945 году в Нью-Йорке. — *Прим. науч. ред.*

[12] Из свидетельства доктора Эдуарда Блоха, датированного 7 ноября 1938 года, Bundesarchiv Koblenz (далее — BAK), NS 26/17a. См. кроме того: *Hitler A.* Mein Kampf. S. 223. Слова матери приводятся по кн.: *Kubizek A.* Op. cit. S. 158.

Теперь он и впрямь не только потерпел неожиданный провал, но и лишился какого бы то ни было прибежища, оказался предоставленным самому себе. И без того доминировавшая в нем склонность к индивидуализму и эгоизму получила теперь еще больший импульс. Со смертью матери умерло и то, что как-то связывало его родственными узами с другими людьми (правда, однажды у него еще оживет чувство, которое — и это очень показательно — вновь будет обращено на одного из членов семьи).

Возможно, этот двойной шок только укрепил его в намерении вернуться назад в Вену. Но, наверное, тут сыграло свою роль и желание скрыться от вопрошающих взглядов и непрошеных советов линцской родни. Кроме того, чтобы претендовать на выплату ему страховой пенсии как сироте, ему нужно было создать впечатление, будто он учится. Поэтому, как только были урегулированы все формальности и вопросы по наследству, он заявился к своему опекуну, бургомистру Майрхоферу и, по свидетельству последнего, «чуть ли не угрожающе» и не вдаваясь в долгие разговоры, объявил: «Господин опекун, я отправляюсь в Вену!» И несколько дней спустя, в середине февраля 1908 года, он навсегда покинул Линц.

Свою новую надежду он возлагает на рекомендательное письмо. Магдалена Ханиш, владелица дома, в котором до самой своей смерти жила его мать, была знакома с Альфредом Роллером, одним из известнейших театральных художников того времени — он заведовал декорациями в Придворной опере и преподавал в Венском художественно-промышленном училище. В своем письме от 4 февраля 1908 года живущей в Вене матери Магдалена Ханиш просит ее помочь Гитлеру попасть к Роллеру. «Это серьезный, старательный молодой человек, — пишет она. — Ему 19 лет, он зрелый для своего возраста юноша, милый и стеснительный, из очень приличной семьи... У него твердое намерение научиться чему-то настоящему! Насколько я его сейчас знаю, он не «промотается», потому что у него есть серьезная цель перед глазами; я надеюсь, твои хлопоты будут ради достойного человека! Может быть, ты сделаешь доброе дело». Уже несколько дней спустя был получен ответ, что Роллер готов принять Гитлера, и домовладелица из Линца пишет благодарственное письмо своей матери: «Твои старания были бы вознаграждены, если бы ты увидела счастливое лицо этого молодого человека, когда я велела позвать его... Я дала ему твою открытку и разрешила

прочитать письмо директора Роллера! Медленно, слово за словом, словно желая выучить письмо наизусть, с благоговением и счастливой улыбкой на устах, так читал он это письмо, молча, про себя. Потом он снова рассыпался в сердечных благодарностях передо мной. Он спросил меня, может ли он написать тебе, чтобы поблагодарить тебя».

Сохранилось и датированное двумя днями позже письмо Гитлера, написанное вымученным языком подражания витиеватому стилю чиновников имперских канцелярий: «Настоящим выражаю Вам, глубокоуважаемая милостивая государыня, за Ваши хлопоты по посредничеству в завязывании знакомства с великим мастером сценической декорации проф. Роллером, мою самую искреннюю благодарность. Возможно, это было несколько дерзко с моей стороны столь злоупотреблять Вашей, милостивая государыня, добротой, ибо Вы были вынуждены делать это для совершенно незнакомого Вам человека. Но тем паче прошу Вас соблаговолить принять мою сердечнейшую благодарность за Ваши шаги, увенчанные успехом, равно как и за открытку, которая была передана мне столь любезно милостивой государыней. Я не премину сразу же использовать столь счастливую возможность. Примите еще раз мою исполненную глубочайшего чувства благодарность, с почтением целую Вашу руку и подписуюсь — Адольф Гитлер»[13].

Ему казалось, что рекомендательное письмо уже открывает путь в мир его мечтаний — к жизни свободного художника, где, как в грандиозном призрачном мире оперы, соединяются музыка и живопись. Однако нет никаких сведений о том, как прошла его встреча с Роллером. Сам Гитлер об этом никогда не упоминал. Скорее всего, объект его восхищения просто посоветовал ему работать, учиться и осенью еще раз попытаться поступить в академию.

Последующие пять лет Гитлер потом назовет «самым печальным временем» своей жизни[14]. Но в определенном смысле это было и важнейшее для него время, ибо кризис, в котором он оказался, сформировал его характер и заставил его обрести те оставшиеся с ним навсегда, как бы окаменевшие

---

[13] См.: *Maser W.* Hitler. S. 82 ff., а также доклад венского отделения гестапо от 30 декабря 1941 года в кн.: *Smith B. F.* Adolf Hitler. His Family, Childhood and Youth. P. 113.

[14] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 20.

формулы преодоления, которые и придали его постоянно мятущейся жизни одновременно черты твердости.

Одной из составных частей продолжающей еще оказывать свое воздействие легенды, созданной самим Гитлером вокруг тщательно заметенных им следов своей прошлой жизни, остается то, что главным и незабываемым испытанием тех лет явились для него «нужда и горькая действительность»: «Пять лет нужды и горя были уготованы мне этим городом-сибаритом. Пять лет, в течение которых мне пришлось зарабатывать себе на кусок хлеба, — сперва разнорабочим, а затем маленьким художником; это был поистине скудный кусок, и его никогда не хватало, чтобы утолить хотя бы привычный голод. А голод был тогда моим верным стражем, единственным, кто почти никогда не покидал меня»[15]. Однако точный подсчет его доходов доказывает, что в начальный период его пребывания в Вене из причитавшейся ему части отцовского наследства, а также из наследства, оставленного матерью, и из страховой пенсии по сиротству, не считая его собственных заработков, складывалась ежемесячно сумма в 80—100 крон[16]. Это равнялось жалованью юриста в чине асессора, а то и превышало его.

Во второй половине февраля, поддавшись уговорам Гитлера, в Вену приезжает и Август Кубицек, который собирается поступить в консерваторию. Теперь они вместе снимают у пожилой польки Марии Закрейс «тоскливую и убогую» комнату в заднем строении дома № 29 по Штумпергассе. Но если Кубицек всецело отдается учебе, то Гитлер продолжает вести бесцельную, неупорядоченную жизнь, к которой он уже так привык: «Я сам распоряжаюсь своим временем», — так высокомерно заявлял он. Спал он обычно до полудня, потом шел гулять по улицам или по Шенбруннскому парку, заходил в музеи, а вечером отправлялся в оперный театр, где, как гово-

---

[15] *Hitler A.* Op. cit.

[16] Точный подсчет месячных доходов Гитлера проделан Ф. Етцингером, который с педантичной скрупулезностью выявил все источники доходов и точное имущественное положение Гитлера. Приведенное здесь же сравнение доходов также сделано этим автором. Интересно в этой связи указать на то, что Муссолини, который в это же время был главным редактором газеты «Л'Авенирре дель Лавораторе» в австрийском городе Триент и секретарем Социалистической рабочей палаты, получал за обе эти должности в общей сложности 120 крон, то есть не намного больше, чем имел безработный Гитлер. См. в связи с этим: *Kirkpatrick I.* Mussolini. S. 38.

рил впоследствии, с замиранием сердца слушал «Тристана и Изольду» — оперу, на которой он побывал в те годы раз тридцать или сорок, либо какую-нибудь другую постановку. Затем его страстью становятся публичные библиотеки, где он с неразборчивостью самоучки читает то, что подсказывает ему настроение или сиюминутное желание, или же он стоит, погрузившись в свои мысли, перед роскошными строениями на Рингштрассе и мечтает о еще более грандиозных постройках, которые когда-нибудь будет возводить он сам.

Своим фантазиям он предается с чуть ли не маниакальным упорством. До поздней ночи сидит он над прожектами, в которых его деловая некомпетентность соперничает с не терпящим возражений самомнением и нетерпимостью. «Если его что-то занимало, то он уже не мог оставить это в покое», — читаем мы. Решив, что кирпичи «для монументальных построек материал несолидный», он планирует снести и построить заново дворец Хофбург[17], проектирует театры, замки, выставочные залы, разрабатывает идею создания безалкогольного напитка для народа, ищет замену табакокурению, а то вместе с планами реформы школьного обучения и нападками на домовладельцев и чиновников составляет наброски некоего «немецкого идеального государства», где находят отражение его собственные печали, обиды и мелочные видения. Ничему не научившись и ничего не добившись, он тем не менее не терпит советов и ненавидит поучения. Не имея представления о ремесле композитора, он пытается осуществлять оставленную Рихардом Вагнером идею оперы «Виланд-кузнец», отдающей запахом крови и душком инцеста. Пробует он свои силы и как драматург — работает над пьесой на материале германских саг, а сам не может без ошибок написать слова «театр» и «идея». Иной раз он и рисует, но его маленькие, с тщательно прописанными деталями акварели совершенно не дают представления о том, что обуревает его на деле. И его товарищ по комнате тоже не знает, что в Академию художеств он так и не поступил. А на заданный как-то вопрос о том, чем он иной раз с таким увлечением занимается целыми днями,

---

[17] Дворец Хофбург представляет собой комплекс сооружений различных архитектурных стилей (XIII—XIX веков), в которых размещалась резиденция и двор императоров из династии Габсбургов. Этот ансамбль — смешение стилей разных эпох. Резиденцией монархов Хофбург стал лишь в 1533 году при Фердинанде I. — *Прим. науч. ред.*

был получен ответ: «Я работаю над разрешением проблемы нехватки жилья в Вене и провожу в этих целях кое-какие исследования»[18].

Несомненно, в этом поведении, несмотря на все элементы причудливого напряжения и голого фантазирования, скорее даже именно благодаря им, уже распознается будущий Гитлер. Есть его собственное замечание, указывающее на взаимосвязь, существующую между его жаждой исправить мир и его взлетом. Точно так же и в своеобразном сочетании летаргии и напряжения, флегмы и сходной с припадками активности проглядывают черты будущего руководителя нацистской партии. Не без обеспокоенности отмечал Кубицек у Гитлера внезапные приступы ярости и отчаяния, множественность и интенсивность проявлений агрессии, равно как и его поистине безграничной способности ненавидеть. Кубицек неудачно замечает, что в Вене его друг «совсем вышел из равновесия». Зачастую состояние экзальтированной возбужденности у Гитлера резко сменяется приступами глубокой депрессии, когда он видит «только несправедливость, ненависть и вражду» и выступает «сиротливо и одиноко против всего человечества, которое его не поняло и не оценило, обманывало и преследовало» и повсюду расставило «силки» «с одной лишь единственной целью — помешать его восхождению вверх»[19].

В сентябре 1908 года Гитлер еще раз предпринимает попытку поступить в Академию художеств по классу живописи. Но на этот раз, как это отмечается в списке претендентов под номером 24, он уже просто «не допущен к экзамену», поскольку поданные предварительно работы не соответствовали экзаменационным требованиям[20].

---

[18] *Kubizek A.* Op. cit. S. 126, 210—220, 256 f., 281, 307; а также: *Jetzinger F.* Op. cit. S. 194 ff. Относительно заявления Гитлера, что «Тристана» он слушал в Вене раз тридцать — сорок, см.: Hitlers Secret Conversations. New York, 1953. P. 270 f. Между прочим, У. Дженкс подсчитал, что в пору пребывания Гитлера в Вене Рихард Вагнер был, бесспорно, самым популярным оперным композитором — в одном только Придворном оперном театре его оперы выдержали в общей сложности не менее 426 вечерних представлений. См.: *Jenks W. A.* Op. cit. S. 202.

[19] *Kubizek A.* Op. cit. S. 195, 197.

[20] *Heiden K.* Hitler. Bd. 1. S. 30 f. Однако Хейден явно путает даты. Он ошибочно полагает, что второй экзамен состоялся еще до того, как умерла мать, считая днем ее смерти 21 декабря 1908 года (вместо 1907).

Этот новый, совсем уже недвусмысленный отказ, думается, еще больше углубил и усилил прошлогоднюю обиду. О том, насколько глубока была эта ноющая рана, свидетельствует сохранившаяся у него на всю жизнь ненависть к училищам и академиям, которые не сумели оценить «Бисмарка и Вагнера тоже» и не приняли Ансельма Фейербаха[21] и в которых учатся одни лишь «сосиски» и все устроено так, «чтобы убить любого гения». Такого рода пышущие злобой тирады можно будет услышать от него тридцать пять лет спустя в его ставке; в них он, фюрер и полководец, не щадил даже бедных сельских учителей прошлого с их «грязной» внешностью, «засаленными воротничками, неопрятными бородами и т.п.»[22]. В своей потребности самооправдания он неустанно ищет всякого рода смягчающие обстоятельства для этой «никогда не заживающей раны»: «Я ведь не был ребенком зажиточных родителей, — напишет он, например, в «Открытом письме» по поводу кризиса в партии в начале 30-х годов, словно у него были все причины сетовать на несправедливую судьбу, — не кончал университетов, а прошел суровейшую школу жизни, нужду и нищету. Ведь поверхностный мир никогда не спрашивает о том, чему человек учился... а, к сожалению, чаще всего о том, что он может удостоверить аттестатом. На то, что я научился большему, нежели десятки тысяч наших интеллигентов, никогда не обращали внимания, а видели только, что у меня не было аттестатов»[23].

Униженный и несомненно уязвленный до глубины души, Гитлер после этого нового своего крушения как бы отвернулся от всех людей. Его сводная сестра Ангела, вышедшая замуж за жителя Вены, больше о нем ничего не слышала, а опекун получил как-то от него одну-единственную немногословную открытку; в это же время оборвалась и его дружба с Кубицеком — Гитлер воспользовался его недолгим отсутствием в

---

[21] Ансельм Фейербах (1829—1880) немецкий живописец, автор гигантских картин на античные темы. — *Прим. науч. ред.*

[22] Tischgespräche. S. 323, 422, 273. А. Кубицек тоже рассказывает об одном резком выпаде Гитлера по поводу Академии. Однако этот эпизод связан, видимо, с первым отказом в приеме в Академию, поскольку во время второй неудачной попытки поступления Кубицека в Вене не было, а вернувшись, он уже больше не встречался с Гитлером. См.: *Kubizek A.* Op. cit. S. 199.

[23] *Heiden K.* Geburt des Dritten Reiches. S. 30. Это письмо написано Гитлером во время кризиса, связанного с бунтом Стеннеса.

Вене и, недолго думая и не оставив даже никакой записки, съехал с их общей квартиры, чтобы затеряться в этом городе, в темноте его ночлежек и мужских общежитий. Кубицек встретится с ним только тридцать лет спустя.

Поначалу Гитлер снимал жилье неподалеку от Штумпергассе, в 15-м городском районе, на Фельберштрассе, 22, квартира 16. Именно отсюда началось его первое более близкое знакомство с миром тех идей и представлений, которые сформировали темные стороны его существа и придали общее направление его пути. Это потом он будет интерпретировать свое крушение прежде всего как доказательство силы своего характера, раннее проявление непонятой миром гениальности, сейчас же, чтобы оправдаться в собственных глазах, ему нужно было увидеть конкретные причины и осязаемых противников.

Спонтанно чувство Гитлера обратилось против буржуазного мира, о чьи нормы оценок, о чью суровость и взыскательность он споткнулся, хотя и ощущал по своим склонностям и общему сознанию свою принадлежность к нему. И та ожесточенность, с которой он теперь стал относиться к этому миру и которая потом найдет свое выражение в поистине необозримом множестве его высказываний, составляет один из парадоксов его жизни. Она одновременно и питалась и ограничивалась страхом перед социальной деградацией, перед отчетливейшим образом воспринимавшейся угрозой пролетаризации. С откровенностью, которую трудно было от него ожидать, напишет он в «Майн Кампф» об обусловленной повседневной жизнью «враждебности мелкого буржуа по отношению к рабочему классу», захватившей и его самого и оправдывавшейся боязнью «снова опуститься назад в это прежнее, малопочтенное сословие или, по меньшей мере, быть причисленным к нему»[24]. Правда, он еще располагал кое-какими средствами из родительского наследства и получал к тому же ежемесячное вспомоществование, но неопределенность его личного будущего все же угнетала его. Он по-прежнему тщательно одевался, посещал оперу, городские театры и кофейни и, как он потом сам скажет, благодаря своей

[24] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 22. Аналогичный вывод делает, например, Стефан Цвейг. Он пишет, что «самая большая угроза», которая когда-либо существовала «в мире буржуа», — «это снова стать пролетарием». См.: *Zweig S.* Die Welt von gestern. S. 50, а также: *Heiden K.* Geschichte. S. 16.

речи и корректному виду умел произвести в глазах привилегированного сословия впечатление человека из буржуазных кругов. Одной из его соседок, как и многим, кто встречался с ним в те дни и вспоминал об этом впоследствии, бросалось в глаза его вежливое и в то же время необыкновенно застенчивое поведение. Если верить другому, правда, довольно сомнительному источнику о годах его жизни в Вене, он носил в кармане конверт с фотографиями отца в парадном мундире и, показывая их, гордо говорил, что «покойный батюшка ушел на пенсию с поста старшего чиновника таможни Его Императорского и Королевского Величества»[25].

Вопреки всей поздней мятежной риторике такое поведение раскрывало его подлинную сущность, состоявшую в потребности в самоутверждении и принадлежности к определенному кругу, что и является главной потребностью буржуа. В этом свете следует рассматривать и его утверждение, будто бы уже с ранних лет он был «революционером в искусстве и политике»[26]. В действительности же этот двадцатилетний молодой человек не только никогда не ставил под сомнение буржуазный мир с его нравственными ценностями, но и с нескрываемым почтением и восторгом перед его блеском и его богатством впитывал его в себя — мечтательный сын чиновника из Линца жаждал восхищаться этим миром, а не низвергать его, и искал скорее своей сопричастности к нему, нежели его отрицания.

---

[25] *Greiner J.* Das Ende des Hitler-Mythos. S. 25. Воспоминания Грейнера о Гитлере вызывают, правда, многочисленные вопросы — тем более что в отличие от Кубицека у Грейнера нет никаких доказательств близкого, как он утверждает, знакомства с Гитлером. И все же в его записях содержатся кое-какие сведения, обогащающие наши знания. Однако использовать их можно лишь в том случае, когда они находят подтверждение в других свидетельствах или совпадают с документированными особенностями поведения Гитлера; впрочем, и тогда их нельзя принимать безоговорочно. Кстати, на стр. 14 Грейнер отмечает, что уже в первый момент своего знакомства с Гитлером он «сразу же... обратил внимание на высокую культуру его речи». Да и возмущение Гитлера по поводу «нравственной и моральной черствости» людей, с которыми он встречался тогда в Вене, а также «низкого уровня их духовной культуры» уже по самой своей терминологии являются отражением чувств мелкого буржуа, озабоченного сохранением своего положения в обществе; см.: *Hitler A.* Mein Kampf. S. 30.

По поводу упомянутого мнения соседки см. показания Марии Вольраб и Марии Феллингер в: HA, File 17, Reel 1.

[26] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 15.

Это была его неотложная потребность. И одной из примечательнейших особенностей на протяжении всей этой во многом странной жизни было то, что у Гитлера, вопреки всем его горьким обидам, остракизм буржуазного мира, напротив, усилил его тягу к тому, чтобы этот мир признал его. Ожесточенные обличения показного буржуазного мира, эхом отзывавшиеся в Европе в течение почти двух десятков лет, предоставляли ему не единожды повод дать выход пережитому им унижению, подвергнув этот строй социальной критике, и отомстить ему, устроив над ним суд, — однако вместо этого он, отринутый им, но сохранивший ему преданность, молча держался в стороне. Свойственное времени настроение тотального срывания всех и всяческих масок, превратившееся даже в чем-то в моду, не захватило его, и вообще в нем погибли вся художественная эмоциональность и весь идейный спор эпохи, равно как и ее интеллектуальный авантюризм.

Австрийская столица первых лет XX столетия была одним из центров такого порыва, но Гитлер не осознавал этого. Эмоциональный и принуждаемый обстоятельствами к протесту, этот молодой человек, для которого музыка в годы его юности служила великим средством освобождения, не имел ни малейшего представления о Шёнберге[27] и «величайшем в истории человечества мятеже... в концертных залах Вены», устроенном этим композитором вместе с его учениками Антоном фон Веберном и Альбаном Бергом во время пребывания в Вене. Не знал он даже и о Густаве Малере или Рихарде Штраусе, чьи произведения показались в 1907 году одному из критиков «эпицентром урагана в музыкальном мире». Вместо этого он, идя по стопам поколения отцов, упивался Вагнером и Брукнером[28]. Кубицек пишет, что такие имена, как Рильке, чей «Часослов» вышел в 1905 году, или Гофмансталь[29], до них «не дошли»[30]. И хотя Гитлер поступал в Академию художеств, его нисколь-

---

[27] Арнольд Шёнберг (1874—1951) — австрийский композитор, основоположник додекафонии, глава новой венской школы. — *Прим. науч. ред.*

[28] Антон Брукнер (1824—1896) — австрийский композитор, один из крупнейших симфонистов 2-й половины XIX века. — *Прим. науч. ред.*

[29] Райнер Мария Рильке (1875—1926) — австрийский поэт-импрессионист. Гуго фон Гофмансталь (1874—1929) — австрийский поэт-импрессионист, вместе со Стефаном Цвейгом писавший либретто к произведениям Штрауса.

[30] *Kubizek A.* Op. cit. S. 220 f.

ко не затронуло то, что было связано с сецессионистами[31], равно как и сенсации, произведенные Густавом Климтом, Эгоном Шиле или Оскаром Кокошкой, — его художественный вкус вдохновлялся теми же именами, что и у прошлого поколения, и он восхищался Ансельмом Фейербахом, Фердинандом Вальдмюллером, Карлом Ротманом, Рудольфом фон Альтом... Будущий архитектор с заносчивыми планами, он, по его собственному признанию, мог как зачарованный часами простаивать перед зданиями на Рингштрассе с их фасадами стиля классицизма или нового барокко и даже не подозревал о соседстве с революционными творцами новой архитектуры — Отто Вагнером, Йозефом Гофманом, а также Адольфом Лоосом, который своим гладким, лишенным каких-либо украшений фасадом делового здания на Михаелерплац, прямо напротив одного из барочных порталов Хофбурга, вызвал в 1911 году ожесточеннейшие споры и в своей скандально известной статье заявил о существовании внутренней связи между «орнаментом и преступлением». Но столь же наивный, сколь и непоколебимый энтузиазм Гитлера вполне соответствовал почтенному стилю, принятому в венских салонах и гостиных. Спокойно проходил он мимо симптомов беспокойства и поиска в искусстве, гул эпохи, переживавшей, как никогда прежде, «такую плотную череду художественных революций», до него не доносился. Скорее ему даже казалось, будто ощущается какая-то тенденция к умалению величественного, прорыв, как он писал, чего-то чуждого и неизвестного, что заставляло вздрагивать его всеми фибрами души буржуа[32].

Нечто схожее — и это тоже весьма характерно — можно сказать и об одной из его первых встреч с политической реальностью. И опять, несмотря на все его чувства протеста, революционные идеи не оказывали на него никакого притягательного воздействия, опять он в большей степени проявлял себя парадоксальным сторонником апробированного, человеком, защищавшим тот строй, который он одновременно хулил. В то время как изгой посвящает себя делу изгоев, он как бы утаивает унижение — за этой психологической механикой и скрыта одна

---

[31] Ряд немецких и австрийских художественных обществ конца XIX — начала XX века, возникших на почве оппозиции академизму. Кружок венских сецессионистов образовался в 1897 году, в него входили такие художники, как Г. Климт, К. Мозер, Й. М. Ольбрих, И. Гофман и др. — *Прим. науч. ред.*

[32] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 282.

из линий излома в характере Гитлера. Сам он рассказывал, будто, работая на стройке, он во время обеденного перерыва «в стороне от всех» выпивал свою бутылку молока, закусывая куском хлеба, и его «чрезвычайно» раздражали негативные критические настроения рабочих: «Они отрицали буквально все: нацию — как выдумку «капиталистических»... классов, отечество — как инструмент буржуазии в деле эксплуатации рабочего класса, авторитет закона — как средство подавления пролетариата, школу — как институт выращивания рабов, равно как и рабовладельцев, религию — как средство оглупления приговоренного к эксплуатации народа, мораль — как символ тупого бараньего терпения, и т.д. Тут не было ну абсолютно ничего, что не засасывало бы так в грязь этой страшной трясины»[33].

Весьма примечательно, что защищавшийся им от нападок строительных рабочих понятийный ряд — нация, отечество, авторитет закона, школа, религия и мораль — содержит почти полный набор норм буржуазного общества, по отношению к которому сам он как раз в это время испытывает первые враждебные чувства. Эти раздвоение будет проявляться вновь и вновь в ходе всей его жизни на самых разных уровнях — в политической тактике постоянного поиска союза с презираемой буржуазией, точно так же как и в не лишенном, конечно, комических черт формальном ритуале, вынуждавшем его, к примеру, здороваясь, целовать ручки у своих секретарш или угощать их в час послеполуденного чая в Ставке пирожными с кремом. При всех своих антибуржуазных выпадах он, словно король-провинциал, демонстрировал черты человека «старой школы». Эти черты являлись средством продемонстрировать свою столь желанную социальную принадлежность, и если что-то вообще выдавало в облике молодого Гитлера собственно австрийские черты, так это было именно то иерархическое сознание, с которым он защищал свою привилегию быть буржуа. Вращаясь в обществе с гипертрофированным чинопочитанием, выдававшим стремление придать любому человеку и любому занятию определенный социальный ранг, он желал, вопреки всей скудности существования в мире меблированных комнат, все же оставаться «барином». Именно этот и никакой иной мотив и был причиной того, что он не нашел дороги к оппозиционным движениям ни в искусстве, ни в политике. И не одно только его внешнее поведение — скажем,

[33] *Hitler A.* Op. cit. S. 41 f.

речь или одежда, — но и все его идеологические и эстетические взгляды объясняются стремлением и самому соответствовать этому безоговорочно принимаемому буржуазному миру, даже со всеми его теневыми сторонами. Социальное неуважение было для Гитлера намного тягостнее, нежели социальная нищета, и если он и впадал в отчаяние, то страдал не из-за отсутствия порядка в этом мире, а из-за той недостаточной роли, которая выпала в нем на его долю.

Потому-то он страшился любого антагонизма и искал, к чему бы ему прислониться и с чем согласиться. Словно ослепленный величием и чарами австрийской столицы, отчаянно стучась в запертые ворота, он не был революционером, он был просто одиноким человеком. Казалось, никто так не соответствовал и абсолютно не подходил к роли мятежника, как он.

Глава III

ГРАНИТНЫЙ ФУНДАМЕНТ

> Фанатизм — это и есть та единственная «сила воли», которую можно придать слабым и неуверенным в себе.
>
> *Фридрих Ницше*

На Фельберштрассе, неподалеку от того места, где Гитлер снимал комнату, находилась, как это было потом установлено, табачная фабрика, на которой распространяли некий журнал, посвященный расовым проблемам. Тираж журнала порой доходил до 100 000 экземпляров, и он распространялся преимущественно среди студентов и лиц с высшим образованием. «Вы блондин? Значит, вы творец и защитник культуры! Вы блондин? Значит, вам грозят опасности! Поэтому читайте «Библиотеку защитников прав белокурого человека»!» — кричала реклама, напечатанная огромными буквами на его обложке. Издавался этот журнал бывшим монахом с претенциозной дворянской фамилией Йорг Ланц фон Либенфельс. Он назывался по имени германской богини весны Остары и проповедовал столь же причудливое, сколь и радикальное учение о борьбе «азингов» (или «хельдлингов») с «аффлингами» (или «шреттлингами»). Из своего замка Верфенштейн в Нижней Австрии, приобрести который ему помогли его покровители из среды промышленников, Ланц призывал

создать ариогероический мужской орден — передовой отряд белокурой и голубоглазой расы господ в грядущем кровавом противоборстве с неполноценными смешанными расами. Подняв над замком уже в 1907 году знамя с изображением свастики, он обещал ответить на социалистическую классовую борьбу расовой борьбой «вплоть до применения ножа для кастрации» и призывал «во имя уничтожения зверочеловека и развития более высокого типа нового человека» возвести в систему методы отбора и истребления. Делу планомерного искусственного отбора и расовой гигиены служила программа мер по стерилизации, депортации в «обезьяний лес», а также по ликвидации путем принудительного труда и убийства: «Принесите жертву Фрейру[1], о сыны богов, — взывал в трансе Ланц. — Вперед же, и принесите ему в жертву детей шреттлингов!» В целях популяризации арийского идеала он предлагал проводить расовые конкурсы красоты. Гитлер побывал как-то у Ланца, потому что у него, как объяснял потом этот визит Ланц, отсутствовали кое-какие старые номера журнала. Оставшееся от него впечатление — молодой, бледный, скромный[2].

---

[1] Фрейр — в скандинавской мифологии бог, олицетворявший растительность, урожай, богатство и мир.

[2] См.: *Daim W.* Der Mann, der Hitler die Ideen gab. Ланц и патологическая структура его мышления предстают в особом свете, когда узнаешь, что помимо Гитлера он считал своими учениками также лорда Китченера и главным образом Ленина, которые, по его мнению, были единственными, кто сравнительно рано признал его учение и сделал из него свои выводы. Главный труд Ланца, вышедший в 1905 году, имел уже сам по себе весьма примечательное название: «Теозоология, или Учение о подражателях содомитов и божественном электроне. Введение в старейшее и новейшее мировоззрение и оправдание князей и дворянства». По его мнению, голубоглазо-белокурые герои-арии являлись «лучшим творением богов» и были снабжены электрическими органами и даже приемо-передающими станциями. Путем евгенической стимуляции и выращивания чистой породы раса героев-ариев должна будет получить новое развитие и вновь обрести божественные электромагнитные и радиологические органы и силы. Присущее эпохе чувство страха, стремление к созданию элитарных тайных союзов и модное дилетантское обожествление естественных наук — и все это в сочетании с заметной склонностью к интеллектуальному и личному авантюризму — и нашло себе место под крышей этого учения.

Дайм явно переоценивает то влияние, которое Ланц оказал на Гитлера. Это влияние, безусловно, не выходит за рамки, очерченные в тексте. Совсем иначе обстоит дело, и это совершенно очевидно, с

Анализ имеющегося материала не позволяет сделать вывод о том, что Ланц оказал на Гитлера сколько-нибудь значительное влияние, не говоря уже о том, что якобы именно он «дал ему идеи». Значение этого скорее шутовского «основателя ордена» состоит вообще не столько в каких-то конкретных действиях с его стороны или же в его посреднических акциях, сколько в симптоматическом положении его как явления — он был одним из наиболее ярких выразителей невротического духа времени и внес в гнетущую, насыщенную самыми причудливыми фантазиями атмосферу Вены тех лет определенную характерную окраску. Этим и объясняется, и одновременно ограничивается оказанное им влияние на Гитлера — он не столько содействовал формированию идеологии последнего, сколько той патологии, что легла в ее основу.

Из этих и иных публикаций, из газетных статей и бульварных брошюрок, которые сам Гитлер назовет потом источниками своих познаний в молодые годы, делается вывод о том, что его картина мира явилась якобы продуктом некой извращенной субкультуры, антагонистичной буржуазной. Действительно, в его идеологии то и дело проступает плебейское расхождение с буржуазной нравственностью, буржуазным гуманизмом. Однако дилемма состояла в том, что эта культура уже была изъедена ржавчиной своей субкультуры и давно уже пришла к отрицанию всего того, на чем она держалась. Можно сформулировать иначе: та субкультура, которую нашел Гитлер в лице Ланца фон Либенфельса и других течений, существовавших в Вене на грани XIX и XX веков, не была, строго говоря, в понятийном смысле отрицанием господствовавшей системы ценностей, а являлась лишь ее деградировавшим отражением. Куда бы ни бросался он в своем стремлении прорваться в мир буржуазии, он повсюду натыкался на те же самые представления, комплексы и панические настроения, что и содержались в грошовых брошюрах, только в более сублимированной и более претенциозной форме. Ему не нужно было отказываться ни от одной из тех тривиальных мыслей, что с самого начала по-

---

некоторыми главарями национал-социалистов рангом пониже — такими, например, как Дарре или в первую очередь Генрих Гиммлер. Не важно как, прямо или косвенно, но и в родовых картотеках Главного управления СС расы и поселений, и в практике истребления людей — шла ли речь просто о «жизни, недостойной жизни», или о евреях, славянах и цыганах, — причудливые и поощрявшие убийства разглагольствования основателя ордена продолжали по-своему жить.

могали ему ориентироваться в мире. Ничто из того, о чем он с благоговейным изумлением узнавал из речей влиятельных столичных политиков, не было для него новым, и, слушая на балконе оперного театра произведения самых прославленных и популярных композиторов своей эпохи, он встречался лишь с артистическим выражением заурядно привычного. А Ланц, номера «Остары» и пошлые наукообразные трактаты всего лишь приоткрывали ему черный ход в то общество, куда он так стремился. Но так или иначе, это был все же вход.

Потребность в легитимации и закреплении своей принадлежности к обществу лежала и в основе его первых, пока еще делавшихся на ощупь попыток придать своим чувствам неприязни и зависти некие идеологические очертания. С болезненно утрированным, эгоистическим ощущением того, что ему вот-вот угрожает сползание на социальное дно, он жадно перенимает предрассудки, лозунги, страхи и амбиции венского светского общества, в том числе и антисемитизм, и расовые теории. В них как в зеркале отражались и все беспокойства зажатого немецкого народного духа, и враждебное отношение к социалистам, и теория так называемого социал-дарвинизма — и все это снизу доверху было пронизано духом радикального национализма. Это были мысли, действительно имевшие власть над обществом, и, усваивая их, Гитлер стремился приблизиться к мыслям власть имущих.

Вопреки этому Гитлер потом всегда старался представить свое миропонимание как результат своего личного опыта и раздумий, своей проницательности и активной работы мысли. Пытаясь отрицать наличие каких-либо влияний на себя, он позже даже будет утверждать, будто изначально был лишен каких бы то ни было предрассудков, и обрисует, например, то отвращение, которое вызывали у него еще в годы жизни в Линце «неблагоприятные высказывания» о евреях. Однако более вероятным представляется — и это подтверждается различными свидетельствами, — что уже хотя бы начало и ориентиры его миропонимания были заложены в идеологической среде столицы земли Верхняя Австрия.

Дело в том, что на перекрестке веков Линц не только был одним из центров националистических групп и настроений, но и средоточием — и это имело место и в реальном училище, где учился Гитлер, — насыщенной национальным духом атмосферы. Ученики демонстративно носили в петлицах голубые васильки — немецкий народный символ, любили использовать

черно-красно-золотые цвета движения за немецкое национальное единство, приветствовали друг друга немецким «Хайль!» и вместо габсбургского имперского гимна пели звучавшую на ту же мелодию «Германскую песню»[3]. Их оппозиционный национализм обращался главным образом против династии Габсбургов и в ряде случаев приводил к сопротивлению проведению школьных богослужений и процессий в день праздника тела Христова, чем они демонстрировали свою солидарность с протестантским рейхом. Под аплодисменты соучеников Гитлер, как расскажет он потом за столом уже во время войны, доводил своими вольнодумными высказываниями преподавателя Закона Божьего Шварца порой «до такого отчаяния, что тот часто не знал, что и делать»[4].

Выразителем этих настроений был проникнутый немецким национальным духом муниципальный советник и преподаватель истории доктор Леопольд Печ. По-видимому, он произвел на Гитлера большое впечатление как своим красноречием, так и олеографиями старых времен, которыми он иллюстрировал свои уроки и давал направления фантазии своих воспитанников. Правда, посвященные ему страницы в «Майн Кампф» не свободны от позднейших наслоений, поскольку известно, что последней оценкой Гитлера по истории было «удовлетворительно». Но вот страхи жителя приграничной области, недовольство Дунайской монархией с ее мешаниной народов и рас, как и основополагающая антисемитская ориентация, несомненно родом именно оттуда. Вероятно, доводилось ему читать и сатирический по своей направленности журнал движения Шенерера «Дер Шерер[5]. Иллюстрированный

---

[3] «Германская песня» (Deutschland-Lied), или «Песня немцев» (Das Lied der Deutschen) — национальный гимн Германии. Начиналась словами «Deutschland, Deutschland über alles...» («Германия, Германия превыше всего...»). После франко-прусской войны 1870—1871 годов и создания Германской империи стала использоваться в качестве национального гимна. Автор слов — учитель Август Генрих Гофман фон Фаллерслебен (1841); для песни была использована музыка «Кайзеровского квартета» Йозефа Гайдна, написанная в 1797 году. — *Прим. науч. ред.*

[4] См.: запротоколированное свидетельство Генриха Хейма. Цит. по: *Maser W.* Hitler. S. 236.

[5] «Der Scherer». Первое значение этого слова — цирюльник, однако скорее использованное в заглавии существительное образовано от 2-го значения глагола scheren — заботить, беспокоиться. — *Прим. науч. ред.*

тирольский ежемесячник политики и настроений в искусстве и жизни», как раз в те годы выходивший в Линце. Журнал этот своими статьями и злыми карикатурами выступал против «римлян»[6], евреев, парламентаризма, эмансипации женщин, упадка нравов и пьянства. Уже в вышедшем в мае 1899 года первом номере появляется репродукция свастики, на глазах превратившейся в культовый символ пангерманских настроений (правда, здесь она описывается как тот «возбудитель огня», который, согласно германской мифологии, взболтал первичную материю при Сотворении мира). Представляется, далее, доказанным, что молодой Гитлер и в свои школьные, и в последующие, лишенные цели годы читал и «Алльдойчес тагеблатт»[7], и популярный в среде национально настроенной немецкой буржуазии «Бисмарковский календарь», равно как и общенемецкие и агрессивно-антисемитские «Линцер флигенде блэттер»[8]. Таким образом, будучи одним из побочных феноменов политических и социальных изменений, антисемитизм отнюдь не был присущ, как это хотел было представить автор «Майн Кампф», одной только Вене — с неменьшей силой он проявлялся и в провинции[9].

То, что Гитлер опишет потом как продолжавшуюся в течение двух лет «душевную борьбу», как его, пожалуй, «самый трудный перелом», в ходе которого его чувство якобы «еще тысячи раз» противилось неумолимому разуму, прежде чем произошел поворот «от хилого космополита к фанатичному антисемиту», было всего лишь переходом от неясно ощущавшейся неприязни к сознательной вражде, от инстинктивного

---

[6] То есть сторонников римско-католической церкви. — *Прим. науч. ред.*

[7] «Alldeutsches Tageblatt» — «Всенемецкая ежедневная газета». — *Прим. науч. ред.*

[8] «Linzer Fliegende Blätter» — «Линцские летучие листки». — *Прим. науч. ред.*

[9] По всему этому комплексу вопросов см.: *Kubizek A.* Op. cit. S. 70 ff, 107, 112 f, а также: *Hitler A.* Mem Kampf. S. 10 f. Утверждение Гитлера, будто к антисемитизму он пришел только в Вене благодаря собственному убеждению и собственному углубленному изучению проблемы, опровергает, например, и Г. Шуберт, см.: Schubert G. Anfänge nationalsozialistischer Politik. S. 11 f.; там же есть данные и о том, что Гитлер рано начал читать «Линцер флигенде блэттер». См. в этой связи также: *Banuls A.* Das völkische Blatt «Der Scherer». Ein Beitrag zu Hitlers Schulzeit. In: Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte (далее — VJHfZ), 1970. H. 2. S. 196 ff.

настроения к идеологии. И бывший до того скорее идиллическим, готовым к компромиссам антисемитизм линцского окружения обрел при этом принципиальную остроту, универсальный размах, равно как и создан образ конкретного врага. И домашний врач его родителей еврей доктор Эдуард Блох, которому Гитлер сперва передавал из Вены приветы с «преданнейшей благодарностью», и адвокат доктор Йозеф Фейнгольд, и изготовлявший рамки для картин столяр Моргенштерн, которые не раз покупали у него его маленькие, напоминавшие почтовые открытки акварели и тем самым стимулировали в нем художника, и, например, бывший одно время его соседом по мужскому общежитию еврей Нойман, которому, как высокопарно говорил Гитлер, он был так многим обязан, — все эти люди, чьи очертания, порой довольно схематичные, появляются на обочине его начального пути, начинают в ходе этого многолетнего процесса уходить в глубину сцены. На их месте появляется, все более материализуясь, та вырастающая в мифологический призрак «фигура в длинном кафтане и с пейсами», которая бросилась ему в глаза своим уродством, когда он «однажды вот так брел по центру города». Вспоминая об этом, он говорил, что эта случайная встреча врезалась в его память, «перевернула» что-то в его мозгах и постепенно стала превращаться в идею фикс, подчинившую себе все остальное:

«С тех пор, как я начал заниматься этим вопросом и впервые обратил внимание на еврея, и Вена предстала передо мной совсем в ином свете, нежели прежде. Куда бы я ни шел, я всюду видел теперь евреев, и чем больше я их видел, тем острее глаз выделял их из остальных людей. Центр города и районы севернее Дунайского канала буквально кишмя кишели народом, который уже по внешнему виду не имел никакого сходства с немецким... Все это уже никак не могло выглядеть привлекательным. Но надо было стать изгоем, чтобы помимо физической нечистоплотности открыть и нравственную грязь этого избранного народа. Была ли хоть одна гнусность, хоть одно бесстыдство в любой форме, и прежде всего в культурной жизни, в которой не был бы замешан по меньшей мере хоть один еврей? Как только со всей осторожностью вскрывали такую опухоль, то находили в гниющей плоти, как личинку, что начинает корчиться на свету, какого-нибудь еврейчика... Постепенно я начинал ненавидеть их»[10].

---

[10] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 59 ff.

Наверное, определяющей причины поворота от житейского антисемитизма годов, прожитых в Линце, к маниакально умножавшейся, безудержной и сохранившейся буквально до последнего часа его жизни ненависти выявить уже невозможно. Один из сомнительных приятелей Гитлера тех лет объяснял эту ненависть обостренной сексуальной завистью опустившегося сына буржуазных родителей и сообщал подробности, в которых некая белокурая женщина, его соперник — наполовину еврей и предпринятая Гитлером попытка изнасилования натурщицы играют столь же гротескную, сколь и банально убедительную роль[11]. И не только изначальное, удивительно непостоянное и колеблющееся между идеальной возвышенностью и темными чувствами страха представление Гитлера об отношениях полов придает кое-какой вес предположению о наличии тут сексуально-патологических отклонений — его подкрепляет также и способ выражения аргументации, когда впоследствии в поле зрения Гитлера будет оказываться фигура еврея. Сам дух обнаженной непристойности, неизменно идущий с тех страниц его книги «Майн Кампф», когда он пытается облечь в слова свое отвращение, не является, разумеется, каким-то случайным внешним признаком или лишь воспоминанием о тоне и стиле журнала «Остара» или бульварных брошюрок, которым он обязан озарениями своей молодости, — в значительно большей мере тут выражается специфическая природа его неосознанной зависти.

После войны был опубликован исходивший от окружения Гитлера обширный список его любовниц, где — что весьма показательно — есть и красавица-еврейка из одной зажиточной семьи[12]. И все же более правдоподобным представляется утверждение, что ни в Линце, ни в Вене у него не было «настоящей встречи с какой-нибудь девушкой» и уж, во всяком случае, ему не довелось пережить страсть, которая могла бы освободить его от показного эгоцентризма.

---

[11] *Greiner J.* Op. cit. S. 110. См. в этой связи также: *Bullock A.* Hitler. Eine Studie über Tyrannei. S. 35 f. или: *Shirer W.* Aufstieg und Fall des Dritten Reiches. S. 43, где также признается некоторая правдоподобность дискуссионного тезиса, выдвинутого впервые, кажется, Рудольфом Олденом.

[12] В современное исторической литературе нет никаких фактических подтверждений существования у Гитлера возлюбленной во время его проживания в Линце, Вене, Мюнхене. — *Прим. науч. ред.*

Об этом дефиците наглядно свидетельствуют и его сны, наполненные, по его собственному признанию, «кошмарными видениями совращения сотен и тысяч девушек омерзительными, кривоногими еврейскими выродками». Еще Ланца мучила постоянно представавшая перед его глазами страшная картина благородных белокурых женщин в руках косматых, темноволосых совратителей. Его расовая теория была пронизана комплексами сексуальной зависти и подспудным антифеминизмом: женщина, утверждает он, принесла грех в этот мир, и ее податливость сладострастным уловкам недочеловеков есть главная причина заражения нордической крови. Подобное маниакальное представление, в котором проявились все беды запоздалой и заторможенной мужской сексуальности, будут запечатлены и Гитлером в точно такой же картине: «Черноволосый молодой еврей часами поджидает с сатанинской радостью на своем лице ничего не подозревающую девушку, которую он осквернит своей кровью и похитит у ее народа», — тут, как и там, возникает душный, пошлый мир представлений неудовлетворенного мечтателя наяву, и кое-что говорит за то, что на удивление ядовитые испарения, столь обильно испускаемые почвой национал-социалистического мировоззрения, можно объяснить феноменом подавляемой сексуальности внутри буржуазного мира[13].

Друг юности Кубицек и другие сотоварищи Гитлера из тусклой полутьмы венского дна свидетельствуют, что он уже с раннего утра бывал на ножах со всеми и испытывал ненависть ко всему, что его окружало. Поэтому вполне резонно полагать, что его антисемитизм явился сфокусированной формой ненависти, бушевавшей, до того впотьмах и нашедшей наконец свой объект в еврее. В «Майн Кампф» Гитлер напишет, что нельзя указывать массе больше, чем на одного врага, потому что перед лицом нескольких врагов она теряется. Точно подмечено, что этот принцип более всего относился к нему самому: он всегда с максимальной интенсивностью концентрировал всю свою ярость именно на том одном явлении, в котором изначально сосредоточивалось для него вселенское зло. Всегда это была какая-то конкретно представляемая фигура,

[13] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 357. Высказанное «со всей определенностью» заверение, что ни в Линце, ни в Вене у Гитлера не было никаких связей с женщинами, исходит от Кубицека и касается, естественно, только времени, которое они провели вместе; см.: *Kubizek A.* Op. cit. S. 276.

на которую его ярость и изливалась, но никогда — трудно распутываемый клубок причин[14].

Сегодня уже невозможно однозначно назвать мотив, который бы объяснил всеподавляющую природу антиеврейского комплекса молодого Гитлера. Тем не менее в целом можно исходить из того, что речь идет о политизации личной проблематики столь же честолюбивого, сколь и отчаявшегося неудачника — ведь шаг за шагом он опускался все ниже и ниже и поэтому был вынужден идти на поводу своих страхов перед угрозой превращения в люмпена. И при виде еврея он старался убедить себя, что законы истории и природы на его стороне. Между прочим, по собственному признанию Гитлера, его поворот к антисемитской идеологии произошел тогда, когда от родительского наследства уже ничего не осталось и он оказался не то чтобы в беспросветной нужде, но все же в достаточно стесненных обстоятельствах и опустился в социальном плане куда ниже, чем когда-либо мог это предполагать в своих страстных мечтах о художественном творчестве и всеобщем признании.

А Вена, та немецкая буржуазная Вена начала века, к которой обращался Гитлер, требуя признания своего социального статуса, жила под знаком трех доминировавших явлений. В политическом отношении на нее оказывали влияние барон Георг фон Шенерер и Карл Люгер, а в причудливо разукрашенном политическом и художественном промежутке между ними, получившем столь определяющее значение для пути Гитлера, самодержавно царил Рихард Вагнер. Эти три фигуры и были ключевыми в годы формирования личности Гитлера.

Рассказывают, что в Вене Гитлер был «сторонником и поклонником» барона Георга фон Шенерера, и над его постелью висели в рамках афоризмы этого деятеля: «Без иудейской и римской мании поднимайся, единая Германия! Хайль!» — так звучал один из них, в то время как другой выражал сокровенное желание австрийских немцев воссоединиться с отечеством по ту сторону границы[15]. Эти две максимы уже формулировали в общедоступном виде главнейшие элементы Пангерманского движения фон Шенерера, которое, в отличие от одно-

---

[14] См.: *Nolte E.* Faschismus. S. 359.

[15] Greiner J. Op. cit. S. 78 f. И Кубицек тоже замечает, что Гитлер нередко называл себя «шенерерианцем душой и телом»; *Kubizek A.* Op. cit. S. 297.

именного союза в самой Германии, не преследовало целей империалистической экспансии под лозунгом «германской мировой политики», а работало на объединение немцев в единое государство. Подчеркнуто расходясь с Пангерманским союзом, Пангерманское движение выступало за отказ от не населенных немцами областей Дунайской монархии, как и вообще от сохранения многонационального государства.

Основатель и вождь этого движения, барон Георг фон Шенерер, владелец поместья в том самом покрытом лесом районе, откуда была родом и семья Гитлера, начинал свою карьеру как радикал-демократ, но затем все в большей степени стал подчинять идеи социальных реформ крайнему национализму. Словно будучи одержимым комплексом инородческого засилья, он во всем и повсюду видел угрозу проповедуемому им немецкому духу — со стороны евреев, католического Рима, габсбургской монархии и любой формы интернационализма. Свои письма он заканчивал фразой «С немецким приветом!» и предпринимал все, что только было возможно, для возрождения немецких обычаев. Он рекомендовал начинать германское летоисчисление со 113 года до Рождества Христова — с битвы у Норейи, в которой кимвры и тевтоны разгромили римские легионы.

Шенерер был отчаянным, принципиальным и ожесточенным человеком. В ответ на терпимое отношение к другим национальностям со стороны низшего славянского клира он организовал движение «Прочь от Рима!», восстановив тем самым против себя католическую церковь. Он впервые придал вражде к евреям, носившей до того в Европе преимущественно религиозный или экономический характер, политико-социальные черты и дал антисемитизму преимущественно биологическое обоснование. Демагог с ярко выраженным чутьем, он выступал против любых тенденций ассимиляции выдвинув девиз: «На помощь веру не зови, когда порок в самой крови». И не вследствие мономании своего взгляда на евреев как на движущую силу всех бед и страхов этого мира, а именно вследствие радикальности своего вызова барон и стал для Гитлера одним из примеров для подражания. В космополитичной и терпимой атмосфере старой Австрии он первым продемонстрировал возможности, вытекавшие из сознательного провоцирования расовых и национальных опасений населения. Он с глубоким беспокойством говорил о приближение того дня, когда немецкое меньшинство, как он считал,

будет повержено и «перерезано». И вот он уже требует принятия чрезвычайных антиеврейских законов, а его приверженцы носят на цепочках для часов антисемитский брелок, изображающий повешенного еврея. Они требуют от венского парламента установить награду за каждого убитого еврея — либо деньгами, либо частью имущества убитого[16].

Но, очевидно, еще большее впечатление произвел на Гитлера другой апологет мелкобуржуазного антисемитизма — доктор Карл Люгер[17]. Именно ему, бургомистру Вены, блестящему оратору и вождю Христианско-социальной партии, как никому посвящены в «Майн Кампф» слова восхищения автора, называющего его не только «поистине гениальным» и «самым великим немецким бургомистром всех времен», но даже «последним великим немцем в Восточной марке»[18]. И хотя Гитлер подвергает критике программу Люгера — главным образом его вялое и оппортунистическое обоснование антисемитизма, а также его веру в возможность выживания уже одряхлевшего и прогнившего к тому времени многонационального государства, тем не менее, — а вернее тем более — его восхищает демагогическая виртуозность Люгера и та тактическая изворотливость, с помощью которой тот так умело в своих целях манипулировал социальными, религиозными и антиеврейскими настроениями.

В противоположность Шенереру, который своей заносчивой принципиальностью приобрел огромное количество врагов и тем самым обрек себя на полную потерю влияния на массы, Люгер был человеком обходительным, ловким и неизменно пользовался широкой популярностью. Идеологическое оружие он просто использовал, втайне же презирал его; он мыслил как тактик и прагматик, и реальность была для него важнее идей. За те почти пятнадцать лет, что он был бургомистром, в Вене была модернизирована транспортная сеть, расширена система образования, улучшено социальное обеспечение, озеленены целые районы и создано около миллиона рабочих мест. Люгер опирался на рабочих-католиков, а также на мелкую бур-

---

[16] См.: *Bracher K.* D. Diktatur. S. 46 f. *Carsten F. L.* Der Aufstieg des Fschismus in Europa. S. 37 ff.; Pulzer P. G. J. Die Entstehung des politischen Antisemitismus in Deutschland und Österreich.

[17] Карл Люгер (24.10.1844—10.3.1910), юрист, один из основателей Христианско-социальной партии. С 1897 года и до своей смерти занимал пост бургомистра Вены.

[18] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 59, 74.

жуазию — служащих и чиновников низшего звена, лавочников, мелких домовладельцев и домовых священников, тех, кому несли угрозу новые времена с их индустриализацией, социальными крахами и массовым обнищанием. И Люгер, подобно Шенереру, тоже извлекал пользу из широко распространенного чувства страха перед завтрашним днем, но он обращал его против конкретных и доступных противников. К тому же он не рисовал эту картину мрачными красками, а противопоставлял ей те безотказно действовавшие человеколюбивые банальности, которые нашли свое выражение в его излюбленном призыве: «Нужно помочь маленькому человеку!»

Очевидно, однако, что столь большое восхищение вызывал у Гитлера не один лишь изощренный макиавеллизм хозяина венской Ратуши — главная причина тут личностная: Гитлер считал, что в этом человеке он открыл не только поучительные, но и родственные ему черты. Как и сам Гитлер, Люгер был выходцем из мелкобуржуазной семьи и добился признания в обществе, к чему так настойчиво стремился Гитлер, вопреки всем препонам и социальному пренебрежению, в конце концов, даже вопреки сопротивлению императора, который трижды отказывался утвердить его бургомистром. В отличие от Шенерера, безрассудно, да и бессмысленно наживавшего себе врагов, Люгер проделал свой путь наверх в беспрестанном поиске союза с господствующими силами. Будучи преисполнен решимости, как напишет Гитлер, воспевая этот навсегда усвоенный им урок, «воспользоваться всеми уже существующими рычагами власти, подчинить себе имеющиеся мощные учреждения, чтобы извлечь из этих старых источников максимальную пользу для своего движения».

Сформированная Люгером с помощью эмоционально-демагогических лозунгов массовая партия продемонстрировала, что идея страха — как и за сто лет до этого идея счастья — обрела в Европе мощь, способную превзойти даже классовый интерес.

В том же направлении действовали идеологи национал-социализма. Немецкие рабочие в стремительно растущих промышленных районах богемской и моравской областей Дунайской империи объединились в 1904 году в Траутенау в Немецкую рабочую партию (ДАП)[19], чтобы защищать свои интересы перед натиском приезжавшей из деревень чешской

[19] Богемия и Моравия составляют современную территорию Чехии. Аббревиатура Немецкой рабочей партии образована от ее немецкого аналога — DAP (Deutsche Arbeiterpartei). — *Прим. науч. ред.*

дешевой рабочей силы, зачастую игравшей роль штрейкбрехеров. Это было началом вполне объяснимой и вскоре охватившей — под самыми разными обличьями — всю Европу попытки решить дилемму социализма марксистского толка. Эта идеология никогда не пробовала по-настоящему преодолеть национальный антагонизм и придать своим лозунгам, обращенным ко всему человечеству, хотя бы какую-то эмоциональную наглядность, ибо в теории классовой борьбы не было места для особого национального сознания немецкого рабочего в Богемии или Моравии. Приверженцы новой партии рекрутировались в значительной мере из числа бывших социал-демократов, отошедших от своих прежних убеждений, обеспокоенно полагая, что политика пролетарской солидарности здесь играет на руку только чешскому большинству; программа же ДАП называла эту политику «ошибочной и наносящей неисчислимый вред немцам Центральной Европы».

Этим немцам казалось, что общность их национальных и социальных интересов и есть та самая непосредственная, явственная и всеобщая истина, которую они могут противопоставить марксистскому интернационализму, — в идее народного сообщества выражалась их попытка примирить социализм с национальными чувствами. И программа ДАП соединила то, что отвечало насущной потребности немцев в защите и самоутверждении. Эта программа декларировала преимущественно антикапиталистические, революционно-свободолюбивые и демократические цели, но с самого начала содержала также авторитарные и иррациональные положения, связанные с агрессивным отношением к чехам, евреям и так называемым «инофёлькише». Ее первыми приверженцами стали рабочие мелких предприятий горнодобывающей и текстильной промышленности, железнодорожники, ремесленники, профсоюзные функционеры. Эмоционально они ощущали свою бо́льшую близость к немецкой буржуазии, будь то аптекарь, промышленник, крупный чиновник или купец, нежели к чехам-разнорабочим. И вскоре они стали называть себя национал-социалистами.

Потом Гитлер будет весьма неохотно вспоминать о своих предшественниках, хотя связи между «доисторическими организациями» национал-социализма были — особенно сразу же после Первой мировой войны — порою очень тесными. Но получалось, что из-за наличия единомышленников в Богемии попадало под сомнение то, на что вождь НСДАП со все боль-

шим самомнением претендовал как на свою собственную, единоличную идею, оказавшую определяющее влияние на эпоху. В «Майн Кампф» он пытался представить эту идею как результат сравнительного анализа взглядов Люгера и Шенерера и как сочетание слияния их элементов в его собственную оригинальную концепцию:

«Если бы у Христианско-социальной партии вдобавок к ее отличному знанию широких масс было еще и правильное представление о значении расовой проблемы, как понимало ее Пангерманское движение, и если бы она была окончательно националистической, или если бы Пангерманское движение вдобавок к его верному пониманию цели еврейского вопроса и значения национальной идеи восприняло еще и практическую сметку Христианско-социальной партии, в частности, ее позицию по отношению к социализму, то в результате возникло бы такое движение, которое, по моему убеждению, уже тогда могло бы с успехом воздействовать на судьбы немцев»[20].

В этих словах содержится и обоснование, почему он не присоединился ни к той ни к другой партии. Однако скорее всего дело было в том, что почти на всем протяжении его жизни в Вене у него просто не было никакой четкой политической концепции, а были лишь самые общие, ориентированные на Шенерера, чувства национальной ненависти и вражды. К этому добавлялись и пара-другая подспудно тлевших предрассудков по отношению в первую очередь к евреям и другим «низшим расам», а также порожденная несбывшимися надеждами импульсивная потребность сказать свое слово. То, что творилось вокруг него, он воспринимал не столько разумом, сколько чувствами, а вследствие чрезвычайно субъективной окраски своего интереса к общественным делам он принадлежал не столько к политическому, сколько к политизированному миру. Позже он сам признается, что первоначально будучи целиком поглощен честолюбивыми замыслами, связанными с искусством, он интересовался политикой лишь «между прочим», и только «кулак Судьбы», как он картинно выразится, раскрыл ему затем глаза. И даже в вошедшем потом во все школьные хрестоматии и ставшем неотъемлемой частью легенды о Гитлере эпизоде с молодым рабочим-строителем, с которым он был на ножах, Гитлер мотивировал свой

---

[20] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 133 f. См. в этой связи также: *Bracher K.* D. Diktatur. S. 53 ff.

отказ вступить в профсоюз весьма показательным аргументом — он «в этих делах ничего не понимает». Многое говорит за то, что политика долгое время была для него в первую очередь средством самооправдания, возможностью переложить вину с себя на окружающий мир, объяснить провалы в собственной судьбе несовершенством существующего строя и, наконец, просто найти козла отпущения. И весьма характерно, что единственной организацией, в которую он вступил, был союз антисемитов[21].

Квартиру на Фельберштрассе, куда Гитлер перебрался, расставшись с Кубицеком, ему вскоре тоже пришлось покинуть, и до ноября 1909 года он неоднократно менял место жительства, а в документах на регистрацию называл себя ничтоже сумняшеся «художником с академическим образованием», а один раз — «писателем». Есть основания предполагать, что ему хотелось уклониться от регистрации, чтобы избежать службы в армии и таким образом скрыться от бдительного ока властей. Возможно, однако, что в этих переездах сказались отцовская страсть к перемене мест и его собственная бесцельная неугомонность. Из описаний тех лет он предстает человеком с бледным лицом, запавшими глазами, низко спадающими на лоб волосами и нервными движениями. Впоследствии он сам говорил, что был в то время очень робким, боялся обратиться к любому человеку, который представлялся ему стоящим выше

---

[21] Другую точку зрения отстаивает главным образом В. Мазер (*Maser W.* Die Frühgeschichte der NSDAP. S. 92.), который больше доверяет в этом вопросе Кубицеку, а не Гитлеру, хотя ничем свою точку зрения не обосновывает. Ее и невозможно обосновать. Высказывание Гитлера, что он интересовался политикой лишь «между прочим», Мазер считает «смещенным во времени». Но представление, будто Гитлер уже в молодые годы должен был бы проявить элементарный интерес к политическим вопросам, поскольку впоследствии стал видным политиком, тоже «смещено во времени» и, главное, недооценивает сути гитлеровского отношения к политике. По поводу приведенных цитат Гитлера см.: *Hitler A.* Mein: Kampf. S. 36, 40 ff.; там Гитлер признается и в том, что, когда он пришел на стройку, его знания о профсоюзной организации были «еще равны нулю», и нет ни малейшего основания не верить этому. Антисемитизм Гитлера тогда тоже не был до конца последовательным. Ханиш, живший вместе с Гитлером в мужском общежитии, утверждал даже в 1936 году, что в Вене Гитлер не был антисемитом, и приводил обширный список евреев, с которыми Гитлер якобы поддерживал сердечные отношения, см.: *Smith B.* F. Op. cit. S. 149.

по социальной лестнице, и не рискнул бы выступить даже перед пятью слушателями[22].

Средства на жизнь ему, как и прежде, давала сиротская пенсия, которую он получал обманным путем, как якобы учащийся в Академии. Причитавшаяся ему часть отцовского наследства, а также его доля от продажи родительского дома, так долго обеспечивавшие ему беззаботное и независимое существование, к концу 1908 года были, надо полагать, уже израсходованы. Во всяком случае, в ноябре он съехал из комнаты на Симон-Денкштрассе, которую снял только в сентябре. Конрад Хейден, автор первой значительной биографии Гитлера, установил, что в это время Гитлер, оказавшись в «горькой нужде», был вынужден несколько ночей провести без крыши над головой и пока не наступили холода ночевать на скамейках в парке и в летних кафе. Ноябрь 1909 года был необычайно холодным, часто шли дожди, нередко с мокрым снегом[23]. И вот Гитлер уже стоит в очереди, скапливавшейся каждый вечер перед ночлежкой в венском пригороде Майдлинг. Здесь он знакомится с бродягой, которого зовут Рейнгольд Ханиш и который потом оставит написанные от руки показания о том, как «я после долгих скитаний по дорогам Германии и Австрии попал в ночлежку для бездомных в Майдлинге. Слева от меня на пружинных нарах был худощавый молодой человек со сбитыми до крови ступнями. Поскольку у меня был хлеп (!) выпрошенный у крестьян я поделился с ним. Я тогда говорил с сильным берлинским акцентом, а он бредил Германией. Его радные (!) места Браунау на Инне я исходил вдоль и поперек, так что мне было легко следить за его рассказами».

---

[22] Tischgespräche. S. 323; *Greiner J.* Op. cit. S. 14.

[23] См.: Jahrbuch der KK Zentralanstalt für T Meteorologie. 1909. S. A 108, A 118. Цит. по: *Smith B. F.* Op. cit. S. 127. Против К. Хейдена и последующих исследователей, придерживающейся его взглядов, будет выступать главным образом В. Мазер (*Maser W.* Frühgeschichte. S. 77). Не подкрепляя, как всегда, своих суждений достаточными аргументами, он утверждает, что «наверняка» не материальные мотивы вынудили Гитлера поселиться в ночлежке. Но при оценке финансового положения Гитлера Мазер исходит из того, что доставшаяся ему от отца доля наследства шла ему в виде пожизненной ренты. На самом деле она составляла около 700 крон и должна была рано или поздно — в зависимости от интенсивности расходов Гитлера — исчерпаться. Стремясь во что бы то ни стало отстоять свой тезис о материальной обеспеченности Гитлера, Мазер считает даже возможным (а затем и вполне вероятным), что Гитлер поселился в ночлежке, «дабы изучить эту среду» (!!).

До лета 1910 года — почти целых семь месяцев — Гитлер и Ханиш жили вместе, их связывали тесная дружба и поиски заработка. Конечно и Ханишу, как и всем остальным свидетелям того раннего периода жизни Гитлера, едва ли можно во всем верить, но по меньшей мере не лишено психологической достоверности его утверждение о склонности Гитлера к меланхолическому безделью и о безуспешных попытках побудить его искать работу. Пропасть между страстным стремлением Гитлера к жизни буржуа и реальностью и впрямь никогда не была столь глубокой, как в месяцы, проведенные в ночлежке бок о бок с достаточно сомнительными личностями и с таким примитивным другом-проходимцем как Рейнгольд Ханиш (получив в 1938 году контроль над Австрией, Гитлер прикажет его убить). Однако будучи уже в апогее своей славы и оглядываясь назад, Гитлер, словно настаивая на своей правоте перед лицом удручающей реальности тех лет, будет утверждать: «Но в мечтах я жил во дворцах»[24].

Предприимчивый и смекалистый Ханиш, хорошо знавший нужды, уловки и шансы своего класса, как-то спросил Гитлера, какой профессии тот обучался. На это Гитлер ответил, что он живописец. Поняв это слово как «мазила», Ханиш сказал, что с такой профессией можно легко зарабатывать деньги. И сколь бы ненадежными ни считались свидетельства Ханиша, в его дальнейшем рассказе Гитлер ведет себя, как и должен был бы вести: «Он оскорбился и ответил, что он не маляр, а художник с академическим образованием». Надо думать, именно по инициативе Ханиша они начинают теперь действовать вместе. Незадолго до Рождества они перебираются в своего рода дешевую гостиницу — мужское общежитие на Мельдеманштрассе в 20-м районе. Днем, когда в каморках для ночлега шла уборка, Гитлер отправлялся в читальный зал, где сидел над разложенными на столах газетами, читал научно-популярные журналы и брошюрки или перерисовывал почтовые открытки, преимущественно с видами Вены. Эти тщательно выполненные акварельки Ханиш про-

---

[24] Libres Propos sur la Guerre et la Paix. P. 46. Сразу после аншлюса Австрии Ханиш был арестован гестапо и, по всей видимости, вскоре убит. Во всяком случае, из письма одного из его друзей, кондуктора Ганса Фейлера, следует, что уже 11 мая 1938 года он был мертв. И просто безнравственно упрекать бродягу и поденщика Ханиша за то, что он, не имея ни малейшей научной подготовки, дерзнул много нимало, как предложить свои воспоминания о Гитлере за деньги, а после 1933 года даже набрался наглости заявить о готовности придать своему рассказу положительную окраску. См.: *Maser W.* Frühgeschichte. S. 70.

давал торговцам картинами, столярам, изготовлявшим рамки, а то и просто обойщикам, которые, по тогдашней моде, «вставляли их в высокие спинки кресел и диванов». Выручку они делили пополам. Гитлер считал, что сам он не в состоянии продавать свои работы, потому что «в своей поношенной одежде он не смотрится». Ханишу же, по его уверениям, «иногда удавалось получить очень даже неплохой заказ. Так что худо ли, бедно ли, но мы жили... Так и текли нидели (!)»[25].

Обитателями мужского общежития были люди всех слоев, больше всего было молодых рабочих и служащих, работавших на расположенных поблизости фабриках и заводах. Наряду с ними встречались и отдельные представители довольно престижных профессий; Ханиш упоминает в своих показаниях переписчиков нот, рисовальщиков вывесок и резчиков печаток. Однако картину и весь быт общежития определяли деклассированные элементы — какие-то авантюристы, обанкротившиеся торговцы, игроки, нищие, ростовщики, отставные офицеры — словом, люмпены из всех уголков многонациональной Дунайской монархии, ну и, наконец, так называемые торгаши — евреи с восточных окраин империи, пытавшиеся торговлей старьем или вразнос поправить свое материальное положение. Их объединяла общая нищета, а разъединяло жадное желание вырваться из нее, совершить прыжок наверх, чего бы это ни стоило: «Отсутствие солидарности — это главная и основная черта огромного класса деклассированных»[26].

---

[25] Рассказ Ханиша не датирован. Познакомиться с ним можно в BAK NS 26/64. Все используемые ниже цитаты взяты оттуда. См., кроме того, сведения Ханиша, сообщенные Р. Олдену: *Olden R.* Hitler. S. 46 ff., затем: *Heiden K.* Hitler. Bd. 1, S. 37.

[26] *Heiden K.* Hitler. Bd. 1, S. 43. Несколько интересных деталей о мужском общежитии, в котором жил Гитлер, приводится в кн.: *Jenks W. A.* Op. cit. S. 26 ff. Согласно этому источнику, обитатели общежития не должны были зарабатывать более 1500 крон в год, в здании было 544 койкоместа, и оно являлось четвертой постройкой такого рода, осуществленной на средства фонда по борьбе с дефицитом жилья. В Вене действительно царила, как об этом пишет в «Майн Кампф» Гитлер, просто невообразимая нехватка жилья. С 1860 по 1900 год население увеличилось на 259 % и по темпам роста населения город занял второе место в Европе после Берлина (281 %). Так, например, в Париже прирост населения составил всего 60 %. Как следует из приведенных Дженксом статистических данных, в восьми населенных преимущественно рабочими районах Вены на одно жилое помещение приходилось в среднем от 4 до 5,2 человека.

Если не считать Ханиша, у Гитлера друзей в мужском общежитии не было. Те, кто его знал, подчеркивали его нетерпимость, а сам он, напротив, говорил о своей антипатии к тому типу венца, от которого его «с души воротило»[27]. Во всяком случае, надо полагать, что дружбы он ни с кем не искал, а с тех пор как ему с помощью Ханиша удалось покинуть ночлежку, какие-либо задушевные отношения его только раздражали и отпугивали. Зато он узнал, что такое приятельские отношения среди простых людей, обеспечивающие одновременно контакт и анонимность и создающие ту лояльность, которая может в любой момент трансформироваться. Этот ценный опыт Гитлер уже никогда не забудет, а станет постоянно обновлять его на самых различных социальных уровнях с почти тем же окружением: в окопах войны, среди своих ординарцев и шоферов, чье общество он предпочитал, уже будучи вождем партии, а затем и рейхсканцлером, и, наконец, в подземном бункере. Рассматривая всю жизнь Адольфа Гитлера, создается впечатление, что он постоянно воспроизводит образ жизни мужского общежития, что для него существуют лишь подобные формы совместного проживания, довольно точно отвечающие его представлению о человеческих связях вообще. Руководство общежития к Гитлеру относилось плохо, считая его «вызывающе политизированным». «Бывало жарковато, — свидетельствует Ханиш, — такие порой они бросали враждебные взгляды, что бывало не по себе».

Свои убеждения Гитлер отстаивал, очевидно, остро и непримиримо. Радикальные альтернативы, утрирование любого утверждения — вот основа его подсознания, его склонное к ужасам и отвращению сознание преувеличивало все до гигантских размеров и превращало события скромного масштаба в метафизические катастрофы. С юных лет его привлекали только великие мотивы. Тут лежит одна из причин его столь же наивной, сколь и художественно обращенной в прошлое любви к героическому, возвышенно-декоративному. Боги, герои, гигантские проекты и высокопарные слова служили ему стимулами и помогали бороться с банальностью его собственной жизни. «В музыки (!) его приводил в телячий восторг Рихард Вагнер», — пишет Ханиш, а сам Гитлер потом

---

[27] См.: *Kubizek A.* Op. cit. S. 203, 205; *Greiner J.* Op. cit. S. 100; там же содержатся сведения о том, что Гитлер отличался неуживчивостью характера и излишней горячностью в спорах.

скажет, что уже тогда он набрасывал первые планы по перестройке Берлина. Действительно, тяга ко все новым прожектам не оставляла его. Мы узнаем, что поступление на работу в машбюро одной строительной конторы тут же пробудило в нем архитектурные мечтания, а после экспериментов с авиамоделями он уже видел себя владельцем крупного авиационного завода и «богатым, очень богатым»[28].

А пока он рисует — кажется, этот заказ ему устроил Грейнер, — плакаты, рекламирующие бриллиантин для волос, магазин мягкой мебели на Шмальцхофгассе и, наконец, присыпку от пота «Тедди». Удалось найти последнюю работу, на которой подпись Гитлера можно однозначно идентифицировать. Это довольно беспомощный по манере, сухой, ученический рисунок, изображающий двух почтальонов, один из которых в изнеможении опустился на землю, и по его чулку текут жирные, синие капли пота, в то время как другой поучает своего «дорогого братца», что и десять тысяч ступенек в день «с присыпкой «Тедди» проделать не лень». На другом сохранившемся плакате башня Святого Штефана горделиво возвышается над горою из кусков мыла. Сам Гитлер считал тот этап своей жизни достойным воспоминания, поскольку он мог наконец распоряжаться своим собственным временем. Часами он просиживает в маленьких, дешевых пригородных кафе над газетами, отдавая особое предпочтение антисемитскому листку «Дойчес Фольксблатт»[29].

Резюмируя все сказанное выше, можно утверждать, что в этом двадцатилетнем человеке наиболее явственными и характерными являются замкнутость, бегство от реальности и, строго говоря, аполитичность. Он сам скажет, что в это время он был чудаком[30]. По всей вероятности, в те годы его обожествляемым идолом был Рихард Вагнер, причем не только «в музыки» (!). Скорее всего, Гитлер усматривал в наполненной ранними разочарованиями, неукротимой верой в свое призвание и в конечном итоге «увенчанной всемирной славой жизни»[31] образец для своей собственной жизненной по-

---

[28] *Greiner J.* Op. cit. S. 106 ff., 38 ff., 78. О том, что он уже тогда занимался проектами перестройки Берлина, Гитлер расскажет сам в одной из своих застольных бесед, см.: Libres propos. P. 46.

[29] «Deutsches Volksblatt» — «Немецкий народный листок». — *Прим. науч. ред.*

[30] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 35.

[31] *Mann Th.* Leiden und Grösse Richard Wagners. GW. Bd. 10. S. 346.

зиции. Эта преемственность выражалась в искушении молодого человека романтическим понятием о гениальности, которое нашло в Мастере из Байройта[32] свое воплощение и одновременно свое крушение. Ведь благодаря ему было сбито с толку, раздавлено и отчуждено от буржуазного мира целое поколение немцев.

Восхищение Рихардом Вагнером дополняет портрет Гитлера, получивший свои первые очертания во время бегства молодого человека из училища в манящий, искушающий грандиозными ожиданиями столичный город. На подобный путь вступали многие из сверстников Гитлера со сходными радужными надеждами — это была своего рода «королевская дорога» одаренных и ущемленных аутсайдеров. И серый лик закомплексованного сына таможенника из Линца невольно всплывает вдруг в ряду романтической галереи беглых школьников, среди которых Томас и Генрих Манны, Герхарт Гауптман и Герман Гесе. Этот тип эскапирующего юноши встречается во многих литературных произведениях, созданных на переломе веков: у Эмиля Штрауса в его повести «Друг Хайн» (1901), у Рильке в «Уроке гимнастики» (1902), у Роберта Музиля в «Молодом Терлессе» (1906), у Германа Гессе в романе «Под колесами» (1906), у Франка Ведекинда в «Пробуждении весны» (1906) или в вышедшем годом позже «Мао» Фридриха Хуха. Общая для всех них причина бегства или гибели заключалась в том, что они эстетизировали свои порожденные буржуазным мирком страдания и противопоставляли тривиальному миру своих отцов с его будничным набором непременных обязанностей идеал социально эластичной «жизни художника». На этом фоне постоянно демонстрировалась противоположность художника и буржуа — то, что в терзаемом сомнениями буржуазном сознании рождало со времен Карла Моора и прочих ему подобных предводителей разбойничьих шаек и меланхолических мятежников своих идеализируемых антигероев. Как таковая буржуазность выступает здесь лишь как упорядоченность, дисциплинированность и постоянство. Эти качества конечно же служат залогом успеха, но неслыханные самопроявления и взлеты духа, его подвиги свершаются, по мнению авторов, только на самой далекой от нее человеческой и социальной

[32] В Байройте находился как дом, так и личный театр Рихарда Вагнера. Там же проводились (и проводятся до сегодняшнего дня) ежегодные Вагнеровские фестивали. — *Прим. науч. ред.*

дистанции. Творец, гений, вообще сложный характер по своей сути глубоко чужд буржуазному миру, и его место в социальной структуре находится вне этого мира, далеко на окраинах общества. Там, где, как патетически заметил тот, кто первым проанализировал этот тип человека, равно удалены и морг с трупами самоубийц, и пантеон бессмертия[33]. И поэтому, какими бы смешными и беспомощными ни казались все старания молодого Гитлера на пути реализации своих амбициозных творческих мечтаний, каким бы сомнительным ни был его талант, да и вообще, каким бы пошлейшим авантюризмом, банальнейшим паразитированием и асоциальностью ни характеризовалась его жизнь в мужском общежитии, — все это в позднебуржуазном представлении о гениальности находило свое тайное оправдание, а в Рихарде Вагнере — свой классический, неопровержимый пример.

Сам Гитлер позже уверял, что у него «не было предшественников», за исключением Рихарда Вагнера, и говорил о нем не только как о гениальном музыканте и драматурге, но и как о сильной личности, «величайшем пророке немецкого народа». Гитлер любил подчеркивать выдающееся значение Вагнера «для развития немецкого человека», восхищался мужеством и энергией его политических действий, «хотя тот, собственно, не хотел иметь дела с политикой» и как-то раз сказал, что, когда он осознал свое внутреннее родство с этим великим человеком, его охватило «прямо-таки истерическое возбуждение»[34].

Совпадения тут и вправду проследить весьма нетрудно — соприкосновение темпераментов, усугубленное восторженным

---

[33] *Murger H.* Scenes de la vie de Boheme. Paris, 1851. S. VI. См. также: Michels R. Zur Soziologie der Boheme und ihrer Zusammenhaenge mil dem geistigen Proletariat. In: Jahrbuch fuer Nationalökonomie und Statistik, 1932. Nr. 136. S. 802 ff. Согласно знаменитому эссе Дьердя Лукача о Теодоре Шторме, порядок, самоотверженность и выдержка являются главными элементами буржуазного образа жизни, см.: Schriften zur Literatursoziologie. S. 296 ff. В связи с упомянутыми литературными свидетельствами о конфликте между буржуазной молодежью и школой представляется интересным тот факт, что «Пробуждение весны» Франк Ведекинд написал еще в 1891 году, но поставлена эта пьеса была лишь в 1906 году и сразу же снискала большой успех. См. по этому поводу также: Zweig S. Op. cit. S.43ff.

[34] *Rauschning H.* Gespräche mit Hitler. S. 215 f.; *Speer A.* Notiz für den Verfas ser v. 13, Sept. 1969. S. 6, а также: *Ziegler H. S.* Adolf Hitler aus dem Erieben dargestellt. S. 125.

подражанием молодого рисовальщика почтовых открыток, вытекает из удивительного и несомненного сходства взаимоотношений в семье и дает тот сбивающий с толку портрет «братца Гитлера», который впервые был описан Томасом Манном. «Не следует ли, — писал тот в 1938 году, когда Гитлер был на вершине своего успеха, — хотим мы этого или нет, узнать в этом феномене некую форму проявления художественного творчества? Каким-то постыдным образом тут есть все: «тяготы», лень и жалкая неопределенность юных лет, неустроенность, неясность в плане «чего же ты хочешь? », полуидиотское животное существование на самом дне социальной и духовной богемы, принципиально высокомерное, принципиально считающее себя стоящим выше всего этого отрицание любой разумной и достойной уважения деятельности — а на какой же принципиальной основе? На основе случайного ощущения своей предназначенности для чего-то совершенно неопределенного, название чему, если бы можно было найти этому название, повергло бы людей в хохот. К тому же еще угрызения совести, чувство вины, злость на весь мир, революционный инстинкт, подсознательное накапливание взрывоопасных желаний компенсировать себя, сознание, упорно работающее на то, чтобы самооправдаться, чтобы доказать... Достаточно неприятное родство. И все же я не хочу закрывать на это глаза»[35].

Помимо этих, есть и совпадения куда более очевидные: и тут, и там так и оставшаяся неясной история с происхождением, неудачная учеба, уклонение от воинской службы, патологическая ненависть к евреям, равно как и вегетарианство, развившееся у Вагнера в конечном счете в навязчивую идею, что растительная пища должна принести спасение человечеству. Общим для того и другого является и проявление ими экстремальности во всем, постоянные метания из крайности в крайность, когда состояния подавленности и подъема, триумфы и катастрофы неожиданно сменяют друг друга. Во многих операх Рихарда Вагнера налицо классический конфликт одиночки, повинующегося установленному им самим закону, с унаследованными, закостеневшими порядками. И во всех этих героях — будь это Риенци или Лоэнгрин, Штольцинг или Тангейзер[36] — несостоявшийся студент Академии художеств, сидя перед ба-

[35] *Mann Th.* GW. Bd. 12. S. 775 f.

[36] Риенци, Лоэнгрин, Тангейзер — главные действующие лица одноименных опер Вагнера. Вальтер фон Штольцинг — действующее лицо оперы «Нюрнбергские мейстерзингеры». — *Прим. науч. ред.*

ночкой с тушью в читальном зале мужского общежития, видел, словно в операх Вагнера, проявления своего собственного противоборства с миром. Порою прямо-таки кажется, что и свою жизнь он прожил, подражая своему кумиру или хотя бы пытаясь стилизовать ее под него. И тому и другому была свойственна гипертрофированная жажда власти, собственно говоря — склонность к деспотизму. Искусство Вагнера никогда не позволяет забывать о том, что в своей основе оно было инструментом неудержимого и далеко идущего стремления подчинять себе все вокруг. Эта столь же непреодолимая, сколь и двусмысленная тяга к массовым сценам, внушительности, к ошеломляющим масштабам объясняет, почему первой крупной композицией после «Риенци» и «Летучего голландца» у Вагнера стало его произведение для хора из тысячи двухсот мужских голосов и оркестра из ста музыкантов. Трезвый и непредвзятый взгляд на приемы, характерные для музыки Вагнера как ни для какой другой, обнаруживает неизменное самоискушение величественным эффектом завывания волынок, когда в сопровождении резкого визга смычковых разворачивается действо, где все вперемешку — Вальхалла[37], ревю и храмовые обряды. С Вагнером в искусстве началась эпоха неразборчивого околдовывания масс. И просто невозможно представить стиль зрелищ в Третьем рейхе без этой оперной традиции, без демагогического по своей сути творчества Рихарда Вагнера.

Однако в то же время и того и другого объединяет и высокоразвитое чувство психологической изощренности, примечательным образом совпадающее с невосприимчивостью к тому, где она переходит в пошлость. И это придает им ту черту плебейской претенциозности, которая отразилась на протяжении десятилетий в поразительно равнозначных оценках. Как-то Готфрид Келлер назвал этого композитора «парикмахером и шарлатаном», в то время как один из современников с проницательностью антагониста окрестил Гитлера «типичным оберкельнером», а другой — красноречивым убийцей-садистом[38]. И впрямь, элемент вульгарности, одиозности, содержащийся в этих определениях, одинаково присущ и тому

[37] Вальхалла (древнескандинавское Valhöll — «чертог мертвых»), в скандинавской мифологии находящееся на небе, дворец верховного бога Одину, куда попадают после смерти павшие в битвах храбрые воины, эйнхерии. — *Прим. науч. ред.*

[38] *Reck-Malleczewen F. P.* Tagebuch eines Verzweifelten. S. 27.

и другому — это черта и гениального мистификаторства, и в той же мере вдохновенного мошенничества. И как Рихард Вагнер совмещал роль революционера с амплуа друга-конфидента короля[39] — «государственного музыканта», как с издевкой писал Карл Маркс, — то точно так же молодой Гитлер лелеял мечты о таком восхождении, которое бы примирило его ненависть к обществу с его оппортунистическими инстинктами. Вагнер устранил все очевидные противоречия, провозгласив искусство целью и назначением бытия, а творца-художника — его высшей силой, которая неизменно вмешивается в жизнь человека и приносит спасение там, где «отчаивается государственный муж, опускает руки политик, мучится с бесплодными системами специалист и даже философ только нащупывает, но еще не возвещает». То, что он проповедовал, было абсолютной эстетизацией жизни под руководством искусства[40]. В результате, по его мысли, государство должно было быть поднято на уровень художественного произведения, а политика — обновлена и доведена до совершенства духом искусства. В театрализации общественной жизни Третьего рейха, в страсти режима к инсценировкам и в драматургии его политической практики, которая нередко, казалось, и становилась главной целью политики, нетрудно уловить элементы именно этих программных воззрений.

Кроме того, есть и другие совпадения. Та прирожденная тяга к «дилетантизации», которую Фридрих Ницше в своем знаменитом «Четвертом несвоевременном размышлении» подметил за своим тогда еще идеализировавшемся им другом, была присуща и его юному адепту. Оба они демонстрируют одинаковое, бросающееся в глаза стремление своенравно вторгаться в любую сферу, свое мучительное честолюбивое желание показать себя, ослепить, понравиться, превзойти быстро улетучивающуюся славу вчерашнего дня шумом сегодняшнего. И тут и там постоянно натыкаешься на сбивающие с толку мелочные человеческие отношения в непосредственной близости, а то и в неразрывной связи, с вдохновением, и кажется, что именно это параллельное существование

---

[39] Имеются в виду дружеские отношения Рихарда Вагнера и его восторженного поклонника короля Баварии Людвига II Виттельсбаха (25.8.1845—13.6.1886). — *Прим. науч. ред.*

[40] *Wagner R.* Gesammelte Schriften. Bd. 11. S. 334 f. См. также эссе «Kunst und Revolution», Ibid. Bd. 3. S. 35 ff.; *Freund M.* Abendglanz Europas. S. 226.

и составляет суть их таланта. Разделяло же их полное отсутствие у Гитлера самодисциплины и творческих исканий, его почти наркотическая летаргия. Но помимо этого, и в самой первооснове здесь встречаешь еще и ожесточенное, отчаянное сопротивление опасности пролетаризации — в этом сказывается внушающая уважение сила воли, подстегиваемая вспыхивающим предчувствием, что когда-нибудь случится нечто неслыханное и все испытанное им унижение, вся боль этих лет страшно отомстят за себя.

По своей сути аполитичное, театральное и находившееся под влиянием Рихарда Вагнера отношение Гитлера к миру проявляется в разных аспектах. Однажды, после нескольких дней «размышлений и раздумий», как он сам пишет, бесцельно бродя по городу, он оказывается свидетелем многолюдной демонстрации венских рабочих. Когда он даже пятнадцать лет спустя будет вспоминать об этом событии, то и тогда можно будет почувствовать, какое неизгладимое впечатление произвел на него в тот день вид «бесконечных шеренг по четыре человека в каждой». Почти в течение двух часов, рассказывает Гитлер, простоял он на тротуаре Рингштрассе, «затаив дыхание» смотря на «эту похожую на исполинского змея процессию, медленно тянувшуюся мимо», пока наконец «в жуткой подавленности» не оторвался от зрелища и не поспешил домой, глубоко потрясенный, вероятно, в первую очередь тем сценическим эффектом, который производила эта демонстрация. Во всяком случае, он не упоминает, по какому поводу была эта манифестация, — это волновало его куда меньше, чем вопрос о том, каких эффектов можно добиться с помощью массы людей. Его занимали театральные проблемы, он понимал, что перед политиком в первую очередь встают постановочные задачи. Еще Кубицек обратил внимание на то, какое значение придавал его друг в своих случайных драматических опусах «как можно более грандиозной постановке», и насколько этот первый наивный почитатель Гитлера успел забыть содержание его пьес, настолько незабываемыми остались в его памяти те, по его словам, «гигантские затраты», которые закладывались автором и даже «совершенно затмевали» все, что когда-либо требовал для своих постановок Рихард Вагнер[41].

---

[41] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 43; *Kubizek A.* Op. cit. S. 220.

Оглядываясь назад, Гитлер будет рекламировать свои «университеты» и скажет, что за эти почти пять лет жизни в Вене он «бесконечно много и весьма основательно» читал. Кроме занятий архитектурой и посещений оперы, его «единственной радостью» было «только побольше бы книг». Но, пожалуй, более правильным было бы искать наиболее характерные впечатления этого периода не столько в интеллектуальной плоскости, сколько в области демагогии и политической тактики. Когда рабочие-строители будто бы вздумали как-то раз столкнуть этого постоянно державшегося в стороне от них как по причине своего высокомерия, так и по причине боязни общества буржуйского сынка с лесов, то из той коллизии он усвоил, что существует метод чрезвычайно простого обхождения с аргументами: «проломить череп каждому, кто рискнул возражать», — замечает он не без восхищения этим методом[42]. Во всяком случае, на страницах «Майн Кампф», посвященных его политическому пробуждению, нет, по причине их теоретической убогости, и следа того критического и творческого изучения идей времени, которое он ставит себе в заслугу. Правильнее было бы сказать, что скорее он безоговорочно следовал банальной идеологии немецкой буржуазии. А вот вопросы объединяющих возможностей идей, их пригодности для мобилизации масс пробуждали в нем почти ненасытный интерес и приносили неожиданные озарения.

Так, есть свидетельства, что уже в венский период ему было присуще то, что будет составлять потом многие характерные пассажи в его речах и заявлениях, — настойчивый и не считающийся ни с какими возражениями вопрос об «инспираторах», «темных подстрекателях», якобы навязывающих массам свою волю»[43]. В уже упоминавшихся показаниях Ханиша рассказывается, как Гитлер однажды пришел домой «совершенно обалдевший» после фильма по роману Бернгарда Келлермана «Туннель», где главным действующим лицом был оратор-пропагандист: «Пламеные (!) речи бывали и у нас в мужском общежитии», — утверждает автор. А Йозеф Грей-

---

[42] Из выступления в Гамбургском национальном клубе, см.: *Jochmann W.* Im Kampf um die Macht. S. 85.

[43] См.: *Kubizek A.* Op. cit. S. 294 ff.; *Heiden K.* Hitler. Bd. 1. S. 45. Приводимый ниже рассказ Ханиша — скорее всего поздняя версия, поскольку роман Келлермана вышел в 1913 году, т.е. уже после того, как Ханиш и Гитлер поссорились. Тем не менее можно предположить, что речь идет о каком-то другом фильме на ту же тему.

нер вспоминает, как Гитлер рассказывал ему о некой Анне Чилаг, которая с помощью подделанных рекомендательных писем и фальсифицированных справок рекламировала созданное по своему секретному рецепту средство для роста волос. Почти целый час, как утверждается в этом явно правдоподобном свидетельстве, Гитлер восхищался ловкостью той женщины и говорил о колоссальных возможностях психологического воздействия. «Пропаганда длится до тех пор, — упоенно повторял он, — пока ей не станут безоговорочно верить, до тех пор, когда уже и не знаешь, что выдумка, а что быль», ибо пропаганда — это «квинтэссенция любой религии... идет ли речь о небе или о мази для волос»[44].

И еще более твердая почва под ногами появляется, когда читаешь выводы, которые Гитлер, по его собственным словам, сделал из наблюдения за социал-демократической пропагандой — печатью, демонстрациями и выступлениями ораторов. Они наложили огромный отпечаток и на его собственные методы воздействия на массы:

«Психология широких масс невосприимчива ко всему половинчатому и слабому.

Подобно женщине, душевное восприятие которой определяется не столько доводами абстрактного разума, сколько доводами неопределимой, эмоциональной тоски по недостающей силе, и которая поэтому предпочитает подчиняться сильному, нежели повелевать слабым, так и массы больше любят повелителя, чем просителя, и в душе чувствуют себя более удовлетворенными учением, которое не терпит рядом с собой никакого другого, нежели разрешенного либеральной свободой. Да они и не знают, что с ней делать, и даже чувствуют себя какими-то потерянными. То, что их бесстыдно терроризируют духовно, не доходит до их сознания в той же мере, как и возмутительное злоупотребление их человеческой свободой, ибо они никак не ощущают внутреннего безумия учения в целом. Так что они видят только безудержную силу и жестокость его устремлений, которым они в конечном итоге всегда покоряется... Не менее понятным стало для меня и значение террора по отношению к личности и к массе. И здесь тоже точно рассчитанный психологический эффект.

---

[44] Сделанная выше оговорка касается и эпизода, о котором рассказывает И. Грейнер, см.: *Greiner J.* Op. cit. S. 40 ff.; однако с психологической точки зрения он вполне убедителен.

Террор на рабочем месте, на фабрике, в помещении для собраний и по случаю массовой демонстрации всегда увенчивается успехом, пока ему не противостоит столь же мощный террор»[45].

В начале августа 1910 года между Гитлером и Ханишем происходит разрыв. Гитлер в течение нескольких дней рисует здание венского парламента. Восторг от этого классического строения, которое он назовет потом «чудесным эллинским шедевром на немецкой земле», по всей вероятности, заставил его трудиться с максимальным прилежанием. Так или иначе, но он полагал, что его картина стоит пятидесяти крон, а Ханиш продал ее якобы всего за десять. Когда же приятель сразу после этой ссоры куда-то исчез, Гитлер с помощью одного из жильцов мужского общежития устроил так, что его задержали, а дело передали в суд. 11 августа Ханиша приговорили к семи дням заключения; позже он говорил, что не очень-то и протестовал, желая расположить к себе судей, поскольку проживал в мужском общежитии под вымышленным именем Фрица Вальтера. Вдова покупателя позже даст показания, что ее муж действительно заплатил за картину около десяти крон, тем не менее Ханиш почему-то не назвал его в качестве свидетеля[46]. Какое-то время продажу картин Гитлера берет на себя еврей по фамилии Нойман, тоже живший в том мужском общежитии. Иной раз и сам Гитлер отбрасывает свои предубеждения и начинает охоту за покупателями.

Проведенные в Вене три с половиной года и стали «университетами» Гитлера, именно тогда окончательно сформировалось его представление о человеке, сложилась его картина общества. И нетрудно понять те комплексы ненависти и неприятия, которые должны были возникнуть у него в результате столкновения его заоблачных амбиций с этим окружением. Даже годы спустя он содрогался от отвращения, вспоминая эти «мрачные картины гадости, омерзительной грязи и злости», с которыми он чаще всего встречался в том районе, где жил. Но, что интересно, чувства сострадания он при этом не испытывал.

Этот опыт и жизненные обстоятельства заложили во многом и основы той философии борьбы, которая стала центральным пунктом его миропонимания, его «гранитным фундамен-

---

[45] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 44, 46.

[46] Подробнее об этой истории см.: *Heiden K.* Hitler. Bd.l. S.48 f.

том». И где бы потом он не выражал свою приверженность идее «жесточайшей борьбы», «безжалостного самоутверждения», уничтожения, твердости, свирепости, к праву на выживание более сильного — будь это в его бесчисленных речах или дебатах, на страницах его книги или в застольных беседах в своей Ставке, — неизменно проявлялось миропонимание обитателя мужского общежития, уроки той школы городского дна.

И все же элементы социал-дарвинизма в мышлении Гитлера нельзя объяснить, как это часто делается, одним лишь его личным опытом, полученным в период жизни в мужском общежитии. Скорее тут следует видеть проявление тенденции эпохи, непререкаемым авторитетом для которой были естественные науки. Открытые Спенсером и Дарвином законы развития и естественного отбора были высшей апелляционной инстанцией для многочисленных псевдонаучных публикаций, умело популяризировавших «борьбу за существование» в качестве основного принципа, а «право более сильного» — в качестве основного закона развития человечества. И весьма примечательно, что эта так называемая теория социального дарвинизма служила — во всяком случае, какое-то время во второй половине XIX века — всем лагерям, направлениям и партиям, ибо она была, — главным образом поначалу, прежде чем начала смещаться вправо и использоваться уже ради доказательства якобы противоестественности идей демократии и гуманизма, — элементом левого вульгарного просвещения.

Исходной мыслью служило утверждение, будто бы судьбы народов и общественные процессы определяются, как и на звериной тропе, биологическими предпосылками. Только строгий естественный отбор, одновременно требующий и уничтожения, и селекции, препятствует неправильному развитию и дает одному народу превосходство над другими. В многочисленных «трудах» таких, к примеру, авторов, как Жорж Ваше де Лапуж, Мэдисон Грант, Людвиг Гумплович или Отто Аммон, широко пропагандировавшихся бойкими газетчиками, содержался целый арсенал этих столь пагубных понятий и представлений: уничтожение неполноценных, техника целевой демографической политики, принудительное заключение в резервации и стерилизация негодных, а также попытка определять наследственную пригодность к борьбе за существование по величине черепа, форме ушей или длине носа. Нередко эти воззрения были связаны с решительным отрицанием христианской морали, терпимости и прогресса цивилизации, ибо эти

последние якобы потворствовали слабости и, следовательно, шли наперекор процессу отбора. Тот факт, что социал-дарвинизм так и не стал стройной системой и даже отвергался порою кое-кем из его былых адептов, нисколько не повредил, однако, его успешному распространению. В общем и целом он представлял собой одну из классических идеологий буржуазной эпохи, стремившейся оправдать свою империалистическую практику, равно как и свою неуклюжую капиталистическую прямолинейность, формулами некоего объективного закона природы.

Однако особенно пагубным было соединение в одно нерасторжимое целое этих мыслей и антидемократических тенденций эпохи. И либерализм, и парламентаризм, и идея равенства, и интернационализм рассматривались тут как нарушение закона природы и объяснялись смешением рас. Еще граф Гобино[47], первый крупный идеолог расизма, автор труда «О неравенстве человеческих рас» («Essai sur l'inegalite des races humaines», 1853), будучи закоренелым аристократом-консерватором, выступал противником демократии, народной революции и всего того, что он презрительно называл «общинным духом». Но еще большее распространение, во всяком случае, в широких кругах немецкой буржуазии, получили произведения англичанина Стюарта Хьюстона Чемберлена[48], сменившего свою родину на Германию. Отпрыск известного рода потомственных военных, образованный, но человек нервный и хилого телосложения, он по учебным и писательским делам и из интереса к творчеству Рихарда Вагнера попал в Вену в год рождения Гитлера. Чемберлен рассчитывал задержаться здесь всего на несколько недель, но застрял в Вене на целых двадцать лет. Не в последнюю очередь благодаря встрече с этой многонациональной державой Габсбургов, одновременно восхищавшей и отталкивавшей его, он создал свою концепцию расовой теории истории. Его главный труд «Основы XIX века» (1899) подвел фундамент под пространные конструкции Гобино своей конкретизацией материала и чрезвычайно смелой интерпретацией европейской истории как истории расовых войн. В гибели Римской импе-

[47] Граф Жозеф Артюр де Гобино (14.7.1816—13.10.1882), французский социолог и писатель. — *Прим. науч. ред.*

[48] Хьюстон Стюарт Чемберлен (5.9.1855—9.1.1927), английский социолог и писатель. Был женат на дочери Рихарда Вагнера Еве и с 1908 года постоянно жил в Байройте (Германия). — *Прим. науч. ред.*

рии Чемберлен углядел классическую модель исторической деградации вследствие процессов кровосмешения. Как когда-то гибнущий Рим, так и австро-венгерская монархия, по его мнению, находились в эпицентре бурно развивающегося процесса наступления восточной расы. Здесь, как и в Риме, писал он, «не какая-то определенная нация, какой-то народ, какая-то раса» принесли своим проникновением гибель и разложение, а некий «пестрый агломерат» явлений, подвергшихся со своей стороны многократному смешению. «Легкое дарование, а нередко и своеобразная красота, то, что французы называют un charme troublant (волнующий шарм), зачастую свойственны гибридам; в наши дни это можно наблюдать в городах, где, как в Вене, сталкиваются самые разные народы; но в то же время можно увидеть и своеобразную неустойчивость, плохую жизнестойкость, отсутствие характера, короче говоря, моральное вырождение таких людей»[49]. Чемберлен проводит параллель еще дальше, сравнивая стоявшие у ворот Рима германские племена с благородной в расовом отношении Пруссией, по праву одержавшей победу в противоборстве с многонациональной державой. Но все же в целом у этого чистой воды индивидуалиста перевешивает чувство страха. В своих постоянно повторяющихся видениях он усматривает германцев, вовлеченных «на краю расовой пропасти в безмолвную борьбу не на жизнь, а на смерть» и мучится кошмарами вырождения: «Еще утро, но силы тьмы продолжают тянуть свои руки-присоски, впиваются в нас в тысячах мест и пытаются утащить нас... назад в темноту».

Поэтому социал-дарвинистские воззрения Гитлера были, если смотреть на них в совокупности, не просто «философией ночлежки для бездомных»[50]. Скорее здесь проявляется более глубокое совпадение между ним и буржуазной эпохой, чьим законным сыном и разрушителем он был. Собственно говоря, он подхватил только то, что встречалось ему в газетах, разложенных на столиках пригородных кафе, в грошовых брошюрках, операх, а также в речах политиков. Вынесенный из мужского общежития опыт отражает лишь специфически извращенный характер его миропонимания — не больше и не меньше, как, впрочем, и тот убогий лексикон, который потом будет вынуждать его, го-

[49] *Chamberlain H.* St. Die Grundlagen des 19. Jahrhunderts. Bd. 1. S. 352.

[50] *Bullock A.* Op. cit. S. 32; о вопросе во всей его совокупности см. также: *Zmarzlick H.-G.* Der Sozialdarwinismus als geschichtliches Problem. In: VJHfZ, 1963. H. 3. S. 246 ff.

сударственного деятеля и хозяина целого континента, употреблять такие выражения, как «это восточное дерьмо», «свинячьи задницы», «навоз убогого искусства», называть Черчилля «тупой квадратной рожей», а евреев — «совершеннейшими свиньями», которых «следует бить нещадно»[51].

Гитлер воспринял весь комплекс представлений, придававших своеобразную окраску этому времени, с той обостренной чувствительностью, которая, собственно, и оказалась тем единственным, что было у него от художника. Идеи же были даны ему не конкретно кем-то, а самой эпохой. Наряду с антисемитизмом и социал-дарвинизмом сюда же относится в первую очередь националистически окрашенная вера в свое призвание, бывшая другой стороной всех его пессимистических кошмаров. Кроме того, в его поначалу чрезвычайно смутной и спорадически аранжированной картине мира имели место и более общие осколки идей, характеризующиеся влиянием модных на рубеже веков интеллектуальных течений: философия жизни, скепсис по отношению к разуму и гуманности, а также романтическое прославление инстинкта, зова крови и влечения. Ницше, чья доведенная до тривиальности проповедь силы и бьющая в глаза аморальность сверхчеловека тоже входит в этот идейный арсенал, как-то заметил, что XIX век не взял у Шопенгауэра фактическое содержание его идей — стремление к свету и разуму, а норовил «по-варварски пленяться и соблазняться» бездоказательным учением о воле, отрицанием личности, мечтами о гении, учением о сострадании, ненавистью к евреям и к науке[52].

И здесь опять появляется на сцене Вагнер, на чьем примере Ницше разбирал этот парадокс. Ведь Вагнер был для молодого Гитлера не только великим примером, но и учителем, чьи идеологические аффекты тот перенял очень широко; именно через него шла связь с коррумпированным духом времени. Широко распространенные на рубеже веков политические сочинения Вагнера были любимым чтением будущего фюрера, а напыщенное многословие его стиля несомненно оказало влияние и на формирование стиля самого Гитлера. Наряду с операми они содержат всю идейную подоплеку той картины мира, которую Вагнер скомпоновал для себя из упомянутых элементов: тут и дарвинизм, и антисемитизм («Ибо я считаю еврейскую расу заклятым врагом чистого человечества и всего благородного в нем»),

[51] Tischgespräche. S. 447, 179, 245, 361, 226; выражения такого рода часто встречаются, и не только там, главным же образом — в речах военного времени.

[52] *Nietzsche F.* Die fröhliche Wissenschaft. Stuttgart, 1950. S. 113 ff.

и представление о германской силе и освободительном варварстве, и мистицизм очищения «Парсифаля», да и вообще весь мир драматического искусства этого композитора, мир, в котором на резко дуалистических позициях враждебно противостоят друг другу добро и зло, чистота и испорченность, властитель и подневольный. Проклятие золота, копошащаяся под землей низшая раса, конфликт между Зигфридом и Хагеном, трагический гений Вотана — весь этот необычайно многозначный мир с его кровью, истреблением драконов, страстью к господству, предательством, сексуальностью, язычеством, со спасением и колокольным звоном в театральную Страстную пятницу и был той идейной средой, которая максимально отвечала и страхам Гитлера, и его потребностям в триумфе. Стремление самоучки к общепринятым воззрениям и обрело для себя в этом творчестве и в том, что его сопровождало и выплескивалось за его рамки, скомпонованную картину мира, и теперь это уже были истины, «гранитные фундаменты».

Годы в Вене Гитлер назовет потом «труднейшей, хотя и основательнейшей школой» своей жизни и заметит, что он стал тогда «серьезным и тихим». И всю жизнь будет ненавидеть этот город за отпор и обиду, испытанные им в те годы. И в этом он тоже похож на своего кумира Рихарда Вагнера: тот так и не простил Парижу разочарований своей молодости и со злорадством предавался видениям, в которых этот город погибал в дыму и пламени[53]. Нетрудно предположить, что чудовищные, превосходящие все природные возможности планы Гитлера по превращению Линца в культурную столицу на Дунае были продиктованы его так и не утихшей ненавистью к Вене. И если он и не предавался, чтобы доставить себе задним числом удовольствие, планам сожжения этого города, то все же в декабре 1944 года отклонил просьбу об отправке туда дополнительных зенитных частей замечанием, пусть, мол, и Вена узнает, что такое авиационные бомбардировки.

Явно угнетала его и неопределенность собственного будущего. В конце 1910-го — начале 1911 года, он, судя по всему, получил значительную сумму денег от своей тетки Йоханны Пёльцль[54], однако и эти деньги не подвигли его на какую бы то ни было инициативу, на сколько-нибудь серьезное дело. Он продолжал бесцельную жизнь: «Так и текли нидели (!)».

---

[53] *Gutmann R.* Richard Wagner. S. 155, 350.

[54] *Jetzinger F.* Op. cit. S. 230 ff.

Он по-прежнему выдавал себя за студента, художника или писателя. И вместе с тем, как и раньше, лелеял смутные мечты о карьере архитектора. Но не предпринимал ничего, чтобы хотя бы немного приблизиться к их осуществлению.

Только мечтами и жили его амбиции, честолюбие и надежда то, что его ждет великая судьба. Та настойчивость, с которой он противопоставлял мечты реальности, придает этому отрезку его жизни, вопреки всей ее флегме и пассивной бесцельности, видимость чрезвычайной внутренней последовательности. Он упорно избегал любых определенностей и застывал во временном, преходящем. Подобно тому как отказ вступить в профсоюз и признать тем самым свою принадлежность к рабочему сословию сберег ему претензию на буржуазность, так и в мужском общежитии, пока не минула пора его формирования, у него сохранялась вера в свою гениальность и грядущую славу.

Больше всего его беспокоило, как бы обстоятельства времени не загубили его притязания на великую судьбу. Он боялся бедной событиями жизни. Еще подростком, как он напишет через годы, он «часто с горечью задумывался над тем, что слишком поздно пришел на эту землю» и «в предстоящих временах покоя и порядка видел незаслуженную издевку судьбы»[55]. И только будущий хаос, по его собственному признанию, столпотворение и рушащиеся порядки смогли излечить этот разрыв с реальностью. Совращенный своими экзальтированными мечтаниями, он был одним из тех, кто предпочитает жизни, наполненной разочарованиями, жизнь, наполненную катастрофами.

Глава IV

БЕГСТВО В МЮНХЕН

> Я стремился туда, в Великий рейх, страну моих снов и моей страстной мечты!
>
> *Адольф Гитлер*

24 мая 1913 года Гитлер покинул Вену и перебрался в Мюнхен. Ему уже исполнилось двадцать четыре года, и он, меланхолический молодой человек, как с надеждой, так и с горечью взирал на не понимавший его мир. Разочарования минувших лет еще более усугубили в его характере склонность

[55] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 173.

к мечтаниям и замкнутости. Вену он покидал, не оставляя в ней друзей. В соответствии с его тяготевшим к ирреальности темпераментом, Гитлера влекло скорее к общению с каким-нибудь персонажем из недосягаемого мира: Рихардом Вагнером, бароном фон Шенерером, Люгером. «Костяк личных взглядов», сложившийся у него под «напором судьбы», состоял из нескольких неосознанных чувств категорического неприятия, находивших время от времени, после периодов их смутного брожения и вызревания, выход в бурных приступах; как он позднее заметит, Вену он покинул «абсолютным антисемитом, смертельным врагом всего марксистского мировоззрения, пангерманцем»[1].

Конечно, этому определению, как и всем его высказываниям, касающимся своей биографии, явно присуще желание показать, что он уже с ранних лет отличался категоричностью оценок, а именно это желание и руководило им, когда он писал «Майн Кампф». Однако уже само обстоятельство, что перебрался он все же в Мюнхен, а не в Берлин — столицу империи, служит скорее недвусмысленным доказательством того, что в его естестве весьма долго преобладала аполитичность или, скажем так, художественно-романтические мотивы главенствовали над политическими. А Мюнхен перед Первой мировой войной имел славу города муз, приветливого, чувственно-гуманного центра искусства и науки, и «образ жизни художника» признавался тут самым что ни на есть законным: Мюнхен светился, как гласит одно незабываемое определение[2]. Такое обычно подчеркивавшееся и явно рекламировавшееся своеобразие этого города охотно обосновывалось как раз его противоположностью подобному Вавилону, громыхающе-современному Берлину, где социальное одерживало верх над эстетическим, идеологическое — над культурно-бюргерским, короче говоря, политика главенствовала над искусством. Тот довод, что Мюнхен находился намного ближе к Вене и сюда «доносились испарения австрийской столицы», и это, мол, и определило выбор Гитлера, как раз и подтверждает то, что тот пытался опровергнуть: он руководствовался мотивами самого что

---

[1] Из показаний Гитлера 24 февраля 1924 года на процессе в Мюнхенском суде, см.: *Boepple E.* Adolf Hitlers Reden. S. 96; *Hitler A.* Mein Kampf. S. 137.

[2] *Mann Th.* GW. Bd. 9, S. 176. В эссе «Мюнхен — культурный центр» при сравнении Мюнхена и Берлина говорится: «Здесь ты — в искусстве, там — в политике и экономике»; см.: *Mann Th.* GW. Bd. 11. S. 396.

ни на есть общего жизнеощущения, а отнюдь не побуждениями делового характера, мотивами доносившихся «испарений», т.е. культурной сферой, — именно они заставили его выбрать Мюнхен и отказаться от Берлина, если речь вообще может идти о каком-то сознательном выборе. В «Имперском справочнике германского общества» за 1931 год он укажет, что переселился в Мюнхен, дабы «найти более широкое поле для своей политической деятельности», но ведь, имей он такое желание, условия для этого в столице Германии были куда более широкими.

Внутренняя инерция и отсутствие контактов, определявшие его жизнь в Вене, характерны и для его пребывания в Мюнхене — порой кажется, что всю свою молодость он прожил в огромном пустом пространстве. Совершенно очевидно, что он не вступал в какие-либо контакты с партиями или политическими группами, да и в смысле идеологии он был одинок. Даже в этом интеллектуально столь беспокойном городе с его аурой, связывавшей людей друг с другом, где любая навязчивая идея являлась свидетельством оригинальности, он так и остался в одиночестве. И это при том, что идейный арсенал «фёлькише», даже в самых эксцентричных его вариантах, находил в этом городе своих сторонников, равно как и антисемитизм, особенно распространенный среди мелкой буржуазии с ее предощущением экономической угрозы. В то же время тут попадались самые разнообразные радикальные учения левого толка — правда, все это смягчалось климатом Мюнхена и получало компанейский, риторический и домашний вид. В мюнхенском пригороде Швабинг собирались анархисты, дети богемы, утописты, стремящиеся улучшить мир, художники и витийствующие апостолы новых ценностей. Полунищие юные гении мечтали об элитарном обновлении мира, об избавлениях, кровавых зарницах, очистительных катастрофах и варварских процедурах по омоложению дегенерировавшего человечества. Центральной фигурой одного из значительнейших кружков, образовывавшихся нередко за столиками кафе вокруг лиц или идей, был поэт Стефан Георге, собравший вокруг себя кучку талантливейших учеников. Они подражали ему не только в его презрении к нормам буржуазной морали, в восславлении молодости, инстинкта, сверхчеловека и в строгости художественного изображения жизненного идеала, но и во всем своем поведении, вплоть до стилизации выражения лица. Один из его адептов, некий Альфред Шулер, открыл заново для

немцев позабытую свастику, в то время как Людвиг Клагес, тоже одно время бывший с ним рядом, пришел к такому разоблачительному выводу: «Дух — антагонист души»[3]. Примерно в то же время Освальд Шпенглер занялся выявлением скрытых от глаз настроений распада и апелляцией к образам цезарей, которые призывались, дабы в очередной раз отвести неизбежную гибель западной цивилизации. В Швабинге, на Зигфридштрассе, жил Ленин, и всего в паре кварталов — в доме № 34 по Шлейсхеймерштрассе — снял комнату у портного Поппа Адольф Гитлер.

Как интеллектуальное беспокойство, так и настроение переломного времени в искусстве, ощущавшееся в Мюнхене столь же сильно, как и в Вене, прошли мимо Гитлера незамеченными. Имена Василия Кандинского, Франца Марка или Пауля Клее[4], тоже живших по соседству в Швабинге и открывших новые измерения в живописи, ничего не говорили ни уму, ни сердцу начинающего художника. На протяжении всего времени пребывания в Мюнхене он остается скромным копировальщиком почтовых открыток, со своими видениями, кошмарами и страхами, неспособным, однако, перевести их на язык искусства. А та педантичная тщательность, с которой он превращал свой населенный призраками комплексов и агрессивности внутренний мир в рейнские идиллии, свидетельствовала о его тайной тяге к неприкосновенности и идеализируемой красоте.

Чем явственнее крепнет в нем, в его внутренней глубине, осознание своего творческого неумения, да и вообще своей беспомощности, тем настоятельнее ощущает он потребность находить оправдания для собственного превосходства. Поэтому цинизм, с которым он поздравлял себя по поводу открытия «зачастую бесконечно примитивных воззрений» людей, был родом оттуда же, что и его склонность повсюду видеть лишь проявления самых низких побуждений — коррупцию, заговорщицкую жажду власти, беспощадность, зависть, ненависть, — то есть, из стремления компенсировать свои собственные беды за счет всего мира. И в случае с расовой принадлежностью это тоже служило ему в первую очередь в ка-

---

[3] Хотя это произведение и вышло только в конце 20-х годов, но его название, ставшее вскоре девизом, точно передает те «мюнхенские» настроения начала века.

[4] Василий Кандинский (1866—1944), Франц Марк (1880—1916), Пауль Клее (1879—1940) — художники, творчество которых характеризовалось поиском новых форм и образов. — *Прим. науч. ред.*

честве зацепки для его потребности в индивидуальном превосходстве, т.е. как подтверждение того, что он другой и выше, нежели все эти пролетарии, бродяги, евреи и чехи, что встречались ему на его пути.

И все-таки тяжелым гнетом, как и прежде, на него давил страх, что он может опуститься до уровня люмпенов, обитателей домов для бедных или пролетариев. Те бесчисленные фигуры, которые прошли мимо него в мужском общежитии, те лица из читального зала и темных коридоров, которые как зеркало отразили крушение столь многих надежд и личных судеб, наложили на него свой несмываемый отпечаток. И фоном была Вена рубежа веков — город, наполненный предчувствием скорого краха и запахом тления. Эта школа жизни и впрямь научила его мыслить преимущественно категориями заката. И не что иное, как страх был главным содержанием годов формирования его личности, а в конце даже импульсом головокружительной динамики всей его жизни вообще. Его столь компактно выглядевшая картина мира и человека, его черствость и бесчеловечность были преимущественно защитным жестом и рационализацией того «испуганного существа», каким видели его немногие свидетели тех лет его молодости[5]. Куда бы ни бросил он свой взор, всюду виделись ему лишь симптомы всеобщей усталости, распада, расставания, признаки отравления крови, расового торжества, упадок и катастрофа. И этот обертон, в который он вслушивался, был связан с тем пессимистическим жизнеощущением, которое принадлежит к глубинным чертам XIX века, заглушая и всю веру в прогресс, и всю оптимистическую науку эпохи. Но это ощущение и та бездеятельность, с которой он отдался своим страхам, стали такими индивидуальными и неповторимыми, что это сделало их присущими только ему.

Как раз этот комплекс ощущений и распознается за его объяснением, почему же он после нескольких лет бездеятельности, эксцентричных снов наяву, постоянных побегов в гротескные миры своих фантазий покинул в конце концов Вену. В его уверениях содержатся и эротические, и пангерманские, и сентиментальные причины, выливающиеся в ненависть к этому городу:

«Мне стал противен этот расовый конгломерат австрийской столицы, противна была эта смесь народов — чехи, по-

[5] См.: *Jetzinger F.* Op. cit. S. 115; *Kubizek A.* Op. cit. S. 215.

ляки, венгры, русины, сербы, хорваты и т.д., а между всем этим вечная опухоль человечества — евреи и снова евреи. Этот гигантский город стал мне казаться чем-то вроде воплощения кровосмесительного греха...

По всем этим причинам все сильнее проявлялось страстное стремление отправиться наконец туда, куда с самой ранней юности влекли меня тайные желания и тайная любовь. Я надеялся сделать когда-нибудь себе имя как архитектор и так, в малом и великом, в зависимости от того, что будет уготовано мне судьбою, честно послужить нации.

Однако в конечном счете мне хотелось приобщиться к счастью иметь право быть и действовать там, откуда когда-нибудь придет исполнение моей самой заветной мечты — присоединение моей любимой родины к общему отечеству по имени Германский рейх»[6].

Вероятно, эти мотивы действительно сыграли свою роль в том, что он покинул Вену. Другие же соображения, надо полагать, оказали на принятие решения лишь большее или меньшее побочное воздействие. Гитлер сам впоследствии признавался, что он так и не смог «научиться венскому жаргону». Кроме того, он обнаружил в этом городе «в области чисто культурных и художественных дел все признаки изнеможения» и счел дальнейшее пребывание в нем бесцельным уже потому, что для архитектора «после перестройки Рингштрассе задачи, по крайней мере в Вене, большей частью были незначительными»[7].

И все же не эти причины были решающими. В значительно большей мере свою главную роль в этом сыграло его отвращение ко всему тому, что считалось нормой или было обязанностью граждан. Выплывшее на свет в 50-х годах его призывное дело, за которым по его приказу так лихорадочно охотились сразу же послу аншлюса Австрии в марте 1938 года, исключает всякие сомнения в том, что им было совершено так называемое уклонение от освидетельствования, т.е. он хотел увильнуть от прохождения военной службы. Чтобы еще больше запутать дело, он, явившись в Мюнхен, не только зарегистрировался в полиции как человек без подданства, но и затем неверно указал в автобиографии дату отъезда из Вены:

---

[6] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 135 f.

[7] О причинах отъезда Гитлера из Вены см.: *Hitler A.* Mein Kampf. S. 134 ff.

Гитлер покинул этот город не весной 1912 года, как он будет утверждать, а в мае года следующего.

Расследования австрийских властей были поначалу безуспешными. 22 августа 1913 года отвечавший за розыски уполномоченный службы безопасности в Линце Цаунер записал: «Представляется, что Адольф Гиитлер (!) не отметился в полиции ни здесь, ни в Урфаре, и его пребывание в каком-нибудь другом месте также не выявлено». Бывший опекун Гитлера глава общинного совета Леондинга Йозеф Майрхофер на соответствующие запросы ответил, что знает о его местонахождении, а обе сестры Гитлера — Ангела и Паула — заявили, что они «с 1908 года ничего о нем не знают». И только проведенные в Вене розыски дали результат: выяснилось, что Гитлер перебрался в Мюнхен и проживает там по адресу Шлейсхеймерштрассе, 34. Вот там-то 18 января 1914 года, во второй половине дня, нежданно-негаданно появился сотрудник криминальной полиции. Он арестовал находящегося в розыске Гитлера и на следующий день препроводил его в австрийское консульство.

Выдвинутое против него обвинение было достаточно серьезным, и над Гитлером, после того как он столь долго пребывал в безопасности, нависла реальная угроза обвинительного приговора. Это было одним из тех банальных событий, которые в будущем могли бы кардинально изменить его судьбу. Трудно представить, чтобы, имея на своем счету такой порочащий в глазах общества проступок он смог объединить и мобилизовать миллионы последователей.

Однако и здесь, как позже и в ряде других эпизодов, на помощь Гитлеру пришел случай. Власти Линца дали ему предписание явиться в столь короткий срок, что уложиться в него было абсолютно невозможно. Перенос же срока предоставил Гитлеру возможность тщательно составить письменное объяснение. В этом пространном — на нескольких страницах — послании на адрес «2-го отдела магистрата города Линца», являющемся самым объемным и весомым документом молодых лет Гитлера, он пытался всеми правдами и неправдами обелить себя. Письмо не только свидетельствовало о его по-прежнему плохом знании немецкого языка и орфографии, но и, по описанию того, как шли его личные дела, говорило, что в целом его жизнь и в Мюнхене скорее всего была такой же неупорядоченной и бесцельной, как и в Вене:

«В повестке я назван художником. И хотя это звание принадлежит мне по праву, его правильность все же только услов-

на. Вернее, я зарабатываю на жизнь как самостоятельный художник только потому, что полностью лишен средств (отец мой был государственным чиновником), которые позволили бы мне продолжить образование. Я могу уделять зарабатыванию на хлеб насущный только частицу моего времени, потому что я все еще учусь на художника-архитектора. Так что мои доходы (!) очень скромные, их хватает только на кусок хлеба.

Прилагаю в качестве доказательства (!) этого справку о налогообложении и покорнейше прошу сразу же вернуть ее мне назад. Мой заработок определяется в ней в 1200 марок и скорее преувеличен, чем преуменьшен, и это нельзя понимать так, что на каждый месяц приходится ровно 100 марок. О нет. Ежемесячные заработки очень разняться (!), а сейчас они уж точно плохие, потому что художественная жизнь в Мюнхене в это время как бы находится в зимней спячке».

Объяснение, которое он нашел для своего поведения, было, конечно, притянуто за уши, но оказалось в целом достаточно эффективным. Оно сводилось к тому, что хотя он и пропустил первое освидетельствование, но все же вскоре вслед за тем объявился сам, по собственному почину, а его бумаги, по всей вероятности, затерялись где-то в канцеляриях. Свое же упущение он пытается оправдать слезливой ссылкой, рассчитанной на сочувствие и не лишенной подобострастной хитрости, на нищенские условия существования в венский период:

«Что же касается упущения осенью 1909 года, в коем я обвиняюсь, то это было для меня чрезвычайно горькое время. Я был молодым неопытным человеком, без каких-либо денежных средств и слишком гордым, чтобы принимать их от кого-либо не говоря уш (!) о том, чтобы побираться. Будучи лишен любого рода поддержки и полагаясь только на самого себя — нескольких крон, а часто только геллеров, вырученных за работы, с трудом хватало мне на ночлег. На протяжении двух лет у меня не было другой подруги кроме заботы и нужды, не было другого спутника кроме постоянного неутолимого голода. Я никогда не знал прекрасного слова «молодость». И сегодня спустя 5 лет осталась память в виде пятен на обмороженных пальцах, руках и ногах. И все же я не могу не вспоминать об этом времени с определенной радостью, сейчас когда все самое горькое уже позади. Несмотря на жесточайшую нужду, находясь в зачастую более чем сомнительном окружении, я всегда достойно берег свое имя, совершенно безупречен перед законом и чист перед своей совестью...»

Примерно две недели спустя (5 февраля 1914 года) Гитлер в Зальцбурге предстает перед призывной комиссией. Заключение, подписанное и самим Гитлером, гласит: «Негоден к несению строевой и вспомогательной службы, слишком ослаблен. Освобожден от воинской службы»[8]. Сразу же после этого Гитлер отправляется назад в Мюнхен.

Есть все основания полагать, что в Мюнхене он не был совсем уж несчастлив. Сам он потом расскажет о «внутренней любви», которую он с первого взгляда ощутил к этому городу, и объяснит этот необычный оборот в первую очередь «чудесным союзом первобытной силы и тонкого художественного настроения, этой единой линией от «Хофбройхауса» до «Одеона», от «Октоберфеста» до «Пинакотеки»»[9], не называя, однако, — и это весьма характерно — в качестве обоснования своей симпатии никакого политического мотива. Он по-прежнему живет одиноко и замкнуто на своей Шлейсхеймерштрассе, но, кажется, дефицит человеческого общения ощущается им в Мюнхене не столь сильно, как раньше. У него устанавливаются довольно приличные отношения с портным Поппом, а также с его соседями и друзьями, что объяснялось обоюдной тягой к политическим беседам. А уж в пивных Швабинга, где происхождение и положение не играют никакой роли и признается любая социальная принадлежность, Гитлер находит ту форму контакта, которую он только и мог выносить, ибо она обеспечивала ему одновременно и близость, и отчужденность, — непринужденные, случайные знакомства за кружкой пива, легко возникавшие и столь же легко прекращавшиеся. Это были те «маленькие кружки», о которых он будет позже упоминать, где его считали «образованным» и где он, судя по всему, чаще встречал не возражения, а одобрение, когда распространялся о непрочности австро-венгерской монархии, неизбежности германо-австрийского союза, антинемецкой и прославянской политике Габсбургов, о евреях или о спасении

---

[8] Описание истории с освидетельствованием основано на изысканиях Етцингера (*Jetzinger F.* Op. cit. S. 253 ff.), благодаря которому и стали известны все обстоятельства. Там же опубликовано и письмо Гитлера в магистрат Линца.

[9] «Хофбройхаус» (Hofbäuhaus) — самый известный пивной зал в центре Мюнхена; «Одеон» (Odeon) — один из наиболее известных концертных залов Мюнхена; «Октоберфест» (Oktoberfest) — баварский пивной праздник (проходит в октябре), «Пинакотека» (Pinakoteka) — мюнхенская картинная галерея. — *Прим. науч. ред.*

нации. В том окружении, которое культивировало неудачников и охотно усматривало за эксцентричными мнениями и манерами гениев, он едва ли выделялся этим. Как мы сегодня знаем, когда какой-либо вопрос был важен для него, он нередко срывался на крик, но все его высказывания, сколь бы страстными они ни были, отличались своею последовательностью. И еще он любил пророчествовать и прогнозировать процессы политического развития[10].

А от решения, которым он около десяти лет назад обосновывал свой уход из училища, Гитлер к этому времени отказался — теперь он уже не стремился стать художником, скажет он позже, не упоминая, правда, о том, каким же виделось ему теперь его будущее, и заверит, что рисованию он тогда уделял столько времени, сколько было необходимо, чтобы заработать средства к существованию и получить возможность продолжить образование. Однако он не предпринял ничего для реализации своих планов. Сидя у окна своей комнаты, он продолжал рисовать маленькие акварели-пейзажи: «Хофбройхаус» и «Зендлинские ворота», «Национальный театр» и «Съестной рынок», «Фельдхеррнхалле» и снова «Хофбройхаус». Годы спустя эти работы директивой Министерства народного просвещения и пропаганды будут объявлены «ценным национальным художественным достоянием», а их владельцам вменено в обязанность сообщать о них[11]. Иногда он часами просиживал в городских кафе, молча поглощая целые горы пирожных и предаваясь чтению разложенных там же на столиках газет, или торчал в душном зале «Хофбройхауса», и на его бледном лице были видны следы его возбужденных раздумий. Иной раз он доставал тетрадь для эскизов и делал в этом наполненном пивными парами чаду беглые наброски соседних столиков или интерьера. Как и прежде, он тщательно заботился о своей одежде, любил, как свидетельствует семья портного, у которого он снимал комнату, носить фрак. Те же свидетели говорят о характерном для него стремлении сохранять дистанцию: «Его было не разобрать. Он никогда не говорил ни о родителях, ни о приятелях или приятельницах». В целом же казалось, что он не столько был поглощен какой-то целью, сколько старанием не стать жертвой социальной

---

[10] См.: *Hitler A.* Mein Kampf. S. 138 f.; 163; *Heiden K.* Hitler. Bd. 1. S. 53.

[11] См.: *Maser W.* Hitler. S. 94 f. О нереализованных юношеских мечтах Гитлер рассказал Г. Гоффману 12 марта 1944 года. См. протокол бывшего Главного архива НСДАП: BAK NS 26/96.

деградации. Йозеф Грейнер рассказывает, что он в то время как-то встретил его в Мюнхене и спросил, как он думает жить дальше, на что получил ответ, «что, так или иначе, скоро война. Так что будет абсолютно все равно, была у него до этого профессия или нет, потому что в армии, что генеральный директор, что цирюльник, стригущий пуделей, — все едино»[12].

Предчувствие не обмануло его. В «Майн Кампф» Гитлер, вспоминая предвоенные годы, образно назовет их состоянием перед землетрясением, трудноуловимым, почти невыносимым ощущением напряженности, нетерпеливо жаждущим разрядки. Неслучайно эти отрывки относятся к довольно удачным в литературном отношении пассажам его книги. «Уже во время моего пребывания в Вене, — говорится там, — на Балканах господствовала удушливая атмосфера, которая предсказывала грозу. Уже не раз появлялись и вспыхивали там отдельные зарницы, которые, однако, быстро исчезали, снова уступая место непроницаемой тьме. Но вот разразилась первая балканская война, и вместе с ней первые порывы ветра донеслись до изнервничавшейся Европы. Полоса времени непосредственно за первой балканской войной была чрезвычайно тягостной. У всех было чувство приближающейся катастрофы, вся земля как бы раскалилась и жаждала первой капли дождя. Люди полны были тоски ожидания и говорили себе: пусть наконец небо сжалится, пусть судьба скорее шлет те события, которые все равно неминуемы. И вот наконец первая яркая молния озарила землю. Началась гроза, и могучие раскаты грома смешались с громыханием пушек на полях мировой войны»[13].

Сохранилась одна случайная фотография, на которой запечатлен Гитлер, стоящий 1 августа 1914 года на мюнхенской площади Одеонсплац посреди толпы, ликующей по случаю объявления войны. На фотографии хорошо видно его лицо с полураскрытым ртом и горящими глазами — этот день освободил его от всех трудностей, от бессилия и одиночества. «Мне самому, — опишет он потом свое состояние, — те часы показались избавлением от досадных юношеских чувств. Я и сегодня не стыжусь сказать, что, захваченный порывом восторга, я опустился на колени и от всего переполненного сердца возбла-

---

[12] *Greiner J.* Op. cit. S. 119. Правда, Етцингер высказал обоснованное сомнение в том, что в упомянутое время Грейнер вообще встречался с Гитлером. См. также: *Heiden K.* Hitler. Bd. I. S. 52; *Maser W.* Hitler. S. 120, 122.

[13] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 173.

годарил небо». Это благодарение было адресовано всей эпохе, и редко когда еще оно предстанет столь же единым в своем воинственном порыве, как в августовские дни 1914 года. И не требовалось быть влачившим бесцельное существование художником, чтобы воспринять день, когда война «ворвалась и смела мир», как «прекрасное святое мгновение» и увидеть в этом осуществление «нравственного страстного желания»[14]. Охваченное глубокой депрессией не только германское, но все европейское общество восприняло войну как возможность вырваться из тисков обыденности. Здесь снова проявляется, по сути дела, тесная взаимосвязь между Гитлером и его временем; он неизменно разделял его потребности и чаяния, но более обостренно, более радикально — то, что для общества того времени было лишь неудобством, для Гитлера было катастрофой. И как он тешил себя надеждой, что война все изменит. Везде, где призыв «К оружию!» был встречен ликованием, подспудно ощущалось, что одна эпоха подходит к концу и ей на смену приходит новая. В соответствии с царившими в Европе идеями война рассматривалась как очистительный процесс и была великой надеждой на освобождение от пошлости и самоедства — в «Священных песнопениях» она воспевалась как «оргазм универсальной жизни», созидающий и оплодотворяющий хаос, из которого возникает новое[15]. И то, что произошло в Европе, было не только, как определил английский министр иностранных дел сэр Эдуард Грей, формулой прощания, но и формулой надежды.

Снимки первых дней августа 1914-го запечатлели ту лихорадочную праздничность, патриотическую эйфорию и радость ожидания, с которыми народы континента шли навстречу своей гибели, — люди шли на призывные пункты с цветами и криками «ура!», а с балконов их приветствовали дамы в пестрых летних нарядах. Настроение всенародного праздника и радостные возгласы «Виват!». Нации Европы уже праздновали победы, которых им так и не доведется одержать.

---

[14] *Mann·Th.* Betrachtungen eines Unpolitischen. S. 461.

[15] Жорж Сорель на рубеже веков несколько упростил замечание Прудона. Полностью оно звучит так: «Война — это оргазм универсальной жизни, который оплодотворяет и приводит в движение хаос — прелюдию всего мироздания и, подобно Христу Спасителю, сам торжествует над смертью, ею же смерть поправ» — Цит. по: *Freund M.* Abendglanz Europas. S. 9. Под названием «Священные песнопения» Габриеле д'Аннунцио выпустил сборник своих стихов, в которых ратовал за вступление Италии в войну.

В Германии эти дни воспринимались в первую очередь как небывалое единство нации. Как по мановению волшебной палочки исчезли все противостояния, наступил конец ставшей уже притчей во языцех немецкой розни. Восторг носил почти религиозный характер, превративший те дни «для всех, кто их пережил, в неотъемлемую ценность высшего порядка» — так в старческом умилении писал спустя десятилетия один из очевидцев[16]. Выражением этих настроений стала стихийно зазвучавшая на улицах и площадях «Германская песня» долго остававшегося непризнанным революционера-либерала 1848 года Гофмана фон Фаллерслебена, которая превратилась теперь, по сути, в национальный гимн Германии. Фраза кайзера Вильгельма II, прозвучавшая перед десятками тысяч людей, собравшихся вечером 1 августа на берлинской площади Шлоссплатц, что он не хочет больше знать «ни партий, ни вероисповеданий», а знает только «братьев-немцев», получила самую большую известность из всего, что он когда-либо говорил. В традиционно расколотой нации, страдавшей из-за своих антагонизмов, эта фраза на какой-то незабываемый момент убрала многочисленные перегородки. Единство Германии, достигнутое около пятидесяти лет назад, наконец, казалось, превратилось в реальность.

Это были дни прекрасных иллюзий. Однако чувство единения лишь затушевывало то, что, как казалось, оно устраняло. А за видимостью объединившейся нации продолжали жить старые противоречия. Да и в основе нараставшего ликования лежали самые разные мотивы: личные и патриотические мечты, революционные побуждения и пресыщенность, комплексы антиобщественного протеста, гегемонистские устремления, равно как и страстное желание авантюристических натур вырваться из рутины буржуазного порядка, — все это соединилось воедино и ощутило себя на какой-то момент в едином порыве ради спасения отечества.

И личные ощущения Гитлера также не были свободны от мистифицированных представлений: «У меня, как и у миллионов других, сердце переполнялось гордым счастьем», — так он напишет, объясняя свое восторженное состояние возможностью наконец-то проявить свои национальные убеждения. 3 августа он подает прошение на имя короля Баварии с просьбой разрешить ему, австрийскому подданному, поступить добровольцем в один из баварских полков. Противоречие между уклонением

[16] *Meinecke F.* Die deutsche Katastrophe. S. 43.

от освидетельствования и этим шагом только кажущееся — прохождение действительной воинской службы воспринималось им как лишенное смысла принуждение, в то время как война означала как раз освобождение от розни, от бремени непонятных чувств, от лишенной цели жизни. По его собственным словам, еще подростком он был очарован двумя патриотическими книжками для народа о войне 1870—1871 годов. И вот теперь он собрался вступить в ряды могучей, еще озаренной ореолом тех детских книжек армии. Только что пережитые дни одарили его чувствами эмоциональной сопричастности и согласия, которых ему так не хватало. Теперь, впервые в своей жизни, он увидел цель жизни, заключающуюся в шансе приобщиться к авторитету мощного, внушающего страх учреждения. И хотя в минувшие годы он приобрел кое-какой опыт, узнал нужды людей, их чаяния и страхи, но он всегда находился в промежуточных прослойках общества, был аутсайдером без ощущения тождественности судьбы. Теперь же перед ним открылась возможность удовлетворения этой насущной потребности.

Уже на следующий день после отправки прошения он получил ответ. Дрожащими руками, как он потом признавался, Гитлер распечатал конверт. Ему предписывалось явиться в казармы 16-го баварского резервного пехотного полка, именовавшегося по имени своего командира еще и полком «Лист»[17]. Так началась для Гитлера «самая незабываемая и самая великая пора земной жизни»[18].

Глава V

СПАСЕНИЕ БЛАГОДАРЯ ВОЙНЕ

> Без армии нас всех здесь не было бы, все мы когда-то прошли ее школу.
>
> *Адольф Гитлер*

Во второй половине октября, после окончания первичной военной подготовки, продолжавшейся около двух недель, полк Листа был отправлен на Западный фронт. В нетерпении, бес-

---

[17] 16-м баварским резервным пехотным полком командовал полковник Юлиус Лист. Он погиб в боях на Ипре 31 октября 1914 года. — *Прим. науч. ред.*

[18] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 179.

покоясь, как бы война не закончилась еще до того, как ему доведется вступить в первый бой, Гитлер жил ожиданием отправки. Но уже в день так называемого боевого крещения, в своем первом бою на Ипре 29 октября, он оказался участником одного из самых кровавых сражений начавшейся войны. Попыткам разработанного немецким Генштабом решающего прорыва к берегам Ла-Манша стоявшие на этом участке фронта британские части противопоставили ожесточенное и в конечном итоге успешное сопротивление. Четыре дня шли неутихающие бои, и сам Гитлер в письме портному Поппу писал, что в их полку из 3500 человек осталось только около 600. Правда, в истории полка называется другая цифра — в этих первых боях погибло 349 человек. Какое-то время спустя полк потерял в сражении у деревни Бекелер своего командира и приобрел — частично из-за легкомысленных приказов — «печальную известность»[1].

Описание боевого крещения, которое дает Гитлер в «Майн Кампф», тоже не выдерживает детальной проверки. И все же та необыкновенная тщательность стиля, которой характеризуется этот пассаж, равно как и старание автора придать ему поэтическую возвышенность, свидетельствуют о том, насколько сильным, незабываемым событием врезался этот бой в его память:

«Затем припоминается влажная холодная ночь во Фландрии. Мы идем молча. Как только начинает рассветать, мы слышим первое железное "приветствие". Над нашими головами с треском разрывается снаряд; осколки падают совсем близко и взрывают мокрую землю. Не успело еще рассеяться облако от снаряда, как из двухсот глоток раздается первое громкое "ура!", служащее ответом первому вестнику смерти. Затем вокруг нас начинается непрерывный треск и грохот, шум и вой, а мы все лихорадочно рвемся вперед навстречу врагу и через короткое время мы сходимся на картофельном поле грудь с грудью с противником. Сзади нас издалека раздается песня, затем ее слышно все ближе и ближе. Мелодия перескакивает от одной роты к другой. И в минуту, когда кажется, что смерть совсем близка к нам, родная песня доходит

[1] *Heiden K.* Hitler. Bd. 1. S. 54. За всю войну полк потерял только убитыми 3754 солдат и офицеров, не считая раненых и попавших в плен, см.: Vier Jahre Westfront. Die Geschichte des Regiments List R.I.R. 16. München, 1932; *Wiedemann F.* Der Mann, der Feldherr werden wollte. S. 20 ff., а также: *Bullock A.* Op. cit. S. 48, где цитируется письмо Гитлера портному Поппу.

и до нас, мы тоже включаемся и громко, победно несется: "Дойчланд, Дойчланд юбер аллес"»[2].

На протяжении всей войны Гитлер был связным, доставляя приказы из штаба полка на передовые позиции. Эта служба, во время которой ему приходилось полагаться только на самого себя, как нельзя лучше отвечала его характеру одиночки. Один из его тогдашних командиров потом вспоминал о нем как о «спокойном, несколько невоенного вида человеке, который поначалу ничем не отличался от своих товарищей». На него можно было положиться как на добросовестного и, по словам того же источника, твердого человека. Но и здесь он считался чудаком, «чокнутым» — так единодушно говорили о нем другие солдаты. Часто он сидел «в углу, с каской на голове, погруженный в свои мысли, и никто из нас не мог вырвать его из этой апатии». Все оценки, а их за эти без малого четыре года набралось довольно много, звучат примерно так же. Оценки эти совершенно банальны, но их бесцветность отражает лишь серость самого объекта.

Даже те эксцентричные черты, которые его отличали, носят на удивление безликий характер и высвечивают не столько его личность, сколько принципы, которым он следует. Примечательно, что случавшиеся у него порою словоизвержения, с помощью которых он освобождался от своих раздумий, касались не тягот солдатской жизни, которых была тьма, а выражали его беспокойство за победу, подозрения в предательстве и в наличии невидимых врагов. Нет ни одного эпизода, который придал бы ему индивидуальный облик, ни одного признака какой-либо самобытности. Единственная история о том времени, которая вошла потом во все хрестоматии, является не чем иным, как рассказом о том, как однажды Гитлер, будучи послан с донесением, наткнулся у Мондидье на отряд из пятидесяти французов и как он благодаря своей находчивости, мужеству и хитрости сумел их обезоружить, взять в плен и привести к своему командиру[3].

---

[2] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 180 f. В истории полка отмечается, что в сражении на Ипра солдаты пели не «Германскую песню», как это постоянно утверждается, а «Вахту на Рейне»; см.: *Heiden K.* Hitler. Bd. I. S. 55.

[3] Эту легенду пересказывает, например, Ф. Булер: *Bouhler Ph.* Kampf um Deutschland. S. 30 f. По вопросу в целом см. также: *Bullock A.* Op. cit. S. 49 f.; *Maser W.* Frühgeschichte. S. 124 f.; *Wiedemann F.* Op. cit. S. 21 ff.; *Brandmayer B.* Meldegaenger Hitler. München, 1933; *Mend H.* Adolf Hitler im Felde; *Meyer A.* Mit Adolf Hitler im Bayerischen Reserve-Infanterie-Regiment 10 List. Neustadt-Aich, 1934.

Его образцовое усердие казалось прямо-таки срисованным с картинки патриотического календаря, а по сути дела было просто иной формой ухода от окружающего мира, бегством в мир стереотипов. Во время одного боя он вытаскивает своего командира из-под огня неожиданно заговорившего пулемета противника, «заслонив его собой», и умоляет «не дать полку за такой короткий срок во второй раз потерять своего командира»[4]. Конечно же он был — вопреки всем имевшим потом место, но диктовавшимся политическими соображениями сомнениям — храбрым солдатом. Уже в декабре 1914 года его наградили Железным крестом 2-го класса. «Это был самый счастливый день моей жизни, — пишет он портному Поппу, — правда, мои товарищи, которые тоже его заслужили, почти все погибли». В мае 1918 года его награждают дипломом за храбрость перед лицом врага, а 4 августа того же года — редким для рядового Железным крестом 1-го класса[5].

Правда, конкретный повод для этой награды так и остался невыясненным до сегодняшнего дня, сам же Гитлер об этом никогда не говорил — предположительно, чтобы не афишировать тот факт, что наградили его по представлению полкового адъютанта еврея Гуго Гутмана. В истории полка об этом нет ни слова, а имеющиеся свидетельства сильно разнятся. В них либо утверждается — явно имея в виду упоминавшуюся историю, — будто Гитлером был взят в плен английский патруль из пятнадцати человек либо — о полном драматизма захвате им десяти, двенадцати или даже двадцати французов. Причем Гитлеру приписывается даже свободное владение французским языком, хотя в действительности тот знал по-французски лишь одно-два выражения, да и те нетвердо. А еще в одном свидетельстве утверждается, будто Гитлер под сильным огнем сумел пробраться на батарею и тем самым предотвратил грозящий обстрел собственных позиций. Вероятнее же всего, награду он получил не за какой-то отдельный подвиг, а за свою добросо-

---

[4] См.: *Deuerlein E.* Aufstieg. S. 77. Там же на стр. 79 приведен полный список военных наград Гитлера.

[5] За время войны Гитлер получил следующие награды: Железный крест 2-го класса (2 декабря 1914 года), Баварский Крест за военные заслуги 3-го класса с мечами (17 сентября 1917 года), Полковой диплом за выдающуюся храбрость (9 мая 1918 года), черный Знак за ранение (16 мая 1918 года), Железный крест 1-го класса (4 августа 1918 года), Баварский служебный знак отличия 3-го класса (25 августа 1918 года). — *Прим. науч. ред.*

вестную, хотя и незаметную службу в течение всех этих лет. Но что бы ни было поводом, для будущей карьеры фронт оказал Гитлеру неоценимую услугу. Он дал ему, австрийцу, в определенном смысле более высокое право считать своей родиной Германию и тем самым вообще создал необходимые предпосылки для успешного начала его карьеры. Благодаря фронту было обретено и легитимировано право Гитлера иметь решающий политический голос, равно как и право на политических приверженцев.

А вот в самой армейской среде, среди солдат-камрадов, его экзальтированное чувство ответственности, его ефрейторское беспокойство за весь ход военных событий часто вызывали критическую реакцию. «Мы все его ругали», — вспоминал потом один из его однополчан, а другие говорили: «Ну, чокнутый хочет еще нашивку заработать». На его худом, желтоватом лице постоянно лежал отпечаток подавленности. И хотя нельзя сказать, что его совсем уж не любили, — нет, скорее чувствовали, что он, как и раньше, держался от всех на расстоянии, благодаря чему и ощущал, что он не такой, как его камрады. В отличие от них у него не было семьи, он не получал и почти не писал писем. Не разделял он и банальных солдатских привычек и забот, не терпел историй о бабах и скабрезного гогота. «Ничто я так не ненавидел, как эту грязь», — скажет он позже, вспоминая об этом времени, и будет уверять, что вместо «всего этого» он много размышлял, читал Гомера, Евангелие и Шопенгауэра и война заменила ему тридцать лет учебы в университете[6]. Будучи упрямее других, он полагал, что только он один знает истинную суть жизни. В своем одиночестве, в своей сиротливой уединенности он находил сознание своей особой избранности. Сохранившиеся фотографии того времени дают определенное представление об этой специфической отчужденности по отношению к другим солдатам, о несовпадении его и их побуждений и практического опыта: Гитлер, бледный и замкнутый, сидит вместе с ними, но так далек от них.

Эта неспособность к человеческим отношениям и была, надо думать, главной причиной того, что за четыре года постоянных боевых действий Гитлер дослужился только до звания ефрейтора. Выступая на Нюрнбергском процессе, офицер, бывший в течение многих лет адъютантом штаба полка Листа,

---

[6] *Frank H.* Op. cit. S. 40.

сказал, что вопрос о производстве Гитлера в унтер-офицеры поднимался, но в итоге было решено этого не делать, «поскольку мы не могли обнаружить в нем командирских качеств». Говорят, что и сам Гитлер не хотел, чтобы его повышали[7].

То, что нашел он на войне, в казармах и на солдатских бивуаках, было тем видом человеческих взаимоотношений, который отвечал его сути и гарантировал безликость. Здесь он снова встретил стиль жизни мужского общежития, хотя и изменившейся в том плане, что теперь наконец она соответствовала его потребностям в социальном престиже, его внутреннему беспокойству, равно как и любви к патетике. Но здесь, как и раньше, социальные рамки определялись его нелюдимостью и мизантропией, а также пониженной потребностью в контактах. Родину, которой у него не было, он обрел на войне, его домом стала ничейная полоса.

И это полностью подтверждает один из его бывших командиров: «Для ефрейтора Гитлера полк Листа стал родиной»[8]. Это снимает одновременно и противоречие между его доведенной до автоматизма дисциплинированностью во время войны и его асоциальностью в предвоенные годы. После смерти матери он нигде еще не чувствовал себя как дома и никогда не ощущал в такой степени удовлетворенной свою одновременную тягу к приключениям и порядку, свободе и дисциплине, как в штаб-квартирах, окопах и блиндажах. В противоположность опыту предыдущих лет война была для Адольфа Гитлера великим положительным моментом его формирования, «огромным впечатлением», «грандиозным», «столь счастливым», как он сам сформулирует, превознося полученный опыт, имевший для него решающее, религиозное значение.

Сам Гитлер скажет, что война перевернула его сознание[9]. Помимо всего прочего, она придала ему, молодому идеалисту, твердость и сознание собственной значимости. Примечательно, что теперь он уже не боялся показаться на глаза своим родственникам — отпуск в октябре 1917-го и в сентябре 1918 года он провел у родных в Шпитале. Кроме того, на фронте он понял значение солидарности, получил кое-какие навыки са-

---

[7] *Wiedemann F.* Op. cit. S. 26.

[8] Ibid. S. 29. Аналогичное высказывание приводит Г. Менд: «Окопы и команды были его миром, и ничего помимо этого для него не существовало». См.: *Mend H.* Op. cit. S. 134.

[9] Tischgespräche. S. 323.

модисциплины и, наконец, ту веру в судьбу, которая характеризует патетический иррационализм его поколения в целом. Мужество и хладнокровие, проявленные им под шквальным огнем, создали ему довольно высокий авторитет у однополчан; если Гитлер был рядом, говорили они, «то ничего не случится». Кажется, эта уверенность произвела большое впечатление и на него самого; она явно укрепила в нем ту веру в свое особое предназначение, которую он настойчиво хранил в себе даже в годы неудач.

Однако в то же время война усугубила и склонность Гитлера к критическим размышлениям. Он, как многие другие, приобрел на фронте уверенность в том, что правящая элита империи поражена бессилием, а тот строй, в защиту которого он выступил с оружием в руках, разлагается изнутри. «За этих убитых я заставил бы ответить их командиров», — поразил он как-то своим высказыванием одного из однополчан. Вопрос о новом порядке, который вдруг встал перед этим почти не интересовавшимся политикой молодым человеком из буржуазных кругов, целиком захватил его. И хотя в начале, по его собственным словам, он «не лез в политику» или, — иллюстрируя аполитичность во время жизни в Вене, — «тогда о политике и знать не хотел», его непреодолимая тяга к размышлениям перевернула все его прежние взгляды. Вскоре он стал обращать на себя внимание тем, что «философствовал о политических и мировоззренческих вопросах на примитивный манер маленьких людей». Сохранилось подтверждающее это наблюдение его длинное, на двенадцати страницах, написанное в начале войны письмо одному знакомому в Мюнхене. После подробного описания атаки, в которой ему довелось принять участие («Чудом остался я целым и невредимым»), он заканчивает свое послание следующим пассажем[10]:

«Я часто вспоминаю о Мюнхене, и у каждого из нас только одно желание, чтобы поскорее наступил час расплаты с

---

[10] Письмо Гитлера судебному заседателю Хеппу, написанное в феврале 1915 года, фотокопия находится в Институте современной истории в Мюнхене (далее — IfZ). Упомянутое выше замечание приводит Ф. Видеман (*Wiedemann F.* Op. cit. S. 29). То, что оно и в такой, скорее презрительной форме заслуживает доверия, подтверждает не только процитированное письмо, но прежде всего тот факт, что это замечание точно характеризует манеру Гитлера выражать свои мысли вообще, сохранившуюся и в застольных беседах более поздних лет. См. также: *Wiedemann F.* Op. cit. S. 24, *Hitler A.* Mein Kampf. S. 182.

этой бандой, час ее разгрома, чего бы это ни стоило, и чтобы те, кому выпадет счастье свидеться с родиной, увидели ее чище и очищенной от всего чужеземного, чтобы этими жертвами и страданиями, приносимыми ныне ежедневно многими сотнями тысяч из нас, чтобы этим потоком крови, изо дня в день текущим супротив интернационального мира врагов, были не только разгромлены внешние враги Германии, но и чтобы рухнул наш внутренний интернационализм (!). Это было бы ценнее любых земельных приобретений. С Австрией дело пойдет так, как я всегда говорил».

В политическом отношении содержание этого отрывка соответствовало идеологическим установкам, характерным для венского периода его жизни: страх перед засильем других наций, а также защитная реакция по отношению к неким врагам. Но в зачаточном виде здесь присутствует и представление из арсенала австрийских пангерманцев, которое обернется потом тезисом Гитлера о примате внутренней политики. А именно: расширению власти любого государства должна предшествовать его внутренняя сплоченность. Великая Германия должна была сперва стать немецкой, а лишь затем — великой.

В начале октября 1916 года после легкого ранения в левое бедро под Ле-Барке Гитлер был доставлен в лазарет в Беелице под Берлином. Почти целых пять месяцев, до начала марта 1917 года, он провел в Германии и, судя по всему, именно в это время началось его приобщение к политике.

Августовские дни 1914 года и участие в боевых действиях врезались в его память прежде всего как факт внутреннего единства нации. Уже на протяжении двух лет этот факт оставался для него едва ли подвергавшейся серьезным сомнениям истиной. Не имея ни своего очага, ни какого-либо пристанища, Гитлер до этого отказывался от отпуска и жил в своем выдуманном мире: «Это был фронт, который занимала еще старая, прекрасная армия героев», — будет вспоминать он впоследствии с тоской[11]. И тем более сильным оказался шок, когда в Беелице, и в первую очередь в Берлине, он вновь столкнулся с теми же, что и раньше, политическими, социальными и даже земляческими антагонизмами. Отчаяние охватило его, когда он обнаружил, что времена всеобщего энтузиазма начала войны уже прошли. Вместо возвышающего

[11] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 209 ff.

единения нации опять подняли голову партии. Здесь царили партийные свары, разногласия, противодействие властям. И вполне возможно, что его сохранившаяся на всю жизнь неприязнь к Берлину имеет своей первопричиной это его знакомство с этим городом, когда ему пришлось пережить досаду, голод и разочарование. С возмущением смотрел он на тыловых крыс, хвастающих своей «выдающейся смекалкой», отмечал ханжество, эгоизм, жажду наживы на войне. Сохраняя верность своим венским комплексам, за всеми этими явлениями Гитлер усматривал прежде всего происки евреев.

С тем же столкнулся он, выписавшись с еще незажившей раной, и в Мюнхене, где дислоцировался запасной батальон, в который был направлен на службу ефрейтор Гитлер. Ему казалось, что он «уже не узнает» свой любимый город. С нескрываемой желчью обращается он против тех, кто заставил его пережить это разочарование и разрушил прекрасную мечту о внутреннем единстве немцев — этот первый со времен детства его положительный опыт. С одной стороны, его ненависть обрушилась против «иудейских губителей народа», из которых 12 или 15 тысяч следовало бы подержать «под отравляющими газами», а с другой — против политиков и журналистов. Употреблявшиеся им выражения выдают степень охватившей его ярости: «пустомели», «паразиты», «вероломные преступники-революционеры» — все они, по его словам, не заслуживали ничего кроме уничтожения. «Нужно было бы без всякой жалости применить любую военную силу, чтобы выкорчевать эту заразу»[12]. Единственное, чего он страстно, до истерики, желал, — так это победы. И ни предчувствие, ни расчет не подсказали ему, что для его восхождения от безвестности к вершинам власти ему скорее нужно уж именно поражение, а не победа.

Поэтому, вернувшись назад на фронт весной 1917 года, он почувствовал себя как бы в родном доме, а весь тот штатский мир, к которому он и раньше не мог приспособиться, стал для него еще более чужим. Его послужной список отмечает его участие в позиционных боях во Фландрии, в весеннем сражении в Аррасе[13] и в ожесточенных осенних боях за Шеми-де-Дам. С беспокойством отмечает он в эти дни

---

[12] *Hitler A.* Op. cit. S. 186, 772.

[13] В апреле 1917 года англо-французские войска наносили вспомогательный удар в районе Аррас — Бапом (северный участок Западного фронта), эта операция закончилась большими потерями для войск союзников, но успеха не принесла. — *Прим. науч. ред.*

«бессмысленные письма пустоголовых баб», которые приносили на фронт охватившую население Германии усталость от войны. В тот период Гитлер имел обыкновение часто обсуждать, чем ему следовало бы заняться в будущем, с одним из сослуживцев — художником Эрнстом Шмидтом. Позже Шмидт говорил, что его собеседник уже тогда задавался мыслью, не попробовать ли ему свои силы в политике. Правда, к какому-нибудь конкретному решению он тогда, по словам Шмидта, так и не пришел. С другой стороны, есть немало доказательств того, что Гитлер все еще продолжал думать и о карьере художника. Когда в октябре 1917 года, вскоре после пресловутой мирной резолюции Рейхстага[14] и незадолго до решающих побед германской армии на Восточном фронте, Гитлер приехал в отпуск в политический центр страны — Берлин, он отправил Шмидту открытку, в которой, в частности, писал: «У меня теперь есть наконец возможность немного лучше изучить музеи». Позже он будет уверять, что в тесном кругу своих друзей он уже тогда часто говорил, что, вернувшись из действующей армии, он собирается, наряду с занятиями архитектурой, попробовать себя и в политике. И будто бы он даже уже знал, чем конкретно будет заниматься, — станет трибуном[15].

Это намерение в принципе вытекало из опыта, полученного им в его венский период — любым человеческим поведением можно манипулировать. Его одновременно и пугала и привлекала мысль о будто бы вездесущих, обладавших неограниченной властью тайных силах. Эта мысль становилась для него по-настоящему соблазнительной, пока росло его убеждение, что он сам в один прекрасный день станет частью этих сил. Созданный им образ человеческого общества ис-

---

[14] Во время политического кризиса, вызванного в том числе волнениями на флоте в Киле и Вильгельмсхафене и отставкой кабинета Бетман-Гольвега (находившегося у власти с 1909 г.) 19 июля 1917 года депутаты Рейхстага 212 голосами против 126 (при 17 воздержавшихся) приняли так называемую мирную резолюцию о мире без аннексий и репараций. Этот демарш не имел серьезных последствий. — *Прим. науч. ред.*

[15] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 192. Это свидетельство Эрнста Шмидта (Ernst Schmidt — Гитлер в своей книге неверно пишет его фамилию — Schmiedt — Ebd. S. 226) стало известно благодаря В. Мазеру. Открытку Э. Шмидту от 6 октября 1917 года см. в: BAK, NS 26/17a. По поводу писем с родины см.: *Hitler A.* Mein Kampf. S. 208.

ключал любую спонтанность. Добиться можно чего угодно, «чудовищных, почти не поддающихся пониманию результатов», — как он не без налета изумления отметил сам, — если только нужные игроки в нужный момент приведут в действие необходимые рычаги. Так будет он оценивать — в совершенно несоразмерной степени — ход исторических процессов, взлет и упадок народов, классов и партий — именно как следствие большего или меньшего пропагандистского умения. Эти свои убеждения он изложит позже в знаменитой 6-й главе «Майн Кампф», опираясь на пример германской и союзнической пропаганды.

Германия, считал он, потерпела поражение по причине плохой пропаганды, которая была «по форме неудовлетворительной, а по существу психологически неверной». Руководство Германии оказалось неспособным оценить поистине ужасающий эффект этого оружия. Оно запрещало такую пропаганду, которая не отвечала его представлениям, а разрешало только «пресные пацифистские помои», совершенно не способные «вдохновить людей на самопожертвование». В то время как для выполнения этой задачи «нужны самые гениальные знатоки души», германская власть предержащая доверила ее самоуверенным и равнодушным бездарям, в результате чего от пропаганды не только не было пользы, но порою она приносила лишь вред.

Совершенно по-иному действовала, по мнению Гитлера, противная сторона. Он говорит, что был глубоко поражен «столь же бесцеремонным, сколь и гениальным способом» пропаганды союзниками всякого рода ужасов, и растекается в велеречивых, изобилующих специальной терминологией рассуждениях по поводу, — как он это назвал, — безусловного, наглого, одностороннего упорства их измышлений[16]. И он научился у нее «бесконечно многому», а поскольку в целом у него была склонность демонстрировать собственные убеждения и воззрения на примере противника, то и свои принципы психологического воздействия он показывает на примере вражеской пропаганды во время Первой мировой войны. Надо сказать, что тезис о превосходстве противника в сфере ведения психологической войны отвечал весьма распространенному представлению большей части немецкого общества.

---

[16] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 201. Все остальные цитаты взяты из упомянутой 6-й главы; см.: Ebd. S. 193 ff.

По сути, этот тезис был не чем иным, как одной из легенд, с помощью которых делалась попытка лежащими вне военной сферы причинами объяснить гордой своей военной мощью нации то, что было для нее необъяснимым, — а именно, почему же после стольких побед на поле боя, после стольких усилий и жертв Германия проиграла войну. И Гитлер с характерной для него мешаниной из проницательности и косности ухватился за эту прозрачную попытку объяснения поражения Германии. Он сделал ее исходным пунктом для своих взглядов на суть и эффективность пропаганды. По его мнению, она должна быть общедоступной, обращаться не к образованным кругам, а «исключительно к массам», ее уровень должен устанавливаться в соответствии со способностью духовного восприятия самого ограниченного из тех, кому она адресуется. Она должна содержать постоянно повторяющиеся лозунги и концентрироваться на ограниченном количестве понятных целей; всегда обращаться исключительно к чувствам и ни в коем случае к разуму; решительно отказываться от какой бы то ни было объективности, не допуская даже тени сомнения в собственной правоте, ибо существуют только «любовь или ненависть, правота или нет, истина или ложь, но не бывает, чтобы половина-наполовину». Все это, как, собственно, и всегда и везде у Гитлера, отнюдь не оригинальные мысли. Но энергия его мысли, та свобода, с которой он подчинял массы, не пренебрегая их ограниченностью, недалекостью и инертностью, а делая инструментами своих устремлений, и дадут ему в будущем значительное превосходство перед всеми соперниками, перед другими претендентами на расположение масс.

Первое предчувствие превосходства пришло к нему уже в те годы. Ведь то, что пережил Гитлер на последнем этапе войны, рассматривалось им как подтверждение и углубление опыта, накопленного в «венские годы». А именно — без масс, без знания их слабостей, достоинств и взглядов политика невозможна. Рядом с обожествляемым идолом Карлом Люгером он ставил великих демагогов-демократов Ллойд Джорджа и Клемансо, а позднее — правда, более бледного и небогатого на идеи — американского президента Вильсона. Одной из основных причин все более открыто проявлявшейся слабости немцев Гитлер считал то, что ни для одного из народных вождей из стана союзников у империи не нашлось хотя бы приблизительно равного по силе оппонента. Изолированные от

народа и неспособные осознать его растущее значение, правящие круги Германии застыли, столь же высокомерные, сколь и беспомощные в своем консервативном оцепенении, на устаревших позициях. Осознание их фиаско является одним из крупнейших и непреходящих впечатлений Гитлера, относящихся к тому времени. Трезвые, без предубеждений, ностальгии и сентиментальности мысли Гитлера о слабости уходящих со сцены правящих слоев были заняты лишь достижением конечного результата. По этой причине он восхищается даже самыми безвкусными инсинуациями вражеской пропаганды, рисовавшей немецких солдат мясниками, склонявшимися над отрубленными руками детей или вспоротыми животами беременных женщин, — ведь в таких картинах использовался мистический эффект страха, механика непрерывного самонагнетания представлений об ужасах в фантазиях самого низкого пошиба.

В неменьшей степени Гитлера поражает мобилизующая сила идей. Германская сторона всерьез ничего противопоставить не смогла лозунгам крестового похода. А ведь с их помощью союзники придали своей борьбе столь привлекательный вид, представив дело так, будто они защищают от варварства и гибели не больше и не меньше как весь мир со всеми его ценностями и тем самым выполняют священную миссию. Фатальной ошибкой было то, что под влиянием первых военных успехов Германия отказалась от не лишенного эффективности тезиса о чисто оборонительном характере войны и все более откровенно стала выражать свое стремление к победному миру с аннексиями, не понимая, что для такого рода устремлений нужны оправдания. Во всяком случае, нельзя было делать ставку на одну лишь потребность в жизненном пространстве и территории для нации, вообразившей, что она опоздала к разделу мира. А между тем в конце 1917 года из побежденной России пришло сопровождавшееся заклинаниями о всеобщем освобождении предложение «справедливого и демократического мира без аннексий и контрибуций в соответствии с правом народов на самоопределение, чего настойчиво желают измученные и истерзанные трудящиеся всех стран». С другой стороны, в начале 1918 года Вудро Вильсон выступил перед Конгрессом с изложением всеобъемлющей концепции мира, которая была призвана сделать «мир пригодным и надежным для жизни людей» и создавала привлекательную картину спра-

ведливости, политического и нравственного самоопределения, без насилия и агрессии[17]. И эти идеи перед лицом ставшей идеологически беспомощной власти Германской империи неминуемо должны были найти широкий отклик в обессилевшей от лишений стране. Рассказывают один примечательный для того времени эпизод, связанный с неким офицером германского Генерального штаба, который осенью 1918 года во внезапном прозрении ударил себя кулаком по лбу и воскликнул: «Значит были идеи, с которыми мы должны воевать, и мы проигрываем войну, потому что ничего не знали об этих идеях!»[18].

В этом же русле действовал и тезис о невоенных причинах поражения Германии. В разнообразных вариантах этот тезис позднее постоянно муссировался правыми политиками. Он объяснялся не только зигфридовым комплексом нации[19], страстно желавшей слышать, что побеждена она не в открытом бою, а в результате вероломства и предательства. Но в этом утверждении содержался и более глубокий смысл. Германия и в самом деле была побеждена не на полях сражений, хотя и в другом смысле, нежели это излагали ораторы-националисты, — устаревшая, ставшая анахронизмом политическая система показала себя слабее более современного демократического строя. И тут впервые Гитлером овладела мысль, что нельзя успешно противодействовать идее одной лишь силой — обязательно нужна помощь какой-то другой, не менее привлекательной идеи. «Любая попытка победить мировоззрение силой будет терпеть неудачу, пока она не примет

---

[17] Имеются в виду так называемые Четырнадцать пунктов, изложенные Вудро Вильсоном в послании Конгрессу (а не в выступлении) 8 января 1918 года. На самом деле они не были столь уж «хорошими» для Германии. Они, в частности, предусматривали: 1) открытые мирные переговоры; 2) свободу торгового мореплавания в мирное и военное время... 5) урегулирование колониальных вопросов; 6) вывод немецких войск с оккупированной ими территории России... 8) освобождение Германией всей оккупированной ею французской территории, возвращение Франции Эльзаса—Лотарингии... 11) вывод немецких войск с территории Румынии, Сербии и Черногории... 13) создание независимого польского государства с выходом к морю; 14) создание Лиги Наций. — *Прим. науч. ред.*

[18] См.: *Schüddekopf O.-E.*, Linke Leute von rechls. S. 78.

[19] Название комплекса образовано от имени главного героя «Песни о Нибелунгах» — Зигфрида. Могучий и непобедимый герой Зигфрид пал жертвой предательского убийства. — *Прим. науч. ред.*

форму борьбы за новое мировоззрение. Только в борьбе двух мировоззрений жестокое насилие, примененное твердо и безжалостно, способно принести решающий успех одной из сторон»[20]. Конечно, следует учитывать, что эта сформулированная позже мысль во время Первой мировой войны носила лишь смутные очертания. Она была скорее предчувствием, нежели ощущением проблемы, и все-таки она, при всей ее расплывчатости, явилась одним из важнейших обретений Гитлера за годы войны.

Между тем летом 1918 года казалось, что победа Германии ближе, чем когда бы то ни было. За несколько месяцев до этого Второй рейх[21] добился успеха, несравнимого с теми мимолетными победами на полях сражений, которые только истощали страну. В начале марта Германия продиктовала в Брест-Литовске свои условия мира Советской России[22], а примерно месяц спустя Бухарестским договором с Румынией[23] еще раз наглядно продемонстрировала свою явную мощь. С этими договорами закончилась война на два фронта, и германская армия на Западе, включавшая в себя теперь 200 дивизий почти с 3,5 миллиона солдат, сравнялась по численности с силами Антанты. Правда, по оснащению и вооружению она значительно уступала противнику: например, против 18 000 орудий в армиях союзников у немцев было только 14 000[24]. И все

---

[20] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 189.

[21] Вторым рейхом называется Германская империя, созданная в 1871 году, по аналогии с Первым рейхом — Священной Римской империей германской нации (962—1806). — *Прим. науч. ред.*

[22] Брестский мир между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией, Турцией, с одной стороны, и Советской Россией — с другой был подписан советской делегацией 3 марта 1918 года. 15 марта договор ратифицирован IV Всероссийским съездом Советов, 22 марта одобрен Рейхстагом и 26 марта ратифицирован кайзером Вильгельмом II. В соответствии с договором от России отторгались Польша, Литва, части Белоруссии и Латвии, в Латвию и Эстонию вводились немецкие войска, советские войска выводились из Украины, Финляндии, с Аландских островов, из Ардагана, Карса и Батума. — *Прим. науч. ред.*

[23] Договор между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией, Турцией, с одной стороны, и Румынией — с другой был подписан в Бухаресте 7 мая 1918 года. По нему Румыния теряла значительные территории и брала на себя расходы по содержанию оккупационной армии. Договор был одобрен палатой депутатов Румынии 22 июня, сенатом — 4 июля, но в силу не вступил, так как не был ратифицирован королем Румынии. — *Прим. науч. ред.*

же, поддерживаемое новой, хотя и не стопроцентной, верой общества, Верховное командование германской армии уже в конце марта предприняло первое из пяти наступлений, которые еще до прибытия американских войск потребовали крайнего напряжения всех сил страны. У немецкого народа только один выбор — победить или умереть, — так заявил Людендорф[25], и в этом заявлении проглядывает та же страсть к азартной игре по-крупному, которая впоследствии будет характерна и для Гитлера.

Мобилизовав все оставшиеся силы, охваченные после столь многочисленных бесплодных побед и оказавшихся напрасными лишений упрямой решимостью добиться прорыва по всему фронту (а тем самым и победы), немецкие войска перешли в наступление. Гитлер вместе с полком «Лист» принял участие в этих боях — сначала в преследовании отступающего противника под Мондидье-Нуайоном, а затем в сражениях у Суассона и Реймса. В течение первых недель лета немецким армиям удалось оттеснить британские и французские войска, немецкие передовые части находились уже примерно в 60 километрах от Парижа.

Однако затем наступление захлебнулось. В очередной раз германские армии проявили ту фатально ограниченную силу, которая приносила им лишь кажущиеся победы. Оплаченный большой кровью успех, доводившая до отчаяния нехватка резервов и, наконец, успехи оборонительной тактики противника, которому удавалось после каждого немецкого прорыва вновь стабилизировать фронт, — все это либо держалось в тайне от общества, либо в пылу эйфории не замечалось им. Даже 8 августа, когда операции германских армий давно уже замерли, а союзники, напротив, перешли в контрнаступление на широком фронте, и немецкие позиции — в первую очередь

---

[24] Соотношение сил было следующим: Германия — 194,5 дивизии, около 4 миллионов человек, более 15 000 орудий, около 3000 самолетов, 10 танков; Антанта — 176 пехотных и 10 кавалерийских дивизий, около 5 миллионов человек, около 16 000 орудий, более 3800 самолетов, 800 танков. См. Der Weltkrieg 1914 bis 1918, Berlin 1925—1944, Bd. 14, Beilage 36a, 37. — *Прим. науч. ред.*

[25] Генерал пехоты Эрих Людендорф (9.4.1865—20.12.1937) с 29 августа 1916 года по 27 октября 1918 года занимал пост 1-го генерал-квартирмейстера Полевого Генштаба (при начальнике Полевого штаба генерал-фельдмаршале П. фон Гинденбурге) и фактически сосредоточил в своих руках все вопросы руководства германскими вооруженными силами. — *Прим. науч. ред.*

у Амьена — были прорваны, Верховное командование германской армии все еще настаивало на своих ошибочных планах. (Хотя согласно собственной же радикальной альтернативе должно было, коль скоро победы добиться не удалось, признать свое поражение.) Давно уже осознав безнадежность ситуации, оно тем не менее признавало всего несколько сдержанных фактов, лишь в чем-то омрачивших общую картину непобедимости германских вооруженных сил.

Результатом же стало то, что общественность страны летом 1918 года считала победу и долгожданное окончание войны близкими как никогда, в то время как в действительности на повестке дня уже стояло полное поражение. И мало найдется других столь же очевидных свидетельств этих иллюзий, как рассуждения Гитлера о бессилии и неэффективности немецкой пропаганды, хотя он и делал из своих неправильных посылок в общем-то правильные выводы. Даже среди ведущих политиков и генералитета распространены были самые радужные ожидания[26].

Тем чувствительнее оказалось для всех внезапное столкновение с реальностью, когда 29 сентября 1918 года Людендорф потребовал от спешно собранного политического руководства немедленного заключения перемирия и, будучи на нервном пределе, призвал отбросить мысли о какой-то тактической подстраховке. Примечательно, что ранее он не допускал возможности провала наступления и поэтому с негодованием отвергал все предложения о том, чтобы подстраховать военную операцию политическими средствами. У него даже не было какой-либо точно определенной стратегической цели. Во всяком случае, на заданный ему кронпринцем соответствующий вопрос он дал лишь раздраженный, хотя и весьма характерный ответ: «Мы роем яму. А дальше — что получится». А когда принц Макс Баденский[27] спросил, что может

---

[26] См.: *Kielmannsegg P.* Graf. Deutschland und der Erste Weltkrieg. Frankfurt/M., 1968. S. 671, 662 f. Многочисленные подробности по этому вопросу содержатся также в: *Eyck E.* Geschichte der Weimarer Republick. Bd. 1. S. 45 ff.

[27] Принц Макс Баденский (Макс фон Баден) (10.7.1867—6.11.1929), отпрыск владетельного рода, был женат на английской принцессе Марии-Луизе. В 1907 году он стал наследником престола Великого герцогства Баден, генерал-майор. 3 октября 1918 года назначен рейхсканцлером. Занимал этот пост до крушения монархии 9 ноября 1918 года. — *Прим. науч. ред.*

произойти в случае неудачи, Людендорф взорвался: «Ну, тогда Германии придется погибнуть»[28].

Столь же неподготовленная политически, сколь и психологически нация, верившая, по выражению одного современника, в превосходство своего оружия так же, «как в Евангелие»[29], рухнула в тартарары. Есть одно высказывание Гинденбурга[30], оно настолько же поучительно, как и трудно понимаемо, и свидетельствует, как тяжело умирали иллюзии нации. После признания Людендорфа, что война проиграна, старый фельдмаршал, выступая, потребовал тем не менее от статс-секретаря по иностранным делам приложить все силы, чтобы добиться аннексии Лотарингских рудников[31]. Здесь впервые проявилась та особая форма нежелания считаться с реальностью, с помощью которой многие — и их количество росло — спасались от национальных бед и депрессии и все последующие годы вплоть до опьяняющей весны 1933 года. Эффект этого шокового перехода «от победных фанфар к надгробному песнопению поражения» переоценить невозможно. Отрезвляющий удар наложил такой отпечаток на историю последующих лет, что, можно сказать, ее нельзя по-настоящему понять без этого события.

И с особенной силой оно поразило задумчивого, нервного ефрейтора, служившего в полку Листа и смотревшего на войну с точки зрения человека с кругозором полководца. В октябре 1918 года его часть вела оборонительные бои во Фландрии. В ходе этих боев англичане предприняли на Ипре в ночь на 14 октября газовую атаку. Находясь на холме близ Вервика, Гитлер попал под многочасовой беглый обстрел газовыми снарядами. К утру он почувствовал сильные боли, а когда в семь утра прибыл в штаб полка, то уже почти ничего

---

[28] Max von Baden, Prinz. Erinnerungen und Dokumente. S. 242.

[29] Это слова майора Нимана, начальника тыла одной из групп армий, из его письма Людендорфу, написанного в июле 1918 года, где есть, правда, и предупреждение, что нельзя делать ставку исключительно на военную силу. См.: *Schwertfeger B.* Das Weltkriegsende. Gedanken über die deutsche Kriegsführung 1918. Potsdam, 1937. S. 68.

[30] Генерал-фельдмашал Пауль фон Бенекендорф унд фон Гинденбург (2.10.1847—2.8.1934), пользовавшийся огромной популярностью в Германии, с 29 августа 1916 года являлся начальником Полевого Генштаба. Фактически он стал самым влиятельным человеком в стране, учитывая, что чем было ближе к концу войны, тем больше терял свой вес и влияние кайзер Вильгельм II. — *Прим. науч. ред.*

[31] См.: *Eyck E.* Op. cit. Bd. 1. S. 52.

не видел. Несколько часов спустя он совершенно ослеп, его глаза, как он сам описывал свое состояние, превратились в горячие угли. Вскоре Гитлера отправили в лазарет в Пазевалке в Померании[32].

В палатах этого лазарета царило странное возбуждение, курсировали самые невероятные слухи о падении монархии и близком конце войны. С характерным для него обостренным чувством ответственности Гитлер страшился беспорядков на местах, забастовок, развала армии. Правда, симптомы, с которыми он сталкивался, казались ему «больше порождением фантазии отдельных личностей». Странное дело, но распространенного и проявлявшегося повсеместно куда сильнее, чем во время пребывания Гитлера в Беелице, настроения недовольства и усталости он совершенно не замечал. В начале ноября его здоровье пошло на поправку, но читать газеты он пока не мог, и, рассказывают, говорил соседям по палате, что боится, сможет ли он когда-нибудь снова рисовать. Во всяком случае, революция оказалась для него «внезапной и неожиданной». В «нескольких молодых жидах», которые, по его словам, прибыли не с фронта, а из одного из так называемых «трипперных лазаретов», чтобы вывесить «красные тряпки», он тоже увидел всего лишь участников некой спонтанной единичной акции[33].

Только 10 ноября до него дошло «самое отвратительное известие в жизни». Собранные лазаретным священником раненые узнали, что произошла революция, династия Гогенцоллернов свергнута и в Германии провозглашена республика. Сдерживая рыдания, — так опишет Гитлер этот момент, — старик священник упомянул о заслугах правившего дома, и ни один из присутствовавших не мог при этом удержаться от слез. А когда он начал говорить, что война проиграна и империя отдана теперь на милость его бывших врагов, «тут уж я больше не выдержал. Я был просто не в силах слышать это. Все снова потемнело в моих глазах, и я ощупью, наугад пробрался назад в спальню, бросился на постель и спрятал под

---

[32] К сожалению, история болезни Гитлера исчезла еще до 1933 года и до сих пор так и не обнаружена. В послужном списке Гитлера есть только краткая запись о том, что он «пострадал от газа». Речь шла о горчичном газе (иприте), под влиянием которого хотя и не происходит полной потери зрения, но наступает его сильное ухудшение, а то и утрата на какое-то время.

[33] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 221 f.

одеяло и подушку огнем полыхавшую голову. Я никогда не плакал с того дня, как был на могиле матери... Но теперь я не мог удержаться»[34].

Лично для Гитлера это означало очередное расставание с иллюзиями, столь же внезапное и непостижимое, как и та провалившаяся в самом начале его жизненного пути попытка попасть в Академию художеств. Это раздутое до масштабов мифа переживание станет одной из постоянных тем в ходе его дальнейшей карьеры. Даже свое решение заняться политикой он объяснит именно им, как бы демонстрируя тем самым, каким упорным и настойчивым было его стремление подняться выше всего личного. Чуть ли не в каждой из более или менее значительных своих речей он с почти ритуальной регулярностью станет возвращаться к этому и выдавать революцию именно за то событие в его жизни, которое пробудило его. И вся историография будет следовать в этом за ним. Это бесспорно ошеломляющее впечатление, произведенное на него неожиданным поворотом событий, послужит даже поводом для предположения, что его слепота в октябре 1918 года имела — хотя бы отчасти — истерическое происхождение. Да и сам Гитлер порою будет давать пищу для такого рода суждений. В своем выступлении в феврале 1942 года перед офицерами и выпускниками офицерских училищ он, например, говоря, что ему грозила опасность совсем ослепнуть, заявит, что зрение и не нужно, если оно видит лишь только мир, в котором порабощен собственный народ: «Что тут увидишь?» А весной 1944 года, уже перед лицом приближающегося краха, он в подавленном состоянии скажет Альберту Шпееру, что у него есть основания опасаться, как бы снова не ослепнуть, как это было с ним в конце Первой мировой войны[35].

В связи с этим см. кроме того: Maser W. Frühgeschichte, S. 127, где автор упоминает о полученной им от генерала Винценца Мюллера информации, согласно которой генерал фон

---

[34] Ebd. S. 223.

[35] Свидетельство Шпеера, сделанное им лично автору. Гитлер сказал это при посещении больного Шпеера в замке Клесхейм, см. также: *Speer A.* Erinnerungen. S. 346. Упомянутое выше выступление состоялось 15 февраля 1942 года, приведенный пассаж звучит в контексте так: «Что для меня мир, который я могу видеть своими глазами, если он угнетен, если мой собственный народ порабощен? Что тут увидишь?» Полностью выступление приводится в кн.: *Kotze H. v., Krausnick H.* Op. cit. S. 287 ff.; процитированный отрывок: Ebd. S. 322.

Бредов по заданию Шлейхера якобы выяснил, что слепота Гитлера была исключительно «истерического свойства». Однако в мобилизационном списке Гитлер обозначен как раненый, «пострадавший от газа».

И одно место в «Майн Кампф» тоже направлено на поддержание представления, будто Гитлера пробудил от его бездумного существования некий настойчиво звучавший в его ушах призыв. Гениальности «зачастую нужен один формальный толчок... чтобы пробудить ее, — так пишет Гитлер. — В монотонности будней часто и значительные люди кажутся незначительными и едва ли выделяются из своего окружения. Но как только они оказываются в ситуации, в которой у других опускаются руки, из невзрачного, заурядного ребенка вырастает гениальная натура, нередко к изумлению всех тех, кто видел его до того в мелочной суете буржуазной жизни... Не приди этот час испытаний, едва ли кто-нибудь подозревал бы, что в безусом юнце скрывается юный гений. Удар молота судьбы, опрокидывающий одного, натыкается вдруг у другого на сталь»[36].

Однако все подобные высказывания явно служат лишь тому, чтобы создать впечатление о некоем особом отборе «призванных» и с более или менее достаточной убедительностью соединить предшествовавшие годы богемной жизни, апатии и спячки с декларацией своей явной гениальности и избранности. В действительности же то, что пережил он в те ноябрьские дни, скорее парализовало Гитлера и привело в растерянность: «Я знал, что все было потеряно». Требования ненавистного буржуазного мира по исполнению долга и соблюдению порядка, от которых война оберегала его в течение четырех лет, как и проблемы выбора профессии и обеспечения своего существования — все это снова встало на повестку дня, а он был так же не готов к этому, как и прежде. У него не было ни образования, на работы, ни цели, ни жилья, ни близкого человека. В том припадке отчаяния, которым он, уткнувшись в подушку, реагировал на известие о поражении и революции, проявилось не столько чувство национальной, сколько индивидуальной потерянности.

Ведь конец войны нежданно-негаданно лишал ефрейтора Гитлера той роли, которую он на этой войне обрел. Родину он терял тогда, когда ему сказали, что он может теперь туда вернуться. В растерянности наблюдал он, как словно по какому-

---

[36] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 321.

то тайному знаку падает дисциплина, составлявшая славу германской армии. У окружавших его камрадов нет теперь иного желания, как сбросить с плеч ставший вдруг невыносимым груз четырех лет, положить конец всему этому, вернуться домой и не прятать больше страхи и унижения солдатского бытия за патриотическими формулировками и героической позой. «Итак, все было напрасным. Напрасными были все жертвы и лишения, напрасными — голод и жажда иной раз в течение нескольких месяцев, напрасными — часы, когда мы, охваченные цепкими лапами смертельного страха, все-таки исполняли свой долг, и напрасной оказалась смерть миллионов»[37].

Вот это-то, а не революционные события глубоко поразило Гитлера, а его привязанность к правившему дому была столь же мала, как и его уважение к руководящим кругам империи. Он просто не был «белым». В шок его повергли неожиданное поражение, а также та утрата его почетного статуса солдата. Тягостные явления, которыми сопровождалась революция, не давали ему и никакой равноценной замены, скорее, они были отрицанием всего того, что он подсознательно почитал — величия, пафоса, смертельной любви. Никакая не революция, а, несмотря на весь шум на авансцене, всего лишь стачка против войны, продиктованная самым элементарным и, на его взгляд, банальнейшим мотивом — желанием выжить.

Революция, таковой не являвшаяся, вылилась главным образом в поверхностную, представляющуюся удивительно беспомощной жестикуляцию. Начиная с первых ноябрьских дней все дороги в Германии были запружены охотившимися на офицеров дезертирами. Они сбивались в группы, подстерегали офицеров, задерживали и, осыпая их оскорблениями, срывали с них знаки отличия, погоны и кокарды — это было актом запоздалого бунта против рухнувшего режима, бессмысленным, хотя и объяснимым. Но он порождал и со стороны офицеров и вообще всех сторонников законности и порядка неистребимое, чреватое тяжелыми последствиями ожесточение и глубокую ненависть к революции и тем самым к режиму, начавшему свое существование под ее знаком.

К этому добавилось еще и то, что история не дала революции возможности дойти до апогея, который бы достойно закрепил ее в сознании нации. Еще в октябре 1918 года новый канцлер принц Макс Баденский ответил на требования амери-

---

[37] *Hitler A.* Op. cit. S. 223 f.

канского президента и немецкой общественности рядом политических реформ, установивших в Германии парламентское правление. Наконец утром 9 ноября он ничтоже сумняшеся объявил, в немалой мере на свой страх и риск, об отречении кайзера — и революция, еще даже не начавшись, как бы сразу же оказалась победившей. Во всяком случае, она не получила возможности показать себя при достижении каких-либо политических целей. Нечаянным образом ее лишили повода для «клятвы в Зале для игры в мяч»[38] и для штурма Бастилии.

При наличии этих обстоятельств у революции существовала только одна возможность стать таковой — она должна была воспользоваться той притягательной силой, которой обладает все новое. Однако новые правители страны — Фридрих Эберт[39] и социал-демократы — были солидными и серьезными людьми, преисполненными скепсиса и благой рассудочности. Отменив в первые же дни звания тайных советников и коммерции-советников, а также ордена и другие знаки отличия, они на этом и успокоились[40]. Удивительный педантизм и отсутствие интуиции, выражавшиеся во всех их действиях, объясняют и тот факт, что у них совершенно не было чутья на требования момента, ни каких-либо четких планов дальнейшего развития страны. Это была «абсолютно безыдейная революция», как подметил еще тогда один из современников[41], во всяком случае, она не могла удовлетворить эмоциональные нужды побежденного и разочарованного народа. Делегаты, обсуждавшие в первой половине 1919 года Конституцию, принятую 11 августа в Веймаре[42], не сумели даже дос-

---

[38] В Зале для игры в мяч Версальского дворца проходило заседание французских Генеральных штатов. На заседании 23 июня 1789 года депутаты дали клятву не расходиться из помещения до тех пор, пока не будут выработаны положения Конституции. — *Прим. науч. ред.*

[39] Один из председателей правления Социал-демократической партии Германии (с 1913) и глава фракции СДПГ в Рейхстаге Фридрих Эберт (4.2.1871—28.2.1925) 10 ноября 1918 года стал одним из председателей нового правительства — Совета народных уполномоченных В феврале 1919 года он был избран президентом Веймарской республики. — *Прим. науч. ред.*

[40] Зафиксировано в 109-й статье Веймарской конституции.

[41] *Kessler H.* Graf Tagebücher 1918—1937. S. 173.

[42] Разработанная Учредительным собранием в Веймаре Конституция были принята 31 июля 1919 года, а 11 августа 1919 года она вступила в силу. Собрание заседало в Веймаре с 6 февраля 1919-го по 21 мая 1920 года. — *Прим. науч. ред.*

таточно убедительно сформулировать ее смысл. Строго говоря, Веймарская конституция была лишь техническим инструментом демократического строя, но инструментом, лишенным понятия о целях этой власти.

Так что нерешительность и недостаток смелости очень быстро отняли у революции и ее второй шанс. Конечно, новые правители могли ссылаться на огромную всеобщую усталость, на довлевший надо всеми страх перед страшнейшими картинами русской революции. В своей беспомощности перед лицом тысяч проблем, стоявших перед побежденной страной, они находили немало причин для отказа от политического обновления, которое стало зарождаться в лице рабочих и солдатских советов. Так или иначе, но события побуждали к отказу от традиционных подходов, чего, однако, так и не последовало. Даже правые первоначально приветствовали революцию, а слова «социализм» и «социализация» именно в среде консервативной интеллигенции воспринимались как волшебные заклинания. Но новые властители не предложили никакой иной программы, кроме установления спокойствия и порядка. Реализовывать же ее они брались только в союзе с традиционными силами и структурами. Не было предпринято ни единой, даже самой робкой, попытки социализации, феодальные позиции немецких землевладельцев остались нетронутыми, а чиновникам в спешном порядке были гарантированы занимаемые ими должности. За исключением владетельных домов Германии, все общественные группы, имевшие до того определяющее влияние, вышли из перехода к новой форме государства почти без потерь. И у Гитлера будет потом причина издеваться над действующими лицами Ноябрьской революции: кто же мешал им строить социалистическое государство — ведь у них в руках была власть[43].

Скорее всего, какое-нибудь революционное будущее могли предложить только левые радикалы, но у них не было ни поддержки масс, ни искры «энергии Катилины»[44], коей

---

[43]Adolf Hitler in Franken. S. 38. Речь, произнесенная 23 марта 1927 года.

[44] Луций Сергий Катилина (ок. 108—62 до н.э.) — римский политический деятель, происходивший из обедневшего патрицианского рода. Будучи выдающимся оратором, Катилина смог составить несколько заговоров против республики, в которые он вовлек представителей разных слоев населения. Армия Катилины была разбита при Пистории (Северная Этрурия), а сам он погиб в бою. Позже образ Катилины был сильно романтизирован. — *Прим. науч. ред.*

они изначально не обладали[45]. В знаменитое 6 января 1919 года революционно настроенная толпа в несколько десятков тысяч человек собралась на Зигесаллее в Берлине и до самого вечера тщетно ожидала приказа занятого непрерывными дебатами Революционного комитета. Потом люди замерзли и, усталые и разочарованные, разошлись по домам. Это событие доказывает, какой, как и прежде, непреодолимой осталась пропасть между идеей и реальным делом. Правда, левые революционеры, главным образом до убийства военными их выдающихся вождей Розы Люксембург и Карла Либкнехта, отпугнули страну в середине января волнениями, беспорядками и стачками, от которых было рукой подать до гражданской войны. Но то, что оказалось исторически безуспешным, все же не осталось только лишь в силу этого без последствий.

Дело в том, что запутавшееся и лишенное ориентиров общество уже очень скоро все столкновения и беды того этапа стало сваливать на республиканский строй, который на самом-то деле лишь оборонялся. Все ставилось в вину «революции», а государство, которое родилось наконец в те несчастливые времена, в самом широком сознании непостижимым образом ассоциировалось уже не только с восстанием, поражением и национальным унижением — эти представления стали теперь все в большей степени сливаться с картинами уличных боев, хаоса и беспорядка в обществе. А это всегда мобилизовывало мощные защитные инстинкты нации. Ничто не повредило республике и ее успехам в общественном сознании так, как факт, что у ее истоков стояла «грязная», да и к тому же половинчатая, революция. Вскоре у подавляющей части населения, даже в умеренных в политическом отношении кругах, в памяти от тех месяцев не осталось ничего, кроме стыда, горечи и отвращения.

Условия Версальского мирного договора еще более усугубили эту неприязнь. Нация чувствовала себя втянутой в оборонительную войну, абстрактная дискуссия во второй половине войны о ее целях едва ли была понята национальным сознанием. А вот ноты президента США Вудро Вильсона породили самые большие иллюзии, что крушение монархии и принятие западных конституционных принципов смягчат

---

[45] Слова Макса Вебера, см.: *Mommsen W. J.* Max Weber und die deutsche Politik 1890—1920. Tübingen, 1959. S. 99 f.

гнев победителей и настроят их примирительно по отношению к тем, кто, по сути, делал не что иное, как продолжал все вершить делами в бозе почившего режима. Многие верили также, что «мирный мировой порядок», основы которого, — как это провозглашалось в тексте самого Версальского договора, — этим договором закладывались, исключал и месть, и акты явной несправедливости, да и любые формы диктата вообще. Время этих вполне объяснимых, но все же несбыточных надежд очень точно было названо «утопией периода прекращения огня»[46]. Тем растеряннее, буквально криком возмущения, реагировала страна на то, какими условиями стало обставляться заключение мирного договора в начале мая 1919 года. Это общественное возбуждение нашло свое политическое отражение в отставке канцлера Филиппа Шейдемана и министра иностранных дел графа Брокдорфа-Ранцау[47].

Сегодня совершенно ясно, что внешнеполитические условия были поставлены державами-победительницами с мстительной и оскорбительной обдуманностью. Конечно, было понятно, почему они открыли конференцию 19 января 1919 года — в день, когда почти за пятьдесят лет до того было провозглашено создание Германской империи[48], и выбрали местом подписания договора тот же Зеркальный зал, где проходила когда-то эта церемония. Но тот факт, что датой подписания мирного договора было установлено 28 июня — день годовщины убийства австрийского престолонаследника Франца-Фердинанда[49] в Сараево, — находился в циничном противоречии с помпезными заверениями Вильсона о чистоте намерений победителей.

---

[46] *Tröltsch E.* Spectator-Briefe. Tübingen, 1924. S. 69; см. также: *Klemperer K. v.* Konservative Bewegungen zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus. S. 86 ff.

[47] 20 июня 1919 года. Социал-демократ Филипп Шейдеман (26.7.1865—29.11.1939) 13 февраля 1919 года возглавил первое правительство Веймарской республики. В том же правительстве пост министра иностранных дел занял дипломат старой школы граф Ульрих фон Брокдорф-Ранцау (29.5.1869—8.9.1928). — *Прим. науч. ред.*

[48] Создание Германской империи было провозглашено в оккупированном немецкими войсками Версале 18 января 1871 года. — *Прим. науч. ред.*

[49] Убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда членом террористической организации «Молодая Босния» стало официальной отправной точной скоротечного кризиса, приведшего к началу Первой мировой войны. — *Прим. науч. ред.*

Вообще накладывавшийся договором гнет был не столько материального, сколько психологического характера. Он травмировал всех: и правых, и левых, сторонников всех лагерей и всех партий. Он породил у всех немцев чувство небывалого унижения. Территориальные притязания, возмещение убытков и репарации[50], вызвавшие поначалу по меньшей мере столь же ожесточенную полемику, конечно же не были такими «по-карфагенски жестокими», как об этом потом говорили, и, несомненно, вполне выдерживали сравнение с теми условиями, которые империя выдвигала в Брест-Литовске России и в Бухаресте Румынии. Невыносимыми же, по-настоящему оскорбительными и воспринимавшимися как позор — это сыграет вскоре весьма агрессивно-стимулирующую роль в успехах правых — были те положения договора, которые затрагивали честь всей нации. В первую очередь это относилось к 228-й статье, требовавшей выдачи поименно перечисленных немецких офицеров для предания их военному суду союзников, а также к пресловутой 231-й статье, однозначно возлагавшей на Германию моральную вину за развязывание войны. Совершенно очевидными были противоречия и проявления непорядочности во всех 440 статьях этого договора-трактата, которым победители предъявляли свои законные притязания, встав в позу вершителя судеб мира, и взывали к покаянию в грехах, когда на деле-то речь шла об интересах. Вообще всему договору был присущ абсолютно бессмысленный, хотя и вполне объяснимый, дух жаждавшего мести морализирования, что и породило столько ненависти и насмешек. Да и в самих странах Антанты договор подвергся ожесточенной критике. Например, право на самоопределение, возведенное в заявлениях американского президента в ранг принципа всемирного примирения, отбрасывалось везде, где оно могло бы проявиться в пользу Германии. Такие чисто немецкие территории, как Южный Ти-

---

[50] В соответствии с мирным договором Германия передавала Бельгии округа Мальмеди и Эйпен, а также нейтральную и немецкую части Морене; Польше – Познань, часть Померании и Западной Пруссии; Франции – Эльзас и Лотарингию; Мемель – под контроль стран-победительниц; часть Силезии – Чехословакии; признавала Люксембург вышедшим из Германского таможенного объединения; Данциг объявлялся вольным городом; Саар – угольный центр страны – переходил на 15 лет под управлении Лиги Наций. Кроме того, Германия теряла все свои колонии. – *Прим. науч. ред.*

роль, Судетская область или Данциг, отбирались у Германии либо получали самостоятельность, а вот на объединение Германии с немецкой частью развалившейся габсбургской монархии был, напротив, просто-напросто наложен запрет. Наднациональные государственные образования были в одном случае — Австро-Венгрия — разрушены, а в других — Югославия, Чехословакия — созданы заново. Вообще, национализм получил триумфальное одобрение, но одновременно и — в идее создания Лиги Наций — свое отрицание. Едва ли хоть одна из проблем, являвшихся, собственно говоря, предметом развернувшегося в 1914 году противоборства, нашла свое разрешение в этом трактате-договоре, слишком уж явно игнорировавшем ту мысль, что высшая цель любого мирного договора есть мир.

Вместо этого оказались в значительной степени разрушенными как европейская солидарность, так и общая судьба, сохранявшаяся на протяжении поколений и продолжавшая существовать вопреки войнам и страданиям. Новое миротворчество не проявило особого желания к восстановлению этого сознания. Во всяком случае Германия была, строго говоря, навсегда отлучена от него, поначалу ее даже не допустили в Лигу Наций. Такая дискриминация еще в большей мере, чем когда бы то ни было, отвернула ее от европейской общности, и оставалось лишь вопросом времени, когда появится человек, который поймает победителей на слове и вынудит их отнестись к своему лицемерию всерьез. Гитлер действительно обязан немалой долей своих первоначальных внешнеполитических успехов тому факту, что выдавал себя — не без показного простодушия — за самого что ни на есть решительного приверженца Вильсона и версальских максим, не столько за противника Версальской системы, сколько за адепта некоего прежнего утраченного порядка. «Страшные времена начинаются для Европы, — написал один из самых проницательных наблюдателей в тот день, когда в Париже был ратифицирован мирный договор, — духота перед грозой, которая, вероятно, окончится еще более страшным взрывом, чем мировая война»[51].

Во внутриполитическом плане возмущение положениями мирного договора еще больше усилило антипатию к республике — ведь она оказалась неспособной оградить страну от тягот

---

[51] *Kessler H.* Graf. Op. cit. S. 206.

и бесчестия этого «позорного диктата». Собственно говоря, только теперь по-настоящему и выяснилось, насколько непопулярной она была — во всяком случае, в этой форме, являясь результатом смятения умов, случая, усталости и надежд на мир. К тем многим сомнениям, которые порождались ее бессилием во внутренней политике, добавилась теперь и дурная репутация, которую заработала республика слабостью своей внешней политики. И все большему числу людей слово «республика» стало уже представляться вскоре синонимом позора, бесчестия и беспомощности. Так или иначе, но ощущение, будто республика была навязана немецкому народу обманом и принуждением и является чем-то абсолютно чуждым ему, закрепилось и в общем и целом уже никогда не изменилось. Правильно, конечно, что, несмотря на весь этот груз, у республики оставался все же шанс, но даже в немногие счастливые свои годы она «не сумела по-настоящему привлечь к себе ни преданности, ни политической фантазии людей»[52].

Значение всех этих событий было в том, что они дали мощный толчок процессу политизации общественного сознания. Широкие слои, находившиеся до того вне политики, оказались вдруг преисполненными политических страстей, надежд и разочарований. Эти настроения захватили и повлекли за собой и находившегося в лазарете в Пазевалке Гитлера, которому было в то время уже около тридцати лет. У него было смутное, но одновременно очень сильное ощущение несчастья и предательства. И хотя это ощущение приблизило его на один шаг к политической карьере, но само решение стать политиком, которое он связывает в «Майн Кампф» с ноябрьскими событиями, пришло несомненно позднее. Скорее всего, в тот поразительный момент примерно год спустя, когда он в чаду маленького помещения выступил в гипнотическом возбуждении перед небольшой аудиторией, открыл в себе талант оратора и увидел вдруг выход из страхов безнадежно блокированного существования в какое-то будущее.

Это утверждение подкрепляется, во всяком случае, его поведением в течение последующих месяцев. Когда Гитлер пос-

---

[52] Слова Уинстона Черчилля. Цит. по: *Deuerlein E.* Aufstieg. S. 23. О негативной оценке Веймарской конституции см.: *Fleischmann.* HdbDStR. Bd. 1. § 18. S. 221 f. В 1918 году также и Макс Вебер жаловался на увязывание демократизации с ожиданием мира: «Внутри страны это в будущем отзовется так: заграница навязала нам демократию! Плачевная история!»

ле выздоровления в конце ноября был выписан из лазарета в Пазевалке, он тут же направился в Мюнхен и прибыл в казармы запасного батальона своего полка. И хотя этот город, сыгравший немалую роль в ноябрьских событиях и положивший начало свержению германских княжеских и королевских династий, буквально вибрировал от политического возбуждения, Гитлер остался ко всему этому безучастен и, вопреки его позднейшим заверениям о созревшем решении заняться политикой, никакого интереса к этим событиям не проявил. Весьма скупо он заметит, что власть «красных» вызвала у него отвращение; но поскольку такое же отношение к «красным» было у него и после — да и в принципе, по его же собственным словам, на протяжении всего существования республики, — это замечание едва ли можно рассматривать как оправдание его слабого интереса к политике. Не имея никакой цели, но ощущая потребность хоть в каком-то занятии, Гитлер в конце концов в начале февраля записался добровольцем в службу охраны лагеря для военнопленных, находившегося близ Траунштайна, неподалеку от австрийской границы. Когда же примерно месяц спустя военнопленных — несколько сот французских и русских солдат — выпустили, а лагерь расформировали, он вновь оказался не у дел и в растерянности вернулся назад в Мюнхен.

Поскольку он не знал куда податься, он снова занял койку в казарме в Обервизенфельде. Вероятно, это решение далось ему нелегко, потому что оно принуждало его вступить в Красную армию, взявшую к тому времени власть, и носить на рукаве ее красную повязку. Но так или иначе, ему пришлось с этим смириться и встать на сторону победивших революционеров, хотя он мог бы вступить в один из Добровольческих корпусов[53] либо в иную воинскую часть, не связанную с «красной» властью. И это едва ли не лучшее доказательство того, насколько слаборазвитым было еще в то время его политическое сознание и насколько низким его политическое чутье, которое потом, как говорят, заставило его впадать в ярость уже при упоминании слова «больше-

[53] Добровольческие корпуса — созданные для борьбы с «красными» добровольческие отряды консервативно настроенных военнослужащих. Организовывались по принципу воинской части и чаще всего назывались по имени своего командира. Добровольческие корпуса сыграли решающую роль в разгроме «красных» республик. — *Прим. науч. ред.*

визм». Вопреки всему позднейшему украшательству, его политическое безразличие на этом этапе явно было сильней унизительного чувства оказаться солдатом армии мировой революции.

Впрочем, у него и не было никакого выбора. Милитаризованный мир был по-прежнему единственной социальной системой, в которой он ощущал себя человеком. Демобилизоваться означало бы для него вернуться в тот анонимный мир неудачников, откуда с таким трудом вырвался. Позже Гитлер сам засвидетельствует, что он отчетливо представлял всю безысходность своего личного положения:

«В это время в голове моей проносился один план за другим. Целыми днями думал я тяжелую думу о том, что же вообще теперь можно было предпринять. И каждый раз я приходил к трезвому выводу, что пока я человек без имени, у меня нет даже самых элементарных предпосылок для какого-нибудь целесообразного действия»[54]. Это замечание демонстрирует, насколько и теперь он оставался далек от мысли о работе, о хлебе насущном и гражданском ремесле — больше всего его мучило сознание отсутствия имени. Если верить автобиографии, как раз в это время он навлекает на себя своими политическими выступлениями «недовольство Центрального совета» правительства Баварской советской республики[55], и в конце апреля будто бы его даже решают арестовать, но он, угрожая карабином, обращает команду, пришедшую взять его, в бегство. На самом деле к указанному времени Центральный совет уже прекратил свое существование.

В большей степени все говорит за то, что его поведение в это время было смесью из растерянности, пассивности и оппортунистического приспособленчества. Даже в бурных событиях начала мая, когда Добровольческие корпуса под ко-

---

[54] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 226. О красной повязке на рукаве см.: *Maser W.* Frühgeschichte. S. 132. Эрнст Дойерлейн будет даже утверждать, что зимой 1918/19 года Гитлер подумывал о вступлении в СДПГ; см.: *Deuerlein E.* Aufstieg. S. 80.

[55] Баварская советская республика была провозглашена коммунистами и левыми социал-демократами 7 апреля 1919 года. 13 апреля левым удалось захватить власть в Мюнхене и установить свой режим. Противоречия между коммунистами и социал-демократами сказались очень быстро, и уже 27 апреля коммунисты вышли из правительства, а 1 мая 1919 года республика была разогнана Добровольческими корпусами. — *Прим. науч. ред.*

мандованием Эппа[56] и другие соединения захватили Мюнхен и сбросили власть Советов, он не принимает никакого сколько-нибудь заметного участия. Отто Штрассер[57], бывший одно время среди его соратников, впоследствии публично задаст такой вопрос: «Где был Гитлер в тот день? В каком уголке Мюнхена прятался солдат, который должен был бы сражаться в наших рядах?» Вместо этого Адольф Гитлер был арестован вошедшими в город войсками и оказался на свободе только благодаря заступничеству нескольких знавших его офицеров. Рассказ о якобы имевшей место попытке его ареста Центральным советом представляет собой, возможно, сильно ретушированную версию как раз этого события.

Вслед за вступлением Эппа в Мюнхен начались многочисленные расследования того, что происходило в городе в период власти Советов. Существуют различные предположения относительно роли Гитлера в этих мероприятиях. Однако точно известно лишь то, что он предоставил себя в распоряжение следственной комиссии 2-го пехотного полка. Он собирает сведения для развернутых допросов, нередко заканчивавшихся чрезвычайно суровыми, несшими на себе отпечаток ожесточенности только что утихших боев приговорами. Он выискивает солдат, служивших коммунистическому режиму, и, по всей вероятности, выполняет свои задания в целом так успешно, что вскоре после этого его направляют на политические курсы.

---

[56] Полковник Франц Ксавер Риттер фон Эпп (16.10.1868—31.12.1946) во время Первой мировой войны командовал Баварским гвардейским пехотным полком и был кавалером ордена Pour le Mérite. Возглавив подразделения Добровольческого корпуса в Мюнхене, руководил подавлением рабочих выступлений и свержением правительства «Красной Баварии». Один из создателей рейхсвера. С 1928 года избран депутатом Рейхстага от НСДАП. В 1933—1945 годах — имперский наместник Баварии, в 1933—1934 годах руководитель Военно-политического, в 1934—1943 годах — Колониально-политического управления НСДАП; генерал пехоты (с 1935), рейхслейтер (с 1933), обергруппенфюрер СА (с 1933). Умер в американском лагере для перемещенных лиц. — *Прим. науч. ред.*

[57] Отто Штрассер (10.9.1897—27.8.1974) вступил в НСДАП в 1925 году. Выступил в поддержку нескольких стачек, организованных социалистическими профсоюзами; за национализацию промышленности; открыто заявлял о своих симпатиях к СССР. В 1926 году возглавил теоретическое издание партии «Национал-социалистише брифе». В 1930 году исключен из НСДАП, создал Союз революционных национал-социалистов (так называемый Черный фронт) и вскоре бежал в Чехословакию, а затем в Канаду. — *Прим. науч. ред.*

Вот тут он впервые и начал выделяться из безликой массы, чья анонимность так долго и скрывала и угнетала его. Сам он назовет свою службу в следственной комиссии «первой более или менее настоящей активной политической деятельностью»[58]. Он все еще продолжал плыть по течению, но тот поток, в который он попал, быстро принес его к финалу периода формирования его личности, лишь смутно освещаемого удивительной полутьмой из асоциальности и ощущения своей миссии. Если же смотреть на все в совокупности, то бросается в глаза, что Адольф Гитлер, которому суждено будет стать одним из наиболее ярких явлений в политике XX столетия, до тридцатилетнего возраста не принимал в ней никакого участия. В том же возрасте Наполеон был уже первым консулом, Ленин находился после ссылки в эмиграции, Муссолини возглавлял газету социалистов «Аванти!». Гитлера же, напротив, ни одна из идей, которые в скором времени понесут его к попытке завоевать весь мир, пока еще не подвигла ни на один хотя бы сколько-нибудь достойный упоминания шаг. Он не вступил пока ни в какую партию, ни в какой-нибудь из многочисленных союзов — за исключением венского союза антисемитов — дабы приблизить осуществление своих идей. Нет ни единого свидетельства того, что его стремление к действиям хоть как-нибудь проявилось, нет ни единого признака, который бы хоть в чем-то поднимался над косноязычным лепетом банальностей эпохи.

Эта отрешенность от какой бы то ни было политики может — хотя бы частично — объясняться внешними обстоятельствами его становления. Объясняться его одиночеством в Вене, ранним переездом в Мюнхен, где до отправки на фронт он считался иностранцем. Можно допустить также, что это впечатление определяется и своеобразием его спутников в те годы, чьи воспоминания о «друге юности» и его политических симпатиях не столь полны, как того заслуживал молодой Адольф Гитлер. Но ведь это может также означать, что политика для него, если судить по гамбургскому счету[59], тогда мало что значила.

---

[58] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 227.

[59] Гамбургский счет— беспристрастная оценка без скидок и уступок. Происхождение этого выражения таково (по В. Шкловскому): «Все борцы, когда борются, жулят и ложатся на лопатки по приказанию антрепренера. Раз в году в гамбургском трактире собираются борцы. Они борются при закрытых дверях и завешанных окнах. Долго, некрасиво и тяжело. Здесь устанавливаются истинные классы борцов, — чтобы не исхалтуриться». — *Прим. науч. ред.*

Он сам, находясь уже в зените осознания собственной власти, выступая 23 ноября 1939 года перед высшим генералитетом, сделал поразительное признание. Он сказал, что стал политиком в 1919 году после долгой внутренней борьбы с самим собой и что для него это было «самое трудное решение из всех»[60]. И хотя это выражение, разумеется, имеет в виду трудности принятия любого переломного решения, оно все-таки, помимо всего прочего, явно свидетельствует и о его внутреннем предубеждении по отношению к политической карьере. Вероятно, тут сыграло свою роль и традиционно немецкое пренебрежение к «текущей политике», что уже в понятийном плане воспринималось как более низкий уровень по сравнению с любым крупным творческим деянием. Особенно если иметь в виду его безвозвратно отставленную юношескую мечту стать «одним из лучших, если не лучшим архитектором Германии». Уже в апогее славы он как-то скажет, что куда охотнее скитался бы по Италии «неизвестным художником» и что якобы только смертельная угроза собственной расе толкнула его на чуждый ему путь политики[61]. И тогда становится понятным, почему даже революция не затронула его в политическом плане. Конечно, ноябрьские события, крах всех авторитетов, гибель династии и воцарившийся хаос в значительной степени подорвали его консервативные инстинкты. Но все это не подвигло его на протестные действия. Более сильным, чем презрение к политическому гешефту, было у него отвращение к бунту и революционным потрясениям. Пройдет двадцать пять лет, и он в одной из своих застольных бесед, говоря о Ноябрьской революции, поставит знак равенства между участниками переворота и уголовниками, видя в них лишь «асоциальное отребье», которое следует вовремя уничтожать[62].

Только личные мотивы, осознание им в дальнейшем силы воздействия собственных выступлений побудили его отбросить все предубеждения — против политической карьеры, робость, продиктованную боязнью прослыть нарушителем порядка. И вот только теперь вступал он на тернистый путь по-

---

[60] Из выступления Гитлера 23 ноября 1939 года перед высшим генералитетом, см.: Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof (далее — IMT), PS-789. Bd. XXVI. S. 328.

[61] Tischgespräche. S. 323; Libres propos. S. 11, 45.

[62] Tischgespräche. S. 449.

литика-революционера, хотя и — как скажет он через четыре года, оправдываясь на процессе в Мюнхенском народном суде, — революционера против революции. Но был ли он при всем при этом не тем растерянным, подавленным человеком искусства, которого перенесли в политику какое-то стремление переделать мир и некий необыкновенный, особый талант? Этот вопрос будет то и дело всплывать на протяжении всей его жизни. То и дело будет возникать искушение спросить: означала ли когда-либо политика для него нечто большее, нежели средство, с помощью которого он ее проводил, — как, например, триумфы риторики, театральность демонстраций, парадов и партсъездов, спектакль применения военной силы в годы войны.

Несомненно, крах старого строя только лишь открыл ему путь в политику. Пока буржуазный мир стоял прочно на ногах и политика оставалась карьерой для буржуа, у него было мало шансов на имя и успех. Для неустойчивого темперамента Гитлера этот мир с его формальной суровостью и серьезностью требований не давал возможностей для взлета. 1918 год открыл ему дорогу. «Я теперь мог улыбаться мыслям о собственном будущем, мыслям, которые еще совсем недавно доставляли мне только горькие заботы», — писал он[63].

Он выходил на политическую авансцену.

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ВРЕМЕНИ I: «ВЕЛИКИЙ СТРАХ»

> Нас то и дело упрекают в том, что нам мерещатся призраки.
>
> *«Фёлькишер Беобахтер» от 24 марта 1920 года*

После окончания Первой мировой войны ничто не казалось столь очевидным фактом, как победа идей демократии. Над разрухой, смутой и продолжавшимися распрями бесспорно и неопровержимо возвышалась как объединяющий принцип эпохи демократическая идея. Война решила не только вопрос о притязании отдельных стран на мировое господство. Одновременно был решен вопрос о сферах господства — в ре-

[63] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 225.

зультате крушения почти всех Средне- и Восточноевропейских империй из революции и хаоса возникли многочисленные новые государственные образования. И все они заявили о свой приверженности демократии. Если в 1914 году на карте Европы было три республики и семнадцать монархий, то четыре года спустя число республиканских и монархических государств сравнялось. Казалось, что дух эпохи недвусмысленно указывал на преимущество демократической формы правления[1].

И только Германия, первоначально, казалось, охваченная духом демократии, теперь сопротивлялась ему. Среди невообразимой толчеи партий и клубов, исповедовавших идеи «фёлькише», в стране воинственных орденов и Добровольческих корпусов полным ходом шла организация отпора созданной войною реальности. Революция воспринималась этими группами как чужая и насильственно навязанная, она была для них синонимом «всего, что противоречит немецкому пониманию государства», а то и просто презрительно именовалась «грабительским институтом капитала Антанты»[2].

Бывшие противники Германии увидели в распространившихся симптомах национального протеста реакцию строптивого и исторически склонного к авторитаризму народа на демократию и гражданское общество. Конечно, они не упускали из виду и беспримерно усилившиеся политические и психологические нагрузки: шок поражения, Версальский договор с его обвинительными формулировками, территориальными потерями и репарациями, равно как и обнищание и духовный кризис самых широких слоев населения. Но за всем этим незримо стояло представление о некой значительной нравственной дистанции между немцами и большинством их

---

[1] См.: *Bracher K.* B. Diktatur. S. 72 f.

[2] *Niekisch E.* In: Widerstand. Teil III, 1928. Nr. 11; см. кроме того статью Гитлера в специальном выпуске газеты «Фёлькишер Беобахтер» (далее — VB) от 3 января 1921 года, а также в речах, произнесенных 22 сентября 1920 года и 12 апреля 1922 года, где он затрагивал эту тему. Есть еще масса аналогичных высказываний. 19 июля 1922 года VB называет Германию, например, «плацем мировой биржи для идеологической муштры», «колонией» держав-победительниц. Гитлер как-то обозвал правительство страны «судебным исполнителем Антанты», а Веймарскую конституцию — «законом для исполнения Версальского договора»; см. также речь Гитлера, произнесенную 30 ноября 1922 года (здесь и далее, если не указан другой источник, см. соответствующий номер VB).

соседей. Последние считали Германию загадочной страной, упрямо набычившейся и не слушающей никакие резоны, упорствующей в своей отсталости, предметом некоего особого претенциозного сознания, противившегося не только западному разуму и гуманизму, но и всемирной демократической тенденции. И это представление вот уже на протяжении десятилетий доминирует в полемике о причинах столь быстрых успехов национал-социализма.

Однако породившая так много надежд картина победоносной демократии была обманчивой. Момент, когда уже казалось, что демократия получает свое историческое воплощение, стал одновременно и началом ее кризиса. Всего несколько лет спустя сам принцип демократической идеи был, как никогда ранее, поставлен под сомнение. Только вчера торжествовавшая демократия поблекла перед диким триумфом новой идеологии. Она оказалась в смертельной опасности перед лицом новых движений, в той или иной форме появившихся почти во всех европейских государствах.

Наиболее крупные успехи этих движений отмечались в тех странах, где война пробудила в народе мощные комплексы неудовлетворенности и где, в частности, войне сопутствовали революционные восстания левого толка. Одни из этих движений были консервативными и призывали к возврату в те времена, когда люди были более честными, долины — более мирными, а деньги — более ценными. Другие же строили из себя революционеров и лезли из кожи вон в охаивании всего существующего. Одни привлекали к себе главным образом мелкобуржуазные массы, другие — крестьян или отдельные категории рабочего класса но сколь бы странной и причудливой не была в их рядах мешанина классов, интересов и симптомов, все они тем не менее черпали свою динамику в малообразованных и наиболее энергичных слоях общества. Национал-социализм был всего лишь разновидностью этого европейского протестного движения, решившего однажды перевернуть мир.

Национал-социализм возник по-провинциальному, из скучных, мещанских объединений, «компаний», как издевался Гитлер, которые собирались в мюнхенских пивных за столиками со скудной выпивкой и закуской, чтобы поговорить о национальных и семейных горестях. Никто не мог и предположить, что у них будет шанс не только бросить вызов мощным, высокоорганизованным массовым марксистским партиям, но даже и обойти их. Однако последующие годы показали, что в

этих сборищах любивших поговорить на политические темы сторонников «фёлькише», к которым вскоре стали присоединяться вернувшиеся с фронта разочарованные ветераны и пролетаризованная буржуазия, скрывалась немыслимая динамика. Казалось, она только и ждала, чтобы ее разбудили, организовали и бросили в дело.

Их побудительные мотивы были столь же различными, как и группы, в которые они объединялись. Только в одном Мюнхене в 1919 году существовало около пятидесяти объединений более или менее политического характера. В них входили преимущественно разрозненные осколки сбитых с толку и распавшихся в ходе войны и революции довоенных партий. Они называли себя «Новым Отечеством», «Советом духовного труда», «Кольцом Зигфрида», «Универсальным союзом», «Nova Vaconia», «Союзом социальных женщин», «Свободным объединением социальных учащихся», «Союзом Остары». Была среди них и Немецкая рабочая партия. Всех их, несмотря на различия, объединяло — и теоретически, и практически — только одно: всепокоряющее чувство страха.

Первоначально это был абсолютно конкретный страх перед революцией — тот Grande Peur («Великий страх»), который со времен Великой французской революции на протяжении всего XIX века был кошмаром снов европейцев. Представление о том, что революции — это стихийные явления, действующие независимо от воли и желания их актеров, как бы по законам механики стихий, повинуясь собственной логике и неизбежно выливаясь в господство ужаса, в разрушения, убийства и хаос, стало с той поры неотъемлемой частью общественного сознания. Именно это представление, а не то, как считал Кант, проявившееся в революции 1789 года стремление человеческой натуры к лучшему, и явилось опытом, который уже нельзя было предать забвению. Что же касается Германии, то этот опыт на протяжении жизни нескольких поколений сковывал любую волю к революционной практике и породил «фанатизм покоя», который реагировал чуть ли не на каждый призыв к революции стандартной апелляцией к стремлению к спокойствию и порядку.

Этот старый страх усугублялся теперь не только сходными с революцией событиями в собственной стране, но в первую очередь — русской Октябрьской революцией и исходящей от нее угрозой. Ужасы красного террора, раздутые — прежде все-

го стекавшимися в Мюнхен беженцами и эмигрантами — до проявлений сатанизма, жутких оргий и жаждавшего крови варварства, неизгладимо врезались в народное сознание. Один из мюнхенских листков «фёлькише» опубликовал в октябре 1919 года заметку, дающую представление о мании страха того времени и ее конкретном выражении:

«Печальны времена, когда ненавидящие христиан орды диких азиатов простирают свои окровавленные руки в стремлении задушить нас! Антихристовы бойни, устраиваемые евреем Иссашаром Цедерблумом — он же Ленин, ужаснули бы даже Чингисхана. В Венгрии его выкормыш Кон — он же Бела Кун — прошел по этой несчастной стране с обученной убивать и грабить еврейской сворой террористов, чтобы, усеяв страну виселицами, уничтожать на этом конвейере смерти ее горожан и крестьян. В роскошный гарем при его дворце тайно поставляли десятки непорочных христианских дев, которых подвергали там насилию и растлению. По приказу его подручного лейтенанта Самуэли в одном подземелье были жестоко истреблены шестьдесят священников. Их тела расчленяют, отрубают конечности, а до этого у них все отбирают, оставляя им вместо одежды только кожу, по которой струится кровь. Следствие выявило, что восьмерых священников перед тем, как убить, распяли на дверях их церквей! Теперь стало известным... что точно такие же страшные сцены имели место и в Мюнхене»[3].

Однако охвативший мир ужас перед приходившими с востока кошмарными известиями имел свои основания, равно как и заслуживавших доверия свидетелей. Один из руководителей ЧК, латыш М. Лацис[4], заявил в конце 1918 года, что для наказания и казни кого-либо определяющим является теперь не его

[3] Заметка из газеты «Мюнхенер Беобахтер» за 4.10.1919. На базе этого листка и появится позднее «Фёлькишер Беобахтер». Процитированная заметка была опубликована как письмо некоего анонимного священника из Базеля.

[4] Мартын Иванович Лацис (настоящие имя и фамилия — Ян Фридрихович Судрабс) (14.12.1888—11.2.1938) был в 1918 году членом коллегии ВЧК и начальником отдела ВЧК по борьбе с контрреволюцией. Он был одним из самых убежденных сторонников усиления карательных функций ВЧК, апологетом красного террора, а также официальным историографом и теоретиком работы органов государственной безопасности. В 1920 году — председатель Всеукраинской ЧК. Во время «чисток» был арестован и расстрелян. — *Прим. науч. ред.*

виновность или невиновность, а его социальная принадлежность: «Мы хотим ликвидировать буржуазию как класс. Вы не должны доказывать, что тот или иной действовал против интересов Советской власти. Первое, о чем вы должны спросить арестованного: из какого он класса, каково его происхождение, какое он получил воспитание и кто он по профессии? Эти вопросы и должны решить судьбу обвиняемого. В этом состоит квинтэссенция красного террора»[5]. И словно ответом прозвучит один из ранних призывов руководства НСДАП: «Вы хотите сперва увидеть в каждом городе тысячи людей повешенными на фонарях? Вы хотите сперва дождаться, чтобы, как в России, в каждом городе начала действовать большевистская чрезвычайка?.. Вы хотите сперва пройти по трупам ваших жен и детей?» Угроза революции исходила не от нескольких одержимых заговорщиков, которых травила вся Европа, а из огромной, зловещей России, этого, по словам Гитлера, «колосса брутальной мощи»[6]. Уверенная в своей грядущей победе агитация нового режима, являвшаяся частью синдрома, который Филиппе Турати[7] назовет «опьянением большевизмом», помимо всего прямо говорила, что захват Германии объединенными силами международного пролетариата не только явится решающим шагом на пути революции, но и произойдет буквально на днях. Тайные действия советских эмиссаров, непрекращающееся провоцирование беспорядков, красная революция в Баварии, революционное брожение в Рурской области, революционные выступления в Центральной Германии, восстания в Гамбурге, а затем снова в Саксонии и Тюрингии порождали этот страх и вызывали ответную реакцию на перманентную угрозу революцией со стороны советского режима — сильнейший защитный импульс.

Эта угроза доминирует и в речах Гитлера — особенно в первые годы, когда он рисовал самыми яркими красками «ко-

---

[5] Красный террор, 1.10.1918. Цит. по: *Nolte E.* Der Faschismus von Mussolini zu Hitler. S. 24.

[6] Слова из памятной записки Гитлера о расширении рядов НСДАП, датированной 22 октября 1922 года: Bayerische Hauptstaatsarchiv. Abt. I, 1509. Упомянутый выше призыв руководства партии опубликован в VB от 19.7.1922.

[7] Филиппо Турати (27.11.1857—30.3.1932) — один из основателей и лидеров Итальянской социалистической партии, Унитарной социалистической партии, идеолог итальянского реформизма. — *Прим. науч. ред.*

манды красных мясников», «коммуну убийц», «кровавое болото большевизма». Как-то он заявил, что свыше тридцати миллионов человек в России «приняли мученическую смерть, частью на эшафотах, частью под дулами пулеметов и ружей, частью на бойнях в буквальном смысле этого слова, а частью — и вновь миллионами — вследствие голода; и мы все знаем, что этот бич уже занесен над Германией». Интеллигенция Советской России, скажет он, истреблена в ходе массовых убийств, экономика разрушена до самого основания, тысячи немецких военнопленных утоплены в Неве или проданы в рабство, а в это время «непрерывным, с не знающим устали упорством крота» в Германии создаются предпосылки для революционной ломки. Россия, — это рефреном повторялось в его выступлениях, — предстоит и нам![8] И даже годы спустя, уже придя к власти, Гитлер будет пугать тем «ужасом ненавистной международной коммунистической диктатуры», который овладел им еще в начале его пути: «Я вздрагиваю при мысли о том, чем стал бы наш старый перенаселенный континент, если бы победил хаос большевистской революции».

Этой защитной реакции на угрозу марксистской революции национал-социализм и будет в значительной степени обязан своим пафосом, агрессивностью и внутренней сплоченностью. Цель НСДАП, как неустанно будет повторять Гитлер, «формулируется абсолютно коротко: уничтожение и истребление марксистского мировоззрения» — путем «пропаганды и просвещения», а также с помощью движения, обладающего «беспощадной силой и свирепой решимостью, готового противопоставить террору марксизма в десятки раз больший террор»[9]. Сходного рода соображения побудили при-

[8] См., например, выступление 12 апреля 1922 года. По поводу упомянутых выше утверждений Гитлера см. его речи, произнесенные 28 июля 1922 года, 27 апреля 1920 года, 22 сентября 1920 года, 21 апреля 1922 года, а также статью в VB за 1.1.1921. Розенберг, который, очевидно, способствовал формированию представлений Гитлера об ужасах в России, писал в VB от 15.4.1922, что Россия «за время «правления» Ленина стала кладбищем, адом, в котором десятки миллионов бродят в поисках куска хлеба, а миллионы уже погибли от эпидемий и голода, найдя мучительную смерть на обезлюдевших улицах». — Следующая цитата взята из выступления Гитлера в Рейхстаге 7 марта 1936 года, см.: *Domarus M.* Op. cit. S. 587.

[9] Упомянутая выше памятная записка Гитлера от 22 октября 1922 года.

мерно в то же время и Муссолини создать свой Fasci di combattimento[10], по названию которого все подобные движения и стали называть «фашистами».

И все же один только страх перед революцией был бы не в состоянии развить ту огромную и все усиливавшуюся тенденцию, которая сумела поставить под сомнение другую — всемирную демократическую. Тем более что для многих революция несла и определенную надежду. Было нужно появление более сильного, стихийного импульса. Марксизм действительно внушал страх, но лишь как революционный авангард куда более широкого и направленного против традиционных представлений наступления, — актуального, политического проявления некой прямо-таки метафизической идеи переворота, «объявления войны европейской... культуре»[11]. Сам же марксизм являлся только драматическим полотном, на котором наглядно проступал страх эпохи.

Этот страх и был, возвышаясь над идеями просто политического переворота, доминирующей и главной характерной чертой того времени. В нем таилось предчувствие того, что с окончанием войны пришло расставание не только с довоенной Европой с присущими ей величием, интимностью, монархиями и гарантированными закладными, но и с целой эпохой. С крахом старых форм господства наступил конец и привычному образу жизни. Волнения, радикализм политизированных масс, революционные беспорядки воспринимались уже не только как послеродовые боли войны, но и как провозвестие подобного незваному гостю вторгающегося в жизнь хаоса, где теряет авторитет все то, что сделало Европу великой и надежной: «Поэтому у нас такое чувство, будто земля уходит из-под наших ног»[12].

Действительно, редкая эпоха ощущала так отчетливо свою собственную гибель. Война значительно ускорила этот процесс и одновременно породила это всеобщее ощущение. Впервые Европа получила представление о том, как будет

---

[10] Fasci di combattimento — Союз ветеранов (иногда переводится как Боевой союз) — был основан на учредительном съезде в Милане 21 марта 1919 года. — *Прим. науч. ред.*

[11] *Rosenberg A.* In: VB, 1.9.1923. В своей памятной записке Гитлер также называет большевизм, выходя за рамки его более узкого значения в политическом плане, революцией ради «уничтожения всей христианской западной культуры вообще».

[12] *Jaspers K.* Die geistige Situation der Zeit. S. 5.

выглядеть будущая жизнь. Пессимизм, который столь долгое время был доминирующим чувством меньшинства, нежданно-негаданно стал главным настроением времени. Оно обнаружило себя, как гласило название одной известной книги, «в тени завтрашнего дня».

Отбрасываемая этой тенью темнота сгущалась. Война привела к появлению в экономике новых мегалитических форм ее организации, благодаря которым капиталистический строй осознал свои возможности. Рационализация и конвейер, тресты и корпорации делали как никогда очевидной структурную слабость всех малых образований. Уже в течение предшествовавших войне 30 лет число самостоятельных хозяев в крупных городах уменьшилось примерно вдвое, теперь же их доля сокращалась еще быстрее, тем более что их материальная база была подорвана войной и инфляцией. Жупелы общества анонимной конкуренции, засасывающего, высасывающего и выбрасывающего одиночку, воспринимались во всей их наглядности и выливались в многочисленных анализах современной ситуации в страх перед гибелью возможности индивидуального существования вообще. Индивидуум растворялся в функции, человек включался как «бессознательная машина» в некие необозримые процессы — все это проходит красной нитью через получившую широкое распространение литературу неприятия происходящего: «Кажется, кроме страха, не существует больше ничего»[13].

Этот страх перед нормированными, подобными жизни термитов формами существования нашел свое выражение и в протесте против усиливающейся урбанизации, против ущелий домов и «стен серых городов». Он выразился и в жалобах на разрастающуюся, как плесень, промышленность, заслонившую фабричными трубами тихие долины, — перед лицом безжалостно проводимого «превращения всей планеты в единую фабрику по использованию ее сырья и энергии» впервые в широких

---

[13] *Jaspers K.* Op. cit. S. 52 u. 39; см. затем: *Klages L.* Der Geist als Widersacher der Seele. S. 1222. О динамике изменений, касающихся лиц самодеятельного труда, в указанный период времени см.: *Lederer E., Marschak J.* Der neue Mittelstand. In: Grundriss der Sozialökonomik. Bd. 9, Teil 1. S. 127 f. Данные о социальном положении и настроениях служащих, чье количество за тридцать лет, предшествовавших первой мировой войне, возросло более чем в шесть раз, приводит в своем социальном репортаже Зигфрид Кракауэр (*Kracauer S.* Die Angestellten). См. также: *Bechtel H.* Wirtschaftsgeschichte Deutschlands. München, 1956. S. 423 f.

массах была поколеблена вера в прогресс. Цивилизация разрушает мир, — гласит протест, — земля превращается «в разбавленное сельским хозяйством Чикаго»[14]. И именно страницы «Фёлькишер Беобахтер» первых лет издания кишмя кишат яркими свидетельствами этого страха перед гибелью того, что было таким своим и близким. «До какой же величины дойдут наши города, — говорится в одной из статей, — прежде чем начнется противоположное движение, когда снесут казармы, разрушат каменные громады, проветрят пещеры и... насадят сады между стенами и дадут человеку вздохнуть?» Строения из готовых деталей, машины жилья Ле Корбюзье, стиль «Баухауса»[15], мебель из стальных трубок, — весь этот, как гласил девиз времени, «технический конструктивизм» вызывал сопротивление приверженного традициям сознания, способного увидеть в них только своего рода «тюремный стиль»[16]. Эмоциональная отрицательная реакция на современный мир сказалась в 20-е годы и в широком поселенном движении, и в первую очередь в создании «союзов артаманов»[17], противопоставлявших счастье простой жизни на лоне земли «цивилизации асфальта», а естественные связи людей — потерянности человека в массовом мире городов. Наиболее же чувствительно задевал общество резкий и вопиющий разрыв с существующими нормами морали. Брак, говорилось в некой «Социальной этике коммунизма», есть не что иное, как «гнусное порождение капитализма», революция ликвидирует его точно так же, как и запрет на аборты, гомосексуализм, бигамию и кровосмешение[18]. Но в восприятии самых широких

---

[14] *Klages L.* Mensch und Erde. Stuttgart, 1956. S. 10. Следующая цитата взята из VB, 6.4.1920.

[15] Шарль Эдуар Ле Корбюзье (настоящая фамилия Жаннере) (6.10.1887—27.8.1965) — французский архитектор и теоретик архитектуры. Пропагандировал рационализм и функционализм архитектуры; в Москве он построил дом Центросоюза — ныне Госкомстат. «Баухаус» (Bauhaus) — высшая школа строительства и художественного конструирования, основанная в 1919 году в Веймаре. Ею руководили проповедовавшие функционализм В. Гропиус, Х. Мейер, Л. Мисс Ван дер Роэ. — *Прим. науч. ред.*

[16] В журнале «Иллюстриртер Беобахтер» (1927, № 4) под фотографией дома в стиле «Баухауса» дается такая подпись: «Девиз: максимальное сходство с тюрьмой».

[17] Молодежная антиурбанистическая организация артаманов (Artamann) была создана в Германии в 1923 году. — *Прим. науч. ред.*

[18] *Friedländer E.* Sozialethik des Kommunismus. Berlin, 1920. По поводу следующего размышления о среднем классе как носителе традиционной морали см.: *Lepsius M.* R. Extremer Nationalismus. S. 14.

буржуазных средних слоев, всегда рассматривавших себя как «представителей и хранителей традиционной морали» и видевших в покушении на нее личную угрозу самим себе, определение брака как простого акта регистрации — а именно так он первоначально понимался в Советской России — было столь же неприемлемым, как и «теория стакана воды». Согласно ей сексуальная потребность является такой же элементарной потребностью, как и жажда, и должна удовлетворяться без всяких церемоний. Фокстрот и короткие юбки, погоня за наслаждениями в «клоаке рейха — Берлине», «похабные картинки» сексопатолога Магнуса Хиршфельда[19] и тип мужчины того времени («резиновый кавалер на креповых подошвах в брюках "чарльстон" и с прической "шимми" — гладким зачесом назад») были для массового сознания безнравственными (что, правда, весьма трудно понять вне исторического контекста). Пользовавшиеся широчайшей популярностью театральные постановки 20-х годов провокационно увлекались такими темами, как отцеубийство, кровосмешение и преступление. Характерным симптомом времени было высмеивание самих себя. Так, в заключительной сцене оперы Брехта и Вейля «Махагони» исполнители выходили к рампе и демонстрировали на плакатах лозунги: «За хаос в наших городах!», «За продажную любовь!», «Честь и слава убийцам!», «За бессмертие пошлости!»[20].

В изобразительном искусстве революционный прорыв произошел еще до Первой мировой войны, и сам Гитлер был сторонним свидетелем этого сначала в Вене, а затем в Мюнхене. Но то, что первоначально воспринималось как оригинальничанье кучки фантазеров, видится теперь, на фоне потока полотен о перевороте, революции и избавлении, объявлением войны традиционной европейской картине человека. Фовизм, «Голубой всадник», «Брюкке», «Дада» — все это кажется столь же радикальной угрозой, как и революция; это ощущение внутренней связи зафиксировано в популярном термине «культур-большевизм». Соответственно и защитная реакция была не только такой же страстной, но и пронизан-

---

[19] Магнус Хиршфельд (14.5.1868—1935), сексопатолог, основатель «Движения за эмансипацию германских геев». В 1903—1922 годах издавал «Ежегодное обозрение для людей неопределенной сексуальной ориентации». После 1933 года бежал за границу. — *Прим. науч. ред.*

[20] Заключительная сцена из «Махагони» Б. Брехта. In: *Brecht B.* GW in 20 Bänden. Bd. 2. Frankfurt. M., 1967. S. 561—562.

ной все той же нотой страха перед анархией, произволом и бесформенностью. Как гласил характерный вердикт того времени, современное искусство — это «царство хаоса»[21], и все эти симптомы выливаются в единое в своем многообразии полотно страха, для которого модный пессимизм того времени нашел формулировку «Закат Европы»[22]. И можно ли было не ожидать в страхе того дня, когда все эти чувства неприятия выльются в акт отчаянного сопротивления?

Радость разрушения устарелых или скомпрометированных социальных и культурных форм спровоцировала консервативный темперамент немцев в особой степени — ведь быстро проявлявшее себя сопротивление могло здесь сильнее, чем где бы то ни было, опираться на настроения и аргументы конца XIX века. Технический и экономический переворот наступил в Германии позднее, быстрее и радикальнее, чем в других странах, а решимость, с которой Германия проводила промышленную революцию, была, по формулировке Торстейна Веблена, «среди европейских стран беспримерной»[23]. По той же причине этот процесс вызвал у немцев дикую боязнь поражения и породил мощнейшие ответные реакции. Вопреки широко распространенному мнению Германия, превратившаяся в прямо-таки неразрывный сплав достижений и упущений, в коем соединились элементы феодализма и прогресса, авторитарности и социального государства, в канун Первой мировой войны, пожалуй, по праву могла претендовать на звание самого современного в промышленном отношении государства Европы. Только за последнюю четверть века ее валовой национальный доход увеличился более чем вдвое, а доля населения с подлежащим налогообложению минимумом доходов выросла с 30 до 60 %; выплавка стали, еще в 1887 году составлявшая только половину того, что выплавлялось в Ан-

---

[21] *Rosenberg A.* In: VB, 27.5.1922. О Пикассо он сказал, что его картины становятся «грязнее по краскам, хаотичнее по штриху, нахальнее (!) по названиям». VB, 6.4.1920 пишет об этом «кричащем искусстве негров и малоазиатов, этой судорожной мазне дадаистов»; см. в этой связи также пронизанные аналогичным неприятием современного искусства высказывания Адольфа Гитлера: *Hitler A.* Mein Kampf. S. 282 ff.

[22] От названия главного произведения немецкого философа Освальда Шпенглера. — *Прим. науч. ред.*

[23] *Veblen Th.* Imperial Germany and the Industrial Revolution. New York, 1954. S. 86.

глии, возросла почти в два раза. Покорялись колонии, строились города, создавались промышленные империи, число акционерных обществ увеличилось с 2143 до 5340, а товарооборот гамбургской гавани вышел, по мировой статистике, на третье место — после Нью-Йорка и Амстердама (но впереди Лондона!). В то же время управление страной было достаточно корректным и экономным и обеспечивало, вопреки всем антилиберальным вкраплениям, в немалой степени внутреннюю свободу, соблюдение законности и социальную защищенность.

Так что печать анахронизма на портрете кайзеровской Германии в целом объясняется отнюдь не экономическими явлениями, равно как и не ее многоликими феодальными структурами. Над этой занятой своими делами и, казалось бы, уверенной в своем завтрашнем дне страной, над ее растущими городами и промышленными районами довлел некий своеобразный романтический небосвод, темный купол которого населяли мистические образы, древние герои и боги. Таким образом, отсталость Германии имела идеологическую природу. Конечно, в немалой степени к этому приложили свою руку академический обскурантизм, германский фольклор, а также потребность в украшательстве со стороны буржуазии, которой так хотелось увидеть более высокие ориентиры поверх материальных целей, кои этот обскурантизм преследовал с такой неугомонностью и динамизмом. Но в то же время за всеми этими пристрастиями постоянно ощущалась бюргерская строптивость в культурной сфере по отношению как раз к тому современному миру, возведению которого они сами помогали столь энергично и успешно. Это была своего рода оборонительная позиция по отношению к новой, лишенной поэзии реальности, имевшая своим истоком не дух скептицизма, а дух пессимистического романтизма и позволявшая распознавать в себе латентную готовность к контрреволюционному протесту.

Это противодействие проявит себя в первую очередь в критике цивилизации и найдет своих апологетов в лице Пауля де Лагарда, Юлиуса Лангбена и Ойгена Дюринга. Конечно, обличавшиеся ими недостатки относились к симптомам общецивилизационного кризисного настроения, представлявшего собой реакцию на деромантизацию общества, на прагматический оптимизм эпохи. На рубеже веков оно наделало немало шума как в Соединенных Штатах, так и во Франции, привлекло внимание к делу Дрейфуса, к «Аксьон фран-

сез», к манифестам Морраса и Барреса[24]. Габриеле д'Аннунцио, Энрико Коррадини, Мигель Унамуно, Дмитрий Мережковский, Владимир Соловьев, Кнут Гамсун, Якоб Буркхардт и Дэвид Герберт Лоуренс стали, при всех их индивидуальных различиях, выразителями сходных страхов и противодействий. Однако в Германии этот чрезвычайно глубокий перелом, так внезапно перебросивший страну из ее бидермейера[25] в модерн и требовавший все новых разрывов и расставаний, придал протесту в Германии несравнимую с остальной Европой экзальтированную окраску. Здесь страх и отвращение к действительности сочетались с романтической тоской по канувшим в Лету идиллическим порядкам.

И эта традиция тоже пришла издалека. Страдание по поводу «опустошений», приносимых процессом цивилизации, можно было проследить до Руссо или «Вильгельма Мейстера» Гёте. Апологеты этого неприятия презирали процесс и не без гордости признавались в своей — не от мира сего — отсталости. Все они были наблюдателями вне своего времени, стремившимися, как писал Лагард, увидеть такую Германию, которой никогда не было и, может быть, никогда и не будет. Ко всем противоречащим их теории фактам они относились с высокомерным пренебрежением и горько сетовали на «одноглазый разум». Свой порою весьма остроумный иррационализм они об-

---

[24] Дело Дрейфуса — процесс во Франции в 1894 году по сфабрикованному обвинению еврея А. Дрейфуса в шпионаже в пользу Германии; борьба дрейфусаров и антидрейфусаров всколыхнула французское общество и привела к политическому кризису.

«Аксьон франсез» (L'Aktion française) — крайне активная монархическая организация, основанная во Франции в 1899 году, имевшая в своем распоряжении полувоенные боевые отряды — «Королевских молодчиков».

Шарль Моррас (20.4.1868—16.11.1952) — французский публицист и поэт, один из создателей «Аксьон франсез»; убежденный сторонник наследственной монархии и католицизма, а также теории превосходства латинской расы над другими народами. Морис Баррес (19.8.1862—4.12.1923) — французский писатель, апологет католицизма. — *Прим. науч. ред.*

[25] Бидермейер (Biedermeier) — стилевое направление в австрийском и немецком искусстве в 1815—1848 годах. Архитектура и декоративное искусство бидермейера перерабатывало формы ампира в духе интимности и домашнего уюта. Свое название стиль получил от фамилии литературного персонажа — простодушного, недалекого обывателя. — *Прим. науч. ред.*

ращали против бирж и урбанизации, принудительных прививок, мирового хозяйства и позитивистской науки, против «коммунизации» и первых аэропланов — короче говоря, против всего процесса эмансипации современного мира, того процесса, из проявлений которого они создавали общее полотно катастрофического «заката души». Будучи «пророками озлобленной традиции», они жаждали прихода дня, когда будет положен конец опустошению и «старые боги вновь выйдут из вод».

Противопоставлявшиеся ими новому времени представления о ценностях включали в себя естественность, искусство, прошлое, аристократию и любовь к смерти, а также право сильной цезаристской личности. Бросается в глаза, что этот протест, содержавший сетования по поводу упадка немецкой культуры, нередко был пронизан идеями империалистического мессианства, в которых страх обращался в агрессию, а отчаяние искало утешения в величии. Самая известная книга, выразившая эту тенденцию времени, принадлежала перу Юлиуса Лангбена и называлась «Рембрандт-воспитатель». Вышедшая в свет в 1890 году, она пользовалась невероятным успехом и уже за полтора-два года насчитывала до сорока переизданий. Такая широкая популярность этого эксцентричного свидетельства паники, антисовременности и националистического мессианского бреда приводит к мысли, что сама книга была выражением того кризиса, который она изгоняла своими заклинаниями с такой страстью и ожесточением.

Чуть ли не еще более чреватым последствиями нежели соединение враждебного отношения к цивилизации с национализмом эпохи явилась — как это уже имело место с социал-дарвинистскими и расистскими теориями — смычка этих чувств с антидемократическими идеями. И это было диагнозом, свидетельствовавшим о болезни того либерального западного общества, которое основало свой политический строй на принципах Просвещения и Великой французской революции. Этот поворот носил общеевропейский характер, так, «в частности, во Франции и в Италии», как писал позднее Жюльен Бенда, что-то около 1890 года писатели «с поразительной проницательностью осознали, что доктрины абсолютного авторитета, дисциплины, традиции, отрицания духа свободы, утверждения нравственной оправданности войны и рабства дали возможность занять гордые и несгибаемые позиции, и в то же время они в значительно большей степени отвечали представлениям простых людей, нежели сентиментальные либерализм и гума-

низм»[26]. И хотя страдание по поводу модернизма было, несмотря на все литературные успехи, все еще делом лишь какого-то исключительного меньшинства, эти настроения — снова говоря о Германии — постепенно станут сказываться все сильнее и сильнее. И в первую очередь через молодежное движение, которое было не просто ими охвачено, а стало прямо-таки фанатичным и чистым их выражением. «Вся великая сила немцев, — опишет эту позицию Фридрих Ницше, — направлялась против Просвещения и против революции в обществе, которая с грубым непониманием принималась за следствие первого: пиетет по отношению ко всему еще существующему пытался обратиться в пиетет по отношению ко всему, что существовало, только чтобы вновь наполнились сердце и дух и не оставили в себе места для будущих и обновляющих целей. На месте культа разума был воздвигнут культ чувства»[27].

И, наконец, враждебные цивилизации настроения времени смыкались с антисемитизмом. «Немецкий антисемитизм реакционен, — такой вывод сделает в 1894 году из обширных, проводившихся по всей Европе исследований Герман Бар, — это бунт мелких бюргеров против промышленного развития»[28]. Постановка знака равенства между евреями и модерном и впрямь не была лишена оснований, равно как и утверждение об их особой приспособляемости к условиям капиталистической экономики, построенной на конкуренции. Вот это и являлось двумя сильнейшими мотивами всех страхов за будущее. Вернер Зомбарт напишет даже, что «еврейская мис-

---

[26] *Benda J.* La trahison des clercs. Paris, 1928. Цит. по: *Stern F.* Kulturpessimismus. S. 6. Своего рода добавлением к этому могут служить слова Грегора Штрассера, сказанные им в июне 1932 года: «Сознательно противопоставляя себя французской революции, будучи ее антиподом и преодолением, национал-социализм отвергает суесловие об индивидуализме, исказившем внутреннее германское представление о свободе понятием внутреннего экономического беспредела; он отвергает рационализм, учение о разуме, которое готово признавать властителями судеб народа и государства лишь ум и интеллект, а не полнокровную волю и душу человека. Таким образом, национал-социалистическая идея государственности подразумевает в конечном счете смену либеральной эпохи». См.: *Strasser G.* Kampf um Deutschland, S. 381 f.

[27] *Nietzsche F.* Morgenröte. In: Nietzsche F. Werke. Bd. I. S.1145.

[28] *Bahr H.* Der Antisemitismus. Ein Internationales Interview. Berlin, 1894. Работа Бара основывалась на беседах со многими немецкими и европейскими писателями и общественными деятелями.

сия» заключается в том, чтобы «ускорить переход к капитализму... [и] устранить пока еще сегодня законсервированные остатки докапиталистической организации, разлагая последние ремесла и ремесленного толка торговлю»[29]. На фоне этого развития традиционно мотивировавшаяся религиозными причинами ненависть к евреям становится во второй половине XIX века антисемитизмом, обосновывающимся уже причинами биологическими или социальными. В Германии для популяризации этой тенденции особенно много сделали философ Ойген Дюринг и неудавшийся журналист Вильгельм Марр (в своем труде под характерным заголовком «Победа иудеев над германцами, рассмотренная с неконфессиональной точки зрения. Via Victis! [30]»). Но те же рефлексы были характерны и для Европы в целом. Антисемитизм в Германии был несомненно не более интенсивен, чем во Франции, и уж конечно же куда слабее, чем в России или в Австро-Венгрии. В немецких антисемитских публикациях того времени то и дело встречаются сетования на то, что их идеи при столь широком распространении не могут все же похвастаться успехом. Но в ту пору, когда иррациональные ожидания бродили повсюду, как бездомные собаки, антисемитизм именно по причине содержавшейся в нем полуправды представлял собой питательную среду для распространения дурных настроений, хотя он и был не чем иным, как возведенным в мифологическую степень проявлением страха. Воздействие творчества Рихарда Вагнера как раз и состоит в том, что он, как никто другой, мобилизовал магию искусства против явственно просматривавшегося во всех этих явлениях процесса снятия чар. Это настроение времени, переведенное на язык мифологии, обрело в его творчестве всепокоряющий эффект. Здесь и пессимизм по отношению к будущему, и осознание наступающего господства золота, и расовый страх, и трепет перед грядущим веком плебейской свободы и уравниловки, и предчувствие близящегося заката.

---

[29] *Sombart W.* Die Juden und das Wirtschaftsleben. S. 140 f. Интересные мысли по этому поводу содержатся также в книге Э. Рейхмана: *Reichmann E.* G. Flucht in den Hass. S. 82 ff. См. в этой связи кроме того: *Neumann F.* Behemoth. S. 121. Нойман уже в 1942 году считал, что антисемитизм в Германии был чрезвычайно слабым, а «немецкий народ — наименее антисемитским» и что именно это обстоятельство и позволило Гитлеру сделать антисемитизм подходящим оружием.

[30] Жертвенный путь. — *Прим. пер.*

Многообразные самоуничижительные аффекты буржуазного времени были наконец выпущены на свободу и одновременно радикализованы войной. Она вернула бытию утерянную в безрадостных буднях цивилизации возможность неслыханного самовозвышения, узаконила насилие, принесла триумф разрушению и явилась, как писал Эрнст Юнгер, с помощью огнеметов «великим очищением через ничто»[31]. Война и была как раз отрицанием либеральной и гуманистической идеи цивилизации. Чуть ли не магическая сила военных впечатлений, тоже освещенных соответствующей европейской литературой и ставших основой для разнообразнейших концепций обновления, имела своим истоком именно этот опыт. Одновременно война научила тех, кто назовет потом себя ее наследниками, смыслу и преимуществу быстрых и единоличных решений, абсолютного подчинения и единомыслия. Компромиссный характер парламентских режимов, их слабость в принятии решений и их частый паралич власти отталкивали от них поколение, вынесшее из войны миф об отлично слаженном боевом братстве.

Только с учетом всех этих взаимосвязей можно понять, почему провозглашение демократической республики и включение Германии в Версальскую систему мира было воспринято отнюдь не просто и не только как результат поражения. Для сохранивших свою силу настроений неприятия цивилизации и то и другое означало не просто изменение политического положения. Это было грехопадением, неким актом метафизического предательства и глубокой измены самому себе, ибо в жертву сложившимся в данный момент обстоятельствам приносилась Германия. Романтичная, погруженная в раздумья и чуждая политике Германия, которую теперь отдавали на заклание той самой идее западной цивилизации, что несла угрозу уже самим фактом своего существования. Примечательно, что «Фёлькишер Беобахтер» назвала Версальский договор «сифилитическим миром», который, как и эта болезнь, «рождается от короткого запретного удовольствия, начавшись с маленькой твердой опухоли, поражает постепенно все члены и суставы, да и всю плоть, включая сердце и мозг согрешившего»[32]. Страстное, принципиальное не-

[31] Tagebuch, 21.9.1929. Цит. по: *Sontheimer K.* Antidemokratisches Denken. S. 129.

[32] VB, 6.4.1920; Артур Меллер ван ден Брук говорил о «присущей немцам мании перенимать все идеи западников», словно быть принятым в круг либеральных наций — это бог весть какая честь.

приятие «этой системы» вытекало именно из нежелания оказаться в составе ненавистной «империи цивилизации» со всеми ее правами человека, демагогией насчет прогресса и страстью просвещать, с ее тривиальностью, испорченностью и тупыми апофеозами благосостояния. Немецкие же идеалы верности, Божьего милосердия, любви к отечеству оказались, как это сказано в одном из многочисленных жалобных писаний того времени, «безжалостно выкорчеванными в бурях революционных и послереволюционных времен», а на их место пришли «демократия, движение нудистов, безудержный натурализм, гражданский брак»[33].

Во все годы существования республики наблюдается — в том числе и среди правой интеллигенции, продолжавшей враждебную традицию вильгельмовской эры по отношению к цивилизации, — тяга к союзу с СССР, вернее с Россией, бывшей, как материнское чрево, «четвертое измерение», предметом эмфатических ожиданий. В то время как Освальд Шпенглер призывал к борьбе против «внутренней Англии», другой апологет сопротивления во имя духовной идентичности нации Эрнст Никиш писал: «Пора немецкому пробуждению обратить взоры на восток... ход на запад был немецким нисхождением; поворот на восток будет снова восхождением к немецкому величию». «Мелкотравчатому либерализму» противопоставляется «прусско-славянский принцип», а столице Лиги Наций Женеве — «ось Потсдам — Москва». Страх победы над немецким духом материалистического и демифологизированного западного мира оказался здесь сильнее страха перед угрозой всемирного коммунистического господства.

Первые послевоенные годы явились катализатором не только страха перед революцией, но и чувства отрицания цивилизации. А они, в свою очередь, породили синдром необычайного динамизма. Он же слился с комплексами страха и необходимости защиты потрясенного до самых основ общества, утратившего свое национальное самосознание, благополучие, авторитеты, а также всю систему сверху донизу. Общества, в слепом ожесточении жаждавшего получить назад то, что, казалось, было отнято несправедливо. Эти всеобщие чувства недовольства еще более усугублялись и обретали дополнитель-

[33] Из статьи священника доктора Бюттнера: *Dr. Büttner.* Die sozialistischen Kinderfreunde. In: Gelbe Hefte, 1931. Nr. 7. S. 263. Приведенное ниже высказывание Э. Никиша см.: *Niekisch E.* Entscheidung. Berlin, 1930. S. 118.

ный радикализм наличием множества неудовлетворенных групповых интересов. Подверженность великой мании тотального критиканства поражает в первую очередь непрерывно растущий слой служащих, ибо промышленная революция перекинулась теперь уже и на конторы и сделала вчерашних «унтер-офицеров капитализма» последними жертвами «современного рабства»[34]. К тому же у них, в отличие от рабочих, никогда не было собственной классовой гордости и уж тем более какого-то рода утопии, которая бы помогала видеть в катастрофах существующего строя благие предзнаменования для них самих. Не менее восприимчивыми оказались и ремесленники из среднего класса с их страхом перед засильем крупных предприятий, универсальных магазинов и конкурирующей рационализацией. То же самое касается и широких слоев сельского населения, привязанных традиционной неповоротливостью и отсутствием средств к давно уже изжившим себя структурам, а также многих вчера еще солидных людей с высшим образованием и разорившихся буржуа, оказавшихся затянутыми в омут пролетаризации. Без средств к существованию «тут же становишься изгоем, деклассированным элементом; быть безработным — это все равно что быть коммунистом», — так заявил один из таких людей во время опроса общественного мнения[35]. Никакая статистика, никакие данные об уровне инфляции, о количестве самоубийств и числе пошедших с молотка хозяйств не могут передать чувства тех, кто оказался под угрозой безработицы и нищеты, потери места. Никакая статистика не может выразить и опасения другой стороны — тех, кто еще чем-то владел и страшился взрыва накапливающегося недовольства. Общественные учреждения с их вечной беспомощностью были не в силах локализовать коллективное чувство озлобления, подспудно бродившее повсюду. Тем более что со времени Лагарда и Ланг-бена страх вышел за рамки теоретизирования и проповедей — война вложила в его руки оружие.

В дружинах самообороны и многочисленных, создававшихся частично по личной, частично по скрытой государственной инициативе для отпора угрозе коммунистической

---

[34] См. в этой связи: *Kracauer S.* Op. cit. S. 5 f.

[35] *Speier H.* The Salaried Employees. Цит. по: *Schoenbaum D.* Die braune Revolution. S. 37. Там же приводятся и данные о том, что за 4 года — с 1925-го по 1929-й — число филиалов универмагов возросло со 101 до 176, т.е. почти в два раза.

революции Добровольческих корпусах сорганизовались те элементы, которые угрюмо, но решительно были готовы сопротивляться при любых обстоятельствах. В них общество и стало видеть ту силу, которая повела бы его к новому порядку. Поначалу была еще и огромная масса вчерашних фронтовиков, тоже представлявших собой резервуар воинствующей энергии. Многие из них влачили бесцельное солдатское существование в казармах — это было растерянное, затянувшееся прощание с амбициозными мечтами военной молодости. В окопах на фронте и те и другие приблизились к очертаниям какого-то нового, еще до конца не ясного смысла жизни, который они тщетно пытались теперь обрести вновь в налаживающейся с трудом жизни послевоенного времени. Не ради же этого немощного, бездарного мира с его чужими идеалами сражались и страдали они четыре года! И еще они, приобретшие опыт существования на войне, страшились деклассирующей силы бюргерской обыденности.

Гитлер придал этим чувствам недовольства, как среди гражданских, так и среди военных, единство, динамизм, дал им лидера. Его появление и впрямь кажется синтезированным продуктом всех этих страхов, пессимистических настроений, чувств расставания и защитных реакций. Для него самого война была могучим избавителем и учителем, и если и есть некий «фашистский тип», то именно в нем он и нашел свое олицетворение. Ни один из его приверженцев, которых он после несколько затянувшегося старта быстро начал обретать, не собрал в себе все важнейшие психологические, общественные и идейные мотивы движения так, как он. Он всегда был не только вождем этого движения, но и его характернейшим представителем.

Уже опыт предвоенных лет помог ему узнать то всеподавляющее чувство страха, которое сформировало систему его мыслей и чувств. И именно это чувство лежит в основе почти всех его высказываний и поступков — страх, притаившийся настороженным зверем и имевший столь же будничные, сколь и космические размеры. Многие свидетели его молодых лет — от его крестного отца в Линце до Августа Кубицека и Грейнера — говорили о его бледном, «испуганном» естестве, представлявшем подходящую почву для проявившейся у него уже в ранние годы тяги к безудержным фантазиям. И его «постоянный страх» перед соприкосновением с чужими людьми является тут вполне объяснимым, равно как и его

крайняя недоверчивость или же ставшая потом маниакальной чистоплотность[36]. Тот же комплекс был и источником часто выражавшейся им боязни заразиться венерической болезнью, боязни любой инфекции вообще: «Микробы просто набрасываются на меня», — считал он[37]. Он был охвачен привитым австрийским пангерманским движением страхом перед чужим засильем, перед «нашествием подобных саранче русских и польских евреев», перед «превращением немца в негра», перед «изгнанием немца из Германии» и, наконец, перед «полным истреблением» последнего. Он велел напечатать в «Фёлькишер Беобахтер» одно якобы французское солдатское стихотворение с повторяющейся как рефрен строчкой: «Мы поимеем, немцы, ваших дочерей!» Но беспокойство у него вызывали также и американская техника, и цифры растущей рождаемости у славян, и крупные города, и «столь же безудержная, сколь и вредная индустриализация», и «коммерциализация нации», и анонимные акционерные общества, и «трясина культуры удовольствий в крупных городах», равно как и современное искусство, стремящееся голубыми лугами и зелеными небесами «убить душу народа». Куда бы он ни взглянул, он всюду открывал «явления разложения медленно догнивающего мира» — в его представлениях присутствуют буквально все элементы упомянутой пессимистической критики цивилизации[38].

Что объединяло Гитлера с ведущими фашистскими деятелями других стран, так это решимость, с которой они стре-

---

[36] См.: Jetzinger F. Op. cit. S. 115; затем *Kubizek A.* Op. cit. S. 215, а также: Tischgespräche. S. 30.

[37] Libres propos. P. 225. После еды Гитлер, как правило, всегда полоскал рот, на улице он почти постоянно носил перчатки — по крайней мере, в более поздние годы. См. также: *Kubizek A.* Op. cit. S. 286. Правда, страх перед венерическими заболеваниями доминировал у того поколения вообще надо всем. Стефан Цвейг писал, насколько эта мания была распространена именно в Вене. См.: *Zweig S.* Die Welt von gestern, S. 105 ff.

[38] Цитаты и ссылки в порядке их очередности см.: VB, 3.3.1920, 12.9.1920, 10.1.1923; *Hitler A.* Mein Kampf. S. 255 ff., 279 f. Для общего представления см. также: *Nolte E.* Faschismus. S. 480 ff., где говорится о решающем значении страха для всего поведения Гитлера. На функцию страха в тоталитарном государстве указывал и Франц Нойман. Он делает вывод, что Германия того периода была «страной отчуждения и страха». См.: *Neumann F.* Notizen zur Theorie der Diktatur. In: Demokratischer und autoritaerer Staat. Frankfurt/M., 1967. S. 242 ff., 261 ff.

мились противостоять этому процессу. А выделяла его та маниакальная исключительность, с которой он сводил все элементы когда-либо испытанного страха к одному-единственному их виновнику — в фокусе его доведенной до исполинских размеров концентрации страха стояла черная и волосатая кровосмесительная фигура еврея, дурно пахнущая, плотоядная и охочая до белокурых девиц, но, как с беспокойством говорил сам Гитлер даже летом 1942 года, «в расовом отношении более крепкая»[39]. Пораженный до самого нутра своим гибельным психозом, Гитлер видел Германию объектом некоего всемирного заговора, осаждаемой со всех сторон большевиками, масонами, капиталистами, иезуитами, выступающими в едином союзе и руководимыми в этом истребительном деле стратегом в лице «жаждущего крови и денег, угнетающего народы еврея». Еврей завладел 75 % мирового капитала, еврей подчинил себе биржи и марксизм, Золотой и Красный Интернационалы. Еврей придумал ограничение рождаемости и эмиграцию. Еврей подорвал устои государства, привел к вырождению расы, воспел братоубийство, организовал гражданскую войну, оправдал низость и полил грязью благородство — еврей, этот «закулисный вершитель судеб человечества»[40]. Всему миру грозит опасность, заклинал Гитлер, оказаться «в объятиях этого полипа». Рисуя все новые и новые картины, он пытается как можно нагляднее передать свое отвращение — тут и «ползучая отрава», занятая своим делом, и изображение еврея «личинкой», «опухолью», «жалящей тело народа гадюкой». И если, формулируя свой страх, он допускал иной раз нелепые и смешные обороты, то тот же страх помогал ему создавать впечатляющие или хотя бы запоминающиеся картины. Он находит такие выражения, как «оевреивание нашей духовной жизни», «маммонизация нашего полового влечения» или «вытекающее отсюда осифиличивание тела народа». Но еще он пишет и так: «Если еврей с помощью своего марксистского вероисповедания одержит

---

[39] Tischgespräche. S. 471.

[40] Adolf Hitler in Franken. S. 152; см. далее: VB. 1.1.1921, а также номер от 10.3.1920, который вышел с кричащим заголовком: «Поработаем с евреями!» В статье выдвигалось требование немедленного выдворения из страны всех евреев, переселившихся в Германию после 1 августа 1914 года, увольнения всех остальных из «всех государственных учреждений, газет и журналов, театров, кино» и размещения их в созданных специально для этого «сборных лагерях».

победу над народами нашего мира, то его корона станет надгробным венком человечеству и наша планета опять, как когда-то, миллионы лет назад, будет необитаемой совершать свой путь в эфире»[41].

С появлением Гитлера соединились силы, имевшие в условиях кризиса перспективу огромного политического эффекта. Дело в том, что фашистские движения опирались в общем на три основных элемента: мелкобуржуазный с его моральным, экономическим и антиреволюционным протестом, военно-рационалистический, а также харизматический — в лице единственного в своем роде вождя-фюрера. Этот вождь — преисполненный решимости голос порядка, возвещающий о конце смуты и хаоса. Он и смотрит дальше, и мыслит глубже, ему знакомы чувства отчаяния, но он знает и средства спасения. Этот сверхъестественный тип был сформирован не только многочисленными литературными традициями, уходящими своими корнями в немецкую народную сагу. Подобно мифологии многих других, переживших в своей истории крах народов, ей знакомо появление охваченных вековым сном где-то далеко в горах вождей, которые когда-нибудь воспрянут ото сна, выведут на верный путь свой народ и накажут виновный мир. Именно пессимистическая литература, в том числе и 20-х годов, в своих многократных заклинаниях напоминала об этих страстных чаяниях. Это нашло выражение в знаменитых строках Стефана Георге:

Он сорвет кандалы и вернет на руины
Порядок, заблудившихся он возвратит к очагу
К вечному праву, где великое снова станет великим,
Господин — господином. Повиновение — повиновеньем.
Он начертит
Истинный символ на знамя народа.
Он поведет через бурю и под литавр громыханье
С ранней зарей своих воинов верных на дело
Светлого дня и Новое Царство воздвигнет [42]

Примерно в это же время и Макс Вебер создал образ личности вождя-фюрера с его плебисцитарной легитимностью и

---

[41] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 70 f.; см. также: Ebd. S. 270, 272,324.

[42] *George S.* Das neue Reich. In: George S. Gesamtausgabe. Bd. 9. Düsseldorf, 1964.

правом на слепое подчинение ему. В этом автор усматривал в первую очередь определенный элемент сопротивления бесчеловечным бюрократическим организационным структурам будущего. В целом же эпоха была подготовлена к явлению вождя-фюрера разными, далеко отстоящими друг от друга источниками и самыми различными мотивами. Идея одинаково получала поддержку и от необразованных, в большей степени подверженных эмоциям, слоев, и от поэзии, и от доводов науки.

Мысль о фюрере в том виде, как она развивалась в фашистских движениях, обрела свою актуальность также благодаря войне. Дело в том, что все эти движения без исключения считали себя не партиями в привычном смысле, а группами с воинствующим мировоззрением, «партиями над партиями». Борьба, которую они начинали под мрачными символами и с решительным выражением лиц, была не чем иным, как перенесением войны, — причем с помощью почти не изменившихся средств, — в сферу политики. «В настоящий момент мы находимся в состоянии продолжения войны», — неоднократно будет провозглашать Гитлер, а итальянский министр иностранных дел граф Чиано как-то упомянет о фашистской «ностальгии по войне»[43]. Культом вождя было не в последнюю очередь в условиях «фикции перманентной войны» и перенесение принципов военной иерархии на внутреннюю организацию этих движений. Само явление фюрера представляло собой не что иное, как поднятую на сверхчеловеческую высоту, магически вознесенную потребностью в вере и стремлением к преданности фигуру офицера-командира. Прохождение маршем по всем мостовым Европы демонстрировало убеждение, будто и проблемы общества эффективнее всего

---

[43] *Ciano G.* Tagebücher 1937—1938. Hamburg, 1949. S. 13. По поводу высказывания Гитлера см. речь, произнесенную 17 апреля 1923 года. In: Boepple E. Op. cit. S. 51. И Э. Нольте называет политическую практику фашистских движений «продолжением войны аналогичными средствами», см.: *Nolte E.* Faschismus in seiner Epoche. S. 395. О «фикции перманентной войны» говорит Рудольф Фирхауз, см.: *Vierhaus P.* Faschistisches Führertum. In: Historische Zeitschrift. Bd. 198. S. 623. См. в то же время: *Turner H. A. jr.* Faschismus und Antimodernismus. In: Faschismus und Kapitalismus in Deutschland. S. 180 ff. Г. Турнер считает, что родовое понятие «фашизм» включает в себя столь много гетерогенных явлений, что вносит больше путаницы, нежели ясности, и советует отказаться от его употребления.

могут быть решены моделями наподобие военных. Именно их ригоризм и обладал мощной притягательной силой — прежде всего для ориентирующейся на будущее молодежи, которая в войне, революции и хаосе открыла для себя веру в «геометричность» порядка.

Названные мотивы лежали в основе полумилитаризованных внешних форм этих движений: их обмундирования, ритуалов приветствия и доклада, стойки «смирно», а также пестрой, хотя и сводившейся к немногим элементам символики — преимущественно это был крест (от креста Святого Олафа в норвежском Национальном объединении до красного Андреевского креста у национал-синдикалистов Португалии) либо стрелы, ликторские пучки, косы, — и все это непременно воспроизводилось на флагах, значках, штандартах и нарукавных повязках. Значение этих элементов состояло не только в отказе от старой буржуазной традиции ношения сюртуков и стоячих воротничков — скорее, они казались более точно отвечавшими строгому, техническому, наделенному чертой анонимности духу времени. Одновременно же обмундирование и военная атрибутика позволяли затушевывать общественные антагонизмы и подниматься над серостью и эмоциональной нищетой быта.

Соединение мелкобуржуазных и военных элементов, столь характерное именно для национал-социализма, с самого начала придало НСДАП весьма своеобразный, двойственный характер. Он выразился не только в организационном размежевании между Штурмовыми отрядами (СА) и Политической организацией (ПО), но и проявился во вводящей в заблуждение разнородности ее состава. Убежденные идеалисты стоят тут в одном строю с оступившимися в социальном плане, с полууголовными элементами и оппортунистами, образуя пеструю смесь из жажды настоящего дела, стремления выстоять, нежелания трудиться, поиска выгоды и иррациональной активности. Отсюда же родом и присущая большинству фашистских организаций подавленная консервативность. Ведь хотя они и заявляли, что служат разрушенному и оскорбленному миропорядку, но там, где это было в их власти, они демонстрировали лишенное традиций стремление к переменам. Характерной для них была единственная в своем роде мешанина из Средневековья и Нового времени, авангардистское восприятие, обращенное спиной к будущему и поселившее свое пристрастие к фольклору в заасфальтированных

эмпиреях тоталитарного государства. В очередной раз снились им выцветшие сны их предков, и они славили то прошлое, в размытых контурах которого являлись им надежды на славное, ориентированное на территориальную экспансию будущее — в образах Римской империи, Испании католических королей, Великой Бельгии, Великой Венгрии, Великой Финляндии. Вступление Гитлера на путь борьбы за гегемонию — наиболее планомерное, хладнокровное и реалистическое предприятие при поддержке целого арсенала современных технических средств — развертывалось в обрамлении витиеватых символов. Это была попытка завоевания мирового господства под знаком соломенной крыши и передававшегося по наследству крестьянского двора, под знаком народного танца, праздника солнцеворота и Креста матери. Томас Манн назвал это «взрывающейся архаичностью»[44].

И все же за всем этим всегда стояло нечто большее, нежели какая-то лишенная рефлексов реакционная воля. То, на что претендовал Гитлер, было не больше и не меньше как исцеление всего мира. Он отнюдь не собирался просто вернуть добрые старые времена, а еще меньше — их феодальные структуры, как думали сентиментальные реакционеры, которые в течение долгого времени будут сопровождать и поддерживать его на пути. То, что он взялся преодолеть, было не чем иным, как самоотчуждением человека, вызванным процессом развития цивилизации.

Правда, ставку при этом он делал не на экономические или социальные средства, которые презирал. Подобно одному из апологетов итальянского фашизма, он считал социализм «омерзительным возбуждением предъявляющего свои права желудка»[45]. Скорее, его намерение было направлено на некое внутреннее обновление, где компонентами были кровь и потемки души, то есть не на политику, а на высвобождение инстинкта. По своим замыслам и лозунгам фашизм представлял собой не классовую, а культурную революцию и претендовал он на то, чтобы служить не освобождению, а избавлению человека. И вызванный им мощный резонанс конечно же объясняется еще и тем, что он искал Утопию там, где, если следовать естественному движению человеческого духа, только и мог находиться во всех его ипостасях тот самый утерянный рай, — в архаичной, мифической первобытности. Доми-

---

[44] *Mann Th.* Dr. Faustus. GW. Bd. 6. S. 597.

[45] *Marinetti F. T.* I Manifest del Futurismo. Bd. 1. Mailand, 1920. S. 36.

нирующий страх перед будущим усиливал тягу к перенесению всех апофеозов в прошлое. Во всяком случае, в фашистской «консервативности» проявлялось желание революционным путем повернуть историческое развитие вспять и еще раз вернуться к отправной точке, в те лучшие гармоничные времена, существовавшие до того как общество вступило на ложный путь. В одном из писем 1941 года Гитлер напишет Муссолини, что последние пятнадцать столетий были не чем иным, как паузой, а теперь история собирается «вернуться на прежние пути». И если даже в его задачу не входило восстановление древних порядков, то восстановить их систему ценностей, их мораль перед лицом врывавшихся со всех сторон сил распада ему хотелось: «Наконец-то плотина против надвигающегося хаоса!» — так провозглашал Гитлер[46].

Так что, вопреки всей революционной выразительности, национал-социализм никогда не был в состоянии скрыть свой оборонительный характер, являющийся его сутью и находящийся в очевидном противоречии с той смелой гладиаторской позой, которую он любил принимать. Конрад Хейден назвал фашистские идеологии «хвастовством во время бегства», «страхом перед восхождением, перед новыми ветрами и незнакомыми звездами, протестом жаждущей покоя плоти против не знающего покоя духа»[47]. И именно этим оборонительным настроем было продиктовано высказывание самого Гитлера вскоре после начала войны против Советского Союза, что теперь он понимает, почему китайцы решили отгородить себя стеной, и у него вот тоже возникло искушение «помечтать о таком гигантском вале, который отгородит новый восток от среднеазиатских масс. Вопреки всей истории, которая учит, что в огороженном пространстве наступает упадок сил».

Превосходство фашизма по отношению ко многим его конкурентам объясняется не в последнюю очередь тем, что он острее осознал суть кризиса времени, чьим симптомом был и он сам. Все другие партии приветствовали процесс индустриализации и эмансипации, в то время как он со всей очевидностью разделял страхи людей и пытался заглушить эти страхи, превращая их в бурное действо и драматизм и привнося в прозаические, скупые будни магию романтических ритуа-

---

[46] См.: VB, 2.8.1922.

[47] *Heiden K.* Geburt. S. 266; по поводу следующего высказывания Гитлера см.: Tischgespräche. S. 144.

лов — факельные шествия, штандарты, черепа со скрещенными костями, боевые призывы и возгласы «Хайль!», «новую помолвку жизни с опасностью», идею «величественной смерти». Современные задачи он ставил людям в окружении маскарадных аксессуаров, напоминающих о прошлом. Но его успех объясняется еще и тем, что он выказывал пренебрежение к материальным интересам и рассматривал «политику как сферу самоотречения и жертвы индивидуума ради идеи»[47]. Тем самым он полагал, что отвечает более глубоким потребностям, нежели те, кто обещал массам более высокую почасовую оплату. Кажется, он раньше всех своих соперников уяснил, что руководствующийся будто бы только разумом и своими материальными интересами человек, как это считали марксисты и либералы, был некой чудовищной абстракцией.

Вопреки всем своим однозначно реакционным чертам, он тем самым куда более действенно, нежели его антагонисты, стал соответствовать страстной тоске времени по коренному повороту. Казалось, только он один и выражал ощущение эпохи, что все идет совсем не так и что мир оказался на великом ложном пути. Меньшая притягательная сила коммунизма объяснялась не только его репутацией классовой партии и вспомогательного отряда чужеземной державы. Скорее он навлекал на себя смутное подозрение в том, что и сам-то он был одним из элементов этого ложного пути и одним из возбудителей той болезни, за рецепт от которой он себя выдавал, — не радикальный отказ от буржуазного материализма, а лишь его инверсия, не слом несправедливого и неспособного строя, а обезьянье подражание ему и его зеркальное отражение, только вверх ногами.

Непоколебимая, порою кажущаяся экзальтированной, уверенность Гитлера в своей победе и была ведь всегда в немалой степени продиктована его убежденностью в том, что он — единственный истинный революционер, ибо он вырвался из тисков существующего строя и восстановил в правах человеческие инстинкты. В союзе с ними Гитлер и видел свою непобедимость, так как они, в конечном счете, всегда прорываются «сквозь экономические интересы, сквозь давление общественного мнения и даже сквозь разум». Конечно, обраще-

---

[47] *Gentile G.* Manifest der faschistischen Intellektuellen an die Intellektuellen aller Nationen vom 21. April 1925. In: *Nolte E.* Theorien über den Faschismus. S. 112.

ние к инстинкту повлекло за собой немало проявлений неполноценности и человеческой слабости, да и традиция, честь которой хотел восстановить фашизм, была во многом только искаженным отражением оной, как и прославлявшийся им порядок — всего лишь видимостью порядка. Но когда Троцкий презрительно называл приверженцев фашизма «человеческой пылью»[48], он только демонстрировал этим характерную беспомощность левых в понимании людей, их потребностей и побуждений. Это-то и имело своим следствием столь многочисленные заблуждения при оценке эпохи у тех, кто полагал, что лучше других понимает ее дух и назначение.

И дело тут не только в потребности в романтике, которую удовлетворял фашизм. Порожденный страхом эпохи, он был стихийным восстанием за авторитет, мятежом за порядок, и противоречие, содержащееся в такого рода формулах, как раз и составляло его суть. Он был бунтом и субординацией, разрывом со всеми традициями и их освящением, народной общностью и строжайшей иерархией, частной собственностью и социальной справедливостью. Но все постулаты, которые он сделал своими, непременно включали в себя всевластный авторитет сильного государства. «Больше, чем когда бы то ни было, народы испытывают сегодня тягу к авторитету, управлению и порядку», — заявлял Муссолини[49].

С презрением говорил он о «более или менее истлевшем трупе богини Свободы» и считал, что либерализм уже собирается «закрыть врата своих храмов, покинутых народом», потому что «весь политический опыт современности — антилиберальный». И в самом деле, по всей Европе, и прежде всего в странах, перешедших к системе либерального парламентаризма только в конце мировой войны, наблюдались растущие сомнения в эффективности этой системы. Они проявлялись тем сильнее, чем решительнее эти государства устремлялись к современности. Ощущение, что средств либеральной демократии во взрывной и в силу обстоятельств кризисной обстановке переходной фазы недостаточно, а ее возможности вести за собой обретшие самосознание массы слишком малы, распространялось с огромной быстротой. На фоне мелочных

---

[48] *Nolte E.* Theorien. S. 56; замечание Гитлера о готовности людей действовать против своих же интересов см.: Adolf Hitler in Franken. S. 119 f.

[49] *Mussolini B.* Die Lehre des Faschismus. In: *Nolte E.* Theorien. S. 220; следующую цитату см.: Ebd. S. 216.

парламентских споров, игр и беспомощных вожделений многопартийного правления у людей пробуждалось старое желание оказаться перед fait accompli[50], а не стоять перед выбором[51]. За исключением Чехословакии, в межвоенный период во всех государствах Восточной и Центральной Европы, а также во многих государствах Южной Европы система парламентаризма потерпела крах — в Литве, Латвии, Эстонии, Польше, Венгрии, Румынии, Австрии, Италии, Греции, Турции, Испании, Португалии и, наконец, в Германии. К 1939 году осталось всего лишь девять государств с парламентской формой правления, причем многие из них, как Третья республика во Франции, находились в drole d'etat[52], а некоторым другим придавала стабильность монархия, так что «фашистская Европа [была уже] вполне вероятной»[53].

Поэтому дело тут было не в агрессивной озлобленности какой-то одной нации, стремившейся перевернуть ситуацию в мире. Широкое настроение усталости, презрения и разочарования предвещало расставание с веком либерализма. Оно происходило под знаком реакции и прогресса, тщеславия и бескорыстия. В Германии уже начиная с 1921 года в Рейхстаге отсутствовало большинство, которое было бы действительно привержено парламентской системе. Либеральная мысль почти не имела поборников, а лишь множество потенциальных противников. Им нужен был только толчок, зажигательный лозунг, харизматический вождь.

---

[50] Свершившимся фактом. — *Прим. пер.*

[51] См.: *Talmon J.L.* Politischer Messianismus. Bd. 2. S. 444 f.; Эрнст Нольте расценит структурные слабости либеральной парламентской демократии как предпосылку для возникновения мощных фашистских движений; см. его книгу с характерным названием «Кризис либеральной системы и фашистские движения» (*Nolte E.* Die Krise des liberalen Systems und die faschistischen Bewegungen). См. в этой связи также: *Marcuse H.* Der Kampf gegen den Liberalismus in der totalitaeren Staatsauffassung. In: Abendroth W. Op. cit. S. 39 ff.

[52] Странном положении. — *Прим. пер.*

[53] *Mosse G.* L. Die Entstehung des Faschismus. In: Internationaler Faschismus 1920—1945. S. 29.

КНИГА ВТОРАЯ

ПУТЬ В ПОЛИТИКУ

Глава I

ЧАСТЬ НЕМЕЦКОГО БУДУЩЕГО

Государство сошло с ума. Если бы кто-то явился с Луны, он не узнал бы Германию. Он бы спросил: «И это прежняя Германия?»

Адольф Гитлер

Я высмеял бы любого, кто сказал бы что это — начало новой эпохи всемирной истории.

Конрад Хейден,
вспоминая о годах учебы в Мюнхене

Декорациями сцены, на которую вступил Гитлер весной 1919 года, были специфические баварские условия. Из мельтешащей череды фигур, на мгновение выталкивающей под яркий свет рампы то одного, то другого актера из их великого множества, постепенно начинает выделяться бледное, невыразительное лицо Гитлера. В этой суматохе революции и контрреволюции, среди всех этих эйснеров, никишей, людендорфов, лоссовых, росбахов и каров, никто не казался столь мало подходящим на роль избранника истории, на которую все они претендовали, нежели он, ни у кого не было столь ничтожно мало средств и более слабой исходной позиции, и никто не казался таким беспомощным, нежели «один из тех, кто вечно торчал в казарме, не зная, куда себя деть»[1]. Потом он охотно назовет себя «неизвестным ефрейтором Первой мировой войны», пытаясь засвидетельствовать тем самым неожиданную для него самого, улавливаемую только в мифологизиро-

[1] *Hoffmann H.H.* Der Hitlerputsch. S. 53.

ванных взаимосвязях природу своего восхождения. Уже три года спустя он будет хозяином сцены, на которую вступил в 1-й половине 1919 года, если и не против своей воли, то все же весьма неуверенно.

Ни один город в Германии не был так охвачен и так потрясен революционными событиями, аффектами и столкновениями первых послевоенных недель, как Мюнхен. На два дня раньше, чем в Берлине — 7 ноября 1918 года, стремление нескольких леваков-одиночек улучшить мир свергло тысячелетнюю династию Виттельсбахов[2] и внезапно вознесло их на вершину власти. Под руководством бородатого представителя богемы, театрального критика газеты «Мюнхен Пост» Курта Эйснера[3] они попытались — совсем в духе буквального прочтения ноты Вудро Вильсона — путем революционной смены ситуации «подготовить Германию к Лиге Наций» и добиться для страны «мира, который избавит ее от самого худшего»[4].

Однако слабость и непоследовательность американского президента, а также ненависть правых, сказывающаяся и сегодня в отказе почитать память пришлых «бродяг без рода и племени» и швабингских большевиков, сорвали все планы Эйснера[5]. Уже сам факт, что ни он сам и ни один из этих «при-

---

[2] Виттельсбахи (Wittelsbacher) — владетельная династия, правившая в Баварии (1180—1918) и Пфальце (1214—1918): с 1180 года — герцоги, с 1356 года — курфюрсты, с 1806 года — короли. — *Прим. науч. ред.*

[3] Курт Эйснер (14.5.1867—21.2.1919) был членом Социал-демократической партии Германии, а в 1899—1905 годах редактором ее центрального органа «Форвэртс». Во время Ноябрьской революции в 1918 году был председателем Мюнхенского рабочего, солдатского и крестьянского совета, а затем правительства Баварской республики. Убит националистом. — *Прим. науч. ред.*

[4] Из воззвания Эйснера 8 ноября 1918 года. Цит. по: Ursachen und Folgen. Bd. III. S. 104.

[5] «Элементы, чуждые стране и расе», «иноземные евреи-политики», «чужеземные подонки без стыда и совести», пришедшие из тюрем и с каторги, «еврейчики», «совратители рабочих» — такими, зачастую не желавшими видеть никаких различий характеристиками снабжались эти новые деятели, например, в воззвании Баварской народной партии от 9 апреля 1919 года и в воззвании Баварского ландтага от 19 апреля или же в подготовленном баварской войсковой командой 15 июля 1919 года докладе «Большевистская опасность и борьба с ней»; см. также: *Franz-Willing G.* Die Hitlerbewegung. S. 32 ff. Низкопробная пропаганда все время ставила Эйснера на одну доску с Лениным, Левине и Аксельродом, что сказывается и поныне.

шлых» не были баварцами, а, напротив, являли собой яркий тип антибуржуазного интеллигента, да притом нередко еврея, обрекал революционное правительство в этой пронизанной сословным духом Баварии на неудачу. К тому же опереточный режим, установленный Эйснером — все эти беспрерывные демонстрации, публичные концерты, шествия с флагами и пламенные речи о «царстве света, красоты и разума», — отнюдь не способствовали укреплению его позиций. Такое ведение государственных дел вызывало скорее столько же смеха, сколько и озлобления, но никак не симпатию, на которую рассчитывал Эйснер своим «правлением доброты», — утопические порядки, казавшиеся на бумаге такими действенными, при соприкосновении с действительностью рассыпались в прах. И в то время как сам он с иронией именовал себя «Куртом I», как бы связывая себя с традицией свергнутого правящего дома, повсюду распевали песенку с издевательским припевом: «Революцья-люцья — во! Нам не надо ничего. Все заботы об одном — чтоб все было кверху дном. Все перевернем!»

Даже критическое отношение Эйснера к экстремистским вождям «Союза Спартака» и таким агентам мировой революции как Левин, Левине и Аксельрод, его возражения анархистским фантазиям писателя Эриха Мюзама и пусть даже словесные уступки сепаратистским настроениям, распространенным в Баварии, никак не могли улучшить его положение. После выступления на социалистическом конгрессе в Берне с признанием вины Германии в развязывании войны он сразу же оказался в эпицентре кампании безудержных нападок, требовавшей его устранения и заявившей, что его время истекло. Сокрушительное поражение на выборах вынудило его принять решение об уходе. 21 февраля, когда он в сопровождении двух сотрудников направился в здание ландтага, чтобы заявить о своей отставке, его застрелил двадцатидвухлетний граф Антон фон Арко-Валлей[6]. Это был бессмысленный, ненужный и чреватый катастрофическими последствиями поступок.

Уже несколько часов спустя, во время панихиды по убитому, в здании ландтага ворвался левак Алоис Линднер, быв-

---

[6] Правильнее — граф Антон фон ауф Валлей (5.2.1897—29.6.1945) — после ареста он был признан виновным и приговорен к 5 годам тюремного заключения. — *Прим. науч. ред.*

ший мясник и кельнер в пивной, и, открыв дикую пальбу, застрелил министра Ауэра[7] и еще двух человек. Все собрание в панике разбежалось. Однако, вопреки тому, чего ожидал Арко-Валлей, общественное мнение стало склоняться влево. У всех еще в памяти было убийство Розы Люксембург и Карла Либкнехта, и в новом преступлении увидели стремление реакции вновь объединиться и вернуть утраченную власть. В Баварии было объявлено чрезвычайное положение и стали раздаваться призывы ко всеобщей забастовке. Когда часть студентов выступила в поддержку Арко-Валлея, объявив его героем, университет был закрыт и начались многочисленные аресты — брали заложников, была введена беспощадная цензура, банки и общественные здания захватили отряды Красной гвардии, на улицах появились грузовики с солдатами, которые через громкоговорители кричали: «Отомстим за Эйснера!» В течение целого месяца вся исполнительная власть была сосредоточена в руках некоего Центрального совета во главе с Эрнстом Никишем[8], и только затем был сформирован парламентский кабинет. Но когда в начале апреля из Венгрии пришло известие о захвате там власти Белой Куном и провозглашении диктатуры пролетариата, что говорило о распространении советской системы уже и за пределы России, только что стабилизировавшаяся ситуация снова заколебалась. Под лозунгом «Германия идет вслед!» меньшинство, состоявшее из леворадикальных утопистов и не имевшее массовой опоры, провозгласило в Баварии, вопреки очевидной воле граждан и вопреки ее традициям и эмоциям, республику Советов. Поэты Эрнст Толлер и Эрих Мюзам опубликовали свидетельствовавший об их романтической оторванности от жизни и неспособности к руководству указ, в котором говорилось о превращении мира в «луг, усеянный цветами», где «каждый может срывать свою долю», упразднялись труд, субординация и правовая мысль, а газетам предписывалось публиковать на первых страницах рядом с последними революционными декретами стихотворе-

---

[7] Первый министр внутренних дел Баварии, социал-демократ Эрхард Ауэр (22.5.1874—20.3.1945) был не убит, а ранен и прожил еще более 20 лет. — *Прим. науч. ред.*

[8] Социал-демократ Эрнст Никиш был лидером крыла СДПГ, которое занимало позицию, прямо противоположную позиции Бернштейна. Позже он перешел на позиции национал-большевизма. В 1937—1945 годах — заключенный концлагеря. — *Прим. науч. ред.*

ния Гёльдерлина или Шиллера[9]. Когда же Эрнст Никиш и большинство министров правительства, перебравшегося к тому времени в Бамберг, ушли в отставку, государство оказалось вообще без руля и без ветрил, и не оставалось ничего, кроме путаного евангелия поэтов, хаоса и перепуганных обывателей. И тут власть захватила группа беспощадных профессиональных революционеров.

То, что происходило далее, забыть уже невозможно: комиссии по конфискации имущества, практика взятия заложников, поражение буржуазных элементов в правах, революционный произвол и растущий голод вызвали в памяти столь недавние страшные картины Октябрьской революции в России и оставили недобрую паять. Такую, что ее не смогли вытеснить и кровавые преступления ворвавшихся в начале мая в Мюнхен соединений рейхсвера и Добровольческих корпусов, когда были убиты в Пуххайме пятьдесят выпущенных на свободу русских военнопленных, безжалостно уничтожена на железнодорожной насыпи у Штарнберга санитарная колонна армии Советов, захвачен в своем мюнхенском офисе двадцать один ни в чем не повинный член союза подмастерьев-католиков (их бросили в тюрьму на Каролиненплац и там расстреляли по приговору полевого суда), а также ликвидированы 12 рабочих из Перлаха, причисленных потом следствием к числу 184 лиц, погибших «по собственному легкомыслию и роковому стечению обстоятельств». Наконец, зверски убиты или расстреляны руководители советского эксперимента Курт Эглхофер, Густав Ландауэр и Евгений Левине — все они вскоре оказались забытыми, потому что общество было заинтересовано в этом забвении. А вот восемь заложников, членов праворадикального заговорщицкого «Общества Туле», содержавшихся в подвале гимназии Луитпольда и ликвидированных в ответ на эти бесчинства какой-то мелкой сошкой, остались в общественном сознании еще на много лет одной из тщательно пестовавшихся устрашающих картин. Где бы ни появились вступившие войска, читаем мы в одном дневнике того времени, повсюду «люди машут платка-

[9] См.: *Volkmann E.O.* Revolution über Deutschland. Oldenburg, 1930. S. 222. Правда, тут следует оговориться, что Толлер и Мюзам смогли проводить в жизнь декларированную ими мечту всего лишь в течение нескольких дней, после чего на смену их идиллическим видениям пришел более жесткий тип государственного устройства — республика Советов — по образцу Советской России — во главе с Левином, Левине и Аксельродом, которые, кстати, все были выходцами из России.

ми, высовываются из окон, аплодируют, восторг царит неописуемый... все торжествуют»[10]. Из земли революции Бавария стала землей контрреволюции.

В более трезвых и стойких буржуазных кругах этот опыт первых послевоенных месяцев пробудил новое самосознание. Растерянная и в общем-то весьма и весьма маломощная воля революции продемонстрировала бессилие и концептуальное замешательство левого крыла, явно имевшего в своем распоряжении больше революционного пафоса, нежели революционного мужества. И если в мире социал-демократии оно показало себя энергичным фактором порядка, то в попытке правления Советов в Баварии обернулось прямо-таки фантастической стихией, не имевшей никакого представления ни о власти, ни о народе. Впервые в те месяцы буржуазия, или хотя бы ее наиболее уравновешенная часть, осознала, что она нисколько не слабее хваленого, окруженного аурой непобедимости, но, собственно говоря, простодушного рабочего класса.

И это новое самосознание стремились привить буржуазии прежде всего вчерашние фронтовики-офицеры среднего звена — все эти жаждавшие настоящего дела капитаны и майоры. Говоря словами Эрнста Юнгера, они наслаждались войной как вином и были все еще опьянены ею. Несмотря на многократное превосходство противника, они не чувствовали себя побежденными. Призванные правительством на помощь, они укротили бунтовщиков и строптивые солдатские советы и подавили советский эксперимент в Баварии. Они взяли на себя охрану незащищенных восточных границ Германии — в первую очередь

---

[10] *Hofmiller J.* Revolutionstagebuch 1918/19. In: *Hofmiller J.* Schriften. Bd. 2. Leipzig, 1938. S. 211. Что касается числа жертв, то, по сведениям полиции, в период между 30 апреля и 8 мая 1919 года в чрезвычайно ожесточенных боях погибло в общей сложности 557 человек. В 1939 году Военно-исторический исследовательский центр сухопутных войск опубликовал отчет под названием «Разгром Советской власти в Баварии в 1919 году», в котором дается такой конкретный расклад: из этих 557 человек «погибли в боях 38 “белых” солдат и 93 красноармейца, 7 баварцев и 7 русских. По приговору военно-полевого суда были расстреляны 32 красноармейца и 144 человека из числа жителей. Безвинно, “по собственному легкомыслию или роковому стечению обстоятельств” погибло не менее 184 человек. В 42 случаях причину смерти установить не удалось. Имеются официальные сведения о 303 раненых». Другие данные приводит В. Мазер: *Maser W.* Frühgeschichte. S. 40 f. См. также: *Gumbel E.* Verräter verfallen der Feme. S. 36 passim.

с Польшей и Чехословакией, — до того как Версальский договор ограничил рейхсвер 100 000 человек и поставил крест на их будущем. Теперь они чувствовали себя обманутыми, социально приниженными и уязвленными в национальном плане. Своеобразное сочетание самоосознания и чувства потерянности толкнуло их в политику. К тому же многие уже не хотели или не могли расстаться с прекрасной беспорядочностью солдатской жизни, военным ремеслом и мужским братством. Обладая превосходным опытом и принесенной с войны практикой планомерного применения силы, они организовывают отпор революции — давно уже подавленной и утонувшей в страхе и потребности нации в порядке.

Возникавшие повсюду частные армии вскоре превратили отдельные регионы в лагеря ландскнехтов, драпированные национальными цветами и окруженные ореолом политических сражений. Опираясь на реальную силу пулеметов, ручных гранат и пушек, бывших в их распоряжении и вскоре рассредоточенных в состоянии боевой готовности по тайным складам оружия по всей стране, они, пользуясь бессилием политических институтов, обеспечили себе в некоторых регионах весьма значительную долю власти. В частности, в Баварии они могли — в качестве реакции на злополучный опыт времени Советов — развернуть свою деятельность почти беспрепятственно. «Организовать всеми средствами противодействие революции», — так гласило одно из указаний социал-демократического правительства в период правления Советов[11]. Рядом с рейхсвером, а порою и незаметно срастаясь с ним, действовали Добровольческий корпус фон Эппа, затем союз «Оберланд», объединение офицеров «Железный кулак», «Организация Эшериха», Немецкий народный союз защиты и борьбы, объединение «Имперский военный флаг», добровольческие корпуса «Байройт», «Вюрцбург» и «Вольф», отряды особого назначения Богендерфера и Пробстмейра, а также многочисленные организации тщеславного и одновременно боящегося политической и военной нормализации своеволия[12].

Однако все эти союзы находили поддержку не только правительства и государственной бюрократии, но широких народ-

[11] См.: *Franz-Willing G.* Op. cit. S. 31.

[12] См., в частности: *Oertzen F. W.* v. Die deutschen Freikorps 1918—1923, где содержится много других имен и подробностей. См. кроме того: *Franz-Willing G.* Op. cit. S. 31 ff., а также многочисленные работы, посвященные проблеме «рейхсвер и республика».

ных слоев. Одной из поразительных странностей общества, воспитанного на солдатских традициях, является то, что носители индивидуальных аффектов могут обрести особые национальные и моральные полномочия, коль скоро они облекают свое негодование в униформу и пускают его маршировать по улицам. На фоне хаотичной сумятицы революции и Советов военные формирования уже сами по себе казались образцовым антиподом всему этому, антиподом, выражающим идею жизни и порядка и заслуживающим всемерной поддержки. В строгом равнении, четко отбивая шаг, проходили по Людвигштрассе части Добровольческого корпуса Эппа, а за ними — подразделения бригады Эрхардта[13], принесшие из сражений в Прибалтике эмблему, упоминаемую в походной песне бригады: «Свастикой украшен шлем стальной». Всей своей примечательной силой они олицетворяли в общественном сознании нечто такое, что говорило о славных и спокойных временах, ставших ныне лишь предметом ностальгических воспоминаний. И это было отражением господствовавшего мнения, когда в одной из основополагающих директив 4-го Баварского войскового командования в июне 1919 года рейхсвер именовался «краеугольным камнем», на котором следовало строить «разумную новую основу всех внутригосударственных отношений». Отсюда делался вывод о необходимости активной и широко разветвленной пропагандистской деятельности. В то время как левые партии в своей наивности переносили негативное отношение к войне и бойне народов и на солдат, переживших все ее ужасы и жертвы на своей шкуре[14], правые политики в своей обработке тех же солдат апеллировали к их уязвленной гордости и потребности в достоверном объяснении того, почему многие их надежды так и не сбылись.

В ряду разнообразных мероприятий, которые организовывались, в частности разведывательно-пропагандистским отделом войскового командования под начальством энергичного капитана Майра, были и курсы «гражданственности». Именно на

---

[13] Бригада заслужила славу одного из самых действенных и жестоких Добровольческих корпусов. Получила свое название по фамилии командира — Германа Эрхардта (29.11.1881—27.9.1971).

[14] См.: *Zibordi G.* Der Faschismus als antisozialistische Koalition. In: Nolte E. Theorien. S. 86. Упомянутая основополагающая директива была дана в форме постановления войскового командования от 28 мая 1919 года о пропагандистской деятельности в войсках. Цит. по: *Franz-Willing G.* Op. cit. S. 37.

них и откомандировали Гитлера после успешного выполнения им задания по выявлению сторонников республики Советов. Целью читавшихся на этих курсах в аудиториях университета известными и благонадежными в плане национальных убеждений преподавателями лекций было просвещение слушателей главным образом в области истории, экономики и политики.

В своем постоянном стремлении к отрицанию или, по крайней мере, преуменьшению любых влияний, оказавших на него свое воздействие, Гитлер будет говорить, что эти курсы помогли ему на дальнейшем пути не столько занятиями, сколько контактами: благодаря им он получил возможность «познакомиться с несколькими камрадами-единомышленниками, с которыми я мог подробно обсуждать текущий момент». Вот только на лекциях инженера Готфрида Федера[15] по экономической теории он, как признается потом, впервые «узнал в принципе, что такое международный биржевой и ссудный капитал»[16].

Однако строго говоря, значение этих занятий состояло в том внимании, которое смог привлечь Гитлер среди слушателей своей напористостью, своим интеллектуальным темпераментом — в дискуссиях на курсах он впервые полу-

---

[15] Готфрид Федер (27.1.1883—24.9.1941) — один из основателей нацистской партии. Учился в Высших технических школах в Берлине и Цюрихе. В 1917 году основал «Германскую лигу за искоренение процентного рабства», член «Общества Туле». С 1931 года — председатель Экономического совета НСДАП. В 1933—1934 годах — статс-секретарь Имперского министерства экономики. — *Прим. науч. ред.*

[16] См.: *Hitler A.* Mein Kampf. S. 229; имеется в виду необычная идея Федера об «искоренении процентного рабства», которую он пытался пропагандировать и как один из руководителей курсов «гражданственности».

Комментируя приведенное высказывание Гитлера, В. Мазер полагает, что «с этим в рамках изучения марксизма в Вене Гитлер, таким образом (!), не сталкивался»; вот уж, поистине, что называется, занесло! См.: *Maser W.* Frühgeschichte. S. 135.

Между прочим, учителями Гитлера были граф Карл Ботлер (писатель), доктор Пиус Дирр (депутат Рейхстага от Демократической партии), Готфрид Федер (дипломированный инженер), профессор Йозеф Хофмиллер, доктор Михаэль Хорлахер (управляющий делами одного аграрного союза и один из руководителей Баварской народной партии), а также профессор Карл Александр фон Мюллер. Иногда лекции читали университетские преподаватели — профессор Дю Мулен Эккарт и видный специалист в области гигиены Макс фон Грубер.

чил аудиторию, состоящую не из неграмотных, случайных зрителей. Один из преподавателей, историк Александр фон Мюллер, расскажет позднее, как он после окончания одной лекции задержался в начавшем пустеть зале у группы, «столпившейся вокруг человека, который гортанным голосом, без остановки и все с большей горячностью о чем-то говорил им. У меня было странное чувство, будто их возбужденность была его рук делом и в то же время придавала голос и ему самому. Я видел бледное, худое лицо, на которое не по-солдатски спадал клок волос, с коротко подстриженными усами и на удивление большими, голубыми, фанатично блестевшими глазами». Вызванный на следующем занятии к кафедре, он подошел «послушно, неуклюжей походкой и, как мне показалось, с каким-то упрямым смущением». Однако «разговор оказался бесплодным»[17].

В этих наблюдениях мы встречаем, в контурном виде, все ту же странную, многократно засвидетельствованную черту молодого Гитлера — явную силу воздействия и уверенность в себе во время выступлений и одновременно беспомощность в личной беседе. По его собственному признанию, свою первую незабываемую победу по убеждению словом он одержал, бурно возражая своему оппоненту, — не мог не ответить на вызов, когда «один из участников посчитал, что надо вступиться за евреев». И вот историк фон Мюллер обращает внимание капитана Майра на этот природный ораторский талант, открытый им среди своих слушателей. Затем Гитлера направляют в качестве «доверенного лица» в один из мюнхенских полков. Вскоре после этого его фамилия появляется под номером 17 в одном из списков личного состава так называемой команды по проверке фильтрационного лагеря Лехфельд: «Пех. Гитлер Адольф, 2-й пех. полк, ликвидационный отдел». У команды было задание вести среди возвращающихся из плена солдат националистическую и антимарксистскую пропаганду. Кроме того, для входящих в нее лиц она должна была стать «практическими курсами по подготовке ораторов и агитаторов»[18].

---

[17] *Müller K.A. v.* Mars und Venus. S. 338 f.

[18] См.: *Deuerlein E.* Hitlers Eintritt in die Politik und die Reichswehr. In: VJHfZ, 1959, H. 2. S. 179. Кстати, Гитлер был назначен не «офицером по просвещению», как он это напишет (*Hitler A.* Mein Kampf. S. 235), а так называемым «доверенным лицом». Можно лишь дискутировать, что именно скрывалось за этой попыткой фальсифициро-

На этом фоне, в бараках и казармах лагеря Лехфельд, и накапливал Гитлер свой первый ораторский и психологический опыт. Здесь он учился так наполнять изначальный материал своих маниакальных мировоззренческих идей актуальным содержанием, чтобы его основные положения казались неопровержимыми, а текущие политические события обретали вселенский масштаб. И те черты оппортунизма, которые придадут твердолобости национал-социалистической идеологии столь своеобразный характер беспринципности, тоже не в последнюю очередь имели своей основой неуверенность начинающего оратора, которому приходилось опробовать на публике эффективность своей одержимости и искать для своих экзальтированных мыслей гарантирующие отклик формулировки. «Эта тема особенно разжигала интерес слушателей, что можно было прочитать по их лицам», — говорится в одном из свидетельств очевидца выступлений Гитлера в лагере. На глубокое и агрессивное чувство разочарованности у возвращающихся из плена солдат, после нескольких лет войны обманутых во всем, что придавало вес и величие их молодости, и предъявлявших теперь свой счет за весь оказавшийся никому не нужным героизм, за все многочисленные упущенные победы и за свою растоптанную веру Гитлер отвечал первыми четко очерченными представлениями о враге. В фокусе его ораторских упражнений, наиболее выдающимися признаками которых, по отзывам современников, были «популизм выступлений», «легко доступная манера» изложения и страстный «фанатизм», находились нападки на ту группу, которую позже, использовав ставшее крылатым выражение, он назовет «ноябрьскими преступниками», а также безудержные обличения «версальского позора» и пагубного «интернационализма». Все это объяснялось и обосновывалось закулисными махинациями некоего «всемирного еврейско-марксистского заговора»[19].

Уже здесь проявилась его способность без всякого интеллигентского стеснения валить в одну кучу обрывки мыслей из где-то прочитанного и лишь наполовину усвоенного. Так, те-

---

вать истинное положение вещей — стремление примазаться к буржуазной образованности или воинскому престижу офицера либо же это была попытка избежать сомнительной репутации «доверенного лица».

[19] См.: *Deuerlein E.* Op. cit. S. 198 ff.

мой одного из его докладов в Лехфельде — в «прекрасном, понятном и темпераментном» исполнении — послужили связи между капитализмом и еврейством, о чем он только вчера узнал из лекции Готфрида Федера. Для его мысли были одинаково характерны насилие и упорство. В какой мере отдельные элементы его убеждений обрели уже в это время свой окончательный вид, не претерпев изменений потом вплоть до апреля 1945-го, доказывает первое сохранившееся письменное высказывание Гитлера по конкретному политическому вопросу — его письмо «Об опасности, которую представляет еврейство для нашего народа». Бывшее «доверенное лицо» мюнхенского войскового командования, некий Адольф Гемлих из Ульма, попросил капитана Майра прояснить позицию по этому вопросу. Майр же переадресовал это письмо вместе с сопроводительной запиской (содержавшей необычное в рамках военной субординации обращение «Глубокоуважаемый господин Гитлер») для ответа своему сотруднику. И Гитлер дал подробное обоснование своего неприятия эмоционального антисемитизма, который, считает он, главным образом может опираться только на случайные личные впечатления, в то время как антисемитизм, претендующий на то, чтобы стать политическим движением, должен основываться на «знании фактов»[20].

«А факты таковы: в первую очередь еврейство — это раса, а не религиозное сообщество. Путем тысячелетнего кровосмешения, часто происходящего в самом узком кругу, еврей в общем острее сохранил свою расу и свое своеобразие, нежели многие из народов среди которых он живет. И результат этого — тот факт, что между нами живет не-немецкая, чужая раса, не желающая да и не могущая пожертвовать своими расовыми своеобразиями, отказаться от своих чувств, мыслей и стремлений, и все же политически обладающая всеми правами как мы сами. И если уж чувство еврея занято только материальным, то его мысли и стремления — тем более... Все, что побуждает людей стремиться ввысь, будь то религия, социализм и демократия, для него это только средство для дос-

[20] Полностью письмо Гитлера, датированное 16 сентября 1919 года, опубликовано в уже упоминавшемся сборнике документов под редакцией Дойсрлейна. См.: *Deuerlein E.* Op. cit. S. 201 ff. Процитированный отрывок, равно как и все последующие подлинные документы, дается с сохранением особенностей оригинала, то есть со всеми ошибками в орфографии, пунктуации и т.д.

тижения цели — удовлетворения жажды денег и власти. Его деяния оборачиваются по своим последствиям расовым туберкулезом народов.

И отсюда следует такой вывод: антисемитизм по чисто эмоциональным причинам будет находить свое конечное выражение в форме прогромов (!). Но антисемитизм разума должен вести к планомерному законному одолению и устранению еврейских привилегий... Но конечной его целью должно быть безвозвратное удаление евреев вообще. То и другое способно совершить лишь правительство национальной силы, а никак не правительство национального бессилия».

За четыре дня до написания этого письма, 12 сентября 1919 года, капитан Майр поручил доверенному лицу Гитлеру побывать на собрании одной из карликовых партий — их было великое множество, этих разного рода радикальных объединений и групп, которые зачастую на короткое время развивали отчаянную активность, объединялись и распадались, чтобы потом в виде новых группировок появиться на свет Божий. Это был грандиозный, лежащий втуне потенциал для обретения приверженцев и сторонников. Именно в этом нередко хаотичном сектантском своеобразии и проявлялась та прямо-таки слепая готовность, с которой столь долго политически индифферентные буржуазные массы требовали доходчивых лозунгов для своих чувств национального протеста и успокоения своих страхов перед лицом социального кризиса.

Центральное место предтечи как нацистской конспирации, так и активной пропагандистской деятельности принадлежало «Обществу Туле». Кроме того, его штаб-квартира в фешенебельном отеле «Времена года» стала местом, где могли контактировать между собой крайне правые силы. Это общество имело разветвленные связи в самых широких слоях баварского общества. В то время оно насчитывало около 1500 членов, в том числе и весьма влиятельных лиц, имело свой символ — ту же свастику, свою газету — «Мюнхенер Беобахтер»[21]. Во главе общества стоял некий политический авантюрист с сомнительным прошлым, усыновленный одним потерпевшим крушение на востоке австрийским дворянином и унаследовавший от него звучное имя барона Рудольфа фон

[21] «Münchener Beibachter» — «Мюнхенский наблюдатель». — *Прим. науч. ред.*

Зеботтендорфа[22]. По его собственному признанию, он рано попал под влияние таких идеологов-радикалов как Теодор Фрич и Ланц фон Либенфельс, чей безоглядный и не свободный от оккультных приправ расистский бред оказал в свое время влияние и на молодого Гитлера. Созданное Зеботтендорфом на рубеже 1917/18 годов и сразу же развившее лихорадочную деятельность мюнхенское «Общество Туле»[23] продолжило традицию антисемитских объединений «фёлькише» довоенной поры. Уже одним своим названием оно вызывало в памяти основанную в 1912 году в Лейпциге секту «Германен-Туле», члены которой должны были быть «арийских кровей» и представлять перед приемом в это сходное с ложей содружество данные о росте волос на различных участках своего тела, а также отпечаток ступни в качестве расового отличительного признака[24].

Детище Зеботтендорфа развернуло еще во время войны, в январе 1918 года, разнузданную, главным образом воинствующе антисемитскую пропагандистскую деятельность, рисовавшую еврея «смертным врагом немецкого народа». В конечном счете «Туле» воспользовалось кровавыми и хаотическими событиями времени Советов, чтобы с триумфальным

---

[22] Что касается настоящей фамилии фон Зеботтендорфа, то окончательно она так и не выяснена. Говорили, что он называл себя Рудольфом Глауэром и уроженцем Силезии, а по другим источникам его звали Эрвин Торе и родом он был из Саксонии. До начала войны Зеботтендорф провел несколько лет в Турции и вернулся в Германию в 1917 году, располагая значительными финансовыми средствами неизвестного происхождения. После своей политической интерлюдии в Баварии он в 1919 году исчез, появлялся в Стамбуле, Мексике и Соединенных Штатах, пока после прихода Гитлера к власти в 1933 году снова не объявился в Германии, чтобы заняться возрождением «Общества Туле». Однако здесь он пробыл недолго, но почему и куда исчез, осталось невыясненным. Как и происхождение, последние его дни покрыты мраком. Некоторые считают, что он подался в Швейцарию, другие же предполагают, что его убрали как нежелательного свидетеля начального этапа становления НСДАП. См. также: *Bracher K.D.* Diktatur. S. 87; *Bronder D.* Bevor Hitler kam. S. 232 ff., где приводятся многочисленные подробности. Кстати, книга Брондера имеет то же название, что и воспоминания Зеботтендорфа, опубликованные в начале 30-х годов.

[23] Часто в отечественной литературе оно обозначается как общество «Туле», само слово «общество» входило в ее название — Thulegesellschaft. — *Прим. науч. ред.*

[24] См.: *Bracher K.D.* Diktatur. S. 87.

видом выдать их за доказательство своей правоты. Своими дикими, экстремистскими лозунгами это общество в определяющей мере нагнетало ту атмосферу безудержной и непристойной расовой ненависти, в которой только и мог рассчитывать на продолжительный эффект радикализм «фёлькише». Уже в октябре 1918 года в его кружках ковались планы правого переворота, оно же было инициатором различных проектов убийства Курта Эйснера, а 13 апреля предприняло попытку путча против правительства Советов. От него же тянулись многочисленные нити к русским эмигрантским кругам, имевшим штаб-квартирой Мюнхен. В поддержании этих контактов особая заслуга принадлежала молодому студенту-архитектору из Прибалтики Альфреду Розенбергу[25], которому революция в России нанесла глубокую травму. В помещениях общества и на его собраниях можно было встретить почти всех тех актеров, которые будут в последующие годы главными действующими лицами на баварской политической сцене. И некоторых из будущих деятелей партии Гитлера впервые сведет вместе это общество; чередой проходят по источникам такие имена, как Дитрих Эккарт и Готфрид Федер, Ганс Франк, Рудольф Гесс и Карл Харрер.

По поручению «Общества Туле» спортивный журналист Карл Харрер вместе со слесарем-механиком Антоном Дрекслером в октябре 1918 года организовали некий «Политический рабочий кружок». Эта группа считала себя «объединением избранных личностей для обсуждения и изучения политических вопросов», хотя намерение ее инициаторов состояло в том, чтобы преодолеть отчуждение между массами и правыми националистами. Однако поначалу членами кружка были всего несколько рабочих, товарищей Дрекслера[26] — тихого, неуклюжего, несколько чудаковатого человека, работающе-

---

[25] Альфред Розенберг родился 12 января 1893 года в Ревеле (ныне Таллин) в семье немца-башмачника и матери-эстонки. Осенью 1910 года он поступил в рижскую Высшую техническую школу, вместе с которой в 1915 году был эвакуирован в Москву. В 1917 году получил диплом архитектора. В феврале 1918 года вернулся в Ревель, где попытался вступить в германский Добровольческий корпус, но не был принят как «русский». В конце 1918 года переехал в Мюнхен и в конце 1919 года был привлечен Дитрихом Эккартом в «Общество Туле». — *Прим. науч. ред.*

[26] Антон Дрекслер родился в Мюнхене 13 июня 1884 года. — *Прим. науч. ред.*

го в мюнхенских железнодорожных мастерских и не находящего выхода для своей тяги к политической деятельности в рамках существовавших партий. Еще в марте 1918 года он по собственному почину организовал «Свободный рабочий комитет за добрый мир», целью которого была борьба с ростовщиками и укрепление воли рабочего класса к победе. Главный опыт, усвоенный в политике этим серьезным человеком в очках, состоял, в частности, в том, что марксистский социализм не способен справиться с национальным вопросом или хотя бы дать на него сколько-нибудь удовлетворительный теоретический ответ. Этот его вывод отразился и в заголовке статьи, опубликованной им в январе 1918 года, — «Фиаско пролетарского интернационала и крах идеи братского единения»[27]. Это был все тот же, только лишний раз подтвержденный готовностью социалистов в августе 1914 года воевать опыт, что еще в 1904 году свел немецких рабочих Богемии в Тратенау для основания Немецкой рабочей партии (ДАП). И вот под тем же названием Антон Дрекслер, собравшись 5 января 1919 года с двадцатью пятью другими рабочими тех же мастерских в ресторации «Фюрстенфельдер Хоф»[28], основал теперь свою партию. Несколько дней спустя, по инициативе «Общества Туле», ей был придан в гостинице «Времена года» статус национальной организации. А Карл Харрер назначил себя ее «имперским председателем»[29]. Как видим, титул достаточно претенциозный.

Итак, в действительности новая партия, собиравшаяся раз в неделю в заднем помещении пивной «Штернэккерброй» в доме 54 по Имтальштрассе, замышлялась отнюдь не как скромная партия, рассчитанная на маленьких людей. Хотя Дрекслеру иной раз удавалось привлечь в качестве докладчиков некоторых местных знаменитостей «фёлькише» — вроде Дитриха Эккарта или Готфрида Федера, — дальше хмурых разговоров о политике на уровне их кругозора, мотивов и целей дело не шло. Характерно, что партия совсем не проявляла себя на пуб-

---

[27] См.: *Franz-Willing G.* Op. cit. S. 63.

[28] «Fürstenfelder Hof» — «Княжеский полевой двор». — *Прим. науч. ред.*

[29] Новая организация называлась уже «Национал-социалистический немецкий рабочий союз» и возникла, возможно, потому, что Карл Харрер по не выясненным до конца причинам не принял участия в учредительном собрании, в результате чего остался без звания и должности.

лике, да и вообще была не столько партией в общественном смысле, сколько разновидностью типичной для Мюнхена тех лет смеси тайного союза и застольной компании, которую свела вместе горькая смутная потребность поиска единомышленников. В списках участников собраний фигурировало от десяти до сорока человек. Позор Германии, травма, нанесенная проигранной войной, антисемитские настроения и жалобы на порвавшиеся «узы порядка, права и морали» — таковы доминирующие темы этих собраний. «Основополагающие линии», зачитанные Дрекслером на учредительном заседании, были свидетельством косноязычной искренности, преисполненной злости на богатых, пролетариев и евреев, спекулянтов и на подстрекательство вражды между народами. Они содержали требования ограничить годовой доход 10 000 марок, настаивали на паритетном представительстве земель в штате германского Министерства иностранных дел, а также на праве «квалифицированного и оседлого рабочего... быть причисленным к среднему сословию» — ведь счастье «не во фразе и пустых разговорах, не в собраниях, демонстрациях и выборах», а в «хорошей работе, полной кастрюле и успехах детей»[30].

Однако какой бы мещанской и интеллектуально ущербной ни казалась обстановка в партии, все же уже первая фраза «Основополагающих линий» содержала мысль, которая превращала исторический опыт и насущную потребность в программу и ставила неловкого чудаковатого Антона Дрекслера из заднего помещения «Штернэккерброй» далеко впереди других — на высоту духа времени. Ведь ДАП определяла себя бесклассовой «социалистической организацией, руководимой только немецкими вождями». «Великая мысль»[31] Дрекслера была нацелена на то, чтобы примирить нацию и социализм. Конечно, не он первый высказал эту мысль, у которой забота о детях и хлебе насущном, казалось, отнимала всю ее великую страстность. Да, это была всего лишь скромная мысль, порожденная тривиальным стремлением обрести хоть какую-то национальную защищенность и, во всяком случае, несоизмеримая с принудительными системами марксистского толкования мира и истории. Но те условия, в которых Дрекслер пришел к ней, — в патетической, лихорадочной ситуа-

---

[30] «Основополагающие линии» опубликованы в книге: Ursachen und Folgen. Bd. III. S. 212 ff.

[31] *Heiden K.* Hitler. Bd. 1. S. 100.

ции побежденной, оскорбленной и подвергаемой революционным испытаниям страны, — а также встреча с Гитлером придали этой мысли, равно как и крохотной дрекслеровской партии, колоссальный резонанс.

На собрании 12 сентября 1919 года с докладом на тему «Как и какими средствами можно устранить капитализм?» выступил Готфрид Федер. Среди сорока с небольшим присутствующих находился — как говорилось выше, по поручению капитана Майра, — и Адольф Гитлер. Когда Федер излагал свои известные тезисы, гость собрания отметил для себя одно из новых обоснований, бывшее, как он писал, «подобно многим другим тоже», убийственным «по своему доходящему до смешного мещанству». «Я был очень рад, когда Федер наконец закончил. Мне уже было все ясно». И все-таки Гитлер остался и на последовавшую за докладом дискуссию, и только когда один из присутствующих потребовал отделения Баварии от «Пруссии» и вступления ее в союз с Австрией, он возмутился и попросил слова: «Тут я не выдержал и тоже записался в число желавших говорить». Он с такой яростью обрушился на предыдущего оратора, что Дрекслер прошептал сидевшему около него машинисту паровоза Лоттеру: «Ну, силен парень, вот такой-то нам и нужен»[32]. Когда же Гитлер сразу после своего выступления направился к двери, чтобы покинуть «эту скучную компанию», Дрекслер поспешил за ним и попросил захаживать еще. Уже в дверях он сунул в руку Гитлера маленькую брошюрку собственного сочинения под названием «Мое политическое пробуждение». Потом Гитлер опишет в не без труда давшейся ему жанровой сценке, как он на следующее утро в казарме, бросая хлебные крошки шмыгавшим по помещениям мышам, начал читать это сочинение и обнаружил, что жизненному пути Дрекслера были присущи и элементы его, Гитлера, собственного развития: потеря работы в результате профсоюзного террора, добывание жалкого куска хлеба с помощью полусамодеятельного искусства (тот играл на цитре в ночном кафе) и, наконец, прямо-таки сопровождавшееся страхом и чувством озарения открытие —

---

[32] *Franz-Willing G.* Op. cit. S. 66 f. Кстати, стремясь принизить значение партии до момента своего вступления в нее, Гитлер указывает, что в том собрании участвовало от 20 до 25 человек. В списке же присутствовавших, сохранившемся в архиве Карла Харрера, значатся 46 человек; см.: *Maser W.* Frühgeschichte. S. 158 f. Описание этого события самим Гитлером см.: *Hitler A.* Mein Kampf. S. 237 ff.

сделанное будто бы в результате попытки одного еврея из Антверпена отравить его, — о пагубном воздействии еврейской расы на мир. Все эти параллели несомненно вызвали у него интерес, хотя они, как не уставал потом говорить Гитлер, обязаны своим происхождением жизни рабочего[33].

Когда же ему несколько дней спустя присылают — без всякой просьбы с его стороны — членскую карточку под номером 555, это вызывает у него раздражение и одновременно улыбку, но, поскольку других дел у него все равно нет, он решает пойти на предстоящее заседание комитета. Как он потом расскажет, в «весьма непрезентабельной пивной» под вывеской «Альтес Розенбад» на Херренштрассе он встретил за столом в «освещенной наполовину разбитой газовой лампой» комнате, где проходило заседание, нескольких молодых людей. В соседней комнате хозяин и его жена обслуживали немногих завсегдатаев, а они в это время «будто правление маленького клуба игроков в скат», зачитывали протоколы заседаний, пересчитывали партийную кассу (дебет: 7 марок 50 пфеннигов), распределяли партийную нагрузку и сочиняли письма в адрес идейно близких объединений в Северной Германии — «это была кружковщина самого низкого пошиба»[34].

Целых два дня Гитлер мучился сомнениями. Потом он, как всегда, когда вызывал в памяти поворотные ситуации в своей жизни, будет говорить о том, как нелегко далось и каких «трудных», «тяжких» и «горьких» мыслей ему стоило, прежде чем он принял решение вступить в ДАП и стал седьмым членом комитета, ответственным за агитацию и пропаганду[35]. «После двух дней тяжких колебаний и размышлений я наконец пришел к твердому убеждению, что надо решиться на этот шаг. Это было

---

[33] Чтобы умалить роль Дрекслера, Гитлер не называет его фамилии («Я не очень хорошо расслышал, как его звали»), а все время говорит только о «том рабочем» и т.п. Когда же ему все-таки приходится упомянуть Дрекслера как председателя партии, то делает он это без ссылки на то, что именно Дрекслер и сунул ему в руку брошюру. См.: *Hitler A.* Mein Kampf. S. 238 ff.

[34] См.: Ebd., S. 240 f., а также: *Hitler A.* 10 Jahre Kampf. In: Illustrierter Beobachter, 4. Jhgg. 1929/31, 3.8.1929.

[35] Кроме Гитлера в состав оргкомитет ДАП входили: 1) Карл Харрер, учредитель и председатель партии; 2) Антон Дрекслер, соучредитель и вице-председатель; 3) Готфрид Федер, специалист по экономике; 4) Дитрих Эккарт, идеолог партии; 5) Герман Эссер, ответственный за внешние связи; 6) Эмиль Морис, секретарь. — *Прим. науч. ред.*

самое важное решение в моей жизни. Ни о каком отступлении назад конечно не было и не могло быть речи». На самом же деле в этих словах не только проявилась склонность Гитлера давать становящимся потом очевидными поворотам в своей биографии определенную драматическую подсветку и — если уж никак не находилось никаких эффектов, обусловленных внешними обстоятельствами, — представить само решение по меньшей мере результатом одинокого, мучительного борения с самим собой. В еще большей степени все имеющиеся источники единодушно свидетельствуют о характерной для него до самого последнего момента нерешительности, глубокой боязни выбора. Этой боязнью диктовалось и засвидетельствованная его позднейшим окружением склонность после тягостных колебаний и борьбы с собой, будучи вконец измученным, отдавать в конечном итоге вопрос на волю случая и принимать решения с помощью подброшенной монетки, что и выливалось в культ судьбы и провидения, с помощью которого он маскировал свою боязнь перед принятием решений. Есть много причин утверждать, что все его решения личного плана и даже некоторые из его политических решений были не чем иным, как стремлением уклониться, избежать какой-то другой, более угрожающей, альтернативы. Во всяком случае, везде, начиная с ухода из училища, переезда в Вену и Мюнхен, поступления в армию и до вступления в политику, без труда распознается мотив бегства от действительности. И это подтверждается многочисленными примерами его поведения в последующие годы, вплоть до оттягивания, в растерянности, своего неминуемого конца[36].

Желание избежать груза требований буржуазного мира по части обязанностей и порядка, прежде чем наступит вызывающий страх момент перехода к гражданской жизни, и определяло в решающей степени все шаги вчерашнего фронтовика. Именно оно постепенно вывело его на баварскую политическую сцену — он понимал политику и занятие ею как дело для человека, не имеющего профессии и не желающего ее приобретать. Столь раздутое в его воспоминаниях решение вступить в ДАП, принятое осенью 1919 года, было, под этим углом зрения, равно как и все его предыдущие решения, отказом от

---

[36] См.: *Bracher K.D.* Adolf Hitler. Bern; München; Wien, 1964. S. 12. О склонности принимать решение с помощью подброшенной монетки см.: *Zoller A.* Op. cit. S. 175.

буржуазного порядка и диктовались потребностью оградить себя от строгости и обязательности социальных его норм.

С силой, за которой явно прослеживается присущий всей его жизни мотив бегства от реальности, Гитлер дает теперь выход своей накопившейся за многие годы жажде деятельности. Наконец-то перед ним не препятствия в виде формальных требований, а поле, где не требуется никаких других предпосылок, кроме тех, какими он располагает: страстность, фантазия, организаторский талант и дар оратора-демагога. В казарме он без устали пишет и печатает на машинке приглашения на собрания, сам их разносит, разузнает адреса людей и говорит с ними, ищет связи, поддержку и новых членов. Поначалу его успехи остаются скромными, и каждое новое лицо, появляющееся на мероприятиях, радостно регистрируется. Уже тут становится очевидным, что превосходство Гитлера перед всеми его соперниками заключается не в последнюю очередь в том, что только у него есть столько свободного времени. И в оргкомитете из семи человек, заседавшем раз в неделю в кафе «Гастайг» за угловым столиком (позже он станет предметом культового поклонения), он тоже быстро выдвигается, потому что по сравнению с другими у него больше и идей, и смекалки, и энергии.

Под растерянными взглядами остальных довольствовавшихся своим прозябанием коллег, он уже довольно скоро начинает настаивать на выходе «скучной компании» на публику. 16 октября 1919 года становится решающим днем и для Немецкой рабочей партии, и для ее нового деятеля. На первом публичном собрании в присутствии 111 слушателей Гитлер выступает вторым. В этом непрерывно нараставшем по накалу тридцатиминутном выступлении нашли выход все эмоции, все скопившиеся со времен мужского общежития и проявлявшиеся ранее в бессвязных монологах чувства ненависти. Словно вырвавшись из немоты и одиночества минувших лет, перегоняли друг друга слова, галлюцинации, обличения. К концу выступления «слушатели были совершенно наэлектризованы», и то, что он «раньше только инстинктивно чувствовал, то было теперь доказано на практике: говорить я умею!»[37].

---

[37] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 390 f. ,242, 388, 390, 321, 243. *Kubizek A.* Op. cit. S. 27. По поводу сведений о профессии Гитлера см. донесение политической службы безопасности Мюнхена (далее – PND), созданной полицай-президентом города для контроля политической активности населения. О проведенном 13 ноября 1919 года собрании, на котором Гитлер выступил с докладом, см.: *Deuerlein E.* Op. cit. S. 205 f.

Это и стало моментом — если вообще есть какой-то конкретный, поддающийся точной датировке момент — его прорыва к самому себе, тем самым «ударом молота судьбы», пробившим «будничную оболочку». Его спасительное значение наложит отпечаток экстаза на воспоминания Гитлера о том вечере. Ведь в принципе в прошедшие недели он уже не раз испытывал силу своего ораторского воздействия, узнал свои возможности влиять на людей и обращать их в свою веру. Но с ее субъективной мощью, триумфальным самозабвением вплоть до седьмого пота, полуобморока и полного изнеможения он встретился, если верить его собственным словам, впервые именно в эти тридцать минут. И как когда-то он не знал удержу во всем — в своих страхах, самокопании или же чувстве счастья от услышанного в сотый раз «Тристана», — так и начиная с этого момента он уже одержим только одним — своим красноречием. И над всеми политическими страстями первенствует с того момента эта однажды и навсегда разбуженная потребность «доходяги» (так он сам обозвал себя в воспоминаниях того времени) в самоутверждении, которая будет снова и снова бросать его на трибуны в стремлении вновь испытать пережитое когда-то чувство оргазма.

И его решение стать политиком, которое он в сочиненной им самим легенде отнесет ко времени пребывания в лазарете в Пазевалке и опишет как реакцию отчаявшегося, зарывшегося лицом в подушку, но несломленного патриота на «ноябрьское предательство», в действительности следует датировать более поздним и куда более близким к этому его выступлению осенью 1919 года временем. В протоколах, членских списках и списках присутствующих он указывает себя в этот период художником, иногда — писателем, но можно предполагать, что эти конфузливые ссылки на профессию говорят лишь о его попытках удержать ускользающую юношескую мечту о величии и занятии искусством. В одном из агентурных донесений мюнхенской полиции в середине ноября 1919 года говорится: «Он — коммерсант, собирающийся стать профессиональным рекламным агентом». Опять здесь не отмечено принятое уже больше года назад решение его жизни, однако — впервые — указывается на его склонности и возможности: «Что ему было нужно, так это говорить, и чтобы был кто-то, кто его слушал», — такое же наблюдение сделал Кубицек. В ораторском даре, чью триумфальную мощь он открыл в себе фактически только теперь, он видит для себя выход из дилеммы прахом по-

шедших жизненных ожиданий. Он не имеет сколько-нибудь внятного представления о своем будущем, ведь он собирается стать профессиональным рекламным агентом. И это вновь было очередным стремлением уклониться. Именно между этим стремлением и более поздними мифами, с помощью которых он так тщился создать вокруг своей главы нимб проявившегося якобы уже в ранние годы предопределения, и лежит все различие между личным мотивом и мотивом социальным, побуждающим сделать шаг в политику. И многое говорит за то, что преобладающим был первый мотив. Во всяком случае, Гитлер так никогда и не скажет, что же явилось подлинным толчком для его политического пробуждения, как и не назовет того дня, когда он почувствовал, что «несправедливость мира, как поток кислоты, пролилась на его сердце» и он не мог уже не выступить в поход, чтобы истребить и эксплуататоров, и лицемеров[38].

Уже вскоре после своего вступления в ДАП Гитлер принимается за превращение боязливой, статичной застольной компании в шумную, публичную боевую партию. Несмотря на сопротивление, оказываемое главным образом Карлом Харрером, не хотевшим расставаться со старыми, унаследованными от «Общества Туле» представлениями о ДАП как о тайном союзе и рассматривающим партию по-прежнему как кружок политизированных мужчин, занятых в милом их сердцу чаду пивной переливанием из пустого в порожнее своих чувств, Гитлер с самого начала мыслил категориями массовой партии. Это не только отвечало стилю его представлений, не желавшему смириться с ситуацией ущербности, но и его мнению о причинах неудач старых консервативных партий. Во взглядах же Харрера странным образом продолжала жить та тяга к исключительности, что была слабостью партий буржуазной знати в кайзеровские времена и в значительной степени отталкивала от буржуазных позиций как массы мелкой буржуазии, так и рабочих.

Еще до конца 1919 года ДАП по настоянию Гитлера организовала в сводчатом, лишенном дневного света подвальном помещении пивной «Штернэккерброй» свой постоянный штаб. Аренда помещения составляла пятьдесят марок, договор об аренде был подписан Гитлером, который снова назы-

---

[38] Так звучит знаменитая фраза Прудона о его собственном политическом пробуждении. Цит. по: *Sombart W.* Der proletarische Sozialismus. Bd.l. Jena, 1924. S. 55.

вает себя здесь «художником». Там поставили стол и пару взятых напрокат стульев, установили телефон и привезли несгораемый шкаф для членских карточек и партийной кассы. Вскоре появилась старая пишущая машинка «Адлер» и печать — критически настроенный Харрер заявил, обнаружив все признаки готовящегося обюрокрачивания, что Гитлер «страдает манией величия»[39]. Примерно в то же время Гитлер добивается расширения состава комитета сперва до десяти, а потом до двенадцати, а иной раз и больше членов, привлекая главным образом знакомых и преданных ему лично людей, нередко им же сагитированных товарищей по казарме. Возникающий аппарат позволяет ему сменить примитивно-убогие, написанные на листочках от руки объявления о собраниях на размноженные типографским способом приглашения; одновременно партия начинает публиковать объявления о своих мероприятиях в «Мюнхенер Беобахтер». На столики в пивных, где они проводились, раскладывались проспекты и листовки. Здесь Гитлер впервые в своей технике пропаганды продемонстрировал ту абсолютно лишенную почвы и неадекватную реальности, а потому столь вызывающую, самоуверенность, которая потом будет часто способствовать его успехам. Он решился на неслыханный шаг — взимание входной платы за присутствие на публичных мероприятиях маленькой, неизвестной партии.

Растущий авторитет Гитлера-оратора постепенно укрепляет и упрочивает его положение в партии. Уже к началу следующего года ему удается оттеснить строптивого Харрера и побудить его выйти из партии. Теперь первый отрезок пути к единоличной власти в партии был свободен. Вскоре правление — со скепсисом и немалой боязнью оказаться публичным посмешищем — соглашается с настойчивым требованием своего честолюбивого ответственного за агитацию члена обратиться к массам. На 24 февраля, примерно через полгода после вступления в нее Гитлера, партия назначает свой первый большой митинг в главном зале пивной «Хофбройхаус».

На ярко-красном плакате, возвещавшем об этом овеянном легендами собрании, имя Гитлера даже не упоминалось. Главной фигурой вечера должен был быть испытанный национальный оратор, врач доктор Иоганнес Дингфельдер, выступавший в публикациях «фёлькише» под псевдонимом Гер-

---

[39] *Hitler A.* Das braune Haus. In: VB, 21.2.1931.

манус Агрикола и являвшийся апологетом экономической теории. В интеллектуальных туманностях этой теории причудливым образом отражались социальные страхи послевоенного времени: в пессимистических галлюцинациях своей мысли он уже видел предстоящую производственную забастовку природы, ибо ее ресурсы, угрожал он, будут сокращаться, их остатки догрызают паразиты, и, следовательно, близок конец человечества. Все эти утверждения, преисполненные отчаянием, освещались лишь одной надеждой, а она исходила от новой идеологии — идеологии «фёлькише». Вот и в тот вечер он предавался все тем же заклинаниям — «с полным знанием дела», как отмечалось в агентурном донесении, «и часто в глубоко религиозном духе»[40].

И только потом выступил Гитлер. Ради использования уникальной возможности познакомить большую аудиторию с планами ДАП он еще до этого настоял на выработке программы партии. В своей речи он, согласно одному документальному свидетельству того времени, нападал на трусость правительства, на Версальский договор, на евреев и банду «пиявок» — спекулянтов и ростовщиков. Затем под аплодисменты и шум присутствующих он зачитал новую программу. В конце «кто-то что-то кричит. Начинается большое волнение. Все вскакивают на столы и стулья. Немыслимый хаос. Крики "Вон! Вон!". Собрание закончилось всеобщим шумом. Несколько сторонников крайних левых с криками "Да здравствует Интернационал!", "Да здравствует республика Советов!" направились из "Хофбройхауса" в расположенный напротив "Ратхаустор"». «Никаких нарушений помимо не отмечено», — говорится в полицейском донесении.

Прессой — даже того направления, где преобладало влияние «фёлькише», — это мероприятие, носившее, очевидно, вместе со всеми сопровождавшими его шумными перипетиями весьма обыденный характер, замечено почти не было. Только найденные в последнее время документальные свидетельства позволяют реконструировать ход собрания. Правда, последующая мифологизация его Гитлером придала ему характер мощного, включившего в себя потасовку в зале и за-

[40] См. донесение PND, опубликованное Р. Х. Фелпсом: *Phelps R.H.* Hitler als Parteiredner im Jahre 1920. In: VJHfZ, 1963. H. 3. S. 292 ff., где рассказывается и история находки опубликованных там документов. Возведенный в легенду рассказ Гитлера об этом собрании см.: *Hitler A.* Mein Kampf. S. 400 ff.

вершившегося всеобщим ликованием, массового обращения в новую веру. «Все тезисы были одобрены единогласно, — напишет Гитлер, — принимали участники собрания программу пункт за пунктом. Когда я кончал, передо мною была единая сплоченная масса слушателей, сердца которых бились в унисон. Энтузиазм неописуемый! Было ясно, что люди обрели новую веру, новые убеждения и новую волю». Но если Гитлер с характерными для него представлениями в стиле оперных постановок увидел тут вспыхнувший огонь, «из чьего пламени когда-нибудь должен явиться меч, который... вернет свободу германскому Зигфриду», и услышал даже шаги «богини неумолимого отмщения... за клятвопреступления 9 ноября 1918 года», то националистический «Мюнхенер Беобахтер» написал всего лишь, что после речи доктора Дингфельдера Гитлер «проиллюстрировал ее рядом точных политических картин и огласил затем программу ДАП»[41].

И все же автор «Майн Кампф» в определенном, более широком смысле прав. Ведь именно с этого собрания началось развитие организованной Дрекслером, собиравшейся за пивными столиками скромной компании сторонников «фёлькише» в массовую партию Адольфа Гитлера. И хотя ему и тут еще приходилось играть второстепенную роль, но, так или иначе, в итоге уже были две тысячи человек, заполнившие большой зал «Хофбройхауса» и весьма впечатляюще утвердившие политическую позицию Гитлера. Начиная с этого момента именно его воля, его стиль, его руководство были тем, что, непрестанно возрастая и сосредоточиваясь исключительно на нем самом, повело партию вперед и стало решающим для ее успехов или неудач. Партийная легенда сравнит потом собрание 24 февраля 1920 года с теми минутами, когда Мартин Лютер прибивал свои тезисы к дверям Виттенбергского собора[42]. Но как в одном, так и в другом случае предание нарисовало свою собственную и несостоятельную в историческом смысле картину, потому что история имеет обыкновение не считаться с потребностью людей в драматических эффектах. Однако как событие, положившее начало движению, это собрание имело определенные основания для того, чтобы его потом торжественно отмечали, хотя сам акт основания новой партии на тот день не пла-

---

[41] См.: *Heiden K.* Hitler. Bd. 1. S. 107; *Hitler A.* Mein Kampf. S. 405 f.

[42] Сравнение принадлежит Готфриду Грисмайеру, см.: *Griessmayer G.* Das völkische Ideal. S. 77 (опубликовано на правах рукописи).

нировался, основной оратор не был ее членом, а имя Гитлера на плакатах, зазывавших на собрание, и не упоминалось.

Зачитанная им в тот вечер программа была сочинена Антоном Дрекслером — предположительно, не без участия Готфрида Федера — и затем переработана комитетом. Определить конкретный вклад Гитлера в эту переработку уже едва ли представляется возможным, хотя лозунговый характер некоторых тезисов выдает его редакторскую руку. Программа содержала 25 пунктов и соединяла в себе более или менее произвольно собранные и объединенные их эмоциональной притягательностью элементы уже знакомой идеологии «фёлькише» с актуальными потребностями нации в протесте и ее стремлению к отрицанию действительности — об этом наглядно свидетельствовало бросавшееся в глаза преобладание позиции отрицания. Она была антикапиталистической, антипарламентской и антисемитской и резко отрицательно относилась к итогам и последствиям войны. Позитивные же цели, как, например, варьирующиеся требования о защите среднего сословия, были большей частью неопределенными и нередко имели характер стимулирующих, умножающих страхи и вожделения маленького человека постулатов. Так, например, любые нетрудовые доходы должны быть изъяты (пункт 11)[43], любая прибыль, полученная на войне, должна быть конфискована (пункт 12), и должно быть введено участие рабочих и служащих в прибылях крупных предприятий (пункт 14). Другие пункты предусматривали перевод крупных универмагов в муниципальное ведение и передачу их «по дешевой цене» в аренду мелким торговцам (пункт 16), было там и требование о земельной реформе и запрет на спекуляцию землей (пункт 17).

Несмотря на все свои откровенно оппортунистические и продиктованные «спешными требованиями момента» черты, эта программа имела не столь уж несущественное, как будут иной раз утверждать, значение. Во всяком случае, она представляла собой нечто намного большее, нежели соблазнительно поблескивавший, декоративный проспект по развертыванию демагогических талантов будущего фюрера партии. Если рас-

[43] На самом деле 11-й пункт звучал так: «Мы требуем объявления безжалостной войны тем, чья деятельность вредит общим интересам. Преступления против нации, совершенные ростовщиками, спекулянтами и т.д., должны наказываться смертной казнью, несмотря на расу и убеждения. Мы требуем уничтожения нетрудовых доходов и процентного рабства». — *Прим. науч. ред.*

сматривать программу в целом, то она включала в себя, пусть даже в зачаточном виде, все самые существенные тенденции будущей идеи национал-социализма: агрессивный тезис о жизненном пространстве (пункт 3), основополагающие принципы антисемитизма (пункты 4, 5, 6, 7, 8, 24), а также тоталитарные амбиции, скрывавшиеся за безобидно звучащими общими фразами, которые содержали в себе и уверенность в широкой поддержке (пункты 10, 18, 24), и в то же время — как, скажем, в формуле о примате общей пользы перед эгоизмом — нечто, из чего в любой момент можно было бы вывести основной закон тоталитарного государства[44]. В эту в целом неуравновешенную и часто затмеваемую широковещательными максимами программу вошли все элементы того национального социализма, что подчеркивал решимость устранить «неправильный капитализм», преодолеть марксистскую позицию борьбы классов и наконец добиться примирения всех слоев в рамках мощного, сплоченного народного сообщества.

Думается, что именно это представление и обладало особой притягательностью в стране, заблудившейся как в национальных, так и в социальных дебрях. Идея или формула «национального социализма», в которой встретились друг с другом обе господствующие теории XIX века, могла появиться на почве многочисленных политических программ, направленных на переустройство эпохи. Она проступала как в непритязательном рассказе Антона Дрекслера о своем «политическом пробуждении», так и в берлинских лекциях Эдуарда Штадтлера, основавшего еще в 1918 году при поддержке промышленников свою «Антибольшевистскую лигу». Она была предметом изучения просветительских курсов, организованных мюнхенским войсковым командованием рейхсвера. Она придала большой резонанс работе Освальда Шпенглера «Пруссачество и социализм» и находила отклик даже в кругах социал-демократии,

---

[44] Значение программы долгое время недооценивалось. От нее нередко отмахивались как от простого оппортунистического рекламного трюка, и тем самым не признавались серьезность и искренность озабоченности ее создателей. Сам Гитлер в то время еще отнюдь не играл той роли, которая предполагается такой трактовкой. Однако в последнее время нередко встречаются и более взвешенные подходы, см., например: *Jacobsen H. A., Jochmann W.* Ausgewählte Dokumente für Geschichte des Nationalsozialismus, S. 24 или *Nolte E.* Faschismus in seiner Epoche. S. 392. Другое мнение наиболее отчетливо представлено в книге К. Д. Брахера: *Bracher K.* D. Diktatur. S. 93.

где разочарованность крахом Второго интернационала толкнула некоторых независимых мыслителей на путь национально-революционных и социально-революционных проектов. «Национальный социализм, его становление и его цели» — так назывался объемистый теоретический труд, выпущенный в 1919 году в Аусинге одним из основателей Немецкой социальной рабочей партии, инженером-железнодорожником Рудольфом Юнгом. Не лишенный самоуверенности автор этого труда видел в национальном социализме эпохальную политическую мысль, способную, по его мнению, с успехом дать отпор социализму марксистскому. Чтобы продемонстрировать воинствующее неприятие всех интернационалистических устремлений, Юнг вместе со своими австрийскими единомышленниками уже в мае 1918 года переименовал свою партию в Немецкую национальную рабочую партию[45].

Через неделю после собрания в «Хофбройхаусе» изменила свое название и ДАП. В подражание родственным группировкам в Судетах и в Австрии она назвала себя Национал-социалистической немецкой рабочей партией (НСДАП)[46] и одновременно переняла боевой символ своих единомышленников по ту сторону границы — свастику. Руководитель австрийских национал-социалистов доктор Вальтер Риль организовал незадолго до того «межгосударственную канцелярию», которая должна была служить связующим звеном между всеми национал-социалистическими партиями. Оживленные контакты поддерживались также и с другими объединениями, разделявшими социальную программу «фёлькише», в первую очередь с Немецкой социалистической партией дюссельдорфского инженера Альфреда Бруннера, считавшего, что она «крайне левая, а наши требования радикальнее, чем у большевиков». У этой партии были местные организа-

---

[45] Об этом, а также о подоплеке отношений и взаимосвязей различных социальных группировок «фёлькише» см., например: Carsten F. L. Op. cit. S. 96 ff.

[46] Аббревиатура образована от ее немецкого аналога — NSDAP (National-Sozialistische Deutsche Arbeiterpartei). — *Прим. науч. ред.*

[47] Юлиус Штрейхер (12.2.1885—16.10.1946), один из главных идеологов воинствующего антисемитизма, с 1923 года издавал антисемитскую газету «Штюрмер». В 1925—1929 годах — гаулейтер Нюрнберга-Фюрта, в 1929—1940 годах — Франконии. Один из главных инициаторов проведения всегерманского еврейского погрома — «Хрустальной ночи». Повешен по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге. — *Прим. науч. ред.*

ции во многих больших городах; в Нюрнберге во главе такой организации стоял учитель Юлиус Штрейхер[47].

1 апреля 1920 года Гитлер окончательно распрощался с воинской службой. Теперь у него была альтернатива, — он твердо решил целиком отдаться политической работе, взять руководство НСДАП в свои руки и построить партию в соответствии со своими представлениями. Он снимает комнату в доме № 41 по Тиршштрассе, близ Изара. Основную часть дня он проводит в подвале, где находится штаб-квартира партии, однако в документах избегает называть себя партийным функционером. И вопрос о том, на какие средства он живет, сыграет в предстоящем первом кризисе НСДАП определенную роль. Хозяйка квартиры считает своего хмурого молодого жильца при всей его немногословности и занятости «настоящим представителем богемы».

Ему нечего терять. Уверенность в себе он черпает в своем ораторском даре, хладнокровии и готовности идти на риск, но в гораздо меньшей мере, — в непреложности самой идеи. Да его вообще куда меньше способно привлечь познание как таковое, чем те инструментальные возможности, которые оно дает, — может ли оно, как он как-то заметил, выдать «мощный лозунг». В его «отвращении» и «глубочайшем омерзении» по отношению к «косматым теоретикам фёлькише», этим «словоблудам» и «похитителям мыслей», столь же ярко проявляется его полное непонимание существования идейного багажа без поддающейся политической формовке субстанции, как и в том факте, что слово для своих риторических извержений он вначале брал только тогда, когда мог ответить на полемический выпад ударом. Мысль делает убедительной не ее ясность, а доходчивость, не ее истинность, а способность ее развить: «Любая, в том числе и самая лучшая идея, — заявит он с той не терпящей возражений нечеткостью формулировки, которая была так характерна для него, — становится опасной, если она внушает себе, что является самоцелью, хотя в действительности представляет лишь средство для таковой». В другом месте он подчеркивал, что в политической борьбе насилию нужна поддержка идеей, а не наоборот, — и это весьма примечательно[48]. И «национальный

---

[48] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 234; о «мощном лозунге» Гитлер говорил в связи с теорией Готфрида Федера: Ebd. S. 233; там же приводятся и его выпады против теоретиков «фёлькише» (S. 395), см. также S. 186 ff.

социализм», под чьим знаменем он теперь выступал, он тоже рассматривал в первую очередь как средство для достижения куда более высоких, честолюбивых целей.

Лозунг, с которым он вышел теперь на политическую сцену, имеет романтический, привлекательно туманный вид. Содержащаяся в нем идея примирения кажется более современной и своевременной, нежели лозунги классовой борьбы, начинавшие в результате опыта войны и мужского фронтового товарищества уже утрачивать часть своего будущего. Консервативный писатель Артур Меллер ван ден Брук, который еще в самом начале века поддерживал представления о национальном социализме, считал его теперь «разумеется, частью немецкого будущего»[49]. Что нужно, так это рука влиятельного политика, без пиетета перед привычным, хитроумного и в то же время полного презрения к нормальному человеческому разуму. У идеи было очень много женихов. Но только до поры до времени — пока Гитлер не извлек из нарастающего массового восторга убеждение, что именно он и будет этой частью немецкого будущего.

Глава II

ЛОКАЛЬНЫЕ ТРИУМФЫ

Гитлер будет когда-нибудь самым великим среди нас.

Рудольф Юнг, 1920 год

Правда, в те напряженные и бурные дни 1920 года, когда Гитлер вступил в политику, он был еще очень далек от каких-либо притязаний на немецкое будущее и оставался всего-навсего агитатором местного мюнхенского масштаба. Вечер за вечером обходит он бурлящие, прокуренные пивные, чтобы своими доводами завоевывать поначалу нередко враждебные или критически настроенные аудитории. Во всяком случае, имя его постепенно становится все более известным. Охочий до слова и готовый соблазниться любым эксцентрическим жестом, темперамент этого города был необычайно восприимчив к театральному гитлеровскому стилю самопредставлений и буйным ораторским излияниям и, без сомнения, сти-

[49] *Strasser O.* Mein Kampf. S. 19.

мулировал его ничуть не меньше, нежели осязаемые исторические факторы. Утверждение, что восхождение Гитлера было в решающей степени стимулировано условиями времени, представляется неполным без указания на особые условия места, где он свое восхождение начинал.

Не менее важной была и та степень целеустремленности и расчета, с которой он действовал. Дело в том, что он обладал необыкновенной, прямо-таки женской восприимчивостью, помогавшей ему выражать и эксплуатировать настроение времени. Его первый биограф Георг Шотт не без боязливого восхищения перед дьяволом, говорившем, казалось, его устами, назовет его «чревовещателем в трансе»[1]. Но все же и сегодня еще распространенное представление о Гитлере как о человеке инстинкта, шедшем своим путем с уверенностью ясновидящего или — им же самим употреблявшееся выражение — «как сомнамбула», упускает из виду рациональность и хорошо рассчитанное хладнокровие, которые лежали в основе всего его поведения и которые обеспечили его восхождение в не меньшей степени, чем все очевидные организаторские способности.

В частности, оно упускает из виду его необыкновенную способность обучаться, ненасытную жажду к усвоению материала, охватившую его именно в это время. В лихорадке первых ораторских триумфов его чуткость и восприимчивость обострились как никогда, его «комбинаторский талант»[2] схватывал самые несовместимые элементы и соединял их в компактные формулы. Большему, чем у своих кумиров и соратников, научился он у своих противников. Он всегда очень многому учился у них, только дураки или слабаки, считал он, боятся потерять при этом собственные идеи. И вот таким образом собрал он под одну крышу Рихарда Вагнера и Владимира Ленина, Гобино, Ницше и Лебона, Людендорфа, лорда Нортклиффа, Шопенгауэра и Карла Люгера и соткал из всего этого свое полотно — произвольное, курьезное, полное полулюбительского куража, но и не лишенное цельности. Тут нашлось место и для Муссолини и итальянского фашизма — их роль будет все возрастать. И даже так называемых сион-

---

[1] Из предисловия Г. Шотта к опубликованной в 1924 году популярной биографии Гитлера под названием «Народная книга о Гитлере» (Das Volksbuch vom Hitler).

[2] *Heiden K.* Geschichte. S. 11. По поводу следующего замечания Гитлера см.: *Rauschning H.* Gespräche. S. 225.

ских мудрецов с их сфальсифицированными протоколами он тоже сделал своими учителями[3].

И все-таки самому главному он научился у марксизма. Уже сами усилия, которые он предпринимал вопреки своему внутреннему равнодушию к идеологии и формированию национал-социалистического мировоззрения, свидетельствуют о силе влияния на него примера марксизма. Одна из его исходных мыслей заключалась как раз в том, что традиционный тип буржуазной партии был уже не в силах состязаться с мощью и боевой динамикой левых массовых организаций. Он считал, что только подобным же образом организованная, но еще более решительная, обладающая собственным мировоззрением партия сможет одержать верх над марксизмом[4].

Свои тактические ходы он более всего почерпнул из опыта революционного времени. События в России, а также правление Советов в Баварии продемонстрировали ему, что шансы на власть может иметь горстка целеустремленных политических игроков. Но если Ленин научил его, как надо усиливать и использовать революционный импульс, то Фридрих Эберт, как и Филипп Шейдеман, показали ему, как быстро его можно утратить.

Позднее Гитлер скажет: «Я многому научился у марксизма. Я сознаюсь в этом без обиняков. Но не этому скучнейшему учению об обществе и не материалистическому взгляду на историю, этой абсурдной чепухе... Но я научился их методам. Только я всерьез взялся за то дело, которое робко начали эти мелкие торгашеские и секретарские душонки. В этом и заключается весь национал-социализм. Приглядитесь только повни-

---

[3] О так называемых протоколах см.: *Schubert G.* Op. cit. S. 33 ff. В первой сохранившейся полностью речи Гитлера, произнесенной 13 августа 1920 года, использованы, как это доказал Р.Х. Фелпс, многочисленные мотивы из так называемых протоколов; см.: VJHfZ, 1968. H. 4. S. 398.

[4] См.: *Hitler A.* Mein Kampf. S. 186 f., где Гитлер пишет, что «движения с определенной духовной основой... могут теперь быть разбиты» противниками, которые «в то же время сами являются носителями какой-либо новой привлекательной мысли, идеи или мировоззрения». Через две страницы он пишет: «Любая попытка побороть определенную идею силою оружия потерпит поражение, если только борьба против упомянутой идеи сама не примет форму наступательной борьбы за новое мировоззрение». Сходные формулировки содержатся и в упомянутом выступлении Гитлера 13 августа 1920 года: VJHfZ, 1968. H. 4. S. 415, 417.

мательнее... Ведь эти новые средства политической борьбы идут, по сути, от марксистов. Мне надо только было взять и развить эти средства, и я имел, по сути, то, что нам нужно. Мне надо было только последовательно продолжить то, что десять раз сорвалось у социал-демократии, в частности, вследствие того обстоятельства, что они хотели осуществить свою революцию в рамках демократии. Национал-социализм — это то, чем марксизм мог бы быть, если бы высвободился из абсурдной, искусственной привязки к демократическому строю»[5].

Однако всему, что он перенимал, Гитлер не просто придавал последовательность — одновременно он умел и превзойти заимствованное. Его характеру была свойственна инфантильная черта: перещеголять, поразить чем-то необыкновенным, произвести впечатление. Он жаждал прилагательных в превосходной степени и признания своей идеологии самой радикальной — точно так же, как он хотел, чтобы «его» здания были самым грандиозными, а танки — самыми мощными. Свои взгляды, свои тактические ходы, свои цели он, по его собственным словам, собирал «по всем кустам на обочине жизненного пути». Сам же он придавал всему этому твердость, последовательность и столь характерное отсутствие боязни сделать последний шаг.

Рационалистические соображения отличали его тактику уже с самого начала. Он исходил из того, что всю энергию первоначально следует направить на то, чтобы вырваться из гетто безымянности и одновременно выделиться из массы соперничающих групп «фёлькише». И регулярно появляющееся в его более поздних выступлениях, когда речь заходит о периоде становления партии, упоминание об анонимном начале свидетельствует, как сильно страдало его лишенное шансов честолюбие от сознания непризнанности его величия и отсутствия почтения к нему. С потрясающей беззастенчивостью, в которой, собственно говоря, и заключалась вся новизна его выступлений, раз и навсегда наглядно проявилось его нежелание соблюдать правила и соглашения. Он приступает теперь

---

[5] *Rauschning H.* Gespräche. S. 174 f. В данном случае автор использует цитату из воспоминаний Германа Раушнинга, бежавшего из Германии в 1936 году. Данный источник имел огромную популярность в 50—70-е годы и считался не требующим доказательств. Однако последние исследования историков показывают, что к воспоминаниям Раушнинга нужно относиться очень осторожно и во многом они не соответствуют действительности. — *Прим. науч. ред.*

к тому, чтобы сделать себе имя, не знающей устали активностью, потасовками, скандалами, нарушающими общественный порядок сборищами, даже террористическими актами, если при этом ему представлялась возможность вместе с нарушением закона обратить на себя внимание публики: «Кем бы они нас не выставляли, шутами или преступниками, главное — о нас говорят, с нами возятся»[6].

Этой целью определялись стиль и средства деятельности НСДАП. Возбуждающий красный цвет флагов использовался не только из-за его психологического эффекта, но и потому, что тем самым вызывающе узурпировался традиционный цвет левых. Плакаты, звавшие на собрания и тоже всегда выдержанные в кричащем красном цвете, часто содержали призывы, напечатанные огромными буквами и снабженные заголовками и подзаголовками в форме легко запоминающихся лозунгов. Чтобы создать впечатление величия и несокрушимой мощи, НСДАП то и дело организовывала уличные шествия, ее многочисленные распространители листовок и расклейщики плакатов неустанно действовали повсюду. Подражая методам пропаганды левых, в чем он и признавался, Гитлер отправлял на улицы грузовики, набитые людьми. Только в машинах были не вздымавшие вверх кулаки верные Москве пролетарии[7], которые уже посеяли в буржуазных кварталах столько ненависти и страха, а вчерашние солдаты, продолжавшие — вопреки окончанию войны и демобилизации — с показным радикализмом, уже на новый лад воевать под флагами Штурмовых отрядов НСДАП. Они накладывали внушавший страх полувоенный отпечаток на эти демонстрации, которым Гитлер любил придавать форму волны митингов по всему Мюнхену — а вскоре и по другим городам.

Благодаря этим солдатам начал постепенно изменяться и социальный портрет члена партии — любивший посидеть с друзьями за кружкой пива рабочий или ремесленник стал сменяться жестким типом привыкшего к насилию вчерашнего фронтовика. Самый ранний список членов партии содержит 193 фамилии. Из них не менее 22 принадлежат кадровым во-

---

[6] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 544.

[7] Члены коммунистических боевых отрядов в Германии приветствовали друг друга поднятием на уровень плеча согнутой правой руки со сжатым кулаком. — *Прим. науч. ред.*

енным[8], которые нашли в новой партии не только возможность решить проблему своего существования «на гражданке», но и надеялись обрести в ее рядах свою укрепившуюся в легендарном окопном товариществе потребность в новых формах общежития и проявить и в мирных условиях воспитанное в них презрение к жизни и смерти.

С помощью этого военного пополнения, привыкшего к полному подчинению, дисциплине и готовности жертвовать собой, Гитлеру удалось придать партии жесткую внутреннюю структуру. Многие из новых людей были присланы ему командованием мюнхенского военного округа, и когда Гитлер будет утверждать, что он выступил против враждебного мира, не имея ни имени, ни средств и рассчитывая только на самого себя, то это верно лишь в том смысле, что он действительно выступил против господствующей тенденции времени. Но верно и то, что тут он никогда не был в одиночестве. Более того, с самого начала рейхсвер и негосударственные военные формирования протежировали ему в таком масштабе, какой только и сделал возможным его восхождение вообще.

Как никто другой помог в этом плане НСДАП капитан Эрнст Рём[9], бывший политическим советником в штабе полковника Эппа и, по существу, возглавлявший замаскирован-

---

[8] Список членов партии, составленный предположительно в январе 1920 года, хотя и не говорит однозначно о кадровых военных, но, поскольку Гитлер, который к тому времени еще не был демобилизован и продолжал носить военную форму, значится там как представитель гражданской профессии, то можно предположить, что под военными подразумеваются только кадровые военные. Впрочем, список содержит не все фамилии (отсутствуют, например, Дитрих Эккарт или же Фридрих Крон), и не везде приводятся данные о профессии. Таким образом, список дает не более чем предварительные данные, позволяющие делать лишь весьма ограниченные выводы. Наиболее многочисленными являются следующие профессиональные группы: рабочие и ремесленники, которых из-за отсутствия дифференцированных данных приходится объединять в одну общую группу (51 человек), люди с высшим образованием и представители интеллектуальных профессий (30), коммерсанты (29), служащие (16). Остаток приходится на домашних хозяек, деятелей искусства, чиновников и др.: Hauptarchiv der NSDAP, NS 26/Nr. III, BAK.

[9] Эрнст Юлиус Рём родился в Мюнхене 28 ноября 1887 года в семье обер-инспектора на баварских железных дорогах. После окончания гуманитарной гимназии в Мюнхене в 1906 году он поступил фаненюнкером в Королевский баварский 10-й пехотный полк «Принц Людвиг» и в 1908 году был произведен в лейтенанты. В 1908—1915 го-

ный военный режим в Баварии; он будет поставлять партии сторонников, оружие и деньги. В этой его деятельности поддержку ему оказывали не в последнюю очередь и офицеры союзнической контрольной комиссии, которые благоволили его нелегальной активности по ряду причин — частью потому, что они были заинтересованы, чтобы в Германии царила обстановка, близкая к гражданской войне, частью потому, что хотели укрепить военную власть перед лицом продолжавшегося натиска левых и, кроме того, несмотря на вчерашнюю вражду, по-рыцарски протянуть руку помощи господам коллегам. И хотя Рём, с самого детства лелеявший «одну только мысль и желание — стать солдатом», к концу войны служил в Генштабе, где показал себя выдающимся организатором, он куда в большей мере олицетворял собой тип воина-фронтовика. Этот маленький толстый человек с помятым, всегда немного покрасневшим лицом был отчаянным смельчаком и пришел с войны с множеством ранений. Всех людей он, ничтоже сумняшеся, делил на военных и штатских, на друзей и врагов, был честным, без затей, грубоватым, трезвым, осмотрительным и прямолинейным воякой, которого не отягощали угрызения совести. И хотя один из его соратников времен нелегальных интриг скажет, что туда, где он появлялся, он всегда «приносил жизнь», было, конечно, достаточно много случаев, когда приносил он и нечто совсем противоположное. Будучи с ног до головы практичным баварцем, он не страдал маниакальными идеологическими комплексами и всей своей беспокойной деловитостью, которую он быстро развивал повсюду, преследовал только одно — примат солдата в государстве. Руководствуясь этой целью, он создал и то особое отделение Генерального штаба по пропаганде и слежке за политическими группами, по чьему поручению «доверенное лицо» Адольф Гитлер и посетил собрание ДАП. Как и почти все остальные, Рём был поражен ораторским гением начинающего агитатора, помог ему установить новые ценные кон-

---

дах — ответственный за обучение новобранцев и адъютант 1-го батальона 10-го пехотного полка. В сентябре 1914 года был тяжело ранен — часть носа ему оторвало пулей. С апреля 1915 года — командир роты своего полка. В 1917 году назначен адъютантом начальника армейского отдела баварского военного министерства; капитан. В январе 1919 года назначен адъютантом 11-й баварской пехотной бригады. В апреле — мае 1919 года — офицер штаба Добровольческого корпуса Франца Риттера фон Эппа. — *Прим. науч. ред*

такты с политиками и военными и сам вступил в партию довольно рано, получив членский билет 623[10].

Командный инстинкт, привнесенный в партию людьми Рёма, получил пестрое обрамление в виде широкого применения политической символики и соответствующей атрибутики. Правда, знамя со свастикой не было изобретением Гитлера, как тот будет утверждать в «Майн Кампф». Его придумал один из членов партии, зубной врач Фридрих Крон, для организационного собрания ортсгруппы[11] в Штарнберге в середине мая 1920 года, а еще за год до этого он же рекомендовал в одной докладной записке использовать этот распространенный в рядах «фёлькише» знак «как символ национал-социалистических партий»[12]. Собственный вклад Гитлера заключается и тут опять же не в том, что идея пришла ему в голову первому, а в том, что он моментально уловил силу психологического воздействия этого широкоизвестного символа и стал последовательно внедрять его, включив свастику в партийный значок, ношение которого он сделал обязательным.

---

[10] Это произошло в январе 1920 года. — *Прим. науч. ред.*

[11] Ортгруппа — основная низовая административно-территориальная единица НСДАП. Включала в себя территорию одной или нескольких общин, небольшого города (городская парторганизация могла делиться на несколько ортсгрупп). — *Прим. науч. ред.*

[12] См.: *Franz-Willing G.* Op. cit. S. 83 ff. Крон, один из старейших членов партии, от которого явно исходили многие идеологические импульсы и подсказки, пригласил на учредительное собрание в Штарнберге и Антона Дрекслера. Войдя в зал и увидев у трибуны знамя, тот воскликнул: «Вот вам и наш партийный флаг!» На следующий день оргкомитет НСДАП утвердил знамя, а по его образцу был изготовлен и партийный значок. Правда, Крон предложил, очевидно, и свастику с концами, загнутыми влево, но это предложение не прошло. Однако именно он выбрал черно-бело-красные цвета, препроводив этот выбор таким основанием: «Черный — это символ скорби за проигранную войну, белый — символ нашей невиновности в развязывании войны 1914—1918 годов (протест против лжи о нашей ответственности за войну!), а красный — символ любви к родине, в частности к потерянным приграничным областям». Обоснование же Гитлера звучало так: «Красный цвет олицетворяет социальные идеи, заложенные в нашем движении. Белый цвет — идею национализма. Мотыгообразный крест — миссию борьбы за победу арийцев и вместе с тем за победу творческого труда, который испокон веков был антисемитским и антисемитским и останется». См.: *Hitler A.* Mein Kampf. S. 557. — В. Мазер считает, что Гитлер сыграл в этом гораздо большую роль.

Сходным образом обстояло дело и со штандартами, заимствованными им у итальянских фашистов и вручавшимися Штурмовым отрядам как знаки боевого отличия. Гитлер ввел «римское» приветствие, следил за правильностью присвоения рангов и ношением униформы и вообще придавал очень большое значение всем вопросам формального характера — режиссуре выходов, декоративным деталям, все более усложнявшемуся церемониалу освящения знамен, демонстрациям и парадам, вплоть до массовых спектаклей партийных съездов, где он дирижировал колоннами людей на фоне каменных колонн, щедро удовлетворяя тем самым и свой талант комедианта и свой талант архитектора. Немало времени потратил он, перелистывая старые журналы по искусству и роясь в геральдическом отделении Мюнхенской государственной библиотеки, в поисках изображения орла, который должен был быть воспроизведен на официальной печати партии. И свой первый циркуляр в качестве председателя НСДАП[13] от 17 октября 1921 года он посвящает подробнейшему изложению партийной символики и обращает внимание руководства местных партийных групп на то, чтобы «самым строжайшим образом пропагандировать ношение партийного значка (партийной кокарды). Неукоснительно требовать от всех членов везде и всегда появляться с партийным значком. С евреями, которым это не понравится, обходиться тут же на месте безо всякой жалости»[14].

Сочетание церемониальных и грубых террористических форм определило с самого начала, каким бы жалким оно ни было, становление партии и оказалось наиболее эффективным рекламным трюком Гитлера. Дело в том, что здесь на новом, современном уровне возрождались традиционные элементы, всегда игравшие большую роль в Германии, — в виде народного увеселения и эстетизированного представления, грубые приемы которого отнюдь не отталкивали от него, а, напротив, придавали ему масштаб фатальной серьезности. Во всяком случае, оно казалось более соответствовавшим историческому моменту, нежели псевдоактивность обычной партийной суеты.

Однако плюсом НСДАП было еще и то, что выступала она как национальная партия, не претендующая на какую-либо исключительность в обществе, что было присуще всем ее

---

[13] Гитлер стал 1-м председателем НСДАП 29 июля 1921 года. — *Прим. науч. ред.*

[14] См.: *Franz-Willing G.* Op. cit. S. 87.

предшественникам. Будучи свободной от сословных предрассудков, она порвала с традицией, согласно которой истинно патриотические взгляды являются как бы преимущественным правом знати и только состоятельные и образованные люди имеют отечество. НСДАП же была и национальной, и плебейской одновременно, грубой и готовой нанести удар, она породнила национальную идею с улицей. У буржуазии, видевшей до того в лице масс исключительно элемент социальной угрозы и выработавший преимущественно оборонительные рефлексы, здесь, казалось, впервые появился агрессивный авангард. «Нам нужна сила для нашей борьбы, — не уставал повторять Гитлер — пусть другие нежутся (!) в своих клубных креслах, мы же будем влезать на столы в пивной»[15]. Многим, даже если они и не следовали за Гитлером, этот фигляр-демагог, завораживающий массы в пивных залах и цирковых шатрах, казался именно тем человеком, который владеет техникой усмирения и покорения масс.

Его активность оставляла позади всех конкурентов, он был все время в пути, его принцип гласил: каждые восемь дней — массовый митинг. В перечне 48 партийных мероприятий, проведенных с ноября 1919 года по ноябрь 1920 года, на 31 он фигурирует как выступающий. Уже сам все ускоряющийся темп этих выступлений отражает лихорадочный характер его встреч с массами. «Господин Гитлер... впал в такую ярость и так кричал, что в задних рядах мало чего можно было понять», — свидетельствует один из слушателей. А в одной афише, извещавшей о его выступлении в мае 1920 года, он уже называется «блестящим оратором», так что слушателям предстоит «необыкновенно впечатляющий вечер». Начиная с того же времени в донесениях о собраниях указывается все более возрастающее число их участников. Часто он выступает перед тремя тысячами и более человек, и всякий раз осведомители отмечают, что, когда он в своем синем, перешитом из военной формы костюме появляется на сцене, «вспыхивают бурные аплодисменты»[16]. Сохранившиеся от того времени протоколы таких собраний отражают успехи начинающего оратора, зафиксированные в неуклюжих записях, что де-

---

[15] Из выступления 13 августа 1920 года в мюнхенском пивном зале «Хофбройхаус», см.: VJHfZ, 1968. H. 4. S. 418, затем см. выступление 15 мая 1920 года в «Хофбройхаусе»: Deuerlein E. Op. cit. S. 213 (Dok.21).

[16] *Franz-Willing G.* Op. cit. S. 71; затем: *Deuerlein E.* Op. cit.; кроме того: *Phelps R.H.* Op. cit. S. 301 ff.

лает их, пожалуй, более ценными документальными свидетельствами.

«Собрание началось в 7 $^1/_2$ часов и закончилось в 10 $^3/_4$ часов. Докладчик говорил о евреях. Докладчик сообщил, что везде куда ни глянь евреи. По всей Германии правят евреи. Позор, что немецкий рабочий класс позволяет евреям в хвост и гриву травить себя. Конечно, потому ведь, что у еврея деньги. Еврей сидит в правительстве и спекулирует и торгует из-под полы. Когда он опять набивает себе карманы, то опять разгоняет рабочих, чтобы снова быть у руля, а мы бедные немцы все это терпим. Он говорил также и о России... и кто это все устроил? Опять же еврей. Поэтому немцы будьте все заедино и боритесь с ЕВРЕЯМИ. Потому что они у нас последнюю корку хлеба отымут... Заключительное слово докладчика: мы будем бороться до тех пор пока из Германского рейха не будет убран последний еврей и если даже для этого нужен путч и даже больше того революция. Оратору сильно аплодировали... Он ругался также еще и на прессу... потому что на последнем собрании один такой пачкун все записал».

А в другом месте, где передается выступление 28 августа 1920 года, написано следующее: «Докладчик Гитлер изложил как было у нас до войны и как у нас сейчас. О ростовщичестве и спекулянтстве, что всех их ждет виселица. Потом о наемной армии. Он сказал, что молодым парням это бы пожалуй не повредило, если бы их опять призвали, потому что это никому не повредило, потому что из них никто не знает, что молодой должен слушаться старшего, потому что у них повсюду отсутствует дисциплина... Потом он прошел еще по всем пунктам, которые в программе, где ему очень сильно хлопали. Зал был переполнен. Одного человека, который назвал господина Гитлера обезьяной, выставили безо всяких»[17].

С растущей самоуверенностью начинает он превращать партию в «фактор порядка» — его бойцы срывают собрания левых, заглушают своим ревом выступления участников дискуссий. Гитлер задает кое-кому «жару» и добивается как-то раз даже удаления с публичной выставки скульптуры, якобы не отвечающей требованиям народного вкуса. В начале января 1921 года Гитлер заявляет перед слушателями в погребке «Киндль», «что национал-социалистическое движение в Мюнхене будет впредь беспощадно срывать — если понадо-

[17] *Deuerlein E.* Op. cit. S. 211 (Dok. 19). S. 215 (Dok. 24).

бится, то силой, — все мероприятия и доклады, которые способны разлагающе влиять на наших и без того уже больных соотечественников»[18].

Такое своеволие партии стало тем более возможным, что теперь она пользовалась не только благоволением со стороны командования мюнхенского военного округа, но и стала также «невоспитанным, избалованным любимчиком»[19] самого правительства Баварии. В середине марта правые круги во главе с до того времени никому не известным генеральным директором по земельным отношениям в Восточной Пруссии доктором Каппом[20] и при поддержке бригады Эрхардта предприняли в Берлине попытку государственного переворота, потерпевшего провал из-за их собственного дилетантства и вспыхнувшей всеобщей стачки[21]. Более успешной оказалась предпринятая одновременно попытка рейхсвера и добровольческих формирований в Баварии. В ночь с 13 на 14 марта они сместили правительство буржуазных партий и социал-демократов, возглавлявшееся Гофманом, и заменили его правительством правой ориентации во главе с «сильным человеком» Густавом фон Каром[22].

Эти события, естественно, встревожили левых, чье радикальное ядро сразу же увидело шанс соединить отпор притязаниям правых на власть с борьбой за собственные, революционные цели. В ряде мест, в первую очередь в Центральной Германии и Рурской области, им удалось во время всеобщей стачки захватить руководство и найти поддержку своим обращенным к пролетариату призывам к оружию. Вскоре в результате почти безупречно проведенной мобилизации, что говорило о наличии детального плана, большое количество

---

[18] См.: *Heiden K.* Geschichte. S. 42.

[19] *Olden R.* Op. cit. S. 75.

[20] Вольфганг Капп (24.7.1858—12.6.1922) в 1917 году основал праворадикальную Немецкую партию Отечества. После провала путча 17 марта 1920 года бежал в Швецию. — *Прим. науч. ред.*

[21] Эта попытка переворота получила название Капповского путча. 13 марта 1920 года мятежники заняли Берлин (правительство и президент бежали в Штутгарт) и создали правительство во главе с Каппом. После начала всеобщей стачки мятежники оказались в изоляции, и 17 марта путч самоликвидировался. — *Прим. науч. ред.*

[22] Густав Риттер фон Кар (29.11.1862—30.6.1934) в 1917 году был правительственным президентом Верхней Баварии, монархист. 16 марта 1920 года сменил Йоханнеса Гофмана на посту баварского министра-президента. — *Прим. науч. ред.*

людей оказалось в рядах военных формирований — только между Рейном и Руром Красная армия выставила свыше 50 000 человек. В течение всего нескольких дней она захватила почти весь промышленный район, слабые попытки частей рейхсвера и полиции задержать ее продвижение были подавлены, в некоторых местах дело доходило до настоящих боев. По Баварии также прокатилась волна убийств, грабежей и насилия и обнажила здесь, как и в Центральной Германии, Саксонии и Тюрингии, оттесненную умиротворяющими мерами половинчатой революции социальную и идеологическую напряженность. Последовавший затем кровавый ответный удар военных, коллективные аресты, карательные экспедиции и расстрелы вынесли на поверхность скрытые чувства ненависти и неулаженные конфликты. Постоянно подвергавшаяся в своей истории расколу, раздираемая многими антагонизмами страна все отчаяннее требовала порядка и примирения. Но вместо этого оказывалась еще глубже в тупике ненависти, неверия и анархии.

Благодаря новому соотношению сил Бавария еще в большей степени, чем прежде, становится естественным сборным пунктом праворадикальных сил. Неоднократно выражавшиеся по настоянию союзников требования о роспуске полувоенных формирований натолкнулись на сопротивление правительства фон Кара, для которого именно они и были главной опорой власти. К дружинам самообороны и частным вооруженным формированиям, насчитывавшим уже свыше 3000 человек, постепенно присоединялись и те непримиримые противники республики из других регионов Германии, которым грозило преследование со стороны государства, в том числе и в уголовном порядке. Это были сторонники Каппа, остатки Добровольческих корпусов из восточных областей, «национальный полководец» Людендорф, участники расправ, совершенных по приговорам тайных судилищ, авантюристы, революционеры-националисты самой различной окраски — и всех их объединяло желание покончить с ненавистной «жидовской республикой». При этом они умело использовали традиционно особое баварское сознание, искони настроенное резко отрицательно к прусско-протестантскому Берлину и возведшее теперь (в форме девиза «Бавария — ячейка порядка») свои враждебные чувства в степень национальной миссии. При все более открытой поддержке баварского правительства они доходили до того, что организовыва-

ли склады оружия, превращали замки и монастыри в тайные опорные пункты, строили планы покушений, переворотов и выступлений. Это была неустанная деятельность, включавшая в себя все, — от конспиративного перешептывания до подготовки многочисленных, порою пересекавшихся друг с другом проектов государственного переворота.

Такое развитие не осталось без последствий и для НСДАП. Начиная с этого времени она стала получать открытую поддержку со стороны военных, полувоенных организаций, а также гражданских носителей власти. И каждый одержанный ею новый успех побуждал их еще более усердно обхаживать ее. После приема Гитлера фон Каром один из сопровождавших его соратников, студент Рудольф Гесс, обратился к главе правительства с посланием, в котором говорилось: «Ключевым моментом является то, что Г. убежден, что новый подъем возможен только в том случае, если удастся вернуть большие массы, в том числе и рабочих, к национальной идее... Я лично знаю господина Гитлера очень хорошо, поскольку почти ежедневно общаюсь с ним и близок к нему и в человеческом плане. Это на редкость неиспорченный, чистый характер, полный сердечной доброты, религиозный, ревностный католик. У него только одна цель — благо своей страны. Этому он отдает себя самым самоотверженным образом». Когда же премьер-министр наконец с похвалой отозвался о Гитлере в ландтаге, а шеф полиции Пенер стал покровительствовать каждому его шагу, и тогда впервые начало обрисовываться распределение ролей, которые будут названы типичными для процесса подъема нацистов и завоевания ими власти[23], — с этого момента Гитлер находился в союзе с утвердившейся консервативной властью, в чьих глазах он показал себя авангардом в борьбе против общего противника — марксизма. Но если власть рассчитывала использовать энергию и гипнотизирующее искусство неистового агитатора, чтобы потом в нужный момент переиграть его в силу своего собственного духовного, экономического и политического превосходства, то его цель заключалась в том, чтобы после разгрома противника направить те батальоны, что были созданы с благословения и поддержки властей, против партнеров и захватить власть. Это была та удивительная, запутанная,

---

[23] *Nolte E.* Krise. S. 200; *Nolte E.* Faschismus in seiner Epoche. S. 397. По поводу упомянутого послания Гесса см.: *Maser W.* Hitler. S. 288 ff.

преисполненная иллюзий, предательства и ложных клятв игра. С ее помощью Гитлер одержит почти все свои победы и перехитрит Кара точно так же, как потом Гугенберга, Папена и Чемберлена. И напротив, все его неудачи, включая и конечное фиаско, имеют одной из своих причин то, что в нетерпении, азарте или упоении от успехов он ставил эти обстоятельства на карту, терял их и затем, спохватившись, уже не мог выровнять игру.

Благодаря этим влиятельным и богатым покровителям, все более энергично опекавшим теперь уже перспективного деятеля, Гитлер становится в декабре 1920 года хозяином газеты «Фёлькишер Беобахтер»[24]. Дитрих Эккарт и Эрнст Рём помогли найти 60 000 рейхсмарок, составивших основной капитал для покупки этого безнадежно погрязшего в долгах листка «фёлькише», выходившего в то время два раза в неделю и имевшего около 11 000 подписчиков[25]. Среди лиц, ссудивших деньги, было немало имен из верхов мюнхенского общества, получить доступ в которые Гитлеру помог Дитрих Эккарт, обладавший многочисленными связями. Этот грубый и странный человек с большой круглой головой, любитель хорошего вина и примитивных речей, не пользовался как поэт и драматург тем успехом, на который рассчитывал, — большой отклик нашел разве что его перевод «Пер Гюнта» Ибсе-

---

[24] «Völkische Beobachter» — «Народный наблюдатель». До 1919 года именовалась «Мюнхенер Беобахтер» и выходила два раза в неделю, публикуя в основном светскую хронику антисемитского содержания. В декабре 1920 года приобретена Д. Эккартом и Э. Рёмом на деньги, полученные из секретного фонда рейхсвера. В 1921 году перешла под контроль А. Гитлера и стала официальным печатным органом партии. С февраля 1923 года выходила ежедневно. — *Прим. нач. ред.*

[25] Дитрих Эккарт признавался в VB, 15.7.1922, что он лично получил от генерала фон Эппа 60 тысяч рейхсмарок. Газета стоила 120 тысяч, и, кроме того, у нее было около 250 тысяч долга, которые НСДАП также взяла на себя. Сам Гитлер заявлял, что за его тогдашнее легкомыслие ему пришлось «дорого заплатить», а партия, кажется, так и не расплатилась с этими долгами вплоть до 1933 года. Финансирование газеты обеспечивалось, в частности, и тем, что каждый член партии обязывался подписываться на VB. Начиная с января 1921 года полагалось помимо членского взноса в 0,5 рейхсмарки вносить такую же сумму на поддержание партийной газеты. Сначала тираж держался на прежнем уровне, затем упал до 8000 экз., пока весной 1922 года подписка не составила 17,5 тыс. экз.; см.: *Orlow D.* The History of the Nazi Party 1919—1933. P. 22.

на — и ради компенсации своих амбиций он примыкает к политизированной богеме. Как политик он стал основателем «Немецкого гражданского общества», однако и тут его поджидает неудача, равно как и с изданием газеты «Ауф гут дойч»[26], которая с язвительной остротой и не без претензии на образованность выступала апологетом антисемитских настроений. Следуя за Готфридом Федером, Эккарт требует в ней борьбы против процентной кабалы за «истинный социализм», настаивает — под влиянием Ланца фон Либенфельса — в самом резком тоне на запрете смешанных браков между представителями разных рас и на защите чистой немецкой крови. Советскую Россию он обзывает «направленной на заклание христиан диктатурой еврейского мессии Ленина», и заявляет, что ему «больше всего бы хотелось погрузить всех евреев в один эшелон и направить его в Красное море»[27].

Эккарт познакомился с Гитлером еще раньше, а в марте 1920 года, во время Капповского путча, оба они по поручению своих закулисных хозяев-националистов ездили в Берлин в качестве наблюдателей. Будучи начитанным, хорошо разбиравшимся в людях человеком, обладая обширными познаниями, он оказывал большое влияние на по-провинциальному беспомощного Гитлера и был, благодаря своим непритязательным манерам, первым человеком буржуазной образованности, чье присутствие Гитлер мог выносить, не проявляя своей глубокой закомплексованности. Эккарт давал и рекомендовал ему книги, наводил на него внешний лоск, поправлял его речи и открыл ему немало дверей — какое-то время в Мюнхене они были неразлучны. Еще в 1919 году Эккарт в одном превосходно архаически стилизованном стихотворении предсказал появление спасителя нации, «парня, — как писал он в другом месте, — который может слушать пулемет. Чтобы подонки от страха наложили в штаны. Офицер мне не нужен, народ их больше не уважает. Лучше всего, чтобы это был рабочий с хорошо подвешенным языком... Много ума ему не надо, политика — это самое глупое дело на свете». Тот, у кого есть всегда «сочный ответ» красным, для него милее, нежели «дюжина ученых профессоров, которые, теряясь от страха, сидят на мокрой заднице фак-

---

[26] «Auf gut deutsch» — «На хорошем немецком». — *Прим. науч. ред.*

[27] Из сообщения Генриха Дербахера о встрече с Дитрихом Эккартом в январе 1920 года, архив Антона Дрекслера, см.: *Deuerlein E.* Aufstieg. S. 104; а также с дальнейшими цитатами: *Nolte E.* Faschismus in seiner Epoche. S. 403.

тов». И, наконец, он восклицает: «Это должен быть холостяк! Тогда у нас будут бабы!» Не без восхищения глядит он на Гитлера как на олицетворение этой модели и уже в августе 1921 года впервые называет его в одной статье в «Фёлькишер Беобахтер» «фюрером». Он был и автором одной из первых боевых песен НСДАП — «На штурм, на штурм, на штурм!», в которой заключительная строка каждой строфы звучала рефреном и послужила партии ее самым действенным лозунгом: «Пробудись, Германия!». По мнению Гитлера, выраженному в одном его хвалебном выступлении, Эккарт «писал стихи так же прекрасно, как Гёте». И он будет публично называть поэта своим «старшим товарищем», а себя — его учеником; и представляется, что Эккарт, наряду с Розенбергом и прибалтийскими немцами, оказывал на него в ту пору самое сильное влияние. Одновременно он же, очевидно, впервые открыл Гитлеру глаза на его собственное значение. Второй том книги «Майн Кампф» заканчивается набранной вразрядку фамилией поэта[28].

Успех Гитлера в мюнхенском высшем свете, куда ввел его Эккарт, едва ли можно объяснить политическими мотивами. Родившаяся в Америке фрау Ганфштенгль одной из первых открыла ему двери в свой салон, где собиралось изысканное богемное общество из писателей, художников, исполнителей Вагнера и профессоров. Для этой традиционной либеральной прослойки странный тип молодого народного трибуна с немыслимыми взглядами и угловатыми манерами был скорее предметом отстраненного интереса. Он фыркал по поводу «ноябрьских предателей» и подслащивал вино в своем бокале ложечкой сахара — может быть, эти шокирующие черты как раз и умиляли хозяев. Его окружала аура фокусника, запахи цирка и трагического ожесточения, яркий блеск «пресловутого чудовища». Контактным элементом тут было искусство, в первую очередь Рихард Вагнер, о котором он любил восторженно распространяться длинными, запинающимися речами. Под знаком Мастера из Байройта и завязывались, совершенно вне всякой логики, интересные контакты — он был все тем же «братцем Гитлером», только сбежавшим в поисках приключений в сферу политики. Все описания этого времени, которыми мы располагаем, представляют собой смешанную картину его эксцентрических и неуклюжих черт; в присутствии людей с репутацией

[28] *Wiedeburg P.H.* Dietrich Eckart (Dissertation Eriangen). Hamburg, 1939, см.: *Nolte E.* Faschismus in seiner Epoche. S. 404. Относительно сравнения с Гёте см.: *Schirach B. v.* Ich glaubte an Hitler. S. 24.

Гитлер чувствовал себя скованным, замкнутым и не лишенным подобострастия. В одной из бесед с Людендорфом, состоявшейся в ту пору, он после каждой фразы генерала приподнимался со стула, чтобы почтительнейше сказать: «Так точно, ваше превосходительство!» или «Я согласен с вами, Ваше превосходительство!»[29].

Эта неуверенность, мучившее его чувство неустроенности в буржуазном обществе сохранилось у него надолго. Если верить имеющимся свидетельствам, он изо всех сил старался обратить на себя внимание — приходил с опозданием, его букеты были больше, а поклоны глубже, чем принято; периоды угрюмого молчания сменялись вдруг истеричным словоизвержением. Голос его был резким, и даже о незначительных вещах он тоже говорил со страстью. Как-то, рассказывает один очевидец, он молча и устало просидел почти час, пока хозяйка не обронила какое-то благоприятное замечание о евреях. И тут «он начал говорить. И говорил, и говорил без конца. Через какое-то время он отодвинул стул и встал, продолжая говорить или, лучше сказать, кричать, причем таким пронзительным голосом, какого я никогда больше не слышал ни у одного другого человека. В соседней комнате проснулся ребенок и начал плакать. После того как он более получаса произносил эту весьма забавную, но очень одностороннюю речь о евреях, он вдруг остановился на полуслове, подошел к хозяйке, извинился и, поцеловав ей руку, распрощался»[30].

Страх оказаться на дне, явно преследовавший его, отражал непоправимо утраченную связь бывшего обитателя ночлежки с буржуазным обществом. И в его одежде долго и неизбывно ощущался дух мужского общежития. Когда Пфеффер фон Саломон[31], ставший позже руководителем его Штурмовых отря-

---

[29] *Strasser O.* Mein Kampf. S. 17. О восторженных салонных речах Гитлера о музыке Вагнера автору говорил Эрнст Ганфштенгль. См. также: *Hoffmann H.* Hitler Was My Friend. P. 202.

[30] Heiden K. Hitler, a Biography. Цит. по: *Bullock A.* Op. cit. S. 78 f.

[31] Отставной капитан Франц Феликс Пфеффер фон Заломон (19.2.1888—12.4.1968) в 1918—1920 годах командовал созданным им соединением Добровольческого корпуса «Пфеффер», участвовал в боях с коммунистами в Руре, на Балтике, в Верхней Силезии, в Литве. В марте 1920 года принял участие в Капповском путче, за что был уволен из армии. В 1925—1926 годах — гаулейтер и руководитель СА Вестфалии. С 1 ноября 1926 года — Верховный руководитель СА. В результате конфликта с Гитлером 29 августа 1930 года снят с поста. — *Прим. науч. ред.*

дов, встретился с ним впервые, на Гитлере была старая визитка, желтые кожаные башмаки и рюкзак за спиной. Командир Добровольческого корпуса так растерялся, что даже отказался познакомиться с ним. Ганфштенгль вспоминал, что Гитлер носил с синим костюмом фиолетовую рубашку, коричневую жилетку и ярко-красный галстук, а оттопыривавшийся задний карман выдавал присутствие в нем автоматического оружия[32]. Только со временем Гитлер научился определять свой стиль, соответствовавший его представлению о великом народном трибуне, — вплоть до его авантюрного кителя. И эта картина тоже выдает его глубокую неуверенность, объединяя в себе откровенно бросающиеся в глаза элементы и цитаты из того давнего видения на тему «Риенци», из Аль Капоне и генерала Людендорфа. Но уже в описаниях того времени всплывают сомнения: а не стремился ли он использовать эту свою неуверенность и не превращал ли свои неуклюжие повадки в средство, чтобы лучше подать себя? Во всяком случае, было такое впечатление, что он меньше руководствовался желанием показаться приятным, нежели стремлением заставить о себе говорить.

Историк Карл Александр фон Мюллер встречался с ним в это время становления его самосознания политика у Эрны Ганфштенгль, «за чашкой кофе, в связи с пожеланием аббата Альбана Шахлейтера познакомиться с ним; моя жена и я были тут декорацией. Мы все сидели уже вчетвером за стоявшим у окна полированным столом красного дерева, когда зазвонил дверной колокольчик; через открытую дверь было видно, как в узком коридоре он вежливо, чуть ли не подобострастно, поздоровался с хозяйкой, как он повесил свой хлыст, велюровую шляпу и макинтош и в заключение снял с себя ремень с револьвером и тоже пристроил на вешалку. Выглядело это курьезно и напоминало Карла Мая. Все мы тогда еще не знали, насколько каждая из этих мелочей в одежде и поведении уже тогда была рассчитана на эффект, точно так же как и его вызывающе коротко подстриженные усики, более узкие, чем нос с некрасивыми широкими ноздрями... В его взоре читалось уже сознание успеха у публики, но в нем все еще оставалось что-то неуклюжее, и было неприятное ощущение, что он это чувствует и обижается на того, кто это замечает. И лицо

---

[32] *Hanfstaengl E.* Zwischen Weissem und Braunem Haus. S. 128; а также: *Lüdecke K.G.* W. I knew Hitler. P. 98.

его было по-прежнему худым и бледным, почти страдальческим. Только водянисто-синие глаза навыкате смотрели иной раз с неумолимой твердостью, а над переносицей между глубокими глазницами скапливалась, почти выпячиваясь наподобие желвака, фанатичная воля. И в этот раз сам он говорил очень мало, а большую часть времени с подчеркнутым вниманием слушал»[33].

Вместе с интересом, который он стал вызывать, появились женщины, окружавшие его вниманием, — главным образом немолодые дамы, которые угадывали за судорогами и комплексами начинающего популярного трибуна определенные щекотливые обстоятельства и инстинктивно делали вывод о наличии напряженности, чтобы ее снимать умелой рукой. Сам Гитлер будет потом иронизировать по поводу тех женщин, что столь докучали ему своими материнскими заботами. Была, например, одна, «чей голос садился от волнения, когда я обращался к какой-нибудь другой женщине всего лишь с парой слов»[34]. Своего рода домашний очаг обрел он у вдовы одного штудиендиректора, «мамочки» Каролы Гофман, в мюнхенском пригороде Золлн. Двери своего дома открыла перед ним и происходившая из старой европейской аристократии супруга издателя Брукмана, выпустившего труды Хьюстона Стюарта Чемберлена, равно как и жена владельца фабрики пианино Бехштейна[35], которая говорила: «Я хотела бы, чтобы это был мой сын», и позднее, дабы получить возможность посещать его в тюрьме, выдавала себя за его приемную мать[36]. Все они, их дома, их компании расширяли пространство вокруг него и делали ему имя.

В партии же он, напротив, продолжает находиться в окружении недалеких представителей среднего сословия и полууголовных громил, отвечающих его глубоко укоренившейся потребности в агрессии и физическом насилии. Среди немногих друзей, с кем он на «ты», Эмиль Морис — типичный

---

[33] *Müller K.A. v.* Im Wandel einer Welt. Erinnerungen. Bd. 3. S.129.

[34] Tischgespräche. S. 193; г-жу Гофман, однако, Гитлер решительно исключает из числа тех, кто докучал ему своей ревностью.

[35] Имеется в виду Эдвин Бехштейн (11.2.1859—15.9.1934), совладелец известной фирмы по производству роялей — «Bechstein Pianofortefabrik AG»; сын основателя фирмы Карла Бехштейна. Его жена —Хелена, урожденная Капито (21.5.1876—20.4.1951). — *Прим. науч. ред.*

[36] См.: *Heiden K.* Hitler. Bd. 1. S. 130 ff. 352.

любитель потасовок в пивных залах, толстобрюхий Кристиан Вебер — бывший барышник, работавший теперь вышибалой в третьеразрядной пивной и ходивший, как и Гитлер, с хлыстом. Кроме того, в этот узкий круг, являвшийся одновременно и его лейб-гвардией, входят ученик мясника Ульрих Граф и Макс Аманн — бывший фельдфебель Гитлера, тупой и послушный его сторонник, который станет вскоре управляющим делами партии и директором ее издательства[37]. Эта шумная и преданная своему лидеру компания постоянно окружает Гитлера. Вместе с ними он идет вечером после очередного мероприятия в «Остерию Бавария» или в «Братвурстглекль» близ церкви Фрауенкирхе, с ними он просиживает часами в разговорах за кофе и пирожными в кафе «Хек» на Галериштрассе, где ему оставляют столик в глубине помещения, откуда можно хорошо наблюдать за залом, а самому оставаться незамеченным. Сызмальства страдая от одиночества, он все время нуждается в людях вокруг себя — слушателях, охранниках, прислуге, шоферах, но также и в людях, с которыми можно поговорить, любителях искусства и рассказчиках анекдотов, таких, как фотограф Генрих Гоффман[38] или Эрнст Ганфштенгль по прозвищу «Путци»[39]. Они и придавали его «двору» облик «мира богемы и стиля кондотьеров»[40]. Гитлер не возражал, когда его величали «мюнхенским королем», и только поздней ночью добирался до своей меблированной комнаты на Тирштрассе.

---

[37] Макс Аманн стал управляющим делами НСДАП в 1921 году, а в 1922 году возглавил центральное издательство НСДАП «Эхер-Ферлаг». — *Прим. науч. ред.*

[38] Генрих Гоффман (12.9.1885—16.12.1957) был популярным фотографом и владельцем собственного фотоателье в Мюнхене. В апреле 1920 года он вступил в НСДАП и стал ревностным сторонником Гитлера. Долгое время Гоффман был единственным, кому Гитлер разрешал фотографировать себя в неформальной обстановке. — *Прим. науч. ред.*

[39] Эрнст Франц Зедвик Ганфштенгль (1887—6.11.1975) был сыном преуспевающего торговца произведениями искусства и американки. Окончил Гарвардский университет в США. В Мюнхене сблизился с Гитлером и ввел его в мюнхенские культурные круги. После провала «Пивного путча» оказывал финансовую поддержку лично Гитлеру, стал его постоянным спутником. В марте 1937 года, почувствовав, что его положение пошатнулось, Ганфштенгль покинул Германию и уехал в США. — *Прим. науч. ред.*

[40] *Broszat M.* Der Staat Hitlers. S. 66.

Отец Адольфа Гитлера — Алоис Гитлер в форме таможенного чиновника

Мать Адольфа Гитлера — Клара Гитлер, урожденная Пёльцль

Дом, где родился Адольф Гитлер

Шестнадцатилетний Гитлер
на рисунке своего одноклассника

Ефрейтор Гитлер в годы Первой мировой войны

Гитлер (крайний слева в нижнем ряду) среди однополчан

Благодаря фронту было обретено и легитимировано право Гитлера иметь решающий политический голос, равно как и право на политических приверженцев. Гитлер (крайний слева) в землянке на Западном фронте

Гитлер (стоит в центре) в лазарете в Беелитце. 1916 г.

Пивной погребок «Штернэкерброй» в Мюнхене,
где Гитлер в 1920 году провозгласил создание
Национал-социалистической Рабочей парии

Пивная «Хофбройхаус» в Мюнхене

Nr.

Waffen-Schein.

Herr Adolf Hitler

Stand Schriftsteller

geb. 20.4.89 in Braunau a. I.

wohnhaft Thierschstr. 41/I

ist berechtigt zum Besitz und Tragen folgender Waffen nebst Munition:

Eine Pistole

München, den 26. Nov. 1921

Bayer. Polizeidirektion.

Gültig bis

Geb.

Geb. Bez.

Разрешение на ношение оружия,
выданное Гитлеру баварской полицай-директорией

Гитлер в Ландсбергской тюрьме

Мюнхен в 1925 году

Franz Eher Nachf. G. m. b. H.

Deutschvölkische Verlagsbuchhandlung

Fernruf 20047 • München • Thierschstraße 15

4½ Jahre Kampf

gegen Lüge, Dummheit und Feigheit

Eine Abrechnung von Adolf Hitler

Leitspruch

„Zu meinem Volk gehörig wird der achten lernen, der Arbeiter der Stirne den Arbeiter der Faust und umgekehrt. Keiner von beiden bestände ohne den anderen. Aus ihnen heraus muß sich ein neuer Mensch kristallisieren: Der Mensch des kommenden Deutschen Reiches!"

Рекламная листовка «Франц Эхер Ферлаг» с названием книги А. Гитлера «Майн кампф»: «Четыре с половиной года борьбы против лжи, глупости и трусости»

Гитлер на церемонии освящения штандартов партийных военизированных организаций (в данному случае НСКК)

Гитлер во время смотра штурмовиков на III Дне партии;
Нюрнберг, 1927 г.
Слева направо: Генрих Гиммлер, Рудольф Гесс, Грегор Штрассер,
Адольф Гитлер, Франц Пфеффер фон Саломон

День партии в Нюрнберге. 1927 г.

Гитлер беседует с кронпринцем Вильгельмом,
сыном свергнутого кайзера

Гитлер на отдыхе около Берхтесгадена в конце 1920-х годов

Штурмовики прикрепляют предвыборный плакат Гитлера к двери сарая

Немцы у столба с предвыборным плакатом:
«Наша последняя надежда — Гитлер». 1932 г.

Гитлер и Гели Раубаль, его хорошенькая, недалекая и экзальтированная племянница

Гитлер с собакой. 1925 г.

Гитлер произносит предвыборную речь. 1932 г.

Геббельс, Гитлер и Папен на съезде в Штуттгарте. 1933 г.

Геббельс был до онемения поражен силой внушения, исходившей от Гитлера

Наиболее колоритной фигурой его окружения был молодой Герман Эссер[41]. До того он практиковался в редакции газеты и служил референтом по печати в войсковой команде рейхсвера. Кроме Гитлера это был единственный талантливый демагог, которым располагала в то время партия, «мастер устраивать шумиху, умеющий это делать чуть ли не лучше Гитлера... оратор-дьявол, хоть и из ряда разрядом пониже». Умный и ловкий, он умел составлять общепонятные и образные формулировки и представлял собой тип бульварного журналиста, неутомимого в сочинении историй, разоблачающих приватную жизнь евреев и спекулянтов. Добропорядочные мелкие буржуа в рядах партии стали вскоре упрекать его в присущем его компаниям «тоне свинопаса»[42]. Еще будучи школьником в Кемптене, он призывал совет солдатских депутатов поднять на штыки кое-кого из буржуев. Вместе с Дитрихом Эккартом он был одним из первых и самых рьяных творцов мифа о Гитлере. Сам же Гитлер порой не очень жаловал своего радикального соратника и, если верить источникам, не раз заявлял, «что Эссер — негодяй» и что он «будет держать его до тех пор, пока он нужен».

В каком-то отношении Эссер был схож со школьным директором из Нюрнберга Юлиусом Штрейхером, заставившим го-

---

[41] Герман Эссер (29.7.1900—7.2.1981) после войны сначала примкнул к социалистическому движению, журналист в крайне левой прессе. В 1919 году вступил в Немецкую рабочую партию. С 1920 года — редактор «Фёлькишер Беобахтер». В 1923—1925 годах — имперский руководитель пропаганды находившейся на полулегальном положении НСДАП. В 1926 году Эссер поссорился со Штрейхером. Гитлер выступил в поддержку Штрейхера и запретил Эссеру называть его на «ты», в ответ Эссер пригрозил раскрытием партийных секретов и добился своего назначения на должность редактора «Иллюстриртен Беобахтер» (1926—1932). После прихода НСДАП к власти занимал ряд крупных постов в Баварии: министр экономики Баварии, шеф баварской имперской канцелярии, председатель ландтага. В марте 1935 года в результате конфликта с А. Вагнером снят с руководящих постов в правительстве Баварии. С 1936 года — президент Имперского объединения иностранного туризма, с декабря 1939 года — вице-президент Рейхстага. — *Прим. науч. ред.*

[42] Выражение из появившейся 20 июля 1921 года анонимной листовки внутрипартийной фронды, оттуда же взята и следующая цитата — приписываемое Гитлеру высказывание об Эссере. Листовка опубликована в книге: *Franz-Willing G.* Op. cit. S. 117. Оценку Эссера как «оратора-дьявола» см.: *Heiden K.* Geschichte. S. 27.

ворить о себе как об апологете порнографического махрового антисемитизма и казавшимся одержимым в своих безудержных фантазиях насчет ритуальных убийств, еврейского сластолюбия, мирового заговора, кровосмешения и всепоглощающего маниакального представления о черноволосых похотливых бесах, сопящих над непорочной арийской женской плотью. Конечно, Штрейхер был ограниченнее и глупее, но в плане локальной эффективности он мог даже соперничать с Гитлером, к которому относился поначалу с нескрываемой враждебностью. Кое-какие факты говорят в пользу того, что вождь мюнхенской НСДАП так обхаживал Штрейхера не только потому, что хотел использовать его популярность в собственных целях, но и потому, что чувствовал себя связанным с ним одними и теми же комплексами ненависти и бредовыми представлениями. И он до самого конца, всем нападкам вопреки, сохранит лояльность по отношению к «фюреру франконцев» и скажет уже во время войны, что хотя Дитрих Эккарт как-то и сказал, что Штрейхер кое в чем идиот, но обвинения в адрес «Штюрмера»[43] он разделить не может: «на деле Штрейхер еврея идеализировал»[44].

В противоположность этим личностям, придававшим партии, несмотря на все ее стремление к массовости, характер кружка и державшим ее в тисках пошлости и обывательщины, капитан авиации Герман Геринг, последний командир легендарной истребительной эскадры «Рихтхофен», привнес в окружение Гитлера определенный светский акцент, олицетворявшийся до того одиноким, презрительно стоявшим выше всего этого антуража «Путци» Ганфштенглем. Этот жизнерадостный человек с широко расставленными ногами и зычным голосом был свободен от отталкивающих психологических черт, отличавших, как правило, гитлеровских приближенных. Он пришел в партию, потому что она обещала удовлетворить его потребность в свободе, активности и товариществе, а отнюдь не из-за, как он подчеркивал, «идеологической чепухи». Он немало попутешествовал по свету, имел самые широкие связи и, появляясь со своей привлекательной женой-шведкой[45], словно бы

---

[43] «Штюрмер» («Der Stürmer» — «Атакующий» или «Нападающий») — антисемитская полупорнографическая газета, издававшаяся Штрейхером. — *Прим. науч. ред.*

[44] Libres propos. P. 151.

[45] Карин фон Канцлов, урожденная Фок (1889—17.10.1931) в 1921 году бросила свою первую семью и уехала к Герингу. Брак они зарегистрировали только 3 февраля 1923 года. — *Прим. науч. ред.*

открывал изумленной партии глаза на то, что люди живут не только в Баварии. По своим авантюристическим наклонностям он был схож с Максом Эрвином фон Шойбнер-Рихтером[46], авантюристом с бурным прошлым и богатым даром устраивать выгодные закулисные сделки. Не в последнюю очередь именно благодаря его умению раздобыть денежные средства у Гитлера и не было в первые годы забот с материальным обеспечением своей активности; согласно записи в одном официальном документе, Шойбнер-Рихтеру удалось раздобыть «колоссальные суммы денег»[47]. Он был личностью, окутанной тайной, но при всем при том широко принимался в обществе, знал несколько языков и имел многочисленные связи среди промышленников, с королевским домом Виттельсбахов, с великим князем Кириллом Владимировичем и церковными иерархами. Его влияние на Гитлера было огромным, и он был единственным из сподвижников Гитлера, погибших 9 ноября 1923 года у Фельдхеррнхалле, кого тот считал незаменимым.

Шойбнер-Рихтер входил в число тех немногих прибалтийских немцев, которые вместе с русскими эмигрантами-радикалами имели немалое влияние в рядах НСДАП в начальный период ее становления. Гитлер потом шутливо заметит, что «Фёлькишер Беобахтер» тех лет следовало бы, собственно говоря, снабдить подзаголовком «Прибалтийское издание»[48]. Розенберг познакомился с Шойбнер-Рихтером еще в Риге, когда, будучи молодым и не интересовавшимся политикой

---

[46] Макс Эрвин фон Шойбнер-Рихтер родился 9 января 1884 года в Риге, в составе отрядов самообороны участвовал в боях с восставшими во время революции 1905—1907 годов. В декабре 1910 года переехал в Мюнхен. После женитьбы взял фамилию жены и получил право пользоваться дворянской приставкой «фон». В 1914 году поступил добровольцем в кавалерию. В 1916 году вернулся в Мюнхен и закончил учебу в Высшей технической школе. В конце 1920 года организовал русско-германский народный фронт «Возрождение» («Aufbau»), в котором пытался объединить правое крыло русской эмиграции. Весной 1921-го организовал в Бад-Рейхенхалле съезд русских монархистов. Был одним из главных инициаторов «Пивного путча» 1923 года. — *Прим. науч. ред.*

[47] Из протокольной записи государственного Министерства иностранных дел, где в параграфе III подробно описываются денежные средства и источники финансирования будущего «Кампфбунда», чьим делопроизводителем и добытчиком денег был Шойбнер-Рихтер; см.: *Deuerlein E.* Der Hitler-Putsch. S. 386 ff.

[48] Hitler's Table Talk. P. 665.

студентом, занимался Шопенгауэром, Рихардом Вагнером, проблемами архитектуры и индийскими практиками. И, только русская революция создала у него новое видение мира, носившее равно и антибольшевистские, и антисемитские черты. Она стала источником представлений об ужасах, что перенял у него Гитлер. С тех пор Розенберг считался в партии специалистом по России. В частности, ему принадлежит и тезис о тождественности коммунизма и всемирного еврейства, который «главный идеолог НСДАП» (его влияние, правда, часто сильно преувеличивают) добавил к миропониманию Гитлера. Надо полагать, он немало способствовал тому, что Гитлер снял свое первоначальное требование о возврате колоний и стал искать удовлетворения немецких притязаний на жизненное пространство на просторах России[49]. Но тут-то и разошлись пути между прагматичным, ориентировавшим идеологию исключительно на захват власти Гитлером и чудаковатым Розенбергом, защищавшим свои мировоззренческие постулаты с прямо-таки религиозной истовостью и начавшим, примешивая порой сюда разного рода фантазии, превращать их в идейные системы немыслимой абсурдности.

Всего через год после провозглашения программы партия уже могла похвастаться немалыми успехами. В Мюнхене она провела более сорока мероприятий и почти столько же по всей Баварии. Были образованы или взяты под контроль местные организации в Штарнберге, Розенхейме и Ландсхуте, а также в Пфорцхейме и Штутгарте. Число членов выросло за это время более чем в десять раз. О том, какое значение имела теперь партия внутри движения «фёлькише», свидетельствует письмо, направленное в начале февраля 1921 года «братом Дитрихом» из «Мюнхенского ордена германцев» одному своему единомышленнику в Киле: «Покажите мне хоть одно место, — говорится в нем, — где в течение одного года ваша партия провела бы 45 массовых митингов. Ортсгруппа в Мюнхене насчитывает сегодня свыше 25 000 членов и около 45 000 сторонников. Насчитывает ли хоть одна из ваших местных групп хотя бы примерно столько же?» Далее в письме говорится, что его автор связывался с братьями по ордену в

---

[49] См. по этому вопросу: *Schubert G.* Op. cit. S. 125 f., где приведены многочисленные источники; в то же время см.: *Nolte E.* Faschismus in seiner Epoche. S. 404. Э. Нольте считает, что Дитрих Эккарт обладал куда более сильным влиянием.

Кёльне, Вильгельмсхафене и Бремене, «все считают... что партия Гитлера — это партия будущего»[50].

Это восхождение происходило на фоне вступавших в силу и все более воспринимавшихся как унижение положений Версальского договора, приводивших к стремительному обесцениванию денег и кризису экономики. В январе 1921 года конференция союзников по репарациям приняла решение об общей сумме возмещения ущерба — 226 миллиардов золотых марок, которые страна обязана выплатить в течение 42 лет, и помимо этого о поставке в те же сроки 12 % германского экспорта. В ответ на это патриотические союзы, дружины гражданской самообороны и НСДАП созвали в Мюнхене на площади Одеонсплац митинг протеста, в котором приняли участие 20 000 человек. Поскольку организаторы этого мероприятия отказались дать на нем слово Гитлеру, он, недолго думая, собрал на следующий вечер свой собственный митинг. Дрекслер и Федер, будучи людьми осмотрительными, считали, что тут уж он окончательно утратил меру и разум. По улицам разъезжали грузовики с флагами, громкоговорителями и спешно нарисованными плакатами, призывавшими жителей Мюнхена собраться 3 февраля в цирке «Кроне». Объяснялось, что «господин Гитлер» будет говорить на тему «Будущее или гибель!» — такой же была и поставленная на карту этим его решением альтернатива для его собственной карьеры. Но когда он вошел в гигантский шатер цирка, тот был переполнен — 6500 человек бурно приветствовали его, а в конце запели национальный гимн.

С этого времени Гитлер только и ждет случая, чтобы стать хозяином партии, обязанной ему тем, чем она стала. Слабость времени к типу «сильного человека» играет ему на руку и отвечает его намерениям. Правда, в руководстве партии уже до того проявлялась иной раз озабоченность неуемной энергией его ответственного за пропаганду члена, а в записи в дневнике партии от 22 февраля 1921 года сказано: «Объяснить господину Гитлеру необходимость поубавить активность». Но когда Готфрид Федер в это же время пожаловался на становящиеся все более явными амбиции Гитлера, Дрекслер ответил ему, что «каждое революционное движение должно иметь диктаторскую голову, и потому я и считаю как раз нашего Гитлера наиболее подходящим для нашего движения и не

---

[50] Это письмо написано 8 февраля 1921 года, выдержки из него см.: *Franz-Willing G.* Op. cit. S. 103.

нахожу, что из-за этого меня оттесняют на задний план»[51]. А пять месяцев спустя Дрекслер обнаружит, что именно там он и оказался.

Подходящий случай дали в руки Гитлера обстоятельства, являвшиеся, как и его противники, на протяжении всей жизни его главными союзниками. Сочетая хладнокровие, хитрость и решимость, а также ту готовность пойти на больший риск даже для достижения ограниченных целей, которую он постоянно будет проявлять в критических ситуациях, ему удастся захватить власть в НСДАП и одновременно укрепить свои притязания на руководящую роль в движении «фёлькише».

Исходным пунктом летнего кризиса 1921 года явились переговоры, шедшие уже в течение нескольких месяцев с конкурирующими партиями «фёлькише», в частности с Немецкой социалистической партией, и имевшие своей целью установление более тесного сотрудничества между ними. Однако все попытки добиться согласия наталкивались на непримиримость Гитлера, который требовал ни больше ни меньше, как полного подчинения себе всех групп, причем не соглашался даже на их коллективное вступление в НСДАП. Он настаивал на том, чтобы все прежние союзы были распущены, а их члены приняты в партию в индивидуальном порядке. Неспособность Дрекслера хотя бы понять эту твердость Гитлера характеризует всю разницу между безусловным инстинктом власти у одного и тягой к сплочению у другого. Явно желая подтолкнуть своих противников в руководстве партии к необдуманному шагу, Гитлер в начале лета уезжает на полтора месяца в Берлин, оставив в Мюнхене в качестве наблюдателей Германа Эссера и Дитриха Эккарта, которые оперативно информируют его обо всем. Под влиянием некоторых единомышленников, стремившихся осадить этого «выскочку-фанатика» Гитлера[52], склонный к компромиссам и ничего не подозревавший Дрекслер действительно использовал это время для того, чтобы возобновить прерванные переговоры об объединении или хотя бы сотрудничестве всех правых социалистических партий.

---

[51] Упомянутое письмо, в котором Дрекслер высказывает мнение, что у него больше сторонников среди членов партии и поэтому «партии действительно не угрожает никакая опасность», см.: BAK NS 26/76.

[52] Высказывание Альфреда Бруннера в письме к единомышленнику в Билефельде, см.: *Franz-Willing G.* Op. cit. S. 100.

А в это время Гитлер выступает в «Национальном клубе» и завязывает контакты с консервативными и праворадикальными единомышленниками — он знакомится с Людендорфом и с графом Ревентловом, чья жена, урожденная графиня д'Аллемон, сводит его, в свою очередь, с бывшим руководителем Добровольческих корпусов Вальтером Стеннесом[53], представив его при этом как «грядущего мессию».

Сумасшедшая суета Берлина, пришедшая сюда в знаменитые 20-е годы, его легкомыслие и алчность дают гитлеровской антипатии к этому городу новую пищу — слишком уж сильно он контрастировал с мрачным характером Гитлера. Он охотно сравнивает царившую в столице атмосферу с Римом времен упадка. Только тогда, считает Гитлер, ослабление города было использовано «чужеродным христианством», а теперь моральным упадком Германии воспользовался большевизм. Речи Гитлера того времени кишат нападками на порочность большого города, коррупцию и разврат, представшие перед ним на сверкающем асфальте Фридрихштрассе или Курфюрстендамм. «Развлекаются и танцуют, чтобы забыть о нашей нужде, — с возмущением заявил он однажды, — ведь неслучайно придумывают все новые развлечения. Нас же хотят искусственно изнурить». Как когда-то семнадцатилетним юношей, приехав в Вену, стоял он и теперь растерянным и чужим перед феноменом большого города, потерявшись в его шуме, суматохе и суете. Собственно говоря, он чувствовал себя как дома только в провинции с ее неотъемлемым бидермейером, понятностью и моральной упорядоченностью. В ночной жизни он видит изобретение смертельного классового врага, систематическую попытку «ставить сами собой разумеющиеся гигиенические правила расы с ног на голову. Из ночи он [еврей] делает день, он организует эту пресловутую ночную жизнь и точно знает, что действует она медленно, но верно... [чтобы] разрушить одного физически, другого духовно, а в сердце третьего вложить ненависть, когда тот видит, как разгульно живут другие». Театры, продолжает он,

---

[53] Первую мировую войну Вальтер Стеннес (12.4.1895—15.5.1989) закончил в звании капитана. После демобилизации приглашен в Генштаб, но отказался и в 1921 года поступил на службу в полицию безопасности. В 1922—1923 годах — один из организаторов «черного рейхсвера», сотрудничал с военной разведкой. В 1923 году руководил формированием отрядов СА в Берлине-Бранденбурге и на севере Германии. — *Прим. науч. ред.*

«те места, которые человек по имени Рихард Вагнер хотел видеть затемненными, чтобы добиться высшей меры освященности и святости, и строгости, и... высвобождения индивидуума из-под всех нужд и бед», стали «рассадником порока и бесстыдства». В его глазах город наводнен сутенерами, а любовь, которая для «миллионов других означает высочайшее счастье», превратилась в товар, «в не что иное, как гешефт». Он обличает унижение семьи, разложение религии, говорит, что все распадается и компрометируется: «Тот, кто сегодня оказался внутри этого века самого низкого обмана и надувательства, для того остаются только две возможности — или отчаяться и повеситься, или стать подлецом»[54].

Как только находившийся в Берлине Гитлер узнал о самоуправстве Дрекслера, он немедленно вернулся в Мюнхен. А когда комитет НСДАП, обретший за это время энергию и самоуверенность, потребовал от него оправдаться в своем поведении, Гитлер прореагировал на это неожиданным драматическим жестом —11 июля он заявил о своем выходе из партии. Написанное им три дня спустя многословное послание содержит многочисленные упреки, а также поставленные в форме ультиматума условия, при которых он соглашался вернуться в партию. В частности, он требует отставки членов комитета, требует «поста первого председателя с диктаторскими полномочиями», а также «очищения партии от проникших в нее чуждых элементов». Затем — запрещается изменение названия и программы партии, за мюнхенской НСДАП сохраняется абсолютное первенство, не допускается слияние с другими партиями, а возможно только их присоединение. И с безапелляционностью, в которой уже виден завтрашний Гитлер, он заявляет: «Компенсации с нашей стороны полностью исключаются»[55].

О том, до каких размеров выросли за это время авторитет и власть Гитлера, свидетельствует незамедлительное, датированное уже следующим днем ответное послание комитета. Не рискуя идти на обострение, комитет с робкими возражениями принимает все обвинения Гитлера, заявляет о своем подчинении и даже о готовности ввиду гнева Гитлера сделать козлом отпущения нынешнего председателя партии Антона

[54] См. прежде всего речи Гитлера: VJHfZ, 1963. H. 3. S. 289 ff.; VJHfZ, 1968. H. 4. S. 412 ff.

[55] Ebd. S. 107 ff. Там же приводится и ответное послание комитета.

Дрекслера. В решающем пассаже послания, где впервые слышится византийский тон последующей практики обожествления, говорилось: «Комитет готов в порядке признания Ваших колоссальных познаний, Ваших достигнутых редкой самоотверженностью и на общественных началах заслуг в деле процветания движения и Вашего редкостного ораторского дара предоставить Вам диктаторские полномочия и будет очень рад, если Вы после Вашего возвращения в партию займете уже неоднократно и еще задолго до этого предлагавшийся Вам Дрекслером пост первого председателя. Дрекслер останется тогда в комитете на правах члена и если это отвечает Вашему пожеланию, то и членом исполкома. Если Вы сочтете необходимой для движения его полную отставку, то это должно быть заслушано на очередном годичном собрании».

Насколько завязка и кульминация этой аферы уже позволяют распознать будущее умение Гитлера направлять и решать кризисные ситуации, настолько ее развязка продемонстрировала и всегдашнее «умение» Гитлера, теряя чувство меры, разрушать уже достигнутый триумф. Как только комитет заявил о своем подчинении, Гитлер, дабы насладиться этой победой, самочинно собирает чрезвычайное общее собрание. Но тут уж склонный к компромиссу Дрекслер больше не хочет уступать. 25 июля он приходит в VI отдел мюнхенской полицай-дирекции и обращается с жалобой: лица, подписавшие призыв к созыву собрания, не являются членами партии и, следовательно, неправомочны собирать ее членов. Далее он указал на то, что Гитлер планирует насильственную революцию, в то время как сам он собирается осуществлять цели партии законным, парламентским путем. Однако в полицай-дирекции заявили, что эти вопросы находятся вне их компетенции. Одновременно была распространена анонимная листовка, в которой Гитлер был назван предателем. «Властолюбие и личное тщеславие», говорилось в ней, обернулось тем, что он стал «вносить разброд и шатания в наши ряды и тем самым лить воду на мельницу еврейства и его пособников», он намеревается «использовать партию как трамплин для своих нечистых целей», и нет никаких сомнений в том, что он является инструментом темных закулисных заправил, недаром же он в страхе скрывает от всех свою личную жизнь и свое происхождение. «На вопросы со стороны отдельных членов, на что же он, собственно, живет и кем он раньше работал, он всякий раз реагировал гневно и возбужденно... Так что его совесть не может быть чиста, тем более

что его выходящие за все рамки связи с женщинами, перед которыми он уже не раз называл себя «мюнхенским королем», стоят очень много денег». А один плакат, чье тиражирование, правда, не было разрешено полицией, обвинял Гитлера в «болезненной мании власти» и заканчивался призывом: «Тиран должен быть свергнут»[56].

Только благодаря посредническому вмешательству Дитриха Эккарта ссору удалось уладить. Чрезвычайное общее собрание партии 29 июля 1921 года поставило точку в этом кризисе, и Гитлер не мог лишить себя возможности продемонстрировать свою победу. Хотя Дрекслер воспользовался выходом Гитлера из партии, чтобы формально исключить из НСДАП Германа Эссера, Гитлеру удалось добиться, чтобы собрание шло под председательством этого его приспешника. Встреченный «нескончаемыми аплодисментами», он сумел так представить суть разногласий, что получил одобрение зала — из 554 присутствующих за него голосовали 553. Дрекслеру пришлось довольствоваться должностью почетного председателя, в то время как устав был изменен в угодном Гитлеру духе. В комитет включили только его сторонников, а сам он стал председателем с диктаторскими полномочиями — теперь НСДАП была в его руках.

Уже в тот же вечер в цирке «Кроне» Герман Эссер торжественно назвал Гитлера «нашим фюрером». Тот же Эссер с прямо-таки религиозной страстью стал активно проповедовать в ресторациях и пивных залах тот миф о фюрере, который одновременно начал, планомерно наращивая обороты, раздувать в «Фёлькишер Беобахтер» и Дитрих Эккарт. Уже 4 августа он опубликовал портрет Гитлера — «бескорыстного, самоотверженного, беззаветного и честного» человека, о котором в следующем предложении говорится, что он еще и «целеустремленный и бдительный». Несколько дней спустя в том же месте появился еще один портрет, добавлявший в преимущественно мужественные контуры нарисованного Эккартом образа внеземные черты иконописного лика. Он принадлежал перу Рудольфа Гесса и восславлял «чистейшие чаяния»

---

[56] Эскиз плаката был подписан Бенедиктом Зеттеле, одним из противников Гитлера по комитету — кстати, тем самым, кого сначала подозревали в авторстве анонимной листовки. В действительности ее автором, как выяснилось позднее, был коммерсант Эрнст Эреншпергер. См. по всему комплексу вопросов: *Franz-Willing G.* Op. cit. S. 114 ff.

Гитлера, его силу, его ораторский дар, его поразительные знания, а также его ясный ум. До каких утрированных утверждений доходит за очень короткий срок размах пропаганды культа Гитлера, свидетельствует работа, за которую примерно год спустя в конкурсе на тему «Каким должен быть человек, который снова приведет Германию к величию?» Рудольф Гесс получил первую премию. В основу своего сочинения Гесс кладет образ Гитлера и пишет:

«Глубокие знания во всех сферах государственной жизни и истории, способность извлекать из этого уроки, вера в чистоту своего дела и в конечную победу, неукротимая сила воли придают мощь его зажигательной речи, которая заставляет массы рукоплескать ему. Ради спасения нации он не гнушается использовать оружие противника, демагогию, лозунги, демонстрации и т.д... У него самого нет ничего общего с массой, весь он — личность, как подлинно великий человек.

Когда этого требует нужда, он не остановится перед тем, чтобы пролить кровь. Великие вопросы всегда решаются кровью и железом... У него перед глазами одно и только одно — достижение своей цели, даже если для этого приходится шагать по самым близким друзьям...

Вот каким видится нам образ диктатора — с острым разумом, ясного и правдивого, страстного и в то же время владеющего собой, холодного и смелого, целенаправленно принимающего взвешенные решения, не знающего преград в их быстром исполнении, безжалостного к себе и к другим, немилосердно твердого и в то же время нежного в любви к своему народу, не ведающего устали в труде, с железным кулаком в бархатной перчатке, способного, наконец, победить самого себя.

Пока мы еще не знаем, когда произойдет его спасительное вмешательство. Но то, что оно грядет, чувствуют миллионы»[57].

Сразу же вслед за покорением партии, 3 августа 1921 года, было объявлено о создании Штурмовых отрядов — СА (SA; Sturmabteilungen) — первоначально первая буква в этом сокращении расшифровывалась как «спортивные» (Sportabteilung), либо Schutzabteilung — «охранные». Еще внутрипартийная фронда упрекала Гитлера в том, что он создал для себя оплачиваемую гвардию охранников из числа бывших членов Добровольческих корпусов, уволенных оттуда за «воровство и гра-

---

[57] См.: *Rudolf Hess.* Der Stellvertreter des Führers. B., 1933. S. 9 ff. Книга вышла без указания автора в серии «История современности».

бежи»[58]. Однако СА нельзя понимать ни как квинтэссенцию инстинктов насилия, стимулированных войной и по-прежнему рассчитывающих на звучное прикрытие, ни как инструмент вынужденной обороны правых от сходных террористических формирований противника — хотя эти соображения и играли первоначально важную роль. Действительно, в лагере левых существовали боевые вооруженные объединения, как, например, «Гвардия Эрхарда Ауэра» у социал-демократов, и имеются многочисленные документальные свидетельства о заранее спланированных акциях, направленных именно против НСДАП. «Мир марксизма, обязанный своим существованием террору более чем какое другое явление эпохи, прибегал к этому средству и в отношении и нашего движения», — так сформулирует Гитлер одно из главных соображений при создании СА[59].

Однако идея СА выходила далеко за пределы этих оборонительных целей. Штурмовые отряды были с самого начала задуманы как инструмент нападения и захвата, ибо Гитлер в то время мог мыслить себе «захват власти» исключительно как акт революционного насилия. В призыве к созданию СА говорилось, что они должны быть «тараном» и воспитывать своих членов как в духе безусловного подчинения, так и в духе некой революционной воли (какой именно не уточнялось). Согласно характерному представлению Гитлера, слабость буржуазного мира по сравнению с марксизмом объяснялась принципом разделения духа и насилия, идеологии и террора. В буржуазных условиях, как он заявлял, политику приходилось пользоваться исключительно духовным оружием, солдат же был полностью выключен из любой политики. А вот в марксизме, напротив, «дух и жестокое насилие образовывали гармонию», и СА должны были следовать этому. И в этом смысле он назвал СА в своем первом циркуляре по их формированию «не только инструментом для защиты движения, но и... в самую первую очередь начальной школой для грядущей борьбы за свободу внутри страны»[60]. А «Фёлькишер Бе-

---

[58] Слова первого управляющего делами партии Рудольфа Шлюсслера из заявления, сделанного им в полиции 25 июля 1921 года, см.: *Franz-Willing G.* Op. cit. S. 115.

[59] Из заявления Гитлера в прокуратуру от 16 мая 1923 года, см.: *Franz-Willing G.* Op. cit. S. 138.

[60] Цит. по: *Heiden K.* Geschichte. S. 82. См. также: *Hitler A.* Mein Kampf, S. 549 f.; далее: речь Гитлера в гамбургском Национальном клубе. In: *Jochmann W.* Im Kampf um die Macht. S. 84 f.

обахтер», исходя из этого, расхваливает их «дух беззаветной решимости».

Внешней предпосылкой для создания этой частной армии послужила ликвидация в июне 1921 года полувоенных дружин самообороны и последовавший месяц спустя роспуск возвратившегося из Верхней Силезии Добровольческого корпуса «Оберланд». Многочисленные члены этих формирований оказались одним ударом лишены чувства локтя, солдатской романтики, а значит, и всего смысла их жизни. Они присоединились к тем оставшимся не у дел ландскнехтам, молодым искателям приключений, что уже были в рядах НСДАП. Пришедшие с войны и войной сформированные, они вновь обретали в организованных по-военному СА — в званиях, командах, униформе — ту хорошо знакомую жизнь, которой им так недоставало в казавшейся лишенной общественных структур республике. Почти все они были выходцами из многочисленного слоя мелкой буржуазии, долго не имевшей в Германии возможностей для восхождения по общественной лестнице и только в годы войны, из-за больших потерь офицерского состава, выдвинувшейся на руководящие посты. Крепкие, с нерастраченными силами и жаждой действий, они полагали, что после войны их ожидает необыкновенная карьера. Однако положения Версальского договора не только заставили их пережить чувство национального унижения, но и отбросили назад в социальном плане — за учительские столы народных школ, за прилавки магазинов, за конторки учреждений, то есть в ту обыденную жизнь, которая казалась им банальной, жалкой и чуждой. И то же самое стремление уйти от установленных норм, что привело в политику Гитлера, вело теперь, в свою очередь, и их к Гитлеру.

Сам же Гитлер увидел в этих столь родственных ему по духу людях наиболее подходящий материал для воинственного авангарда движения. Он начал учитывать негативные чувства и энергию этих людей, их готовность к насилию в своих тактических соображениях по захвату власти. Его психологические максимы учитывали и то, что демонстрация облаченной в униформу готовности к насилию имеет не только запугивающий, но и притягательный эффект, а террор обладает способностью быть своего рода рекламой. «Жестокость импонирует, — так опишет он свое открытие, — люди нуждаются в целебном страхе. Они хотят чего-то бояться. Они хотят, чтобы их пугали, и чтобы они, дрожа от страха, кому-то подчинялись.

Разве вы не были повсюду свидетелем того, как после побоищ в залах те, кого избили, первыми вступали в партию? Что вы там болтаете о жестокости и возмущаетесь мучениями? Масса хочет этого. Ей нужно чего-то страшиться»[61].

С растущей уверенностью Гитлер будет все внимательнее следить за тем, чтобы за риторическими и литургическими средствами пропаганды не забывалась и рекламная роль акций грубого насилия. А один из его «унтерфюреров» выдвинул на одном собрании штурмовиков такой лозунг: «Бейте посильнее, а если одного-другого прикончите, то это не беда»[62].

И так называемое сражение в «Хофбройхаусе» 4 ноября 1921 года, ставшее легендой в истории СА, тоже было, очевидно, спровоцировано Гитлером именно из этих соображений. На один из организованных им митингов с явной целью сорвать его явилась боевая группа социал-демократов. Гитлер определял число противников семью или восьмью сотнями человек. А штурмовиков в тот день — из-за переезда штабквартиры партии в другое помещение — было всего пятьдесят. Гитлер потом сам опишет, как он своим страстным выступлением воодушевил этот сначала растерявшийся по причине своей малочисленности отряд. «Сегодня им вероятно впервые представится случай показать на деле, — сказал он им, — насколько они преданы нашему движению. Я заявил, что никто из нас не должен и не смеет покинуть зал собрания — разве что его вынесут оттуда мертвым. Я сказал им, что сам я во что бы то ни стало останусь в зале собрания и надеюсь, что никто из них меня не покинет. Если же я замечу, что кто-нибудь из них струсит, то я лично сорву с него повязку и отниму у него партийный значок. Затем я дал им приказ при первых же попытках внести беспорядок в собрание моментально наступать, памятуя, что наступление есть лучшая защита. Ребята ответили мне троекратным "Хайль"». Далее он рассказывает:

«Вслед за этим я попал в большой зал. Теперь я мог собственными глазами убедиться в том, какая создалась ситуация. Противники сидели густыми рядами и пытались пронзить меня

---

[61] *Rauschning H.* Gespräche. S. 81; по поводу следующей цитаты см. донесение PND от 9.11.1921. HA 65/1482.

[62] Командиры СА носили звания руководителей (фюреров) разного ранга — шарфюреры, штурмфюреры, штурмбанфюреры и т.д. — *Прим. науч. ред.*

уже одними взглядами. Многие из них смотрели на меня с нескрываемой ненавистью, а другие стали делать совершенно недвусмысленные замечания с мест. Сегодня нам "приходит конец", сегодня нам "раз навсегда" закроют рот; многие намекали на то, что нам прямо "выпустят кишки" и т.д. в том же духе. Господа эти слишком были уверены в своем перевесе сил и чувствовали себя соответствующим образом».

Полтора часа он, несмотря на все помехи, все же мог говорить и уже думал, что овладел положением, как вдруг кто-то вскочил на стул и закричал «Свобода!».

«В течение нескольких секунд весь громадный зал превратился в свалку. Кругом — дико ревущая толпа, над головами которой как снаряды летают бесчисленные глиняные кружки. Улюлюканье, крики и вопли, треск сломанных стульев, звон разлетающихся вдребезги кружек, словом ад!

Таков был этот сумасшедший спектакль...

Скандалисты еще не успели войти в роль, как мои штурмовики (так суждено было называться им с этого дня) уже перешли в наступление. Как стаи разъяренных волков устремились на них мои штурмовики, группируясь маленькими кучками по 8—10 человек. Немедленно мои молодцы стали выкидывать скандалистов из зала. Уже минут через пять со всех моих молодцов струилась кровь... В это время у входной двери по направлению к трибуне раздалось два револьверных выстрела, после чего поднялась бешеная пальба. Мое сердце старого солдата испытало настоящее удовольствие...

С момента начала боевых действий прошло примерно 25 минут. Теперь зал выглядел так, будто в нем только что разорвалась граната. Многим из моих сторонников пришлось сделать перевязки тут же на месте, других пришлось увезти в больницу. Но господами положения остались мы. Председательствовавший на этом собрании Герман Эссер встал и невозмутимо сказал: "Собрание продолжается. Слово имеет докладчик". И я продолжал»[63].

Действительно, начиная с этого дня слово — куда в более широком смысле — получил Гитлер. По его собственному свидетельству, с 4 ноября 1921 года улица уже принадлежала НСДАП, а с начала следующего года партия начинала все прочнее завоевывать и баварскую провинцию. По выходным проводились пропагандистские поездки по всей Баварии,

---

[63] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 564 ff.

штурмовики шумно маршировали — сначала только с нарукавными повязками, а потом уже в серых кителях, с заостренными палками в руках, — по населенным пунктам, все громче и увереннее распевая свои воинственные песни. Их вид, как заметит один из ранних сподвижников Гитлера, был «отнюдь не салонным», скорее это была «дикая и воинственная внешность»[64]. Они расклеивали транспаранты с лозунгами на стенах домов и фабрик, затевали потасовки с противниками, срывали черно-желто-красные флаги[65] либо устраивали по всем правилам военного искусства нападения на «спекулянтов или капиталистических кровопийц». Их песни и лозунги демонстрировали кровожадную похвальбу. На одном из собраний в пивном зале «Бюргербройкеллер» присутствовавших обходили с кружкой, на которой была надпись: «Жертвуйте на избиение евреев!»; так называемые «блюстители порядка» срывали митинги и неугодные концерты. «Мы умеем давать рукам волю!» — так весело звучал их девиз. Грубые выходки штурмовиков и на самом деле, как и ожидал Гитлер, не наносили вреда партии. Даже в глазах солидной, добропорядочной буржуазии они нисколько не умаляли притягательной силы движения. Причины этого следует искать не только в том, что войной и революцией была снижена планка моральных норм, но и в большей степени в том, что партия Гитлера использовала тут и специфическую баварскую грубость, в чью политическую разновидность она как раз и превратилась. Побоища в залах с отламыванием ножек стульев и бросанием в противников пивных кружек, «избиения», кровожадные песни, «воля рукам» — все это было элементами грандиозной потехи. Показательно, что именно в это время вошло в употребление слово «наци», что представляло собой лишь сокращенную форму слова «национал-социалист»[66], а для баварского уха звучало как уменьшительно-ласкательное производное от имени Игнац и носило доверительно-фамильярный оттенок, что и свидетельствовало о том, что партия уже вошла в самое широкое сознание.

---

[64] *Bouhler Ph.* Kampf um Deutschland. S. 48 f.

[65] Государственным флагом Веймарской республики являлось черно-желто-красное полотнище, однако рядом с ним всегда поднимался и прежний черно-бело-красный флаг. — *Прим. науч. ред.*

[66] Именно от «национал-социалист», а не «нацист», как иногда пишут в отечественных работах. По-немецки «Nazi» — от «NAtionalsoZIalist». — *Прим. науч. ред.*

Поколение участников войны, сформировавшее ядро СА, пополнилось вскоре и более молодыми людьми, и в этом смысле движение действительно было «восстанием недовольной молодежи». «Два рода вещей, — скажет Гитлер в это время в одном своем публичном выступлении, — способны объединить людей — общие идеалы и общее преступление»[67]. Оба этих «рода вещей» в СА были представлены неразрывным сплавом. В течение 1922 года в них наблюдается такой скачкообразный приток, что уже осенью была организована одиннадцатая сотня, возглавлявшаяся Рудольфом Гессом и состоявшая из одних студентов. В том же году в состав СА вошла самостоятельным соединением группа членов бывшего Добровольческого отряда Россбаха во главе с лейтенантов Эдмундом Хейнесом[68]. Создание многочисленных спецформирований придавало СА все более военный облик. Сам Россбах[69] составил отряд самокатчиков. Имелись в СА также подразделения связи, моторизованный отряд, артиллерийская батарея и отряд кавалерии.

Возрастающее значение Штурмовых отрядов и являлось в первую очередь тем, что придавало НСДАП характер партии нового типа. Правда, сами СА — вопреки апологетике в воспоминаниях некоторых штурмовиков — помимо самой общей

---

[67] Из выступления 1 августа 1923 года. Цит. по: *Franz-Willing G.* Op. cit. S. 144.

[68] Отставной лейтенант и гомосексуалист Эдмунд Хейнес родился в Мюнхене 21 июля 1897 года и был ранее адъютантом Г. Россбаха. Позже он стал одним из руководителей СА, заняв в 1933 году пост руководителя IX обергруппы СА со штаб-квартирой в Бреслау. — *Прим. науч. ред.*

[69] Лейтенант Герхардт Россбах (1893—1967) в 1918 году сформировал Добровольческий корпус (также именовавшийся Добровольческим штурмовым батальоном), получивший его имя. Участвовал в военных действиях в Латвии. Его отряд выделялся даже среди других Добровольческих корпусов своими непримиримыми взглядами. Участник Капповского путча 1920 года и боев в Верхней Силезии в 1921 году.

В составе отряда Россбаха в том числе были будущие группенфюрер СА Рихард Астер, рейхслейтер Мартин Борман, оберстгруппенфюрер СС Курт Далюге, группенфюрер СА Карл Эрнст, обергруппенфюрер СА Эдмунд Хейнес, обергруппенфюрер СА граф Вольф Генрих фон Хельдорф, группенфюрер СС Отто Хельвиг, гауптштурмфюрер СС и комендант Освенцима Рудольф Хёсс, обергруппенфюрер СС Ганс Каммлер и др. В 1920 году легализовал свою группу в Берлине как «союз фронтовиков». — *Прим. науч. ред.*

программы национальной борьбы и драк не выдвинули никакой четкой идеологической платформы и, конечно же маршируя с развернутыми знаменами по улицам, не считали себя шагающими в новый общественный строй. У них не было никакой утопической идеи, а была лишь огромная обеспокоенность, не было никакой цели, а была бьющая ключом энергия, с которой они не могли совладать. Строго говоря, большинство тех, кто вступил в колонны СА, были даже не политическими солдатами, а куда в большей степени наемниками-ландскнехтами, натурами, пытавшимися скрыть свой нигилизм, свою неугомонность и свою тягу к субординации за несколькими высокопарными политическими вокабулами. Их идеологией была активность любой ценой на фоне общей, совершенно недифференцированной готовности верить и подчиняться. И, как это и отвечало гомоэротичному характеру мужского союза, отнюдь не какие-то программы, а личности, «фюрерские натуры», были в состоянии пробудить у рядового штурмовика его преданность и самоотверженность: «Записываться должны только те, — подчеркивал Гитлер в своем призыве, — кто хочет слушаться своих руководителей и готов, если надо, пойти на смерть!»[70]

Однако именно идеологическая индифферентность и сделает СА тем крепким, сплоченным ядром, которое, будучи далеко от всякого сектантского упрямства, будет готово выполнить любые приказания. Это придало НСДАП в целом сплоченность, незнакомую традиционным буржуазным партиям, а вместе с тем дало шанс стать партией, совмещающей в себе столь несовместимые настроения неудовлетворенности и комплекс недовольства. Чем дисциплинированнее и надежнее было образованное СА боевое ядро, тем быстрее смог Гитлер распространить свои призывы почти на все слои немецкого общества.

В этой особенности следует не в последнюю очередь искать и объяснение того разнородного социологического портрета НСДАП, чья безликость отнюдь не охватывается распространенными формулами, что она, мол, была «партией среднего сословия». Разумеется, мелкобуржуазные средние слои накладывали на нее многие характерные черты, да к тому же и провозглашенная Гитлером программа формулировала — вопреки определению «рабочая партия» — в ряде своих пунктов страхи и политические настроения среднего, ремесленного со-

---

[70] Из донесения полиции от 6 декабря 1922 года, документы баварского Министерства внутренних дел. Цит. по: *Franz-Willing G.* Op. cit. S. 144.

словия, его озабоченность возможностью поглощения крупными промышленными предприятиями и универсальными магазинами, равно как и чувства зависти маленького человека по отношению к легко приобретенному богатству, спекулянтам и владельцам капиталов. И пропагандистская шумиха партии была нацелена преимущественно на среднее сословие, а Альфред Розенберг, например, восхвалял его как единственный слой, который «еще противится всемирному обману». Да и сам фюрер не забывал об уроках своего кумира венских дней Карла Люгера, который, как писал Гитлер, мобилизовал «среднее сословие, коему грозила гибель» и тем самым обеспечил себе едва поддающуюся потрясениям приверженность со столь же высокой степенью самоотверженности, как и боеготовности. «Из рядов среднего сословия должны приходить бойцы, — заявлял он, но тут же добавлял: — В наших национал-социалистических рядах должны собираться обездоленные и справа и слева»[71].

Различные списки членов, сохранившиеся из начального периода истории партии, дают все же не слишком дифференцированную картину, примерно 30 % они называют чиновниками либо служащими, затем 16 % — торговцами, в их числе немало владельцев мелких и средних предприятий, искавших у НСДАП защиты от нажима профсоюзов, остаток же составляют солдаты, студенты, люди свободных занятий, в то время как в руководстве преобладают представители романтической городской богемы[72]. Директива партийного руководства от

---

[71] Из статьи Гитлера в VB, 30.8.1922, см. также: *Hitler A.* Mein Kampf. S. 109. Представительство в партии мелких ремесленников, торговцев и т.п. на начальном этапе ее развития было явно непропорционально велико, составляя 187 % относительно их доли среди населения в целом. См. также: *Fetcher I.* Faschismus und Natiohalsozialismus. Zur Kritik des sowjetmarksistischen Faschismusbegriffs. In: Politische Vierteljahresschrift, 1962, H. 1. S. 53.

[72] Более подробно о социальной структуре НСДАП см.: *Аникеев А.А., Кольга Г.И., Пуховская Н.Е.* НСДАП: идеология, структура и функции. Ставрополь, 2000. «Ко времени путча в НСДАП уже входили 55,3 тыс. членов. Из них 35,9% представляли нижний класс, который, по сравнению с 54,6% по рейху, можно считать недопредставленным в партии. 52,1% представительства нижнего среднего класса в НСДАП вряд ли можно считать адекватными 42,6% его представительства по рейху. Наибольшее сверхпредставительство в партии в указанный период имела элита — 20,4% в 1920—1921 гг. против 2,7% по рейху». (Указ. соч. С. 71). — *Прим. науч. ред.*

1922 года содержала требование ко всем местным организациям, чтобы они отражали социологическую картину своего региона и чтобы в их руководящем органе лица с высшим образованием ни в коем случае не превышали трети его членов[73]. Примечательным для партии было как раз обстоятельство, что в то время она привлекает людей любого происхождения, любой социологической окраски и ее динамика развивается как движение по объединению соперничающих групп, интересов и эмоций. Когда национал-социалисты немецкоязычного региона на межгосударственной встрече в августе 1921 года в Линце называли себя «классовой партией», это происходило в отсутствие Гитлера, который всегда понимал НСДАП как решительное отрицание классового антагонизма и преодоление оного на пути антагонизма расового. «Наряду с представителями среднего сословия и буржуазии за национал-социалистическим движением следовало очень много рабочих, — говорилось в одном полицейском донесении в декабре 1922 года, — старые социалистические партии усматривают (в НСДАП) большую опасность для их дальнейшего существования». Тем, что приводило многочисленные противоречия и антагонизмы, из которых она была соткана, к общему знаменателю, и была как раз позиция ожесточенного отпора как пролетариату, так и буржуазии, как капитализму, так и марксизму: «Для классово сознательного рабочего нет места в НСДАП, точно так же как и для сословно настроенного буржуа», — заявлял Гитлер[74].

Если рассматривать все это в целом, то внимание и приверженцев давал национал-социализму раннего периода не какой-то класс, а менталитет — та якобы аполитичная, а на деле послушная начальству и жаждущая, чтобы ей руководили, конструкция сознания, которая имела место во всех слоях и классах. В изменившихся условиях республики обладатели этого сознания увидели, что их нежданно-негадан-

---

[73] «Директива по образованию местных организаций», см.: *Tyrell A.* Führer Befiehl... S. 39; *Lüdecke K. G. W.* Op. cit. S. 101. По этому вопросу см. также: *Franz-Willing G.* Op. cit. S. 126 ff.; далее: *Maser W.* Frühgeschichte. S. 254 f. В 1925 году, после освобождения Гитлера из Ландсбергской тюрьмы, когда была образована новая партия, упомянутый принцип утратил свою силу; соответствующее предложение, внесенное от имени ортсгруппы в Ильменау в 1926 году на партийном съезде в Веймаре, было решительно отвергнуто, «поскольку движение стоит на позиции свободного избрания руководителей», см.: НА 21/389.

[74] *Heiden K.* Geschichte. S. 34; *Deueriein E.* Der Hitler-Putsch. S.159.

но оставили в беде. Смутные комплексы страха, которыми они были преисполнены, ощущались ими с особой силой еще и потому, что новая форма государственности не создала никакого авторитета, могущего в будущем полагаться на их привязанность и лояльность. Рождение республики из хаоса поражения, проводимая державами-победительницами (в особенности Францией), диктуемая страждущим непониманием политика возмездия за давние грехи кайзеровских времен, гнетущий опыт голода, неустроенности, расстройства денежного обращения и, наконец, неверно толковавшаяся как забвение национальной чести политика выполнения условий Версальского договора порождали глубочайшую неудовлетворенность в плане потребности отождествления себя с государственными порядками. А именно этой потребности эти люди всегда были обязаны и какой-то частью уважения к самим себе. Лишенное блеска, униженное государство было для них ничем — оно не побуждало их к преданности и не вызывало у них фантазий. Строгое понятие о порядке и почтении, которое они пронесли в своем неосознанном умонастроении неприятия через все хаотические события времени, представлялось им в условиях республики как раз и поставленными под вопрос всей этой демократией и свободой печати, разногласиями и партийными торгами. С приходом новой государственности они во многом перестали понимать мир. В своем беспокойстве они шли в НСДАП, которая была не чем иным, как политической организацией их собственной растерянности, обретшей радикальные формы. И в этой связи получает свое объяснение тот парадокс, что их тяга к порядку и «добрым нравам», к верности и вере находила, как они это чувствовали, самое лучшее понимание именно у проникнутых духом авантюризма представителей партии Гитлера с их во многих отношениях темным и необычным жизненным фоном. «Он сравнил довоенную Германию, где царили только порядок, чистота и пунктуальность, с нынешней революционной Германией», — говорится в одном из отчетов о ранних выступлениях Гитлера. Вот к этому-то внушенному нации инстинкту правил и дисциплины, либо принимавшему мир упорядоченным, либо не принимавшему его вообще, и обращался при все более возраставшем одобрении этот начинающий демагог. Он называл республику отрицанием немецкой истории и немецкого естества, отождествляя ее с духом деля-

чества и карьеризма, в то время как большинство хочет «мира, но никак не свинарника»[75].

Актуальные лозунги предоставляла Гитлеру инфляция, которая хотя еще и не приняла тех невиданно причудливых форм, как это будет летом 1923 года, но все же привела практически к экспроприации капитала значительной части среднего сословия. Уже в начале 1920 года марка упала до одной десятой своей довоенной стоимости, а два года спустя она составляла одну сотую («пфенниговая марка») ее прежнего курса. Государство, задолжавшее со времен войны 150 миллиардов марок и видевшее во все еще продолжавшихся переговорах о репарациях приближение новых тягот, освобождалось таким образом от своих обязательств. Это же касалось и всех других должников, но для заемщиков кредитов, коммерсантов, промышленников, в том числе и в первую очередь для почти полностью освобожденных от налогов и производивших продукцию с минимальными затратами на заработную плату экспортных предприятий, инфляция была благом. И они не были лишены заинтересованности в дальнейшем расстройстве денежного обращения и, по крайней мере в целом, не предпринимали ничего для его нормализации. С помощью дешевых денег, которые в условиях их прогрессирующего обесценивания возвращались назад во много раз еще более дешевыми, эти люди безудержно и беспрепятственно спекулировали в ущерб национальной валюте. Проворные дельцы в течение всего нескольких месяцев сколачивали сказочные состояния и создавали почти из ничего мощные экономические империи, которые провоцировали тем более отрицательную реакцию, что их создание шло рука об руку с обнищанием и пролетаризацией целых общественных групп — владельцев долговых обязательств, рантье и мелких вкладчиков, не имевших недвижимого имущества.

Смутное ощущение взаимосвязи между этим фантастическим обогащением капиталистов и массовым обнищанием породило у пострадавших чувство, что они подвергаются социальному насилию. И это чувство переходило в неослабевающее ожесточение. Сильные антикапиталистические настроения веймарской поры не в последнюю очередь вытекают именно отсюда. Но столь же чреватым последствиями

---

[75] Из выступления 20 апреля 1923 года. Цит. по: *Boepple E.* Op. cit. S. 54 и др.; см. также: *Phelps R.H.* In: VJHfZ, 1963. H. 3. S. 301.

было и впечатление, что государство, которое в традиционном представлении продолжало существовать как бескорыстный, справедливый и интегрирующий институт, само выступило с помощью инфляции злостным банкротом по отношению к своим гражданам. На маленьких людей с их строгими взглядами на порядок — а именно они и оказались главным образом разоренными — это открытие подействовало, может быть, еще более опустошающе, нежели потеря их скромных сбережений. Во всяком случае мир, где они жили в строгости, довольстве и осмотрительности, рухнул для них под этими ударами безвозвратно. Продолжавшийся кризис толкал их на поиск голоса, которому они бы вновь поверили, и воли, за которой бы они могли пойти. И едва ли не все несчастья республики и заключались как раз в том, что она не сумела откликнуться на эту потребность. Ведь феномен зажигающего массы Гитлера-агитатора лишь частично объясняется его необычным, дополнявшимся и умножавшимся различными трюками ораторским даром. Не менее важной была и та тонкая чувствительность, с которой он улавливал эти настроения ожесточившегося обывателя и умел соответствовать его чаяниям. В этом он сам видел подлинный секрет большого оратора: «Он всегда так отдается широкой массе, что чувствует, как отсюда у него появляются именно те слова, которые нужны, чтобы дойти до сердца слушателей»[76].

В принципе это были, на индивидуальном уровне, снова те же комплексы и негативные эмоции, которые ему, несостоявшемуся студенту Академии художеств, уже довелось пережить, — страдания при виде реальности, одинаково противоречившей и его сокровенным желаниям, и его жизненным воззрениям. Без этого совпадения индивидуально- и социально-патологической ситуации восхождение Гитлера к представлявшейся столь магической власти над душами и умами было бы немыслимо. То, что в тот момент переживала нация — череда спадавших чар, крах и деклассирование, равно как и поиск виноватого и объекта для ненависти, — он пережил уже давно. Уже с тех пор у него были и причины, и поводы, и он знал формулы, знал виновников. Вот это-то и придавало его своеобразной конструкции сознания настолько типичный характер, что люди, как наэлектризованные, узнавали в нем себя. И отнюдь не неопровержимость его аргу-

[76] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 527.

ментации, не поразительная острота его лозунгов и образов пленяли людей. Их влекло чувство собственного опыта, совместных страданий и надежд, которое потерпевший крушение буржуа Гитлер умел вызывать у тех, кто оказался вдруг в окружении таких же бед. Их сводила вместе идентичность агрессивных настроений. Отсюда в значительной мере родом и особая харизма Гитлера, неотразимая по смеси одержимости, демонии предместий и причудливо слипшейся с ними вульгарности. В нем оправдались слова Якоба Буркхардта, что история подчас любит сосредоточиваться в одном человеке, которому потом внимает весь мир. Время и люди, говорит он, вступают в великие, таинственные расчеты.

Правда, «секрет», которым владел Гитлер, был, как и все его так называемые инстинкты, плотно пронизан рационалистическими соображениями. И пришедшее уже в раннюю пору осознание своих способностей медиума никогда не побуждало его отказываться от расчета на психологию масс. Есть серия снимков, показывающих его в позах, которые отвечают утрированному стилю того времени. Кое в чем они покажутся смешными, но все же в первую очередь они свидетельствуют о том, насколько его демагогический гений стал результатом заучивания, повторения и работы над ошибками.

И тот особый стиль, который он уже с ранней поры начал вырабатывать для своих выходов, тоже диктовался психологическими соображениями и отличался от традиционного проведения политических собраний в первую очередь своим театральным характером. Широковещательно призывая с помощью агитгрузовиков и кричащих плакатов «на большой публичный гигантский митинг», он изобретательно соединил постановочные элементы цирка и оперного театра с торжественным церемониалом церковного ритуала. Вынос знамен, гром маршей и приветственные возгласы, песни, а также вновь и вновь звучащие крики «Хайль!»[77] создают своим нагнетающим напряжением обрамление для большой речи фюрера и тем самым уже заранее впечатляюще придают ей характер благовещения. Постоянно совершенствовавшиеся, преподававшиеся на ораторских курсах и распространявшие-

[77] «Хайль» (Heil) в переводе с немецкого означает «благо, благополучие, спасение, счастье». В качестве приветственного возгласа в русском языке к этому слову наиболее близок возглас «ура!». — *Прим. науч. ред.*

ся письменными инструкциями правила проведения массовых мероприятий не оставляют вскоре без внимания ни единой детали. Уже в это время проявляется склонность Гитлера не только определять крупные, направляющие линии тактики партии, но и пристально интересоваться даже мелкими, детальными вопросами. Он сам как-то проверил акустику всех главных мюнхенских залов, где проводились собрания, дабы установить, требует ли «Хаккерброй» большего напряжения голосовых связок, нежели «Хофбройхаус» или «Киндлькеллер», он проверял атмосферу, вентиляцию и тактическое расположение помещений. Общие указания предусматривали, чтобы зал был, как правило, небольшим и по меньшей мере на треть заполнен своими. Чтобы снять впечатление о мелкобуржуазном характере движения, о его принадлежности к среднему сословию и завоевать доверие рабочих, Гитлер одно время ведет среди своих сторонников «борьбу с отутюженной складкой». Он посылает их на митинги без галстуков и воротничков, а иных, дабы выведать тематику и тактику противников, направляет на организуемые теми курсы подготовки[78].

Начиная с 1922 года он все чаще прибегает к тому, чтобы проводить в один вечер серии из восьми, а то и двенадцати митингов, на каждом из которых он заявлялся в качестве главного докладчика. Такой метод соответствовал его комплексу толпы, равно как и его тяге к повторяемости, а также отвечал максиме массированных пропагандистских выступлений. «В чем сегодня вопрос и что должно быть решено, — заявит он в это время, — так это создание и организация одного-единого, всевозрастающего массового митинга, митинга из одних протестов, в залах и на улицах... Не духовное сопротивление, нет, а жгучую волну упорства, возмущения и ожесточенного гнева нужно нести в наш народ!» Один очевидец, побывавший на организованных Гитлером серийных собраниях в мюнхенской пивной «Лёвенброй», рассказывает:

«На скольких политических собраниях бывал я уже в этом зале. Но ни в годы войны, ни в революцию меня не обдавало уже при входе таким горячим дыханием гипнотического массового возбуждения. Свои боевые песни, свои флаги, свои символы, свое приветствие, — отметил я, — похожие на во-

---

[78] Tischgespräche. S. 261 f., где Гитлер приводит целый набор своих тактических ходов и уловок. См. также: *Hitler A.* Mein Kampf. S. 559 f.; *Heiden K.* Geschichte. S. 28.

енных распорядители, лес ярко-красных флагов с черной свастикой на белом фоне, удивительнейшая смесь солдатского и революционного, национал-социалистического и социального — то же и среди слушателей: преобладает катящееся вниз по наклонной плоскости среднее сословие, все его слои — будет ли оно здесь спаяно воедино? Бегут часы, непрерывно гремят марши, выступают с короткими речами унтерфюреры. Когда же появится он? Не могло же произойти что-то непредвиденное? Никто не в силах описать то лихорадочное состояние, которое разливается в этой атмосфере. Вдруг какое-то движение у входа сзади. Звучат команды. Оратор на сцене прерывается на полуслове, все вскакивают с мест с криками «Хайль!», среди кричащей массы и кричащих знамен тот, кого ждали, со своей свитой, быстрыми шагами и с застывшей поднятой правой рукой проходит к эстраде. Он прошел совсем близко от меня, и я видел — это был совсем другой человек, чем тот, кого я то тут то там встречал в частных гостиных»[79].

Построение его речей следовало, в общем-то, одному и тому же образцу — широковещательным хулительным вердиктом о современности постараться настроить публику и установить с ней первый контакт. «Ожесточение охватывает все круги общества; начинают замечать, что нет ничего из достоинства и красоты, обещанных в 1918 году», — такими словами начинает он одно из своих выступлений в сентябре 1922 года. После экскурсов в историю, объяснения партийной программы и нападок на евреев, «ноябрьских преступников» и политиков, выступающих за выполнение положений Версальского договора, он, все более возбуждаемый отдельными выкриками или скандированием наемных клакеров, заканчивает обычно провозглашаемыми в экстазе призывами к единству. По ходу действия он включал в свою речь то, что подсказывала ему острота момента, аплодисменты, пивные испарения или та самая атмосфера, тенденции которой он раз от разу учитывает и преломляет все с большей уверенностью. Здесь и стенания по поводу униженного отечества, и грехи империализма, и зависть соседей, и «коммунизация немецкой женщины», и оплевывание собственного прошлого или старая антипатия к пустому, мелочному и беспутному Западу, откуда вместе с новой формой государства пришли позорный

---

[79] *Müller K. A. v.* Im Wandel einer Welt. Bd. 3. S. 144 f. Предыдущая цитата Гитлера взята из его статьи в VB, 8. II. 1921.

версальский диктат, союзнические контрольные комиссии, негритянская музыка, женская стрижка под мальчика, модернизм, но не пришло ни работы, ни безопасности, ни хлеба. «Германия голодает из-за демократии!» — лапидарно формулирует он. Его склонность к мифологическому затуманиванию взаимосвязей придает его триадам масштабность и фон; не доходя до необязательных закоулков местных событий, этот буйно жестикулирующий человек видит перед собой всю перспективу всемирной драмы. «То, что сегодня пробивает себе дорогу, будет величественнее мировой войны, — провозглашает он однажды, — это будет битва на немецкой земле за весь мир! Есть только две возможности: мы станем жертвенными агнцами или победителями!»[80].

В начальный период педантично осмотрительный Антон Дрекслер после такого рода самозабвенных выпадов порою вмешивался и, к досаде Гитлера, добавлял к его речам свое заключительное слово, преисполненное косного благоразумия. Теперь его уже ничего не сдерживает, и он делает широкий угрожающий демагогический жест — мол, в случае прихода к власти он порвет мирный договор в клочья и не остановится перед новой войной с Францией. В другой раз он делится видением о могучем рейхе «от Кёнигсберга до Страсбурга и от Гамбурга до Вены». А всевозрастающий приток слушателей доказывает, что дерзкий и безрассудный тон вызова как раз и есть то, что хотят услышать люди в атмосфере господствующих настроений покорности: «Надо не покоряться и соглашаться, а с риском идти на то, что кажется невозможным»[81]. В распространенной картине беспринципного оппортунизма Гитлера явно недооценивается его безрассудность, а также его оригинальность. Именно откровенная приверженность к тому, что осуждено, и принесет ему нема-

---

[80] Из выступления 12 сентября 1923 года. Цит. по: *Boepple E.* Op. cit. S. 95, а также из выступления 10 апреля 1923 года. Цит. по: *Schubert G.* Op. cit. S. 57. Особенно наглядный пример ораторского стиля Гитлера, его тематики и предубеждений являет собой его первая сохранившаяся в полном объеме речь того времени «Почему мы антисемиты?». Цит. по: *Phelps R.H.* In: VJHfZ. H. 4. S. 401 ff.

[81] Из выступления 6 августа 1923 года, см.: Adolf Hitler in Franken. S. 20, а также из выступлений 5 сентября 1920 года и 1 мая 1923 года. Цит. по: *Phelps R.H.* In: VJHfZ, 1963. H. 3. S. 314. О том, как поправлял его Дрекслер, см., например, донесение PND о собраниях 5 и 24 ноября 1920 года.

ло побед и создаст вокруг него ауру мужественности, яркости и безоглядности, которая в столь большой мере сыграет свою роль в выработке мифа о великом фюрере.

Ролью, которую он вскоре себе выбрал и которой определил свой стиль, была роль аутсайдера, обещающая во времена недобрых настроений в обществе немалый выигрыш в плане завоевания популярности. Когда газета «Мюнхенер Пост»[81] назвала его «самым рьяным подстрекателем, бесчинствующим ныне в Мюнхене», он так парировал это обвинение: «Да, мы хотим подстрекать и непрестанно натравливать народ!» Поначалу ему еще претили плебейские, беспардонные формы поведения, но когда он осознал, что они не только приносят ему популярность под куполом цирка, но и вызывают повышенный интерес в аристократических салонах, то стал все бесстрашнее идти на это. Когда его упрекнули в неразборчивости по отношению к тем, кто его окружает, он возразил, что лучше быть немецким босяком, чем французским графом. Не утаивал он и того, что был демагогом: «Говорят, что мы — горлопаны-антисемиты. Так точно, мы хотим вызвать бурю! Пусть люди не спят, а знают, что надвигается гроза. Мы хотим избежать того, чтобы и наша Германия была распята на кресте! Пусть мы негуманны! Но если мы спасем Германию, мы свершим величайший в мире подвиг»[82]. Бросающееся в глаза своей частотой использование религиозных образов и мотивов в целях максимального нагнетания эмоций отражает его умиленную взволнованность в детские годы; воспоминания о той поре, когда он прислуживал во время мессы в Ламбахском монастыре, и об опыте патетического триумфа, достигавшегося с помощью картин страдания и отчаяния на фоне победной веры в избавление, — в таком сочетании восхищался он гением и психологическим человековедением католической церкви. Он сам без колебания прибегал к кощунственному использованию имени «моего Господа и Спасителя» в порывах своей антисемитской ненависти: «С безграничной любовью перечитываю

---

[81] «Мюнхенер Пост» («Münchener Post» — «Мюнхенские вести») была газетой ярко выраженной социал-демократической ориентации и на своих страницах вела бескомпромиссную борьбу с Гитлером, не останавливаясь ни перед фальсификацией фактов, ни перед откровенной клеветой. — *Прим. науч. ред.*

[82] Из выступления 20 апреля 1923 года. Цит. по: *Boepple E.* Op. cit. S. 56; далее: *Phelps R.H.* In: VJHfZ, 1968. H. 4. S. 400; его же. In: VJHfZ, 1963. H. 3. S. 323.

я как христианин и человек то место, которое возвещает нам, как Господь наконец решился и взялся за плеть, дабы изгнать ростовщиков, это гадючье и змеиное отродье, из храма! Но какой титанической была борьба за этот мир, против еврейской отравы, это я вижу сегодня, две тысячи лет спустя, в том потрясающем факте, что расплачиваться Ему пришлось своей кровью на кресте»[83].

Однообразию в построении его речей соответствовала и монотонность эмоционального напряжения, и никто не знает, что там было фиксацией личностного, а что — психологическим расчетом. И все же чтение его даже отредактированных речей того времени дает определенное представление о той наркотической неистовости, с которой он превращал переполнявшие его многочисленные затаенные обиды в одни и те же жалобы, обвинения и клятвы. «Есть только упорство и ненависть, ненависть и снова ненависть!» — воскликнул он как-то. Снова и снова использовал он принцип дерзкого поворота, бросая во весь голос среди униженной, растерянной нации клич ненависти к врагам, — как он признавался, его прямо неудержимо тянуло делать это[84]. Нет ни одной его речи, где бы не было преисполненных самоуверенности широковещательных обещаний: «Когда мы придем к рулю, мы будем упорными, как буйволы!», — со страстью восклицает он, причем, как отмечается в отчете об этом собрании, пожинает горячие аплодисменты. Для освобождения, вещал он, мало одной разумной и осторожной политики, мало добросовестности и усердия людей, «чтобы стать свободным, нужны гордость, воля, упорство, ненависть и снова ненависть!». В своей не знающей удержу тяге к преувеличению он видит повсюду, во всех текущих делах работу гигантской коррупции и всеобъемлющую стратегию государственной измены, а за каждой нотой союзников, за каждой речью во французском парламенте наличие все того же врага человечества.

Запрокинув голову и вытянув вперед руку с обращенным вниз вздрагивающим указательным пальцем — столь характерная для него поза, — он, местный баварский курьезный агитатор, бросал в своем подобному трансу состоянии опьянения

---

[83] После приведенных здесь слов в стенограмме указано: «Сильное оживление в зале». Из выступления 12 апреля 1922 года. Цит. по: *Boepple E.* Op. cit. S. 20.

[84] Цит. по: *Heiden K.* Geschichte. S. 27; см. также речь, произнесенную 10 апреля 1923 года. Цит. по: *Boepple E.* Op. cit. S. 42.

собственной риторикой вызов не только правительству и ситуации в стране, но и ни много ни мало всему миропорядку: «Нет, мы ничего не простим, наше требование — месть!»[85].

Он не обладает чувством юмора и с презрением относится к считавшемуся смертельным воздействию смеха. Он еще не овладел величественными жестами более поздних лет, а поскольку над ним довлеет чувство оторванности художника от масс, то нередко старается показать себя нарочито простонародным. Тогда он салютует своим слушателям поднятой кружкой с пивом либо утихомиривает вызванное им же возбуждение неуклюжими призывами: «Тише! Тише!» Да и людей привлекают на его выступления скорее театральные, нежели политические мотивы — во всяком случае, из десятков тысяч тех, кто приходит его слушать, в начале 1922 года только шесть тысяч являются официально членами партии. Как зачарованные, не отрывая глаз, глядят на него люди. Уже после первых его слов звон пивных кружек обычно утихает, нередко он говорит в благоговейной тишине, лишь время от времени прерываемый взрывами аплодисментов — словно тысячи камешков обрушиваются вдруг на барабан, как образно написал один из очевидцев. Наивно и со всей жадностью человека «засидевшегося в безвестности» Гитлер наслаждается этой суетой и сознанием того, что он находится в центре всеобщего внимания: «Когда вот так проходишь через десять залов, — говорит он своему окружению, — и всюду люди приветствуют тебя — ведь это же возвышенное чувство». Нередко он заканчивает свои выступления произнесением клятвы верности, которую участники собрания должны повторять вслед за ним. Или же, вперив глаза в потолок зала, хрипло, срывающимся от страсти голосом скандирует: «Германия! Германия! Германия!», пока то же не начинает хором повторять весь зал, и это скандирование переходит в погромные боевые песни, с которыми все затем обычно проходят по ночным улицам. Гитлер сам потом сознается, что после своих речей он, как правило, был «мокрый, хоть выжимай, и терял я в весе по два-три килограмма», а промокшая гимнастерка «после каждого собрания окрашивала его белье в синий цвет»[86].

---

[85] *Baynes N.H.* The Speeches of Adolf Hitler. Vol. 1. P. 107; *Phelps R.H.* In: VJHfZ, 1963. H. 3. S. 299.

[86] Tischgespräche. S. 451; см. также: Heiden K. Geschichte. S. 109. Относительно следующей реплики Гитлера см.: *Hitler A.* Mein Kampf. S. 522.

Два года понадобится ему, по его собственным словам, прежде чем он освоит все средства пропагандистского успеха и почувствует себя «мастером этого искусства». Не без основания потом будут говорить, что он первым применил методы американской рекламы и, связав их со своей собственной агитаторской фантазией, превратил их в наиболее изобретательную к тому времени концепцию политической борьбы. Может быть, и впрямь прав журнал «Вельтбюне», назвавший его позднее учеником великого Барнума[87], однако тот насмешливый тон, с каким журнал провозгласил свое открытие, говорит лишь о его высокомерной отсталости. Ошибка весьма многих самонадеянных современников как слева, так и справа состояла в том, что они путали технические приемы Гитлера с его планами и из вызывавших насмешку средств делали вывод, что столь же смешными являются и его цели. Его неизменным желанием было желание перевернуть мир и поставить на его место другой, но мировые пожары и апокалипсисы, которые ему мерещились, не мешали, однако, применению им психологии цирковых номеров.

Несмотря на все триумфы Гитлера-оратора, на первый план выступал все же другой человек — объединяющая весь лагерь «фёлькише» фигура национального полководца Людендорфа. Почтительно взирая на него, сам Гитлер по-прежнему пока еще считает себя только предтечей, «совсем маленьким типом», как заявлял он в начале 1923 года, ожидающим более великого человека; для которого он хочет приготовить народ и меч. И все же его собственное воздействие приобретает во всевозрастающей степени черты мессианства. Кажется, массы быстрее, чем он сам, понимают, что он и есть тот волшебник, которого они ждут, — и они стремятся к нему, как к «спасителю», говорится в одном комментарии того времени[88]. Достаточно часто источники сообщают теперь о тех случаях пробуждения и обращения, что так показательны для религиозной, алчущей избавителя ауры тоталитарных движений. К примеру, у Эрнста Ганфштенгля, услышавшего Гитлера в эту пору впервые, было, несмотря на все предубеждения, та-

---

[87] Финеас Тайлор Барнум (5.7.1810—7.4.1891) американский антрепренер, основатель названного его именем музея редкостей в Нью-Йорке. Создатель «гумбуга» — смеси шарлатанства и рекламирования, направленного на привлечение публики.

[88] См.: *Boepple E.* Op. cit. S. 95, 67; затем: *Heiden K.* Geschichte. S. 60.

кое чувство, будто теперь у него начался «новый этап жизни». Торговец Курт Людеке, входивший одно время в ближайшее окружение Гитлера и ставший потом узником концлагеря Ораниенбург, сумеет уже после того как ему удалось оказаться за границей, рассказать о том, какой истерический взрыв чувств вызывала у него и бесчисленного множества других людей встреча с Гитлером-оратором:

«В одно мгновение все мои критические способности оказались отключенными... Я не знаю, как мне описать те чувства, которые охватили меня, когда я слушал этого человека. Его слова были как удары кнута. Когда он говорил о позоре Германии, я чувствовал себя в состоянии наброситься на любого противника. Его призыв к немецкой мужской чести был как зов к оружию, учение, которое он проповедовал, было откровением. Он казался мне вторым Лютером. Я забыл все на свете и видел только этого человека. Когда я оглянулся, то увидел, что тысячи были как один захвачены силой его внушения. Разумеется, переживая это, я был уже зрелым человеком 32 лет, уставшим от разочарований и недовольства, ищущим новый смысл жизни, патриотом, не находившим для себя поля деятельности, восторгавшимся героическим, но не имевшим героя. Сила воли этого человека, казалось, переливалась в меня. Это было переживанием, которое можно сравнить только с обращением в религию»[89].

С весны 1922 года начинается скачкообразный рост числа членов партии, кое-где в партию переходят целыми группами, летом она насчитывает уже около пятидесяти местных организаций, а в начале 1923 года приходится даже временно закрывать мюнхенскую штаб-квартиру из-за наплыва новых членов. Если в конце января 1922 года партия насчитывала около 6000 членов, то в ноябре следующего года их число превышает 55 000. Этот приток объяснялся не только приказом по партии, согласно которому каждому члену вменялось в обязанность ежеквартально вербовать трех новых, а также одного подписчика на «Фёлькишер Беобахтер», но и растущей уверенностью Гитлера в своих способностях оратора и организатора. Идя навстречу пожеланиям потерявших ориентацию людей, НСДАП старается более тесно сводить своих членов вместе и в их личном времяпровождении. Конечно, и тут

---

[89] *Luedecke K.G.W.* Op. cit. S. 22 ff.; затем: *Hanfstaengl E.* Op. cit. S. 43.

она снова применяет испытанные формы практики социалистических партий, но ритуал еженедельных вечеров-бесед, явка на которые становится обязательной, совместных экскурсий, посещений концертов или участия в праздниках солнцестояния, спевках, кулинарных встречах либо совместных физкультурных упражнениях, равно как и обстановка того спокойного уюта, что царит в кафе, где проходят встречи членов партии, и в общежитиях штурмовиков, намного превзошли прототипы. Они были неподражаемым образом ориентированы на самые широкие нужды тех, кто был лишен политической и человеческой поддержки. Для многих ее ранних членов партия становится своего рода эрзац-миром сектантского толка, да и Гитлер не раз сравнивает ее в ту пору с общинами первых христиан. Среди ее наиболее популярных мероприятий были «Немецкие рождественские праздники», которые как бы служили живым воплощением ее идеи, ибо соединяли сентиментальность, сознание избранности и чувство защищенности от темного, враждебного окружающего мира. Главнейшей задачей движения, заявил в те дни Гитлер, является создание «для этих широких, ищущих и блуждающих масс» возможности «по меньшей мере где-то вновь найти место, которое даст покой их сердцам»[90].

Не в последнюю очередь по этим причинам Гитлер откажется затем от роста партии любой ценой, и новые ортсгруппы станут создаваться, только если для них будет найден одаренный и лично убежденный руководитель, способный в малом удовлетворить ту потребность в авторитете, которая в большем столь очевидно работала вхолостую. Во всяком случае, уже сейчас, в самом начале своей истории, партия поставила целью представлять собой нечто большее, нежели организацию, стремящуюся к конкретным политическим целям.

---

[90] См. выступление Гитлера 12 апреля 1922 года. Цит. по: *Boepple E.* Op. cit. S. 21. «Немецкий рождественский праздник» в 1921 году, например, начался декламацией стихотворения, затем прозвучали песни Бетховена и Шуберта для меццо-сопрано, были исполнены на рояле «Волшебство грозы и шествие богов в Валгаллу» из оперы «Золото Рейна», а также попурри из рождественских песен, после чего Гитлер произнес речь. Центральным в следующем, «развлекательном отделении», начавшемся баварской народной музыкой, было выступление популярного комика Белого Фердля; см.: IfZ. München. FA 104/6.

По поводу упомянутых данных о количестве членов партии см.: *Rühle G.* Das Dritte Reich. Die Kampfjahre. B., 1936. S.75.

За всеми текущими делами она никогда не забывала не только прививать своим членам миропонимание на уровне трагической серьезности, но и создавать для них те маленькие банальные радости жизни, которых им так не хватало в нищих и разобщенных буднях. В стремлении партии быть родиной, центром бытия и источником познания уже в то время различимы зачатки ее последующих тоталитарных амбиций.

В течение только одного года НСДАП становится, таким образом, как писал один из наблюдателей, «мощнейшим фактором южногерманского национализма»[91], она всасывает в себя либо увлекает за собой большинство многочисленных союзов «фёлькише». И в северогерманских группах тоже наблюдается значительный приток — в первую очередь за счет бывших приверженцев развалившейся Немецкой социалистической партии. Когда в июне 1922 года группой заговорщиков-националистов был убит министр иностранных дел Вальтер Ратенау[92], правительства некоторых земель — Пруссии, Бадена и Тюрингии — принимают решение о запрете партии. Однако в Баварии, еще не забывшей времен Советов, она остается наиболее радикальным антикоммунистическим авангардом. В мюнхенской полицай-дирекции было даже немало открытых сторонников Гитлера, в том числе — и наиболее явно — сам полицай-президент Пенер, а также начальник политического отдела оберамтман Фрик[93]. Они не

[91] Слова из газеты «Винер Нойе Прессе». Цит. по: *Röhm E.* Geschichte eines Hochverräters. S. 152.

[92] Крупный промышленник и член Демократической партии Вальтер Ранетау (29.9.1867—24.6.1922) был с 1915 года председателем правления Всеобщей электрической компании — АЭГ. После войны выступал ревностным сторонником выполнения условий Версальского мира. С мая 1921 года — министр восстановления, с февраля 1922 года — министр иностранных дел. Убит членами националистической организации «Консул». — *Прим. науч. ред.*

[93] Вильгельм Фрик (12.3.1877—16.10.1946) оставил службу в полиции в мая 1924 года и с 1925 года до краха Третьего рейха являлся руководителем фракции НСДАП в Рейхстаге. С января 1930 года — министр внутренних дел и просвещения Тюрингии — первый в истории нацист, получивший важный министерский пост в земельном правительстве Германии. С 30 января 1930 года — имперский министр внутренних дел и с августа 1939 года — генеральный уполномоченный по вопросам администрации. 24 августа1943 года — заменен Генрихом Гиммлером и назначен имперским протектором Богемии и Моравии. Повешен по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге. — *Прим. науч. ред.*

давали хода жалобам на НСДАП, информировали ее руководство о планируемых акциях, равно как и заботились о том, чтобы предпринимавшиеся шаги оказывались безрезультатными. Фрик позднее признается, что подавить партию в тот момент не составило бы большого труда, но «мы держали нашу охраняющую длань над НСДАП и господином Гитлером», в то время как сам Гитлер однажды заметил, что без содействия Фрика он «никогда бы не вылезал из кутузки»[94].

Только один-единственный раз над Гитлером нависла серьезная угроза, когда баварский министр внутренних дел Швейер в течение 1922 года рассматривал вопрос, не выслать ли его как докучливого иностранца назад в Австрию — бесчинства его банд на мюнхенских улицах, драки, угрозы и подстрекательство граждан стали, по мнению совещаний руководителей всех партий, уже просто невыносимыми. Однако против этого выступил, ссылаясь на «принципы демократии и свободы», лидер социал-демократов Эрхард Ауэр. И Гитлер по-прежнему имел возможность обзывать республику «притоном чужеродных мошенников», угрожать правительству, что, когда он возьмет власть, тому останется только уповать «на милость Божью» и публично заявлять, что предавшим страну вождям СДПГ «только одно наказание — петля». Благодаря его подстрекательской деятельности город превратился прямо-таки во враждебный антиреспубликанский анклав, постоянно наполненный слухами о путче, гражданской войне и реставрации монархии. Когда рейхспрезидент Фридрих Эберт приехал летом 1922 года в Мюнхен, он уже на вокзале был встречен шиканьем, свистом и красными купальными трусами[95], и окружение рейхсканцлера Вирта посоветовало тому прервать запланированную поездку. В то же время Гинденбурга приветствовали здесь овациями, а захоронение останков умершего в эмиграции

---

[94] См.: Tischgespräche. S. 224.

[95] См.: *Röhm E.* Op. cit. S. 125. Красные купальные трусы должны были послужить издевательским комментарием к фотографии на обложке журнала «Берлинер Иллюстрирте», на которой — и это было непостижимо в плане строгих мерок нации по отношению к начальству — рейхспрезидент в компании с временным военным министром Носке предстал в купальном костюме. По поводу истории с прерванной поездкой см.: *Niekisch E.* Gewagtes Leben. S. 109, а также: *Deuerlein E.* Der Hitler-Putsch. S. 709.

короля Людвига III[96], последнего монарха из династии Виттельсбахов, вывело весь город в трауре и ностальгической печали на улицы.

Мюнхенские успехи вдохновили Гитлера на его первую акцию за пределами Баварии. В середине октября 1922 года патриотические союзы в Кобурге организовали демонстрацию, на которую они пригласили и Гитлера. Однако их предложение приехать «с небольшим сопровождением» было истолковано им весьма своеобразно — намереваясь полностью привлечь манифестацию на свою сторону, он прибыл в специальном поезде в сопровождении восьмисот сторонников с флагами и оркестром. Просьбу растерявшихся устроителей не выходить на улицы города единой колонной он, по его собственному свидетельству, «сразу же резко отверг» и приказал своему формированию пройти «со всей музыкой». Поскольку же, несмотря на собравшиеся по обе стороны мостовой враждебные толпы, до ожидаемых массовых эксцессов и потасовок дело все-таки не дошло, Гитлер велел своим отрядам сразу же после их появления в зале, где должен был проходить митинг, покинуть его и двинуться в обратный путь — правда, теперь ради придания еще большего напряжения театральному действу без громкой музыки, а только под тревожную дробь барабанов. Из вспыхнувших, как и ожидалось, уличных баталий в виде отдельных рукопашных схваток в течение всего дня и части ночи национал-социалисты вышли в конечном счете победителями — это был тот первый вызов авторитету государства, под знаком которого будут проходить события всего следующего года. Примечательно, что Кобург затем стал одним из главных оплотов НСДАП, а участники той поездки были отмечены памятным знаком[97]. Когда же заносчивость гитлеровцев вылилась в последующие недели в новые слухи о путче, Швейер пригласил к себе Гитлера и предупредил его о последствиях, которые может иметь его не желающая знать

---

[96] Людвиг III Виттельсбах (7.1.1845—18.10.1921) после смерти своего отца — принца Луитпольда — 12 декабря 1912 года стал принцем-регентом (при сумасшедшем королем Отто I); с 5 ноября 1913 года — король Баварии. 7.11.1918 свергнут с престола. — *Прим. науч. ред.*

[97] Особый знак для участников «Кобургского сражения» был установлен 14 октября 1932 года. Этот знак, вручавшийся лично Гитлером, считался одной из наиболее почетных партийных наград. Всего знаком было награждено около 435 человек. — *Прим. науч. ред.*

удержу активность, — если дело дойдет до применения силы, он прикажет полиции стрелять. Однако Гитлер заверил Швейера, что «никогда в жизни не пойдет на путч», в чем и дал министру свое честное слово[98].

Так или иначе, но теперь он все более обретал уверенность в своей силе. Запреты, уговоры и предупреждения лишь демонстрировали ему, как многого он, начав практически с нуля, сумел за это время добиться. В своем самолюбовании он уже отводит себе грандиозную роль, и в этом его самым впечатляющим образом утверждают только что завершившийся успешный поход Муссолини на Рим и захват власти в Анкаре Мустафой Кемаль-пашой[99]. С напряженным вниманием читает он донесение одного из своих доверенных лиц о том, как чернорубашечники благодаря своему энтузиазму и решительности, а также благожелательной пассивности армии вырывали в ходе своего бурного победного марша у «красных» и завоевывали на свою сторону город за городом; после он скажет о сильнейшем импульсе, который был дан ему этим «переломным моментом истории». Правда, в вышедшем в 1923 году новом издании «Большой энциклопедии Брокгауза» он поименован еще как «Гитлер, Георг» и представлен лишь парой рутинных биографических данных, но это отражало запоздалую реальность, которую он давно перерос. Как когда-то еще подростком, он уже уносился на крыльях своей фантазии и видел, осязаемо и образно, как знамя со свастикой «развевается над берлинским дворцом и крестьянской хижиной», или в перерыве между делами, за идиллической чашкой кофе, внезапно, словно вернувшись из далекого мира грез, заводил речь о том, что в грядущей войне «важнейшей задачей будет захват богатых зерном территорий Польши и Украины»[100].

Он все в большей мере освобождается от прежних привязанностей и кумиров, в Кобурге он обрел веру в себя. «Отны-

---

[98] См.: *Heiden K.* Hitler. Bd. 1. S. 156.

[99] Муссолини возглавил правительство Италии 28 октября 1922 года, а Мустафа Кемаль-паша (Ататюрк) был избран президентом Турции 29 октября 1923 года (правительство и Великое национальное собрание он возглавил еще 23 апреля 1920 г.). — *Прим. науч. ред.*

[100] Из выступления 14 октября 1922 года на «Дне Германии» в Кобурге. Цит. по: *Deuerlein E.* Der Hitler-Putsch. S. 709; затем: Tischgespräche. S. 133 f., а также: *Hanfstaengl E.* Op. cit. S. 78.

не я пойду своим путем один», — заявил он. Если еще недавно видел он себя предтечей и мечтал о том, «что однажды придет некая железная голова, может быть, в грязных башмаках, но с чистой совестью и мощным кулаком, которая покончит с говорильней этих паркетных шаркунов и одарит нацию делом», то теперь он уже начинает, сперва пока еще нерешительно и эпизодически, считать таковым себя и в конце даже позволяет себе сравнение с Наполеоном[101]. Его командиры на войне отклонили его производство в унтер-офицеры со ссылкой на то, что он не сумеет заставить относиться к себе с уважением, теперь же своей необыкновенной, скоро получившей фатальный характер способностью порождать лояльность он доказывает свой талант руководителя. Ибо именно во имя него сторонники не останавливаются ни перед чем, ради него они готовы идти на жертву, поругание и — уже с самого начала — даже на преступление. НСДАП постепенно все более утрачивает характер политической партии и превращается в своего рода связанное клятвой верности одному человеку сообщество. Он любит, когда близкое окружение называет его «Вольфом»[102] (право на это имела и мужеподобная фрау Брукман) — он усматривал тут древнегерманскую форму имени «Адольф», и это отвечает его картине мира-джунглей и внушает представление о силе, агрессивности и одиночестве. Иногда он будет использовать это имя как псевдоним, а впоследствии даст его в качестве фамилии своей сестре, которая будет вести у него хозяйство. Название города, где строится автомобильный завод «Фольксваген», имеет то же происхождение: «По Вам, мой фюрер, этот город должен быть назван Вольфсбург», — так заявил ему Роберт Лей на церемонии закладки завода[103].

Начиная с этого времени, он приступает к тщательной стилизации своего «я» и приданию ему легендарных черт —

---

[101] См.: *Hoegner W.* Der schwierige Aussenseiter. München, 1959. S. 48; *Heiden K.* Geschichte, S. 50. О самоуверенности Гитлера после Кобурга см.: *Luedecke K.G.W.* Op. cit. 61. Даже спустя несколько лет Гитлер говорил Людеке, что с Кобургом связано одно из самых дорогих ему воспоминаний.

[102] «Вольф» (Wolf) — в переводе с немецкого «Волк». — *Прим. науч. ред.*

[103] Сообщено А. Шпеером автору. Шпеер лично присутствовал при этом. Вольфсбург — так называлось поместье, расположенное в этом районе.

очень рано его одолевает чувство, что за всей его жизнью и поступками следит сама «богиня История». И вот он фальсифицирует подлинный номер своего партбилета, выдавая № 55 за № 7, дабы не только обеспечить себе более высокий ранг, но и ауру магического числа. Одновременно он начинает наводить туман и на свою личную жизнь — он принципиально не приглашает к себе никого даже из своего ближайшего окружения и старается, по возможности, держать и их самих на дистанции друг от друга. Одного из своих прежних знакомых, встреченного в ту пору в Мюнхене, он просит «самым настоятельным образом никому, в том числе и его ближайшим товарищам по партии, не давать никаких сведений о его молодости в Вене и Мюнхене». Другой его знакомый из числа «старых борцов» не без умиления вспоминал потом, что прежде, мол, бывали времена, когда Гитлер еще танцевал с его женой. Он отрабатывает позиции, позы, манеру казаться изваянием; поначалу что-то не получается, производит впечатление судорожности. От внимательного наблюдателя и в последующие годы не укрывается постоянная смена заученного самообладания и обморочной безудержности в буквальном смысле этого слова, цезаристских повадок и дремоты, искусственного и естественного существования. На этой ранней стадии выработки стиля он, правда, кажется еще не совсем справляется с деталями предназначенного им для своей роли образа, отдельные элементы пока еще не связаны воедино. Один итальянский фашист назвал его «Юлием Цезарем в тирольской шляпчонке»[104].

Однако как бы то ни было, это стало исполнением его юношеской мечты: не угнетаемый «работой ради куска хлеба насущного» и повинуясь только собственным влечениям, он стал «хозяином своего времени» и получил, помимо того, в свое распоряжение драматизм, фурор, блеск и аплодисменты, то есть в каком-то приближении жил жизнью художника. Он ездил на роскошных машинах, был в центре внимания великосветских домов, среди аристократов, промышленных магнатов, известных личностей, ученых. В моменты неуверенности он подумывал о том, чтобы найти свое место бур-

---

[104] Цит. по: *Heiden K.* Geschichte. S. 51, а также: *McRandle J. H.* The Track of the Wolf. P. 4. По поводу упомянутых способов стилизации см.: *Luedecke K.G.W.* Op. cit. 81; затем: *Hanfstaengl E.* Op. cit. S. 56; а также: *Greiner J.* Op. cit. S. 126; *Liebenwerda K.L.* HA BAK. NS Nr. 547.

жуа в этих жизненных обстоятельствах. Ведь мне немного надо, — думал он в таких случаях: «Мне только хотелось, чтобы движение существовало, а я имел заработок как владелец "Фёлькишер Беобахтер"»[105].

Но это была лишь видимость. Она не отвечала его натуре — раскованной, непредсказуемой и всегда нацеленной на максимум. Он не знал меры, его энергия ставила его всякий раз перед самыми крайними альтернативами; «все в нем толкало к радикальным и тотальным решениям», — такую оценку ему давал еще друг его юношеских лет. Теперь же другой современник называет его чуть ли не фанатиком, «склонным к безумству и избалованным до безудержности»[106].

Во всяком случае, время мучительной анонимности прошло, — это Гитлер знает уже точно, — и позади лежит удивительный путь. И любой непредвзятый наблюдатель, объективно оценивая молодого Гитлера, не может не признать этого перелома, как и не увидеть бесцветности и дремотной незначительности тех тридцати лет, которые он оставил позади три года назад. И надо-то всего ничего, чтобы эта жизнь казалась составленной из двух несовместимых друг с другом частей. С необычайной смелостью и хладнокровием вышла она из своего несамостоятельного состояния. Оставалось только преодолеть некоторую тактическую неуверенность и приобрести некоторую сноровку. Все же остальное указывало теперь на огромный и безудержный масштаб, и в любом случае Гитлер бывал на высоте в каждой из уготованных ему ситуаций — его взгляд моментально захватывал людей, интересы, силы, идеи и подчинял их своей цели — укреплению собственной власти.

Недаром биографы Гитлера уделяют так много места поиску какого-то особого события, послужившего причиной этого прорыва, и так упорно занимаются старыми представлениями об инкубационных периодах, сумрачной скованности и даже бесовской силе. И все же вернее было бы сказать, что и сегодня он остается все тем же, вчерашним, но дело в том, что теперь он нашел отрезок коллективной сопряженности, который упорядочил все неизменно присутствовавшие

---

[105] См.: *Heiden K.* Geschichte. S. 110.

[106] Из письма гроссадмирала фон Тирпица своему зятю Ульриху фон Хасселю. Цит. по: *Kotze H. v., Krausnick H.* Op. cit. S. 26, а также: *Kubizek A.* Op. cit. S. 203.

элементы в новую формулу личности и сделал из чудака — искусителя-демагога и из «сумасшедшего» — «гения». Как он явился катализатором масс, который, не добавляя ничего нового, привел в движение могучие силы и кризисные процессы, так и массы катализировали его. Они были его созданием, и он — одновременно — их творением. «Я знаю, — сформулирует он позднее, обращаясь к своей публике, это обстоятельство чуть ли не в библейской фразе, — все, чем вы являетесь, это благодаря мне, а все, чем являюсь я, это только благодаря вам одним»[107].

В этом и содержится объяснение той своеобразной стагнации, которая почти с самого начала присуща этому явлению. Ведь действительно, картина мира у Гитлера, как он сам не раз будет повторять, не изменилась с венских дней, ибо ее элементы остались теми же, только возбуждающий зов масс зарядил их мощным напряжением. Но сами аффекты, все эти страхи и вожделения, уже не менялись, как не менялся художественный вкус Гитлера; даже его личные пристрастия чуть ли не буквально соотносятся с тем, что зафиксировалось в годы детства и юности. Тристан и мучные блюда, неоклассицизм, юдофобия, Шпицвег или ненасытный аппетит на пирожные с кремом — все это пережило время, и когда он потом как-то скажет, что был в Вене «в духовном отношении недоноском»[108], то кое в чем он и останется таковым навсегда. Ни одно событие интеллектуальной или художественной жизни, ни одна книга и ни одна идея наступившего столетия так до него и не дойдут и уж тем более никак не скажутся на нем. И тот, кто сравнит рисунки и тщательнейше выписанные акварели двадцатилетнего рисовальщика почтовых открыток с работами солдата Первой мировой войны или, еще двадцать лет спустя, рейхсканцлера, то встретится в них со все тем же впечатлением внезапного окоченения, никакой личный опыт, никакой процесс развития тут не отразился, и сам он остается неподвижным и окаменевшим, каким был когда-то.

Он умел приспосабливаться и учиться только в методике и тактике. Начиная с лета 1923 года нация была буквально в

---

[107] Из выступления 30 января 1936 года. Цит. по: *Domarus M.* Op. cit. S. 570.

[108] Libres propos. S. 212. Цитату в конце главы см.: *Rauschning H.* Gespräche. S. 13.

осаде кризисов и бед. И казалось, что обстоятельства давали самый перспективный шаг тому, кто презирал их, кто бросал вызов не политике, а судьбе и обещал не улучшить ситуацию, а радикально целиком изменить ее. «Я гарантирую вам, — так формулировал Гитлер, — что невозможное всегда удается. Самое невероятное — это и есть самое верное».

Глава III

ВЫЗОВ ВЛАСТИ

> Для меня и для нас все неудачи всегда были не чем иным, как ударами кнута, которые вот тогда-то и гнали нас по-настоящему вперед.
>
> *Адольф Гитлер*

На последние дни января 1923 года Гитлер назначил созыв в Мюнхене партийного съезда, который должен был стать внушительной демонстрацией своей силы. Были привлечены пять тысяч штурмовиков со всей Баварии — они должны были пройти перед фюрером на так называемом Марсовом поле, площади в одном из мюнхенских пригородов. Здесь же должно было состояться первое торжественное освящение штандартов СА. Одновременно планировалось проведение массовых митингов не менее чем в двенадцати залах города, для увеселения народа были наняты оркестры, группы народного танца и известный клоун Фердль. Этот размах, а также курсировавшие уже в течение нескольких недель слухи о предстоящем путче НСДАП наглядно свидетельствовали о возросшей роли Гитлера как влиятельной силе в баварской политики.

Мера, которой баварские власти реагировали на делавшиеся в вызывающей форме заявки Гитлера, иллюстрировала все большую несостоятельность их дилеммы в отношении НСДАП. Быстрый подъем партии повлек за собою появление на политической сцене некой мощной структуры, чья роль, как это ни странно, оставалась неопределенной. С одной стороны, она решительно проявляла свой национализм, и ее энергия приносила немалую пользу в борьбе с левыми. Но с другой — одновременно она проявляла и полное неуважение как к «их превосходительствам», так и к правилам игры, и то и дело нарушала порядок, защищать который она так рвалась.

Желание властей продемонстрировать Гитлеру, до каких границ государство может терпеть его своеволие, и было не в последнюю очередь причиной того, что в июле 1922 года ему пришлось отсидеть в тюрьме четыре недели из тех трех месяцев, к которым он был приговорен за то, что им и его людьми было сорвано собрание Баварского союза и избит руководитель последнего, инженер Отто Баллерштедт. На первом же после отсидки выступлении Гитлер был «под нескончаемую овацию принесен на руках на трибуну», а «Фёлькишер Беобахтер» назвала его «самым популярным и самым ненавидимым человеком в Мюнхене»[1]. Одним словом, создалась ситуация, чреватая трудно предсказуемыми последствиями и для него. И в наступившем 1923 году Гитлер продолжает пытаться переменчивой тактической игрой — то обхаживаниями, то угрозами — демонстрировать свое неопределенное отношение к государственной власти.

Не имея ясного представления о том, как же надо относиться к этому достаточно одиозному деятелю, но в то же время доброму националисту, власти со свойственной им половинчатостью пошли на такой компромисс: они запретили освящение знамен под открытым небом, а также проведение половину других объявленных Гитлером мероприятий, а заодно и митинг, который планировали провести за день до того социал-демократы. Эдуард Норц, сменивший на посту полицай-президента, симпатизировавшего национал-социалистам Эрнста Пенера, остался глух ко всем мольбам Гитлера снять запрет, не только, по словам последнего, означавший тяжелый удар по национальному движению, но и несчастье для всего отечества. В ответ этот холодный седоволосый человек скупо возразил, что есть авторитет государства, которому должны подчиняться и патриоты. Когда же Гитлер вошел в раж и стал кричать, что он в любом случае выведет штурмовиков на улицу, что полиции он не боится и пойдет в первом ряду марширующих и пусть его застрелят, Норц не отреагировал — это не произвело на чиновника никакого впечатления. Более того, спешно собравшийся совет министров объявил чрезвычайное положение и отменил тем самым все связанные с партийным съездом мероприятия. Видимо, пришло время напомнить фюреру национал-социалистов о правилах игры.

---

[1] VB, 2.8.1922.

Гитлер был в отчаянии — ведь в этот момент на карту было поставлено ни много ни мало как его политическое будущее. А правила игры, как он их понимал, допускали и вызов государственной власти без какой-либо реакции с ее стороны, поскольку его амбиции были лишь более последовательным и более радикальным выражением ее собственных устремлений. И только когда в дело вмешался рейхсвер, оказывавший поддержку партии еще со времен Дрекслера, стала как будто снова вырисовываться возможность нахождения выхода. Эрнсту Рёму и генералу фон Эппу удалось уговорить командующего баварским рейхсвером генерала фон Лоссова[2] встретиться с Гитлером. Ставший нервным и неуверенным, фюрер НСДАП заявил, что готов пойти на любые уступки и что сразу же после съезда, 28 января, он «снова посетит Его превосходительство». Так или иначе, но Лоссов, скорее отчужденно смотревший на это эксцентрическое явление, согласился в итоге дать знать правительству, что он, «исходя из интересов обороны страны, с сожалением отнесся бы к подавлению национально-патриотических союзов». И действительно — после этого запрет был снят, но, дабы сохранить лицо, Норц пригласил фюрера НСДАП встретиться с ним во второй раз и предложил ему сократить число собраний до шести, а освящение штандартов провести не на Марсовом поле, а в расположенном поблизости цирке «Кроне». Гитлер, видя, что игра выиграна, дал свое уклончивое согласие. А затем провел под девизом «Пробудись, Германия!» все двенадцать собраний, а вместе с ними и — в снежную пургу и в присутствии пяти тысяч штурмовиков — на Марсовом поле грандиозную церемонию освящения штандартов, эскизы которых были выполнены им самим. «Или НСДАП — это грядущее движение Германии, — провозгласил он перед своими сторонниками, — и тогда его не удер-

[2] Генерал Отто фон Лоссов (15.1.1868—25.11.1938) окончил Военную академию и принял участие в экспедиции в Китай в 1900—1901 годах. Во время Первой мировой войны он состоял в штабе I Баварского резервного корпуса, а с 1915 года занимал пост военного атташе германского посольства в Константинополе. В 1919 году он был назначен шефом Инженерного корпуса и начальником пехотной школы в Мюнхене, а 28 сентября 1921 года — командиром 7-й дивизии рейхсвера (дислоцированной в Баварии) и земельным комендантом Баварии. После «Пивного путча» уволен в отставку. — *Прим. науч. ред.*

жит ни один дьявол, или же оно не является таковым, и тогда оно заслуживает, чтобы его уничтожили». Мимо плакатов и расклеенных на стенах объявлений о чрезвычайном положении СА продефилировали по улицам в сопровождении нескольких собственных оркестров, разражаясь восторженными криками и распевая свои песни, угрожавшие этой еврейской республике. А сам Гитлер принимал на Шванталерштрассе парад своих формирований, большинство из которых к тому времени уже носило форменное обмундирование.

Это явилось его впечатляющей победой над государственной властью, но победой, обозначившей одновременно и исходную позицию для конфликтов в последующие месяцы. Многие увидели в этом событии убедительное доказательство того, что Гитлер обладает не только способностью произносить эффектные речи, но и политической ловкостью, а также более крепкими нервами, чем его противники. И усмешки, которые столь продолжительное время вызывал неистовый пыл его выступлений, сменяются ныне восхищенными минами, а к возмущенным и наивным личностям, что так долго определяли психологический портрет партии, присоединяются теперь люди, обладающие тонким чутьем на грядущее. С февраля по ноябрь 1923 года в НСДАП вступают 35 000 новых членов, а СА насчитывают уже почти 15 000 человек. Стоимость имущества партии к этому же времени возрастает до 173 000 марок золотом[3]. Одновременно всю Баварию охватывает теперь уже куда более плотная сеть агитационно-пропагандистских мероприятий. А «Фёлькишер Беобахтер» с 8 февраля начинает выходить как ежедневная газета. Ее номинальным главным редактором еще в течение нескольких месяцев остается замотанный и уже серьезно больной Дитрих Эккарт, но, по существу, с самого начала марта руководство ею переходит к Альфреду Розенбергу.

Та чреватая последствиями уступчивость, которая была проявлена по отношению к Гитлеру военными и гражданскими инстанциями, объяснялась в первую очередь кризисом, потрясавшим в эту пору страну до самых ее основ. В первой половине января Франция, которая была не в силах преодолеть свои комплексы страха перед соседом, заняла, ссылаясь на бук-

---

[3] Эти данные приводил Гитлер, см.: *Görlitz W., Quint H.A.* Op. cit. S. 185.

ву Версальского договора, Рурскую область[4] и дала тем самым сигнал к спуску с предохранителя последних тормозивших кризис факторов. Уже беспорядки первых послевоенных лет, гнет репарационного обложения, безудержный вывоз капитала, а также — и это главное — дефицит любого рода резервов в значительной мере затрудняли оздоровление разрушенной войной экономики. К этому еще добавлялась и непрекращающаяся активность правого и левого радикализма, подрывавшая всякий раз и без того весьма слабую веру заграницы в стабильность ситуации в Германии. (Примечательно, что первое крупное падение марки наблюдается сразу же после убийства немецкого министра иностранных дел Вальтера Ратенау в июне 1922 года.) Но только теперь, под воздействием французской интервенции, инфляция получила то катастрофическое ускорение, которое придало ей столь гротескные черты и подавило у людей не только желание помогать существующему строю, но и чувство уверенности в прочности хоть чего-то вообще, и приучило их жить в «атмосфере невозможного»[5]. Это было крушением целого мира, его понятий, его норм и его морали. И последствия этого были непредсказуемы.

Правда, в этот момент интерес общественности концентрировался в значительно большей степени на попытке национального самоутверждения. Бумажные деньги, которые в конечном итоге стали оцениваться нередко просто на вес, служили лишь фантасмагорическим фоном происходящего. 11 января правительство призвало немцев к пассивному сопротивлению и вскоре вслед за тем дало указание своим служащим не выполнять указаний оккупационных властей. Вступавшие в Рурскую область французские войска встречали на улицах огромные скопления людей, с неприязнью и ожесточением певших «Вахту на Рейне»[6]. На этот вызов французы снова ответили целым набором изощ-

---

[4] 9 января 1923 года репарационная комиссия Антанты голосами Франции, Италии и Бельгии (представитель Великобритании был против) вынесла постановление о том, что Германия не выполняет своих обязательств по выплате репараций. 11 января 1923 года французские и бельгийские войска вступили на территорию Рура и оккупировали эту область. — *Прим. науч. ред.*

[5] *Vienot P.* Ungewisses Deutschland. S. 67.

[6] «Вахта на Рейне» («Die Wacht am Rhein») — патриотическая песня. Текст написан в 1840 году Максом Шнекенбургером и положен на музыку Калом Вильгельмом в 1854 году. В 1871 году стал вторым национальным гимном Германии и символом борьбы с Францией. — *Прим. науч. ред.*

ренных унижений, драконовская оккупационная юстиция произвольно налагала тяжелые наказания, многочисленные стычки умножали возмущение и той и другой стороны. В конце марта французские войска расстреляли из пулеметов демонстрацию рабочих на территории завода Круппа в Эссене — было тринадцать убитых и свыше тридцати раненых. В похоронах приняло участие более полумиллиона человек, а французский военный суд приговорил хозяина фирмы и восемь его служащих, занимавших руководящие посты, к 15 и 20 годам тюрьмы.

Эти события пробудили чувство единения, какого здесь не наблюдалось с августа 1914 года. Но под маской национального единства различные силы пытались извлечь выгоду каждая для себя. Запрещенные Добровольческие корпуса воспользовались моментом, чтобы выйти из подполья и своими активными действиями обострить провозглашенное правительством пассивное сопротивление. Одновременно левые радикалы продемонстрировали свое стремление восстановить утраченные ими позиции в Саксонии и Центральной Германии, в то время как правые укрепляли свой баварский бастион. Одно время на границе германских земель уже стояли друг против друга готовые открыть огонь пролетарские сотни и подразделения Добровольческого корпуса Эрхардта[7]. Во многих крупных городах вспыхнули голодные бунты. А в это время французы и бельгийцы на Западе пользовались ситуацией, чтобы стимулировать сепаратистское движение, которое, впрочем, вскоре заглохло по причине полной бесперспективности. Казалось, что основанная четыре года назад на антагонизмах и с огромным трудом выжившая республика находится уже на пороге краха.

Свою вновь обретенную самоуверенность Гитлер продемонстрировал весьма вызывающим и рискованным жестом — он вышел из единого национального фронта и пригрозил своим опешившим сторонникам, что исключит из НСДАП всякого, кто будет активно участвовать в сопротивлении Франции. Есть факты, подтверждавшие, что он выполнял эту угрозу. «Если они еще не поняли, что грезы о примирении — это наша смерть, то им ничем не поможешь», — парировал он все сомнения[8]. Конечно, он заранее знал, какие проблемы воз-

---

[7] *Nolte E.* Krise. S.92.

[8] По донесению от 16 января 1923 года о речи Гитлера в кафе «Ноймайер» см.: *Schubert G.* Op. cit. S. 198. Об отдельных исключениях из партии сообщил Отто Штрассер, см.: *Maser W.* Frühgeschichte. S. 368 f.

никнут в результате этого его решения, но как собственная интуиция, так и тактические соображения требовали от него, чтобы его партия не затерялась в ряду многих других объединений — рядом с буржуазными союзами, марксистами, евреями — в анонимности широкого национального сопротивления. И как он боялся, что борьба за Рур объединит народ вокруг правительства и укрепит режим, то так же и надеялся использовать возникший в результате его интриг хаос для своих далеко идущих путчистских замыслов. «Пока нация не сметет убийц внутри своей страны, — писал он в "Фёлькишер Беобахтер", — успех вовне невозможен. В то время, как направляются устные и письменные протесты Франции, истинный смертельный враг немецкого народа затаился внутри собственных стен». С характерной последовательностью, вопреки всем нападкам и даже вопреки огромному авторитету Людендорфа он настаивал на своем требовании, заключавшемся в том, что сначала следует рассчитаться с внутренним врагом. Когда командующий рейхсвером генерал фон Сект[9], беседуя с Гитлером в начале марта, спросил, присоединится ли Гитлер со своими сторонниками в случае перехода к активному сопротивлению к рейхсверу, то получил недвусмысленный ответ, что сперва нужно сбросить правительство. И представителю рейхсканцлера Вильгельма Куно он тоже четырнадцать дней спустя заявил, что сперва следует покончить с внутренним врагом. «Надо призывать не "долой Францию", а долой предателей Отечества, долой ноябрьских преступников!»[10].

Поведение Гитлера очень часто интерпретируется как свидетельство его беспринципности и бессовестности. Однако та решимость, с которой он пошел на опасность выставить себя в непопулярном свете, указывает скорее на то, что именно его принципы и не позволяли ему иного выбора, да и сам он потом считал то решение одним из ключевых в своей жиз-

---

[9] Генерал-полковник Ганс фон Сект (правильнее — фон Зеект) (22.4.1866—27.12.1936) в 1920—1926 годах занимал пост командующего рейхсвером, фактически создал новые вооруженные силы Германии. В 1930—1932 годах депутат Рейхстага от Народной партии, в 1934—1935 годах — главный военный советник немецкой военной миссии при правительстве Чан Кайши (Китай). — *Прим. науч. ред.*

[10] *Heiden K.* Geschichte. S. 113. О беседе Гитлера с фон Сектом см.: *Meier-Welcker H.* Seeckt. S. 363 f., там же приводятся и другие подробности; о втором упомянутом разговоре см.: *Röhm E.* Op. cit. S. 169.

ни. Партнеры и покровители его восхождения, знать и руководители консервативного лагеря будут постоянно считать его одним из своих и, видя в нем в первую очередь национального деятеля, будут наперебой стараться заручиться его близостью. Однако уже первое политическое решение Гитлера, выходившее за местные рамки, дезавуировало все эти псевдодружбы — от Кара до Папена — и недвусмысленно выявило, что, будучи поставлен перед выбором, он ведет себя как истинный революционер — без каких-либо уверток он отдал предпочтение позиции революционной, а не национальной. Так же будет он поступать и в последующие годы, а в 1930 году даже заявит, что в случае нападения поляков он предпочел бы временно пожертвовать Восточной Пруссией и Силезией, чем встать в ряды защитников существующего режима[11]. Правда, он заявил также, что стал бы презирать себя, если бы «в момент конфликта не почувствовал себя в первую очередь немцем». Но на деле он, в противоположность своим возбужденным приверженцам, действовал хладнокровно и последовательно, отнюдь не руководствуясь в своей тактике собственными патриотическими тирадами, и, перейдя в атаку, высмеивал как пассивное сопротивление, которое хотело «бить баклуши и добить» противника, так и тех, кто собирался актами саботажа поставить Францию на колени. «Чем была бы сегодня Франция, — восклицал он, — если бы в Германии не было интернационалистов, а были бы только национал-социалисты! И даже если бы сначала мы не имели ничего, кроме наших кулаков! Но если бы 60 миллионов человек были одержимы единой волей — быть фанатичными националистами, то из кулака выковалось бы оружие»[12]. В этой фразе — весь Гитлер: рациональная посылка, приумноженная чудовищным заклинанием воли, а в глубине — стимулирующее видение. Нет никакого сомнения в том, что стремление дать отпор было у Гитлера нисколько не слабее, чем у всех других сил и партий. Не факт сопротивления как таковой, а то обстоятельство, что сопротивление носило пассивный характер, то есть было полусопротивлением, и побудило его, наряду с упомянутыми причинами, к отказу от него.

---

[11] См.: *Vogelsang Th.* Reichswehr, Staat und NSDAP. S. 118, а также: Krebs A. Tendenzen und Gestalten. S. 121 f.

[12] *Boepple E.* Op. cit. S. 65; *Heiden K.* Geschichte. S. 112; *Domarus M.* Op. cit. S. 580 (Интервью Гитлера Бертрану де Жювенелю).

За этим стояло убеждение, что последовательную и успешную внешнюю политику можно проводить только тогда, когда есть опора на сплоченную и по-революционному объединенную нацию. Это был — по немецкой политической традиции — своего рода примат внутренней политики, наметившийся впервые в его письме из действующей армии в феврале 1915 года и остававшийся его максимой вплоть до полного завоевания власти. Когда обозначился принесенный пассивным сопротивлением ущерб и Гитлер своим мелодраматическим внутренним взором уже видел предстоящий новый крах Германии и отделение Рурской области, он в одной из своих страстных речей нарисовал для правительства картину истинного сопротивления и как бы предваряя здесь свой приказ в марте 1945 года о проведении операции «Выжженная земля».

«Что из того, если в катастрофе нашего времени погибнут промышленные сооружения? Доменные печи могут быть разрушены, угольные шахты затоплены, пусть превратятся в пепелища дома — только бы после всего этого поднялся народ, сильный, непоколебимый, готовый идти до конца! Ведь если вновь поднимется немецкий народ, тогда вновь поднимется и все остальное. Но если все это останется стоять, а народ погибнет от внутреннего разложения, то дымовые трубы, заводы и моря домов — это же будет не чем иным, как могильными камнями этого народа! Рурская область должна была бы стать немецкой Москвой! Мы должны были бы доказать, что немецкий народ 1923 года — это уже не тот народ, что в 1919 году... Обесчещенный и опозоренный народ теперь снова стал народом героев! За полыхающим Руром такой народ организовал бы сопротивление не на жизнь, а на смерть. Если бы действовали так, то Франция заколебалась бы делать следующий шаг... Взрываются печь за печью, мост за мостом! Германия просыпается! Армия Франции не позволила бы гнать себя в ужасы такого светопреставления! Клянусь Богом, наше положение было бы иным!»[13].

Понятое или разгаданное лишь немногими современниками решение Гитлера не принимать участия в борьбе за Рур явилось и причиной все более широко распространяющихся слухов, будто НСДАП создала свою разветвленную организацию, развернула свою пропаганду, снабжение обмундированием и оружием при помощи французских денег. Однако

[13] *Boepple E.* Op. cit. S. 75.

сколько-нибудь убедительных доказательств этого предъявлено так никогда и не будет. Да и вообще вопрос о том, какие политические или экономические интересы пытались оказывать воздействие на растущую партию, и до сего дня выяснен только частично. Во всяком случае, расходы НСДАП — особенно с того времени, как руководство партией взял в свои руки Гитлер, — были столь явно непропорциональны числу ее членов, что в поиске его весьма богатых кредиторов нельзя ограничиваться простой ссылкой на дьявольский комплекс, как это делают левые, пытающиеся таким путем успокоить свою все еще кровоточащую рану от нанесенного им «антиисторическим национал-социализмом» поражения и объясняющие это поражение только закулисным сговором темных сил монополистического капитала. Национал-социалисты сами своим истеричным засекречиванием и попытками напустить в вопрос о финансировании столько тумана создадут почву для самых фантастических предположений. Все дела, связанные с многочисленными процессами о защите чести и достоинства, — а они в годы Веймарской республики шли из-за все новых и новых обвинений нескончаемым потоком, — были после 1933 года прекращены либо уничтожены. Вообще в партии с первых дней ее становления действовало правило, по которому документы, связанные с материальными вспомоществованиями, не хранились, а в дневнике партийной канцелярии очень редко встречаются соответствующие пометки, причем, как правило, с таким добавлением: «Распоряжается лично Дрекслер». Рассказывают о случае, когда Гитлер запретил участникам собрания в мюнхенском «Киндлькеллере» записывать его собственный рассказ об одной такой сделке[14].

Финансовая база партии составлялась несомненно из членских взносов, небольших пожертвований ее наиболее рьяных сторонников, сумм, вырученных от продажи билетов на выступления Гитлера, и денег, собиравшихся во время митингов и исчислявшихся иной раз несколькими тысячами марок. Некоторые из ее ранних приверженцев, как, например,

---

[14] См.: *Maser W.* Hitler. S. 405, где тоже приводятся многочисленные подробности, на которые можно ссылаться и в дальнейшем. Подробнее см.: *Heiden K.* Geschichte. S. 143 ff.; *Franz-Willing G.* Op. cit. S. 177, а также: *Bullock A.* Op. cit. S. 79 ff., который, правда, из-за относительно поздно ставших доступными источников недооценивает значение поддержки со стороны зарубежных кредиторов.

погибший 9 ноября у Фельдхеррнхалле Оскар Кёрнер, владелец маленького магазина игрушек, буквально разорились на помощи партии. Владельцы торговых и иных заведений помогали ей, продавая членам партии товары со скидкой, другие передавали партии драгоценности или предметы искусства, а ее немолодые одинокие сторонницы, получавшие в угаре ночных митингов от выступлений Гитлера уже, казалось, навсегда заказанное им наслаждение, составляли завещания в пользу НСДАП. Богатые друзья, вроде Бехштейнов, Брукманов или «Путци» Ганфштенгля, помогали ей порою очень значительными суммами. Помимо взимания членских взносов, партия находила также и другие пути использования своих членов для пополнения партийной казны — выпускались не облагавшиеся налогом облигации, которые они должны были приобретать и распространять; согласно полицейскому расследованию, только в 1-й половине 1921 года было выпущено не менее 40 000 таких облигаций по 10 марок каждая[15].

И все-таки в первые годы своего существования партия постоянно нуждалась в деньгах и до середины 1921 года не могла себе позволить содержать собственного кассира. По свидетельству одного из членов партии, в тот период у расклейщиков плакатов порой даже не было средств на покупку клея, а осенью 1921 года Гитлеру пришлось по причине отсутствия финансов отказаться от проведения запланированного массового митинга в цирке «Кроне». Тяжелое материальное положение смягчилось только летом 1922 года, когда партия благодаря своей лихорадочной активности стала все больше обращать на себя внимание. Начиная с этого времени, у нее устанавливаются и развиваются более интенсивные контакты с многочисленными покровителями и кредиторами, которые не были ее прямыми сторонниками, а представляли состоятельные, напуганные угрозой коммунистической революции слои буржуазного общества. В организации отпора этой угрозе они поддерживали все способные к сопротивлению силы — от воинственных боевых организаций право-

[15] *Franz-Willing G.* Op. cit. S. 182; см. также: *Luedecke K.G.W.* Op. cit. S. 99, где автор рассказывает о женщине лет пятидесяти, которая после одного выступления Гитлера пришла в штаб-квартиру партии и заявила, что передает им только что полученное наследство. По всему этому комплексу вопросов см. также: *Orlow D.* Op. cit. P. 108 ff., где приводятся и другие примеры.

го крыла до сектантских листков-еженедельников и самой немыслимой расцветки писак на злободневные темы, только бы у них был протестующий образ мыслей. Правильно будет, наверное, сказать, что они не столько хотели помочь Гитлеру выбиться наверх, сколько старались использовать эту наиболее энергичную силу против революции.

Установлению контактов с влиятельными и финансовыми кругами баварского общества Гитлер был обязан, помимо Дитриха Эккарта, прежде всего Максу Эрвину фон Шойбнер-Рихтеру и еще, пожалуй, Людендорфу, получавшему, в свою очередь, от промышленников и крупных землевладельцев значительные средства, которые он по своему усмотрению распределял среди боевых организаций «фёлькише». В то время как Эрнст Рём добывал деньги, оружие и снаряжение, друг Дитриха Эккарта доктор Эмиль Ганссер установил контакт с экономической элитой вне Баварии, которая объединялась в «Национальном клубе» и перед которой Гитлер впервые получил возможность изложить свои планы в 1922 году. Его крупными спонсорами стали паровозный фабрикант Борзиг, Фриц Тиссен из «Объединенных сталелитейных заводов», тайный советник Кирдорф[16], руководители заводов «Даймлер» и Баварский союз промышленников. Помимо того, столь успешно заявлявшей о себе партии оказывали материальную поддержку чехословацкие, скандинавские и в первую очередь швейцарские финансовые круги. Осенью 1923 года Гитлер съездил в Цюрих и вернулся оттуда, как говорили, «с сундуком, набитым швейцарскими франками и долларами»[17]. Да и слывший темной лошадкой, богатый на выдумки Курт В. Людеке тоже добывал из до сих пор так и не выясненных иностранных источников немалые средства — он финансировал, к

---

[16] Эрнст фон Борзиг был владельцем «Борзиг-Верке» и председателем Объединения германских работодателей, Объединения союза металлургической промышленности и Имперского союза германской промышленности; Фриц Тиссен — председателем Наблюдательного совета «Объединенных сталелитейных заводов» («Ферайнигте Штальверке»); Эмиль Кирдорф — директором «Рурско-Ветсфальского угольного синдиката». — *Прим. науч. ред.*

[17] Это слова из показаний в Рейхстаге бывшего морского офицера Гельмута фон Мюкке, который входил во второй эшелон руководства НСДАП, а в июле 1929 года выступил с открытым письмом о методах финансирования партии; см.: Verhandlungen des Reichstags. Bd. 444. S. 138 f.

примеру, «собственный» отряд СА, насчитывавший в итоге более 50 человек. Вспомоществования поступали из Венгрии, а также от русских и прибалтийских эмигрантских кругов, и некоторые партийные функционеры, в том числе штабсфельдфебель из командования СА Юлиус Шрек, ставший потом личным шофером Гитлера, или же капитан-лейтенант Гофман, бывший одно время начальником штаба СА, получали во время инфляции оклады в твердой валюте. И даже бордель, организованный по инициативе Шойбнер-Рихтера одним отставным офицером на берлинской Тауэнтциенштрассе, служил национальному делу и переводил свои доходы в адрес штаб-квартиры партии в Мюнхене[18].

Побудительные причины, по которым оказывалась поддержка партии, были столь же различными, как и источники финансирования. Правильно, конечно, утверждение, что все спектакли, устраивавшиеся Гитлером начиная с лета 1922 года, были бы без этого просто невозможны, но верно также и то, что неудержимо шедший в гору демагог впервые переживавший после стольких лет одинокого прозябания и отдаленности от людей упоительное чувство своей неотразимости, без каких бы то ни было сковывающих обязательств за материальную помощь. Антикапиталистическая аффектация национал-социализма никогда не воспринималась по-настоящему всерьез ревнивым духом времени левого толка, поскольку она так и оставалась неопределенной и лишенной всякого обоснования и на деле даже в своем протесте против ростовщиков, спекулянтов и универмагов не поднималась, собственно говоря, выше взглядов мелких домовладельцев и лавочников. Однако то обстоятельство, что на поверку у нее не было никакого инструментария, который бы превращал этот гром в молнию, скорее играло как раз на руку правдоподобности ее возмущения, даже если объектом последнего была мораль, а не материальные основы имущих классов. Рекламный эффект иррационализма, присущего движению, очень убедительно был выражен одним из ранних ораторов партии, который, обращаясь к отчаявшимся, волнующимся массам, восклицал: «Потерпите еще совсем немного! Но когда мы призовем вас, то пощадите сберегательные кассы, потому что там лежат наши пролетарские сэкономленные пфенниги, а идите на штурм крупных

---

[18] См.: *Maser W.* Frühgeschichte. S. 410 f.; *Heiden K.* Geschichte. S. 46, а также: *Laqueur W.* Deutschland und Russland. S. 76 f.

банков и разожгите огромный костер! И повесьте на трамвайных дугах черных и белых жидов!»

Подобного рода излияниями, преисполненными подобного же рода эмоциями, на этом мрачном фоне инфляции и нищеты масс, своими постоянно повторяющимися масштабными обличениями лживости капитализма Гитлер мобилизует немало сторонников — и это вопреки всем капиталистическим ассигнованиям. Управляющий делами партии Макс Аманн, давая показания мюнхенской полиции после попытки путча в ноябре 1923 года, будет утверждать, что заимодавцам Гитлер «вместо расписки давал программу партии»[19]. Несмотря на все сомнения в целом, можно исходить из того, что добиться от него чего-то, кроме тактических уступок, было невозможно, как и вообще невозможно представить совместимость черт коррумпированности с портретом этого человека, ибо это было бы недооценкой его косности, его возросшей к этому времени самоуверенности и мощи его маниакальных представлений.

Успешно сделанная в конце января проба сил в противоборстве с государственной властью поставила национал-социалистов во главе всех праворадикальных групп Баварии. Прокатилась волна собраний, демонстраций и парадов, на которых они вели себя еще более шумно и самоуверенно. Слухи о путче, планы переворота переполняли политическую арену. Самые разные настроения, обильно питаемые страстными лозунгами фюрера НСДАП, выливались в ожидание, что вот-вот наступит общее изменение ситуации — не какой-то, как сформулировал Гитлер, «легкомысленный путч», а «всеобщая расправа совершенно неслыханного рода». Рука об руку с этим разворачивалась и усиленная пропаганда культа фюрера, в ходе которой он внедрял опыт последних недель, ибо они научили его тому, что и неожиданные, провокационные решения могут иметь успех, если они в достаточной степени защищены нимбом непогрешимого фюрера. Теперь уже утверждалось, что в лице Гитлера «у всех перед глазами встает свет идеи всего движения» и что он является сегодня «авторитетным вождем новой народной Германии», а «мы следуем за ним туда, куда он хочет». Такое только сейчас ставшее обретать культовые формы восхваление фюрера достигло

---

[19] См.: *Franz-Willing G.* Op. cit. S. 195; приведенный выше призыв к восстанию против капитала: Ebd. S. 226.

своего апогея во второй половине апреля в связи с днем рождения Гитлера. Альфред Розенберг воспевал в «Фёлькишер Беобахтер» «мистическое звучание» фамилии Гитлер, в цирке «Кроне» собрались все руководители партии, представители национальных союзов, а также 9000 его сторонников на торжественный митинг, где был организован сбор средств в «фонд Гитлера» на финансирование борьбы движения, а Герман Эссер называл его в своей приветственной речи человеком, перед которым «ныне начинает отступать ночь»[20].

Главным образом для того, чтобы оказаться на высоте положения в приближающийся, по всем признакам, решительный момент, и был заключен по настоянию Рёма еще в начале февраля союз с рядом воинствующих националистических организаций — с руководимым капитаном Хейссом «Имперским флагом», «Союзом Оберланд», «Патриотическим союзом Мюнхена», а также «Боевым союзом Нижней Баварии». Был создан комитет под названием «Рабочее содружество боевых патриотических союзов» и образовано военное командование этого объединения во главе с подполковником Германом Крибелем[21].

В лице этого блока возник, таким образом, антипод уже существовавшей головной организации националистических групп — «Объединению патриотических союзов Баварии», в котором под началом бывшего премьер-министра фон Кара и преподавателя гимназии Бауэра объединялись самые разнообразные бело-голубые[22], пангерманские, монархические, а частично и расистские тенденции, но черно-бело-красный боевой союз Крибеля — «Кампфбунд» — был более воинственным, радикальным и «фанатичным». Он вдохновлялся мечтой о перевороте по примеру Муссолини или Кемаль-

---

[20] См.: VB, 18-23.4.1923, а также: 31.1. и 22.3.1923.

[21] Кадровый военный Герман Крибель (20.1.1876—5.6.1941) в 1919 году стал начальником штаба баварской гражданской обороны и организации «Эшерих». Принимал активное участие в создании военизированных отрядов НСДАП. Был одним из руководителей «Пивного путча», после которого приговорен к 5 годам тюремного заключения, которое отбывал вместе с Гитлером в Ландсберге. В 1934—1939 годах — генеральный консул в Шанхае, с 1939 начальник отдела кадров Имперского министерства иностранных дел в ранге посла; обергруппенфюрер СА. — *Прим. науч. ред.*

[22] То есть баварские сепаратистские, название — по цветам герба Баварии. — *Прим. науч. ред.*

паши Ататюрка. Однако это пополнение, одновременно лишившее Гитлера и его неограниченного до той поры единоначалия, принесло с собой и множество проблем, что Гитлеру и пришлось испытать 1 мая, когда он, нетерпеливый и избалованный своим счастьем игрока, вновь попытался пойти на противоборство с государственной властью.

Сначала провалилась — из-за солдатского тугодумия партнеров — его попытка дать «Кампфбунду» программу, а в течение весны ему уже приходится наблюдать, как Крибель, Рём и рейхсвер уводят от него СА, которые он создавал как революционное войско, преданное лично ему, — постоянно имея в виду свою цель подготовить тайный резерв для разрешенной Версальским договором стотысячной армии. СА проводили строевые занятия в «штандартах» (так назывались три формирования, примерно равные по численности полкам), устраивали ночные марши и дневные парады. На них, правда, Гитлер мог появляться, как и все, в гражданской одежде и выступать при случае с речами, но проявлять свои командные амбиции либо уже не мог совсем, либо только с большим трудом. С бессильным негодованием взирал он на то, как Штурмовые отряды используются не по назначению и превращаются из идейного авангарда в армейские эрзац-подразделения. И вот, чтобы восстановить свое единоначалие, он несколько месяцев спустя поручает одному из своих старых сподвижников, отставному лейтенанту Йозефу Берхтольду[23], создание своего рода штабной охраны, получившей наименование «Ударный отряд Гитлера»; именно она и стала прообразом будущих СС.

В конце апреля на встрече Гитлера с руководством «Кампфбунда» принимается решение рассматривать ежегод-

---

[23] Йозеф Берхтольд (6.3.1897—23.8.1967) вернулся с фронта в звании лейтенанта резерва. Некторое время был кассиром партии. В марте 1923 года под его руководством начато формирование «штабной охраны» для его личной охраны, которая в мае 1923 года была переименована в «Ударный отряд Гитлера». После провала «Пивного путча» бежал в Австрию. В апреле 1926 года, вернувшись в Германию, встал во главе СС и 1 ноября 1926 года стал именоваться рейхсфюрером СС. 1 марта 1927 года подал в отставку в знак протеста против ограничений роста СС. В 1928—1938 годах — главный редактор газеты «Штурмовик», в 1938—1943 годах — заместитель главного редактора «Фёлькишер Беобахтер» по Баварии и Южной Германии. — *Прим. науч. ред.*

ную первомайскую демонстрацию левых партий как провокацию и использовать все средства для ее срыва. Одновременно они планируют провести в память четвертой годовщины со дня разгрома власти Советов свою массовую демонстрацию. Когда же нерешительное правительство фон Книллинга, не извлекшее уроков из январского поражения, приняло ультиматум «Кампфбунда» лишь наполовину, разрешив левым только проведение митинга на лугу Терезиенвизе и запретив все уличные шествия, Гитлер разыграл увенчавшееся уже однажды успехом бурное возмущение. Как и в январе, он попытался напустить на гражданские инстанции военные власти. 30 апреля, в чрезвычайно напряженной ситуации, когда Крибель, Бауэр и только что назначенный руководителем СА, Герман Геринг[24] прибыли в резиденцию правительства и потребовали введения чрезвычайного положения против левых. Гитлер в сопровождении Рёма вновь направился к генералу фон Лоссову и стал настаивать не только на вмешательстве рейхсвера, но и, как это предусматривалось генеральным соглашением, на раздаче патриотическим союзам оружия с армейских складов. Он был буквально ошарашен, когда генерал почти без объяснений отклонил и то и другое требование и сухо сказал, что он сам знает, что ему нужно сделать для безопасности государства, и прикажет стрелять в любого, кто будет подстрекать к беспорядкам. В том же духе был получен ответ и от начальника земельной полиции полковника Зейссера[25].

Гитлер вновь поставил себя почти в безвыходное положение, и, казалось, ему не оставалось уже ничего иного, как с позором отказаться от заявленного с такой помпой намерения сорвать первомайский праздник. Но он избежал этого поражения чрезвычайно характерным маневром, резко увеличив ставку. Еще в разговоре с Лоссовом он мрачно угрожал, что «красные митинги» состоятся, если только демонстранты будут «маршировать через его труп». В этих словах было столько азартного фанатизма, столько дешевой показной страсти, что в тот момент — как и много раз в последующем — показалось, будто все это на полном серьезе и свидетельству-

---

[24] Герман Геринг был назначен Верховным руководителем СА 1 марта 1923 года. — *Прим. науч. ред.*

[25] Полковник Ганс фон Зейссер (1874—1973) являлся начальником баварской земельной полиции. — *Прим. науч. ред.*

ет о его крайней решимости отрезать все пути к отступлению и поставить само свое существование перед категорической альтернативой — все или ничего.

Так или иначе, но Гитлер отдал команду ускорить приготовления. Лихорадочно подготавливаются оружие, боеприпасы, автомашины, а в конечном счете даже удается обвести вокруг пальца и рейхсвер. Вопреки запрету Лоссова он направляет Рёма и кучку штурмовиков в казармы, чтобы под предлогом того, что правительство опасается 1 мая выступлений слева, раздобыть в первую очередь карабины и пулеметы. Однако некоторые из партнеров по союзу, видя столь откровенные приготовления к путчу, стали выражать свои сомнения, дело дошло до споров. Но тут события опередили актеров — поднятые по тревоге по приказу Гитлера штурмовики уже начали прибывать из Нюрнберга, Аугсбурга и Фрейзинга, многие были с оружием. Группа из Бад-Тёльца привезла на своем грузовике старое полевое орудие, а отряд из Ландсхута во главе с Грегором Штрассером и Генрихом Гиммлером прибыл, вооруженный несколькими легкими пулеметами. Все они были в ожидании столь желанного и самим Гитлером, в течение этих лет уже сотни раз обещанного национального восстания — «устранения ноябрьского позора», как гласил этот сумрачно-популярный лозунг-раздражитель. Когда же полицай-президент Норц обратился с предупреждением к Крибелю, то получил ответ: «Назад у меня пути уже нет, слишком поздно... и все равно, если и прольется кровь»[26].

Еще до рассвета «патриотические союзы» собрались в Обервизенфельде, у «Максимилианеума», а также в некоторых других, заранее определенных ключевых местах города, чтобы выступить против псевдоугрозы социалистического путча. Какое-то время спустя появился и Гитлер, он обошел территорию, похожую уже на военный полевой лагерь. На голове у Гитлера был стальной шлем, а на груди — Железный крест 1-го класса. Его сопровождали Геринг, Штрейхер, Рудольф Гесс, Грегор Штрассер, а также бывший командир Добровольческого корпуса Герхард Россбах, стоявший во главе мюнхенских СА. И пока штурмовики в ожидании приказа действовать занимались боевой подготовкой, их командиры,

[26] Так передаются эти слова в изложении содержания разговора с Эдуардом Норцем в его письме прокурору Дрессе от 23 мая 1923 года, см.: бывший Главный архив НСДАП, BAK. NS 26/104.

растерянные, споря друг с другом и все более нервничая, обсуждали, что же делать, поскольку условленный сигнал от Рёма все не поступал и не поступал.

А на Терезиенвизе уже проводили свою маевку профсоюзы и левые партии, шла она под традиционными революционными лозунгами, но без эксцессов и в соответствии с обязывающим к солидарности настроением майского праздника, а поскольку полиция широким кольцом оцепила и находившийся за чертой города Обервизенфельд, то до ожидавшихся столкновений дело так и не дошло. Сам же капитан Рём стоял в это время, вытянув руки по швам, перед своим начальником генералом фон Лоссовом, который уже узнал об акции в казармах и, разгневавшись. требовал возвратить присвоенное оружие. Вскоре после полудня капитан, эскортируемый подразделениями рейхсвера и полиции, появился в Обервизенфельде и передал приказ Лоссова. И хотя Крибель и Штрассер предложили все же напасть на левых, надеясь, что в противоборстве, схожем с гражданской войной, в конечном счете перетянут рейхсвер на свою сторону, Гитлер дал отбой. Правда, ему удалось избежать оскорбительного изъятия оружия прямо на месте — его потом возвратили в казармы сами штурмовики, но поражение было совершенно очевидным, и этого впечатления не смог снять и яркий фейерверк его выступления перед соратниками вечером того же дня в переполненном цирке «Кроне».

Есть много признаков того, что для Гитлера это был первый кризис личного плана в период его восхождения. Конечно, он мог не без оснований обвинять в первомайском фиаско своих партнеров по блоку, в первую очередь это относилось к щепетильным и твердолобым национальным союзам, но он должен был и признать, что в поведении партнеров проявились и его собственные слабости и просчеты. Но прежде своего неверной была сама концепция его действий. Непредвиденный поворот и упорство его собственного темперамента привели к тому, что он очутился на абсолютно ложной позиции — неожиданно он увидел рейхсвер, мощь которого сделала сильным и его, но не у себя в тылу, а прямо перед собой и в угрожающей позиции.

Это было первым ощутимым ударом после бурного, в течение ряда лет, восхождения, и Гитлер, мучимый сомнениями в себе, на несколько недель уезжает к Дитриху Эккарту в Берхтесгаден и бывает в Мюнхене лишь наездами, чтобы выступить с речью или развеяться. Если до этого его пове-

дение определялось преимущественно инстинктами обретения опоры, то теперь он, под влиянием того майского дня, вырабатывает начала своей последовательной тактической системы — первые очертания той концепции «фашистской» революции, что проходила не в конфликте, а в союзе с государственной властью и получила очень меткое название «революции с разрешения господина президента»[27]. Некоторые из своих соображений он в те дни запишет, и позднее они войдут в «Майн Кампф».

Еще больше наводила его на размышления реакция общественности. В своих многочисленных подстрекательских речах Гитлер не уставал воспевать дело, волю, идею фюрерства. Еще за восемь дней до первомайской операции он суесловно горевал о нации, которой нужны герои, но приходится иметь дело с болтунами, и предавался мечтательным рассуждениям о вере в поступок — конечно же комедия смятения и растерянности на Обервизенфельде такой вере никак не соответствовала. «Всеми признается, что Гитлер и его люди сели в лужу!», — говорилось в одном из отчетов о тех событиях. Даже мнимый заговор с целью убийства, как иронично писала «Мюнхенер Пост», «великого Адольфа», по поводу чего поднял весьма искусственный шум в «Фёлькишер Беобахтер» Герман Эссер, едва ли мог сколько-нибудь способствовать восстановлению его популярности, тем более что сходная разоблачительная история уже публиковалась в апреле и очень скоро была раскрыта как выдумка национал-социалистов. «Гитлер перестал занимать народную фантазию», — писал корреспондент «Нью-Йоркер Штаатсцайтунг». И впрямь казалось, что звезда его, как заметил один знающий наблюдатель-современник уже в начале мая, «сильно поблекла»[28].

Ему самому, его определявшемуся аффектами взору и в том его депрессивном состоянии одиночества в Берхтесгадене, вероятно, представлялось, что его звезда уже угасает. Этим обстоятельством, во всяком случае, можно было бы в

---

[27] *Heiden K.* Hitler. Bd. 1. S. 162.

[28] См. подробное послание вюртембергского посланника Мозера. Цит. по: *Deuerlein E.* Der Hitler-Putsch. S. 61; далее: *Heiden K.* Geschichte. S. 129. Упомянутое выступление Гитлера 24 апреля 1923 года цит. по: *Boepple E.* Op. cit. S. 57. По поводу мнимого заговора с целью убийства, планировавшегося конечно же евреями, см.: *Maser W.* Hitler. S. 412 f.

какой-то мере объяснить такой столь примечательный отход его от дел и свидетельствующий о полной потере мужества отказ от попыток восстановить оборвавшуюся связь с Лоссовом и дать «Кампфбунду», равно как и оставшейся без фюрера партии, новые цели и опору. На попытку Готфрида Федера, Оскара Кёрнера и нескольких других ветеранов призвать его к порядку и, в частности, изолировать его от «Путци» Ганфштенгля, который приводил к нему «красивых женщин», щеголявших, ко всеобщему возмущению, «в шелковых штанах» и любивших, чтобы шампанское лилось рекой, он просто не прореагировал[29]. Казалось, власть над ним захватил рецидив былой летаргии и отрицательных эмоций. Однако, по всей вероятности, дело было еще и в том, что он хотел дождаться результата расследования, начатого прокуратурой при 1-м Мюнхенском земельном суде по поводу первомайских событий. Ведь независимо от приговора, который тоже был весьма вероятен, ему грозило не только отбывание отложенного двухмесячного тюремного заключения по делу Баллерштедта — куда больше он опасался того, что министр внутренних дел Швейер, сославшись на то, что Гитлер нарушил свое слово, не раздумывая, осуществит свое намерение и вышлет его из страны.

Используя националистическую насыщенность баварской политической сцены, Гитлер вышел навстречу этим опасениям. В обращении на имя упомянутой прокуратуры он пишет: «Поскольку я уже в течение нескольких недель подвергаюсь грубейшим нападкам в печати и ландтаге и ввиду моего уважительного отношения к Отечеству лишен возможности публичной защиты, я буду только благодарен судьбе, если она теперь позволит мне вести эту защиту в зале суда вне зависимости от упомянутого отношения». Предусмотрительно он грозится передать свое обращение в печать.

Намек был достаточно прозрачен. Гитлер напоминал члену Немецкой национальной партии министру юстиции Гюртнеру[30], получившему это обращение вместе с обеспокоенным

---

[29] См. отрывок из письма Г. Федера от 10 августа 1923 года: *Deuerlein E.* Aufstieg. S. 179 f.; далее: *Tyrell A.* Op. cit. S. 59 ff.

[30] Юрист Франц Гюртнер (26.8.1881—29.1.1941) был министром юстиции Баварии почти 10 лет — с 4 августа 1922-го по 1 июня 1932 года. 2 июня 1932 года Гюртнер стал имперским министром юстиции. С приходом к власти Гитлера (в январе 1933 г.) сохранил свой пост и занимал его до самой смерти. — *Прим. науч. ред.*

сопроводительным письмом прокурора, о прежних и оставшихся в силе договоренностях — ведь и сам министр как-то назвал национал-социалистов «плотью от плоти нашей»[31]. Обострявшееся с каждым днем бедственное положение нации, все ближе подталкиваемой к взрыву инфляцией, массовыми забастовками, борьбой в Руре, голодными бунтами и устраиваемыми левыми беспорядками, создавало достаточные основания для того, чтобы пощадить нацистского фюрера, даже если он сам был частью этой чрезвычайной ситуации. Поэтому Гюртнер, не информируя министра внутренних дел, неоднократно осведомлявшегося о ходе расследования, выразил прокуратуре свое пожелание отложить дело «до более спокойных времен». 1 августа 1923 года следствие было временно приостановлено, а 22 мая следующего года вообще прекращено.

И все же потеря престижа оказалась весьма и весьма ощутимой, в чем Гитлер смог убедиться уже в начале сентября, когда патриотические союзы собрались в Нюрнберге в очередную годовщину победы под Седаном[32] на один из тех «Дней Германии», что проводились время от времени в разных частях Баварии с патетической пышностью. На фоне развевающихся знамен, букетов цветов и генералов-ветеранов сотни тысяч людей в речах и шествиях давали выход чувству национального величия и потребности в прекрасном и возвышающем зрелище. «Бурные возгласы «Хайль!», — говорится с непривычной для канцелярского языка эмоциональностью в донесении управления государственной полиции округа Нюрнберг-Фюрт от 2 сентября 1923 года, — бушевали вокруг почетных гостей и процессии, множество рук с развевающимися полотнищами тянулись ей навстречу, дождь цветов и венков осыпал ее со всех сторон. Это было подобно крику радости сотен тысяч павших духом, запуганных, униженных, отчаявшихся, коим сверкнул луч надежды на освобождение от кабалы и нужды. Многие — и мужчины, и женщины — стояли и плакали»[33].

---

[31] См.: *Heiden K.* Geschichte. S. 130.

[32] В районе Седана (крепость во французском департамента Арденны) в ходе франко-прусской войны 1870—1871 годов 1—2 сентября 1870 года прусские войска разгромили и взяли в плен французскую Шалонскую армию, в плен был также взят и император Наполеон III. — *Прим. науч. ред.*

[33] Цит. по: *Deuerlein E.* Der Hitler-Putsch. S. 170.

И хотя национал-социалисты, как следует из того же донесения, составляли среди ста тысяч демонстрантов одну из мощнейших колонн, все же в центре бурного ликования находился несомненно Людендорф, и когда Гитлер под впечатлением этого массового представления, но имея в виду и возврат утраченных позиций, вновь решился на блок и организовал вместе с «Имперским флагом» капитана Хейса и «Союзом Оберланд» во главе с Фридрихом Вебером «Немецкий боевой союз», о притязаниях на руководство с его стороны уже не было и речи. Стремительной утратой своих позиций он был обязан не только первомайскому поражению, но и в еще большей степени отъезду из Мюнхена — как только он перестал давать пищу для сенсаций, испарилось все — и имя, и авторитет, и демагогическое величие. И лишь три недели спустя Рёму, неустанно действовавшему в пользу своего друга Гитлера среди командиров «Кампфбунда», удается восстановить его реноме и в конечном итоге заполучить политическое руководство союзом.

Внешним поводом для этого послужило решение правительства Веймарской республики о прекращении бессмысленной борьбы за Рур, на которую уже не хватало никаких сил. 24 сентября, через шесть недель после своего прихода к власти, правительство Густава Штреземана отказалось от пассивного сопротивления и возобновило выплату репараций Франции. Правда, Гитлер во все прошедшие месяцы относился к этому сопротивлению отрицательно, однако его революционная установка требовала от него теперь обличения непопулярного шага правительства как свидетельства позорной измены и извлечения отсюда максимальной пользы для своих путчистских планов. Уже на следующий день Гитлер встретился с руководителями «Кампфбунда» Крибелем, Хейсом, Вебером, Герингом и Рёмом. В своей захватывающей речи, длившейся два с половиной часа, он развернул перед ними свои представления и видения и закончил просьбой доверить ему руководство «Немецким боевым союзом». Со слезами на глазах, как рассказывал потом Рём, Хейс протянул ему в конце концов руку. Вебер был растроган. А сам Рём тоже расплакался, и, как он говорит, его била дрожь от внутреннего возбуждения[34]. Будучи убежден, что развитие событий потребует теперь решительных шагов, он уже на следующий день

[34] *Röhm E.* Op. cit. S. 215 f.

распростился с воинской службой[35] и окончательно передал себя в распоряжение Гитлера.

Став фюрером «Кампфбунда», Гитлер, казалось, решил окончательно посрамить всех скептиков демонстрацией своей решимости. Он незамедлительно приказал всем пятнадцати тысячам своих штурмовиков находиться в состоянии повышенной боевой готовности, обязал членов НСДАП ради усиления собственной ударной мощи выйти из всех других национальных союзов и развернул самую лихорадочную деятельность. Но — как почти всегда — казалось, что целью всех его планов, тактических ходов и приказов и была сама эта разнузданная и помпезная пропагандистская акция, чья буйная драматургия чуть ли не непременно ассоциировалась у него с понятием непревзойденности. Как это уже бывало, он запланировал на 27 сентября одновременное проведение четырнадцати массовых собраний, чтобы самолично раздувать на них накаленные до предела страсти. Правда, последующие намерения «Кампфбунда» не вызывали сомнений — они имели своей целью освобождение «от кабалы и позора», поход на Берлин, установление национальной диктатуры и устранение «проклятых внутренних врагов». Об этом еще три недели назад, 5 сентября, заявил сам Гитлер: «Или марширует Берлин и доходит до Мюнхена, или марширует Мюнхен и доходит до Берлина! Не может быть сосуществования большевистской Северной Германии и проникнутой национальным духом Баварии»[36]. Но какие планы он в тот момент преследовал, собирался ли он, в частности, устроить путч или снова только хотел лишь поговорить о нем, так и осталось до сих пор неясным. Многое указывает на то, что свои дальнейшие решения он собирался принимать в зависимости от произведенного им эффекта, от настроений и пыла толпы и хотел, примечательным образом преувеличивая силу средств пропаганды, вынудить путем воодушевления масс государственную власть к действиям. «Из бесконечных словесных баталий, — заявил он в выступлении на упомянутом собрании, — вырастет новая Германия». Во всяком случае, до всех членов «Кампфбунда» был в строго конфиденциальном порядке доведен приказ, запрещавший им покидать Мюнхен и содержавший кодовое слово, после получения которого должна начаться всеобщая мобилизация.

---

[35] Это произошло 26 сентября 1926 года. — *Прим. науч. ред.*

[36] Цит. по: *Boepple E.* Op. cit. S. 187.

Однако мюнхенское правительство, загнанное в угол непрерывными слухами о путче, недоверием к «марксистскому» правительству рейха и некоторыми специфичными для Баварии чувствами вражды к Берлину и изоляционистскими устремлениями, упредило Гитлера. Без какого-либо предварительного оповещения премьер-министр фон Книллинг объявил 26 сентября о введении чрезвычайного положения и назначил, как это имело уже место в 1920 году, Густава фон Кара верховным государственным комиссаром с диктаторскими полномочиями. И хотя Кар заявил, что готов к сотрудничеству с «Кампфбундом», он одновременно предупредил Гитлера, что не потерпит, как он сказал, никаких «отклонений», и запретил для начала все четырнадцать запланированных собраний. Вне себя от гнева, впав в состояние одного из тех многократно описанных прежде припадков, когда он своими тирадами и криками ярости доводил себя чуть ли не до своего рода помешательства, Гитлер пригрозил революцией и кровопролитием, но это не произвело на Кара никакого впечатления. Еще вчера Гитлер видел себя в качестве главы «Кампфбунда» — самого сильного и сплоченного боевого формирования, равноправным партнером государственной власти, и вот Кар вновь низвел его до роли ее подчиненного. На какое-то мгновение он, кажется, уже решился пойти на восстание. И только в течение ночи Рём, Пенер и Шойбнер-Рихтер сумели отговорить его от этого намерения.

Ход событий и без того уже давно опередил намерения Гитлера. За это время в Берлине под председательством рейхспрезидента Эберта состоялось заседание кабинета, на котором было обсуждено создавшееся положение. Слишком уж часто говорил фон Кар и раньше о «баварской миссии по спасению Отечества», не скрывая, что под этим он понимает не что иное, как свержение республики, установление консервативного режима и широкую автономию для Баварии, а также возврат к монархии. То есть назначение Кара на новую должность вызывало совершенно понятные опасения. На фоне отчаянного бедственного положения страны, чье денежное обращение было разрушено, а экономика в значительной степени подорвана, перед лицом роста коммунистического влияния в Саксонии и Гамбурге, сепаратистских устремлений на западе и падения авторитета центрального правительства, мюнхенские события действительно могли послужить сигналом для всеобщего краха.

В этой драматической, смутной ситуации будущее страны зависело от рейхсвера. Правда, от его командующего — генерала фон Секта — правые круги тоже ожидали установления диктатуры. Его необыкновенно впечатляющее появление с явно рассчитанным на внешний эффект опозданием и его холодная самоуверенность показали возбужденным участникам заседания кабинета, кто является подлинным носителем власти. На вопрос Эберта, на чьей стороне стоит в этот нелегкий час рейхсвер, он ответил: «Рейхсвер, господин рейхспрезидент, подчиняется мне» — и тем самым дал на мгновение однозначно понять, как обстоит дело с властью в действительности. Но в то же время, когда в этот же день был принят декрет о чрезвычайном положении в стране и о передаче ему исполнительной власти на всей территории рейха, Сект выразил — хотя бы формально — свою лояльность по отношению к существующим политическим инстанциям[37].

События последующих дней развивались по запутанному, полному неразберихи и с трудом просматриваемому в целом сценарию. Двое из актеров были выброшены фон Сектом со сцены еще заблаговременно: 29 сентября в Кюстрине восстал нелегальный «черный рейхсвер»[38] во главе с майором Бухруккером, опасавшийся, что его распустят после прекращения борьбы за Рур, и решивший, по ряду сбивчивых признаков, подать сигнал для выступления правых, в частности в рейхсвере. Однако эта организованная в спешке и недостаточно скоординированная операция была после непродолжительной борьбы подавлена. Сразу же вслед за этим Сект провел решительную акцию, свидетельствовавшую о незабытых эмоциях революционной поры, против угрозы левого переворота в Саксонии, Тюрингии и Гамбурге. Теперь ему предстояло помериться силой с Баварией.

---

[37] Правда, сначала исполнительная власть была передана министру по делам рейхсвера Отто Гесслеру, и только в ночь на 9 ноября 1923 года, после известий о гитлеровском путче в Мюнхене, уже передано непосредственно Секту. Но это была не более чем попытка при помощи некой конструкции замаскировать реальное разделение власти и, собственно говоря, бессилие политической власти. Нет никакого сомнения в том, что именно в руках Секта и рейхсвера находилась высшая власть в Германии до тех пор, пока 24 февраля 1924 года чрезвычайное положение не было отменено — это, в частности, выражалось и в том, что они взяли под свой контроль проведение политических и экономических мер по борьбе с инфляцией.

[38] Нелегальные воинские формирования, создававшиеся с ведома и на средства правительства. — *Прим. науч. ред.*

А в Баварии за это время Гитлеру почти удалось, как того и требовала его тактическая концепция, перетащить Кара на свою сторону. На последовавшее в ответ на злобную, клеветническую статью в «Фёлькишер Беобахтер» требование Секта запретить эту газету ни Кар, ни Лоссов никак не отреагировали, равно как проигнорировали и приказ об аресте Россбаха, капитана Хейса и капитана Эрхардта. Когда же вслед за этим Лоссов был смещен, то верховный государственный комиссар в нарушение конституции назначил его командующим частями рейхсвера в земле Бавария[39] и делал все, чтобы все новыми и новыми провокациями довести конфликт с Берлином до кульминации. В конце концов он потребовал ни больше ни меньше как реорганизации правительства страны и ответил на послание Эберта открытым объявлением войны: официально разыскиваемый Верховным судом республики бывший командир Добровольческого корпуса капитан Эрхардт был вызван из Зальцбурга, где он скрывался, и получил указание готовить марш на Берлин. Датой выступления было определено 15 ноября.

Эти выразительные жесты сопровождались не менее сильными словами. Сам Кар заявил о ненемецком духе Веймарской конституции, обозвал режим «колоссом на глиняных ногах» и представил себя в одной из своих речей выразителем дела нации в решающей мировоззренческой борьбе против международной марксистско-еврейской идеологии[40]. Конечно, своими шумными заявлениями он рассчитывал показать, что соответствует тем разнообразным ожиданиям, которые были связаны с его назначением на пост верховного государственного комиссара. Однако в действительности его действия лили воду на мельницу Гитлера. При норове Кара понадобилась всего лишь одна статейка в «Фёлькишер Беобахтер», чтобы коренным образом изменилась фатальная ситуация первого мая — конфликт с Берлином принес Гитлеру союз с теми носителями власти в Баварии, в чьей помощи

---

[39] Это произошло 26—27 сентября 1923 года. — *Прим. науч. ред.*

[40] В контексте высказывание фон Кара звучит следующим образом: «Речь идет о великой борьбе двух решающих для судеб всего немецкого народа мировоззрений — международной марксистско-еврейской и национальной немецкой идеологии... Баварии предначертано судьбой взять на себя руководство в этой борьбе за великую немецкую цель». Цит. по: *Deuerlein E.* Der Hitler-Putsch. S. 238.

он так нуждался для революционного выступления против центрального правительства. Ибо когда Сект потребовал от Лоссова уйти в отставку, то все национальные союзы предоставили себя в его распоряжение для обозначившегося противоборства с Берлином.

Нежданно-негаданно Гитлер увидел, что вот-вот представятся большие шансы. Все решится зимой, заявил он в интервью «Коррьере д'Италиа»[41]. За короткое время он несколько раз побывал у Лоссова и уладил прежний конфликт. Теперь у нас общие интересы и противники, говорит он вне себя от счастья. В свою очередь, Лоссов заявляет, что «полностью согласен со взглядами Гитлера в девяти из десяти случаев». В результате, сам того, собственно, не желая, командующий баварским рейхсвером становится одним из главных актеров этого спектакля. Однако роль заговорщика была не по нему — он был аполитичным солдатом, боящимся принятия решений, и конфликтная ситуация, в которой он оказался, становилась ему все больше не по плечу. Вскоре Гитлеру уже приходится подталкивать его силой. Дилемму фон Лоссова он очень точно охарактеризует потом следующими словами: военачальник с такими большими правами, «выступивший против своего начальства, должен либо решиться идти до последнего, либо он просто обыкновенный мятежник и бунтовщик»[42].

Труднее всего было найти взаимопонимание с Каром. В то время как Гитлер не мог простить верховному государственному комиссару измену 26 сентября, сам Кар оставался в твердом убеждении, что призвали его не в последнюю очередь ради того, чтобы «привести в бело-голубое чувство» радикального, готового на любую агрессивную глупость агитатора. В его отношении к Гитлеру легко проглядывала задняя мысль — в нужный момент дать этому барабанщику и талантливому скандалисту «приказ уйти из политики»[43].

И все же, вопреки сдержанному отношению и взаимной неприязни друг к другу, противоборство с правительством страны свело их вместе, а существовавшие расхождения во мнениях касались притязаний на руководство, и в первую очередь —

---

[41] См.: Münchener Post, 19.10.1923.

[42] Из выступления Гитлера перед Мюнхенском народном судом 26 февраля 1924 года. Цит. по: *Boepple E.* Op. cit. S. 100.

[43] *Deuerlein E.* Der Hitler-Putsch. S. 72, 74.

момента, когда следовало нанести удар. И если Кар, оказавшийся вскоре вместе с Лоссовом и Зейссером в составе «триумвирата» легальной власти, склонялся в этом вопросе к определенной осмотрительности и держал некоторую дистанцию от своих смелых слов, то Гитлер нетерпеливо требовал переходить к действиям. «Народ волнует пока только один вопрос — когда же?» — восклицал он и прямо-таки самозабвенно, в эсхатологических тирадах, распространялся о предстоящем столкновении:

«И вот придет день, — пророчествовал он, — ради которого было создано это движение! Час, ради которого мы боролись годами. Момент, когда национал-социалистическое движение выступит в победный поход ради блага Германии! Не для выборов мы были основаны, а для того, чтобы стать последним рубежом в величайшей беде, когда наш народ в страхе и отчаянии увидит приближающееся красное чудовище... Наше движение несет избавление, это чувствуют сегодня уже миллионы. Это почти стало новой религиозной верой!»[44]

В течение октября все стороны усилили свои приготовления. В заговорщицкой атмосфере интриг, тайн и измен шли непрерывные обсуждения, передавались планы действий, назывались и менялись кодовые слова, по которым должно было начаться выступление, но одновременно накапливалось оружие и шла боевая подготовка. Уже в начале октября слухи о предстоящем путче Гитлера приняли такие определенные очертания, что подполковник Крибель, военный руководитель «Кампфбунда», был вынужден в письме на имя премьер-министра фон Книллинга опровергнуть наличие каких-либо намерений по организации переворота. В этих джунглях интересов, договоров, ложных маневров и ловушек все следили друг за другом, а тысячи жили ожиданием каких-то приказов. На стенах домов появлялись то одни, то другие лозунги. «Марш на Берлин»[45] стал магической формулой, обещавшей решение всех проблем одним ударом. И как и за несколько недель до того, Гитлер нагне-

---

[44] *Boepple E.* Op. cit. S. 87.

[45] По аналогии с «Маршем на Рим» чернорубашечников Бенито Муссолини, который предшествовал приходу дуче к власти. — *Прим. науч. ред.*

тал психоз грядущих перемен: «Этой ноябрьской республике скоро конец. Постепенно начинается новый шелест, предвещающий непогоду. И эта буря разразится, и в этой буре республика узнает перемены, так либо этак. Она уже созрела для этого»[46].

Что касалось отношений с Каром, Гитлер, казалось, был уверен в себе. Правда, у него оставалось подозрение, что «триумвират» может выступить и без него либо мобилизовать массы не революционным призывом «На Берлин!», а боевым лозунгом сепаратистов «Прочь от Берлина!». Порой он побаивался, что до выступления дело вообще не дойдет, и уже в начале октября, если верить некоторым данным, начал подумывать о том, как ему при помощи какой-нибудь авантюры вынудить партнеров к выступлению, а самому оказаться во главе этого выступления. В том же, что население, если он не упустит нужный момент, будет в этом конфликте на его стороне, а ни в коем случае не на стороне Кара, он ни на минуту не сомневался. Он относился с презрением к этой чванливой буржуазии с ее необоснованным самомнением и неспособностью понять массы, которые она так стремилась отобрать у него. В одном из своих интервью Гитлер обозвал Кара «слабосильным довоенным бюрократом» и заявил: «История всех революций [показывает], что они никогда не могут быть под силу представителю старой системы, а только революционеру». Правда, на стороне «триумвирата» была сила, но ведь на его стороне был сам «национальный полководец» Людендорф — целый «армейский корпус на двух ногах», чью политическую ограниченность он быстро распознал и с помощью лести научился пользоваться ею. Уже теперь его самоуверенность проявляет столь характерное стремление к безудержности — он сравнивал себя с Гамбеттой или Муссолини, хотя его сподвижники смеялись над этим, а Крибель заявил одному посетителю, что Гитлер на руководящий пост, разумеется, не подходит, ибо в голове у него одна только пропаганда. Сам же Гитлер сказал одному высшему офицеру из окружения Лоссова, что его профессия — спасение Германии, а Людендорф ему нужен, чтобы привлечь на свою сторону рейхсвер. «В политике он у меня

---

[46] Так говорил Гитлер еще 12 сентября 1923 года, см.: *Boepple E.* Op. cit. S. 91.

и словечка не вымолвит — я ведь не Бетман-Гольвег[47]... А вы знаете, что и Наполеон, учреждая консульство, окружил себя только незначительными деятелями?»[48].

Во второй половине октября планы Мюнхена по отношению к Берлину приобрели еще более четкие очертания. 16 октября Крибель подписал приказ об усилении пограничной охраны на севере земли. Хотя это и выдавалось за полицейскую меру, направленную против неспокойной Тюрингии, однако приказ содержал и такие военные понятия, как «районы развертывания» и «открытие боевых действий», а также «дух наступления», «пыл преследования» и даже «уничтожение» сил противника. Главным же было то, что он предусматривал возможность прямой мобилизации на случай гражданской войны. А в это время добровольцы уже проводили штабные учения на городском плане Берлина, и Гитлер, выступая перед юнкерами пехотного училища, под бурные аплодисменты славил революционную мораль: «Высший долг вашей военной присяги, господа, состоит в том, чтобы нарушить ее». Дабы создать конкуренцию военной мощи партнера, национал-социалисты вербуют в СА главным образом служащих земельной полиции. По более поздним свидетельствам Гитлера, в их распоряжении уже было от 60 до 80 гаубиц, полевых и тяжелых орудий, находившихся до того в тайниках. На совещании «Кампфбунда» 23 октября Геринг сообщает детали «наступления на Берлин» и рекомендует, среди прочего, начать подготовку «черных списков»: «Необходимо будет применять жесточайший террор. Того, кто создаст хоть малейшие трудности, — расстреливать. Необходимо, чтобы командиры уже сегодня выявляли тех, чье устранение необходимо. После издания воззвания следует для устрашения тут же расстрелять хотя бы одного» — «германская Анкара» готовилась к развязыванию репрессий внутри страны[49].

---

[47] Имеется в виду Теобаль фон Бетман-Гольвег (29.11.1856—2.1.1921), занимавший в 1909—1917 годах пост рейхсканцлера. Гитлер намекает на то, что, будучи 1-м генерал-квартирмейстером Полевого генштаба, Людендорф имел больше веса, чем Бетман. — *Прим. науч. ред.*

[48] *Heiden K.* Hitler. Bd. 1. S. 168; *Heiden K.* Geschichte. S. 150; предыдущие цитаты, касающиеся фон Кара, см.: Münchener Post, 19.X.1923, а также: *Horn W.* Führerideologie. S. 128.

[49] По этому комплексу проблем см.: *Deuerlein E.* Der Hitler-Putsch. S. 221, 506; *Röhm E.* Op. cit. S. 228, а также: *Hoffmann H.* H. Op. cit. S. 107 f., 118.

В атмосфере недоверия и соперничества один замысел влек за собой другой. 24 октября Лоссов созвал в штабе военного округа представителей рейхсвера, земельной полиции и патриотических союзов, чтобы изложить перед ними мобилизационные планы рейхсвера для марша на Берлин, паролем было названо слово «Восход». Однако пригласил Лоссов только одного военного руководителя «Кампфбунда» Германа Крибеля, а Гитлер и командование СА оказались обойденными. В ответ на это Гитлер незамедлительно провел «большой войсковой смотр». Как говорилось в одном донесении того времени, «уже с раннего утра из города доносились барабанная дробь и музыка, и в течение всего дня повсюду можно было увидеть людей в форме с гитлеровской свастикой на рукавах или оберландовским эдельвейсом на фуражках»[50]. Кар, в свою очередь, тут же заявил, дабы развеять якобы «циркулирующие повсюду слухи», что он отклоняет любые переговоры с нынешним правительством страны.

Это походило на тихое, ожесточенное состязание, и вопрос, казалось, заключался лишь в том, кто же выступит первым, чтобы принять из рук спасенной нации «у Бранденбургских ворот лавровый венок победы». Своеобразный, окрашенный в местные цвета пыл пронизал все эти планы какой-то крайней фантастичностью и придавал этим разнообразным действиям оттенок какой-то широкомасштабной игры в индейцев и ковбоев в солдатском исполнении. Не задумываясь долго над истинным положением дел, действующие лица провозглашали, что пришло время «маршировать и решить наконец определенные вопросы подобно Бисмарку». Другие славили «ячейку порядка Баварию» и «баварские кулаки», которые должны «очистить этот берлинский свинарник». Родные сумерки лежали над столь охотно использовавшимися картинами, изображавшими столицу огромным Вавилоном, и некоторые из ораторов завоевывали сердца слушателей тем, что обещали «ядреным баварцам карательный поход на Берлин, победу над этой великой апокалипсической проституткой, а может быть, и немножко забав с ней». Один доверенный человек из гамбургского региона говорил Гитле-

---

[50] Донесение вюртембергской миссии в Мюнхене от 29 октября 1923 года. Цит. по: *Deuerlein E.* Der Hitler-Putsch. S. 90; о заявлении фон Кара см.: Dokumente der deutschen Politik und Geschichte. Bd. III. S. 133 f.

ру, что «миллионы людей в Северной Германии встанут в день расплаты на его сторону». Повсюду царило представление, что нация во всех ее сословиях и по всем городам и весям присоединится к мюнхенскому восстанию, как только оно начнется, и «немецкий народ разгуляется, как в 1813 году»[51]. 30 октября Гитлер взял назад данное им Кару слово, что не будет зарываться.

Правда, Кар и теперь еще не мог решиться действовать, да, возможно, он, как и Лоссов, никогда на деле и не думал о том, чтобы по собственной инициативе пойти на переворот. Иногда даже кажется, что «триумвират» со всей его патетикой, угрозами и планами развертывания скорее хотел лишь подтолкнуть Секта и национально-консервативных «господ с севера» на осуществление их диктаторских концепций, о которых так много повсюду шушукались, а сам собирался вступить в игру в тот момент, когда этого потребуют перспективы, а также баварские интересы. Чтобы прощупать обстановку, они в начале ноября направили в Берлин полковника Зейссера. Правда, вернулся тот обескураженным — рассчитывать на широкую поддержку не приходилось, Сект, в частности, занял сдержанную позицию.

После этого они созвали 6 ноября руководителей патриотических союзов и заявили весьма жестким тоном, что только они одни вправе начать ожидаемую акцию и руководить ею, а любое своеволие будет ими подавлено. Это было их последней попыткой взять назад в свои руки инициативу, которую они потеряли где-то между широковещательными заявлениями и постоянными колебаниями. И на эту встречу Гитлер тоже не был приглашен. В тот же вечер «Кампфбунд» пришел к согласию, что нужно будет использовать первую же представившуюся возможность для выступления и принудить какой-то подстрекательской акцией как «триумвират», так и максимально большое количество колеблющихся к маршу на Берлин.

Это решение часто приводится как свидетельство театрального, перевозбужденного и одержимого манией величия темперамента Гитлера и предается публичному осмеянию как «пивной путч», «политический карнавал», «путч на черной ле-

---

[51] *Deuerlein E.* Der Hitler-Putsch. S. 87; остальные цитаты см.: *Maser W.* Frühgeschichte. S. 422, 441; *Röhm E.* Op. cit. S. 228; *Heiden K.* Hitler. Bd. 1. S. 177.

стнице» или «потеха в духе Дикого Запада». Конечно, предприятие не лишено всех этих черт, но одновременно оно свидетельствует все же и об умении Гитлера оценить обстановку, о его смелости и тактической последовательности. И в нем в весьма примечательном сочетании содержится столько же элементов фарса и пьесы о разбойниках, сколько и холодной рациональности.

И в самом деле: вечером 6 ноября 1923 года у Гитлера, собственно, не оставалось выбора. От необходимости действовать ему нельзя было уйти уже с момента едва ли зарубцевавшегося к тому времени первомайского поражения. Иначе он рисковал потерять все, что выделяло его, превращая в настоящую величину, из массы партий и политиков и делало таким привлекательным, — радикальную, чуть ли не экзистенциальную серьезность его возмущения, поражавшую своей неуступчивостью и явственно не склонную к тайным компромиссам. А будучи фюрером «Кампфбунда», он уже располагал и военной мощью, чьей готовности к действиям больше не мешали разногласия внутри коллективного руководства, да и, наконец, отряды штурмовиков нетерпеливо рвались в бой.

Их беспокойство имело разные причины. Оно отражало авантюризм охочих до приключений профессиональных солдат, которые после недель конспиративной подготовки хотели наконец выступить и добраться до цели. Многие лелеяли надежду, что грядущая национальная диктатура снимет ограничения Версальского договора по численному составу рейхсвера. Находясь уже неделями в состоянии предмаршевой подготовки, некоторые из отрядов принимали участие в осенних маневрах рейхсвера. Теперь же, однако, все средства были израсходованы, истощились и резервы Гитлера, рядовые голодали, и только Кар мог еще содержать свои подразделения. Обращение капитана Эрхардта к промышленникам в Нюрнберге принесло 20 000 долларов.

Дилемма, перед которой оказался Гитлер, отчетливо выражена в показаниях командира полка СА «Мюнхен» Вильгельма Брюкнера[52], данных им на одном из закрытых заседа-

---

[52] Обер-лейтенант и член Добровольческого корпуса фон Эппа Вильгельм Фридрих Брюкнер (11.12.1884—20.4.1954) был назначен командиром полка СА «Мюнхен» 1 февраля 1923 года. С февраля 1934 года — шеф-адъютант фюрера и рейхсканцлера. В октябре 1940 года в результате интриг М. Бормана снят с поста. В 1941—1944 году воевал на фронте, полковник. — *Прим. науч. ред.*

ний во время происходившего позднее судебного процесса. «У меня было такое впечатление, что сами офицеры рейхсвера были недовольны тем, что марш на Берлин не состоялся. Они говорили: и этот Гитлер — такое же трепло, как все остальные. Вы не выступаете. Кто выступит первым, нам без разницы, мы просто пойдем с ними. Я и Гитлеру лично сказал: Наступит день, когда я уже не смогу удержать людей. Если сейчас ничего не произойдет, они просто сбегут. А у нас среди них очень много безработных, людей, которые расплачивались за обучение своей последней одеждой, последней обувью, последним грошом и говорили: Ну, теперь вот начнется, нас возьмут в рейхсвер, и конец всем нашим бедам»[53]. Сам Гитлер в начале ноября сказал в разговоре с Зейссером, что теперь должно что-то произойти, иначе экономическая нужда погонит рядовых из «Кампфбунда» в лагерь коммунистов.

К опасению Гитлера, что подразделения «Кампфбунда» могут развалиться, добавлялась и обеспокоенность тем, что уходит время, — революционное недовольство грозило лопнуть, слишком туго была уже натянута струна. Одновременно конец борьбы за Рур и разгром левых обозначили поворот к нормализации. Казалось, что и инфляция будет вот-вот усмирена, а с концом кризиса исчезала и надежда для Гитлера. Было уже очевидно, что широкий простор для агитации Гитлеру открывался именно благодаря бедам нации. Он не имел права колебаться, даже если решению мешало то или другое данное им честное слово. Еще более сомнительным представлялось то, что не соответствовало его теоретической концепции, — он рискнул пойти на революцию без одобрения господина президента.

Однако он надеялся получить это одобрение и даже прямую поддержку господина президента именно благодаря решению совершить поступок. «Мы были убеждены, что до дела тут дойдет только тогда, когда к желанию присоединится воля», — так потом заявит Гитлер на суде. Таким образом, сумме весомых причин, говоривших — все без исключения — за необходимость действовать, противостояла только та опасность, что планируемая авантюра не окажет ожидаемого эффекта и не сумеет увлечь «триумвират». Кажется, Гитлер недостаточно учел эту опасность, потому что добивался-то ведь он того же, что и планировали эти госпо-

[53] Цит. по: *Heiden K.* Geschichte. S. 143.

да, но в конечном итоге эта-то ошибка и приведет к крушению всей операции и покажет всю оторванность Гитлера от реальности. Правда, сам он с таким упреком никогда не согласится, более того, для него всегда будет нечто привлекательное в презрении к действительности, а ставшие знаменитыми слова Лоссова, что он примет участие в государственном перевороте, только если шансы на удачный исход составят 51 %, будут для него примером достойной презрения беспросветной практичности[54]. Однако за решение предпринять акцию говорили не только рациональные причины — можно сказать, что сам ход истории подтвердил в более широком смысле правоту Гитлера. Ибо эта операция, окончившаяся единственным в своем роде поражением, обернулась все-таки решающим прорывом Гитлера на его пути к власти.

В конце сентября, в ходе всех этих лихорадочных приготовлений и позиционных маневров, Гитлер организует в Байройте один из очередных «Дней Германии» и просит разрешения посетить мемориальный дом Вагнера «Ванфрид». С глубоким волнением осматривает он комнаты, кабинет и большую библиотеку маэстро и его могилу в саду. Затем он был представлен Хьюстону Стюарту Чемберлену, женатому на дочери Рихарда Вагнера и оказавшему своими сочинениями немалое влияние на Гитлера в годы его формирования. Почти полностью парализованный старик едва ли смог разглядеть посетителя, но почувствовал исходившие от того энергию и целеустремленность. В письме, которое он написал своему визитеру неделю спустя, 7 октября, он называет Гитлера не только предтечей и спутником некой более великой личности, но и самим спасителем, решающей фигурой немецкой контрреволюции. Я ожидал, пишет он, встретить фанатика, однако мое чувство говорит мне, что Гитлер — это нечто иное, нечто более творческое, и что он, несмотря на всю его ощутимую силу воли, не является человеком насилия. Теперь, продолжает автор письма, я наконец спокоен, и со-

---

[54] Эти слова Лоссова, сказанные им, как следует из различных свидетельств, некоторым руководителям «Кампфбунда» сразу же после совещания 6 ноября, хотя и опровергались позднее, однако в их достоверности нет никаких сомнений. См.: *Deuerlein E.* Op. cit. S. 97. В выступлении 8 ноября 1936 года, посвященном памяти ноябрьских событий, Гитлер сам, например, иронизировал по поводу высказывания Лоссова; см.: *Domarus M.* Op. cit. S. 654.

стояние моей души сразу же переменилось: «То, что Германия в часы своей величайшей нужды рождает такого человека, как Гитлер, доказывает ее жизнеспособность»[55].

Для терзаемого неуверенностью, только в самых буйных фантазиях пробивающегося к осознанию своего ранга демагога, стоявшего именно в тот момент перед одним из главнейших в жизни решений, эти слова явились как бы зовом самого Мастера из Байройта.

Глава IV

ПУТЧ

И тут кто-то закричал: «Они идут! Хайль Гитлер!»

Из рассказа очевидца событий 9 ноября 1923 года

Два дня перед 8 ноября были наполнены нервозной активностью. Все вели друг с другом какие-то переговоры, Мюнхен был переполнен военными приготовлениями и слухами. Первоначальные планы «Кампфбунда» предусматривали, что 10 ноября, как только стемнеет, начнутся крупные ночные учения в роще Фретманингерхейде на севере Мюнхена, а рано утром их участники под видом одного из обычных маршей войдут в Мюнхен, провозгласят установление национальной диктатуры и заставят «триумвират» действовать. Еще во время совещания стало известно, что вечером 8 ноября фон Кар выступит с программной речью в пивной «Бюргербройкеллер», куда будут приглашены члены правительства, а также Лоссов, руководители государственных учреждений, патриотических объединений, а также промышленники. Беспокоясь, как бы Кар не опередил его, Гитлер в последний момент отменил все прежние планы и решил начать действовать уже на следующий день. Тут же в спешном порядке были собраны подразделения СА и «Кампфбунда».

Собрание начиналось в 20 часов 15 минут. В долгополом черном сюртуке и с Железным крестом на груди Гитлер направился в незадолго до того приобретенном «Мерседесе» к «Бюргербройкеллер». Его сопровождали Альфред Розенберг,

[55] Письмо опубликовано: Illustrierter Beobachter, 1926. Nr. 2. S. 6.

Оскар Граф[1] и ничего не подозревавший Дрекслер, который в тот вечер в последний раз оказался участником важных событий. Дабы сохранить тайну, ему сообщили только, что едут на собрание за чертой города. Когда же Гитлер по пути открыл ему, что в половине девятого он собирается нанести удар, раздосадованный Дрекслер самоустранился от участия, сказав лишь, что желает операции успеха.

У входа в зал царила большая толчея, и, озабоченный, как бы не сорвался запланированный штурм только что начавшегося собрания, Гитлер властно приказал дежурному полицейскому офицеру очистить вестибюль. И вот когда Кар как раз излагал «нравственное обоснование диктатуры», ссылаясь на образ нового человека, в дверях зала появился Гитлер. По свидетельствам очевидцев, он был чрезвычайно возбужден. А в это время к зданию уже подъехали грузовики, и выскочившие из них штурмовики из Ударного отряда «Адольф Гитлер»[2] окружили «Бюргербройкеллер» по всем правилам военного искусства. Со свойственной ему склонностью к театральным жестам Гитлер стоял в дверях с кружкой пива в поднятой руке, и когда рядом с ним выкатили тяжелый пулемет, он сделал последний драматический глоток, а затем бросил кружку на пол и во главе вооруженных соратников с револьвером в поднятой руке бросился в середину зала. И пока еще не стих звук падающих кружек и опрокинутых стульев, Гитлер вскочил на один из столов, произвел, чтобы призвать к тишине, свой знаменитый выстрел в потолок и стал протискиваться сквозь растерявшуюся толпу к сцене. «Национальная революция началась! — закричал он. — Зал окружен шестьюстами вооруженными до зубов людьми! Никто не имеет права покидать зал. Если сейчас же не будет тишины, я прикажу установить на галерее пулемет. Баварское правительство и правительство рейха низложены! Образуется Временное правительство рейха! Казармы рейхсвера и земельной полиции захвачены! Рей-

---

[1] Автор, видимо, имеет в виду Ульриха Графа (6.7.1878—3.3.1950) — одного из основателей нацистской партии. В 1920—1923 годах он являлся личным телохранителем А. Гитлера, был членом Ударного отряда «Адольф Гитлер». Впоследствии вместе с Эмилем Морисом нацистской пропагандой назван «первым солдатом СА». — *Прим. науч. ред.*

[2] Ударный отряд «Адольф Гитлер» (Stosstrupps Adolf Hitler) был сформирован в качестве личной охраны Гитлера в мае 1923 года на основе штабной охраны НСДАП. Включал в себя около 30 человек, руководители Берхтольд, Шрек и Морис. — *Прим. науч. ред.*

хсвер и земельная полиция уже выступают под знаменами со свастикой». Затем он, как утверждают очевидцы, «грубым приказным тоном» пригласил Кара, Лоссова и Зейссера последовать за ним в соседнее помещение. И пока штурмовики наводили среди присутствовавших, которые уже пришли в себя от шока и начали громко кричать «Театр!» и «Южная Америка!», приобретенными в пивных баталиях методами порядок, Гитлер лез из кожи вон, чтобы завоевать на свою сторону строптивых правителей Баварии.

Несмотря на все противоречия и так и оставшиеся неясными взаимосвязи, главные черты происходившего были предельно отчетливы. Размахивая револьвером, Гитлер заявил членам «триумвирата», что никто из них живым это помещение не покинет. Тут же он по всем правилам извинился за то, что ему пришлось столь необычным способом поставить их перед свершившимися фактами, — мол, этим он просто хотел облегчить господам их вступление в новые должности. Так что теперь им уже ничего не остается, как идти вместе с ним. Пенер назначается баварским премьер-министром с диктаторскими полномочиями, Кар станет наместником Баварии, сам Гитлер возглавит новое правительство страны, Людендорф будет командовать национальной армией во время ее марша на Берлин, а для Зейссера был приготовлен пост министра полиции. Все больше возбуждаясь, он воскликнул: «Я знаю, что этот шаг дастся вам нелегко, господа, но сделать этот шаг нужно! Нужно помочь вам, господа, найти трамплин! Каждый должен занять положенное ему место. И если он этого не делает, он потеряет право на существование. Вы должны бороться вместе со мной. Победить вместе со мной. Или умереть вместе со мной. Если дело сорвется, то в моем револьвере четыре пули — три для моих соратников, если они меня покинут, а четвертая — для себя». Затем он, как свидетельствует один из источников, поднес револьвер к виску и сказал: «Если завтра после полудня я не буду победителем, я буду трупом».

Однако, к удивлению Гитлера, это не произвело на «триумвират» почти никакого впечатления. Наиболее хладнокровным оставался в этой ситуации фон Кар. Явно оскорбленный дурацким антуражем этой авантюрной пьесы и той ролью, которая ему в ней отводилась, он заявил: «Господин Гитлер, вы можете приказать меня расстрелять, можете и сами меня застрелить. Но смерть не имеет для меня никакого

значения». Зейссер упрекнул Гитлера в том, что тот нарушил данное слово. Лоссов молчал. А у дверей и окон стояли вооруженные сторонники Гитлера, то и дело вскидывая ружья наизготовку.

На какое-то мгновение показалось, что из-за молчаливого самообладания «троицы» эта внезапная акция потерпит провал. В тот момент, когда Гитлер, бросив пивную кружку на пол, подал сигнал к путчу, от «Бюргербройкеллер» спешно отъехал на машине Шойбнер-Рихтер, чтобы привезти не посвященного до того в дело Людендорфа. Гитлер теперь ожидал его приезда, рассчитывая, что генерал с его авторитетом поможет ему добиться желаемого развития событий. А пока он вернулся назад в бурлящий зал. Раздосадованный неудачей, он полагал, что его воздействие на массы окажется куда более эффективным. Историк Карл Александр фон Мюллер описывает увиденное глазами очевидца все раздражение этих «сливок общества», удерживаемых не скупившимися на издевки и угрозы грубыми штурмовиками, чей предводитель в это время в возбужденном состоянии протискивался к трибуне. И вот он стоял перед ними — несерьезный, амбициозный молодой человек с какими-то явно сумасбродными отклонениями, обладавший своеобразным воздействием на простолюдинов. Этот нелепый в своем черном сюртуке, придававшем ему (что не могло не вызывать усмешки) черты официанта, человечек стоял перед холодной самоуверенной знатью страны и «мастерской речью, всего несколькими фразами вывернул настроение зала... как перчатку. Нечто подобное, — продолжает очевидец, — мне доводилось видеть потом очень редко. Когда он взошел на сцену, волнение было так велико, что его не было слышно, и он выстрелил в воздух. Я и сейчас еще вижу это движение в зале. Он вытащил браунинг из заднего кармана... Он пришел, чтобы сказать, что его предыдущие слова о том, что дело будет улажено через десять минут, не оправдались»[3]. Но как только он встал перед залом, он увидел, как лица стали обращаться к нему, на них появилось выражение ожидания, и возбужденные голоса сменились осторожными покашливаниями. И Гитлер снова обрел уверенность в себе.

---

[3] Здесь и далее приводятся свидетельства К.А. фон Мюллера из протокола процесса по делу Гитлера (9-й и 13-й день слушаний); см.: Protokoll des Hitlerprozess. S. 60 ff., u. S. 57.

Строго говоря, он мало что мог сообщить собранию. Отрывистым, командным тоном он повторил только то, что было до этого всего лишь эксцентричными надеждами, предчувствиями и чаяниями. Затем он провозгласил: «Задача временного германского национального правительства — всеми силами этой земли и силами всех немецких областей выступить походом на этот погрязший в грехах Вавилон — Берлин и спасти немецкий народ. И вот я спрашиваю вас — там находятся три человека: Кар, Лоссов и Зейссер. До боли трудно дался им такой шаг. Согласны ли вы с таким решением германского вопроса? Вы видите — нами движет не самомнение и не корысть. Нет, стрелки уже приближаются к двенадцати — и мы хотим начать борьбу за наше немецкое Отечество. Мы хотим построить федеративное государство, в котором Бавария получит то, что принадлежит ей по праву. Либо утром в Германии будет национальное немецкое правительство, либо мы будем мертвы!» Сила его убеждения, а также обманный маневр — утверждение, будто Кар, Лоссов и Зейссер с ним заодно, — повлекли за собой то, что очевидец называет «поворотом на 180 градусов». Гитлер покинул зал, «уполномоченный сказать Кару, что если он присоединился, то его поддержит весь зал».

К этому времени уже прибыл Людендорф — нетерпеливый и явно недовольный скрытностью Гитлера, а также его самовластным распределением должностей, где ему, Людендорфу, досталось всего лишь руководство армией. Никого ни о чем не спросив, он без обиняков заявил, что предлагает «триумвирату» ударить с ним по рукам и что для него это тоже неожиданность, но речь ведь идет о великом историческом деле. И только теперь, под личным влиянием этого легендарного национального героя, «троица» начала уступать. Лоссов, как старый офицер воспринял предложение Людендорфа как приказ, Зейссер последовал его примеру. Один лишь Кар продолжал упорствовать, а когда Гитлер стал умолять его присоединиться к ним, говоря, что люди на коленях будут благодарить его за это, Кар равнодушно возразил, что такие вещи его не волнуют. В этих двух фразах, как под вспышкой молнии, проявилось все различие между жадным до театральных эффектов темпераментом Гитлера и трезвым отношением к власти чиновника от политики.

Однако в конце концов под все усиливающимся давлением и Кар и его товарищи направились обратно в зал, чтобы разыграть сцену братания. Демонстрации показного единства

было достаточно, чтобы присутствовавшие вскочили на стулья. Под восторженную овацию актеры пожали друг другу руки. Но если Людендорф и Кар выглядели перед вошедшим в раж залом бледными и с застывшим взором, то Гитлер, по свидетельству очевидца, «прямо-таки светился от радости», будучи «в состоянии блаженства... от того, что ему посчастливилось подвигнуть Кара на то, чтобы тот сотрудничал». На какой-то короткий сладостный момент ему показалось, что он достиг того, о чем всегда мечтал: его бурно приветствовали влиятельные люди, как бы возмещая этой овацией всю горечь, которую ему довелось пережить начиная с венских времен. На его стороне были фон Кар и авторитет государства, рядом с ним был национальный полководец Людендорф. Нет, как несостоявшийся диктатор Людендорф был уже ниже его — человека без профессии, так долго искавшего свое место в жизни и так часто терпевшего крушение, но вот оказавшегося так высоко. «Потомкам это будет казаться сказкой», — так любил говорить он сам, с изумлением оглядываясь на захватывающие дух повороты своей жизни, вознесшие его к вершине славы[4]. Он действительно имел право сказать, что с этого мгновения — независимо от того, чем закончится его авантюра, — это уже не будет, как в прошлые годы, игрой на провинциальной сцене. Теперь он вышел на большую сцену. Пылко, не замечая смешной патетичности своих слов, он завершил свое выступление: «Я хочу выполнить сегодня то, о чем поклялся самому себе ровно в этот же день пять лет назад, когда я лежал полуослепший в лазарете, — не знать ни покоя ни отдыха, пока ноябрьские преступники не будут повергнуты в прах, пока на руинах сегодняшней жалкой Германии не возродится Германия мощи и величия, свободная и счастливая. Аминь!»[5] Зал бесновался и ликовал, так что другим пришлось выступить лишь с краткими заявлениями. Кар произнес несколько не очень внятных слов о своей приверженности монархии, родной Баварии и немецкому отечеству[6], Люден-

---

[4] См., например, выступление 8 ноября 1935 года, Цит. по: *Domarus M.* Op. cit. S. 554.

[5] Цит. по: *Heiden K.* Geschichte. S. 158.

[6] Кар сказал: «В минуту величайшей опасности для родины и отечества я принимаю на себя руководство судьбами Баварии в качестве наместника монархии, разбитой дерзновенной рукой пять лет назад. Я делаю это с тяжелым сердцем, надеюсь, к благу нашей баварской родины и нашего великого германского отечества». См. *Heiden K.* Geschichte. S. 158. — *Прим. науч. ред.*

дорф говорил о поворотном моменте и, все еще сердясь на поведение Гитлера, заверил: «Преисполненный величием момента и застигнутый врасплох, я в силу своего собственного права отдаю себя в распоряжение германского национального правительства».

Штурмовики стали расходиться, не забыв, однако, арестовать премьер-министра фон Книллинга, присутствовавших в зале министров, а также полицай-президента Мюнхена. В то время как Рудольф Гесс со своим студенческим отрядом СА препровождал арестованных на виллу Юлиуса Лемана (издателя из кругов «фёлькише»), Гитлера срочно вызвали из зала и сообщили, что произошла стычка у казарм саперов. Как только он покинул помещение — это было около 22 часов 30 минут, — Людендорф дружески распрощался с Лоссовом, Каром и Зейссером, и те растворились в ночи.

Когда же Шойбнер-Рихтер и возвратившийся Гитлер, инстинктивно чувствуя, что случилось что-то неладное, выказали свои сомнения, Людендорф грубо наорал на них — он не позволит ставить под сомнение честное слово немецкого офицера. А ведь примерно за два часа до того Зейссер поставил в вину Гитлеру, что тот своими действиями нарушил свое честное слово. Эти два факта зеркально отразили конфронтацию двух миров — буржуазного с его принципами, его points d'honneur[7] и характерным чванством лейтенанта запаса с одной стороны, и ориентированного исключительно на свои цели захвата власти, лишенного предрассудков мира нового человека — с другой. Последовательно используя буржуазные нормы и понятия о чести, постоянно заверяя в своей верности правилам игры, которые на деле он презирал, Гитлер годами будет обеспечивать себе превосходство, лишенное каких-либо сентиментальных чувств, и продемонстрирует принцип успеха в окружавшем его мире, бывшем не в состоянии расстаться с принципами, в которые он и сам-то уже не верил. Но в ту ночь Гитлер встретился с «противниками, ответившими на клятвопреступление клятвопреступлением и выигравшими игру»[8].

---

[7] Взгляды на честь *(франц.)*.

[8] Когда люди уже стали расходиться, присутствовавший здесь министр внутренних дел Швейер подошел к Гитлеру, чувствовавшему себя героем вечера, потрепал его по плечу «словно рассерженный учитель в школе» и сказал, что эта «победа не что иное, как клятвопреступление». Цитируемое замечание К. Хайдена имеет в виду этот эпизод, см.: *Heiden K.* Hitler. Bd. 1. S. 181.

Однако все равно это была великая для Гитлера ночь, в которой было все, к чему его так тянуло: драматизм, ликование, упорство, эйфория действия и то ни с чем не сравнимое возбуждение полуяви-полусна, которым его не баловала реальность. В последующие годы на юбилейных торжествах, которые он будет отмечать со все более возрастающей помпезностью, Гитлер попытается сохранить переживания и величие этого часа. «Придут лучшие времена, — сказал он Рёму, обняв своего друга. — Мы все хотим трудиться день и ночь ради великой цели — вызволить Германию из бездны нужды и позора». Были сочинены обращение к немецкому народу и два указа, которыми учреждался трибунал для вынесения приговоров за политические преступления, а также «объявлялись с сегодняшнего дня вне закона... главные виновники предательства 9 ноября 1918 года» и вменялось в обязанность «выдавать их живыми или мертвыми в руки народного национального правительства»[9].

А в это время уже начали предприниматься меры по локализации путча. Когда Лоссов вернулся из «Бюргерброй-келлер», высшие офицеры встретили его замечанием, в котором явно проглядывала угроза: сцена братания с Гитлером была всего-навсего блефом, и так к ней и надо относиться. Какие бы неясные сомнения ни обуревали до того генерала, встретившись со своими офицерами, он оставил все мысли по поддержке путчистов. Вскоре и Кар выступил с заявлением, в котором взял назад данное им согласие, ибо оно — так объяснил он свою поведение — было вырвано у него силой оружия. Одновременно Кар объявил НСДАП и «Кампфбунд» распущенными. Ничего не подозревавший Гитлер тем временем лихорадочно собирал силы для марша на Берлин, а государственный комиссар уже дал указание перекрыть сторонникам НСДАП доступ в Мюнхен. К этому времени один из охваченных революционным пылом ударных отрядов уже разгромил помещение социал-демократической газеты «Мюнхенер Пост». Другие отряды врывались в дома, захватывали заложников и хватали без разбору все, что плохо лежит, а Рём занял здание штаба VII военного округа на Шёнфельдштрассе. Но что делать дальше, никто не знал. А время шло. Начал падать легкий мокрый снежок. Было уже за полночь, но никаких известий от Кара и Лос-

[9] См.: *Hoffmann H.H.* Op. cit. S. 186; *Röhm E.* Op. cit. S. 235.

сова не поступало, и это беспокоило Гитлера. Посланные курьеры не возвращались. Фрик, вероятно, был арестован, Пенера тоже нигде не могли найти. Видимо, и Гитлер стал понимать, что его обвели вокруг пальца.

Как это всегда бывало при неудачах и разочарованиях, нервы Гитлера мгновенно сдали — с крахом одного замысла рухнули и все остальные. Когда той же ночью в «Бюргербройкеллер» появился Штрейхер и предложил все же обратиться с призывом к массам и тем самым добиться успеха, Гитлер, по свидетельству самого Штрейхера, посмотрел на него большими глазами и, поникший и растерянный, написал записку, которой передал «всю организацию» в его руки — казалось, он уже ни во что не верил[10]. А затем, как всегда, за апатией вновь наступил взрыв отчаяния — эта безудержная смена настроений предвосхищала картину судорог и приступов бешенства более поздних лет. Гитлер то был готов дико сопротивляться, то столь же буйно отказывался от всех планов и, наконец, принял решение провести на следующий день демонстрацию. «Получится — хорошо, не получится — повесимся», — заявил он. Эти слова тоже предвосхищали его постоянные колебания между крайностями в последующие годы — победа или гибель, триумф или самоуничтожение. Но когда посланная им группа, которая должна была изучить настроение масс, вернулась назад с благоприятными донесениями, он тут же обрел вновь надежду, радость и веру в силу агитации. «Пропаганда, пропаганда, — восклицал он, — теперь все дело только за пропагандой!» Незамедлительно он назначил на вечер четырнадцать массовых собраний, на которых собрался выступать главным докладчиком. Еще одно мероприятие было запланировано на день — десятки тысяч людей должны собраться на площади Кёнигсплац и выразить поддержку национальному восстанию. Уже утром он заказывает афиши, информирующие об этом мероприятии[11].

Это был и впрямь весьма характерный, более того, единственный обещавший успех выход, который еще оставался у Гитлера. Чуть ли не все историки упрекают его в том, что как революционер он в решающий момент оказался несостоятельным. Но это едва ли справедливый упрек — здесь не

---

[10] Из показаний Юлиуса Штрейхера на Нюрнбергском процессе, IMT. Bd. VII. S. 340.

[11] См.: *Heiden K.* Hitler. Bd. 1. S. 109.

учитываются предпосылки и цели Гитлера[12]. Да, конечно, нервы у него сдали, но то обстоятельство, что он не дал команду занять телеграф и здания министерств и не взял под свой контроль ни вокзалы, ни казармы, было совершенно логичным, поскольку он ни в коем случае не собирался революционным путем захватывать власть в Мюнхене, а хотел, имея в своем тылу баварские власти, двинуться маршем на Берлин. Эта бездеятельность значительно ярче, нежели оценки его критиков, говорила о понимании Гитлером того, что с уходом Кара и Лоссова провалилась и вся операция в целом. Что же касается демонстраций и агитации, то от них он, очевидно, уже не ждал никакого результата в смысле изменения ситуации. Он скорее всего лишь надеялся, что они обеспечат участникам путча (благодаря поддержке населения) защиту от политических и уголовных последствий. Хотя, конечно, в резких сменах его настроений в ту ночь появлялась иной раз и мысль увлечь за собой массы и, не оглядываясь на Мюнхен, все-таки выступить в неоднократно воспевавшийся «поход на Берлин». Захваченный силой воображения на своем собственном поле боя, Гитлер под утро выработал план — послать на улицы патрули с призывами «Вывешивайте флаги!»: «Вот тогда мы и посмотрим, будет ли энтузиазм на нашей стороне!»[13].

Перспективы операции были и впрямь достаточно благоприятными. Настроение населения, как это стало ясно утром, явно склонялось на сторону Гитлера и «Кампфбунда». Над ратушей, а также над многими административными зданиями и жилыми домами города развевались — иногда вывешенные явочным порядком — флаги со свастикой, а утренняя пресса с восторгом писала о том, что произошло накануне в «Бюргербройкеллер». За один день в партию вступило 287 новых членов, немалый приток отмечали и вербовочные бюро «Кампфбунда», созданные в различных частях города. В казармах младшие офицеры и рядовые открыто высказывали

---

[12] См., например: *Maser W.* Frühgeschichte. S. 453 f. Автор даже упрекает Гитлера в том, что тот будто бы домогался расположения генералов-монархистов; далее: *Heiden K.* Geschichte. S. 162 f. Двойственный характер носят высказывания А. Буллока, который, делает вывод о несостоятельности Гитлера как революционера, но в то же время оспаривает замысел революционного восстания: *Bullock A.* Op. cit. S. 109f.

[13] *Hoegner W.* Hitler und Kahr. S. 165.

поддержку планам Гитлера. Направленных Штрейхером агитаторов встречали в этой удивительно лихорадочной атмосфере холодного ноябрьского утра аплодисментами.

Однако поскольку Гитлер был отрезан от публики, от импульсов и стимулов, исходивших от восторженной людской толпы, то в первой половине дня его опять охватили сомнения. Уже в этот момент порой кажется, что массы и были в совершенно физическом смысле той стихией, которая повышала или уменьшала его уверенность, энергию и мужество. Ранним утром он отправил руководителя информационного бюро «Кампфбунда» лейтенанта Нойнцерта к кронпринцу Рупрехту[14] в Берхтесгаден с просьбой выступить посредником и отказался что-либо предпринимать, пока тот не вернется назад. Он боялся также, что предстоящая манифестация приведет к столкновению с войсками и фатальным образом повторит незабытое еще первомайское поражение. И только после продолжительных дебатов, в ходе которых Гитлер медлил, сомневался и безуспешно ждал возвращения Нойнцерта, Людендорф положил конец всем разговорам своей энергичной фразой: «Мы выступаем!» Примерно к полудню образовалась колонна в несколько тысяч человек во главе со знаменосцами. Руководители путча и офицеры были поставлены в первые ряды. Людендорф был в гражданском, а Гитлер надел поверх вчерашнего сюртука макинтош. В одной шеренге с ним стояли Ульрих Граф, Шойбнер-Рихтер, а также доктор Вебер, Крибель и Геринг. «Мы шли, будучи убеждены, — скажет потом Гитлер, — что так либо этак, но это конец. Я помню, что, когда мы уже выходили наружу, на лестнице кто-то сказал мне: «Ну, теперь все кончено! » Каждый был убежден в этом»[15]. Распевая патриотические песни, они выступили в путь.

С первым кордоном земельной полиции колонна столкнулась на мосту через Изар[16], но полицейские пропустили

---

[14] Германский генерал-фельдмаршал, кронпринц Баварский Рупрехт (18.5.1869—2.8.1955) был старшим сыном баварского короля Людвига III. После смерти отца он возглавил королевский дом Виттельсбахов. — *Прим. науч. ред.*

[15] Из выступления 8 ноября 1935 года. Цит. по: *Domarus M.* Op. cit. S. 553.

[16] «Бюргербройкеллер» располагалась на левом берегу Изара, и, чтобы добраться до центра города, путчистам было необходимо преодолеть реку. — *Прим. науч. ред.*

путчистов после угрозы Геринга, что при первом же выстреле будут расстреляны все арестованные заложники. Шеренги по шестнадцать человек мгновенно обошли растерявшихся полицейских с обоих флангов, окружили и обезоружили их; в полицейских плевали, награждали их оплеухами. На площади Мариенплац перед мюнхенской ратушей Штрейхер обратился с трибуны с речью к собравшейся толпе. Тут с полным правом можно говорить о том, насколько глубок был кризис, охвативший Гитлера, — человек, к которому массы стремились «как к избавителю», молча маршировал в тот день в рядах колонны[17]. Он держал под руку Шойбнер-Рихтера, и это тоже был странный жест ищущего опоры, зависимого человека, так мало отвечавший его собственному представлению о том, каким должен быть фюрер. Под аплодисменты жителей колонна зачем-то пошла далее узкими улочками к центру города. Когда колонна подошла к Резиденцштрассе, головная группа запела «Славься, Германия». При подходе к площади Одеонсплац колонну встретил еще один полицейский кордон.

То, что случилось потом, как все это началось и развивалось, выяснить уже невозможно. Из путаных, частью фантастических, а частью диктовавшихся попытками самооправдания свидетельских показаний неопровержимо следует только одно — сперва прозвучал одиночный выстрел, перешедший затем в интенсивную перестрелку, длившуюся от силы 60 секунд. Первым рухнул на землю Шойбнер-Рихтер — он был сражен наповал. Падая, он потащил за собой Гитлера и вывихнул ему ключицу. Затем упал бывший 2-й председатель партии Оскар Кёрнер[18], а также судебный советник фон дер Пфортен. Всего же было убито и смертельно ранено 14 человек из числа шедших в колонне[19] и трое

---

[17] *Hoffmann H.H.* Op. cit. S. 201.

[18] Отставной фельдфебель санитарной службы Оскар Кёрнер (4.1.1875—9.11.1923) вступил в нацистскую партию в феврале 1920 года. С января 1921-го по январь 1922 года он занимал пост 2-го председателя НСДАП и до 1923 года отвечал за вербовку в партию новых членов. — *Прим. науч. ред.*

[19] На самом деле погибло 16 человек: Феликс Альфарт, Андреас Бауридль, Теодор Казелла, Вильгельм Эрлих, Мартин Фауст, Антон Рехенбергер, Оскар Кёрнер, Карл Кун, Карл Лафорс, Курт Нойбауэр, Клаус фон Папе, Теодор фон дер Пфортен, Йоханн Рикмерс, Макс Эрвин фон Шойбнер-Рихтер, Лоренц Риттер фон Странски, Вильгельм Вольф. — *Прим. науч. ред.*

полицейских. Многие другие, в частности Герман Геринг, получили ранения. И в то время как сыпался град пуль, падали и в панике разбегались люди, Людендорф, дрожа от гнева, продолжал шагать навстречу полицейским. Не исключено, что этот день закончился бы иначе, если бы за Людендорфом последовала хотя бы маленькая группа решительных людей. Но его примеру не последовал никто. Конечно, не трусость была причиной того, что многие бросились наземь, а инстинктивное почтение правых к авторитету государственной власти в образе ружейных стволов. С грандиозным высокомерием, столь отличавшим его от рабской идеологии соратников, «национальный полководец» дождался прибытия на площадь дежурного офицера и позволил себя арестовать. Одновременно с ним явились с повинной Брюкнер, Фрик, Дрекслер и доктор Вебер. Россбах бежал в Зальцбург, Герман Эссер нашел себе прибежище по ту сторону чехословацкой границы. Во второй половине дня — после непродолжительной перестрелки, стоившей жизни еще двум членам «Кампфбунда», — капитулировал и захвативший штаб военного округа Эрнст Рём. Его знаменосцем в тот день был молодой женоподобный человек в очках — сын уважаемого директора одной мюнхенской гимназии по имени Генрих Гиммлер. Без оружия, молча, члены «Кампфбунда» прошли прощальным маршем, с убитыми на плечах, по городу и разошлись. Рём был арестован.

Тупой героизм Людендорфа имел в первую очередь своим следствием разоблачение Гитлера, который в тот день во второй раз показал свою несостоятельность. Свидетельства его приверженцев расходятся лишь в несущественных деталях. Рассказывают, что еще до того, как все было уже решено, он выскочил из скопления бросившихся в укрытие спутников и кинулся наутек. Он оставил на поле боя убитых и раненых, и потом, вспоминая те события, говорил, что в той суматохе он был уверен, что Людендорф убит. Но ведь тогда тем более требовалось его присутствие. Пользуясь всеобщей неразберихой, он бежал на санитарной машине, а распространявшаяся им самим несколько лет спустя легенда, будто он выносил из-под огня беспомощного ребенка, которого он как-то раз даже демонстрировал в доказательство своего утверждения, была опровергнута людьми из окружения Людендорфа. Да и сам Гитлер от нее по-

том отказался[20]. Он спрятался в Уффинге у озера Штаффельзее, в 60 километрах от Мюнхена, в загородном доме Хелены Ганфштенгль, где лечил доставлявшую ему сильную боль вывихнутую ключицу. Заикаясь, он говорил, что все кончено и ему следует застрелиться, однако Ганфштенглям удалось отговорить его от этого. Два дня спустя он был арестован и «с бледным, изможденным лицом, на которое падала непослушная прядь волос», препровожден в крепость Ландсберг-на-Лехе. Озабоченный даже в катастрофических ситуациях своей жизни стремлением произвести эффект, он, прежде чем его увели, велел офицеру арестантской команды приколоть ему на грудь Железный крест 1-го класса.

И в тюрьме его часто охватывало состояние мрачного отчаяния, он сначала даже думал, «что застрелится»[21]. В течение следующих дней сюда же были доставлены Аманн, Штрейхер, Дитрих Эккарт и Дрекслер, в мюнхенских тюрьмах находились доктор Вебер, Пенер, доктор Фрик, Рём и другие. Одного Людендорфа так и не решились посадить. Сам Гитлер чувствовал себя явно неуютно — ведь было несправедливо, что он выжил, во всяком случае, он считал свое дело проигранным. Несколько дней он носился с мыслью — как всегда, совершенно серьезно — не ждать, когда его поведут на расстрел, а умереть, отказавшись принимать пищу. Позже Антон Дрекслер будет ставить себе в заслугу, что отговорил его от этой голодовки. И вдова его погибшего друга, фрау фон Шойбнер-Рихтер, тоже помогала ему бороться с мрачными настроениями этих дней. Ибо неожиданные выстрелы, прозвучавшие у пантеона Фельдхеррнхалле[22], означали не толь-

---

[20] См.: *Heiden K.* Geschichte. S. 192. В одной вышедшей в 1932 году публикации, написанной человеком из окружения Людендорфа и патетически озаглавленной фразой, которой Людендорф завершил утром 9 ноября дискуссию о целесообразности демонстрации, главное место уделяется разоблачению этой легенды: *Fügner K.* Wir marschieren. München, 1936. О ноябрьском путче в целом см. также подробное исследование Гарольда Дж. Гордона-мл.: *Gordon, jr. H.J.* Hitler-Putsch. 1923.

[21] Из сообщения правительства Верхней Баварии об аресте Гитлера в Уффинге. Цит. по: *Deuerlein E.* Der Hitler-Putsch. S. 373.

[22] Фельдхеррнхалле (Feldherrnhalle — «Зал полководцев») — мемориал, расположенный в центре Мюнхена на Одеонсплац между улицами Резиденцштрассе и Театинерштрассе. Возведен в 1841—1844 годах в честь побед баварской армии по приказу баварского короля Людвига I; архитектор Фридрих фон Гэртен, инженер Йохан Монингер. — *Прим. науч. ред.*

ко конец казавшегося неудержимым трехлетнего восхождения и всех его тактических соображений, но и — и это в первую очередь — страшное столкновение с действительностью. Начиная с самого первого, доведшего его до состояния оргазма выступления, играя под аплодисменты и шум роль великого героя, он жил преимущественно в фантастически иллюминированном мире, околдовывая со сказочных высот комедиантскими трюками массы и самого себя, и уже видел знамена, армии и триумфальные парады. И вот эта пелена, окутывавшая его сны наяву, вдруг грубо и неожиданно была сорвана. Примечательно, что утраченную уверенность он обретет, когда станет ясно, что готовится обычный судебный процесс. Он моментально почувствовал те возможности, которые будут предоставлены ему этой новой сценой, — драматические выступления, публику, аплодисменты. Позднее в одной своей знаменитой фразе он назовет потерпевшую фиаско операцию 9 ноября 1923 года «может быть, самым большим счастьем» своей жизни, имея в виду не в последнюю очередь предоставленный этим процессом шанс вернуться из состояния отчаяния и безысходности в столь хорошо знакомую ему ситуацию игрока — к возможности, сделав новую ставку, выиграть все и обратить катастрофу неподготовленного и окончившегося позором путча в конечном итоге в триумф демагога.

Процесс по делу о государственной измене, начавшийся 24 февраля 1924 года в здании бывшего военного училища на Блютенбургштрассе, проходил под знаком молчаливого сговора всех его участников: «Лучше всего не касаться сути тех событий». Перед судом предстали Гитлер, Людендорф, Рём, Фрик, Пенер, Крибель и еще четверо[23], а Кар, Лоссов и Зейссер выступали как свидетели. Уже из самой этой своеобразной процессуальной конфронтации, едва ли соответствовавшей сложным перипетиям своей предыстории, Гитлер извлек максимальную пользу. Он отнюдь не уверял суд в своей невиновности, как это делали, к примеру, участники Капповского путча. Там каждый клялся, что ничего не знал, никто ничего не планировал и не хотел. Буржуазный мир был подавлен тем, что у них не нашлось мужества ответить за свой поступок, обратиться к судьям и сказать: «Да, мы этого хотели,

[23] Кроме вышеперечисленных на скамье подсудимых оказались доктор Фридрих Вебер, Вильгельм Брюкнер, Роберт Вагнер и приемный сын Людендорфа Пернет. — *Прим. науч. ред.*

мы хотели свергнуть это государство». Поэтому Гитлер откровенно признался в своих намерениях, но решительно отверг обвинение в государственной измене.

«Я не могу признать себя виновным, — заявил он. — Да, я признаю, что совершил этот поступок, но в государственной измене я себя виновным не признаю. Не может быть государственной измены в действии, направленном против измены стране в 1918 году. Между прочим, государственная измена не может состоять в одной только акции 8 и 9 ноября — по меньшей мере ее нужно усматривать в отношениях и действиях за недели и месяцы до этого. Если уж мы совершили государственную измену, то я удивляюсь, что те, кто имел тогда такое же намерение, не сидят рядом со мной на этой скамье. Я, во всяком случае, должен отклонить это обвинение, пока мое окружение здесь не будет дополнено теми господами, которые вместе с нами хотели этого поступка, оговаривали и подготавливали его до мельчайших деталей. Я не чувствую себя государственным изменником, я чувствую себя немцем, который хотел лучшего для своего народа»[24].

Никто из тех, против кого была направлена эта атака, не мог ничем ему возразить, и таким путем Гитлер не только сделал из этого процесса «политический карнавал», как писал один из современников, но и сам превратился из обвиняемого в обвинителя, в то время как прокурор неожиданно для самого себя был вынужден выступать в роли защитника бывшего «триумвирата». Председатель суда вел процесс весьма либерально, он не оборвал ни одного из оскорблений и обвинений в адрес «ноябрьских предателей», и только когда публика разразилась уж слишком бурной овацией, он мягко попросил ее успокоиться. Даже когда судебный советник Пенер говорил об «этом Фрице Эберте» и заявил, что республика, «ее устройство и законы для меня не указ», судья не прервал его. Как сказал один из баварских министров на заседании кабинета 4 марта, суд «пока ничем не дал понять», что он придерживается иных убеждений, «нежели обвиняемые»[25]. Кар и

---

[24] Der Hitlerprozess. S. 28; предыдущее высказывание, в котором Гитлер отмежевывается от поведения участников Капповского путча, взято из выступления 8 ноября 1934 года. «Политическим карнавалом» назвал процесс Ганс фон Хюльсен. Цит. по: *Deuerlein E.* Aufstieg. S. 205.

[25] Неодобрительные высказывания о процессе принадлежат государственному министру фон Майнелю, см.: *Deuerlein E.* Der Hitler-Putsch. S. 216; приведенные слова Пенера см.: Ebd. S. 221 f.

Зейссер в такой ситуации весьма скоро сникли, бывший генеральный государственный комиссар, хмуро уставившись прямо перед собой, попытался в своем изобиловавшем противоречиями выступлении свалить всю вину за операцию на Гитлера, не понимая, что тем самым играет на руку тактике последнего. Только Лоссов защищался очень энергично. Вновь и вновь обвинял он своего противника в том, что тот множество раз нарушал данное слово, — «сколько бы господин Гитлер ни говорил, что это неправда». Фюрера НСДАП он изобразил, со всем презрением, присущим его сословию, «нетактичным, ограниченным, скучным, то бесчувственным, то сентиментальным и уж во всяком случае неполноценным человеком» и представил суду сделанное по его поручению заключение психолога: «Он считает себя немецким Муссолини, немецким Гамбеттой, а его свита, унаследовавшая византизм монархии, называет его немецким мессией». Когда же Гитлер несколько раз прерывал генерала, то вместо «наказания за неуважение к суду», которое, по мнению председательствовавшего, «не имело бы большой практической ценности», получал лишь увещевания умерить свой пыл[26]. Даже прокурор в своей обвинительной речи не поскупился на бросавшиеся в глаза комплименты в адрес Гитлера, расхвалив его «уникальный ораторский дар» и посчитав, что было бы «все же несправедливо называть его демагогом». С благожелательным респектом прокурор продолжал: «Свою частную жизнь он сохранил в чистоте, что при всех соблазнах, которые вполне естественно подстерегали его в качестве популярного партийного вождя, заслуживает особого признания... Гитлер — высокоодаренный человек, выбившийся из простых людей на достойную уважения позицию в общественной жизни, — и все это благодаря серьезному, настойчивому труду. Он отдался со всей самоотверженностью идеям, которыми он живет, и как солдат честно исполнял свой долг. Его нельзя упрекнуть в том, что он использовал в корыстных целях ту позицию, которую себе создал»[27].

Совокупность всех этих благоприятных обстоятельств чрезвычайно помогла Гитлеру переломить ход процесса. Хотя главную роль тут конечно же сыграло его собственное

---

[26] *Heiden K.* Hitler. Bd. 1. S. 198 f.; Der Hitlerprozess. S. 109 ff.

[27] Из речи первого прокурора Штенглейна. Цит. по: *Bennecke H.* Hitler und die SA. S. 104; см. также: *Hoffmann H.H.* Op. cit. S. 247.

умение, сделавшее из многократно осмеянного фиаско этого путча триумф и превратившее позор и нерешительность ночи на 9 ноября в героический поступок национального масштаба. Интуитивно и вызывающе проявленная уверенность, с которой Гитлер после только что пережитого тяжелого поражения встретил процесс и взял на нем всю вину за провалившуюся операцию на себя, дабы оправдать свое поведение высоким именем патриотического и исторического долга, является, без сомнения, одним из его наиболее впечатляющих политических достижений. В своем заключительном слове, точно отразившем самоуверенный характер его поведения на процессе, он, ссылаясь на прозвучавшее замечание Лоссова, которое сводило его до роли «пропагандиста и агитатора», заявил:

«Какие же маленькие мысли у маленьких людей! Присовокупите еще убеждение, что я не стремлюсь к завоеванию министерского поста. Я считаю недостойным великого человека желание закрепить свое имя в истории только тем, что он станет министром... То, что стояло у меня перед глазами, было с первого дня больше, нежели министерское кресло. Я хотел стать разрушителем марксизма. Я буду решать эту задачу, и если я ее решу, то титул министра был бы для меня просто насмешкой. Когда я впервые стоял перед могилой Вагнера, сердце мое переполнилось гордостью за то, что тут покоится человек, который запретил писать на могильной плите: «Тут покоится тайный советник, музыкальный директор, Его Превосходительство рыцарь Рихард фон Вагнер». Я горд тем, что этот человек и еще многие люди немецкой истории довольствовались тем, чтобы оставить потомкам свое имя, а не свой титул. Не из скромности хотел я тогда быть «барабанщиком», это — высшее, а все остальное — мелочь»[28].

Естественность, с которой он претендовал на право называться великим человеком и защищался от слов Лоссова, беззастенчивое самовосхваление уже с самого начала произвели ошеломляющий эффект и сделали Гитлера центральной фигурой процесса. Хотя ведомственная переписка с ее строгим чинопочитанием до самого конца упоминает Гитлера после Людендорфа, это стремление всех сторон щадить «генерал-

---

[28] Der Hitlerprozess. S. 264 ff. Хвалебные оценки поведения Гитлера на процессе см.: *Heiber H.* Adolf Hitler. S. 43; а также: *Bullock A.* Op. cit. S. 111 ff.

квартирмейстера Великой войны» дало Гитлеру дополнительный шанс, который он с успехом использовал, — взяв всю ответственность на себя одного, он оттеснил Людендорфа, не давая ему занять вакантную роль вождя всего движения «фёлькише». И чем дальше длился процесс, тем в большей мере исчезали для Гитлера авантюрность, ирреальность и полная безысходность операции. Уходило на задний план его, собственно говоря, весьма пассивное и растерянное поведение в то утро. Ко всеобщему изумлению, ход событий приобретал все больше и больше вид изобретательно спланированного и вполне увенчавшегося успехом мастерского путча. «Дело 8 ноября не провалилось», — заявит он еще в зале суда и публично заложит тем самым фундамент грядущей легенды. В последних фразах своего заключительного слова он вдохновенно обрисует видение своего триумфа в политике и истории:

«Обученная нами армия растет с каждым днем, с каждым часом. Именно в эти дни я льщу себя гордой надеждой, что придет час, когда эти неорганизованные толпы станут батальонами, батальоны превратятся в полки, а полки — в дивизии. Что старая кокарда будет очищена от грязи, и старые знамена будут вновь развеваться над колоннами. И тогда наступит примирение на вечном последнем суде Божьем, перед которым мы готовы предстать. Тогда из наших могил донесутся голоса к судье, который один вправе вершить суд над нами. Ибо не вы вынесете нам свой приговор, господа. Приговор вынесет суд истории. Он скажет свое слово об обвинении, возбужденном против нас. Тот приговор, который вынесете вы, я знаю. Но тот суд не будет спрашивать нас, замышляли ли мы государственную измену. Тот суд вынесет свой приговор нам, генерал-квартирмейстеру старой армии, его офицерам и солдатам, которые, будучи немцами, хотели лучшего своему народу и отечеству, были готовы сражаться и умереть. И пусть вы хоть тысячу раз признаете нас виновными, — богиня вечного суда с усмешкой порвет требование прокурора и приговор суда, ибо она оправдает нас».

Приговор Мюнхенского народного суда почти полностью совпал, как это точно будет кем-то подмечено, с предсказанным Гитлером приговором «суда истории». Лишь с большим трудом председателю удалось уговорить трех заседателей вообще признать подсудимых виновными, да и то только после того, как он заверил их, что Гитлер со всей определенностью

может рассчитывать на досрочное помилование. Само объявление приговора стало событием в жизни мюнхенского общества, которое рвалось чествовать своего скандалиста, коему оно так рьяно покровительствовало. Приговор, в преамбуле которого еще раз отмечались «чисто патриотический дух и благороднейшие помыслы» обвиняемых, предусматривал для Гитлера минимальное наказание — пятилетнее тюремное заключение и шестимесячный испытательный срок после освобождения. Людендорф был оправдан[29]. Когда же суд объявил о своем решении не прибегать в отношении человека, «который мыслит и чувствует так по-немецки, как Гитлер», к законодательно предусмотренному положению о высылке нарушивших закон иностранцев, это было встречено публикой в зале суда продолжительной овацией. А когда судьи уже покидали помещение, Брюкнер дважды громко крикнул: «Ну, теперь уж тем более!» Затем Гитлер показался в окне здания суда бурно приветствовавшей его собравшейся толпе. В зале за его спиной высились горы цветов. Государство в очередной раз проиграло схватку.

Все-таки казалось, что времени подъема Гитлера пришел конец. Правда, сразу же после 9 ноября в Мюнхене собирались толпы, которые стали устраивать сопровождавшиеся драками демонстрации в его защиту. Да и на последовавших вскоре выборах в ландтаг Баварии и в Рейхстаг сторонники «фёлькише» получили ощутимую прибавку в поданных за них голосах. Но партия — или закамуфлированная форма оной, в какой она продолжала выступать и после запрета, — не объединяемая более столь же магическими, сколь и макиавеллистскими способностями Гитлера, в короткое время распалась на отдельные группы, ревниво и ожесточенно враждовавшие друг с другом и утратившие какое-либо значение. Дрекслер даже жаловался, что Гитлер «своим идиотским путчем полностью развалил партию на веки вечные»[30]. Да и шансы, которыми пользовалась партийная агитация, почти исключительно питавшаяся комплексами общественного недовольства, стали уменьшаться. Начиная с конца 1923 года положение в стране стабилизировалось, в частно-

---

[29] Вебер, Крибель и Пенер получили по 5 лет тюремного заключения, остальные были приговорены к 15 месяцам заключения (в виде условного наказания). — *Прим. науч. ред.*

[30] *Frank H.* Op. cit. S. 43.

сти была остановлена инфляция, и в истории республики, столь несчастливо начавшейся, наступил период «счастливых годов». Поэтому, невзирая на все локальные мотивы, 9 ноября следует рассматривать как одну из перипетий более широкой драмы в общей истории веймарского времени. Этот день знаменовал собой завершение послевоенного периода. Казалось, что выстрелы у Фельдхеррнхалле принесли заметное отрезвление и обратили остававшийся столь долго замутненным, блуждавшим в ирреальности взор нации хотя бы частично к действительности.

Да и для самого Гитлера и его партии потерпевшая фиаско ноябрьская операция станет поворотным моментом, а тактические и личные уроки, которые он из нее извлечет, определят весь его дальнейший путь. И та мрачная торжественность культа, коим он окружит потом это событие, проходя ежегодным мемориальным маршем между дымящимися пилонами и устраивая на площади Кёнигсплац последнюю поверку павшим в то ноябрьское утро и упокоившимся навеки в своих бронзовых гробах, не сводится к одной лишь театромании Гитлера. Скорее, это было одновременно и данью уважения удачливого политика одному из памятных уроков его политического образования, ибо тот день и впрямь явился «может быть, самым большим счастьем» его жизни, «подлинным днем рождения» партии[31]. Он впервые принес ему известность не только в Баварии, но и во всей Германии, дал партии мучеников, легенду, романтическую ауру подвергшейся преследованию верности и даже нимб решительности. «Не заблуждайтесь, — говорил потом Гитлер в одной из своих приуроченных к очередной годовщине речей, где поднимал на щит все эти выгоды, приписывая их «мудрости Провидения». — Если бы мы тогда не выступили, я никогда не смог бы... основать революционное движение. И мне бы с полным правом могли сказать: ты витийствуешь, как все остальные, и делаешь так же мало, как все остальные»[32].

Стоя на коленях у Фельдхеррнхалле под прицелом подкреплявших авторитет государства ружейных стволов, Гитлер в то же время раз и навсегда определил свое отношение к го-

---

[31] См.: *Heiden K.* Geschichte. S. 169.

[32] Из выступления 8 ноября 1933 года. Цит. по: *Horkenbach C.* (Hrsg.). Das deutsche Reich von 1918 bis heute. S. 530 f. См. также выступление 8 ноября 1935 года, где дается подробное изложение тактических уроков событий 1923 года. In: *Domarus M.* Op. cit. S. 551 ff.

сударственной власти, ставшее исходным пунктом последовательного курса на ее завоевание, который был развит им в последующие годы и твердо проводился вопреки всем продиктованным нетерпением внутрипартийным боям и мятежам. Правда, как мы знаем, он уже и до этого обхаживал власть, чтобы заручиться ее благоволением. Его признание, будто бы он «с 1919-го по 1923 год вообще не думал ни о чем, а только о государственном перевороте»[33], нельзя понимать буквально, но теперь он учился рационализировать свою скорее инстинктивную тягу быть под сенью власти и превращать эту тягу в тактическую систему национал-социалистической революции. Ноябрьские дни научили его, что захват современной государственной структуры насильственным путем бесперспективен и что успех тут может обещать только путь конституционный. Разумеется, это отнюдь не означало готовности Гитлера признавать конституцию как обязательную в ходе осуществления его притязаний на господство. Это было всего лишь решением держать курс на нелегальность под защитой легальности. Никогда и не возникало сомнения, что все его многочисленные уверения в приверженности конституции в последующие годы имели в виду только одного кумира — закономерность борьбы за власть, да и сам он открыто говорил, что потом придет время расплаты. «Национальная революция, — писал Шойбнер-Рихтер еще в своем меморандуме от 24 сентября 1923 года, — не может предшествовать захвату политической власти, а вот завладение средствами полицейской власти создает предпосылку для национальной революции»[34]. Сделавшись «Адольфом Легалите»[35] — такой титул дали ему понимавшие что к чему и знавшие толк в иронии современники, — Гитлер стал приверженцем строгого порядка, искал симпатии знати и влиятельных инстанций и маскировал свои революционные намерения без устали повторяемыми клятвами о своем примерном поведении и заверениями о приверженности традициям. Прежние тона склонной к насилию агрессивности отныне приглушались и про-

---

[33] Из выступления 8 ноября 1936 года. Цит. по: VB, 9.11.1936.

[34] Цит. по: *Heiden K.* Geschichte. S. 135.

[35] От франц. legalite — «легальность». Ироническая параллель с Филиппом Эгалите (от французского «Равенство»), герцогом Луи-Филиппом-Жозефом Орлеанским (1747—1793), избравшим себе такое имя, чтобы подчеркнуть приверженность Великой французской революции, что, впрочем, не спасло его от гильотины — *Прим. пер.*

рывались весьма робко и довольно редко — он искал не конфронтации с государством, а сотрудничества. Такова была эта тактическая поза, вводящая и по сей день в заблуждение многих обозревателей и толкователей революционных амбиций Гитлера и породившая упрощенную и искаженную картину консервативной, а то и просто реакционной партии мелкой буржуазии.

Концепция Гитлера требовала прежде всего изменения отношения к рейхсверу. Неудачу 9 ноября он не в последнюю очередь объяснит тем, что не сумел привлечь на свою сторону верхушку вооруженных сил. Поэтому уже заключительное слово перед Мюнхенским народным судом положило начало тому обхаживанию рейхсвера, что стало одним из незыблемых, защищавшихся прямо-таки с догматическим упорством принципов. «Придет час, — воскликнул он в зале суда, — когда рейхсвер будет стоять на нашей стороне», и этой цели безжалостно подчинялась, к примеру, и роль собственной партийной армии — включая сюда и кровавый верноподданический адрес от 30 июня 1934 года. Но одновременно он вывел свои Штурмовые отряды из-под влияния армии — СА не должны стать ни составной частью рейхсвера, ни соперником его.

Отсюда следует, что Гитлер вышел из поражения у Фельдхеррнхалле не с одним только резко обозначившимся тактическим рецептом — оно, помимо этого, во многом изменило и его отношение к политике вообще. До этого он проявлял себя прежде всего своей категорической безусловностью, своими радикальными альтернативами и действовал при этом «как стихийная сила», считал что политика — по приобретенной им на войне модели бытия — это штурм позиций врага, прорыв его линий, схватка и в конечном итоге всегда победа либо поражение. И только теперь, кажется, Гитлер начинал понимать во всем объеме смысл и шанс политической игры, тактических изысков, ложных компромиссов и долговременных маневров, преодолевать свое диктуемое эмоциями, наивно-демагогическое, «художническое» отношение к политике. Со сцены окончательно уходит следующий событиям и собственным импульсивным реакциям агитатор, освобождая место для методически действующего технолога власти. Поэтому неудавшийся путч 9 ноября — одна из огромных и решающих вех в жизни Гитлера: закончились годы его ученья, а в более точном смысле можно сказать, что только теперь и состоялось вступление Гитлера в политику.

Ганс Франк — адвокат Гитлера, а впоследствии генерал-губернатор Польши — в своих показаниях на Нюрнбергском процессе заметит, что «вся жизнь Гитлера в истории», «субстанция всего его характера» проявились в зародыше уже в дни ноябрьского путча. И что тут в первую очередь бросается в глаза, так это сочетание самых противоречивых состояний, характерные самонагнетания и спады чувств, так откровенно напоминающие истерические сны наяву и веру в свои фантазии подростка, планирующего города, сочиняющего оперу и что-то изобретающего, а затем — безо всякого перехода — тяжкое похмелье, жестикуляция все просадившего, отчаявшегося игрока и его сползание в апатию. Еще в сентябре он самоуверенно объяснял одному из людей своего окружения: «Вы знаете римскую историю? Так вот, я — Марий, а Кар — это Сулла; я — вождь народа, а он представляет господствующий слой, но на этот раз победителем выйдет Марий»[36], но при первом же признаке сопротивления, не совладав с нервами, он бросил все. Он оказался не героем, а лишь конферансье, объявившим номер. Да, конечно, он доказал свою способность ставить перед собой большие задачи, однако его собственным нервам его жажда деятельности оказалась не по силам. Он предсказывал «битву титанов» и еще недавно, в тот час экзальтации в «Бюргербройкеллер», заявлял, что назад пути нет, что дело стало «уже всемирно-историческим событием». Но затем, перед лицом всемирной истории, бесславно ударился в бега и «не хотел больше и слышать об этом изолгавшемся мире»[37], или, как заявил он на суде, еще раз сыграл по-крупному и проиграл.

И только красноречием спас он все. Превращение поражения в победу показало, как мало он понимал действительность и как необыкновенно много — как можно ее преподать, какие придать ей краски и как сделать все это средствами пропаганды. Лихорадочности его действий, поспешной, колеблющейся и замирающей неуверенности самым решительным образом противостоят хладнокровие и присутствие духа в его поведении на суде.

Во всем этом ощущался элемент игры наудачу и погони за счастьем — отчаянная тяга к проигранным ставкам. Во всех

---

[36] Ebd. S. 165. Замечание Франка см.: *Frank H.* Im Angesicht. S. 57.

[37] Из выступления 26 февраля 1924 года. Цит. по: *Boepple E.* Op. cit. S. 110.

решающих событиях 1923 года он проявлял склонность не оставлять себе возможности тактического выбора. Всегда казалось, что в первую очередь он ищет стену, о которую может опереться спиной, и удваивает затем и без того перенапряженное усилие, что позволительно характеризовать как поведение истинного самоубийцы. Именно в этом смысле он высмеивал старания политики чураться беспощадных инициатив как идеологию «политического лилипутства» и выражал свое презрение по поводу тех, кто «никогда не перенапрягается». Ссылку же на выражение Бисмарка, что политика — это искусство возможного, он называл всего-навсего «дешевой отговоркой»[38]. И конечно же как нечто большее, нежели только отображение его мелодраматического темперамента, следует воспринимать тот факт, что начиная с 1905 года его жизнь сопровождается чередою угроз покончить с собой, что и обрело свою развязку лишь в результате наиглавнейшего вызова — снова безальтернативной ставки на власть над миром или гибель — на кушетке в бункере Имперской канцелярии. Примечательно, что и его вступление в большую политику тоже прошло под аккомпанемент такой угрозы. Разумеется, многие из его выступлений все еще казались натужными и не были лишены того пристрастия к патетическому фарсу, от которого он освободился с немалым трудом. Но можно ли действительно принимать лишь за одну из проекций последующего опыта ощущение, что вокруг этого возбужденного актера уже на том, раннем, этапе прямо-таки концентрировалась атмосфера великой катастрофы?

9 ноября 1923 года явилось прорывом. Еще в полдень того дня, когда колонна приближалась к Одеонсплац, один из прохожих спросил: а что, этот Гитлер, что марширует во главе, «вправду парень с угла улицы»?[39] Теперь он принадлежал истории. К совпадениям, проглядываемым между 9 ноября и его жизнью в целом, относится, наконец, и то, что доступа в историю он добился благодаря поражению — точно так же, как и потом, но в неизмеримо увеличенном масштабе, он обрел прочное место в ней с помощью катастрофы.

---

[38] См. речь Гитлера в гамбургском «Национальном клубе». Цит. по: *Jochmann W.* Im Kampf. S. 103 f.; *Lüdecke K.G.W.* Op. cit. S. 253; см. также: *McRandle J.H.* Op. cit. P. 146 ff.

[39] Цит. по: *Deuerlein E.* Aufstieg. S. 197.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ГОДЫ ОЖИДАНИЯ

Глава I

ВИДЕНИЕ

Вы должны знать, что у нас есть историческое видение событий.

Адольф Гитлер

Лавровый венок, который Гитлер повесил на стене своей камеры в крепости Ландсберг, представлял собой нечто большее, нежели вызывающий символ неизменности его замыслов. Вынужденное исключение из текущих политических событий, вызванное тюрьмой, пошло ему на пользу как в политическом, так и в личном плане, потому что позволило избежать тех последствий, что были уготованы партии катастрофой 9 ноября, и следить за распрями своих раздираемых ожесточенным соперничеством соратников с безопасной, да к тому же еще и окруженной нимбом национального мученика дистанции. В то же время оно помогло ему после нескольких лет чуть ли не исступленной неугомонности прийти в себя — укрепиться в вере в себя и свою миссию. Улегся разгул эмоций, и начало — сперва несмело, а по ходу процесса все увереннее — выкристаллизовываться притязание на роль руководящей фигуры правого крыла «фёлькише», все более обретая при этом самоуверенные контуры единственного, наделенного мессианскими способностями фюрера. Последовательно и с глубоким проникновением в роль Гитлер приучает к чувству своей избранности сначала своих «сокамерников». Подобное усвоение роли придаст, начиная с этого мо-

мента, его облику те сходные с маской, застывшие черты, которые уже не допускают ни улыбки, ни нерасчетливого жеста, ни необдуманной позы. На удивление неосязаемой, почти абстрактной персоной без лица станет он отныне и впредь появляться на сцене, будучи ее неоспоримым хозяином. Еще до ноябрьского путча Дитрих Эккарт жаловался на folie de grandeur[1] Гитлера, на его «мессианский комплекс»[2]. Теперь же Гитлер все более сознательно принимал позу статуи, отвечавшую монументальным размерам его представления о величии и фюрерстве.

Отбывание наказания не было помехой этому планомерному процессу его самостилизации. На состоявшемся вскоре дополнительном процессе были осуждены еще около сорока участников путча, которых затем также отправили в Ландсберг. Среди них были члены «Ударного отряда Гитлера» Берхтольд, Хауг, Морис, затем Аманн, Гесс, Хейнес, Шрек и студент Вальтер Хевель. Начальство тюрьмы предоставило Гитлеру в рамках этого круга свободное, даже в чем-то комфортабельное времяпрепровождение, что максимально способствовало его персональным амбициям. В обеденное время он сидел во главе стола под знаменем со свастикой, его камера убиралась другими заключенными, а в играх и легких работах он участия не принимал. Попадавшие в тюрьму единомышленники должны были «незамедлительно докладывать о себе фюреру», и регулярно в десять часов, как рассказывается в одном из свидетельств, проходила «летучка у шефа». В течение дня Гитлер занимался поступавшей корреспонденцией. Одно из полученных хвалебных писем принадлежало перу молодого доктора философии Йозефа Геббельса[3], кото-

---

[1] Манию величия. — *Прим. пер.*

[2] В пересказе Ганфштенгля это звучит так: «Знаешь, Ганфштенгль, с Адольфом творится что-то не то. Он неизлечимо болен манией величия. На прошлой неделе носился тут взад и вперед по двору со своим дурацким хлыстом и орал: "Я должен отправиться в Берлин, как Иисус в Иерусалим, чтобы выгнать торговцев из храма" — и еще такой же бред в таком же духе. Я тебе скажу, что если он даст волю этому мессианскому комплексу, то как бы не погубил нас всех». *Hanfstaengl E.* Op. cit. S. 83.

[3] Йозеф Пауль Геббельс (29.10.1897—1.5.1945) получил степень доктора философии в апреле 1922 года в Гейдельбергском университете и к этому моменту работал в кельнском отделении «Дрезднербанка». — *Прим. науч. ред.*

рый так отзывался о заключительной речи Гитлера на процессе: «То, что Вы там сказали, это — катехизис новой политической веры для пребывающего в отчаянии, рушащегося, лишенного божества мира... Некий бог поручил Вам сказать, чем мы страдаем. Вы облекли нашу муку в слова избавления». Писал ему и Хьюстон Стюарт Чемберлен, в то время как Розенберг поддерживал во внешнем мире память об узнике, распространяя «открытку с портретом Гитлера» «миллионами штук как символом нашего фюрера»[4].

Гитлер часто прогуливался в тюремном саду; у него все еще трудности со стилем — сохраняя на лице маску Цезаря, он принимал хвалу со стороны своих верноподданных, будучи одетым в кожаные шорты[5], куртку от национального костюма, а нередко и не сняв с головы шляпу. Когда устраивались так называемые дружеские вечера и он выступал на них, то «за дверями на лестнице молча толпились служащие крепости и внимательно слушали»[6]. Словно и не было никогда поражения, он развивал перед слушателями легенды и видения своей жизни, а также — в весьма характерном сочетании — практические планы по созданию того государства, чьим единоличным диктатором он, как и прежде, видел себя. Например, идея магистральных автомобильных дорог — автобанов[7], — как и малолитражек «Фольксваген», согласно более позднему свидетельству, родилась именно в ту пору. Хотя время для посещений в тюрьме ограничивалось шестью часами в неделю, Гитлер по шесть часов в день принимал своих сторонников, просителей и политических партнеров, превративших крепость Ландсберг в место паломничества. Немало было среди них и женщин — не без оснований об этой тюрьме говорили потом как о «первом "Коричневом доме"»[8]. На

---

[4] Это слова из письма в адрес местной организации Ганновера от 14 января 1924 года, см.: *Tyrell A*. Op. cit. S. 73.

[5] Кожаные шорты с помочами являются частью баварского национального костюма. — *Прим. науч. ред.*

[6] *Kallenbach H.* Mit Adolf Hitler auf Festung Landsoerg. S. 117 u. S. 45; см. также: *Jochmann W.* Nationalsozialismus und Revolution. S. 91.

[7] На самом деле план строительства автобанов был разработал в 1928 году Обществом проектирования автодорог. Первый автобан был торжественно открыт в августе 1932 года. — *Прим. науч. ред.*

[8] *Bracher K.D.* Diktatur. S. 139. Об утверждении Гитлера, что до идеи автобанов и дешевых автомобилей для народа он впервые додумался в крепости Ландсберг, свидетельствует Г. Франк, см.:

35-летие Гитлера, которое отмечалось вскоре после окончания процесса, цветы и посылки знаменитому узнику заполнили несколько помещений.

Вынужденная передышка послужила в то же время для него и своего рода поводом для «инвентаризации», в ходе которой он старался навести порядок в неразберихе своих аффектов и складывал обрывки когда-то читанного и наполовину усвоенного, дополняя все это плодами текущего чтения, в чертеж некой мировоззренческой системы. «Это время дало мне возможность разобраться с различными понятиями, которые до того я ощущал лишь инстинктивно»[9]. О том, что им действительно было прочитано, можно судить только по косвенным доказательствам и свидетельствам из третьих рук. Сам же он в своей постоянной заботе самоучки, как бы его не заподозрили в духовной зависимости от кого-то, чрезвычайно редко говорил о книгах и любимых авторах. Многократно и в различной связи упоминается только Шопенгауэр, с чьими произведениями он якобы не расставался на войне и мог пересказывать из них большие куски; то же относится к Ницше, Шиллеру и Лессингу. Он всегда избегал цитирования и создавал тем самым одновременно впечатление об оригинальности своих познаний. В автобиографическом очерке, датированном 1921 годом, он утверждал, что в юности занимался «основательным штудированием народно-хозяйственных учений, а также всей имевшейся в то время антисемитской литературы», и заявлял: «На 22-м году жизни я с особым рвением набросился на военно-политические труды и буквально в течение нескольких лет не упускал ни малейшей возможности самым тщательным образом заниматься всеобщей всемирной историей»[10]. Однако при этом никогда не упоминается ни один автор, ни одно название книги, всегда речь идет — что так характерно для неконкретной формы выражения его гигантомании — о целых областях

Frank H. Op. cit. S. 47. Эрнст Ганфштенгль пишет, что камера Гитлера производила впечатление гастрономической лавки и что излишки служили Гитлеру для еще более благосклонного расположения к нему охранников, хотя они и так относились к нему хорошо. См.: *Hanfstaengl E.* Op. cit. S. 144. О массе посетителей, их пожеланиях, просьбах и целях см. отчет дирекции тюрьмы от 18 сентября 1924 года: BHStA. Bd. I. S. 1501.

[9] Слова Гитлера, сказанные им в кругу «старых борцов», см.: *Shirer W.L.* Op. cit. S. 516.

[10] BAK, NS 26\17a; Hitlers Tischgespräche. S. 82.

знаний, якобы усвоенных им. В той же связи — и вновь с указующим вдаль перстом — он называет историю искусства, историю культуры, историю архитектуры и «политические проблемы», однако нетрудно предположить, что свои познания он до той поры приобретал лишь как компиляцию из вторых и третьих рук. Ганс Франк, говоря о временах заключения в ландсбергской тюрьме, называет Ницше, Чемберлена, Ранке, Трейчке, Маркса и Бисмарка, а также военные мемуары немецких и союзнических государственных деятелей. Но вместе с этим и до этого он черпал элементы своего миропонимания и из тех отложений, что наносились потоком мелкотравчатой псевдонаучной литературы из весьма сомнительных источников, чей точный адрес сегодня уже едва ли возможно определить, — расистские и антисемитские труды, сочинения по теории германского духа, мистике крови и евгенике, а также историко-философские трактаты и дарвинистские учения.

Достоверной в свидетельствах многочисленных современников, касающихся вопроса о чтении Гитлера, является, в принципе, лишь та интенсивность, с которой, как рассказывают, он утолял свой книжный голод. Еще Кубицек говорил, что Гитлер был записан в Линце одновременно в трех библиотеках, и он помнит его не иначе как «окруженного книгами», а по выражению самого Гитлера, он либо «набрасывался» на книги, либо «проглатывал» их[11]. Однако из его речей и сочи-

---

[11] *Kubizek A.* Op. cit. S. 75, 225; там же автор называет «любимым произведением» Гитлера «Немецкие героические саги» и упоминает, в частности, что читал он «Историю архитектуры», Данте, Шиллера, Гердера и Штифтера, причем интересно, что о Розеггере Гитлер заметил, мол, тот для него «слишком популярен». По поводу перечня книг, названных Франком, см.: *Frank H.* Op. cit. S. 40. А вот Э. Ганфштенгль приводит другой список (*Hanfstaengl E.* Op. cit. S. 52 f.), причем он наряду с политической литературой и эпосами называет и знаменитую «Историю нравов» Э. Фукса. В упомянутом разговоре с Дитрихом Эккартом называются либо фигурируют как известные Гитлеру следующие произведения: «История еврейства» Отто Хаусера, «Евреи и хозяйственная жизнь» Вернера Зомбарта, «Международный еврей» Генри Форда, «Еврей, еврейство и оевреивание христианских народов» Гужено де Муссо, «Справочник по еврейскому вопросу» Теодора Фрича, «Великий обман» Фридриха Долича, а также «Протоколы сионских мудрецов». Позднее Гитлер рассказывал в кругу секретарш, что «в пору его тяжелой молодости в Вене он проглотил (!) целых пятьсот томов, составлявших фонд одной из городских библиотек» (!); см.: *Zoller A.* Op. cit. S. 36.

нений — вплоть до «застольных бесед», — равно как и из воспоминаний его окружения, перед нами встает человек с весьма характерной духовной и литературной индифферентностью. Среди примерно двух сотен его монологов за столом лишь вскользь упоминаются имена двух-трех классиков, а в «Майн Кампф» лишь однажды появляется ссылка на Гёте и Шопенгауэра[12], да и то в достаточно безвкусном антисемитском контексте. Познание и впрямь для него ничего не значило, он не ведал ни связанных с ним высоких чувств, ни кропотливых трудов, для него была важна утилитарность знания. То, что он назвал и описал как «искусство правильного чтения», поиска формул для заимствования, а также весомых доказательств собственных предубеждений — «подходящим по смыслу вкраплением в картину, которая в каком-то виде уже существовала всегда»[13].

Лихорадочно и с той жадностью, с какой он набрасывался на горы книг, накинулся он в начале июня на работу над «Майн Кампф» — первая часть этой книги была завершена уже через три с половиной месяца. Гитлер говорил, что он «должен был написать обо всем, что беспокоило душу». «До поздней ночи стучала пишущая машинка, и можно было слышать, как он в узких стенах диктовал текст своему другу Рудольфу Гессу. Уже готовые главы он потом обычно читал вслух... в субботние вечера сидевшим вокруг него подобно апостолам вокруг Христа товарищам по судьбе»[14]. Задуманная поначалу как отчет об итогах «четырех с половиной лет борьбы», эта книга превратилась затем в своего рода смесь из биографии, идейного трактата и учения о тактике действий и имела одновременно своей целью изготовление легенды о фюрере. В его мифологизирующем изображении жалкие, затхлые годы до вступления в политику приобретали благодаря смело вплетенным узорам нужды, лишений и одиночества характер некой фазы аккумуляции и внутренней подготовки, как бы тридцатилетнего пребывания в пустыне, предусмотренного Провидением. Будущий издатель книги Макс Аманн, явно ожидавший получить автобиогра-

---

[12] Автор несколько утрирует: имя Гёте встречается в «Майн Кампф» в четырех фрагментах, кроме того, он упоминает Шиллера и Шекспира. — *Прим. науч. ред.*

[13] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 37.

[14] См.: *Maser W.* Hitler's Mein Kampf. S. 20, а также: *Frank H.* Op. cit. S. 39.

фию с сенсационными подробностями, был поначалу чрезвычайно разочарован рутинностью и многословием этой скучной рукописи.

Однако тут следует исходить из того, что честолюбие Гитлера с самого начала метило куда выше, нежели это мог представить Аманн. Автор хотел не разоблачать, а интеллектуально подкрепить только что обретенное притязание на фюрерство и представить себя в виде прославлявшегося им же самим гениального сочетания политика и теоретика. А пассаж, содержащий ключ к этим его далеко идущим замыслам, находится в неприметном месте в середине первой части книги:

«Если о политиках говорят, что их искусством является искусство достигать возможного, то о творцах новых программ можно сказать, что боги покровительствуют им как раз в тех случаях, когда они требуют именно невозможного... Один раз в течение большой исторической эпохи может случиться и так, что качества творца новой программы и качества крупного политика сочетаются в одном и том же лице. Но чем теснее сочетаются в этом лице оба качества, тем бóльшие препятствия встретит данное лицо на своем пути, поскольку оно будет выступать на политической арене. Такой политик работает не для того, чтобы удовлетворить меру понимания любого среднего мещанина, — такой деятель работает для воплощения в жизнь тех целей, которые пока понятны еще только немногим. Вот почему жизнь такого крупного политика протекает в обстановке горячей любви со стороны одних и горячей ненависти со стороны других...

И тем реже [бывает] успех. Лишь очень немногим деятелям, всего какой-нибудь раз в течение многих столетий, улыбнется счастье, и они на склоне своих дней, быть может, увидят первые проблески своей будущей бессмертной славы. В этих случаях перед нами марафонский бег истории. По большей же части лавровые венки возлагаются только на головы мертвых героев»[15].

То, что это окруженное «первыми проблесками» явление есть не кто иной, как он сам, и является постоянным, назойливым мотивом книги, а картина умирающего героя — это, скорее, попытка трагически мифологизировать собственную неудачу. Гитлер посвящает себя сочинительству с чрезвычайной, жаждущей аплодисментов серьезностью. Не в послед-

---

[15] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 231 f.

нюю очередь он старается доказать этой книгой и то, что вопреки неоконченной школе, вопреки провалу при поступлении в Академию и вопреки фатальному прошлому в виде мужского общежития он находится на уровне буржуазного образования, что он глубоко мыслит и наряду с интерпретацией современности может представить и свой проект будущего, в этом и заключается претенциозное и главное назначение книги. За фасадом звучных слов явственно проглядывает озабоченность полуобразованного человека, как бы читатель не усомнился в его интеллектуальной компетентности. Чтобы придать монументальность своему языку, он нанизывает часто целые гроздья существительных, многие из которых он образует от прилагательных или глаголов, так что их содержание кажется пустым и искусственным: «Благодаря представлению мнения, что на пути якобы достигнутого демократическими решениями одобрения...». В общем и целом это язык, лишенный дыхания, лишенный свободы, напряженный, как в строю: «Углубляясь по-новому в теоретическую литературу этого нового мира и пытаясь разобраться в возможных последствиях оной, я сравнил затем последние с фактическими явлениями и событиями их эффективности в политической, культурной и экономической жизни... Постепенно я получил таким образом свое собственное подтверждение, правда, и тогда уже прямо-таки гранитного фундамента, так что я с того времени не нуждался больше в том, чтобы осуществлять корректировку моей внутренней убежденности в этом вопросе»[16].

И многочисленные стилистические огрехи, так и не устраненные несмотря на немалые усилия по редактуре, которой занимались несколько человек из его окружения, тоже имеют своим истоком маскируемую суесловием псевдонаучность. Вот он и пишет, что «крысы политической отравленности нашего народа» выгрызли и без того скудные школьные знания «из сердец и памяти широких масс» или что «флаг рейха» поднялся «из чрева войны», а люди у него «берут грех прямо на бренную плоть». Рудольф Ольден как-то обратил внимание на то, какое насилие над логикой совершает стилистическое утрирование Гитлера. Вот как пишет он, например, о нужде: «Кто никогда не побывал сам в тисках этой удушающей гадюки, тот никогда не познакомится

[16] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 170.

с ее ядовитыми зубами». В этих нескольких словах столько ошибок, что их с лихвой хватило бы на целое сочинение. У гадюки нет «удушающих тисков», а у змеи, которая может обвиваться вокруг человека, нет ядовитых зубов. И если уж человека душит змея, то тем самым она никак не знакомит его со своими зубами[17]. Но одновременно при всем этом высокомерном беспорядке мыслей в книге есть и остроумные соображения, неожиданно выступающие из глубокой ирреальности, и меткие формулировки, и впечатляющие картины. Вообще для этой книги характерны в первую очередь противоречивые, вступающие в конфликт друг с другом черты. Ее статичность и озлобленность поразительным образом контрастируют с ненасытной тягой к плавному изложению, а постоянно ощущаемое стремление к стилизации — с одновременным отсутствием самоконтроля, логика — с откровенной глупостью. И лишь монотонный, маниакально зацикленный на себе эгоцентризм автора, только подтверждаемый отсутствием на страницах этой объемистой книги других людей, не имеет своего антипода. Но как ни утомительно и трудно читать ее в целом, все же она дает примечательно точный портрет своего автора, постоянно озабоченного тем, как бы не раскрыться, но именно благодаря этому и дающего возможность разглядеть себя.

Вероятно, осознав изобличающий характер своей книги, Гитлер впоследствии попытается даже отмежеваться от нее. Как-то он окрестил «Майн Кампф» стилистически неудачной чередой передовиц для газеты «Фёлькишер Беобахтер» и презрительно обозвал ее «фантазиями за решеткой»: «Во всяком случае, я знаю одно: если бы я в 1924 году мог предвидеть, что стану рейхсканцлером, то не написал бы этой книги». Прав-

---

[17] *Olden R.* Op. cit. S. 140; *Hitler A.* Mein Kampf. S. 32, 552, 277, 23. Над корректурой и редактированием рукописи работали, согласно различным источникам, музыкальный критик газеты «Фёлькишер Беобахтер» Штольцинг-Черны, издатель антисемитского листка «Мисбахер Анцайгер» и бывший падре из монашеского ордена Бернхард Штемпфле и — правда, с меньшим успехом — Эрнст Ганфштенгль. Однако Ильзе Гесс, жена Рудольфа Гесса, отрицает какую-либо редакционную помощь третьих лиц и опровергает также утверждение, что Гитлер диктовал книгу ее мужу. Правильнее сказать, что Гитлер «сам двумя пальцами отпечатал рукопись на допотопной пишущей машинке, когда был в ландсбергском заключении». См.: *Maser W.* Hitler's Mein Kampf. S. 20 ff.

да, одновременно он дал понять, что это продиктовано только лишь чисто тактическими или стилистическими соображениями: «По содержанию я не стал бы менять ничего»[18].

Претенциозный стиль книги, вычурное, затянутое описание, в котором витиевато соединяются буржуазная тяга блеснуть ученостью и напыщенность австрийского канцеляриста, несомненно весьма затрудняли чтение и в конечном итоге привели к тому, что, вышедшая тиражом почти в десять миллионов экземпляров, она разделила участь любой обязательной литературы, то есть оставалась непрочитанной. Не менее отталкивающе действовало, по всей видимости, и пропитанное все теми же мрачными галлюцинациями сознание, откуда проистекали все его комплексы и чувства, от которых Гитлер мог уходить только выступая перед толпой, в своих препарированных выступлениях. Удивительно затхлый запах исходит со страниц этой книги, особенно ощутим он в главе о сифилисе, а помимо этого — в частых грубых жаргонизмах, и в избитых образах. Манящие запретные представления зашоренного молодого человека, попадавшего вследствие войны и бурной активности послевоенных лет (вплоть до Ландсбергской тюрьмы) разве что в объятия подружек-матушек и охваченного, по свидетельству его окружения, страхом «стать предметом пересудов из-за женщины»[19], отражаются в той на удивление душной атмосфере, которой он наделяет свою картину мира. Все представления об истории, политике, природе или человеческой жизни хранят страхи и вожделения бывшего обитателя мужского общежития — возбуждающие галлюцинации о Вальпургиевой ночи при затянувшемся половом созревании, когда мир предстает в картинах совокупления, непотребности, извращения, осквернения и кровосмешения.

«Конечной целью евреев является денационализация, сплошная гибридизация всех других народов, снижение их расового уровня, а затем покорение этого расового месива путем истребления народной интеллигенции и замены ее представителями собственного народа... Евреи не только сами стараются испортить как можно большее количество наших женщин и девушек. Нет, они не останавливаются и перед тем, чтобы помочь в этом отношении и другим народам. Разве не

---

[18] *Frank H.* Op. cit. S. 39.

[19] См.: *Zoller A.* Op. cit. S. 106, а также: *Strasser O.* Hitler und ich. S. 94 ff.

евреи привезли к берегам Рейна негров все с той же задней мыслью и с той же подлой целью — через кровосмешение принести как можно больший вред ненавистной белой расе, низвергнуть эту расу с ее политической и общекультурной высоты, а затем самим усесться на ее спине... Если бы вопрос о красивом теле не был сейчас благодаря дурацким модам отодвинут на самое последнее место, то кривоногие истасканные еврейчики не могли бы свести с правильного пути сотни тысяч наших немецких девушек... Эти черноволосые паразиты совершенно сознательно губят наших неопытных молодых светловолосых девушек, в результате чего мы теряем такие ценности, которых никогда не восстановишь... Мировоззрению «фёлькише» следует наконец добиться того, чтобы немцы занимались не только совершенствованием породы собак, лошадей и кошек, но пожалели бы наконец и самих себя»[20].

Откровенно невротические испарения этой книги, ее вычурность и беспорядочная фрагментарность породили и то пренебрежение к ней, которое долгое время частично определяло и аналогичное отношение к национал-социалистической идеологии в целом. «Никто не принимал книгу всерьез, не мог принимать ее всерьез, да и вообще не понимал этот стиль, — писал Герман Раушнинг и объяснял точные причины этого. — То, чего, собственно, хочет Гитлер... в «Майн Кампф» не содержится»[21]. Не без стилистического изящества Раушнинг формулирует теорию, толкующую национал-социализм как «революцию нигилизма». У Гитлера, считает он, и руководимого им движения не было никакой идеи или даже хотя бы приблизительно законченного мировоззрения, они брали себе в услужение только имевшиеся настроения и тенденции, если оные могли обещать им эффективность и сторонников. Национализм, антикапитализм, культ народных обрядов, внешнеполитические концепции и даже расизм и антисемитизм были открыты для постоянно подвижного, абсолютно беспринципного оппортунизма, который ничего не уважал и не боялся, ни во что не верил и как раз самые торжественные свои клятвы нарушал наиболее беззастенчиво. Тактическое клятвопреступление национал-социализма, го-

---

[20] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 357, 449, 630. 458, а также: Hitlers Zweites Buch. S. 221.

[21] *Rauschning H.* Gespräche. S. 5; ders., Revolution des Nihilismus. S. 53.

ворит Раушнинг, буквально не имеет границ, а вся его идеология — это всего лишь фокусничанье с шумом на авансцене, призванное замаскировать стремление к власти, которое одно только и является всегда самоцелью и любой успех рассматривает исключительно как шанс и ступеньку к новым, диким и честолюбивым авантюрам — без смысла, без конкретной цели и без остановки: «Это движение в своих направляющих силах полностью лишено предпосылок, лишено программы, оно готово к действиям — инстинктивным со стороны его лучших стержневых отрядов и в высшей степени обдуманным, хладнокровным и изощренным со стороны его руководящей элиты. Не было и нет такой цели, от которой национал-социализм не был готов отказаться в любой момент или которую он не был бы готов в любой момент выдвинуть во имя движения». Точно так же говорили в 30-е годы и в народе, с насмешкой называя идеологию национал-социализма «миром, где воля есть — ума не надо».

Правильным тут было и остается, пожалуй, то, что национал-социализм всегда демонстрировал высокую степень готовности приспосабливаться, а сам Гитлер — столь характерную для него индифферентность в программных и идейных вопросах. Двадцати пяти пунктов — как бы они ни устарели — он придерживался (по его собственному признанию) только из тех тактических соображений, что любое изменение запутывает. Его отношение к программам вообще было просто равнодушным. Так, например, об основном труде главного идеолога Альфреда Розенберга, считавшемся одной из основополагающих работ национал-социализма, он ничтоже сумняшеся заявил, что «прочитал всего лишь небольшую часть, потому что... написан он труднодоступным языком»[22]. Но если национал-социализм не разработал никакой законченной теории и для доказательства своей правоверности довольствовался обычно просто коленопреклонением, он не был, однако, и некой исключительно тактически обусловленной волей к успеху и господству, возводившей себя в абсолют и бравшей на вооружение идеологические конструкции в зависимости от меняющихся потребностей. Скорее тут было и то и другое, национал-социализм был одновременно и практикой господ-

[22] Hitlers Tischgespräche. S. 269 f. При этом Гитлер сделал весьма характерное замечание, что только враги национал-социализма действительно могли разбираться в этой книге.

ства, и доктриной. Причем одно входило в другое, и все это многократно переплеталось между собой. Но даже и в самых отвратительных из дошедших до нас признаниях в бессмысленной жажде власти Гитлер и его ближайшее окружение все равно всегда проявляли себя пленниками своих предрассудков и господствовавших над ними утопий. Как национал-социализм не впитал в себя ни единого мотива, который не был бы продиктован возможностями преумножения власти, так и его решающие проявления нельзя понять без определенного, порою, правда, беглого и лишь с большим трудом осязаемого идеологического мотива. В своей удивительной карьере Гитлер был обязан тактической сноровке всем, чем вообще можно быть обязанным тактике, — более или менее впечатляющим успехом. А вот успеху как таковому приходится, напротив, иметь дело с целым комплексом идеологизированных страхов, надежд и видений, чьей жертвой и эксплуататором и был Гитлер, а также с силой мысли, каковую он умел придавать своим представлениям по некоторым коренным вопросам истории и политики, власти и функционирования человеческого общества.

Насколько Гитлер был бессилен в литературном отношении сформулировать в «Майн Кампф» какую-либо политическую теорию, настолько же несомненен и тот факт, что эта книга содержит — пусть и в отрывочной и неупорядоченной форме — все элементы национал-социалистического мировоззрения. Все свои политические идеалы Гитлер в ней изложил, даже если современники не заметили этого. Тот, кто умеет приводить в порядок разрозненные факты и вычленять логические структуры, получит в итоге «идейное построение, от последовательности и консистенции которого перехватывает дыхание»[23]. И хотя Гитлер после освобождения из ландсбергской тюрьмы еще некоторое время дорабатывал свою книгу (в первую очередь пытаясь привести ее в систему), но в целом она практически осталась в том же виде. Первоначальные формулировки не были изменены, они пережили годы восхождения и годы власти и проявляли — далеко за пределами всей нигилистической позы — уже перед лицом краха

[23] *Nolte E.* Faschismus in seiner Epoche. S. 55. Такую попытку предпринял вслед за фундаментальными исследованиями Х.Р. Тревора-Роупера Эберхард Йэккель, который изложил свои выводы в книге «Мировоззрение Гитлера» (*Jäckel E.* Hitlers Weltanschauung).

свою парализующую силу: стремление к территориальной экспансии, антимарксизм и антисемитизм, сцепленные друг с другом дарвинистской идеей борьбы за выживание. Они образовали константы картины мира Гитлера и определили как его первые, так и последующие высказывания.

Правда, это была картина мира, которая не формулировала никакой новой идеи, не давала никакого представления о социальном счастье. Она являлась скорее произвольной компиляцией многочисленных теорий, которые еще с середины XIX века были частью одиозной вульгарно-националистической науки. Все, что Гитлер впитал в себя за время жадного чтения, всплывало теперь зачастую в самых неожиданных сочетаниях и новых взаимосвязях. Это было смелое и уродливое строение с мрачными закоулками, выросшее из идейного сора эпохи. Оригинальность же Гитлера проявилась тут как раз в способности насильственно соединять несоединимое и придавать лоскутному одеялу своей идеологии стройность и четкую структуру. Наверное, можно было бы сформулировать так: его ум едва ли производил мысли, но он наверняка генерировал огромную энергию. Она отфильтровывала и закаляла эту идейную смесь и придавала ей ледниковую первозданность. Хью Тревор-Роупер, нарисовав запоминающуюся картину, назовет призрачный мир Гитлера устрашающим, «поистине величественным в его гранитной застылости и все же жалким по его беспорядочной перегруженности — это словно какой-то исполинский варварский памятник, огромной силы и дикого духа, окруженный грудой прогнившего мусора — старыми банками и дохлыми тараканами, золой, шелухой и сором — интеллектуальной осыпью веков»[24].

Наиболее весомой при этом была, пожалуй, способность Гитлера каждой мыслью ставить вопрос о власти. В противоположность лидерам движения «фёлькише», которые потерпели фиаско не в последнюю очередь из-за своих идеологических изысков, он рассматривал идеи как «всего лишь теорию» и присваивал их себе только тогда, когда в них проглядывало

---

[24] *Trevor-Roper H.P.* The Mind of Adolf Hitler, предисловие к книге Hitler's Table Talk, p. XXXV; К. Хейден назвал Гитлера человеком с ярко выраженным «талантом комбинатора» (*Heiden K.* Geschichte. S. 11). См. также: *Phelps R.H.* Hitlers grundlegende Rede über den Antisemitismus. In: VJHfZ, 1968. H. 4. S. 395 ff.

практическое зерно. То, что он называл «мышлением с точки зрения партийной целесообразности», было его умение придавать всем идеям, тенденциям и даже слепой вере ориентированную на власть политическую форму.

Он, использовав собственные представления, сформулировал оборонительную идеологию перепуганного буржуа и предоставил в его распоряжение агрессивное и целеустремленное учение-действие. Мировоззрение Гитлера уловило все кошмары и интеллектуальную моду буржуазного века: великий, продолжавший нагнетаться еще с 1789 года и усиленный событиями в России и Германии ужас перед левой революцией, принимавшей облик социального страха. Здесь были и психоз австрийского немца перед чужим засильем (расово-биологический страх), и сотни раз выражавшееся опасение «фёлькише», что неповоротливые и мечтательные немцы окажутся проигравшими в состязании народов (национальный страх) и, наконец, тот страх эпохи, которым была охвачена буржуазия, видя, что время ее величия проходит, а сознание уверенности рушится. «Нет больше ничего прочного, — восклицал Гитлер, — нет больше ничего крепкого у нас внутри. Все только внешнее, все пробегает мимо нас. Беспокойным и торопливым становится мышление нашего народа. Вся жизнь совершенно разрывается»[25].

Его требовавший безграничных пространств взрывчатый темперамент расширил это чувство страха до размера того великого кризиса, в которых рождаются или гибнут эпохи и ставится на карту сама судьба человечества: «Этому миру конец!» Гитлер был словно одержим представлением о великой болезни мира, о вирусах, о ненасытных термитах, о язвах человечества. Он обратился к учению Гербигера о всемирном оледенении, в котором его прежде всего поразило то, что историю Земли и развитие человечества оно объясняло последствиями исполинских космических катастроф. Словно зачарованный, предчувствовал он близящееся крушение, и из этого ощущения грядущей всемирной катастрофы, свойственноц его кар-

---

[25] Adolf Hitler in Franken. S. 39 f. Здесь нужно сказать о том, что при попытке сделать резюме о мировоззрении Гитлера нельзя опираться только на «Майн Кампф», а следует учитывать и его высказывания как предшествующих, так и последующих лет. Это тем более оправданно, что с 1924 года идеология Гитлера по сути своей не изменилась.

тине мира, рождалась вера в свое призвание. Во время войны он с этой верой и вопреки какой-либо военной необходимости продолжал уничтожение евреев. Она диктовалась в своей основе отнюдь не только его болезненным упрямством — скорее, имела за собой представление, что он участвует в битве титанов, которой подчинены все текущие интересы, а сам он является той «иной силой», что призвана спасти Вселенную и отбросить зло «назад к Люциферу»[26].

Представление об исполинском, космическом противоборстве доминировало над всеми тезисами его книги. Насколько бы абсурдными или фантастическими они ни казались, они придавали метафизическую серьезность его суждениям и выводили эти суждения на мрачно-грандиозный фон. «Мы можем погибнуть, может быть. Но мы унесем с собой весь мир. Всемирный огнь Муспилли, вселенский пожар», — так выразился он однажды, будучи в таком апокалипсическом настроении. В «Майн Кампф» есть немало пассажей, где он придает своим заклинаниям космический характер, образно включая в них всю Вселенную. «Еврейское учение марксизма, — пишет он, — став основой мироздания, привело бы к концу всякого мыслимого людьми порядка», и именно бессмысленность этой гипотезы, возводящей идеологию в принцип порядка мироздания, демонстрирует непреодолимую тягу Гитлера мыслить космическими масштабами. В драматические события им вовлекаются «звезды», «планеты», «всемирный эфир», «миллионы лет», а кулисами тут служат «сотворение», «земной шар», «Царство Небесное»[27].

Это была почва, позволявшая ревностно защищать принцип безжалостной борьбы всех против всех и победы сильных над слабыми, поднимая его до уровня своего рода эсхатологического дарвинизма. «Земля, — любил говорить Гитлер, — как раз и есть что-то наподобие переходящего кубка и поэтому всегда стремится попасть в руки самого сильного. И так на протяжении десятков тысяч лет»[28]. Он

---

[26] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 751.

[27] Эти и другие примеры см.: *Hitler A.* Mein Kampf. S. 68 ff. Предыдущая цитата взята из кн.: *Rauschning H.* Gespräche. S. 11. Высказывание об А. Розенберге приводит Людеке: *Lüdecke K.G.W.* Op. cit. S. 82.

[28] Hitlers Tischgespräche. S. 320. Ганс Франк тоже сообщает о том, что в разговоре с ним Гитлер назвал как-то землю «переходящим кубком в соревновании рас». См.: *Frank H.* Op. cit. 133. Последующие цитаты см.: *Hitler A.* Mein Kampf. S. 147, 312 и S. 148.

полагал, что открыл своего рода всемирный закон, заключавшийся в перманентном и смертельном конфликте всех со всеми:

«Природа... поначалу заселяет нашу Землю живыми существами и следит за свободным их развитием. Наиболее крепкий, сильный и трудолюбивый получает затем от нее — как ее любимое дитя — право господства... Только прирожденный слабак может воспринимать это как что-то ужасное, но потому-то он и является слабым и ограниченным человеком. Если бы не царил этот закон, то было бы немыслимо любое развитие всех органических живых существ... В конечном счете извечно побеждает только стремление к самосохранению. Под ним так называемая гуманность как выражение помеси глупости, трусости и кичливого умничанья тает, словно снег под мартовским солнцем. В извечной борьбе человечество выросло — в вечном мире оно погибнет».

Этот «железный закон природы» являлся истоком и стержнем всех его соображений. Он определял представление, что история есть не что иное, как борьба народов не на жизнь, а на смерть за жизненное пространство и что в этой борьбе допустимы «все мыслимые средства»: «уговоры, хитрость, ум, настойчивость, доброта, лукавство, но и грубая сила тоже», равно как и то, что между войной и политикой, в принципе, нет никакой разницы, более того — «последняя цель политики — это война»[29]. Тот же закон определил и понятия права и морали, которые, как считал Гитлер, уважают только то, что совпадает с нормами природных процессов. Этот закон инспирировал и аристократическую вождистскую идею, а также теорию расовой селекции с ее национально-агрессивными акцентами — в Европе Гитлер собирался организовать огромный «лов рыбы сетями в поисках нужной крови», чтобы поставить белокурый и бледнокожий человеческий материал на службу «распространению базы собственной крови». В этой философии тотальной борьбы подчинение значило больше, нежели мысль, готовность к действию была лучше, нежели осмотрительность, а слепой фанатизм становился величайшей добродетелью. «Горе тому, кто не верует!» — не уставал повторять Гитлер. Даже

[29] Из секретной речи Гитлера перед офицерами 25 января 1939 года, см.: *Jacobsen H.A., Jochmann W.* Op. cit. S. 5, а также: *Jochmann W.* Im Kampf. S. 83.

брак становился для него союзом ради самоутверждения, а дом — «крепостью, откуда ведется битва за жизнь». Своими грубыми аналогиями, сравнивая животный мир и человеческое общество, Гитлер воспевал превосходство силы над духом. Обезьяны, говорил он, «затаптывают насмерть любого чужака в их стае. А то, что верно для обезьян, должно быть в еще большей степени верно и для людей»[30].

О том, что в такого рода высказываниях не было никакой иронии, свидетельствует тот авторитетный тон, с которым Гитлер обосновывает привычками обезьян в еде свое собственное вегетарианство — обезьяны указали ему правильный путь к питанию. И брошенный взор на природу радует его, например, тем, что велосипед — это изобретение правильное, а дирижабль — «совершенно идиотское». Человеку не остается иного выбора, как исследовать законы природы и следовать им. «Вообще нельзя придумать лучшей конструкции», нежели безжалостные законы естественного отбора, царящие в джунглях. Природа не ведает аморальности. «Кто виноват, если кошка пожирает мышь?» — с издевкой спрашивал Гитлер. Так называемая гуманность — это «только служанка слабости [человека] и тем самым в действительности жесточайшая его губительница». Борьба, подчинение, уничтожение неизбывны. «Одно существо пьет кровь другого. Одно, умирая, питает собой другое. Нечего молоть вздор о гуманности»[31].

В этом «безусловном преклонении перед... божественными законами бытия» наиболее ярко раскрываются полнейшее непонимание Гитлером права и претензий другого человека на собственное счастье, его крайняя аморальность. Разумеется, тут проявился и определенный элемент позднебуржуазной идеологии, которая пыталась компенсировать присущее времени чувство упадка и слабости прославлением простоты жизни, склоняясь к тому, чтобы принимать грубое и примитивное за первозданное. Правда, можно также предполагать, что Гитлер в этом тождестве с законом природы пытался най-

---

[30] Hitlers Tischgespräche. S. 346, далее: ibid. S. 321, а также: *Domarus M.* Op. cit. S. 647.

[31] Из выступления Гитлера 30 ноября 1929 г. в Херсбруке, см.: Adolf Hitler in Pranken. S. 144. далее: Hitlers Tischgespräche. S. 152, а также: Hitlers Zweites Buch. S. 56. См. в этой связи и речь Гитлера в гамбургском «Национальном клубе» 28 февраля 1926 г.: *Jochmann W.* Im Kampf. S. 177.

ти и некое помпезное оправдание своей индивидуальной холодности и эмоциональной бедности. Идентификация с надличностным принципом приносила облегчение и превращала борьбу, убийство и самопожертвование в акты смиренного исполнения некой Божьей заповеди. «Борясь с евреем, я сражаюсь за дело Господа» — говорится в «Майн Кампф», а почти двадцать лет спустя, в разгар войны и истребления, Гитлер не без нравственного удовлетворения заявит: «У меня всегда совесть была чиста»[32].

Война и уничтожение были изначально необходимы, чтобы восстановить основы миропорядка, — в этом и заключалась мораль и метафизика политики Гитлера. И когда перед его взором проходили мировые эпохи и он раздумывал над причинами гибели народов и культур, он всякий раз сталкивался с непослушанием со стороны собственных инстинктов. Стагнация, состояния слабости и катастрофы великих систем можно было объяснить неуважительным отношением к природе, в частности смешением рас. Ведь в то время как каждое живое существо строго соблюдало врожденную тягу к чистоте расы и «шла синица к синице, зяблик к зяблику, аист к аистихе, полевая мышь к полевой мыши», человек подвергался искушению действовать вопреки законам природы и совершать биологическую измену. Это был тезис, послуживший темой незаконченного сочинения Рихарда Вагнера «О женственном и человеческом». Импотенция и старческая смерть народов являлись не чем иным, как местью преданного первобытного порядка. «Кровосмешение и обусловленное этим снижение расового уровня — единственная причина умирания всех культур; ибо люди гибнут не из-за проигранных войн, а из-за потери той сопротивляемости, которая присуща только чистой крови. То же, что не является в этом мире доброй расой, представляет собой плевелы»[33].

А за всем этим стояло учение о творческих расовых ядрах, согласно которому испокон веков многочисленные арийские элиты подчиняли себе тупые и прозябающие вне истории неполноценные народы, чтобы с помощью покоренных развивать свои гениальные способности. Эти подобные Прометею светлые герои лишь одни в состоянии создавать государства

---

[32] Hitlers Tischgespräche. S. 170, а также: *Hitler A.* Mein Kampf. S. 70.
[33] Ebd. S. 324.

и творить культуры, «всякий раз вновь разжигая тот огонь, что познанием освещал ночь молчащих тайн и тем облегчая человеку путь вверх, во властелины над другими существами на этой земле». И только когда арийское расовое ядро начинало смешиваться с покоренными, наступали застой и упадок, ибо «человеческая культура и цивилизация на этом континенте неразрывно связаны с наличием ария. Его вымирание или гибель вновь опустит на нашем земном шаре темные завесы бескультурных времен»[34].

Именно в этом и заключалась опасность, грозящая человечеству. Но по сравнению с гибелью великих империй античности речь шла не только об исчезновении какой-то культуры, но и о конце человека как венца творения вообще. Ибо распад субстанции арийского ядра зашел глубже, чем когда-либо. «Германская кровь на нашей земле приходит постепенно к своему истощению», как с отчаянием выражается Гитлер, и вот, словно в предвкушении грядущего триумфа, со всех сторон подступают силы тьмы: «Я дрожу от страха за Европу», — восклицал он в одной из своих речей, и его взор видел уже, как старый континент «тонет в море крови и скорби»[35]. И опять же «трусливые умники и критики Природы» намеревались обойти ее элементарные законы и были агентами «всеобъемлющего генерального наступления», ведущегося в разнообразнейших замаскированных формах. Коммунизм, пацифизм и Лига Наций, вообще все международные движения и учреждения, равно как и еврейско-христианская мораль и ее велеречивые космополитические варианты, не оставляют своих попыток внушить человеку, что он может победить природу, взять на себя роль повелителя собственных инстинктов и добиться вечного мира. Однако никто не в состоянии «восстать против небес»[36]. Неоспоримая воля природы, говорил он, одобряет существование народов, развитие их воинственности, деление на господ и рабов и жесточайшую борьбу за сохранение вида.

В системе попыток такого рода трактовки было нетрудно распознать влияние Гобино, чье уже упоминавшееся уче-

---

[34] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 421, 317.

[35] *Domarus M.* Op. cit. S. 646, 587, а также: *Boepple E.* Op. cit. S. 21.

[36] Hitlers Tischgespräche. S. 153. О «всеобъемлющем генеральном наступлении» Гитлер говорил в своей речи 13 сентября 1937 года, в которой содержатся многочисленные подробности, относящиеся к данному вопросу, см.: *Domarus M.* Op. cit. S. 727 ff.

ние о неравенстве человеческих рас впервые сформулировало страх перед расовым хаосом Нового времени и связало закат всех культур с промискуитетом крови. И если расовый комплекс этого французского аристократа, его презрение к «порочной крови черни» почти не скрывали источника своего происхождения — чувства классовой ненависти уходящего со сцены господствующего класса, то его эскиз, характеризующийся богатым идеями произволом и гениальной неопределенностью, на весьма продолжительное время вдохновил графоманское сектантство эпохи. Он породил богатую и разнообразную вторичную литературу, которая включает того же Рихарда Вагнера с такими его эссе, как «О героизме» или «О Парсифале». Примечательно, однако, что Гитлер, в свою очередь, сузил это учение, поставив его на службу своей демагогии и превратив в систему легкодоступных объяснений для всех отрицательных эмоций, страхов и кризисных явлений современности. Версаль и ужасы Республики Советов, тяготы капиталистического строя и современное искусство, ночная жизнь и сифилис стали теперь формами проявления того извечного противоборства, которое выражается в смертельном натиске низших рас на людей благородной арийской крови. А за всем этим скрывался тот, кто был зачинщиком, стратегом и жаждущим власти врагом номер один, чью личину наконец-то распознали, — это доведенный до мифологических размеров пугающий образ Вечного Жида.

Это была инфернальная, карикатурная фигура-призрак, «короста всей земли», смертный враг и «хозяин антимира», трудно поддающаяся объяснению конструкция, созданная одержимостью и психологическим расчетом[37]. В соответствии с теорией о главном противнике Гитлер делает фигуру еврея воплощением всех мыслимых и немыслимых пороков и страхов, для него он — дело и его отрицание, теза и антитеза, он буквально «виновен во всем» — в диктатуре бирж и большевизме, в идеях гуманности и тридцати миллионах жертв в Советском Союзе. В одном из опубликованных разговоров во время заключения в крепости Ландсберг со вскоре умершим Дитрихом Эккартом Гитлер, ссылаясь на Книгу Пророка Исайи (19, 2—3) и Исход (12, 38), даже будет настаивать на тождественности еврейства, христианства и больше-

[37] *Rauschning H.* Gespräche. S. 220 f.

визма[38]. Ибо изгнание евреев из Египта явилось, считает он, результатом их попытки путем возбуждения черни фразами о гуманизме («Точь-в-точь как у нас») посеять революционные настроения, так что в Моисее нетрудно разглядеть первого большевистского вождя. И как Павел в определенном смысле изобрел христианство, дабы погубить Римскую империю, так и Ленин использовал учение марксизма, чтобы положить конец современному правопорядку. Источник же из Ветхого Завета выдает модель повторяющегося во все времена покушения евреев на более полноценную расу созидателей.

Делая еврея виновным за все, универсальным врагом, Гитлер, похоже, никогда не упускал из виду технико-пропагандистский аспект своего антисемитизма. Если бы еврея не было, заметил он как-то, «нам следовало бы его выдумать. Нужен зримый враг, а не кто-то абстрактный»[39]. Но в то же время еврей был «пунктиком» его аффектов, патологической химерой, не слишком сильно отличавшейся по своему субъективному образу от созданного пропагандой образа дьявола. Он являлся эксцентрической проекцией всего того, что Гитлер ненавидел и чего вожделел. Вопреки всей своей макиавеллистской рациональности он видит в тезисе о стремлении евреев к мировому господству не только психологически эффективную фразу, но и, по всей видимости, ни много ни мало ключ к пониманию всех явлений. На этой «спасительной формуле»[40] строит он свое растущее убеждение в том, что только он один проник в суть великого кризиса времени и способен его излечить. Когда в конце июля 1924 года один нацио-

---

[38] См.: *Nolte E.* Eine frühe Quelle. S. 590. Этому автору принадлежит заслуга в том, что он отыскал и прокомментировал полузабытую и во всяком случае до того совершенно обойденную вниманием работу под названием «Большевизм от Моисея до Ленина. Диалоги между Адольфом Гитлером и мной» (Der Bolschewismus von Moses bis Lenin. Zwiegespräche zwischen Adolf Hitler und mir.). См. также: его же. Faschismus in seiner Epoche. S. 404 ff. — Тождественность христианства и большевизма, как там, в частности, говорится, являлась также «центральным тезисом застольных бесед», хотя Гитлер, даже будучи уже на вершине своей власти, никогда не осмелился бы произнести это вслух. — По поводу 30 миллионов человеческих жертв см. речь Гитлера, произнесенную 28 июля 1922 года: *Boepple E.* Op. cit. S. 30.

[39] *Rauschning H.* Gespräche. S. 223.

[40] *Schubert G.* Op. cit. S. 39.

нал-социалист из Богемии, специально приехавший в Ландсберг, чтобы побеседовать с Гитлером, спросил его, изменилось ли его отношение к еврейству, тот ответил: «Да, да, совершенно верно, мой взгляд на способ борьбы с еврейством изменился. Я понял, что до сего времени я был слишком мягок! Работая над моей книгой, я пришел к убеждению, что на будущее, чтобы мы могли рассчитывать на успех, следует применять самые жесткие средства борьбы. Я убежден, что это — вопрос жизни и смерти не только для нашего народа, но и для всех народов. Ибо евреи — это мировая чума»[41].

В действительности же беспримерное обострение и брутализация его комплекса ненависти — это несомненно не только результат его раздумий в пору заключения в Ландсберге. Еще в мае 1923 года Гитлер, выступая в цирке «Кроне», провозгласил: «Еврей — это, пожалуй, раса, но не человек. Он просто не может быть человеком в смысле образа и подобия Бога. Еврей — это образ и подобие дьявола. Еврейство означает расовый туберкулез народов»[42]. Но собрав впервые воедино и в обозримой взаимосвязи многочисленные обрывки идей и эмоций, Гитлер обрел интеллектуальную опору, а также непоколебимую уверенность идеолога, подпирающего здание своего мировоззрения убеждениями. И теперь это уже не просто демагогический галдеж, а демонстрация смертельной и канонизированной серьезности, когда он отрицает право еврея считаться человеком и для обоснования своего убеждения привлекает понятия из жаргона паразитологии. Сам закон природы требует применять против «паразита», «извечной пиявки» и «вампира народов» меры, имеющие свою собственную, не подлежащую отмене мораль. Логический вывод из системы его мышления заключается в том, что уничтожение и геноцид суть одновременно высочайший триумф этой морали. И Гитлер до последнего момента ссылается на познание им этих взаимосвязей и на радикальность, с которой он сделал выводы из этого познания, как на свою заслугу перед человечеством. Ведь, как он считает, он не искал одной лишь славы завоевателя, как Наполеон, который все же был «всего лишь человеком, а не всемирным явлением»[43]. В конце фев-

---

[41] Опубликовано в Der Nationalsozialist. 1. Jg. Nr. 29, 17.8.1924. Цит. по: *Jäckel E.* Op. cit. S. 73.

[42] PND. Nr. 409. DC 1477.

[43] *Trevor-Roper H.R.* Op. cit. P. XXV.

раля 1942 года, вскоре после конференции в Ванзее, где был принят план мероприятий по так называемому окончательному решению еврейского вопроса[44], Гитлер заявил своим сотрапезникам: «Открытие еврейского вируса стало одной из величайших революций, которые когда-либо предпринимались в мире. Борьба, которую мы ведем, это борьба того же рода, что вели в прошлом веке Пастер и Кох[45]. Как много болезней причиняются этим еврейским вирусом!.. Мы лишь тогда вновь обретем здоровье, когда истребим еврея». С непоколебимостью человека, глубже думавшего и видящего больше, чем все другие, он узрел в этом свою главную цель, великую миссию, возложенную на него, демиурга природного порядка. Это была его «циклопическая задача»[46].

В этом и заключалась другая существенная поправка, сделанная им в отношении теории Гобино. Он не только персонифицировал расовую и культурную гибель в фигуре еврея, к которой сводились все причины упадка и ответственность за него, но и возвратил истории утопию, преобразовав «меланхоличный и фаталистический пессимизм Гобино в агрессивный оптимизм»[47]. В противоположность этому французскому аристократу он утверждал, что распад расы не неизбежен. Да, полагал он, стратегия всемирного еврейского заговора видит в лице Германии как форпоста арийской расы своего последнего и главного врага. Нигде больше биологическое отравление, равно как и сочетание капиталистических и большевистских махинаций, не является столь систематическим и разлагающим. Именно в этом обстоятельстве и черпает он энергию для мобилизации своей воли, ибо Германия представляет собой в этом мире то поле битвы, на котором решается судьба всего человеческого общества. Такие представления наглядно показывают, как далек Гитлер от старомодного антисемитизма немецкой и европейской традиции, говорят о том, что химера еврея больше питала его манию, нежели все видения национального величия. «Если наш народ и наше

---

[44] Ванзейское совещание состоялось 20 января 1942 года в пригороде Берлина в доме на Гроссен-Ванзее № 56—58. — *Прим. науч. ред.*

[45] Луи Пастер (1822—1895) — основоположник современной микробиологии и иммунологии; Роберт Кох (1843—1910) — один из основоположников современной бактериологии и эпидемиологии. — *Прим. науч. ред.*

[46] Ebd. Предыдущую цитату см.: Libres propos. S. 321.

[47] *Nolte E.* Faschismus in seiner Epoche. S. 405.

государство станут жертвой этих жадных до крови и денег угнетателей народов, то вся земля попадет в щупальца этого полипа. Если же Германия вырвется из этих объятий, то можно будет считать предотвращенной величайшую опасность для народов и всего мира». Тогда ей (Германии) по праву уготован тысячелетний рейх, приход которого он со всей своей нетерпеливостью приветствовал уже тогда. Вот тогда-то из глубокого упадка вновь возродится порядок, установится единство, господа и рабы будут стоять там, где и положено, и ведомые мудростью «коренные народы мира» будут уважать и щадить друг друга, поскольку корень всемирной болезни, источник всей инстинктивной неуверенности и враждебного природе смешения будет окончательно устранен[48].

И вот эта внутренне прочно скрепленная, хотя так и не ставшая никогда законченной системой, идеология дала его пути ту уверенность, которую сам он охотно называл «сомнамбулической». На какие бы уступки ни шел он в угоду текущему моменту, его толкование состояния мира и ощущение борьбы не на жизнь, а на смерть они не затрагивали. Это и придавало его политике безапелляционную последовательность и первозданность. Его боязнь определенностей, засвидетельствованный единодушно почти всеми современниками страх Гитлера перед принятием решений всегда касались только тактических альтернатив. В коренном вопросе он не знал ни сомнения, ни боязни, и насколько любил он откладывать и выжидать, настолько же был нетерпеливым и решительным, когда речь шла о великом конечном противоборстве. И едва ли было что-либо более ошибочным, нежели наивные разговоры обывателей тех времен, что, мол, определенная бесчеловечность режима объясняется тем, что фюрер ничего об этом не знает. На самом же деле он знал намного больше, чем кто-либо мог себе представить. Он был «самым радикальным национал-социалистом», как сказал о нем один человек из его самого ближайшего окружения.

Широкий комплекс его идеологических представлений наложил свой отпечаток, в частности, на его внешнеполитическую концепцию, чьи наиболее существенные, остав-

---

[48] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 703; см. также уже упоминавшуюся беседу с Дитрихом Эккартом, в конце которой Гитлер сделал попытку описать утопическое состояние мира непосредственно перед тем, как будет упразднен естественный закон борьбы всех против всех.

шиеся неизменными до самого конца главные линии были развиты уже в «Майн Кампф» (хотя из-за своей казавшейся скорее фантастичности они никогда не воспринимались как конкретная политическая программа). Положив в основу крушение Германии того времени, он поставил новый подъем страны в зависимость от готовности восстановить чистоту замутненного расового материала. То, что он называл «разорванностью кровных уз», «лишило рейх мирового господства». Потому он считал: «Если бы немецкий народ в своем историческом развитии обладал тем стадным единством, которое пошло на пользу другим народам, то Германский рейх наверняка стал бы сегодня властелином земного шара». Распространенному в НСДАП националистическому традиционному лозунгу о «народе без пространства» он противопоставил формулу «пространства без народа». Он видел актуальнейшую внутриполитическую миссию национал-социализма именно в том, чтобы дать пустому пространству между Маасом и Мемелем единый народ, ибо «то, что мы сегодня имеем, это уже марксистские людские массы, а не немецкий народ»[49].

Картина революции, которая вставала перед его мысленным взором, была в значительной степени пронизана элитарно-биологическими представлениями. Его целью были не только новые формы господства и новые учреждения, его целью был новый человек, появление которого он торжественно возвещал во многих своих речах и статьях как наступление «подлинного золотого века». «Кто видит в национал-социализме только политическое движение, — так заявит Гитлер, — тот почти ничего не знает о нем. Это — еще большее, нежели религия, это — воля к сотворению нового человека»[50]. Поэтому к самым жгучим задачам нового государства относятся, по его мнению, воспрепятствование «дальнейшей бастардизации», «поднятие брака с уровня постоянного расового осквернения» и придание ему вновь возможности «плодить обезьян и подо-

---

[49] Из заключительного слова Гитлера на III партийном съезде 21 августа 1927 года в Нюрнберге, см.: Adolf Hitler in Franken. S. 81. См. также: *Schubert G.* Op. cit. S. 221. Герману Раушнингу Гитлер тоже говорил, что он должен «сначала создать народ», чтобы «решить задачи, которые в настоящее время поставлены перед нами как нацией»; см.: *Rauschning H.* Gespräche. S. 22.

[50] *Rauschning H.* Gespräche. S. 232; далее: *Griessmayer G.* Das völkische Ideal, S. 160 (опубликовано на правах рукописи).

бия Господа, а не помеси человека с обезьяной». Идеальное состояние, в котором господствует заново выращенный путем «гибридизации вытеснения» чистый арийский тип, видится Гитлеру как результат длительного биологического процесса. В своей секретной речи, произнесенной 25 января 1939 года перед кругом высших офицеров, он говорил о развитии, которое потребует сотен лет, чтобы в итоге большинство обладало теми признаками избранности, благодаря которым оно будет в состоянии покорить мир и властвовать в нем[51].

Жизненное пространство, требование об обретении которого повторялось Гитлером с религиозной настойчивостью, отнюдь не мыслилось им как необходимость дать пропитание населению, чье количество «хлынуло через край», или как необходимость избежать «голодного обнищания» и восстановить в его первозданных правах крестьянское сословие, которому угрожали промышленность и торговля. В значительно большей степени и в первую очередь жизненное пространство должно было послужить базой для стратегии покорения мира. Каждый народ с честолюбивой фантазией нуждается в определенном количестве пространства, в территории, которая делает его независимым от союзов и конъюнктуры текущего дня. Этой мысли, привязывавшей историческое величие к географическому пространству, Гитлер придерживается до самого последнего дня. И в своих медитациях в бункере незадолго до конца он будет жаловаться на судьбу, которая навязала ему слишком поспешные захваты, поскольку, скажет он, народ без большого пространства просто неспособен выдвигать великие цели. Поэтому из четырех возможностей парировать угрозу со стороны будущего он отвергает и ограничение рождаемости, и внутреннюю колонизацию, и заморскую колониальную политику — частью как малодушные мечты, частью как «недостойные задачи». Настойчиво ссылаясь на Соединенные Штаты, Гитлер оставляет только возможность захватнической войны на континенте. «Что не дается по-доброму, то берется именно силой кулака», — пишет он в Ландсберге и тут же называет направление своих экспансионистских устремлений: «Если мы хотели земель в Европе, то это в общем и целом возможно только за

---

[51] См.: *Jacobsen H.A., Jochmann W.* Op. cit.; там, правда, круг слушателей ошибочно называется «офицерами выпуска 1938 г.», далее: *Hitler A.* Mein Kampf. S. 444 f.

счет России, и тогда новый рейх должен был бы снова выступить в поход по дороге рыцарей ордена»[52].

А за всем этим опять поднималось представление о великих переменах в мире. История, казалось ему, стоит на пороге новой эпохи, в очередной раз приводит она в движение свое исполинское колесо и заново раздает судьбы и возможности. Заканчивается эпоха морских держав, завоевавших своими флотами дальние страны, накопивших сокровища, создавших опорные базы и покоривших мир. Море, эта классическая трасса дотехнической эпохи, затрудняет в современных условиях владычество протяженных империй, колониальное величие стало анахронизмом и обречено на гибель.

Вспомогательные технические средства современности, возможность строить дороги, автострады и железнодорожные пути в бескрайние области с еще не разведанными богатствами, связывать их плотной системой опорных баз опрокинули старый порядок. Мировая империя будущего, утверждает Гитлер, будет континентальной державой, компактным, не имеющим швов гигантским образованием, способным защитить себя. Мир уже вступил на этот путь, и наследие прошлого обречено. Конечно же интервенционистская череда последующих внешнеполитических операций Гитлера тесно связана с чрезвычайной беспокойностью его натуры, но одновременно это было и отчаянным противодействием времени, ходу истории. Его неизменно мучит озабоченность тем, что Германия во второй раз может опоздать к разделу мира. И оценивая державы, которые могли бы конкурировать за будущее господство с Германией, когда в мире наступят новые времена, он вновь и вновь наталкивается на Россию. Тут сходилось все — расовый, политический, географический и исторический аспекты, и все они указывали на Восток[53].

В ожидании наступления этой эпохи и развивал Гитлер свои внешнеполитические представления. Свою карьеру он начинал — таково общее мнение — как ревизионист, требуя упразднения положений Версальского договора и одновременно восстановления — если понадобится насильственного — границ 1914 года, а также объединения всех немцев в крупное, еди-

---

[52] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 152 ff.

[53] Изложение опирается здесь на выводы, которые сделал Х.Р. Тревор-Роупер в имеющем принципиальное значение докладе «Военные цели Гитлера» на конгрессе историков в Мюнхене в 1959 году; см.: VJHfZ, 1960. H. 2. S. 121 ff.

ное, могучее государство. Его планы были обращены в первую очередь против Франции как хранительницы послевоенного мира и нацеливались на то, чтобы из обозначившихся расхождений Франции с Италией и Англией получить зацепку для самых широких реваншистских замыслов. Однако склонность Гитлера мыслить большими категориями побудила его вскоре обратить взор на континент в целом и совершить мысленный переход от политики границ к политике пространств.

Исходной точкой всех его соображений явилось то, что Германия, находясь в военном, политическом и географическом отношении в эпицентре угрозы, сможет выжить лишь в том случае, «если она безоговорочно поставит во главу угла политику мощи». Еще в одном из своих ранних столкновений с кайзеровской внешней политикой Гитлер выдвинул альтернативу — либо Германия отказывается от морской торговли и колоний и вместе с Англией выступает против России, либо же, если она стремится к владычеству на море и торговле со всем миром, она выступает в союзе с Россией против Англии[54]. Сам он в начале 20-х годов однозначно отдавал предпочтение второй возможности. Ведь он причислял Англию к «принципиальным» противникам рейха и разрабатывал, исходя из этого, свою откровенно прусскую концепцию. Под влиянием эмигрантских кругов, группировавшихся вокруг Шойбнер-Рихтера, он рассчитывал на союз с «национальной», «оздоровленной», освободившейся от «еврейско-большевистского ига» Россией, направленный против Запада. Ни понятие о жизненном пространстве, ни убеждение в неполноценности славянской расы, составившие впоследствии сердцевину его экспансионистской восточной политики, не играли в то время никакой роли. И только в начале 1923 года, по всей видимости, ввиду стабилизации советского режима, у него возникла мысль об изменении ситуации с союзом и о пакте с Англией против России. На протяжении более чем года Гитлер, если верить источникам, вновь и вновь перепроверял эту новую концепцию, развивал ее, прикидывал ее по-

[54] См. речь Гитлера в мюнхенском народном суде 27 марта 1924 года. Цит. по: *Boepple E.* Op. cit. S. 166. См., кроме того, статью «Почему должно было наступить 8 ноября?», опубликованную в апрельском номере журнала «Обновление Германии» («Deutschlands Erneuerung») за 1924 год, где эта альтернатива поставлена весьма остро. По всему комплексу этих вопросов см. также: *Kuhn A.* Hitlers aussenpolitisches Programm.

следствия и шансы на ее реализацию, прежде чем развернуть в знаменитой 4-й главе «Майн Кампф» войну за жизненное пространство против России в программу.

Разумеется, это не отменяло идеи войны с Францией, напротив, она оставалась одной из внешнеполитических констант Гитлера вплоть до самых последних монологов в бункере. Но теперь она, равно как и купленная отречением от Южного Тироля благожелательность со стороны Италии или нацеленный на союз с Англией отказ от всех колониальных притязаний, выдвинулась в ряд предпосылок для беспрепятственного похода Германии на Восток. Уже во 2-м томе «Майн Кампф», написанном в 1925 году, Гитлер с чрезвычайной остротой выступил против плана ревизии, направленного, по его словам, на восстановление совершенно нелогичных, случайных, слишком тесных и, кроме того, нецелесообразных по военно-географическим соображениям границ. Этот план был помимо прочего чреват тем, что против Германии могли вновь сплотиться все ее бывшие противники по Первой мировой войне.

«Требование о восстановлении границ 1914 года, — так гласит его напечатанная в разрядку формулировка, — это политический вздор таких масштабов и последствий, которые делают его преступлением». Напротив, приобретение больших пространств — это единственная акция, которая оправдывает «перед Богом и нашим немецким потомством пролитие крови» и «снимает в грядущем» с ответственных государственных мужей «вину за кровь и жертвы народа»[55].

Военный поворот в сторону российских просторов, идея великого похода германцев ради создания огромной континентальной империи в старом «подчиненном немцам пространстве на Востоке» становится с этого времени центральной мыслью гитлеровской политики. Сам он признается позже в своей «безраздельной увлеченности» ею, в «напряжении даже самой последней энергии» ради нее и с гордостью назовет ее «исключительной целью» своих сознательных политических действий. И это решение тоже приобретает у него эпохальное значение[56]:

«Тем самым мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешнеполитической ориентацией нашего

---

[55] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 736.

[56] Ebd. S. 153, 742.

довоенного времени. Мы начинаем там, где остановились шесть веков назад. Мы останавливаем извечный германский поход на юг и запад Европы и обращаем взор к земле на Востоке. Мы завершаем наконец колониальную и торговую политику довоенного времени и переходим к территориальной политике будущего».

Можно только гадать, явилась ли эта концепция результатом последовательного развития собственных идей или же отражением теорий, почерпнутых из третьих рук. Однако очевидно, что мысль о жизненном пространстве, придавшая ей решающий поворот, попала в мир идей Гитлера через Рудольфа Гесса. Благодаря своему навязчивому восхищению «этим мужем», как любил он называть Гитлера с прерывающимся от восторга дыханием истинно верующего, Гесс сумел в годы заключения в крепости Ландсберг со временем оттеснить всех соперников, в частности Эмиля Мориса, который выполнял обязанности секретаря Гитлера. Тот же Гесс — очевидно еще в 1922 году — помог Гитлеру установить личный контакт со своим учителем Карлом Хаусхофером[57], который развил плодотворную отрасль политической географии — основанную англичанином сэром Хэлфордом Макиндером геополитику — в философию империалистической экспансии. При всей макиавеллистской сдержанности, коей характеризовалась завоевательная концепция Гитлера, она все же не была свободна от хотя и расплывчатой уверенности относительно силы того, что Макиндер называл «страной-сердцевиной». Восточная Европа и Европейская Россия, защищенные от любого нападения гигантскими земельными пространствами и ставшие неуязвимыми, являли собой вследствие этого «цитадель мирового господства». Это и провозглашалось основателем геополитики: «Кто владеет страной-сердцевиной, тот владеет миром»[58]. Представляется, что именно столь странного рода магический рационализм подобных полунаучных формул и соответствовал особой структуре гитлеровского интеллекта, ибо и познание имело для него свои темные области. Но, как это наглядно видно на примере этих и иных влияний, и тут «ярко выраженный талант комбинатора» Гитлера проявился с той же редкой силой, как и при попытке выра-

[57] Отставной генерал-майор германской армии Карл Николай Хаусхофер (27.8.1869—13.3.1946) был основоположником и руководителем германской школы геополитики. С 1919 года возглавлял Институт геополитики. — *Прим. науч. ред.*

[58] Цит. по: *Trevor-Roper H.R.* Op. cit. P. 129.

ботать внешнеполитическую концепцию, которая соединила отношение Германии к различным европейским державам, потребность отомстить Франции, устремления к территориальным захватам и завоеваниям, аспект смены времен и, наконец, различные идеологические взгляды в единую, когерентную систему мышления. Свою вершину и универсальное оправдание эта концепция обрела включением в ее орбиту представлений об истории рас, тем самым весь круг замкнулся.

«Кажется, сама судьба захотела нам дать знак. Беря на себя ответственность за большевизм, Россия отняла у русского народа ту интеллигенцию, которая до сего времени создавала и гарантировала ее государственную прочность. Ибо организация русской государственности была не результатом государственно-политических способностей славянства в России, а в большей степени лишь чудесным примером государствообразующей действенности германского элемента в окружении неполноценной расы... Столетиями жила Россия за счет этого германского ядра своих высших руководящих слоев. Можно считать, что сегодня оно почти без остатка истреблено и уничтожено. На место немца пришел еврей. Насколько невозможно для русского как такового сбросить собственными силами иго еврея, настолько же невозможно для еврея надолго удержать в своих руках могучую империю. Сам он не является элементом организации, он есть фермент разложения. Гигантская империя на востоке созрела для крушения. И конец еврейского господства в России будет и концом России как государства. Мы избраны судьбой стать свидетелями катастрофы, которая явится мощнейшим подтверждением правильности расовой теории фёлькише»[59].

Из этих представлений и сформировалась уже в начале 20-х годов концепция политики, которую будет затем проводить Гитлер, — первоначальные попытки союза с Англией и «ось» с Римом, поход на Францию, а также чудовищная война на истребление на Востоке с целью захвата и удержания «страны-сердцевины мира». Моральные соображения его не беспокоили. Союз, цель которого не диктуется планом войны, не имеет смысла, заявляет он в «Майн Кампф», государственные границы устанавливаются и изменяются людьми, «только безмозглому идиоту» они представляются неизменными, сила завоевателя с избытком служит доказательством его права, «кто имеет, тот имеет» — таковы были максимы его политической

[59] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 742 f.

морали[60]. И сколь бы ужасающе и сумасбродно ни выглядела та программа, что была сконструирована им из его кошмаров, его исторических теорий, его ложных выводов из биологии и анализов ситуаций, она обещала — и это так — при всей своей утрированной радикальности больший успех, нежели более взвешенный план ревизии, требовавший возвращения Южного Тироля или Эльзаса. В противоположность своим партнерам-националистам Гитлер понял, что у Германии при существующей системе власти и порядка нет шанса, а его глубокое чувство неприятия нормальности сослужило ему верную службу, когда он взялся подвергать все это кардинальному сомнению. Только тот, кто не участвовал в игре, мог ее выиграть. И когда он обратился вовне, против Советского Союза, открыто грозившего уничтожить эту систему, на помощь ему пришли мощные силы и неожиданно сделали Германию «потенциально такой могучей... что покорение мировой державы совершенно осязаемым образом было бы легче, нежели возврат Бромберга или Кенигсхютте»[61], а наступление на Москву перспективнее, чем на Страсбург или Бозен.

Точно так же, как и цель, Гитлер знал и учитывал и риск, и весьма примечательно, с какой непоколебимостью он приступил в 1933 году к осуществлению своего раннего плана. Для него альтернатива всегда была такова: либо власть над миром, либо гибель, причем в самом что ни на есть буквальном смысле. «Каждое существо стремится к экспансии, — заявил он в 1930 году, выступая перед профессорами и студентами в Эрлангене, — и каждый народ стремится к мировому господству». Этот постулат, как он полагал, исходил из закона природы, желавшего везде и повсюду, чтобы побеждал сильнейший, а более слабый либо уничтожался, либо безоговорочно подчинялся. Вот поэтому-то в самом конце, когда все было им проиграно и гибель была уже перед глазами, он и позволит себе сказать Альберту Шпееру невозмутимую, столь глубоко поразившую близких ему еще вчера людей, но совершенно логичную по своей последовательности фразу, что «нет никакой необходимости заботиться об основах, которые нужны [немецкому] народу для его дальнейшей примитивнейшей жизни», ибо он «оказался более слабым, и будущее принад-

---

[60] См.: *Hitler A.* Mein Kampf. S. 740, 749, а также: Hitlers Tischgespräche. S. 320.

[61] *Nolte E.* Faschismus. S. 135 f.

лежит тогда исключительно более сильному восточному народу»[62]. Германия проиграла куда больше, чем войну, — у него, Гитлера, не осталось больше надежды. В последний раз склонился он перед законом природы, «этой ужасной королевой всей мудрости» — инстанцией, которая с давней поры повелевала его жизнью и мыслью.

Уже в конце 1924 года, через год с небольшим после заключения в крепость, которую Гитлер иронически назовет «высшей школой за государственный счет»[63], время его заключения подошло к концу. По запросу прокуратуры при 1-м Мюнхенском земельном суде директор тюрьмы Лейбольд выдал ему 15 сентября характеристику, которая, по сути, требовала для него условного наказания: «Гитлер проявляет себя как человек порядка, — говорилось в ней, — и дисциплины не только в отношении самого себя, но и в отношении других заключенных. Он послушен, скромен и услужлив. Не предъявляет никаких претензий, отличается спокойствием и пониманием, серьезностью и полным отсутствием агрессивности, со всем тщанием старается переносить наложенные приговором ограничения. Это человек без личного тщеславия, питанием в тюрьме доволен, не курит и не пьет и при всем товарищеском отношении к другим заключенным умеет обеспечить себе определенный авторитет... Гитлер будет пытаться вновь раздувать национальное движение соответственно своему пониманию, но не как прежде, насильственными, при необходимости (!) направленными против правительства средствами, а в контакте с законными правительственными инстанциями».

Образцовый стиль поведения и такт, о чем свидетельствовала характеристика, явились предпосылкой для применения

---

[62] Из письма Альберта Шпеера Гитлеру от 29 марта 1945 года, IMT. Bd. XLI. S. 425 ff., упомянутую речь в Эрлангене см.: Adolf Hitler in Franken. S. 171.

[63] *Frank H.* Op. cit. S. 40. Приведенную ниже характеристику, выданную дирекцией тюрьмы в Ландсберге, см.: *Lurker O.* Hitler hinter Festungsmauern. Berlin, 1933. S. 60 ff. Характеристика содержит, между прочим, такие, словно вписанные самим Гитлером клятвенные заверения: Гитлер, «выйдя на свободу, не будет угрожать и мстить должностным лицам из противоположного лагеря, перечеркнувшим его планы в ноябре 1923 года, не будет подстрекателем против правительства и врагом других партий с национальным образом мыслей. Как он подчеркивает, он глубоко убежден в том, что государство не может существовать без прочного порядка внутри страны и без прочного правительства».

условного наказания, предусматривавшегося приговором суда после отбытия шестимесячного заключения. Правда, трудно было понять, о каком условном наказании могла идти речь в отношении фюрера национал-социалистов, уже имевшего один испытательный срок и избежавшего суда благодаря личному вмешательству идеологически коррумпированного министра, в отношении человека, уже в течение нескольких лет организовывавшего беспорядки и драки, заявившего о смещении правительства рейха, арестовавшего министров и оставившего позади себя трупы. Поэтому появился и протест прокуратуры, по которому это решение суда было первоначально отменено. Однако авторитет государства проявил тут готовность признать по отношению к нарушителю закона свою собственную слабость. Посему власти пошли навстречу законодательно закрепленному и подлежащему безусловному исполнению требованию о высылке Гитлера лишь наполовину. И хотя руководство полиции Мюнхена еще 22 сентября в письме на имя государственного министра внутренних дел сочло эту высылку «неизбежной», а новый баварский премьер-министр Хельд даже зондировал почву, готовы ли австрийские власти принять Гитлера в случае принятия решения о его высылке[64], дело тем и ограничилось. Сам же Гитлер, чрезвычайно этим озабоченный, показал себя достаточно умным, чтобы всеми мыслимыми способами доказывать, что будет вести себя самым что ни на есть лояльным образом. И он был недоволен, когда Грегор Штрассер[65] назвал в ландтаге продолжавшееся тюремное заключение Гитлера позором для Баварии, и сказал, что в этой земле правит «банда свиней, подлая банда свиней». Мешала Гитлеру и нелегальная активность Рёма.

Однако обстоятельства вновь благоприятствовали Гитлеру. На проходивших 7 декабря выборах в Рейхстаг движение «фёль-

---

[64] Цит. по: *Maser W.* Hitler's Mein Kampf. S. 260 f. Процитированные ниже слова Г. Штрассера см.: *Görlitz W., Quint H.A.* Op. cit. S. 243.

[65] Отставной обер-лейтенант и аптекарь Грегор Штрассер (31.5.1892—30.6.1934) вступил в НСДАП в феврале 1921 года и в марте 1922 года возглавил отряды СА в Нижней Баварии. После провала путча был арестован за нацистскую пропаганду и помещен в тюрьму Ландсберг, но после избрания членом ландтага Баварии (весной 1924 г.) как пользующийся депутатской неприкосновенностью освобожден. Пока Гитлер находился тюрьме, Штрассер стал одним из самых влиятельных руководителей партии, фактически лидером запрещенной НСДАП. — *Прим. науч. ред.*

кише» смогло получить только 3 % голосов, и из 33 депутатов, которых оно имело в парламенте, сумели сохранить свои места только 14. Представление, что правый радикализм уже прошел свой апогей, по всей вероятности, повлияло на решение Верховного земельного суда от 19 декабря, которое оставило без внимания протест прокуратуры относительно условного наказания в деле о путче и разрешило досрочное освобождение Гитлера. 20 декабря, когда заключенные в тюрьме Ландсберг уже готовились к встрече Рождества, пришла телеграмма из Мюнхена о немедленном освобождении из заключения Гитлера и Крибеля.

Несколько заблаговременно проинформированных друзей и приверженцев поджидали Гитлера у ворот тюрьмы на автомашине. Это была разочаровывающе маленькая кучка. Движение распалось, сторонники либо рассеялись, либо перессорились. В мюнхенской квартире его ждали Герман Эссер и Юлиус Штрейхер. Никаких речей, никакого триумфа. Располневший к тому времени Гитлер казался беспокойным и нервным. Вечером того же дня он появился у Эрнста Ганфштенгля и прямо с порога неожиданно патетически попросил: «Сыграйте мне «Смерть любви»». Еще в Ландсберге на него бывало нападало настроение, что все кончено. Теперь ироничный некролог гласил, что умер он молодым и что «наверняка германские боги любили его»[66].

Глава II

КРИЗИСЫ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Этот Гитлер допрыгается до того, что будет покойником.

Карл Штютцель,
баварский министр внутренних дел, 1925 год

Ха! Я покажу этим собакам, какой я покойник!

Гитлер, весна 1925 года

Сцена, на которую вернулся Гитлер из Ландсберга, и впрямь сильно изменилась — в негативном для него плане. Прошлогоднее возбуждение улеглось, истерия прошла, и из рассеявшейся

[66] Из статьи Гейнца Поля в журнале «Вельтбюне». Цит. по: *Fabry Th.W.* Mutmassungen über Hitler. S. 28; кроме того: *Hanfstaengl E.* Op. cit. S. 119.

пыли и висящих в вышине облаков опять проступили тупые, лишенные романтики контуры повседневности.

Эта перемена началась со стабилизацией денежного обращения, что восстанавливало у людей ощущение твердой почвы под ногами и как следствие лишало материальной базы воинствующих носителей хаотической сумятицы — Добровольческие корпуса и полувоенные формирования, для содержания которых раньше было зачастую достаточно всего лишь небольших затрат валюты. Постепенно государственная власть получала прочность и авторитет. В конце февраля 1924 года она уже могла позволить себе отменить чрезвычайное положение, объявленное в ночь на 9 ноября. И уже в течение того же года политика согласия эры Штреземана[1] принесла первые результаты. Они нашли свое выражение не столько в каких-то отдельных конкретных успехах, сколько в улучшившейся психологической ситуации в Германии, которой удавалось теперь шаг за шагом рассеивать застарелые чувства вражды и ненависти. В плане Дауэса[2] уже проглядывало решение проблемы репараций, французы собирались уйти из Рурской области, рассматривалось соглашение о безопасности, а также о приеме Германии в Лигу Наций. Благодаря бурному потоку американских кредитов во многом стало улучшаться и экономическое положение. Безработица, чьи серые краски еще вчера определяли картину нищеты на улицах германских городов, в очередях перед кухнями для бедных и за социальными пособиями, заметно сократилась. Перемена ситуации отразились и на результатах выборов. Хотя в мае 1924 года радикалы смогли

---

[1] Густав Штреземан (10.5.1878—3.10.1929) — один из основателей и руководителей Немецкой народной партии. С 13 августа по 23 ноября 1923 года — рейхсканцлер. С 13 августа 1923 года и до своей смерти являлся министром иностранных дел. Проводил политику согласия с бывшими противниками, подписал Локарнские договоры (1925 г.) и добился вступления Германии в Лигу Наций. — *Прим. науч. ред.*

[2] План, представленный американским банкиром и политиком Чарлзом Гейтсом Дауэсом Союзной комиссии по репарациям в апреле 1924 года (утвержден 16 августа того же года). План предусматривал предоставление Германии кредита в 200 млн долларов и установил размеры репарационных платежей Германии на первые 5 лет по 1—1,75 млрд марок в год, в последующие годы — по 2,5 млрд. — *Прим. науч. ред.*

еще раз отпраздновать свой успех, но уже на декабрьских выборах в том же году они потерпели весьма ощутимое поражение. Только в Баварии группы «фёлькише» потеряли около 60 % своих сторонников. И если даже этот поворот не привел к моментальному усилению демократических центристских партий, то все же создавалось впечатление, что после нескольких лет кризиса, опасностей государственного переворота и депрессии Германия встала наконец на нормальный путь развития.

Подобно многочисленному слою других впервые оказавшихся на виду и лишенных какой-либо профессии политиков, Гитлер также достиг финиша вместе с той десятилетней фазой неупорядоченного существования, характеризовавшейся авантюрами и антигражданской направленностью. Он вновь очутился перед лицом «спокойствия и порядка», внушавших ему ужас еще тогда, когда он был подростком. При трезвом рассмотрении положение его было бесперспективным. Ведь несмотря на свой ораторский триумф в зале суда он за истекшее время оказался в ситуации потерпевшего крах политика, которого уже ни в грош не ставили и почти забыли. Партия и все ее организации были запрещены, равно как и «Фёлькишер Беобахтер». Рейхсвер и другие покровители движения — преимущественно частные лица — от него отвернулись и после всех волнений и игр в гражданскую войну вновь посвящали себя повседневным делам. Многие, вспоминая 1923 год, только растерянно пожимали плечами — он казался им сегодня сумасшедшей и недоброй порой. Дитрих Эккарт и Шойбнер-Рихтер были в могиле, Геринг находился в эмиграции, Крибель — на полпути туда же. Многие из ближайших сторонников Гитлера либо еще находились в заключении, либо перессорились между собой. Непосредственно перед арестом Гитлеру удалось передать Альфреду Розенбергу нацарапанную второпях карандашом записку: «Дорогой Розенберг, с этого момента Вы будете возглавлять движение». После чего Розенберг — под весьма примечательным псевдонимом Рольф Эйдхальт, своего рода анаграммы из имени и фамилии Адольф Гитлер[3] — попытался объединить остатки прежних сторонников в рамках Великогерманского народного сообщества, отряды штурмови-

[3] *Tyrell A.* Op. cit. S. 72 f. u. S. 81. См. также: *Rosenberg A.* Letzte Aufzeichnungen. S. 107, 319. Adolf Hitler — Rolf Eidhalt.

ков СА продолжали существовать под видом разного рода спортивных союзов, кружков любителей пения и стрелковых гильдий. Но по причине небольшого авторитета и надоедливого многословия Розенберга движение вскоре распалось на враждовавшие друг с другом группки. Людендорф выступал за объединение бывших членов НСДАП с Немецкой национальной партией свободы, которой руководили фон Грэфе и граф Ревентлов. Штрейхер основал в Бамберге Баварский блок «фёлькише», у которого, опять же, были свои амбиции. В Великогерманском сообществе наконец прорвались к руководству возвратившийся Эссер, Штрейхер и проживавший в Тюрингии доктор Артур Динтер, автор лихо закрученных расистских кровавых романов-фантазий. Между тем Людендорф вместе с фон Грэфе, Грегором Штрассером и вскоре также с Эрнстом Рёмом организовал Национал-социалистическую партию свободы как своего рода сборный пункт для всех групп «фёлькише». Их бесконечные ссоры и интриги шли рука об руку с попытками, воспользовавшись тюремным заключением Гитлера, вырваться вверх в движении «фёлькише», а то и оттеснить его с завоеванной им ведущей позиции на роль простого барабанщика.

Однако эти удручающие обстоятельства ни в коей мере не испугали Гитлера, более того, именно в них он увидел свой шанс и источник новых надежд. Позднее Розенберг признается, что назначение его временным руководителем движения чрезвычайно его поразило, и он не без основания предположил, что за этим скрывается какой-то тактический ход Гитлера, который заранее сознательно принял в расчет разрушение движения и даже способствовал этому, дабы тем самым еще убедительнее утвердить свои притязания на руководство. Нередко такое поведение ставится ему в вину, однако тут упускается из виду сама природа того притязания, каковое Гитлер уже выдвинул к этому времени. Он просто не мог делегировать кому-то призвание своей судьбы — история искупительного подвига Христа не знает фигуры вице-Спасителя.

И вот теперь он бесстрастно наблюдал за ссорами между Розенбергом, Штрейхером, Эссером, Пенером, Рёмом, Аманном, Штрассером, фон Грэфе, фон Ревентловым и Людендорфом и, как сказал один человек из его ближайшего окружения, «даже мизинцем» не пошевелил. Более того, он стравливал противников между собой и срывал все попыт-

ки слияния групп «фёлькише» — пусть, пока он находится в заключении, не принимаются, насколько это возможно, никакие решения, не образуются центры власти и не создаются фундаменты под чьими-то претензиями на руководство. По той же причине он критиковал и участие в парламентских выборах, хотя это и соответствовало его новой тактике завоевания власти легальным путем, — ведь любой член партии, обретя парламентский иммунитет и высокое жалованье, обретал тем самым и определенную независимость. С неудовольствием отметил он, находясь в тюрьме Ландсберг, что Национал-социалистическая партия свободы получила на выборах в Рейхстаг в мае 1924 года худо-бедно, но все-таки 32 места из 472. Вскоре после этого он в своем «Открытом письме» слагает с себя руководство НСДАП, отказывается от всех полномочий и запрещает посещать себя с целью обсуждения политических вопросов. Не без оттенка самодовольства Рудольф Гесс говорил в одном из своих писем из тюрьмы о «глупости» соратников[4], в то время как сам Гитлер считал, что его высокая ставка подкреплена сильными козырями. Вернувшись из Ландсберга, он увидел руины, но зато — ни одного серьезного соперника. Вместо сплоченного фронта противников его встретило нетерпение бессильных фракций — он явился как долгожданный спаситель погрязшего (не без его же содействия) в маразме движения «фёлькише». И Гитлер стал строить на этом свои притязания на руководство: «То, что было бы никак невозможно раньше, — открыто признает он впоследствии, — я смог тогда [после выхода из тюрьмы] сказать всем в партии: теперь будем бороться так, как хочу я, и никак иначе»[5].

Правда, по возвращении он встретился не только с далеко идущими надеждами, но и с самыми противоречивыми требованиями своих разобщенных сторонников. И его политическое будущее зависело теперь от того, удастся ли ему изолироваться от всех частных интересов и придать партии на плотно оккупированном правыми пространстве свой, ни на кого не похожий вид, хотя бы и неопределенный, но достаточный, чтобы сплотить самые разные амбиции. Многие ожи-

---

[4] Цит. по: *Tyrell A.* Op. cit. S. 85, а также: *Lüdecke K.G.W.* Op. cit. S.224.

[5] Из выступления Гитлера 9 ноября 1934 года. Цит. по: *Bullock A.* Op. cit. S. 115.

дали, что он вместе с Людендорфом организует единое движение «фёлькише». А он уже понял, что только возвышающаяся надо всем, поднятая до высот культа фигура фюрера может породить ту интегрирующую силу, которой требовал его план. Поэтому в тот момент для него было первостепенным не заключение поспешных союзов, а размежевание и установление своего личного и безусловного лидерства. И этими соображениями будет определяться тактическое поведение Гитлера в последующие недели.

Для начала он по совету Пенера попросил аудиенции у нового баварского премьер-министра Хельда. Когда-то Гитлер и его сторонники вели с этим ревностным католиком, решительным приверженцем федерализма и председателем Баварской народной партии весьма ожесточенную борьбу. Чтобы как-то смягчить скандальный характер этой встречи, состоявшейся 4 января 1925 года, Гитлер подыскал предлог: он якобы собирается просить об освобождении своих еще находящихся в заключении в Ландсберге товарищей. На самом же деле этой встречей он делал первый шаг к легальности. Критики из лагеря «фёлькише» упрекали его в том, что этим визитом он хочет заключить свой «мир с Римом». В действительности же он искал мира с государственной властью. В противоположность Людендорфу, цинично заметил Гитлер, он не может позволить себе роскошь предварительно оповещать своих противников, что собирается их уничтожить[6].

Успех этого предприятия был для его дальнейшей политической судьбы не менее важен, чем осуществление своих притязаний на руководство всем движением «фёлькише». Ибо наряду с построением ведомой диктаторскими методами боевой партии для неуклонного претворения в жизнь все тех же амбиций по завоеванию власти все зависело теперь от того, сумеет ли он восстановить утраченное доверие мощных институтов и извлечь урок из событий 9 ноября. Урок заключался в том, что политика состоит не только из преодолений, азарта и агрессии, но и имеет двойную суть, требующую лично от него исполнения новой роли. Решающим тут было стремление выступать и революционером, и защитником существующих порядков, производить впечатление и радикала, и одновременно умеренного, угрожать существующему

---

[6] *Breucker W.* Die Tragik Ludendorffs., *Stollhamm O. J.* S. 107.

строю и играть роль его защитника, нарушать право и самым правдоподобным образом уверять, что речь идет о восстановлении этого права. Неизвестно, были ли такие парадоксы тактики Гитлера когда-либо сознательно обоснованы им теоретически, но его конкретные действия чуть ли не каждым своим шагом были нацелены именно на то, чтобы претворять их в жизнь.

В начале беседы он заверил премьер-министра, принявшего его весьма сдержанно, в своей лояльности, а также в том, что впредь будет действовать в рамках закона и считает путч 9 ноября ошибкой. За это время он осознал, что необходимо уважать авторитет государства и что сам он как гражданин и патриот готов всеми силами способствовать этому и в первую очередь предоставить себя в распоряжение правительства в борьбе против разлагающего влияния марксизма. Но для этого ему нужно, чтобы существовала его партия и газета «Фёлькишер Беобахтер». На вопрос, как он думает совместить это свое предложение с антикатолическим комплексом «фёлькише», Гитлер назвал такого рода нападки личной причудой Людендорфа и заявил, что его отношение к генералу и без того весьма скептическое, и сам он не имеет с этим ничего общего. Для него изначально неприемлема любая религиозная вражда, но надо бы, чтобы все испытанные национальные силы стояли в едином строю. Ко всем этим излияниям Хельд остался холоден. Он сказал, что рад тому, что Гитлер собирается наконец уважать государственный авторитет, хотя лично ему все равно, станет ли Гитлер это делать или нет, поскольку он как премьер-министр будет защищать этот авторитет от любых посягательств, и что ситуация, предшествовавшая 9 ноября, в Баварии больше не повторится. Но так или иначе, поддавшись уговорам своего личного друга доктора Гюртнера, бывшего в то же время и одним из покровителей Гитлера, Хельд решил отменить запрет НСДАП и ее газеты, поскольку — так сформулировал он свои впечатления от разговора с Гитлером — «бестия укрощена»[7].

Несколько дней спустя Гитлер появился перед своей фракцией ландтага и, словно состояние движения не было и без того весьма неутешительным, спровоцировал там ожесто-

---

[7] *Strasser O.* Hitler und ich. S. 82. В этой связи см. также: *Heiden K.* Hitler. Bd. I. S. 212 f.

ченную дискуссию. С плетью из кожи бегемота в руке (она стала теперь одним из непременных атрибутов) он вошел в здание ландтага, где в праздничном настроении собрались депутаты «фёлькише», чтобы оказать ему торжественный прием. Но он без долгого вступления обрушился на них с обвинениями, в которых инкриминировал им слабость руководства, а также отсутствие какой-либо концепции. Особенно же возмущало его, что они отклонили предложенное им Хельдом участие в правительстве. Когда же ошеломленная аудитория стала возражать ему, что есть, мол, принципы, которыми порядочный человек поступиться не может, и что нельзя упрекать противника в измене немецкому народу и в то же время входить с ним в одно правительство, и когда один из собравшихся выразил даже в заключение подозрение, что Гитлер хотел бы такой коалицией лишь купить себе досрочное освобождение, последовал презрительный ответ, что его освобождение было бы для движения в тысячу раз важнее, нежели все непоколебимые принципы двух дюжин парламентариев «фёлькише».

И впрямь казалось, что своим грубым и вызывающим притязанием на руководство он собирается оттолкнуть всех, кто не захочет ему подчиниться. Позднее он с ироническим пренебрежением будет говорить об «инфляционной прибыли» партии в 1923 году, о ее слишком быстром росте, ставшем решающей причиной слабости и недостатка сопротивляемости во время кризиса. Теперь же он извлек из этого уроки. Вскоре руководители групп «фёлькише» стали слезно жаловаться на отсутствие у Гитлера готовности к сотрудничеству и охотно взывали при этом к пролитой у Фельдхеррнхалле крови[8]. Однако для Гитлера куда важнее были не такого рода мистическая сентиментальность, а воспоминание о союзах 1923 года, о вынужденной необходимости считаться со столь многими щепетильными либо твердолобыми соратниками и об усвоенном из этого уроке, что любое партнерство есть некая форма плена. И насколько податливым вы-

---

[8] См., напр., датированное 17.6.1925 годом письмо предводителя Немецкой национальной партии свободы фон Грэфе (опубликовано в кн. *Jacobsen H. A., Jochmann W.* Op. cit.). Затем выступление Гитлера на общем членов собрании партии 30 июля 1927 года (*Tyrell A.* Op. cit. S. 176), а также беседу Гитлера с генеральным консулом Австрии (*Deuerlein E.* Aufstieg. S. 251).

ступал он по отношению к государственной власти, настолько же властно и непоколебимо настаивал он на подчинении ему в рядах движения. И для него не стало проблемой то обстоятельство, что в результате той дискуссии в ландтаге с ним остались только 6 из 24 депутатов, большинство же перешло в другие партии.

Но он отнюдь не удовольствовался этим столкновением. Горя нетерпением, он затевал все новые диспуты, откалывая следующие кусочки от краев стремительно сужавшегося движения. Он постоянно подчеркивал то, что отличало его от других многочисленных групп «фёлькише» и правых радикалов, и отказывался от любого сотрудничества с ними. Из 14 нацистов — депутатов Рейхстага верными ему остались только четверо. Да и они демонстрировали свою строптивость и требовали, чтобы он в первую очередь отмежевался от таких одиозных и нечистоплотных личностей как Герман Эссер и Юлиус Штрейхер. Поскольку же Гитлер отчетливее нежели его противники сознавал, что ожесточенное, продолжающееся уже более месяца противостояние имеет своим предметом не чистоту, а единовластие в партии, то он не отступил ни на шаг.

По ходу дела он уже подготовил разрыв с Людендорфом. Причиной было не только замечание генерала, сделанное им в полдень 9 ноября, что ничто не может оправдать его бегства от Фельдхеррнхалле и что ни один немецкий офицер не станет служить под командой такого человека, — этого Гитлер простить ему не мог. Дело было еще и в том, что «национальный полководец» стал теперь обузой — во всяком случае в Южной Германии, — особенно с тех пор, как его упрямство и эксцентрическое самолюбие его второй жены, Матильды фон Кемниц, начали втягивать его во все новые свары. Он грубо и открыто нападал на католическую церковь, затеял никому не нужную дуэль с баварским кронпринцем, перессорился со всем офицерским корпусом. Дело дошло даже до того, что его бывших сослуживцев исключили из рядов ветеранского объединения. Людендорф все глубже залезал в псевдорелигиозные дебри сектантской идеологии, где с глубокомысленным видом сваливались в одну кучу и какие-то заговорщицкие страхи, и вера в германских богов, и пессимизм по отношению к цивилизации. Что же касается Гитлера, то от такого рода привязанностей, в которых он вновь встречался с мракобесием своих юных лет, Ланцем

фон Либенфельсом и бредовыми картинами «Общества Туле», он давно уже ушел. Он уже успел сформулировать в «Майн Кампф» свое жгучее презрение к подобным романтическим воззрениям «фёлькише», хотя в мире его собственных представлений и прослеживались рудименты оных. Определенную роль играли тут и комплексы ревности, ибо он очень хорошо ощущал ту непроходимую пропасть, которая в глазах приверженного к военной субординации народа отделяла бывшего ефрейтора от генерала. Интересно в этом плане, что одна из групп «фёлькише» в своем послании в начале 1925 года называет Людендорфа «его высокопревосходительством великим вождем», а Гитлера — «духом огня, который освещает своим светом тьму нынешнего положения вещей». И, наконец, как личное оскорбление воспринял Гитлер тот факт, что этот генерал-квартирмейстер мировой войны своим приказом отобрал у него его личного телохранителя Ульриха Графа, за что он и осыпал того гневными упреками в первой же их беседе. В то же самое время, словно все больше входя в раж, требовавший от него накалять вражду, Гитлер вступил в противоборство с лидерами северогерманского Национал-социалистического движения свободы фон Грэфе и фон Ревентловом, которые еще ранее публично заявили, что у Гитлера не должно быть прежней власти, ибо он — одаренный агитатор, но не политик. В одном более позднем письме, свидетельствующем об обретении им самоуверенности, Гитлер ответил фон Грэфе, что прежде он был барабанщиком и будет таковым снова, но только ради Германии, а уж никак не для Грэфе и ему подобных, «и это так же верно, как то, что мне помогает Бог!»[9].

26 февраля 1925 года возобновился выход газеты «Фёлькишер Беобахтер», где было помещено объявление, что на следующий день в «Бюргербройкеллер», бывшем сценой неудавшегося путча, состоится церемония нового создания (не воссоздания!) НСДАП. В своей передовой статье «Новое начало», а также в опубликованных одновременно директивах по организации партии Гитлер подвел фундамент под свое

---

[9] Из открытого письма, адресованного фон Грэфе и опубликованного в VB., 19.3.1926, цит. по: *Garsten F.L.* Op. cit. S. 154. См. также отчет о конференции Национал-социалистического освободительного движения: *Deuerlein E.* Aufstieg. S. 242 f. Об упомянутом послании см.: IfZ Pa 88/Fasz. 199.

притязание на руководство. Он отклонил все условия и, имея в виду упреки по поводу Эссера и Штрейхера, заявил, что руководство партии должно не столько заниматься моралью своих членов и конфессиональными распрями, сколько целенаправленно проводить в жизнь свою политику. Своих критиков он обозвал «политическими дилетантами». И вскоре в ответ на проводимый Гитлером энергичный курс со всех концов страны начали поступать подтверждения его поддержки.

Свое выступление в «Бюргербройкеллер» Гитлер очень тщательно продумал (прежде всего в тактическом плане). Чтобы придать своему призыву больший эффект, Гитлер уже в течение двух месяцев не выступал публично как оратор и тем самым чрезвычайно подогревал как ожидания своих приверженцев, так и нервозность своих соперников. Он не принимал посетителей, отказывая даже зарубежным делегациям, и поручил от своего имени заявить, что все политические послания он выбрасывает, «не читая, в корзину для бумаг». Хотя собрание было назначено только на восемь вечера, первые его участники — «вход: 1 марка» — начали собираться уже вскоре после полудня. В шесть часов полиции пришлось перекрыть доступ в зал, где к тому времени сошлось около 4000 человек, причем многие из них находились между собой в состоянии вражды и взаимных интриг. Но когда Гитлер появился в зале, он был встречен бурной овацией, присутствовавшие вскакивали на столы, хлопали, размахивали керамическими пивными кружками и обнимались от счастья. Председательствовал Макс Аманн, поскольку Антон Дрекслер поставил условием своего участия в собрании исключение Эссера и Штрейхера. Не было также Штрассера, Рёма и Розенберга. И вот ко всем к ним, колебавшимся или упрямившимся партнерам, Гитлер обратился с двухчасовой, необыкновенно эффектной речью. Он начал с общих фраз, вознес хвалу арийцу за его победы в деле культуры. Проанализировав внешнюю политику, Гитлер заявил, что мирный договор можно разорвать, соглашение о репарациях объявить недействительным, гибель Германии грозит прежде всего из-за заражения еврейской кровью. Возвращаясь к своим маниакальным представлениям, он напомнил о берлинской Фридрихштрассе, где каждый еврей ведет под руку немецкую девушку. Марксизм, сказал он, «может быть свергнут, если против него выступит учение большей истинности, но такой же брутальности при

его проведении в жизнь». Затем он покритиковал Людендорфа, который повсюду заводит себе врагов и не понимает, что называть противником можно одного, а иметь при этом в виду совсем другого. После этого он наконец перешел к существу дела.

«Когда кто-то приходит и хочет ставить мне условия, я ему говорю: подожди, дружок, и послушай-ка те условия, которые я поставлю тебе. Я не гонюсь за привлечением большого количества новых сторонников. Через год вы, мои товарищи по партии, сами решите: если я действовал правильно, тогда хорошо, а если я действовал неправильно, тогда я сам сложу с себя полномочия руководителя партии. Но до этого уговор: я один руковожу движением, и никто не ставит мне условий, пока я лично несу всю ответственность. А я снова беру на себя ответственность абсолютно за все, что происходит в нашем движении»[10].

С пылающим от гнева взором он в заключение выступления заклинал собравшихся прекратить все их многочисленные распри, забыть прошлые обиды и положить конец сварам внутри движения. Он не просил идти за ним, не намекал на какие-либо компромиссы — он просто требовал либо подчиниться ему, либо уйти. Заключительная овация укрепила его в намерении придать новой НСДАП вид авторитарной партии, повинующейся исключительно только его приказам, — партии фюрера. Когда посреди всеобщего ликования Макс Аманн вышел вперед и торжественно бросил в зал: «Раздорам должен быть положен конец — все к Гитлеру!», на сцене вдруг оказались друг против друга все старые противники: Штрейхер, Эссер, Федер, Фрик, тюрингский гаулейтер Динтер, а также руководитель фракции баварского ландтага Буттман. Это была чрезвычайно трогательная сцена, когда они на глазах тысяч людей, с криками вскакивавших на стулья и столы, демонстративно протянули друг другу руки. Штрейхер, запинаясь, сказал что-то о «божественном промысле», а Буттман, который еще недавно, во время встречи Гитлера с фракцией ландтага, остро и ядовито возражал тому, кому теперь все рукоплескали, заявил, что все сомнения, с которыми он сюда пришел, «растаяли во мне во время речи фюрера». То, чего не сумели добиться ни мощная фигура Людендорфа, ни фон Грэфе, Штрассер, Розенберг или Рём — ни вместе, ни поодиночке,

[10] VB, 7.3.1925, затем: *Heiden K.* Geschichte. S. 190.

ночке, добился лишь немногими ходами он, и сознание этого укрепляло его авторитет, равно как и его самоуверенность. По выражению Буттмана, которое уже в прошлом применялось к нему Людендорфом и другими конкурентами, с этого дня он зовется «фюрером» и по праву является таковым — единоличным вождем.

Как только Гитлер обеспечил себе еще диктаторскую (еще более полную, чем раньше) власть над партией, утвердившись, как писал Герман Эссер, перед всеми этими «канальями, проклятым отребьем интриганов», он приступил к осуществлению своей второй цели — превращению НСДАП в мощный инструмент своих тактических замыслов. О своем решении делать отныне революцию не с помощью насилия, а с помощью закона, он в весьма саркастических выражениях заявил одному из своих приверженцев еще во время пребывания в крепости Ландсберг:

«Когда я возобновлю свою деятельность, я буду проводить новую политику. Вместо завоевания власти силой оружия мы, к огорчению депутатов-католиков и марксистов, сунем наши носы в Рейхстаг. И пусть на то, чтобы победить их по количеству голосов, понадобится больше времени, чем на то, чтобы их расстрелять, в конечном счете их же собственная конституция вручит успех в наши руки. Любой легальный процесс — процесс медленный»[11].

И он оказался даже еще более медленным и трудным, нежели предполагал Гитлер, и сопровождался все новыми провалами, трудностями и конфликтами. Обстоятельства сложились так, что Гитлер стал виновником первой серьезной неудачи движения. Баварское правительство восприняло его замечание о том, что вполне можно говорить об одном враге, а иметь в виду совсем другого, именно так, как и следовало — как доказательство его несомненной враждебности к конституции. Но оно связало это с другим высказыванием, что либо враг пройдет по его трупу, либо он пройдет по трупу врага. «Я хотел бы, —продолжал Гитлер, — чтобы если в следующий раз я паду в борьбе, моим саваном было знамя со свастикой». Такого рода высказывания посеяли столь большие сомнения в правдивости его заверений в легальности, что власти Баварии, а вскоре вслед за тем и большинства других земель, про-

---

[11] *Lüdecke K.G.W.* Op. cit. S. 217 f.; процитированные выше слова Эссера см.: *Horn W.* Op. cit. S. 214.

сто запретили ему проводить публичные выступления. В сочетании с испытательным сроком и по-прежнему грозившей ему высылкой из страны, а также с учетом всеобщей ситуации казалось, что этот запрет, ставший для него страшным и неожиданным ударом, кладет конец всем его планам. А это означало, что вся его концепция рушилась, не начав еще осуществляться.

Однако это не вызвало у него ни растерянности, ни даже намека на замешательство. Еще полтора года назад, летом 1923 года, такого рода удар мог выбить его из колеи и ввергнуть в состояние летаргии, как в юношеские годы. Сейчас же он остался равнодушен и почти безучастен даже к последствиям запрета на выступления, хотя это, кроме всего прочего, означало для него потерю важнейшего источника дохода. Теперь средства на жизнь он зарабатывал гонорарами за статьи, которые писал для партийной печати. Нередко он выступал и перед небольшой аудиторией из 40—60 гостей в доме Брукманов. Полное отсутствие средств для опьяненности, доведения себя до экстаза вынуждает его теперь искать и находить новые методы саморекламы. Современники единодушно отмечают перемены, произошедшие с Гитлером за время его пребывания в тюрьме, появление у него более жестких и строгих черт, которые впервые придали невыразительному облику психопата контуры индивидуальности.

«Узкое, бледное, болезненное, часто казавшееся пустым лицо стало более резким, явственнее проступила сильно развитая структура строения костей от лба до подбородка; то, что раньше производило впечатление меланхоличности, уступило теперь место не вызывавшей сомнений черте твердости»[12]. Она придала ему, вопреки всем неприятностям, то упорство, с помощью которого он и преодолел фазу стагнации и в конечном итоге начал свое триумфальное шествие в начале 30-х годов. И когда летом 1925 года, на низшей точке упадка всех его надежд, совещание руководителей НСДАП вздумало обсуждать вопрос о его заместителе, он резко выступил против этого с вызывающим утверждением, что существование или крах движения зависит только от него одного[13].

---

[12] *Müller K.A. v.* Im Wandel einer Welt. Bd. 3. S. 301; *Hanfstaengl E.* Op. cit. S. 121.

[13] Из донесения мюнхенской полиции о собрании руководителей секции НСДАП от 4 августа 1925 года; см.: *Tyrell A.* Op. cit. S. 110.

Отношение его ближайшего окружения убеждало, что он несомненно прав. В результате сознательно вызванных коллизий и размежевания с ним, естественно, остались в первую очередь заурядные и послушные приверженцы. Его свита опять свелась к когорте скототорговцев, шоферов, вышибал и бывших профессиональных вояк, к которым он еще со смутных времен начала становления партии испытывал какие-то удивительно сентиментальные чувства. Зачастую весьма одиозная репутация его спутников смущала его столь же мало, как и их шумливая грубость и примитивность. Именно такое окружение демонстрировало в первую очередь, насколько утратил он свои буржуазные, эстетствующие истоки. Даже когда его, бывало, упрекали за это, то он оправдывается с определенным налетом неуверенности, что, мол может ошибаться в своих наперсниках, ибо это в природе человека, который «не может не заблуждаться»[14]. Однако вплоть до своего назначения рейхсканцлером именно таким типам в его свите и отдавалось предпочтение. Да и позже этот тип преобладал в тех приватных компаниях его собеседников в длинные пустые вечера в апартаментах когда-то занимавшихся Бисмарком, во время просмотров кинофильмов или когда он предавался пустой болтовне, расстегнув пиджак и далеко вытянув вперед ноги. У него не было ни корней, ни семьи, ни профессии, а какой-то излом в его биографии пробуждал у бывшего обитателя мужского общежития определенные сокровенные воспоминания. Возможно, как раз аура тех венских лет и была причиной того, что он вновь оказался в кругу всех этих кристианов веберов, германов эссеров, йозефов берхтольдов или максов аманнов. Восхищение и откровенная преданность — это было все, что они могли предложить и безоговорочно принести ему в дар. Не отрывая самозабвенных взглядов от его губ, слушали они его пространные монологи в «Остерии Бавария» или в «Кафе Ноймайера», и вполне вероятно, что в их слепом энтузиазме он и находил замену так необходимому ему восхищению масс, которого его временно лишили.

К тем скудным успехам, которыми мог бы похвастаться Гитлер в этот период, относится прежде всего привлечение

---

[14] Из заключительного выступления Гитлера на совещании представителей НСДАП от земель, состоявшегося 12 июня 1925 года в Плауэне. BAK NS 26/59.

им на свою сторону Грегора Штрассера. До провала ноябрьского путча этот аптекарь из Ландсхута и гаулейтер Нижней Баварии, которого привел в политику «фронтовой опыт», лишь изредка появлялся на сцене. Однако, воспользовавшись отсутствием Гитлера, он сумел выдвинуться в первые ряды и принести национал-социализму определенное количество сторонников в рамках Национал-социалистического движения свободы — главным образом в Северной Германии и в Рурской области. Этот крепко сбитый, грубоватый, хотя и не лишенный интеллигентности мужчина, не чуравшийся драк в ресторациях и читавший в оригинале Гомера, в целом являвший собой и впрямь этакое клише тяжелого на подъем баварца из числа зажиточных граждан маленького провинциального городка, был весьма примечательной фигурой. Он имел, помимо собственного ораторского дара, своим союзником еще и умелого и напористого журналиста в лице своего брата Отто. С не раз уже сломленным и холодным неврастеником Гитлером он сошелся с трудом. Личность последнего была тут такой же большой помехой, как и имевшее дурную репутацию его послушное окружение, в то время как совпадение политических взглядов сводилось почти исключительно к трактовавшемуся самым широким образом и игравшему всеми красками, но совершенно не имевшему точного определения, понятию «национал-социализм». Но Штрассера восхитила магия Гитлера и способность того собирать приверженцев и мобилизовать их ради какой-либо идеи. В мероприятиях по созданию «новой» партии Штрассер не участвовал. Когда же Гитлер в начале марта 1925 года предложил ему в качестве отступного за выход из Национал-социалистического движения свободы широкую самостоятельность по руководству НСДАП во всем северогерманском регионе, Штрассер самоуверенно заявил, что примкнет к Гитлеру не как последователь, а как сподвижник. Он оставил за собой право на свои принципы и сомнения, но важнее всего для него была перспективность и жизнеспособность идеи: «Поэтому я отдал себя в распоряжение господина Гитлера»[15].

Это приобретение уравновесилось, однако, весьма примечательной потерей. В то время как Штрассер с бурной энергией приступил к созданию партийной организации в Север-

[15] *Heiden K.* Hitler. Bd. 1. S. 215; его же. Geschichte. S. 190 f.

ной Германии и в короткий срок сформировал между Шлезвиг-Гольштейном, Померанией и Нижней Саксонией семь новых партийных гау[16], Гитлер продемонстрировал свою решимость любой ценой утвердить собственный авторитет — даже за счет дальнейших потерь. И первым следствием стал разрыв с Эрнстом Рёмом. Выпущенный, несмотря на обвинительный вердикт, Мюнхенским народным судом на свободу, этот отставной капитан незамедлительно начал собирать своих бывших соратников времен Добровольческих корпусов и «Кампфбунда» под знамена нового союза «Фронтбанн». С растерянностью взирая на возрастающую нормализацию ситуации, вечные «только солдаты» почти все без исключения даже готовы вступить в это новое объединение, быстро набиравшее силу благодаря энергии и организационному таланту Рёма.

Гитлер не без беспокойства следил за этой активностью еще из крепости Ландсберг. Она равным образом угрожала и его досрочному освобождению, и его руководящей позиции в рядах движения «фёлькише», да и его новой тактике тоже. Среди уроков, усвоенных им из ноябрьских событий 1923 года, был и тот, что ему следует отмежевываться от всех вооруженных формирований, от их порождаемой оружием самоуверенности, мании конспирации и игр в войну. Что, по мнению Гитлера, было необходимо НСДАП, так это парамилитаризованное, стоящее исключительно под политическим командованием и, следовательно, подчиняющееся только ему одному партийное войско. А Рём придерживался прежней идеи тайной вспомогательной армии для рейхсвера и даже подумывал о том, чтобы сделать СА независимыми от партии и командовать ими как подразделениями своего «Фронтбанна».

В принципе, это было все тем же старым спором о назначении и функциях СА. В противоположность тугодуму Рёму Гитлер за это время уже приобрел определенный эмоциональный и рациональный опыт. Он не забыл Лоссову и офицерам его штаба их предательства 8—9 ноября, но одновременно усвоил из событий той ночи, что присяга и легаль-

---

[16] Гау (Gau — область), высшая территориальная единица НСДАП. Возглавлялась назначаемым лично фюрером гаулейтером и объединяло несколько крайзов (округов). — *Прим. науч. ред.*

ность для большинства офицеров являются непреодолимым моральным барьером. Нарушенная Лоссовом клятва не в последнюю очередь была отчаянной попыткой вырваться из не предусмотренной правилами, позорной двусмысленности нелегальности, в которую втянули армию Кар, Гитлер, собственная нерешительность Лоссова, да и вся ситуация вообще. Отсюда Гитлер сделал вывод, продиктованный ему его собственным честолюбием руководителя, — избегать какой бы то ни было тесной связи с рейхсвером, так как именно в этом и были корни любой нелегальности.

В первой половине апреля дело дошло до ссоры. Рём был страстным приверженцем Гитлера, он вообще был искренним, ненавязчивым человеком, столь же непоколебимо сохранявшим верность своим друзьям, как и своим взглядам. Надо полагать, Гитлер не забывал, чем он обязан Рёму с самого начала своей политической карьеры. Но в то же время он видел, что времена переменились и обладавший когда-то немалым влиянием человек стал своенравным, обременительным другом, едва ли вписывающимся в изменившиеся условия. Правда, какое-то время он еще колебался и уходил от настойчивых домогательств Рёма, но затем без каких-либо угрызений совести все же решился на разрыв. В ходе их беседы в середине апреля, когда Рём в очередной раз начал требовать строгого разграничения между НСДАП и СА и одновременно упорно настаивать на праве командовать своими подразделениями как частной армией, находящейся вне всех партийных и текущих раздоров, дело дошло до ожесточенной перебранки. Особенно обидело Гитлера, что планы Рёма не только делали его, как это уже имело место летом 1923 года, пленником чужих целей, но и, помимо всего прочего, опять низводили его до роли барабанщика. И когда, оскорбленный в своих чувствах, он упрекнул Рёма в предательстве их дружбы, тот прекратил разговор. День спустя он письменно сообщил, что слагает с себя обязанности командира СА, однако Гитлер никак на это не прореагировал. В конце апреля, сняв с себя обязанности руководителя «Фронтбанна», он вновь обратился к Гитлеру с письмом, которое закончил такой примечательной фразой: «Я пользуюсь случаем, чтобы, вспоминая те прекрасные и тяжелые часы, которые мы пережили вместе, сердечно поблагодарить тебя за твое това-

рищеское отношение и попросить тебя не лишать меня твоей личной дружбы». Но и на это письмо ответа он не получил. Когда же на следующий день он передал в печать «фёлькише» заметку о своем уходе, то «Фёлькишер Беобахтер» напечатала ее без каких-либо комментариев[17].

В то же самое время произошло событие, которое не только продемонстрировало Гитлеру, в каком он оказался опасном положении, но и наглядно показало ему, что разрыв с Людендорфом, случившийся преимущественно по личным мотивам, был политически совершенно оправдан. В конце февраля 1925 года умер президент страны социал-демократ Фридрих Эберт[18], и по инициативе Грегора Штрассера группы «фёлькише» выдвинули в противовес усердному, но совершенно неизвестному кандидату правых буржуазных партий доктору Ярресу собственного кандидата — Людендорфа. И вот генерал, получив чуть больше 1 % голосов, потерпел на выборах сокрушительное поражение, что не без злорадного удовлетворения и принял к сведению Гитлер. Когда же через несколько дней после выборов в результате несчастного случая погиб доктор Пенер — единственный достойный доверия и уважения сподвижник, который у него еще оставался, — казалось, что политическая карьера Гитлера и впрямь закончилась. В Мюнхене партия насчитывала всего 700 членов. Антон Дрекслер от НСДАП отошел и, разочарованный, основал собственную партию[19], соответствующую его скромным запросам, а драчливая гвардия Гитлера превратила в свою любимую забаву вылавливание членов «конкурирующей фирмы». Схожим образом обстояло дело и с другими родственными группами. Нередко и сам Гитлер с хлыстом из шкуры гиппопотама в руке участвовал в штурме собраний и появлялся на трибуне, приветствуя массы и молча улыбаясь, поскольку не имел права выступать. Перед вторым туром президентских выборов он призвал своих сторонников голосовать за выдвинутую к этому времени кандидатуру генерал-фельдмаршала фон Гинденбурга. Конечно, при том положении дел Гитлер вовсе не собирался пускаться в «многолетнюю политическую спеку-

---

[17] *Röhm E.* Op. cit. S. 341 ff.

[18] Эберт умер 28 февраля 1925 года. — *Прим. науч. ред.*

[19] Национал-социальный народный союз (Nationalsozialen Volksbundes). — *Прим. науч. ред.*

ляцию», как будет расцениваться позже его решение выступить в поддержку Гинденбурга[20], да и те немногие голоса, коими он располагал, погоды не делали. Но важным тут было то обстоятельство, что тем самым он демонстративно вступал в ряды «партий порядка» и приближался к этому овеянному легендами человеку — тайному «эрзац-кайзеру», в руках которого уже был или скоро будет ключ почти ко всем без исключения инструментам власти.

Продолжавшиеся провалы не могли не сказываться на положении Гитлера внутри партии. В то время как ему приходится вести борьбу за свою пошатнувшуюся власть главным образом в Тюрингии, Саксонии и Вюртемберге, Грегор Штрассер продолжал строительство партии в Северной Германии. Он все время в разъездах. Ночи он проводил в поездах или в залах ожидания вокзалов, днем встречался со сторонниками, организовывал ортсгруппы, устраивал совещания с функционерами, выступал на собраниях как докладчик или участник дискуссий. И в 1925-м и в 1926 годах он в качестве основного докладчика принял участие чуть ли не в ста мероприятиях ежегодно, в то время как Гитлер был обречен на молчание. И это обстоятельство и — в меньшей степени — честолюбивое соперничество Штрассера создавали впечатление, будто центр тяжести партии перемещается на север. Вследствие лояльности Штрассера руководящая позиция Гитлера в общем и целом поначалу сомнению не подвергалась. В то же время недоверие трезвых северных немцев-протестантов по отношению к представителю мелкобуржуазной богемы и его якобы «проримскому курсу» проявляется от случая к случаю достаточно явно, и нередко новых сторонников партии можно было вербовать только с помощью обещаний значительной независимости от штаб-квартиры в Мюнхене. И требование Гитлера, чтобы руководители ортсгрупп назначались руководством партии, на севере поначалу также не соблюдается. Продолжительное время то затухал, то вновь разгорался спор между центром и гау относительно права выдачи партбилетов. Благодаря своему сверхчувствительному нюху на все, что касается власти, Гитлер моментально понял, что такого рода побочные организационные вопросы

---

[20] *Heiden K.* Hitler. Bd. 1. S. 221. О количестве членов в партии см. сообщение Германа Фебке, опубликованное в кн.: *Jochmann W.* Nationalsozialismus und Revolution. S. 207.

сводились к обсуждению либо сохранению контроля со стороны центра, либо о бессилии последнего. И хотя в этом деле он не шел ни на какие уступки, ему пришлось довольно долго терпеть своеволие отдельных гау — так, например, в гау Северный Рейн в конце 1925 года отказались использовать членские билеты мюнхенского центра[21].

Сотрудником руководства этого гау со штаб-квартирой в Эльберфельде был молодой человек с высшим образованием, безуспешно пробовавший свои силы как журналист, писатель и биржевой маклер, прежде чем стать секретарем одного немецкого политика из числа «фёлькише» и познакомиться затем с Грегором Штрассером. Его звали Йозеф Пауль Геббельс, и к Штрассеру его привел в первую очередь собственный интеллектуальный радикализм, который он не без восторга фиксировал в своих литературных опусах и дневниковых записях: «Я — самый радикальный. Человек нового типа. Человек-революционер»[22]. У него был высокий, на удивление завораживающий голос и стиль речи, соединявший четкость с присущим этому времени пафосом. Радикализм Геббельса питался преимущественно националистическими или социал-революционными идеями и казался тонкой и заостренной версией представлений и тезисов его нового ментора. Ибо в противоположность бескровному, обитающему в абстрактном эмоциональном мире Гитлеру более подверженный чувствам Грегор Штрассер позволял вести себя от нищеты послевоенного времени к романтически окрашенному социализму, который связывался с ожиданием, что национал-социализму удастся прорваться в пролетарские слои. В лице Йозефа Геббельса, как и в своем брате Отто, Грегор Штрассер на какое-то время нашел интеллектуальных выразителей собственного пути, на который он, правда, так никогда и не вступит и который имеет значение лишь как беглое выражение некой социалистической альтернативы «фашистскому» южногерманскому национал-социализму.

---

[21] См.: *Strasser O.* Hitler und ich. S. 80. *Kuehnl E.* Die nationalsozialistische Linke. S. 14.

[22] Das Tagebuch von Joseph Goebbels 1925/26. S. 95. Подтверждения маниакального, апокалипсического радикализма встречаются там почти на каждой странице. И в Грегоре Штрассере Геббельс превозносил прежде всего то, что тот «готов к любого рода радикализации идеи», см.: Ebd. S. 30.

Особое сознание северогерманских национал-социалистов впервые обрело свое лицо в некем учрежденном 10 сентября в Хагене рабочем содружестве, во главе которого рядом с Грегором Штрассером появился и Геббельс. И хотя участники этого рабочего содружества неоднократно высказывались против любого рода конфронтации с мюнхенским центром, они все же говорили о «западном блоке», «контрнаступлении» и о «закостеневших бонзах в Мюнхене» и упрекали руководство партии в недостаточном интересе к программным вопросам. Штрассер также обвинял «Фёлькишер Беобахтер» в его «до серости низком уровне». Примечательно, однако, что ни один из многочисленных упреков не касался ни личности, ни прерогатив Гитлера, более того, его позиции, как считали участники рабочего содружества, следовало не ослаблять, а укреплять. Возмущение же у них вызвало «свинское и безалаберное ведение дел в центре» и опять же «изворотливое пустозвонство» Эссера и Штрейхера[23]. Ошибочно оценивая обстановку, они надеялись вырвать Гитлера из тисков «порочного мюнхенского окружения», спасти его от «диктатуры Эссера» и переманить на свою сторону. И здесь уже не в первый раз мы встречаемся с труднообъяснимым, распространившимся еще в ранние времена и — вопреки всем абсолютно очевидным фактам — продержавшимся до самого конца представлением, будто «фюрера», человека слабого и человечного, постоянно окружают плохие, эгоистичные и злокозненные советчики, мешающие ему действовать по собственной доброй воле и скрывающие от него весь негатив.

Программа группы, опубликованная в амбициозно подаваемом, редактировавшемся — и это весьма примечательно — Геббельсом журнале «Национал-социалистише Брифе»[24], выходившем два раза в месяц, пыталась главным образом повернуть движение в сторону современности и вывести его из-под пресса ностальгически ориентированной на прошлое идеологии среднего сословия. Почти все, что в Мюнхене «было свято, ставилось тут когда-нибудь под сомнение либо открыто поносилось». Особенное внимание

---

[23] См. по этому поводу упомянутое сообщение Г. Фебке: *Jochmann W.* Nationalsozialismus und Revolution. S. 207 ff.; затем Goebbels-Tagebuch. S. 22, 26 f, а также письмо Грегора Штрассера Геббельсу от 11 ноября 1925 года, BAK, NSI, 340/B1. 208.

[24] «Nationalsozialistische Briefe» — «Национал-социалистические письма». — *Прим. науч. ред.*

уделялось журналом иным, по сравнению с Югом, социальным условиям на Севере, его, в противоположность Баварии, пролетарско-городской структуре. Это несомненно усиливало антикапиталистическую направленность журнала. Так, в письме одного из берлинских сторонников партии говорилось, что национал-социализм не может состоять «из радикализированных буржуа» и не должен «пугаться слов "рабочий" и "социалист"»[25]. «Мы — социалисты, — так формулировал журнал одно из своих программных кредо, — мы — враги, смертельные враги нынешней капиталистической системы хозяйствования с ее эксплуатацией слабых, с ее несправедливой оплатой труда... мы полны решимости при всех обстоятельствах уничтожить эту систему». Совершенно в том же духе Геббельс искал формулы сближения между национальными социалистами и коммунистами и составил целый каталог их идентичных позиций и взглядов. Он отнюдь не отрицал теорию классовой борьбы и уверял, что крушение России похоронило бы «на веки вечные наши мечты о национал-социалистической Германии». В то же время он подвергал сомнению теорию Гитлера об универсальном враге-еврее, замечая, что «...вероятно, будет неверно ставить на одну доску еврея-капиталиста и еврея-большевика». Он дерзко заявлял, что еврейский вопрос вообще «более сложен, чем думают некоторые»[26].

Значительно отличались от взглядов мюнхенского руководства и представления «северян» о направленности внешней политики. Хотя группа Штрассера восприняла социалистические идеи эпохи, она понимала его «не как призыв к классу пролетариев, а как призыв к нациям-пролетариям», в первом ряду которых стояла преданная, оскорбленная, ограбленная Германия. Мир, считали они, разделен на народы угнетаемые и угнетающие, и развивали из этого тезиса те ревизионистские требования, что были названы в «Майн Кампф» «политическим бредом». И если Гитлер рассматривал Советскую Россию как объект широких завоевательных планов, а Розенберг называл ее «колонией еврейских палачей», то Геб-

---

[25] Цит. по: *Jochmann W.* Op. cit., под датой 14 декабря 1925 года; а также: *Krebs A.* Op. cit. S. 185, Цитата, приведенная ниже, взята из: Nationalsozialistische Briefe, 1.7.1927.

[26] Цит. по: *Heiden K.* Geschichte. S. 204, а также: *Tyrell A.* Op. cit. S. 125.

бельс с глубоким уважением отзывался о русской воле к утопии, а сам Штрассер выступал за союз с Москвой «против милитаризма Франции, против империализма Англии, против капитализма Уолл-стрита»[27]. В своих программных заявлениях группа ставила требование о ликвидации крупного землевладения, о принудительной организации всех крестьян в сельскохозяйственные кооперативы, о слиянии всех мелких предприятий в корпорации, а также о частичной социализации всех тех промысловых объединений, где число работников превышает 20 человек, — рабочему коллективу, при сохранении частнопредпринимательского ведения хозяйства, предусматривалась доля в 10 %, государству — 30 %, земле — 6 %, а общине — 5 %. Они поддерживали также предложения по упрощению законодательства, по организации доступного школьного образования, а также по частичной натуроплате, что являлось романтическим выражением порожденного инфляцией и распространившегося недоверия к денежному обращению.

Основные принципы этой программы были изложены Грегором Штрассером на заседании, состоявшемся 22 ноября 1925 года в Ганновере и продемонстрировавшем вышедшее за все мыслимые рамки мятежное настроение северо- и западногерманских гау по отношению к центру и «мюнхенскому папе», как это было заявлено под дружные аплодисменты присутствовавших гаулейтером Рустом[28]. На новой встрече, произошедшей в том же Ганновере в конце января на квартире гаулейтера Руста, Геббельс потребовал, чтобы присланному Гитлером в качестве наблюдателя и усердно записывав-

---

[27] Из выступления Штрассера в рейхстаге 24 ноября 1924 года. Цит. по: *Heiden K.* Geschichte. S. 205. Следует, однако, учитывать, что второй том «Майн кампф», в котором Гитлер главным образом изложил свои внешнеполитические взгляды, к тому времени еще не вышел. Приводимые ниже общественно-политические требования группы Штрассера подробно приведены в книге: *Kühnl R.* Op. cit. S. 20 ff.

[28] Отставной лейтенант и учитель по образованию Бернгард Руст (30.9.1883—8.5.1945) вступил в НСДАП в феврале 1925 года и уже 22 марта был назначен Г. Штрассером гаулейтером Северного Ганновера (утвержден А. Гитлером через 5 дней). С 1928 года гаулейтер Южного Ганновера — Брауншвейга, с июля 1932 года — одновременно ландесинспектор НСДАП. В 1934 году возглавил имперское министерство науки, воспитания и культуры. Покончил жизнь самоубийством. — *Прим. науч. ред.*

шему каждое острое замечание участников встречи Готфриду Федеру просто указали на дверь. На том же совещании, если верить источникам, Геббельс предложил, «чтобы мелкий буржуа Адольф Гитлер был изгнан из рядов национал-социалистической партии»[29].

Однако куда более тревожными, чем подобные мятежные высказывания, было деловое обсуждение, показавшее, насколько низко упал за это время престиж Гитлера. Штрассер выдвинул в декабре свой проект программы, который должен был заменить довольно произвольно сконструированные когда-то 25 пунктов и снять с партии репутацию выразительности интересов мелкой буржуазии. В том месяце он распространил этот проект без ведома центра по всем отделениям партии. Хотя Гитлер пришел «в ярость» от такого своеволия, никто на том собрании не обратил внимания на возражения Федера. Более того, его лишили права голоса. Кроме Федера, презрительно названного Геббельсом «засохшим кактусом», из двадцати пяти участников совещания за Гитлера открыто вступился только один человек — кёльнский гаулейтер Роберт Лей, «глупец и, может быть, интриган»[30]. По бурно дебатировавшемуся в то время общественностью страны вопросу, следует ли экспроприировать имущество немецких княжеских домов или, напротив, надо вернуть им отобранное в 1918 году, рабочее содружество в конечном итоге выступило против точки зрения Гитлера. Последний был вынужден по тактическим соображениям встать на сторону князей, как и вообще всех имущих слоев, в то время как группа Штрассера, подобно левым партиям, придерживалась мнения о бескомпенсационной экспроп-

---

[29] *O. Strasser.* Hitler und ich. S. 113; по уверению О. Штрассера, Геббельс сделал свое предложение с места, не вставая со стула. Этот эпизод неоднократно и не без оснований подвергался сомнению, но, тем не менее, он был подтвержден заслуживающим большего доверия Грегором Штрассером, так что, может быть, и правильно предположение Хельмута Хейбера, что Геббельс действительно произнес эту вызывающую споры фразу, но не при описанных Отто Штрассером драматических обстоятельствах, а в каком-то разговоре в тесном кругу; см.: Goebbels-Tagebuch. S. 56, Anmerkung.

[30] Отставной лейтенант, доктор философии Роберт Лей (15.2.1890—24.10.1945) с июля 1925 года являлся гаулейтером Южного Рейнланда, а в сентябре 1928 года возглавил более крупное гау — Рейнланд. — *Прим. науч. ред.*

риации имущества бывших хозяев страны (правда, не без оговорки в преамбуле принятого решения, что они не собираются предвосхищать позицию руководства партии). Без согласования с мюнхенским центром было также решено выпускать газету «Национал-социалист», а на деньги, полученные Грегором Штрассером под залог его аптеки в Ландсхуте, основать издательство, ставшее вскоре медиа-концерном заметного масштаба. Выпуском своих шести еженедельных газет он на время не только превзошел по объему продукцию принадлежащего НСДАП мюнхенского издательства «Эхер Ферлаг»[31], но и, по оценке Конрада Хайдена, оставил далеко позади публикации последнего «по своей духовной многосторонности и искренности»[32]. Но наиболее откровенно решимость собравшихся в Ганновере помериться силами с Гитлером выразилась в требовании Грегора Штрассера сменить пугливую тактику легальности на агрессивную, готовую на крайности, «политику катастроф». Любое вредящее государству и разлагающее существующий строй средство — путч, взрывы, забастовки, уличные беспорядки и погромы — представлялись его прямому стремлению к захвату власти подходящими. «Мы достигнем всего, — так описал вскоре Геббельс эту концепцию, — если двинем в поход за наши цели голод, отчаяние и жертвы». Он же говорил о намерении «разжечь искры нашего народа в один великий костер национального и социалистического отчаяния»[33].

А Гитлер до сих пор так и хранил молчание по поводу всех инициатив группы. И это при том, что она уже создала свой центр власти, имевший, как одно время казалось, характер параллельного партийного руководства, имя же Штрассера означало в Северной Германии «чуть ли не больше», чем его,

---

[31] «Франц Эхер Ферлаг ГмбХ» («Franz Eher Verlag GmbH») — центральное издательство НСДАП. Располагалось в Мюнхене и первоначально принадлежало Максу Эхеру, а в 1922 году было приобретено НСДАП и стало главным издательством партии. Во главе издательства стоял Макс Аманн. — *Прим. науч. ред.*

[32] Так в дневнике Геббельса: Goebbels-Tagebuch. S. 56. S. 31.

[33] *Heiden K.* Geschichte. S. 217. Важнейшей газетой издательства «Кампфферлаг» была «Берлинер Арбайтерцайтунг», которой Отто Штрассер пытался придать оттенок и популярности и солидности. Она рекламировала себя таким пропагандистским лозунгом: «Единственный не служащий ссудному капиталу орган рабочих Берлина». Однако приличного тиража набрать эта газета так и не смогла.

Гитлера. «Ни один человек не верит больше Мюнхену, — писал, торжествуя, в своем дневнике Геббельс. — Эльберфельд должен стать Меккой немецкого социализма»[34]. Гитлер не обращал внимания и на слухи о планах дать ему номинальный пост почетного председателя партии и объединить расколотый лагерь «фёлькише» в единое мощное движение. Этим планам он посвятил всего лишь несколько язвительных страниц в «Майн Кампф».

Эта сдержанность Гитлера частично объяснялась личными мотивами. Дело в том, что в это время он снял у одного гамбургского коммерсанта в Оберзальцберге, близ Берхтесгадена, где находилось и имение Бехштейнов, сельский домик — скромное строение с большим жилым помещением и верандой на первом этаже и тремя комнатами на втором. Своим гостям он многозначительно говорил, что дом ему не принадлежит, «так что о замашках бонз по дурному примеру иных "партийных шишек" тут не может быть и речи»[35]. Хозяйство в доме он попросил вести свою овдовевшую сводную сестру Ангелу Раубал[36]. Вместе с ней приехала и ее шестнадцатилетняя дочь Гели[37], и вскоре его привязанность к хорошенькой, недалекой и экзальтированной племяннице превратилась в страсть, которая, правда, безысходно отягощалась его нетерпимостью, романтически возвышенным представлением о женском идеале, а также угрызениями совести по поводу этого романа — как-никак он был ей дядей, — что и вылилось в итоге в приступ

---

[34] *Goebbels. J.* Die Zweite Revolution. S. 56.

[35] *Krebs A.* Op. cit. S. 185. Goebbels-Tagebuch. S. 59.

[36] Ангела Франциска Йоханна Раубал (28.7.1883—30.10.1949) была дочерью Алоиза Гитлера от брака с Франциской Матцельсбергер. В сентябре 1903 года она вышла замуж за адъюнкта налогового управления Лео Раубала (он умер в 1910 г.); в браке родилось трое детей — Лео, Ангела, Эльфрида. В 1927 году Гитлер пригласил Ангелу к себе в Оберзальцберг и 3 марта назначил домоправительницей в своей альпийской резиденции «Вахенфельд». — *Прим. науч. ред.*

[37] Гели (Ангела Мария) Раубал родилась 4 июня 1908 года в Линце. Причем Гели отнюдь не приехала в «Вахенфельд» в марте 1927 года (а тем более — в 1925 г.). Осенью 1927 года она переехала в Мюнхен, где собиралась изучать медицину в Мюнхенском университете. Таким образом, теория, что Гитлер в 1925—1926 годах самоустранился от руководства партией из-за «любви» к Гели, не имеет под собой оснований. — *Прим. науч. ред.*

отчаяния[38]. Он почти не выходил из дома, делая исключения только для поездок с племянницей в мюнхенский оперный театр либо, при случае, навещая своих друзей в городе — это все те же Ганфштенгли, Брукманы, Эссеры, Гоффманы. Делами партии он почти не занимается, даже в Южной Германии все громче слышатся критические голоса по поводу его индифферентной позиции, слишком вольного обращения с партийной кассой и продолжительных экскурсий на природу с хорошенькой племянницей. Но Гитлер едва ли обращал внимание на все эти упреки. Летом 1925 года вышел первый том «Майн Кампф». Хотя книга не имела большого успеха и в первый год не удается продать даже 10 000 экземпляров[39], Гитлер, терзаемый тягой рассказать о том, что у него накипело, а также стремлением оправдаться, незамедлительно приступает к работе над вторым томом.

С видимой безучастностью следит он с высот своей горной идиллии и за дискуссией вокруг программы северогерманских национал-социалистов. Его сдержанность объясняется не только столь характерной для него нелюбовью к принятию каких-либо решений, но и равнодушием к теории практика, презирающего дефиниции и, когда это необходимо, облекающего какую угодно вещь в какие угодно слова. Вероятно, втайне он надеялся повторить ту же игру, что так удачно провел, находясь в тюрьме Ландсберг, когда он поощрял своих соперников, обострял антагонизмы и повысил свой авторитет как раз тем, что свел его использование до минимума. Однако теперь, с выдвижением Штрассером концепции «катастроф», ситуация для него внезапно переменилась. Не без основания ему пришлось увидеть в этих намерениях заранее обдуманный вызов ему лично, поскольку они — точно так же, как и действия Рёма, — угрожали назначенному ему испытательному сроку, а тем самым и его политическому будущему вообще. Поэтому он с нетерпением ждал шанса разгромить противников и восстановить свой пошатнувшийся авторитет.

---

[38] Страсть, которую Гитлер якобы питал к своей племяннице, очень сильно преувеличена и фактически не имеет под собой оснований. Подробнее см. *Зигмунд А.* Лучший друг фюрера. М., 2005.

[39] В 1925 году (фактически за полгода) было реализовано 9473 экземпляра — что по меркам Германии того времени вполне неплохой результат (особенно если учитывать ее довольно высокую цену — 12 марок). — *Прим. науч. ред.*

В ретроспективе кажется, что нетерпеливая и властная натура Гитлера наносит партии после ее успешного нового начала не меньший вред, чем авантюра в ноябре 1923 года. Его темперамент совершенно явно издевался над любой тактической концепцией. Одна ортсгруппа сообщала в августе 1925 года, что из 138 членов в январе активной работой заняты сейчас лишь 20—30 человек. На процессе по защите чести и достоинства, который Гитлер вел в это время против Антона Дрекслера, свидетелем против него выступил один из его бывших сторонников и в своем заключительном слове упрекнул его в том, что НСДАП, взяв на вооружение его методы, не может рассчитывать на успех: «Вы очень плохо кончите!»[40]

И только самого Гитлера, казалось, нисколько не смущала столь затянувшаяся полоса неудач. Уверенность, которую придала ему выработка его миропонимания, равно как и его упрямство, позволили ему выстоять во всех кризисах, не опуская рук и не поддаваясь настроению подавленности. Почти казалось, что он снова и не без удовольствия позволяет ситуации дрейфовать в самом опасном, самом драматическом направлении. Словно не замечая никаких фатальных событий вокруг себя, он рисует в это время в своем альбоме для эскизов или на маленьких открытках величественные, похожие на античные строения, триумфальные арки, помпезные залы с куполами — театральные декорации застывшей в величии пустоты, претенциозно выражавшие непреложность его планов мирового господства и его вековых ожиданий, вопреки жалкому нынешнему положению[41].

---

[40] *Heiden K.* Hitler. Bd. 1. S. 227; см. также отчет ортсгруппы Потсдама от 25 августа 1925 г.; BAK, собрание Шумахера, № 205.

[41] Установить точные даты создания упомянутых рисунков едва ли представляется возможным. По словам Альберта Шпеера, ссылавшегося тут, надо полагать, на высказывания Гитлера, эти наброски были сделаны в это время, тогда как начальник канцелярии Шпеера Апель, который вел учет имевшихся в собственности архитектора эскизов Гитлера, называет датой создания «Большой триумфальной арки» «примерно 1924 год»; то же самое относится и к «Большому залу», «Южному вокзалу Берлина» и «Берлинской государственной библиотеке». Часть этих набросков опубликована в книге А. Шпеера: *Speer A.* Op. cit.

Глава III

ПОСТРОЕНИЕ К БОЮ

> Если мы хотим создать фактор силы, то тогда нам нужны единство, авторитет и дисциплина. Мы никогда не должны руководствоваться мыслью о создании некой армии политиков — нужна армия солдат нового мировоззрения.
>
> *Адольф Гитлер, 1925 год*

Ситуация, в которой оказался Гитлер, требовала от него совершить невозможное. Мессианская аура, окружавшая его после возвращения из крепости Ландсберга и придававшая его вызовам, оскорблениям и раскольническим маневрам высшее право — право спасителя и объединителя, год спустя улетучилась. Партия была явно не в состоянии выдержать такого рода нагрузки еще раз. И если он хотел сохранить свои политические перспективы, то должен был разгромить фронду и одновременно перетянуть ее на свою сторону, отразить северогерманские социалистические тенденции, а также концепцию «катастроф» и восстановить единство партии. Для этого требовалось в первую очередь изолировать Грегора Штрассера, переманить фрондеров и, кроме того, примирить их с мюнхенской компанией штрейхеров, эссеров и аманнов. И тут с редкой силой проявился тактический талант Гитлера, его с трудом поддающееся задним числом расшифровке искусство обращения с людьми, равно как и его личная магия.

Рычагом ему послужил спор об экспроприации княжеской собственности. Дело в том, что предложенный социалистическими партиями всенародный референдум вскрыл противоречия во всех политических движениях и представлялся поэтому особенно подходящим, чтобы расколоть существующие группировки. Этот вопрос страстно дебатировался и в Ганновере, где согласия удалось добиться лишь путем компромиссов. Не только рабочий класс, но и среднее сословие, мелкие вкладчики сберегательных касс и владельцы некрупных состояний — то есть самый значительный слой членов партии, со стихийным возмущением увидели, что княжеским домам собираются вернуть то, что сами они потеряли безвозвратно. Но одновременно как раз для того же типа и его на-

ционального самосознания была невыносима сама мысль о том, чтобы вступить в союз с марксистами против прежних хозяев страны и, соглашаясь на экспроприацию, тем самым как бы частично санкционировать деликт революции, — отсюда и все споры.

Тактической выгодой этой ситуации и воспользовался Гитлер, приняв быстрое решение. Он назначил на 14 февраля 1926 года в Бамберге совещание партийных руководителей всех рангов. Уже сам выбор места для этого совещания был сделан не без умысла. Город Бамберг был одной из цитаделей преданного ему душой и телом Юлиуса Штрейхера, и всего за несколько недель до этого Гитлер почтил местную ортсгруппу своим участием в рождественском празднике. Кроме того, он позаботился о том, чтобы на северогерманских гаулейтеров, возглавлявших большей частью незначительные местные организации, произвели впечатление обилие знамен, бросающихся в глаза плакатов, а также извещения о крупномасштабных массовых мероприятиях, дабы сбить с них, насколько возможно, их гонор. Помимо этого, он обеспечил, благодаря быстроте созыва совещания и манипуляции списками участников, подавляющее большинство[1]. Дискуссия, продолжавшаяся в течение всего дня, открылась речью Гитлера, занявшей почти пять часов. В ней он назвал сторонников экспроприации княжеской собственности лицемерами, потому что они щадят собственность еврейских банковских и биржевых князей. Он заявил, что бывшие хозяева страны не должны получить ничего, на что они не вправе претендовать, но у них нельзя отбирать то, что им принадлежит, ибо партия защищает частную собственность и право. Затем он под нарастающие аплодисменты своих южногерманских сторонников, к которым постепенно и нерешительно, один за другим, стали присоединяться и «северяне», прошелся, пункт за пунктом, по программе Штрассера, противопоставив ей программу 1920 года и сказав, что она «учредительный документ нашей религии, нашего мировоззрения. Изменить ее означало бы предательство по от-

[1] Так, были приглашены не все гаулейтеры; например, гаулейтер Рура Карл Кауфман жаловался по этому поводу в письме от 12 февраля 1926 года; см.: BAK, 203/Blatt 78 u. 85. С другой стороны, партийное руководство дополнительно пригласило лояльных по отношению к нему сторонников из Южной Германии.

ношению к тем, кто умер, веря в нашу идею». Запись в дневнике Геббельса точно отражает процесс растущего замешательства среди фрондеров: «Я весь как побитый. Кто он — Гитлер? Реакционер? Изумительно неловок и неопределен. Русский вопрос — абсолютно не в масть. Италия и Англия — вот природные союзники. Ужасно! Наша задача — наголову разгромить большевизм. Большевизм — это жидовская работа! Мы должны унаследовать Россию! 180 миллионов!!! Компенсация князьям!.. Чудовищно! Программы достаточно. С этим соглашаются. Федер кивает. Лей кивает. Штрейхер кивает. Эссер кивает. У меня душа обливается кровью, когда я вижу тебя в подобном обществе!!! Короткая дискуссия. Выступает Штрассер. Запинается, голос дрожит, так некстати, добрый честный Штрассер, ах, господи, как же не доросли мы еще до этих свиней внизу!.. Я не могу сказать ни слова. Меня как по голове треснули»[2].

Правда, Гитлеру не удалось заставить противную сторону отречься от всех своих убеждений. Более того, Штрассер настаивал на том, что антибольшевизм неразумен и являет собой пример затуманивания мозгов капиталистической системой, которой удалось поставить национальные силы на службу своим эксплуататорским интересам. И все же победа Гитлера была полной. Позднее Отто Штрассер, дабы оправдать позорный характер своего поражения, будет ссылаться на то, что Гитлер из хитрости будто бы назначил это совещание на будний день, чтобы не смогли приехать северогерманские гаулейтеры, исполнявшие свои обязанности на общественных началах и поэтому занятые на работе, так что в Бамберге были только Грегор Штрассер и Геббельс. Однако 14 февраля было воскресеньем, и сторонники Штрассера были представлены почти всеми крупными фигурами: Генрих Лозе из Шлезвиг-Гольштейна, Теодор Фален из Померании, Бернгард Руст из Ганновера, Йозеф Клант из Гамбурга. Но ни один из них не поднялся с места, чтобы выступить в защиту идеи левого национал-социализма. Смущенно смотрели они на Йозефа Геббельса, обладавшего природным ораторским талантом, и чувствовали себя, как и он, так, словно их ударили дубиной по голове. И как Геббельс был до онемения поражен силой внушения, исходившей от Гит-

---

[2] См.: Goebbels-Tagebuch. S. 60; *Lohse H.* Der Fall Strasser. S. 5, в гамбургском центре по исследованию национал-социализма.

лера, его блестяще аранжированным выходом, его колонной автомобилей, аппаратом и материальными затратами мюнхенцев, так и Грегор Штрассер оказался жертвой — хотя бы только на мгновение — ловкости и совратительной силы Гитлера. Когда атаки на «концерн предателей»[3] дошли до своей кульминационной точки, Гитлер внезапно и демонстративно подошел к нему и положил ему руку на плечо. Если этот жест и не обратил в его веру самого Штрассера, то все же произвел впечатление на собрание и вынудил Штрассера пойти на определенное примирение: рабочее содружество северо- и западногерманских гаулейтеров было практически распущено, их проект программы даже не был поставлен на обсуждение, а экспроприация княжеской собственности была отклонена. Три недели спустя, 5 марта, Грегор Штрассер разослал размноженное на гектографе письмо, в котором просил товарищей срочно вернуть ему проект программы — «по совершенно определенным причинам», как он писал, и еще потому, что он «обещал господину Гитлеру забрать назад все проекты без остатка»[4].

Можно сказать, что энергичный отпор Гитлера адресовался не столько левой программе, сколько левому менталитету приверженцев Штрассера. Во всяком случае, он никогда не оценивал появление ростков какой-то идеи выше ее самой и, как до того, так и после, перенимал или хотя бы

---

[3] Это выражение принадлежит, по всей вероятности, Готфриду Федору, которому приходилось даже оправдываться на этот счет; см.: *Tyrell A.* Op. cit. S. 124 ff.

[4] Опубликовано в кн.: *Jochmann W.* Nationalsozialismus und Revolution. S. 255. О. Штрассер, разозлившись по понятным причинам на «предателя Геббельса», возложил на него всю ответственность за бамбергский провал. Молчание, которым Геббельс встретил нападки Гитлера и мюнхенцев, и впрямь бросается в глаза и воспринимается как свидетельство его отмежевания от немцев-северян. Однако в самом Бамберге до этого еще не дошло, а рассказ О. Штрассера о том, что якобы в самый разгар дискуссии Геббельс встал и заявил о своем заблуждении и о переходе в лагерь Гитлера, другими источниками не подтверждается. Речь здесь явно идет о попытке найти виноватого в столь явном фиаско Грегора Штрассера. Сам Геббельс, как свидетельствует Карл Кауфман, уже после Бамберга говорил, что Гитлер предал социализм; хотя, согласно этому же источнику, Геббельсу и вменяли в вину провал в Бамберге, однако довольно долго еще считали единомышленником, но никак не отщепенцем; см.: *Tyrell A.* Op. cit. S. 128; *Manvell R., Fraenkel H.* Goebbels. P. 99.

использовал как декорацию любые представления о социализме. Не без оснований же Геббельс еще незадолго до заседания в Бамберге надеялся «завлечь Гитлера на нашу почву»[5]. И уж если он что и считал абсурдом и смертельной опасностью для движения, так это фигуру дискутирующего, запутавшегося в проблемах и волнуемого интеллигентскими чувствами самооправдания и сомнениями национал-социалиста — именно такие люди и маячили в окружении братьев Штрассеров. В лице такового члена партии он боялся возврата того сектантского типа, который уже загубил движение «фёлькише». С характерной для него склонностью к крайним позициям Гитлер приравнивал ничтоже сумняшеся любые идейные споры к сектантству. Насколько Гитлер ценил — и даже подогревал — личные конфликты среди людей своей свиты, настолько же не терпел он программных разногласий, ибо они, как он считал, только расходуют энергию и уменьшают ударную силу, которую следует направлять вовне. Один из секретов успеха христианства, любил повторять он, заключается в неизменности его догм. «Католический» темперамент Гитлера редко где проявляется так ощутимо, как в этой приверженности застывшим, неизменным формулам. Как-то он сказал, что все дело только в политической вере, «вокруг которой вращается весь мир», программа может быть «насквозь идиотской, источником же веры в нее является твердость, с которой ее отстаивают». Всего несколько недель спустя он создаст и использует возможность, чтобы объявить старую программу партии, несмотря на все ее ярко выраженные слабости, «не подлежащей изменению». Именно ее устаревшие, старомодные черты и превращают ее из предмета дискуссии в объект почитания. Она должна была не отвечать на вопросы, а придавать энергию, а уточнение, считал Гитлер, означало бы только раздробление. А то, что он с неуклонной последовательностью настаивал на тождестве фюрера и идеи, соответствовало, помимо всего прочего, принципу непогрешимого фюрера, принципу не подлежащей изменению программы. «Слепая вера сворачивает

[5] Goebbels-Tagebuch. S. 59. Там же, например на стр. 72, приводятся слова Гитлера о «его идеале: смесь коллективизма и индивидуализма. Земля, со всем, что на ней и в ней, народная. Производство, поскольку созидательно, индивидуализировано. Концерны, тресты, готовая продукция, транспорт и т.д. социализированы».

горы», — сказал Гитлер, а один из наперсников коротко сформулировал это так: «Наша программа в двух словах: Адольф Гитлер»[6].

Бамбергское совещание и унижение Грегора Штрассера означали, по сути, конец левого национал-социализма. Несмотря на весь громогласный, поднятый главным образом Отто Штрассером, шум в печати, Грегор начиная с этого момента будет представлять собой всего лишь некую помеху Гитлеру, а отнюдь не серьезную политическую альтернативу. «Социализм» был заменен лозунгами аполитичного патриотизма, и весьма примечательно, что фигура «капиталиста-спекулянта» стала все в большей степени уступать место фигуре «торговца национальными интересами» в лице Густава Штреземана или других членов правительства. Тем самым это совещание обозначило в то же время и окончательный поворот НСДАП — ее превращение в партию, действующую по приказам фюрера. Отныне и до самого конца в ней не будет больше споров об идейной ориентации, а будет лишь борьба за посты и благосклонность фюрера. «Сила ассимиляции нашего движения колоссальна», — с удовлетворением констатировал Гитлер. Одновременно с этим национал-социализм отказался и от вызова республиканскому строю выдвижением собственного общественного проекта. Вместо идеи ему было противопоставлено готовое к сражению, дисциплинированное, смутно осчастливленное харизмой фюрера боевое содружество. Это «примитивная сила односторонности», которая «как раз и внушает нашим высокопоставленным лицам такой ужас», как витийствовал Гитлер, прежде чем перейти к не очень удавшемуся ему образу «мужского кулака, который знает, что яд можно сломить

---

[6] Формулировка доктора Альберта Фольке в «Директивах для Веймара» («Richtlinien für Weimar») от 18 июля 1924 года, цит. по: *Jochmann W.* Nationalsozialismus und Revolution. S. 96 f. См. далее сообщение PND N 535 о собрании секции района Мюнхен-Лайм 21 марта 1926 года. HA 25 A/1762. Гитлер уже требовал однажды, во время летнего кризиса 1921 года, чтобы программа оставалась неизменной, — тогда сроком на шесть лет, и ставил это условием своего возвращения в партию. В том же выступлении, в котором он обосновывал свое требование, он упоминал также и о секрете успеха христианства, см.: *Franz-Willing G.* Op. cit. S. 111, 116; затем речь Гитлера в Гамбурге: *Jochmann W.* Im Kampf. S. 110, см. также: *Heuss Th.* Hitlers Weg. S. 22.

только противоядием... Решать должен более прочный череп, величайшая решимость и более высокий идеализм». А в другом месте он заявлял: «В таком бою сражаются не «духовным» оружием, а фанатизмом»[7].

Вот именно этот ее открытый характер и выделил вскоре НСДАП из всех других партий и боевых движений и обеспечил ей совершенно явное преимущество в виде дисциплинированности даже по сравнению с коммунистами, в чьих рядах все-таки проявлялись порой элементы оппортунизма, скепсиса и интеллектуального противоборства. Произошедший на редкость легко, без какого-либо сопротивления распад фронды словно пробудил стремление к подчинению. Именно многочисленные сторонники Штрассера упоенно прилагали теперь все свои силы ради того, чтобы превратить «движение в удобный, безукоризненно работающий инструмент в руках фюрера»[8]. Даже по отношению к высшим партийным руководящим инстанциям Гитлер, начиная с этого момента, использует только категорические приказы, сопровождаемые ударами хлыста, и лишает их права принятия даже самых незначительных решений. «Прототипом хорошего национал-социалиста» считается с той поры тот, «кто в любой момент готов отдать жизнь за своего фюрера», а общие собрания членов партии будут впредь воспринимать требуемое уставом предложение о переизбрании Гитлера 1-м председателем со смехом, как фарс[9]. Ведь и впрямь было ясно, как выразится потом Геринг, что на фоне непререкаемого авторитета фюрера любой другой — «не больше, чем камень, на

---

[7] Из отчетных докладов Гитлера на общих собраниях членов партии в 1926 и 1927 годах, см.: *Tyrell A.* Op. cit. S. 135, 176; *Jochmann W.* Im Kampf. S. 104 f.

[8] Goebbels J. In: VB, 3.7.1926.

[9] О выборах на общих собраниях членов партии см.: VB, 2/3.9.1928; *Tyrell A.* Op. cit. S. 298. Эпизод с хлыстом упоминается бывшим гаулейтером Нижней Баварии Отто Эрберсдоблером в его рассказе о стычке Гитлера с фон Пфеффером; см.: *Tyrell A.* Op. cit. S. 254 ff. См. в связи с этим также: *Krebs A.* Op. cit. S. 142, где передается замечание Гитлера, что даже в рядовых вопросах никто не имеет права принимать решение по своему собственному усмотрению. Приведенное ниже выражение Геринга известно со слов сэра Н. Гендерсона, см.: *Henderson N.* Failure of a Mission. Berlin 1937—1939. New York, 1940. P. 282; примыкающую к нему цитату из выступления Гитлера см.: сообщение PND, N 535, HA, 25/a/1762.

котором тот стоит». Сам же Гитлер подкрепит свое притязание на руководство таким историческим обоснованием: «Нас упрекают в том, что мы развиваем культ личности, — скажет он на партийном собрании в марте 1926 года, — это неправда. Во все великие времена в истории всегда выступает в каком-либо движении только одна личность. Не какое-то движение, а личности остаются в истории».

Успех в Бамберге Гитлер, вопреки своей обычной склонности к безудержному триумфу, сопроводил встречными жестами. Когда Грегор Штрассер попал в автомобильную катастрофу, Гитлер навестил его в больничной палате «с огромным букетом цветов» и был, по словам из письма больного, «очень мил». И Геббельса, имевшего у мюнхенского партийного руководства самую плохую репутацию одного из апологетов группы Штрассера, Гитлер тоже, неожиданно для него самого, окружил вниманием и пригласил главным докладчиком на одно из собраний в «Бюргербройкеллер». В конце этого собрания растроганный Гитлер со слезами на глазах обнял его. «Мне даже стыдно, что он так добр ко мне» — с умилением отметил Геббельс в дневнике[10]. Однако в то же время Гитлер принимает меры, чтобы раз и навсегда закрепить свой вновь завоеванный авторитет организационно.

Общее собрание членов партии приняло в Мюнхене 22 мая 1926 года новый Устав НСДАП, совершенно неприкрыто ориентированный лично на Гитлера. Центральной организацией партии теперь считается по уставу Национал-социалистический рабочий союз в Мюнхене, его руководство было одновременно и руководящим органом в масштабах всей страны. И хотя 1-й председатель, согласно «Положению о союзе», избирался, но эта «домашняя» организация Гитлера — всего несколько тысяч членов мюнхенской парторганизации — являла собой коллегию выборщиков от имени всей партии, которая тем самым полностью лишалась голоса. А поскольку, помимо всего прочего, в соответствии с регламентированной до самых мелочей процедурой, только все та же мюнхенская организация имела право потребовать отчета у 1-го председателя, это обеспечивало ему неограниченную и неконтролируемую власть над всей партией. Не было никаких принимаемых большинством голосов решений, выпол-

[10] Goebbels-Tagebuch. S. 70 f.; письмо Грегора Штрассера Й. Геббельсу от 29 марта 1926 г.: BAK, NS 1, vorl. 34, Blatt 156 и 160.

нять которые он был бы обязан. Впредь и гаулейтеры — дабы избежать даже возможности возникновения оппозиции — уже не будут избираться на собраниях парторганизаций гау, а будут назначаться 1-м председателем. То же правило касалось и председателей комитетов и комиссий. Чтобы дополнительно подстраховать систему своей личной власти, был создан, сверх всего, еще и некий Комитет по расследованию и улаживанию конфликтов (УШЛА)[11] — своего рода партийное судилище, роль которого заключалась в том, что у нее было право исключать из НСДАП отдельных членов, а то и целые организации. Когда же первый ее председатель, отставной генерал-лейтенант Хейнеман, по своей наивности посчитал эту комиссию инструментом для борьбы с коррупцией и нарушителями морали, Гитлер заменил его на этом посту послушным майором Вальтером Бухом[12], а заместителями назначил готового выполнять любые приказы Ульриха Графа и молодого адвоката Ганса Франка.

Шесть недель спустя, в первые дни июля, Гитлер отпраздновал свою победу на партийном съезде в Веймаре, где отчетливо проявились подвижки и тенденции новой эры. Все критические или, как презрительно называл их Гитлер, «остроумные» порывы, все «скороспелые и сомнительные идеи» были подавлены и впервые нашла применение внедрившаяся впоследствии практика партийных съездов, когда разрешалось вносить только такие предложения, которые «получили одобрение 1-го председателя». Вместо дебатирующей, погрязшей в программных разногласиях и «дрязгах» партии отныне общественности будет представляться картина «единого, сплоченного и монолитного руководства». Председательствующие на отдельных чрезвычайных заседаниях будут, как определит это в своих «основополагающих директивах» Гитлер, «чувствовать себя руководителями, а не исполнительным органом, зависимым от результатов голосования». Гитлер считал, что голосования вообще следует отменить, а «безбрежные

---

[11] Аббревиатура УШЛА (USCHLA) образована от немецкого написания его названия — Untersuchngs und Schlichtungsausschusse. В декабре 1933 года УШЛА был преобразован в Высший партийный суд. — *Прим. науч. ред.*

[12] Отставной майор Вальтер Бух (24.10.1883—12.11.1949) был назначен председателем УШЛА в ноябре 1927 года и занимал этот пост до крушения Третьего рейха; рейхслейтер. Покончил жизнь самоубийством.

дискуссии — запретить», потому что они способствуют тому заблуждению, будто политические вопросы «можно решить, сидя в креслах на съезде». В конечном итоге было резко ограничено время для выступлений на пленарных заседаниях, дабы «вся программа не была похоронена одним-единственным господином»[13]. И не лишено было, наверное, глубокого смысла, что, когда после проведения мероприятия в Национальном театре Гитлер, стоя в открытой машине, в коричневой рубашке с портупеей и в галифе с гетрами принимал парад 5000 своих сторонников, он впервые вскинул руку в приветствии итальянских фашистов. И хотя Геббельс с ликованием узрел в марширующих колоннах штурмовиков приближение Третьего рейха и пробуждение Германии, подавление любого вида спонтанности придало съезду скорее невыразительный оттенок. Тем более что нищета идеологии и тоска единомыслия не перекрывались тогда еще умением организовывать ослепительные манифестации в ореоле славы, которая не достигла еще своего пика. Кстати, среди почетных гостей здесь были руководитель «Стального шлема» Теодор Дюстерберг[14] и сын кайзера принц Август Вильгельм[15], вступивший вскоре после этого в СА. Некоторые группы «фёлькише» тоже под впечатлением от единства и силы НСДАП отказались от своей независимости и вошли в ее состав. Однако там же, в Веймаре, родилась в устах Грегора Штрассера и формула о «мертвом национал-социализме».

Последним элементом фрондерства и мятежной энергии оставались СА, в чьих рядах радикальные лозунги Штрассера и его сторонников встречали особенно сильный отклик. Поэтому Гитлер выжидал целый год после ухода Рёма, прежде чем назначить осенью 1926 года отставного капитана Фран-

---

[13] Из «Основополагающих директив для работы председателя и секретаря чрезвычайных съездов партии», которые Гитлер издал к веймарскому съезду и приказал выпустить без изменений и к имперским съездам в Нюрнберге в 1927 и 1929 годах; см.: BAK, NS 26, Blatt 389.

[14] Теодор Дюстерберг (1875—1950) — государственный и политический деятель, подполковник. В 1924—1933 годах один из руководителей «Стального шлема». — *Прим. пер.*

[15] Принц Германский и Прусский Август Вильгельм фон Гогенцоллерн (29.8.1887—25.3.1949) был четвертым сыном германского императора Вильгельма II. Он вступил в НСДАП в марте 1930 года, а в следующем году — в СА; позже — обергруппенфюрер СА. — *Прим. науч. ред.*

ца Пфеффера фон Саломона[15], замешанного ранее в различных акциях Добровольческих корпусов и тайных судилищах и бывшего до своего нового назначения гаулейтером Вестфалии, Верховным руководителем СА (ОСАФ)[16]. С его помощью он хотел решить традиционную проблему роли СА и заложить начала такой организации, которая не была бы ни вспомогательным формированием рейхсвера, ни тайным союзом, ни драчливой гвардией местных гаулейтеров, а стала бы в руках фюрера дисциплинированным инструментом пропаганды и массового террора — преображением национал-социалистической идеи в фанатичную и исключительно боевую силу. Чтобы продемонстрировать расставание штурмовиков с полувоенными традициями и бесповоротное включение СА в состав партии, Гитлер вручил новым отрядам «под слова клятвы верности» во время мистической церемонии в веймарском Национальном театре штандарты, выполненные по его личным эскизам[17]. «Подготовка СА, — говорилось в одном из его посланий фон Пфефферу, — должна осуществляться не

---

[15] Отставной капитан Франц Феликс Пфеффер фон Заломон (19.2.1888—12.4.1968) в ноябре 1918-го — марте 1920 года руководил созданным им Добровольческим корпусом «Пфеффер», участвовал в боях с коммунистами в Руре, на Балтике, в Верхней Силезии, в Литве. В марте 1920 года принял участие в Капповском путче, за что был уволен из армии. Верховным руководителем СА был назначен 1 ноября 1926 года, гаулейтером Вестфалии был с 27 марта 1925-го по 6 марта 1926 года. — *Прим. науч. ред.*

[16] Аббревиатура ОСАФ является калькой с немецкого OSAF — Obersten SA-Führer. — *Прим. науч. ред.*

[17] Первые штандарты были вручены представителям четырех отрядов СА 28 января 1923 года на съезде в Мюнхене. Автор, видимо, имеет в виду вручение штандартов новым, возрожденным формированиям СА. Эти флаги немного напоминали боевые штандарты древнеримских легионов: древко было увенчано фигурой парящего орла и свастикой в дубовом венке, под свастикой помещалась прямоугольная табличка, на лицевой стороне которой помещалась надпись NSDAP, а на оборотной — собственное название части. (В сентябре 1933 года табличку перевернули: теперь название находилось на лицевой стороне, а аббревиатура NSDAP — на оборотной.) Под табличкой горизонтально крепилось красное полотнище с черной свастикой, вписанной в белый круг, и ниже надписью «Deutschland Erwache» («Пробудись, Германия»); на обратной стороне помещалась надпись «Nat. Soz. Deutshe Arbeiterpertei Sturmabteikungen» («Штурмовые отряды Национал-социалистической немецкой рабочей партии»). — *Прим. науч. ред.*

с военной точки зрения, а исходя из партийной целесообразности. Прежние оборонительные формирования, продолжал Гитлер, хотя и были мощными, но не имели идеи и потому потерпели крах; тайные организации и кружки по подготовке покушений, опять же, никогда не понимали, что враг действует анонимным способом в умах и душах и не может быть истреблен физическим уничтожением его отдельных представителей, поэтому борьбу следует вывести «из атмосферы мелких акций мести и заговора на великий простор мировоззренческой войны на уничтожение с марксизмом, его порождениями и заправилами... Следует работать не на тайных сборищах, а на огромных массовых демонстрациях, и не кинжалом, ядом или пистолетом может быть проложена дорога движению, а путем завоевания улицы»[18].

Серией так называемых «приказов по СА» и «Основополагающих распоряжений» фон Пфеффер со временем еще более дифференцировал особенность и принципы действий СА и проявил при этом поразительное чутье в отношении эффективности воздействия на психологию масс строгой, выдержанной в духе строевой подготовки механики. В своих приказах по проведению мероприятий он выступал и как командир, и как режиссер, регулирующий каждый выход, каждое движение на марше, каждое поднятие руки и каждый возглас «Хайль!» и тщательно рассчитывавший эффект этих массовых сцен. «Единственная форма, — так заявлял он, — в которой СА обращаются к общественности, это их выступление сплоченными рядами. Одновременно это является одной из сильнейших форм пропаганды. Вид большого числа внутренне и внешне одинаковых, дисциплинированных мужчин, чья беззаветная воля к борьбе очевидна или чувствуется, — это производит на каждого немца глубочайшее впечатление и обращается к его сердцу на более убедительном и захватывающем языке, нежели это могут сделать и печать, и речь, и логика. Спокойная сосредоточенность и естественность подчеркивают эффект силы — силы марширующих колонн».

---

[18] Из письма Гитлера фон Пфефферу от 1 ноября 1926 года, цит. по: *Bennecke H.* Hitler und die SA. S. 237 f. Там же приведены упомянутые выше «приказы по СА» (SA-Befehle) и «Основополагающие распоряжения» (Grundsätzlichen Anordnungen), которые фон Пфеффер в своем пристрастии к сокращениям называл SABE и GRUSA. См. также: *Tyrell A.* Op. cit. S. 235 f. Об освящении штандартов в веймарском Национальном театре см.: Ebd. S. 159.

И все же попытка переделать СА в безоружное пропагандистское сборище и придать им взамен амбициозного особого сознания военных театрализованную притягательность в общем и целом успехом не увенчалась. Несмотря на все старания Гитлера, ему удалось лишь в ограниченном объеме сделать штурмовиков послушным инструментом своих политических целей. Причинами тому были не только безыдейный, ландскнехтский образ мысли этих вечных солдат, но и традиция страны, издревле отдававшей армии особые полномочия по сравнению с гражданскими структурами. Лозунги Пфеффера по перевоспитанию так и не смогли затушевать того, что СА как «борющееся движение» демонстрировали моральное превосходство над Политической организацией (ПО), которую они воспринимали всего лишь как ораторствующую часть движения и продолжали весьма примечательным образом называть с откровенным презрением «П-нуль». Именно в этом смысле они и считали себя «вершиной нашей организации». «Штурмовика наподобие нас им не сделать», — пренебрежительно отзывались они о так называемых парламентских партиях[19]. Правда, у этих последних не было и тех трудностей, с которыми сталкивалась НСДАП вследствие существования своей партийной армии. СА порождали дилемму — как потребовать от этих преисполненных комплексов офицеров и солдат мировой войны исполнения столь причудливого трюка на канате в роли послушного, на удивление мягкотелого рода людей-господ, той роли, что будет по плечу только следующему поколению. Кстати, вскоре начались и первые конфликты с фон Пфеффером, оказавшимся столь же строптивым, как и Рём, но он был более независимым, более хладнокровным и не страдал сантиментами, как его предшественник. Этот «хилый австрияк» Пфефферу не нравится, — заявлял сын прусского тайного советника[20].

Особенно самоуправно вели себя Штурмовые отряды в Берлине, их низовые подразделения проводили свою собственную политику, близкую к откровенной уголовщине, а местный гаулейтер доктор Эрнст Шланге ничего не мог с ними поделать. Распри между руководителями берлинской Политической организации и СА выливались порой в обмен пощечинами, причем этот скандал находился в определенном

---

[19] VB, 18.8.1929.

[20] *Heiden K.* Hitler. Bd. 1. S. 231.

противоречии с ролью и значением берлинской организации НСДАП. Она не насчитывала и тысячи членов и стала обращать на себя внимание только благодаря тому, что в начале лета братья Штрассеры начали разворачивать тут свое газетное предприятие. «Внутрипартийное положение в этом месяце, — говорилось в отчете о ситуации в октябре 1926 года, — не было хорошим. В нашем гау обстановка сложилась таким образом и обострилась на этот раз до такой степени, что приходится уже считаться с перспективой полного развала берлинской организации. Вся трагедия гау в том, что тут никогда не было настоящего руководителя»[21].

И вот в том же месяце Гитлер кладет конец этой ставшей невыносимой обстановке. Вся его тактическая изощренность видна в том, как использовал он этот хаос, чтобы одновременно и вывести берлинскую парторганизацию из-под власти Грегора Штрассера, и привлечь на свою сторону его самого способного сторонника, переманив того на свою сторону, — он назначает новым гаулейтером столицы Йозефа Геббельса[22]. Еще в июле этот честолюбивый фрондер под впечатлением великодушного приема в Мюнхене и Берхтесгадене начал откровенно сомневаться в правоте своих леворадикальных убеждений, лапидарно назвал в своем дневнике искусителя Гитлера «гением», написав, что тот — «само собой разумеется, творящий инструмент божественной судьбы», и, наконец, обратился в его веру. «Я стою перед ним потрясенный. Вот таков он: как ребенок — мил, добр, сердоболен. Как кошка — хитер, умен и ловок, как лев — рычаще-величественен и огромен... Свой парень и муж... Он нянчится со мной как с ребенком. Добрый друг и учитель!»[23] Такие восторги не могли, однако, скрыть угрызений совести, мучивших поначалу этого изворотливого оппортуниста из-за его отхода от Штрассера, о котором в той же записи теперь говорилось так: «Пожалуй, он все же не поспевает за разумом. За сердцем — да. Я его

---

[21] Из отчета Райнхольда Мухова о ситуации. Цит. по: *Broszat M.* Die Anfänge der Berliner NSDAP 1926/27. In: VJHfZ, 1960. H. 1. S. 102 f. Там же содержатся и другие конкретные материалы.

[22] Это назначение состоялось 26 октября 1926 года. Однако тогда Геббельс был назначен на «гаулейтером столицы», а главой гау (гаулейтером) Берлин — Бранденбург. Берлин был выделен в отдельное гау (также во главе с Геббельсом) только в октябре 1928 года. — *Прим. науч. ред.*

[23] Goebbels-Tagebuch. S. 92 f.

иной раз так люблю». И Гитлер уж позаботится о том, чтобы это отчуждение быстро возросло.

Назначая Геббельса на этот пост, он наделил его особыми полномочиями, которые не только должны были укрепить позиции нового гаулейтера, но и одновременно создать почву для конфликта со Штрассером. Он безоговорочно подчинил Геббельсу отряды СА, которые во всех иных местах ревниво отстаивали свою независимость от гаулейтеров. Дабы смягчить Штрассера или хотя бы парализовать его энергию к сопротивлению, Гитлер назначил его имперским руководителем пропаганды[24] в масштабах всей страны. Одновременно, чтобы сделать конфликт неизбежным и постоянным, он тут же вывел Геббельса из подчинения Штрассера. Прежние друзья и соратники будут в ответ на это обвинять нового берлинского гаулейтера в измене, однако измену такого рода рано или поздно совершат все фрондеры из лагеря левого национал-социализма, если не захотят, подобно братьям Штрассерам, предпочесть этому отставку, позднее — бегство, а то и смерть.

Со вступлением Геббельса в должность гаулейтера Берлина начался явный распад уже поколебленной власти левых в северогерманском регионе. Не разобравшись, что к чему, Штрассер поначалу даже способствовал этому назначению своего мнимого соратника, против чьей кандидатуры выступали такие влиятельные мюнхенцы как Гесс и Розенберг. Но Геббельс, кажется, намного лучше распознал тайные замыслы Гитлера. Во всяком случае, весьма скоро он перешел к открытой борьбе не только с коммунистами, но и со своими вчерашними товарищами, организовывал потасовки, основал свой редкий по наглости бульварный листок «Ангриф»[25] в качестве конкурента газете братьев Штрассеров и даже распространял слухи, будто бы их предки были евреями, а сами они куплены крупным капиталом. Я был «безнадежным идиотом высшей пробы», — жаловался потом Грегор, имея в виду свое отношение к Геббельсу[26]. Хладнокровный, циничный мастер казуистического, равно как и сентиментального убеждения, Геббельс открыл собой новую эру демагогии, современ-

---

[24] На этот пост Штрассер был назначен 16 сентября 1926 года. — *Прим. науч. ред.*

[25] «Der Angriff» — «Атака». — *Прим. науч. ред.*

[26] *Krebs A.* Op. cit. S. 188. Goebbels-Tagebuch. Dok. 13. S. 127 f.

ные возможности которой он осознал и максимально использовал как никто другой. Чтобы о безвестной берлинской парторганизации заговорили повсюду, он устроил на столичных улицах дикий разгул, постоянно организовывал драки, погромы, перестрелки, оставлявшие, как говорилось в полицейском отчете в марте 1927 года, после кровавого побоища с коммунистами на вокзале Лихтерфельде-Ост, «далеко позади все, что было раньше»[27]. И хотя, действуя таким образом, он шел на риск, что НСДАП в Берлине будет запрещена, — что вскоре и произошло, — но одновременно он привил своему войску сознание мученичества и чувства связанности общей целью. Во всяком случае, уже очень скоро берлинская организация вышла из ничтожества, и со временем ей стали удаваться весьма серьезные прорывы массовых фронтов так называемого «красного Берлина».

Одновременно с такого рода экспансионистскими устремлениями Гитлер использовал это время для постепенного, но неуклонного и последовательного развития внутрипартийного строительства. Его целью было создание единой командной структуры под знаком явления харизматического, единственного в своем роде фюрера. В иерархии инстанций, в непререкаемом тоне всех извещений, выдержанных в духе приказов и распоряжений, а также во все более распространявшемся ношении униформы находит свое выражение парамилитаристский характер партии, все руководство которой было отмечено отпечатком военного опыта и, как выразился как-то Геббельс, имело своей задачей подчиняться «в решающий момент во всех звеньях самому легкому нажиму»[28]. Ограничения и меры контроля, которым подвергалась партия со стороны властей, стимулировали такие планы еще сильнее, да и вообще сознание наличия враждебного окружения в ре-

---

[27] В этом отчете, в частности, говорится: «Открыв сильный огонь из револьверов и пустив в ход копьевидные железные древки флагов, национал-социалисты напали на коммунистов, в результате чего с поля боя было вынесено девять легко- и пять тяжелораненых». За месяц до того при столкновении в залах «Фароса» на севере Берлина было ранено 98 человек, в том числе некоторые тяжело. После этого события Геббельс торжествующе писал: «С этого дня нас в Берлине знают. Мы не настолько наивны, чтобы думать, что дело сделано. «Фарос» — это только начало». См.: Goebbels-Tagebuch. S. 119, Anm., также: *Broszat M.* Op. cit. S. 111.

[28] NS-Briefe, 15.5.1926.

шающей степени служило как выработке дисциплинированности членов НСДАП, так и утверждению принципа фюрерства. Мюнхенский центр без труда распространил свое влияние и по всей Германии. И убрав вскоре имевшиеся в первых изданиях «Майн Кампф» даже незначительные демократические элементы и заменив «германскую демократию» «принципом безусловного авторитета фюрера», Гитлер предостерегает теперь от «слишком большого количества партийных собраний на местах», ибо это, считает он, является «только источником споров»[29].

Наряду с организацией партии возникла и заорганизованная, расчлененная по многочисленным сферам обязанностей и полномочий бюрократия, лишившая очень скоро НСДАП ее прежнего, сохранявшегося даже на самом бурном этапе ее развития в период путча характера провинциального союза-ферейна. Хотя Гитлер по своему личному поведению и по стилю работы представлял собой скорее тип неорганизованного человека, он был необыкновенно горд трехступенчатой системой регистрации членов партии и впадал прямо-таки в восторг, когда докладывал о приобретении новых средств организации канцелярского труда, новых картотек и регистрационных папок. На место примитивной, фельдфебельской бюрократии ранних лет приходила разветвленная сеть все новых отделов и подотделов. Только в течение 1926 года были трижды расширены помещения, занимавшиеся мюнхенской штаб-квартирой. Конечно, аппарат НСДАП, превзошедший вскоре легендарную организацию СДПГ, был несоразмерно велик по сравнению с небольшим и весьма медленно растущим числом ее членов, тем более что сам Гитлер планировал

---

[29] BAK, NS 26, vorl. 390. Отличительными чертами так называемой германской демократии Гитлера были «выборы фюрера, но и его непререкаемый авторитет». Если в ранних изданиях еще говорилось, что «председатель избирается, но является единственным вождем движения», то в изданиях начиная с 1933 года сказано: «Руководитель всегда назначается сверху и одновременно наделяется неограниченными полномочиями и авторитетом. Только вождь всей партии выбирается по законам ферейна (!) на общем собрании партии». Ср.: 3. Aufl., 1928. Bd. 1. S. 36 f. и 37. Aufl., 1933. S. 378. Характерно, что Гитлер обвинил Добровольческий корпус «Оберланд» и его руководителя Беппо Ремера, практиковавших принцип выборности командиров, в большевистских тенденциях; см.: *Krebs A.* Op. cit. S. 121.

построить такую партию как маленькое, твердое ядро обученных специалистов по пропаганде и насилию. Он постоянно подчеркивал, что организация, куда входят 10 миллионов человек, не может быть боевой сама по себе, а может приводиться в движение только фанатично настроенным меньшинством[30]. Из 55 000 членов 1923 года НСДАП сумела к концу 1925 года привлечь в свои ряды примерно половину, двумя годами позже их стало 100 000. Но для этой казавшейся раздутой системы Гитлер не только весьма расширил рамки, имея в виду ожидаемый с прежней уверенностью обязательный прорыв к массовой партии, но и создал ей в то же время разнообразные возможности в плане патронажа и разделения чужой власти, благодаря чему он расширял и упрочивал власть свою собственную.

К тому же времени относятся и те начала формирования теневого правительства, которое будет впоследствии энергично развиваться и постоянно расширяться. Еще в «Майн Кампф» Гитлер выдвинул в качестве предпосылки для планируемого переворота такое движение, которое не только «уже несет в самом себе будущее государство», но и «уже может представить в распоряжение последнего законченную конструкцию своего собственного государства». В этом плане внутрипартийные учреждения служили и тому, чтобы от имени самого народа, якобы никак не представленного в институтах «веймарской безгосударственности», ставить под сомнение компетентность и законность последних. Службы теневого правительства соответствовали структуре министерской бюрократии, — так, например, в НСДАП были внешнеполитический отдел, отдел правовой политики и отдел военной политики. Другие отделы занимались главными аспектами национал-социалистической политики, народным здоровьем и вопросами расы, пропагандой, поселенческими делами, равно как и аграрной политикой. Они подготавливали новое государство, вырабатывая порой по-дилетантски смелые реформы и законопроекты. В лице национал-социалистических союзов врачей, юристов, студентов, учителей, государственных

---

[30] См., например, речь Гитлера на заседании объединения руководителей «фёлькише» Тюрингии: *Jacobsen H.-A., Jochmann W.* Op. cit.; «1927». S. 2. По поводу обюрокрачивания см. новогоднее обращение Гитлера в VB, 1/3. 1. 1927, а также его выступление на собрании членов южной секции НСДАП 22 апреля 1926 года. HA PND N 536.

служащих возникали начиная с 1926 года другие вспомогательные организации партии. В этом переплетении отделов и служб находят себе место даже садоводы и птицеводы. После того как в 1927 году бегло обсуждается вопрос о создании женских штурмовых отрядов (потом эта идея была отвергнута), год спустя возникает «Красная свастика» (прообраз будущего Национал-социалистического женского союза), которая должна была вербовать сторонниц из всевозрастающего числа экзальтированно-политизированных женщин и дать им в этой по-прежнему сохранявшей свой гомоэротический характер партии уголок, где они и будут заниматься практической благотворительностью. И если даже дело обстояло не так, как заверял Геббельс в своем секретном заявлении в 1940 году, что национал-социализму, когда он пришел к власти в 1933 году, нужно было «всего лишь перенести на государство свою организацию, свой опыт, принципы своего духа и своей души» и что он «был государством в государстве», «все подготовившим и все продумавшим», — то все же было бы правильно считать, что НСДАП подкрепила свое притязание на власть более действенно и более вызывающе, нежели какая-либо иная партия[31]. Рейхслейтеры[32] и гаулейтеры еще задолго до 1933 года соперничали с министрами, СА просто без спроса присваивали себе полицейские функции при проведении публичных мероприятий, а Гитлер как фюрер «оппозиционного государства»[33] нередко направлял на международные конференции собственного наблюдателя. Та же полемическая идея лежала и в основе широко использовавшейся партийной символики: свастика все настойчивее выдается за государственный символ подлинной, сохранившей свою честь Германии, песня

---

[31] Цит. по: *Jacobsen H.-A.* Der Zweite Weltkrieg. S. 180. Отто Бангерт пророчествовал в статье «Фёлькишер Беобахтер» от 9.9.1927, что в ближайшие годы НСДАП станет «все отчетливее превращаться в грядущее государство», которое «в возрастающей степени [должно] пронизать всю нашу разрушенную общественную жизнь. Когда же со временем национал-социалисты придут потом к власти, то Третий рейх в своих основах уже будет существовать». См. кроме того: *Nolte E.* Faschismus in seiner Epoche. S. 453.

[32] Рейхслейтерами (имперскими руководителями) именовались руководители центральных управлений НСДАП. Однако фактически как таковой институт рейхслейтеров стал функционировать только после прихода Гитлера к власти. — *Прим. науч. ред.*

[33] *Goebbels J.* Der Führer als Staatsmann. In: Adolf Hitler. S. 48 (издано конторой сигаретных этикеток в Альтоне).

«Хорст Вессель»[34] становится гимном «теневого государства», а коричневая рубашка, ордена и значки, точно так же как и памятные даты из истории партии, порождают чувство принадлежности к некоему своему кругу, активно не приемлющему существующее государство.

Вопреки всей бюрократической мании, которую национал-социализм развил в те годы и удовлетворил впоследствии в лабиринтах системы властных полномочий, его стиль руководства был тем не менее насквозь пронизан субъективными элементами. Они то и дело брали верх над деловым сочетанием норм и компетенции, чья надежность на поверку оказывалась не очень высокой. И как положение в рамках партийной иерархии зависело не столько от чина, сколько от знаков благоволения фюрера, то точно так же все нормы были настежь открыты произволу, а закон оказывался во власти сиюминутного каприза. Высоко надо всем стояла ничем не связанная и подвластная только своим импульсивным порывам «воля фюрера» — этакий высший и неоспоримый конституционный факт. Фюрер назначал и смещал всех нижестоящих руководителей и партийных функционеров, утверждал кандидатуры и избирательные списки, регулировал доходы партийных чиновников и контролировал даже их частную жизнь — принцип фюрерства по самой своей сути не знал никаких барьеров. Когда гамбургский гаулейтер Альберт Кребс[35] заявил в начале 1928 года в резуль-

---

[34]«Песня Хорста Весселя» (Horst Wessel Lied) была партийным гимном нацистской партии. Автором стихов, написанных на мотив старогерманской морской песенки, был погибший в 1930 году в драке с коммунистами Хорст Вессель (по другим сведениям, они были написаны нацистом Эверсом). После гибели Весселя текст получил, благодаря широкомасштабной пропаганде, широкое распространение и через некоторое время стал неофициальным партийным гимном НСДАП. После 1933 года исполнялся на всех официальных мероприятиях после государственного гимна и получил официальный статус 2-го национального гимна (после «Дойчланд-лид»). — *Прим. науч. ред.*

[35]Альберт Кребс (3.3.1899—26.6.1974) стал гаулейтером Гамбурга в ноябре 1926 года, причем был не гаулейтером, а имел ранг ортсгруппенлейтера. 26 февраля 1928 года Гитлер назначил его гаулейтером Гамбурга. Уволен же Кребс был только 3 сентября 1928 года (в основном из-за конфликта с высшим партийным руководством, прежде всего с Й. Геббельсом) — видимо, автор совместил два различных события. — *Прим. науч. ред.*

тате противоборства у себя в гау о своей отставке, Гитлер сначала отклонил его просьбу и продемонстрировал затем при помощи протокольного разбирательства, носившего необыкновенно обстоятельный характер, что не от доверия или недоверия членов партии, а от доверия или недоверия фюрера зависит сохранение или утрата позиций власти. Ибо он один волен хвалить за заслуги, наказывать за ошибки, улаживать конфликты, награждать и миловать. А потом он утвердил отставку[36].

Выступавшая во все более доминирующей роли личность Гитлера в значительной мере формировала и определяла все структуры — сам аппарат отражал характерные черты его биографии. Уже эксцессивная бюрократическая страсть к обширным службам с запутанной сетью отделов и подотделов, равно как и культ титулов и ничего не говорящих полномочий, выдавали неистребимое наследие сына чиновника Его Императорского и Королевского Величества. Точно так же и господство субъективно-волюнтаристского элемента указывало на то, откуда вышел Гитлер, — на беззаконные и никому не подчиненные вооруженные формирования. Да и его старые, продиктованные манией величия наклонности легко просматриваются в безмерно утрированных и многочисленных партийных структурах, равно как и свойственная авантюристам страсть к внешней форме, наделявшая институты с пока еще ничтожным весом самыми звучными названиями.

Правда, идея «теневого государства», как и создание превышающей все разумные размеры партийной бюрократии были, помимо всего прочего, одновременно и нетерпеливыми попытками прорваться в будущее, попытками обогнать реальность. Параллельно нарастала и не знающая устали митинговая активность, только в 1925 году, согласно отчету Гитлера, было проведено почти 2400 собраний, митингов и демонстраций. Однако общественность проявляла к ним весьма слабый интерес, и весь шум, все эти ожесточенные драки и бои ради сенсационных заголовков в печати принесли партии лишь скудные успехи. Иногда даже казалось, что в те годы укрепления республики, когда НСДАП, по выражению Геббельса, и у ее противников-то уже не вызывала ненависти, Гитлер начинал сомневаться в успехе. Тогда он убе-

[36] *Krebs A.* Op. cit. S. 130 f.

гал от действительности в свои заоблачные высоты и находил утешение в вере в будущее. «Пусть пройдут еще двадцать или сто лет, прежде чем победит наша идея. Пусть те, кто сегодня верит в идею, умрут, — что значит один человек в процессе развития народа, человечества?» — говорил он тогда. Будучи в ином настроении, он видел себя уже ведущим великую войну будущего. Как-то за обедом в кафе «Хек» он громко сказал капитану Стеннесу: «И вот тогда, Стеннес, когда мы победим, тогда мы построим аллею Победы, от Дёберитца до Бранденбургских ворот, шириной в 60 метров, а справа и слева будут стоять памятники победам, наши трофеи»[37].

А пока что центр жаловался, что несколько — около 30 из примерно 200 — ортсгрупп упустили возможность заказать плакаты, посвященные назначенному на середину августа 1927 года партийному съезду и что партии не по силам организация массовых мероприятий. И не в последнюю очередь этим обстоятельством объясняется впервые пришедшая в голову Гитлеру идея провести съезд на романтическом фоне Нюрнберга, одного из старейших городов страны, в котором, как и в соседнем Бамберге, ключевой фигурой был Юлиус Штрейхер. По сравнению с Веймаром на этот раз проявилась сильная режиссерская рука Гитлера, сумевшая придать эффектное выражение сплоченности и боеготовности движения. Один из старых приверженцев назовет его, имея в виду этот съезд, «иллюзионистом, захватывающим массы», и действительно, в этом представлении уже были видны зачатки вылившейся позднее в помпезный ритуал механики проведения съездов. Изо всех областей страны, на специально заказанных поездах, со знаменами, вымпелами и оркестрами прибыли сюда отряды СА и партийные формирования, а также многочисленные зарубежные делегации. Здесь же впервые показала себя созданная год назад молодежная организация — Гитлерюгенд[38]. И если в Веймаре форма участников казалась еще пестрой и случайной, то теперь она была уже почти сто-

---

[37] Цит. по: *Heiden K.* Hitler. Bd. 1. S. 242. Также: *Goebbels J.* Op. cit. S. 51.

[38] Официально Гитлерюгенд был учрежден на II съезде НСДАП (3/4.7.1926 в Веймаре) как национал-социалистическое молодежное движение, причем его основой стала созданная еще 27 февраля 1925 года молодежная группа СА. — *Прим. науч. ред.*

процентно унифицирована. Сам Гитлер носил взятую когда-то Россбахом с военных складов и введенную затем в качестве формы СА коричневую рубашку[39], которую он, правда, находил отвратительной. Большой митинг на Луитпольдхейне завершился торжественным освящением штандартов, после чего Гитлер в открытом автомобиле и с застывшей вытянутой рукой принял на центральной площади города парад своего войска. Национал-социалистическая пресса писала о тридцати, а «Фёлькишер Беобахтер» аж о ста тысячах участников, хотя более трезвые подсчеты называли цифру в 15 000 человек, участвовавших в параде. Несколько женщин и девушек, явившихся в смелых коричневых костюмах, к параду перед Гитлером допущены не были. Съезд рекомендовал провести конгресс, посвященный проблемам профсоюзов (так, впрочем, никогда и не состоявшийся), принял решение о создании «кольца пожертвований» в целях преодоления бедственного финансового положения партии и выдвинул требование об основании научного общества, дабы иметь возможность оказывать пропагандистское воздействие на интеллектуальные круги[40]. Какое-то время спустя Гитлер выступит перед несколькими тысячами крестьян в Шлезвиг-Гольштейне — застой вынуждал партию искать себе сторонников в новых слоях общества.

А в это время в Германии успешно шел процесс стабилизации, начавшийся в 1923—1924 годах. Новое соглашение по репарациям, Локарнские договоры и прием Германии в Лигу Наций, а также пакт Келлога[41] и установившееся первона-

---

[39] В феврале 1925 года штурмовики получили новую форму — коричневые рубашки. Они были по случаю закуплены НСДАП по дешевке в Австрии, где в этот момент распродавались оставшиеся с войны запасы армейской тропической формы германской армии. С этими рубашками носились коричневые кепи и бриджи. — *Прим. науч. ред.*

[40] Hauptstaatsarchiv München (далее — HStA München), см.: *Deuerlein E.* Aufstieg. S. 279, а также: *Krebs A.* Op. cit. S. 57 f. По поводу жалобы центра, о которой речь шла выше, см.: VB, 7.OS. 1927.

[41] Пакт Келлога — Бриана (или Парижский пакт) об отказе от войны как орудия национальной политики. Его инициаторами выступили министр иностранных дел Франции Аристид Бриан и государственный секретарь США Фрэнк Биллингс Келлог. Подписан 27 августа 1928 года 15 государствами (позже количество присоединившихся государств возросло до 56). — *Прим. науч. ред.*

чально в личном плане взаимное уважение между Штреземаном и Брианом, вылившееся затем в поддержанное общественностью улучшение немецко-французских отношений, показывали, насколько сильна тенденция времени к разрядке международной напряженности и равновесию. Крупные американские займы хоть и привели к созданию немалой государственной задолженности, но в то же время дали возможность в значительной степени рационализировать и модернизировать немецкую экономику. Рост индексов в 1923—1928 годах почти во всех секторах не только превосходил показатели во всех других европейских государствах, но и, несмотря на уменьшение территории Германии, довоенные достижения страны. В 1928 году доходы населения превысили уровень 1913 года почти на 20 %, значительно улучшилось социальное положение, а количество безработных сократилось примерно до 400 000 человек[42].

Было очевидно, что время противостояло радикализму национал-социалистов. Сам Гитлер жил уединенно в Оберзальцберге, не показываясь иной раз неделями, но этот его отход от дел все же свидетельствовал о том, что в конечном счете он был уверен в прочности своих позиций. Лишь время от времени, с явно рассчитанными интервалами, он пускает в ход свой авторитет — дает указания или раздает наказания. Иногда он предпринимает поездки ради поддержания контактов или поиска спонсоров. 10 декабря 1926 года выходит 2-й том «Майн Кампф», но и тут автор остается без ожидавшегося шумного успеха. Если 1-й том был продан в 1925 году в количестве почти 10 000, а год спустя к ним добавились еще около 7000, то в 1927 году оба тома находят только 5607 покупателей, а в 1928 году и того меньше — всего лишь 3015[43].

---

[42] По теме в целом см. прежде всего богатую фактическими материалами книгу Фердинанда Фриденсбурга «Веймарская республика» (*Friedensburg F.* Die Weimarer Republik).

[43] Продажа книги возросла лишь после превращения НСДАП в массовую партию, особенно когда вышло дешевое издание стоимостью всего 8 марок за оба тома. В 1930 году было продано 54 086 экземпляров, в 1931-м — 50 808, а в 1932-м — 90 351, а затем, начиная со следующего года, продажа уже стала превышать в несколько раз стотысячный рубеж. В 1943 году общий тираж книги составил 9 840 000 экземпляров; см. *Hammer H.* Die deutschen Ausgaben von Hitlers «Mein Kampf». In: VJHfZ, 1956. H. 2. S. 161 ff.

Но как бы то ни было, на полученные доходы он покупает усадьбу в Оберзальцберге[44]. Фрау Бехштейн помогает ему при покупке мебели, а Вагнеры из Байройта снабжают дом постельным бельем и посудой, позднее они пришлют комплект полного собрания сочинений маэстро и страницу оригинала партитуры «Лоэнгрина». Примерно в это же время Гитлер приобретает за 20 000 марок шестиместный «Мерседес-Компрессор», как бы удовлетворяя тем самым свои технические и репрезентативные потребности. Его обнаруженные уже после войны налоговые документы свидетельствуют, что эти его расходы значительно превосходили декларированные им доходы, что и не ускользнуло от бдительного ока налогового ведомства. В письме властям, напоминающем по своей слезливой хитрости послание уклонявшегося от прохождения военной службы магистрату города Линца, он уверяет об отсутствии у него средств и о своем скромном образе жизни: «Имуществом или капиталами, которые я мог бы назвать собственными, я нигде не располагаю. Мои личные потребности ограничиваются самым необходимым, а именно в том смысле, что я полностью воздерживаюсь от употребления алкоголя и табака, питаюсь в самых скромных ресторанах и, помимо того что плачу небольшую квартплату, не имею никаких расходов, за исключением издержек писателя-политика на рекламу... И автомобиль для меня это только средство для работы. Только с его помощью я могу осуществлять свою постоянную деятельность»[45]. В сентябре 1926 года он заявил, что не в состоянии платить начисленные ему налоги, и не раз говорил о своей большой задолженности перед банком. И еще годы спустя он будет при случае вспоминать об этом периоде своих финансовых затруднений и скажет, что порой ему приходилось питаться одними яблоками. Его квартира на Тиршштрассе, которую он снимал у вдовы Рейхерт, и впрямь была совершенно непритязательной — маленькая, скудно обставленная комната с полом, покрытым стершимся линолеумом.

---

[44] «Вахенфельд» был куплен Гитлером в 1929 году за 30 000 марок, причем собственницей дома в земельном кадастре была записана его сводная сестра Ангела Раубал. — *Прим. науч. ред.*

[45] Опубликовано в кн.: *Shirer W.L.* Op. cit. S. 128. Автор ссылается на исследование О. Дж. Хейла *(Hale O.J.* The American Historical Review. July, 1955).

Чтобы увеличить свои доходы, Гитлер вместе с Германом Эссером и фотографом Генрихом Гоффманом, которому он предоставил эксклюзивное право на свои фотографии, организовал издание журнала «Иллюстриртер Беобахтер», где регулярно публикует свои статьи в рубрике «Политика недели». Монотонность и бросающаяся в глаза стилистическая серость этих его комментариев отражают тематические затруднения того периода. Летом 1928 года — в пору, когда он живет, ожидая, планируя и затаившись, — Гитлер приступает к написанию своей второй, так и оставшейся неопубликованной при его жизни книги, которая представляла собой его сформировавшуюся к тому времени внешнеполитическую концепцию во всех ее взаимосвязях. Не без труда и лишь с помощью обращений-угроз удерживает он единство своей раздираемой противоположными силами партии, решительно отражая тем не менее все признаки недовольства курсом на легальность. Укрепление республики не побуждает его к поспешным выводам, как кое-кого из его сторонников, — инстинктивное чутье на все слабое и прогнившее придает ему терпение. В противодействии и бесперспективности положения он черпал даже особую уверенность в успехе, что и выражено в таком примечательном пассаже: «Как раз в этом и заключается безусловная, я бы сказал, математически высчитанная основа грядущей победы нашего движения, — ободряет он своих сторонников, — пока мы являемся радикальным движением, пока общественное мнение бойкотирует нас, пока нынешняя ситуация в государстве против нас, — мы будем продолжать собирать вокруг себя самый ценный материал — людей, даже в те времена, когда, как говорится, все доводы человеческого рассудка выступают против нас». А на Рождественском празднике в одной из мюнхенских групп НСДАП он вселяет уверенность, сравнив, уже не в первый раз, положение партии, ее преследования и беды с положением раннего христианства. Национа-социализм, — проводит он эту параллель дальше, захваченный собственной смелой картиной и рождественской растроганностью собравшихся, — превратит идеалы Христа в дело. И дело, которое Христос начал, но не смог завершить, доведет до конца он — Гитлер[46]. Сыгран-

[46] NStA München, цит. по: *Deuerlein E.* Aufstieg. S. 266, а также *Heiden K.* Der Führer. Hitler's rise to power. Boston, 1944. P. 250; последующее описание взято из «Фёлькишер Беобахтер», 23.12.1926.

ный до того самодеятельный спектакль «Избавление» послужил прелюдией к нарисованной в его выступлении картине современной «нужды и рабства». «Звезда, взошедшая в Рождественскую ночь, означала появление избавителя, — так трактовала газета «Фёлькишер Беобахтер» ситуацию, — раздвигающийся ныне занавес явил нам нового избавителя, спасителя немецкого народа от позора и нужды — нашего фюрера Адольфа Гитлера».

В глазах внешнего мира такого рода откровения еще больше укрепляли его легенду. Как и в начале карьеры, его опережала репутация некоего скорее причудливого явления, которое едва ли воспринималось всерьез и черты которого охотно объяснялись живописным своеобразием баварской политики. Да и тот стиль, что он поддерживал и приумножал, порождал во многом недоверчивое удивление; например, полотнище флага, развевавшееся над колонной путчистов у Фельдхеррнхалле, он приказал почитать как «Знамя крови»[47], прикосновение к полотнищу которого (это имело место при каждом освящении штандартов) вызывало передачу какой-то мистической силы. Одно время члены партии получали письма, начинавшиеся обращением «Ваше немецкое благородие», — это должно было свидетельствовать об их безупречной родословной[48]. Но между тем были и другие инициативы, говорившие о неизменной серьезности и амбициозности, с которой НСДАП преследовала свои цели. В конце 1926 года партия организовала школу ораторов, где слушателям давались технические навыки, общие знания и материал для выступлений и где к концу 1932 года, согласно данным самой школы, были подготовлены 6000 ораторов.

---

[47] «Знаменем крови» (Blutfahne) назывался стяг 5-го штурма СА, с которым нацисты участвовали 9.11.1923 в «Пивном путче». Знамя нес Генрих Трамбауер, а во время боя на знамя попала кровь одного из путчистов (не то Ульриха Графа, не то Андреаса Бауридля). Это обагренное кровью «мучеников» знамя было объявлено одной из наиболее священных реликвий Третьего рейха. Впервые Гитлер «представил» реликвию 4 июля 1926 года в Веймаре, где оно в торжественной обстановке было передано на хранение в 1-й штурм 1-го штандарта СС. «Знамя крови» было уничтожено во время бомбардировок Мюнхена авиацией союзников. — *Прим. науч. ред.*

[48] См. например: *Tyrell A.* Op. cit. S. 160 ff, где опубликовано письмо Гитлера с таким обращением.

О вере в необратимость улучшений жизни в Германии и недооценке роли НСДАП свидетельствовало принятое весной 1927 года правительствами Саксонии и Баварии решение об отмене запрета на выступления вождя партии. Гитлер со всей готовностью дает обещание, которое от него потребовали, что ни в коем случае не будет преследовать противозаконные цели и применять противозаконные средства. Вскоре после этого появляются кричаще-красные плакаты, извещавшие, что 9 марта в 20 часов он впервые снова выступит в цирке «Кроне» перед жителями Мюнхена. О ходе этого вечера повествуется в приведенном ниже полицейском донесении.

«Уже к четверти восьмого цирк был заполнен значительно больше, чем наполовину. Вниз со сцены свисает красное знамя со свастикой в белом кругу. Сцена зарезервирована для руководителей партии и оратора. Видимо, и ложи, поскольку их распределением занимаются люди в коричневых рубашках, также предназначены для видных партийцев. На трибуне пристроился оркестр. Других декораций не наблюдалось.

Люди в зале возбуждены и преисполнены ожиданий. Говорят о Гитлере, о его прежних ораторских триумфах в цирке "Кроне". Женщины, которых собралось поразительно много, кажется, все еще в восторге от него. Рассказывают о ранних днях всего этого... В горячем, сладковатом воздухе разлита жажда сенсации. Музыка играет звучные военные марши, в то время как появляются все новые толпы. Кругом разносят и предлагают "Фёлькишер Беобахтер". У кассы раздавали программу Национал-социалистической рабочей партии, а при входе совали в руки листовку с призывом не поддаваться ни на какие провокации и сохранять порядок. Продают флажки: "флажок для приветствия, цена — 10 пфеннигов". Они или черно-бело-красные, или целиком красные, с изображением свастики. Самые усердные покупатели — женщины.

Ряды между тем заполняются. Слышны голоса: "Должно быть так, как прежде!" Манеж заполняется... Большинство принадлежит к слоям с низкими доходами, это рабочие, мелкие ремесленники, мелкие торговцы. Много молодежи в коричневых рубашках и гольфах. Представителей радикального рабочего класса немного, почти совсем нет. Люди хорошо одеты, некоторые мужчины даже во фраках. Количество людей в цирке, который уже почти полон, оценивается в семь тысяч человек...

Так наступила половина девятого. И тут от входа слышатся нарастающие возгласы "Хайль!" Строем входят люди в коричневых рубашках, играет музыка, цирк разражается бурной овацией, в коричневом плаще появляется Гитлер, быстро проходит в сопровождении своих ближайших соратников через весь цирк вверх на сцену. Люди радостно возбуждены, приветственно машут, скандируют "Хайль!", вскакивают на скамейки, слышен грохот. И тут звучат фанфары. Моментальная тишина.

Под шквал приветствий зрителей теперь входят торжественным строем коричневорубашечники. Впереди две шеренги барабанщиков, за ними — знамя. Люди приветствуют их на фашистский манер вытянутой рукой. Публика им аплодирует. На сцене тем же манером поднял руку в приветствии Гитлер. Грохочет музыка. Череда знамен, сверкающие штандарты со свастикой в венке и с орлами по образцу древнеримских боевых флагов. Продефилировало, наверное, около двухсот человек. Они заполняют манеж и выстраиваются там, а знаменосцы и те, кто несет штандарты, занимают место на сцене...

Гитлер быстрыми шагами выходит на авансцену. Он говорит свободно, сначала с медленным напором, потом слова начинают обгонять друг друга, в местах, произносимых с преувеличенным пафосом, у него перехватывает голос, и слова различать уже невозможно. Он жестикулирует руками и кистями рук, мечется в возбуждении туда и сюда и все время старается захватить внимательно слушающую его многотысячную публику. Когда его прерывают аплодисменты, он театрально вытягивает вперед руки. Слово "нет", которое все чаще слышится к концу его речи, звучит как-то по-актерски, да и сознательно выделяется им. В смысле ораторских достижений его речь... по мнению автора донесения, не представляла собой ничего выдающегося»[49].

Отвоеванная свобода выступлений не решала тех трудностей, с которыми столкнулась НСДАП. Самому же Гитлеру, как теперь оказалось, запрет был скорее на пользу, ибо в пору веселого равнодушия, когда даже он не смог бы привлечь полные залы, это предохраняло его имя от процесса девальвации. Поэтому он вскоре сам решает не очень высовываться: если в

---

[49] Geheimes Staatsarchiv München, цит. по: *Deuerlein E.* Aufstieg. S. 269 ff. И в этой речи Гитлер в качестве сравнения ссылался на раннее христианство.

1927 году он публично выступил 56 раз, то два года спустя сократил количество своих выступлений до 29. По-видимому, к этому времени он осознал, какие преимущества давало ему состояние полубожественной отрешенности. В момент возвращения к массам он столкнулся с превосходящей силой неблагоприятных обстоятельств: и тут же начались неудачи, а вместе с ними стала раздаваться и критика. Она была направлена как против его стиля руководства, так и против выдерживавшегося со всей строгостью курса на политику легальности. Даже Геббельс, преданный Гитлеру душой и телом и бывший одним из пророков-провозвестников культа фюрера, в своем памфлете 1927 года «Наци-соци» критикует безоговорочный курс на легальность и на вопрос, как вести себя партии, если ее усилия по завоеванию на свою сторону большинства провалятся, строптиво заявляет: «Что тогда? Тогда мы стиснем зубы и приготовимся. Тогда мы выступим против этого государства, тогда мы решимся на последнее великое выступление ради Германии, и из революционеров слова будут тогда революционеры дела. Тогда мы устроим революцию!»

Критике подвергалось и личное поведение Гитлера, его пренебрежительное отношение к заслуженным товарищам, «столь прославляемая стена вокруг господина Гитлера», за существование которой порицал его один старый партиец, его невнимание к партийным делам, а также его комплекс ревности в отношении собственной племянницы. Когда в начале лета 1928 года он нечаянно застал Эмиля Мориса в комнате Гели Раубал, то, по свидетельству последнего, набросился на него со своей плеткой, так что тому пришлось, чтобы спастись, выпрыгнуть из окна[50]. И председатель УШЛА Вальтер

---

[50] Подобная ситуация места не имела. Дело было в том, что личный друг и шофер Гитлера Эмиль Морис и Гели Раубал решили пожениться и втайне от Гитлера были помолвлены. Когда Морис об этом сообщил Гитлеру, тот пришел в ярость, и дело чуть не дошло до рукоприкладства. Гитлер потребовал хранить помолвку в тайне и совершить брак не ранее чем через 3 года, а затем и аннулировать помолвку. Дело было в том, что Гитлер был в курсе, что Морис, несмотря на свой яростный антисемитизм, был внуком еврея. Брак племянницы руководителя антисемитской партии и человека с еврейскими корнями мог привести в политическому краху. Именно в этом, а не в мифической любви Гитлера к Гели была причина ярости Гитлера. В конце 1927 года Гитлер уволил Мориса, тот подал на него в суд и добился компенсации в 500 марок. — *Прим. науч. ред.*

Бух вынужден в конечном итоге, «будучи без лести предан», все же довести до сведения свое впечатление, «что Вы, господин Гитлер, постепенно доходите до презрения к человеку, что наполняет меня горькой озабоченностью»[51].

Ввиду мятежных настроений в партии Гитлер отменил запланированный на 1928 год съезд и созвал вместо него в Мюнхене совещание партийных руководителей. Он запретил местным организациям проводить любого рода подготовительные собрания и, открывая 31 августа эту встречу, превознес в своем возбужденном выступлении послушание и дисциплину. Только безоговорочно преданные делу элитарные образования, говорил он, будучи «историческим меньшинством», в состоянии делать историю, НСДАП должна насчитывать максимум 600—800 тысяч членов: «Это то количество, которое на что-то годится!» Всех же других следует считать просто сторонниками, собирать и использовать их в партийных целях. «Маленькая группа фанатиков увлекает за собой массу, смотри пример России и Италии... Борьба за большинство удается только тогда, когда есть боеспособное меньшинство», — заявил он[52]. С сарказмом отбрасывается им предложение насчет создания ему в помощь некоего «сената» — он и без советчиков обойдется. И Гитлер вскоре добивается исключения из партии автора этого предложения — тюрингского гаулейтера Артура Динтера[53]. В имевшей место до того переписке он уверяет, что как политик «отвечает за безошибочность», и заявляет, что «слепо верит в то, что будет принадлежать к тем, кто делает историю». Когда вскоре вслед за первым было созвано новое совещание, организованное по ставшей отныне уже обычной авторитарной форме, на нем во время дебатов Гитлер сидит молча, демонстративно изображая на лице скуку и распространяя тем самым постепенно столь давящее чувство ничтожности и ненужности этого мероприятия. В результате совещание закончилось в атмосфере всеобщей подавленности. Один из его участников выскажет потом

---

[51] Цит. по: *Tyrell A.* Op. cit. S. 211 ff. Ebd. S. 196, а также: *Hoffmann H.* Op. cit. S. 151 f.

[52] Так Гитлер говорил еще в начале 1927 года на совещании объединения руководителей «фёлькише» в Тюрингии. *Jacobsen H.-A., Jochmann W.* Op. cit. 1927. S. 2.

[53] Доктор Артур Динтер (27.6.1876—21.5.1948) был снят с поста гаулейтера Тюрингии 20 сентября 1927 года, а исключен из партии в 1928 году. — *Прим. науч. ред.*

предположение, что Гитлер согласился на проведение этого мероприятия только ради того, чтобы таким вот образом полностью сорвать его[54].

Будучи вождем неприметной, но жестко спаянной партии, Гитлер ожидал своего шанса. Он не видел причин для уныния, ибо уже добился своей независимости как внутри партии, так и вне ее. Начиная с этого времени партия порой уже официально выступает как «движение Гитлера». Не имея ни сколько-нибудь значительной поддержки масс, ни влиятельных покровителей либо мощных институтов, это движение тем не менее доказывает, что обладает внутренней силой, которая обеспечит ему если и не победу, то уж наверняка выживание.

На состоявшихся 20 мая 1928 года выборах в Рейхстаг НСДАП получила 2,6 % голосов и заняла девятое место среди политических партий. Среди избранных от нее 12 депутатов оказались Грегор Штрассер, Готфрид Федер, Йозеф Геббельс, Вильгельм Фрик и Герман Геринг, вернувшийся к тому времени с богатой женой и широкими связями из Швеции. Сам Гитлер, будучи «лицом без гражданства», свою

---

[54] *Krebs A.* Op. cit. S. 131 f. Письмо А. Динтеру от 25 июля 1928 года опубликовано в журнале Динтера «Христианство духа»: Das Geistchristentum, 1. Jahrgg., Heft 9/10. S. 353 f. По поводу «исторического меньшинства» см.: *Heiden K.* Geschichte. S. 269., а также *Hitler A.* Mein Kampf. S. 651 ff., где Гитлер определяет различные формы соучастия: «Если движение намеревается разрушить мир и построить на его месте новый, то в рядах его собственного руководства должна быть абсолютная ясность в отношении следующих принципов: любое движение должно сперва рассортировать завоеванный им человеческий материал на две большие группы — на сторонников и членов. Задача пропаганды заключается в вербовке сторонников, задача организации — в привлечении членов. Сторонником движения является тот, кто разделяет его цели, членом — кто борется за них. На десять сторонников всегда будут приходиться максимум один-два члена. Стать сторонником значит осознать, быть членом — иметь мужество самому защищать и распространять осознанное... Победа идеи придет тем скорее, чем больше людей будет обработано пропагандой и чем исключительнее, дисциплинированней и крепче будет организация, ведущая борьбу. Из этого следует, что число сторонников никогда не может считаться слишком большим, число же членов легче превращается в слишком большое, чем слишком маленькое. Если пропаганда захватила весь народ, то организация может использовать это, ограничиваясь горсткой людей».

кандидатуру не выставлял. Однако с присущим ему умением подавать свои беды и неудачи как успехи он использовал эту помеху, чтобы и тут еще раз увеличить дистанцию и — не делая никаких уступок презираемой им системе парламентаризма, — усилить свою роль единоличного фюрера, стоящего высоко над всеми заботами, делами и соблазнами текущего дня. Принятое после долгих колебаний решение об участии в выборах было не в последнюю очередь продиктовано соображением дать возможность партии использовать привилегии, которые предоставлялись депутатскими мандатами. Об этом свидетельствовал Геббельс в статье, опубликованной через неделю после выборов и проливавшей свет на все заверения партии насчет легальности: «Я — не член Рейхстага. Я — ОИ и ОБДПБП. Обладатель иммунитета и обладатель билета, дающего право на бесплатный проезд. Какое нам дело до Рейхстага? Мы избраны как оппозиция Рейхстагу, и мы будем осуществлять свой мандат в том смысле, как это нам поручено... ОИ разрешается называть кучу дерьма кучей дерьма, и ему не нужно завуалированно оправдываться перед государством». Это признание заканчивалось такими восклицаниями: «Теперь вы удивляетесь, а? Но не думайте, что нам уже конец... Вы еще с нами попрыгаете. Пусть только начнется представление»[55].

Оскорбительное нахальство такого рода высказываний не затушевывало между тем их самоободряющего характера — ведь НСДАП оставалась карликовой партией с огромными амбициями. Но Гитлер — хладнокровно, готовый ввести в бой свои кадры, — ждал нового обострения ситуации, что должно было облегчить ему прорыв для превращения НСДАП в массовую партию. Несмотря на все свое рвение, несмотря на все свои организационные заботы, он до сего времени оставался в тени старательно, хотя и без блеска функционировавшей республики. Его харизма, столь успешно проявлявшаяся в патетических ситуациях, в нормальных условиях грозила раствориться. Ведь порой казалось, что нация была вот-вот уже готова пойти наконец на мировую с республикой и невзрачной серостью обстановки, готова похоронить все эти надуманные реальности и героико-романтические воспоминания и примириться с буднями истории. Правда, выборы в

---

[55] *Goebbels. J.* Der Angriff. Aufsaetze aus der Kampfzeit. München, 1935. S. 80 ff.

Рейхстаг продемонстрировали[56] ползучий процесс разложения буржуазной среды, а появившиеся многочисленные осколочные партии возвестили о скрытом кризисе системы, да и число членов партии Гитлера дошло уже почти до 150 000. Но еще в начале следующего года преподававший в Бонне социолог Йозеф А. Шумпетер скажет об «очень большой и, возможно, еще возрастающей стабилизации наших социальных отношений» и заверял: «Ни в каком смысле, ни в какой области и ни в каком направлении не представляются поэтому вероятными ни взлеты, ни катастрофы»[57].

Гитлер оценивает положение резче и точнее. Имея в виду психологию немцев во время этого короткого счастливого периода в истории республики, он говорит в одной из своих речей: «У нас есть третья шкала оценок — боевой дух. Он жив, хотя и погребен под грудой чужих теорий и доктрин. Какая-то большая, мощная партия старается доказывать обратное, пока вдруг не приходит и не начинает играть самый обыкновенный военный оркестр, и тогда тот, кто плетется позади, вырывается иной раз из своего сонного состояния, внезапно начинает ощущать себя частицей народа, который марширует и с которым идет и он. Так и сегодня. Нужно только показать нашему народу это лучшее: и вы увидите — мы уже на марше»[58].

С этого момента он ждал сигнала к бою. Вопрос заключался только в том, сможет ли партия сохранить в течение этого времени свою динамику, свои надежды, свои представления о цели и образ избранности фюрера — всю эту систему ценностей и призрачной веры, которая является ее силой. В своем анализе итогов выборов в мае 1928 года Отто Штрассер жаловался, что «спасительная миссия национал-социализма» не нашла поддержки населения. Неудачным, в частности, оказалась попытка установить влияние в пролетарской среде[59]. Действительно, сторонниками НСДАП были преимущественно служащие, мелкие ремесленники, крестьяне, а

---

[56] Крупнейшую фракцию в Рейхстаге сформировала СДПГ (получившая 153 мандата), затем следовали Немецкая национальная народная партия (73 мандата), Германская партия «Центра» (62 мандата). Компартия Германии, получившая 54 мандата, вышла на четвертое место. — *Прим. науч. ред.*

[57] *Schumpeter J.A.* Aufsätze zur Soziologie. Tübingen, 1953. S. 225.

[58] Adolf Hitler in Franken. S. 81.

[59] Опубликовано в кн.: *Kühnl R.* Op. cit. S. 344 (Dok. Nr. 34).

также охваченная романтическим протестом молодежь — авангард тех слоев, что были больше других восприимчивы к будящей музыке «самого обыкновенного военного оркестра». Но всего несколько месяцев спустя ситуация на сцене полностью изменилась.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ВРЕМЯ БОРЬБЫ

Глава I

ПРОРЫВ В БОЛЬШУЮ ПОЛИТИКУ

> Мы снова начинаем борьбу своими испытанными методами и говорим: «Атаковать! Атаковать! Атаковать снова и снова!» Если кто-то скажет: «Ну, не могут же они еще раз...» То я говорю: Я могу не только еще раз, я смогу еще десять раз.
>
> *Адольф Гитлер*

Свою первую массированную атаку на тогда как раз стабилизировавшуюся республиканскую систему Гитлер начал летом 1929 года, и ему сразу же удалось продвинуться далеко вперед. До этого он долго был в поисках какого-то мобилизующего лозунга, но тут внешняя политика Штреземана сама дала ему необходимый материал. Он использовал все имевшиеся в его распоряжении средства, чтобы в обстановке вновь разгоревшегося спора о репарациях вывести НСДАП из изоляции, снять с нее клеймо осколочной партии и вывести ее на сцену большой политики. Благоприятным для него фактором была тесная временнáя и психологическая связь его прорыва с последующим мировым экономическим кризисом. Он получил возможность как бы заранее опробовать свои средства, организационные и тактические методы. Споры вокруг репараций стали прологом к тому затяжному кризису, который охватил республику и уже не отпускал ее до самого конца. Гитлер же одновременно и клеймил этот кризис, и искусно его подстегивал.

Строго говоря, поворотный пункт обозначился со смертью Густава Штреземана, последовавшей в начале октября 1929 года. Германский министр иностранных дел подорвал свое здоровье, пытаясь побороть сопротивление против сложной внешнеполитической концепции, которая, хоть и называлась «политикой выполнения» Версальского договора, на самом деле была направлена на его постепенную отмену. Почти до самой смерти Штреземан, хоть и не без внутренних сомнений, выступал за принятие того проекта урегулирования вопроса о репарациях, который был предложен комитетом экспертов под руководством американского банкира Оуэна Д. Юнга[1]. Этот проект предусматривал значительное улучшение существовавших условий. Более того, благодаря настойчивости и дипломатическому умению Штреземана он увязывался с планом досрочного вывода оккупационных войск союзников из Рейнской области.

Тем не менее соглашение натолкнулось на ожесточенный отпор и во многих отношениях разочаровало даже тех, кто понимал зависимое положение страны. Было просто трудно согласиться с почти шестьюдесятью годами выплат по репарациям, если средств не было даже на первые взносы. Именно поэтому 220 известных деятелей экономики, науки и политики в публичном заявлении выразили большую озабоченность. Среди них были Карл Дуйсберг, Адольф Харнак, Макс Планк, Конрад Аденауэр и Ганс Лютер. Спустя 11 лет после окончания войны этот план, казалось, издевался над идеей «семьи наций», воплотившей в себе пафос эпохи, и беспощадно вскрывал противоречие между победителями и побежденными, так и не преодоленное, хоть и прикрываемое демонстративными жестами примирения. Тем более что план этот в качестве основания для покрытия долгов, которые должны были выплачиваться вплоть до 1988 года, снова ставил в повестку дня проблематичную 231-ю статью об ответственности за войну. А между тем именно эта статья однажды уже тяжело травмировала созна-

[1] Имеется в виду так называемый план Юнга, который устанавливал срок выплаты репараций в 59 лет, при этом ежегодные платежи несколько снижались. Однако, в отличие от плана Даэса, значительная часть платежей лишалась трансферной защиты — то есть марка лишалась поддержки, которая ранее входила в обязанности особого репарационного агента. План Юнга отменял прямой контроль стран-победительниц над хозяйством Германии. — *Прим. науч. ред.*

ние нации. На основе далекого от реальности плана радикально-националистические группы сумели сполна использовать в своих целях ядовитое действие формулы «Le boche payera tout»[2]. А то, что должно было стать дальнейшим шагом к постепенному преодолению последствий войны и тем самым помогать стабилизации республики, превратилось, наоборот, в «точку кристаллизации принципиальной оппозиции против Веймарской системы»[3].

9 июля 1929 года радикальные правые объединились в Имперский комитет по проведению плебисцита против плана Юнга. В ходе яростной и шумной кампании, которая не утихала около девяти месяцев (вплоть до подписания соглашения) и в которую из крайне левых включились и коммунисты, правые свели весь сложный комплекс причин и следствий к нескольким запоминающимся лозунгам. Путем бесконечного их повторения они попытались закрепить в психике людей ненависть к четко очерченному образу врага. План Юнга был, по их словам, «смертным приговором тем, кто даже еще не родился на свет», «Голгофой немецкого народа», который палач «с издевательским хохотом распинает на кресте». Одновременно выступившая впервые общим фронтом «национальная оппозиция» потребовала ликвидировать статью об ответственности за войну, отменить репарации, немедленно освободить оккупированные области и, наконец, привлечь к ответственности всех министров и представителей правительства, которые способствовали «закабалению» немецкого народа.

Во главе комитета стоял 63-летний тайный советник Альфред Гугенберг[4], недалекий и бессовестный честолюбец. Он начинал свою карьеру комиссаром по заселению восточных земель, затем был членом совета директоров концерна Круппа, после чего создал широко разветвленную медиаимперию, которая помимо многочисленных газет контролировала так-

---

[2] «Боши заплатят за все» *(франц.) — Прим. пер.*

[3] *Bracher K.D.* Auflösung. S. 291.

[4] Альфред Гугенберг (19.6.1865—12.3.1951) — в 1909—1918 годах председатель совета директоров концерна «Фридрих Крупп». В 1916—1920 годах, купив «Шерль-ферлаг», «Телеграф-унион» и ряд других фирм, создал собственный концерн, игравший большую роль в средствах массовой информации Германии. В 1918 году стал одним из основателей Германской национальной народной партии, а в 1928 году — ее председателем. — *Прим. науч. ред.*

же рекламное издательство, телеграфное агентство и, наконец, кинокомпанию УФА[5]. Будучи доверенным лицом капитанов тяжелой индустрии, он кроме всего прочего имел в своем распоряжении значительные денежные средства. Все это целенаправленно использовал для того, чтобы покончить с «республикой социалистов», разгромить профсоюзы, а на классовую борьбу низов, как он выражался, ответить классовой борьбой высшего общества. Этот приземистый, упитанный господин с густыми усами и ежиком коротко подстриженных волос напоминал воинственного портье на пенсии, а не воплощение гордых и горьких принципов, как ему этого хотелось.

Осенью 1928 года Гугенберг негласно взял на себя руководство Германской национальной народной партией (ДНФП)[6] и сразу же стал выразителем радикальных мстительных настроений. Едва наметившееся сближение правых с республикой немедленно свелось на нет. Как в своих методах, так и в отношении отдельных программных положений ДНФП принялась тут же копировать гитлеровскую партию — правда, так и оставшись всего-навсего ее буржуазной карикатурой. Но как бы то ни было, в борьбе с ненавистной республикой Гугенберг не гнушался ничем. Во время обсуждения плана Юнга он в широко растиражированном письме предостерегал 3000 американских дельцов от предоставления кредитов стране, в которой как раз начинался кризис[7]. Под руководством своего нового председателя, ДНФП быстро потеряла почти половину своих членов, но Гугенберга это не смутило, он говорил, что предпочитает небольшой блок «большой каше».

---

[5] УФА (Universum Film AG — UFA) — наиболее известная киностудия Германии, в 1917—1945 годах считалась крупнейшим кинопроизводством мира. Создана 18.12.1917 как государственая киностудия, в 1921 году приватизирована и в 1927 году попала в собственность А. Гугенберга. В 1937 году перешла под контроль НСДАП, а в 1942 году — государства. — *Прим. науч. ред.*

[6] Германская национальная народная партия — ДНФП (Deutschnationale Volkspartei; DNVP) была создана в 1918 году на основе Немецкой консервативной партии и ряда политических групп. Требовала восстановления монархии, выступала против парламентаризма, против коммунистического движения. Лидеры — О. Хергт, К. Вестарп, а с 1928 года — А. Гугенберг. В июне 1933 года саморастустилась.

[7] *Heiden K.* Hitler. Bd. 1. S. 368.

Организованный им плебисцит явился не только первой кульминацией нового радикального курса, но одновременно и попыткой собрать под своим руководством разъединенных правых, прежде всего «Стальной шлем»[8], пангерманцев, Земельный союз и национал-социалистов, и сорганизовать их для наступления, чтобы отвоевать старой верхушке хотя бы часть потерянного ею влияния. Вследствие упущений революции 1918 года этот слой все еще располагал и влиянием, и властными позициями, и материальными средствами, но народ за ним не шел. Со всем чванством «человека из общества», сверху вниз глядящего на предводителя хулиганской партии черни, Гугенберг считал, что нашел в лице Гитлера одаренного агитатора, способного снова включить массы в дело консерваторов, замкнувшихся в чувстве своего социального превосходства. В нужный момент, полагал Гугенберг, он-то уж сумеет переиграть и укротить Гитлера.

Мысли самого Гитлера были далеко не так коварны. Услышав о союзе, депутат Генрих Лозе встревоженно сказал: «Надо надеяться, Гитлер-то уж знает, как провести Гугенберга»[9]. Гитлер, однако же, и не помышлял о каком-то обмане. Он с самого начала держался дерзко и почти не скрывал своего презрительного мнения о буржуазном реакционере Гугенберге и всех этих «серых, изъеденных молью орлах», как их уничижительно именовал Геббельс. Под подозрительными взглядами «левых» внутри самой партии Гитлер категорически отклонил почти все уступки, которых от него требовали: он сам ставил условия, на которых позволял помогать себе. Сначала он предложил действовать раздельно, но в конце концов дал себя уговорить и склонить к союзу. Правда, он требовал полной независимости в пропаганде, а также значительной части предоставленных средств. К тому же, словно желая специально смутить или унизить своих новых союзников, он назначил самого известного антикапиталиста в своих рядах, Грегора Штрассера, своим заместителем в совместном комитете по финансированию.

---

[8] «Стальной шлем» (Stalhelm) — одна из крупнейших ветеранских организаций Веймарской республики. Был основан в декабре 1918 года Францем Зельдте и объединил в своих рядах праворадикальных националистически настроенных ветеранов Первой мировой войны. — *Прим. науч. ред.*

[9] *Heiden K.* Hitler. S. 271; по поводу приведенного ниже замечания Геббельса см.: Heiber H. Joseph Goebbels. S. 29.

Этот союз был первым успехом в примечательной цепочке тактических побед, немало способствовавших тому, что Гитлер сначала выдвинулся на авансцену, а потом и достиг своей цели. Необычайная способность Гитлера правильно распознавать ситуацию, игру интересов, выискивать слабые места и заключать коалиции на данный момент, т.е. его тактическое чутье, еще усиленное его даром убеждения, помогли его восхождению не меньше, чем его ораторское мастерство, помощь со стороны рейхсвера, промышленников и судебных властей или террор коричневой гвардии. Односторонние ссылки на роль элементов психического воздействия, конспирации или грубой силы в истории восхождения Гитлера не только демонстрируют недопонимание сути тогдашних событий, но и фиксируются, несмотря на все опровержения, на ставшем уже роковым представлении о вожде НСДАП как «барабанщике» движения или его орудии. При этом упускается из виду, что Гитлер неплохо показал себя и на собственно политическом поприще.

Своей ловкой тактикой, первоначальной медлительностью, своей манерой ведения переговоров, то вызывающей, то сварливой, а также тем впечатлением искренности, честолюбия и энергичности, которое он сумел внушить людям, Гитлер в конце концов заставил своих противников поддерживать и финансировать его же восхождение, за которое им к тому же пришлось расплачиваться и в политическом отношении. Конечно, успех Гитлера был обусловлен и сопротивлением в собственных рядах, не позволявшим ему идти на какие-либо значительные уступки. Газеты штрассеровского «Кампфферлага» во время переговоров растиражировали его слова, напечатав их аршинными буквами: «Самая большая опасность для немецкого народа исходит не от марксизма, а от буржуазных партий»[10]. Точно так же при оценке этого тактического триумфа нельзя закрывать глаза на слепую жажду власти консерватизма немецко-национального образца, пытавшегося паразитически присвоить себе силу и витальность нацистского движения и, объединившись с втайне презираемым, но одновременно и почитаемым выскочкой Гитлером, отсрочить давно назревшее прощание с историей. Тем не менее успех Гитлера остается примечательным фактом. Четыре с половиной года он выжидал, готовился и — в соответствии с незабытым учением Карла Люгера — целенаправленно ра-

[10] Цит. по: *Kühnl R.* Op. cit. S. 234.

ботал на союз с «мощными институтами», воплощавшими в себе политическое и общественное влияние. Когда же такой союз наконец был предложен, он постарался избежать впечатления рвущегося к власти честолюбца. Напротив, он реагировал на него холодно, самоуверенно и поставил свои условия, хотя именно на этом зиждилась вся его концепция завоевания власти. Только представив себе, что это означало для его личного, да и политического самолюбия, — годами стоять во главе незначительной, замалчиваемой или же высмеиваемой партии экстремистов, вполне понимаешь, какой соблазн заключался для него в том покровительстве, которое ему предлагал Гугенберг. Оно освобождало его от имиджа дешевого псевдореволюционера и путчиста и возвращало возможность предстать перед общественностью в окружении влиятельных буржуазных авторитетов, используя репутацию знати. Это был шанс, который ему однажды уже был дан и который он тогда упустил. Теперь он выказывал решимость использовать его гораздо осмотрительнее.

Заключив союз, НСДАП прежде всего получила средства для развертывания мощного пропагандистского аппарата. Она немедленно продемонстрировала общественности стиль своей пропаганды, беспримерный по радикальности и настырности. Как писал сам Гитлер в одном из писем того времени, ничего подобного в Германии еще не бывало: «Мы перепахали народ, как этого не делала ни одна другая партия»[11]. Вся энергия, скопившаяся за годы ожидания, весь гнев его жаждавших действий последователей, казалось, вырвались наружу в натиске. Ни один из партнеров по союзу не мог равняться с НСДАП в безудержности, остроте и агитаторской ловкости. С самого начала она не оставляла сомнений в том, что план Юнга был только предлогом этой кампании, и превратила свою агитацию в шумный суд над «системой», якобы погрязшей в бездарности, предательстве и спекуляциях: «Время придет, — восклицал Гитлер в конце ноября в своей речи в Херсбруке, — и тогда у виновных в развале Германии пройдет охота веселиться. Их охватит страх. Тогда они поймут, что возмездие грядет». Словно зачарованные дикой демагогией национал-социалистов, смотрели Гугенберг и остальные кон-

[11] Письмо от 2 февраля 1930 года, напечатано в VJHfZ, 1966. H. 4. S. 464; к процитированным ниже словам угрозы см.: Adolf Hitler in Franken. S. 146 (выступление 30 ноября 1929 г.).

сервативные союзники по коалиции на высвобожденную ими мощную волну. Они ободряли ее, подгоняли снова и снова. Ослепленные уверенностью в своей руководящей роли, они еще верили, что волна выносит их к берегу, между тем как она давно их поглотила.

В этой ситуации Гитлера не особенно огорчало отсутствие видимого успеха кампании. Проект «Закона против закабаления немецкого народа» собрал в ходе плебисцита, хоть и с трудом, необходимую поддержку в 10 % голосов. Однако в Рейхстаге к нему присоединилось всего 82 депутата из 318, а сам референдум 22 декабря 1929 года окончился и вовсе поражением. Инициаторы проекта едва-едва набрали 14 %, то есть всего около четверти необходимых голосов. Они почти на 5 % голосов отстали даже от результатов, полученных НСДАП и ДНФП на выборах в Рейхстаг годом раньше.

И все же для Гитлера это означало окончательный прорыв в большую политику. Благодаря поддержке со стороны многочисленных изданий концерна Гугенберга он сразу обрел популярность, больше того, он заявил о себе как о самой целеустремленной силе в рядах правых, охваченных разбродом и спорами. Сам он говорил о «большом переломе» в общественном мнении и называл «удивительным» то, «как здесь презрительное, высокомерное или глупое отрицание партии, всего пару лет тому назад бывшее само собой разумеющимся, превратилось в ожидание, полное надежды»[12]. После начала кампании 3 и 4 августа 1929 года он созвал в Нюрнберге съезд партии. Все говорит в пользу предположения, что этим он хотел продемонстрировать широту и мощь своего движения — прежде всего своим консервативным партнерам. На этом съезде нацисты впервые превратили традиционное партийное мероприятие в массовую демонстрацию, спланированную по-военному четко, по всем правилам зрелищных действ и зрительской психологии. Если верить цифрам, то 30 с лишним специальных поездов привезли почти 200 000 сторонников из всех частей Германии. Их форма, их знамена и оркестры в течение нескольких дней навязчиво определяли атмосферу старинного имперского города. Большая часть тех 24 знамен, которые были торжественно освящены, прибыли в основном из Баварии, Австрии и Шлезвиг-Гольштейна. На большом заключительном митинге около 60 000 штурмовиков, уже одетых в одинаковую форму и

[12] См. упомянутое выше письмо. Adolf Hitler in Franken. S. 461.

оснащенных походным снаряжением, в течение трех с половиной часов проходили торжественным строем перед Гитлером. Некоторые части, охваченные эйфорией этих дней, угрожали насильственными акциями, и то же самое настроение определило предложение радикального крыла, согласно которому участие НСДАП в правительстве должно было быть «отныне и навсегда запрещено». Гитлер отклонил это предложение одним-единственным коротким, но характерным замечанием в том смысле, что оправдан любой шаг, который может «привести движение к политической власти». Тем не менее курсу на законность угрожала теперь новая опасность — прежде всего самосознание быстро растущей партийной армии. К концу года численность отрядов штурмовиков сравнялась с численностью рейхсвера[13].

Союз с Гугенбергом сделал возможным и многочисленные связи с экономикой, которая в общем и целом раньше годами поддерживала внешнюю политику Штреземана, однако же решительно воспротивилась плану Юнга. До тех пор Гитлер, если отвлечься от редких исключений вроде Фрица Тиссена, пользовался материальной поддержкой только сравнительно мелких фабрикантов. Его антисоциалистическая позиция, его высказывания в защиту собственности, когда речь шла об экспроприации княжеской собственности, тоже не принесли ему материальных выгод. Но зато теперь ему открылся доступ к обильным источникам. Еще раньше, во времена запрета публичных выступлений, он объездил страну. Чаще всего он бывал в Рурской области, где на закрытых собраниях, иногда перед сотнями предпринимателей, в большинстве своем настроенных скептически, искоренял страх перед национал-социализмом, уверяя, что это учение активно защищает частную собственность. Верный своему убеждению, что успех — это признак аристократизма, он расхваливал крупного предпринимателя как тип высшей, ведущей расы и в общем создавал впечатление человека, который «не требует ничего из того, что было бы неприемлемо для работодателя»[14]. Кроме того, снова пригодились прежние связи в великосветских салонах Мюнхена, в ко-

---

[13] См. в этой связи: *Bracher K.D.* Diktatur. S. 182, а также: *Hitler A.* Nürnberger Tagebuch. In: Illustrierten Beobachter, 10.8.1929. По поводу предложения, выдвинутого на партсъезде см.: BAK. NS 26, vorl. 391.

[14] Так сообщала «Райниш-Вестфалише Цайтунг» о более позднем выступлении Гитлера, состоявшемся в июне 1929 года. Цит. по: *Heiden K.* Hitler. Bd. I. S. 222.

торых он по-прежнему был желанным гостем. Эльза Брукман, которая, как она сама говорила, видела «смысл своей жизни» в «установлении связей между Гитлером и руководящим ядром тяжелой промышленности», свела его в 1927 году с почтенным Эмилем Кирдорфом[15]. Гитлер был совершенно покорен грубым стариком, всю свою жизнь оппонировавшим верхам и презиравшим низы, но и на Кирдорфа его собеседник произвел сильное впечатление, так что он некоторое время был весьма ценным ходатаем Гитлера. Кирдорф побудил Гитлера изложить свои соображения в брошюре, издал ее в частном порядке и раздал промышленникам. В качестве почетного гостя он участвовал в работе партийного съезда в Нюрнберге, после чего написал Гитлеру, что никогда не забудет того чувства торжества, которое переполняло его в те дни[16].

На местных выборах 1929 года все эти новые средства и источники помощи впервые принесли ощутимый успех. В Саксонии и Мекленбург-Шверине национал-социалисты весной с трудом, но добились 5 % голосов. Еще более впечатляющими были их достижения на муниципальных выборах в Пруссии. В Кобурге пришел к власти их бургомистр, а в Тюрингии премьер-министром стал Вильгельм Фрик[17]. О нем тотчас же заговорили, поскольку он ввел в школах национал-социалистические речевки и тем развязал конфликт с имперским правительством, хотя в общем он старался доказать, что его партия — достойный член коалиции.

---

[15] Эмиль Кирдорф (8.4.1847—13.7.1938) в 1892 году стал генеральным директором «Gelsenkirchner Bergwerke AG». Позже он основал и стал директором «Рурско-Вестфальского угольного синдиката» — угольного концерна, который с апреля 1925 года играл ведущую роль в угольной промышленности Германии. 4 июля 1927 года он встретился с Гитлером в доме Эльзы Брукман. — *Прим. науч. ред.*

[16] Письмо Эмиля Кирдорфа Гитлеру цит. в кн.: *Heiden K.* Der Führer. P. 271. Высказывание Эльзы Брукман содержится в статье Кирдорфа, опубликованной в газете «Нойе пройсише (кройц) -цайтунг» 3 января 1937 года. Цит. по: *Deuerlein E.* Aufstieg. S. 285 f. Однако вскоре Кирдорф порвал с партией, т.к. многие пункты ее программы его не устраивали. И все же в 1934 году он опять вступил в нее. См. в этой связи: *Turner H.* A. Faschismus und Antimodernismus. In: Faschismus und Kapitalismus in Deutschland. S. 60 ff.

[17] Фрик стал министром внутренних дел и просвещения Тюрингии 23 января 1930 года — первым в истории нацистом, получившим важный министерский пост в земельном правительстве Германии. — *Прим. науч. ред.*

В полном соответствии со своей неуемной жаждой представительства Гитлер сразу же начал выстраивать достойный фон для своего успеха, что, в свою очередь, должно было работать на дальнейшие успехи. Резиденция руководства партии с июня 1925 года находилась в простом, но удобном для работы доме на Шеллингштрассе. Теперь Гитлер, имея на руках деньги, пожертвованные Фрицем Тиссеном, и добровольные взносы членов партии, купил дворец Барлова на Бриннерштрассе в Мюнхене[18] и после некоторых переделок превратил его в «Коричневый дом». Словно возвращаясь к своей давней, заветной юношеской мечте о богатом собственном доме, он вместе с архитектором Паулем Людвигом Троостом[19] постоянно занимался проектами внутренней отделки дома, рисовал мебель, двери, мозаичные панно. В его рабочий кабинет вела широкая лестница, в самой же комнате были, кроме нескольких предметов тяжеловесной мебели, только портрет Фридриха Великого, бюст Муссолини и картина, изображавшая атаку полка Листа во Фландрии. Рядом находился так называемый сенаторский зал: вокруг огромного подковообразного стола располагались 60 кресел, обтянутых красной кожей, на их спинках были изображения партийного орла. На бронзовых досках по обеим сторонам входа — имена жертв 9 ноября 1923 года, а в самом помещении — бюсты Бисмарка и Дитриха Эккарта. Впрочем, зал этот, по всей вероятности, никогда не использовался по назначению. Он был скорее данью любви Гитлера к театральной пышности[20]. В столовой в подвале «Коричневого дома» для него было зарезервировано «место фюрера» под портре-

---

[18] Дворец Барлова (Бриннерштрассе, 45) был построен в 1828 году архитектором Жаном-Баптистом Метивьером. Куплен НСДАП в июле 1930 года. — *Прим. науч. ред.*

[19] Пауль Людвиг Троост (17.8.1878—21.3.1934) входил в группу архитекторов, которые после 1914 года стали бороться против популярного в Германии «Югендстиля», характеризовавшегося наличием многочисленных вычурных орнаментов. Они призывали отказаться от ненужного «украшательства». В 1929 году архитектор познакомился с Гитлером. Гитлер, считавший себя хорошим архитектором, преклонялся перед Троостом, называя его величайшим архитектором современности. — *Прим. науч. ред.*

[20] А также данью подражательства Бенито Муссолини, при котором довольно значительную роль играл Большой фашистский совет. — *Прим. науч. ред.*

том Дитриха Эккарта. Там в окружении адъютантов и преисполненных почтения шоферов он любил сидеть часами, предаваясь своей неодолимой болтливости завсегдатая кофеен и произнося длинные тирады.

Теперь, в более благоприятных финансовых обстоятельствах, которых сумела добиться партия, он соответственно изменил и стиль собственной жизни. В течение 1929 года из его бумаг внезапно исчезли упоминания о процентах по долгам и долговым обязательствам, — а долги были немалые. В это же время он нанял великолепную квартиру из девяти комнат в доме номер 16 по Принцрегентенштрассе[21]. Это был квартал зажиточных мюнхенских буржуа. Его бывшая квартирная хозяйка в доме на Тиршштрассе, фрау Рейхерт, и фрау Анни Винтер вели теперь его хозяйство, а сводная сестра фрау Раубал по-прежнему заботилась о доме «Вахенфельд», на горном склоне у Оберзальцберга. В бельэтаже дома на Принцрегентенштрассе вскоре поселилась и его племянница Гели, которая внезапно открыла в себе свойственную и дяде любовь к театру и стала брать уроки пения и актерского мастерства. Слухи о связи между родственниками вначале его несколько смущали, но, с другой стороны, ему импонировала атмосфера антибуржуазной свободы и великой роковой жизненной коллизии, окружавшая эту связь между племянницей и дядей[22].

Сразу же по окончании кампании против плана Юнга Гитлер подчеркнул свое вновь обретенное политическое самосознание рискованным, но чрезвычайно эффектным поступком: он демонстративно порвал со своими консервативными партнерами из лагеря Гугенберга, обвинив их самих, их нерешительность и буржуазную слабость в провале плебисцита. Его замечательная в своем роде способность изменять бывшим союзникам, которой никогда не мешало чувство общих намерений и совместно проведенных схваток,

---

[21] Он въехал в девятикомнатную квартиру, находившуюся на 2-м этаже дома. Гитлер снял ее у домовладельца Гуго Шюле за 4176 марок в год. — *Прим. науч. ред.*

[22] Надо еще раз подчеркнуть, что никаких фактов, свидетельствовавших о связи между Гитлером и Гели Раубал, нет. Наброски обнаженной Гели, якобы выполненные Гитлером (что часто приводилось как неопровержимое подтверждение их романа), являются довольно грубой фальшивкой. — *Прим. науч. ред.*

снова пригодилась ему как тактическая уловка. Этот неожиданный поворот не только заставил замолчать тех беспокойных критиков в собственных рядах, которые упрекали его в союзе с «капиталистической свиньей Гугенбергом»[23], но и укрепил его репутацию единственной энергичной силы в рядах правых антиреспубликанцев. К тому же этот поворот как бы сводил на нет тот факт, что в поражении несомненно была доля и его вины.

Такие дерзкие кульбиты импонировали тем более, что их позволяла себе партия, число членов которой все еще было невелико. Но Гитлер уже понял: теперь, когда интерес к движению разбужен, его нужно во что бы то ни стало поддерживать и укреплять. В соответствии со своими новыми идеями, более агрессивными планами он решил реорганизовать партийное руководство. Грегор Штрассер стал 1-м организационным руководителем (главой Политической организации), бывший же полковник Константин Хирль[24] — 2-м организационным руководителем (вопросы национал-социалистического государства). Геббельс стал руководить пропагандой. В письме от 2 февраля 1930 года Гитлер предсказывал «с почти провидческой уверенностью», что «победа нашего движения придет самое позднее через два с половиной — три года».

Без перерыва и почти с тем же, что и прежде, ожесточением он и после разрыва с Гугенбергом продолжил кампанию

---

[23] Слова одного из партийных ораторов на собрании в Бад-Кройцнахе 29 октября 1929 года. *Heyen F.J.* Nationalsozialismus im Alltag. S. 17. Будучи во власти иллюзорного чувства превосходства, националисты по-прежнему считали, что с Имперским комитетом Гитлер порвал из-за якобы имевших место разногласий с левым крылом партии. Тем не менее нужно отметить, что группа Штрассера рассматривала это событие как успех — и не без основания, поскольку своим поведением в Имперском комитете Грегор Штрассер в немалой степени способствовал разрыву этого союза; см. в этой связи: *Kühnl R.* Op. cit. S. 234 f.

[24] Константин Хирль (21.2.1875—23.9.1955) в 1919—1924 годах был директором Военной академии в Мюнхене. В его ведении как 2-го организационного руководителя также находились вопросы труда и помощи безработным. В 1931 году по его инициативе была создана Национал-социалистическая добровольная служба труда. — *Прим. науч. ред.*

против республики, уже на свой страх и риск. Еще годом раньше инструкция партийного центра, подписанная тогдашним уполномоченным по пропаганде, Генрихом Гиммлером, призывала к проведению так называемых пропагандистских акций, представлявших собой новое слово в тактике политической вербовки. С небывалой интенсивностью, вплоть до самых дальних деревень, все области были подвергнуты тщательно подготовленным, похожим на атаки операциям, в рамках которых в течение недели все лучшие ораторы участвовали в сотнях мероприятий, в ходе которых они выкладывались «до крайней степени». Все города и веси в это время были переполнены плакатами, лозунгами и листовками, которые нередко отбирал сам Гитлер; организовывались «вербовочные вечера», на которых штурмовики под музыку своих оркестров должны были, как говорилось в инструкции, показать, «на что они способны собственными силами: спортивные представления, живые картины, театральные постановки, исполнение песен, доклады людей из штурмовых отрядов, показ фильма о партийном съезде»[25]. Перед выборами в саксонский ландтаг в июне 1930 года партия провела не менее 1300 подобных мероприятий.

Эта работа на местах сопровождалась целенаправленными усилиями по внедрению партии в определенные общественные группы, в особенности по привлечению части служащих, а также сельского населения. Целенаправленными, сильными прорывами партия завоевала ведущие позиции в кооперативах, союзах ремесленников или профессиональных объединениях. В сельских местностях ей удалось, оперируя ни к чему не обязывающим лозунгом «земельной реформы», использовать крайнюю нужду населения, недовольство которого нашло свое выражение, например, в марше протеста крестьян Шлезвиг-Гольштейна под черными знаменами. В своих обвинениях партия опиралась и на подспудный антисемитизм крестьянства, который, как говорилось в одном из директивных писем, следовало «разжигать до бешенства»[26].

---

[25] Инструкция отдела пропаганды партийного центра от 24 декабря 1928 года, опубликована в кн.: *Tyrell A.* Op. cit. S. 255 ff. См. также рассказ о мероприятии подобного рода: *Heyen F.J.* Op. cit. S. 33 f.

[26] «Директивное письмо НСДАП» от 15 марта 1931 года. Цит. по: Berliner Tageblatt, 21.3.1931.

Тем временем Вальтер Дарре[27], немец, живший за границей, с которым Гитлера познакомил Рудольф Гесс, разрабатывал аграрную программу. Она была опубликована в начале марта 1930 года и представляла собой обширные требования дотаций, сопровождавшиеся обильными комплиментами «самому благородному сословию народа». По отношению к служащим партия использовала всеобщее кризисное состояние душ, характерное для тех слоев населения, по которым сильней всего ударили и исход войны, и миграция крестьян в города, и давление структурных перемен в обществе. Собственно промышленные рабочие поначалу были далеки от партии. Однако же начавшийся с 1929 года приток служащих и сельскохозяйственных рабочих в партию до какой-то степени обосновал ее претензии на роль «партии всех работающих» и привел к образованию мелких ячеек и опорных пунктов по всей стране. Они-то и подготовили большой прорыв.

Между тем успехи эти основывались не только на активности партии, неустанно подхлестываемой Гитлером, и не только на его способности объединить и тактически укрепить запутанную и во многом чисто эмоциональную идеологию традиционно расколотых правых сил. Ему помог начавшийся тем временем мировой экономический кризис, признаки которого появились в Германии еще в начале 1929 года, когда число безработных впервые перешагнуло за 3 миллиона. Весной тревожно возросло число банкротств, и, наконец, в одном только Берлине за первые пять дней ноября были зарегистрированы 55 заявлений о банкротстве. Ежедневно в

---

[27] Вальтер Рихард Оскар Дарре (14.7.1895—5.9.1953) родился в Белграно, близ Буэнос-Айреса (Аргентина). С началом Первой мировой войны ушел на фронт добровольцем, лейтенант. Изучал сельское хозяйство в Гальском и Гисенском университетах. В 1929 году выпустил книги «Кровь и почва» и «Крестьянство как источник жизни нордической расы». Считался главным экспертом в сельскохозяйственной политике партии, а также одним из главных разработчиков расовой теории. В 1931 году возглавлял подотдел сельского хозяйства Политической организации НСДАП (в 1933 году отдел преобразован в Аграрно-политическое управление НСДАП). В 1931—1935 годах возглавлял Главное управление расы и поселений СС — одно из трех основных управлений СС, координировавшее большую часть расовой политики Германии. В 1933—1944 годах (фактически до 1942 г.) — имперский руководитель крестьян и имперский министр продовольствия и сельского хозяйства. — *Прим. науч. ред.*

суде давали показания 500—700 должников об их имущественном положении[28]. Эти цифры частично отражали экономические и психологические последствия знаменитой «черной пятницы» — 24 октября 1929 года, окончившейся крахом Нью-Йоркской биржи, а в Германии вызвавшей особенно катастрофические последствия.

Дело в том, что преимущественно краткосрочные иностранные займы, сделавшие возможным экономический подъем страны и соблазнявшие прежде всего муниципалитеты нередко даже на непродуманные расходы, были немедленно отозваны обеспокоенными кредиторами. Одновременно резкое падение объема мировой торговли свело на нет любую перспективу хотя бы частично компенсировать потери за счет увеличения экспорта. Поскольку цены на мировом рынке падали, то и сельское хозяйство все больше втягивалось в кризис и вскоре уже могло лишь кое-как существовать только за счет дотаций, которые опять-таки усугубляли положение всего населения. Это была настоящая цепная реакция ударов судьбы. Вскоре и в Германии началось падение курса акций и, соответственно, стремительный рост безработицы, числа закрываемых или заложенных предприятий. В газетах целые колонки были заполнены объявлениями о принудительных продажах с аукциона. Политические последствия не заставили себя ждать. Со времени выборов 1928 года страной управляла «большая коалиция» во главе с социал-демократическим канцлером Германом Мюллером, которая изначально сохранялась только ценой значительных усилий. Теперь, когда налоговые поступления сократились и режим суровой экономии стал насущной необходимостью, между консервативным и левым крылом правительства разгорелся ожесточенный спор о том, кому в первую очередь надлежит нести всю тяжесть кризиса.

К этому времени уже стало ясно, что кризис не пощадит никого. Самым примечательным свойством кризиса в Германии был его всеохватывающий характер. В Великобритании и США экономические и социальные последствия были, пожалуй, и не слабее, чем в Германии, но там они не переросли во всеобщий кризис сознания, который разрушал все поли-

---

[28] См. документы, опубликованные в кн.: Treue W. Deutschland in der Weltwirtschaftskrise in Augenzeugenberichten. S. 34, 43, 64.

тические, моральные и духовные нормы, и, далеко выходя за пределы своих основных причин, стал для населения кризисом доверия к существующему порядку вещей. Поэтому результаты кризиса в Германии не могут быть с достаточной полнотой объяснены только объективными экономическими условиями; ибо кризис был прежде всего психологическим феноменом. Люди, еще не преодолевшие усталости от постоянных бедствий, с ослабленной сопротивляемостью вследствие войны, поражения и инфляции, люди, которым надоела уже и прекраснодушная болтовня демократов с их постоянными призывами к разуму и трезвости мышления, теперь отпустили все душевные тормоза и находились в состоянии аффекта.

Правда, вначале они реагировали скорее аполитично, смирясь перед лицом фатальности и непредсказуемости катастрофы. Ими владели заботы повседневного существования: ежедневные походы на биржу труда, стояние в очередях продуктовых магазинов или общественных благотворительных столовых, мучения в жалких попытках как-то выжить. А наряду с этим — апатичное и отчаянное хождение по опустевшим пивнушкам, сидение на углах улиц или же в темных жилищах с чувством, что жизнь растрачена впустую. В сентябре 1930 года число безработных вновь превысило 3 миллиона, годом позже оно достигло уже 4,5 миллиона, а в сентябре 1932 года — 5 миллионов (хотя статистика в начале года свидетельствовала о 6 миллионах безработных, не считая временно или частично занятых). Это касалось почти каждой второй семьи, и 15—20 миллионов человек зависели от пособия, размера которого, по подсчетам американского журналиста Г.Р. Кникербокера, в известном смысле хватало на жизнь, поскольку получатель мог на таком рационе умирать с голода целых 10 лет[29].

Чувство полного уныния и бессмысленности существования доминировало над всеми другими. Одним из разительных побочных явлений кризиса являлась беспримерная волна самоубийств. Сначала ее жертвами были разоряющиеся банкиры и бизнесмены, а по мере продолжения кризиса — все чаще представители среднего сословия и мелкой буржуазии, мелкие лавочники, служащие, пенсионеры, для которых острое осознание своей социальной принадлежности к бедноте все-

[29] *Knickerbocker H.R.* Deutschland so oder so? S. 15 f.

гда было признаком не только лишений, но, в гораздо большей степени, унизительным свидетельством их социального падения. Нередко кончали с собой целые семьи. Рождаемость падала, смертность росла — в двадцати крупных городах Германии отмечалось уменьшение населения. Весь хаос, а также подчас гротесковая бесчеловечность вырождающегося в тисках кризиса капитализма создали почву для представлений о крушении целой эпохи. Как обычно, в такой атмосфере зародились бессмысленные надежды и иррациональные устремления, связывавшиеся с радикальным преобразованием всего миропорядка. Это было великое время для шарлатанов, астрологов, ясновидящих, хиромантов и спиритов. Нужда и лишения учили если и не молитве, то хотя бы псевдорелигиозности. Они невольно направляли взгляды населения на людей, на которых, казалось, лежала печать благодати и которые занимались не только обычными людскими делами, но обещали большее, нежели просто нормальное существование, порядок и «политику» — а именно, обретение утерянного смысла жизни.

Как никто другой, Гитлер нутром чувствовал эти потребности и сумел сконцентрировать их на собственной персоне. Пробил во всех отношениях его час. Он моментально преодолел в себе некую тягу к флегме, к затворничеству, не раз проявлявшуюся в предыдущие годы. Долгое время не было поводов, которые оказались бы на высоте его пафоса. План Дауэса, придирки оккупантов или внешняя политика Штреземана — все это было слишком мелко для его проклятий. Вероятно, он чувствовал, что диссонанс между этими событиями и той экзальтацией, которую он пытался разжечь вокруг них, иногда производил нелепое впечатление. Но теперь он наконец видел достойный, пронизанный катастрофой фон, могущий придать его демагогическому авантюризму необходимое драматическое обрамление. В своей агитации он все еще фиксировал внимание на Версале и внешней политике Штреземана, парламентаризме и французской оккупации, на капитализме, марксизме и прежде всего на всемирном еврейском заговоре. Но теперь любое из этих понятий можно было легко увязать с царящей потерянностью и нищетой, которую ощущали все.

Гитлер превосходил своих конкурентов хотя бы уже потому, что сумел личным устремлениям и чувству отчаяния масс придать характер политического выбора и подменить

самые противоречивые ожидания собственными намерениями. Представители других партий выходили к народу скорее в замешательстве, с успокаивающими речами. Признаваясь в собственной беспомощности, они полагались на солидарность всех тех, кто был бессилен перед лицом катастрофы. Гитлер же выступал оптимистично, агрессивно, подчеркивая свою веру в будущее, и лелеял свою враждебность. «Никогда в жизни, — заявлял он, — я не чувствовал себя так хорошо и таким внутренне довольным собой, как в эти дни»[30]. В своих разнообразных призывах, звучавших словно сигнал боевой тревоги, он апеллировал к запутавшимся людям, которые ощущали на себе давление как справа, так и слева, и со стороны капитализма, и со стороны коммунизма, и были обижены на существующий строй, отказывавший им в поддержке. Его программа отбрасывала и то и другое: она была антикапиталистической и антипролетарской, революционной и реставрационной, она рисовала холодные видения будущего и одновременно картины, исполненные тоски по доброму старому времени, и была тонко сориентирована на парадокс революционного возмущения, стремящегося к восстановлению прежних порядков. Эта программа сознательно ломала рамки всех традиционных фронтов. Но ставя себя решительно и радикально вне «системы», Гитлер одновременно настойчиво утверждал свою непричастность к царящим бедствиям и тем обосновывал свой приговор всему существующему.

Словно в подтверждение его слов, парламентские институты не выдержали даже первого испытания. Еще до кульминации кризиса распалась весной 1930 года «большая коалиция». Ее конец стал прологом к прощанию с республикой. На первый взгляд речь шла о давно тлевших, по сути, незначительных разногласиях между обеими партиями крайних флангов о распределении бремени расходов на пособия по безработице. На деле же правительство Германа Мюллера распалось вследствие бегства в оппозицию, вдруг усилившегося во всех лагерях. Население, перебегавшее к радикалам, всего-навсего повторяло, хоть и на другом уровне, то, что уже проделали социал-демократы и Немецкая народная партия. Это показало как непрочна на деле была опора республики и насколько, ненадежным оказался фундамент лояльности. Дос-

[30] Цит. по: *Shirer W.L.* Op. cit. S. 131.

тижения республики за немногие годы ее существования были немаловажными, однако само ее усердие было окрашено в серые тона, и даже в свои лучшие годы она, по сути дела, наводила на людей скуку. Только Гитлер сумел мобилизовать те движущие силы, которые республиканские политики, поглощенные повседневностью, и не заметили, и не сумели использовать: тягу к утопии и сверхличностным целям, потребность в призывах к великодушию и самоотверженности, элементарную тоску по вождям как воплощению ясности в таинственных вопросах власти, а также жажду героизации в истолковании современных бедствий.

Именно эти лозунги «третьих ценностей», а не туманные экономические обещания преодолели теперь свое неприятие массовой партии; впервые оправдала себя гибкость широкой сети партийной организации. НСДАП, не сдерживаемая какими-либо узкоклассовыми программами, легко стала притягивать к себе самые отдаленные от нее элементы. В ней находилось место людям любого происхождения и возраста, любым побудительным мотивам; ее представление о членстве казалось удивительно аморфным и отвергало любые более или менее четко очерченные классовые категории. Нельзя понять решающей причины подъема гитлеровской партии, рассматривая ее только с социально-экономической точки зрения, как движение отсталых буржуазных и крестьянских масс и сводя ее динамику преимущественно к материальным интересам этих ее последователей.

Уже сама разноплановость противоречий между мелкими ремесленниками, крестьянами, крупными предпринимателями и потребителями, которые, хоть и по-разному, но все были необходимы партии, ограничивала возможность возникновения классового движения. Это был тот рубеж, на который до тех пор раньше или позже наталкивалась любая партия. Казалось, он был непреодолим, тем более во времена тяжелейших экономических и социальных бедствий. Тем более непреодолим с помощью тактики пустых обещаний — тактики, у которой было слишком много последователей и которая не может уже никого обмануть. Те, кто полагался на материальные требования, вскоре упирались в дилемму: чтобы завоевать массы, нужно было обещать более высокую заработную плату и более низкие цены, больше дивидендов и меньше налогов, улучшение пенсионного обеспечения и повышение пошлин, а что касается аграрной продукции, то

даже сулить ее производителям повышение цен, а ее потребителям — их понижение. Фокус же Гитлера как раз и заключался в том, чтобы замазывать экономические противоречия звучными призывами, а материальную заинтересованность использовать в первую очередь для того, чтобы эффектно дистанцироваться от своих противников. «Я не обещаю, подобно всем другим, счастья и процветания, — восклицал он, — я могу сказать лишь одно: будем же национал-социалистами, осознаем же, что мы не имеем права ощущать свою принадлежность к нации и орать "Германия, Германия превыше всего"[31], если миллионы из нас вынуждены ходить на биржу труда и совсем обносились»[32]. Его преимущество основывалось не в последнюю очередь на понимании того, что люди в своем поведении исходят не из одних только экономических побуждений. Он полагался скорее на их потребность в сверхличном мотиве существования и верил в силу «третьих ценностей», взрывающую классовые перегородки: в силу лозунгов о чести, величии, сплоченности и жертвенном духе нации, о бескорыстной самоотверженности. «И вы видите — мы уже на марше!»

Тем не менее партия и теперь еще находила отклик и новых сторонников прежде всего в тех средних слоях, которые больше других сохраняли в себе основу своих политических представлений и всегда были склонны к тому, чтобы при тяжелом материальном положении искать прибежища в простом, но безусловном порядке. Существующие партии весьма приблизительно отражали их желания, обиды и интересы. Нелюбовь к республике отдалила их от политики, они потеряли цель. Но теперь голод и страх заставили их искать «свою» партию. Встретив Гитлера, они дали себя увлечь не только мощной демагогией, но и, в неменьшей степени, завораживающей воображение общностью судьбы. Гитлер тоже был мелким буржуа, боящимся опуститься ниже своего класса и потерпевшим поражение в своих личных амбициях, пока не открыл для себя политику, которая его осво-

---

[31] «Deutschland, Deutschland über Alles...» — первая строчка национального гимна Германии — «Пенсии немцев». — *Прим. науч. ред.*

[32] Adolf Hitler in Franken. S. 63. Утверждение о строго классовом характере национал-социализма принадлежит главным образом марксистской исторической науке. Из почти необъятного количества литературы см.: *Abendroth W.* Op. cit., а также: *Nolte E.* Theorien, где приводятся многочисленные другие примеры.

бодила и вынесла наверх. Того же волшебства ожидали от нее теперь и эти массы. Его судьба казалась им апофеозом их собственной.

Именно это «разрушающееся среднее сословие» положило начало прорыву НСДАП в число массовых партий и в основном и определило ее социологический облик тех лет. Было бы ошибкой думать, будто экономическая разруха непосредственным образом усилила привлекательность лозунгов НСДАП. Ведь гитлеровская партия приобрела наибольшее количество новых сторонников не в крупных городах и промышленных районах, где депрессия достигала всесокрушающего масштаба, а в мелких городках и сельской местности. На фоне в общем-то еще функционирующей системы вторжение нищеты там ощущалось как бедствие и катастрофа в гораздо большей степени, чем в больших городах, всегда близко знавших нужду. Там же понятие хаоса стало просто синонимом коммунизма[33].

Тем не менее по мере нарастания кризиса НСДАП добилась первых успехов и в рабочей среде. Правда, Грегор Штрассер предпринял попытку преодолеть «марксизм» с помощью НСБО — Национал-социалистических заводских организаций. (Геббельс придумал по этому случаю стишок: «Ни завода, ни стройки без нашей партийной прослойки!») Однако попытка Штрассера в общем и целом провалилась, в том числе потому, что Гитлер всегда весьма сдержанно относился к идее широкой национал-социалистической профсоюзной организации. По его мнению, пример СДПГ ясно показывал, как партия ради союза с профсоюзами вынуждена была отступиться от идеи мировой революции и, уйдя с головой в проблемы зарплаты, потеряла из виду перспективу освобождения рода человеческого. Тем не менее он практически не поддерживал еще оставшиеся в НСДАП левые силы в их попытке предотвратить опасность сползания социал-революционной рабочей партии в болото «только антисемитской и мелкобуржуазной» организации. «Если мы привлечем к себе хотя бы

---

[33] В одном из исследований С.М. Липсет дал такое определение идеального избирателя, голосующего за НСДАП: «Самостоятельный представитель среднего класса протестантского вероисповедания, живший либо на хуторе, либо в небольшом местечке и голосовавший ранее за центристскую или региональную партию, которая выступала против власти и влияния крупных промышленников и профсоюзов»; см.: *Nolte E.* Theorien. S. 463.

одного рабочего — это несравненно полезнее, чем заявления о вступлении целой дюжины "их превосходительств", вообще любых "высокопоставленных" особ», — заявлял один из социал-революционеров[34]. И снова расчет Гитлера оказался верным: то, чего НСДАП долго не удавалось добиться от классово сознательных рабочих, она достигла теперь среди растущих масс безработных. Своего рода идеальным отстойником оказались в первую очередь отряды штурмовиков. В Гамбурге из 4500 членов СА 2600 (почти 60 %) были безработные. В Бреслау (ныне Вроцлав) один из отрядов СА в сильный мороз не смог провести смотр, так как у его членов не было теплой обуви.

Перед отделениями биржи труда, где безработные должны были отмечаться дважды в неделю, организованные отряды вербовщиков раздавали пропагандистский листок «Безработный», точно ориентированный на заботы и нужды этой аудитории, и вовлекали стоящих в очереди людей в длительные дискуссии. Встречная активность коммунистов, видевших, что нацисты вытесняют их с их же собственной территории, привела к первым дракам и уличным потасовкам. Поскольку число их участников все росло, они постепенно переросли в ту «тихую гражданскую войну», за которой вплоть до января 1933 года так и тянулся узкий, но беспрерывно кровоточащий след и которая была сразу же задушена, как только одна из сторон захватила власть. Начало положила рукопашная схватка еще в марте 1929 года в Дитмаршене, когда двое штурмовиков — крестьянин Герман Шмидт и столяр Отто Штрейбель — были убиты, а 30 человек ранены, причем некоторые тяжело. К этому времени потасовки все заметнее перемещались на улицы больших городов. Их рабочие кварталы и запутанные переулки и стали мрачными кулисами этой малой войны, опорные пункты которой размещались в угловых кабачках и подвальных пивнушках, тех самых «штурмовых трактирах», которые один из современников с полным основанием назвал «укрепленными позициями в зоне боев»[35]. Драки происходили, особен-

---

[34] Слова Эрнста в адрес Ревентлова. In: Der Nationale Sozialist, 17.5.1930. Цит. по: *Kühnl R.* Op. cit. S. 60 Относительно приведенных ниже данных о структуре отрядов штурмовиков в Гамбурге см.: *Carsten F.L.* Op. cit. S. 164, а об отрядах СА в Бреслау см.: письмо Стеннеса Рёму от 28 февраля 1931 года, НА 17.

Пожар Рейхстага 27 февраля 1933 года
закрепил захват Гитлером власти

Рейхсканцлер Гитлер и рейхспрезидент Гинденбург на церемонии, посвященной памяти жертв Первой мировой войны. Февраль 1934 года

Гитлер беседует с молодыми штурмовиками

Эрнст Рём

Гитлер и его сторонники в Гамбурге в 1934 году

«Коричневый дом» — штаб-квартира нацистской партии в Мюнхене

Штурмовики приветствуют Гитлера. 1935 год

Гитлер на празднике в Нюрнберге

Гитлер — почетный гость на свадьбе Геринга и Эмма Зоннеман

Гитлер с детьми
Мартина Бормана

Гитлер, Эмма и Эдда Геринг

Гитлер репетирует речь

Гитлер произносит речь

Плакат: «Молодежь предана фюреру. Все десятилетние — в Гитлерюгенд»

Плакат: «Вся Германия слушает фюрера с помощью народных радиоприемников»

Кадр из фильма «Еврей Зюсс»

Гитлер в гостях у Союза немецких девушек

Гитлер выступает по радио

Гитлер в Рейхстаге

«Фюрер — Верховный главнокомандующий вермахта».
Картина Конрада Хоммеля

Гитлер со своим заместителем Рудольфом Гессом

Гитлер любил повторять изречение Фридриха Великого:
«Чем больше я узнаю людей, тем больше люблю собак»

Девушка украшает портрет Гитлера полевыми цветами

Гитлер и Геринг отбирают картины для выставки «Дегенеративное искусство»

Миниатюра с изображением Гитлера,
найденная на теле убитого эсесовца

но в больших городах, между членами СА и Союза красных фронтовиков, боевой организацией коммунистов. При этом нередко целые улицы превращались в место шумных столкновений, напоминавших иногда военные действия, кончавшиеся подсчетом многочисленных раненых и убитых. Иногда только массированному вмешательству отрядов полиции на бронированных машинах удавалось положить конец этим боевым действиям.

Берлин вообще все больше превращался в средоточие стратегии национал-социалистов, конечной целью которой было завоевание власти. Этот традиционно революционный город, в котором марксистские партии раньше всегда намного опережали всех своих соперников, представлял собой не только бастион, захвата которого настоятельно требовала тактика «легальности». Там в лице Геббельса у НСДАП был человек, у которого хватило энергии и дерзости, чтобы с крохотной группкой последователей в самом центре власти коммунистов, там, где они чувствовали себя увереннее всего, вызывающе воскликнуть: «Адольф Гитлер пожрет Карла Маркса!» Это был один из тех наглых лозунгов, которыми он открывал бой. Из буржуазных предместий, где НСДАП вела спокойную жизнь, омрачаемую разве что внутренними склоками, он направлял партию прямо в сердце нищих кварталов на севере и востоке города и впервые оспорил первенство левых на его улицах и предприятиях. Бледный, невыспавшийся, в черной двубортной кожаной куртке, он являл собой одну из типичных фигур того времени. О тревоге левых, слишком долго лишь болтавших разочарованным массам о мировой революции, говорит ставшая знаменитой формула, с помощью которой руководство Берлинской организации КПГ еще в августе 1928 года отреагировало на геббельсовскую конкуренцию: «Гоните фашистов с предприятий! Бейте их, где только увидите!»

Следуя примеру Гитлера, и Геббельс перенял у противника его же методы: «говорящие хоры», шествия под звуки оркестра, вербовочную работу на рабочих местах или же систему уличных ячеек, массовые демонстрации, а также кропотливую работу у дверей квартир — все это было заимствовано из практики социалистической агитации, но нацисты объе-

---

[35] *Engelbrechten J.K. v.* Eine braune Armee entsteht. Die Geschichte der Berlin-Brandenburger SA. München. Berlin, 1937. S. 85.

динили эти методы с гитлеровским «большим мюнхенским стилем». Геббельс придал провинциальной физиономии партии известные черты стиля большого города и интеллектуальности, что также привлекало к ней новые силы. Он был остроумен, хитер и циничен как раз в той мере, которая импонирует публике. Республиканский призыв «Сохраним республику!» он с издевательским еврейским акцентом произносил так, что получалось «Схороним республику!», а кличку «обер-бандит Берлина», данную ему агитацией противника, превратил в подобие почетного титула, которым гордился словно мелкий жулик. Наконец, формулу революционных дней 1918 года, обещавшую жизнь, полную красоты и достоинства, он иронически переиначил в рубрике о самоубийствах, которую вел в газете «Ангриф» с нарочитой дотошностью и жестокостью. Так, он каждый раз предварял эту рубрику словами: «Счастья этой жизни, полной красоты и достоинства, не смогли больше выдержать...» После чего публиковались имена самоубийц[36].

Безграничная готовность к учебе у противника, отсутствие в тактике борьбы за власть какого-либо высокомерия и мании всезнайства отличали национал-социалистов от консерваторов старой закалки и придавали их устремленности в прошлое черты современности. Примечательно, что гораздо больше внимания они уделяли не буржуазной, а именно леворадикальной прессе и нередко перепечатывали в своих изданиях «достойные внимания» фрагменты коммунистической инструкции — для просвещения собственных сторонников[37]. Кроме того, они стремились, и тут подражая коммунистам, деморализовать противника грубостью и жестокостью, причем маскировали собственную слабость под простодушие и идеализм. «Герои с большим, по-детски чистым сердцем», «христо-социалисты», не стесняясь, писал Геббельс, чтобы сделать из командира штурмового отряда Хорста Весселя мученика идеи, хотя тот — по крайней мере, таков был один из мотивов — был убит своим соперником-коммунистом из ревности в споре из-за проститутки. Один из его самых эффектных, вышибающих слезу приемов заключался в том, чтобы около своей ораторской трибуны вы-

---

[36] См.: *Heiber H.* Joseph Goebbels. S. 90 и S. 72.

[37] Из приказа по СА от 17 февраля 1932 г., HA der NSDAP. Pasc. 307.

ставить на всеобщее обозрение перевязанных раненых на носилках — жертв уличных боев. В полицейском донесении о кровавом инциденте в Дитмаршене описывалось пропагандистское воздействие вида убитых и раненых, что утвердило гитлеровское движение в мысли о высокой действенности кровавых жертв как средства агитации. В донесении говорилось, что национал-социалисты увеличили свою численность на 30 %, и далее сообщалось о таком наблюдении: «простые деревенские старухи» носят «на своих фартуках значок со свастикой. При разговоре с такими бабушками сразу чувствуешь, что они не имеют ни малейшего понятия о ближних или дальних целях национал-социалистической партии. Но они уверены, что все честные люди в нынешней Германии эксплуатируются, что правительство у нас неспособное и... что только национал-социалисты могут спасти от этого якобы бедственного положения»[38].

Но, пожалуй, самым знаменательным был успех НСДАП у молодежи. Как никакая другая политическая партия, она сумела воспользоваться и ожиданиями молодого поколения, и широко распространенными надеждами на него. Понятно, что поколение 18—30-летних, чье честолюбие и жажда деятельности не могли реализоваться в обстановке массовой безработицы, переживало кризис особенно болезненно. Будучи радикальными и в то же время склонными к бегству от действительности, эти молодые люди представляли собой огромный агрессивный потенциал. Они презирали свое окружение, родительский дом, учителей и признанные авторитеты, все еще отчаянно тоскующие по старым буржуазным порядкам, из которых молодежь давно уже выросла. «Нет больше веры в светлое вчера, но нет в нас и заразы отрицания», — читаем мы в одном из тогдашних стихотворений[39]. На интеллектуальном уровне то же настроение выразилось, например, в формуле, что Германия проиграла не только войну, но и революцию и теперь должна все это исправить. Молодежь в большинстве своем презирала республику, которая славила собственное бессилие, а свою слабость и нерешительность рядила в одежды демократической готовно-

---

[38] Цит. по: *Stoltenberg G.* Politische Strömungen im schleswig-holsteinischen Landvolk 1918—1933. S. 205 f.

[39] Цит. по: *Neumann S.* Die Parteien der Weimar Republik. S. 74. См. также: *Schüddekopf O.E.* Linke Leute von rechts. S. 42 ff.

сти к компромиссу. Но молодежь отвергала пошлый материализм социального государства и его «эпикурейские идеалы», в которых она не находила ничего из переполнявшего ее самое трагического восприятия жизни.

Вместе с республикой молодежь отвергала и традиционный тип партии, который не отвечал пробудившейся в молодежном движении жажде «органического сообщества», якобы возникшего на фронтах войны. Недовольство «властью стариков» еще более усиливалось при виде традиционных партийных центров, пребывающих в состоянии благостной стагнации. Ничто в этих широких, самодовольных физиономиях не отражало того беспокойства, того сознания «поворота времени», которое овладело буржуазной молодежью. Довольно значительная ее часть присоединилась к коммунистам, хотя узость классового мышления партии затрудняла для многих вступление в ее ряды. Другая часть пыталась выразить свой весьма своеобразно понимаемый ригоризм в пестром по составу национал-большевистском движении. Большинство же молодых людей, особенно студентов, перешло к национал-социалистам. НСДАП стала естественной альтернативой коммунистам. Из всего пестрого идеологического набора пропаганды национал-социалистов молодежь расслышала прежде всего нечто революционное. Эти молодые люди искали дисциплины и жертвенности; кроме того, их привлекала к себе романтика движения, которое постоянно балансировало на грани законности, а тем, кто непременно этого хотел, позволяла и перешагнуть за эту грань. Это была для них не столько партия, сколько боевое сообщество, требовавшее пожертвовать всем и противопоставлявшее гнилому, распадающемуся миру пафос воинственного нового строя.

Вследствие большого притока представителей молодого поколения НСДАП, еще не став массовой партией, приобрела характер прямо-таки своеобразного молодежного движения. Например, в Гамбургском гау в 1925 году около $^2/_3$ членов партии были моложе 30 лет, в Галле их было даже 86 %, да и в остальных гау эти показатели если и отличались, то не намного. В 1931 году 70 % берлинских штурмовиков составляли люди, не достигшие 30 лет, а во всей партии их было около 40 %, в то время как их доля в СДПГ была вдвое меньше. Если среди депутатов от СДПГ людей моложе 40 лет было около 10 %, то среди национал-социалистов их доля состав-

ляла почти 60 %. Стремление Гитлера заинтересовать молодых людей, стимулировать их, оказать им доверие оказалось весьма действенным методом. Геббельс стал гаулейтером в 28, Карл Кауфман — в 25 лет; Бальдуру фон Шираху было 24 года, когда его назначили на пост имперского руководителя молодежи, а Гиммлеру при его выдвижении на пост рейхсфюрера СС — всего на два года больше. Бескомпромиссность и ничем не ослабленная вера этих молодых руководителей, их «чисто физическая энергия и драчливость, — вспоминал впоследствии один из них, — придавали партии ту пробивную силу, которой прежде всего буржуазные партии чем дальше, тем меньше могли противопоставить что-либо равное по действенности»[40]

Все это было характерно для социального состава партии начиная с 1929 года — еще до того, как наступило время широкого скачкообразного перехода в нее людей из других партий. Правда, с точки зрения социологии лицо ее все еще оставалось неясным, не без умысла завуалированным претенциозными лозунгами общего характера. За ними Гитлер пытался укрыть тот факт, что вербовка политически сознательных рабочих не принесла заметных успехов и что состав НСДАП все еще ограничивался теми слоями населения, которые вступали в нее с самого начала. Впервые стало ощутимым и сопротивление со стороны государства. Так, в Баварии 5 июня 1930 года нацистам было запрещено носить форму, неделей позже в Пруссии запретили ношение коричневых рубашек, так что штурмовикам пришлось впредь выступать в белых рубашках. Спустя еще две недели Пруссия запретила своим чиновникам вступать в НСДАП и КПГ. Протест против этих запретов нашел свое выражение в растущем числе судебных процессов: до 1933 года их прошло 40 тысяч, в ходе них подсудимые получили в общей сложности 14 тысяч лет лишения свободы и на них было наложено штрафов на 1,5 миллиона марок[41].

Все это, однако, не устранило впечатления слабости, которая считалась неотъемлемой чертой «системы». Еще до бесславного конца «большой коалиции», даже в окружении

---

[40] *Krebs A.* Op. cit. S. 188 f. Другие данные см.: *Jacobsen H.-A., Jochmann W.* Op. cit. S. 34, а также: BAK, Sammlung Schumacher 201/1, 202/1, 208/1.

[41] *Prank H.* Op. cit. S. 58.

президента страны фон Гинденбурга, до тех пор хоть и настроенного против конституции, однако формально исполнявшего свои обязанности в соответствии с ней, проникли мысли о том, что пора заменить бессильный парламентский режим авторитарным президентским правлением. Независимо от того, насколько президент уже тогда был согласен с подобными аргументами, он впервые энергично и решительно включился в переговоры об образовании нового правительства. Выбор Генриха Брюнинга[42] также указывал на то, что Гинденбург и впредь намеревался вмешиваться в дела правительства. В личности нового рейхсканцлера лояльность, строгость характера и чувство долга соединялись в некую романтическую трезвость, всегда, казалось, готовую к тому немому самопожертвованию, которого Гинденбург постоянно требовал от своего окружения. С неподобающей поспешностью, еще не исчерпав возможностей достижения компромисса, Брюнинг вскоре после занятия своего нового поста, в момент, когда безработица беспрерывно росла, а страх перед кризисом усиливался, рискнул пойти на сулившее верное поражение голосование в парламенте и объявил о роспуске Рейхстага. Напрасно министр внутренних дел Вирт заклинал противников отступиться и не доводить парламентский кризис до кризиса системы; казалось, демократия устала от самой себя. На сентябрь 1930 года были назначены новые выборы[43].

Немедленно разгорелась притихшая было пропаганда национал-социалистов. Она снова обрела тот пронзительный тон, который был характерен для кампании против плана Юнга. Снова во все концы были разосланы вербовщики. Шумно и бурно они врывались в города и деревни, устраивая бесконечные концерты на площадях, спортивные праздники, звездные заезды, вечерние сборы и совместные походы в церковь. Они казались гораздо более разумными, радикальными или воодушевленными и уж во всяком случае гораздо более «народными», чем агитаторы других партий. «Эй, сволочь, выходи! Сорвите у этих гадов маску с рожи! Хватайте их за

---

[42] Генрих Брюнинг (26.11.1885—30.3.1970) с 1929 года руководил фракцией партии «Центра» в Рейхстаге. С 30 марта 1930 года по 30 мая 1932 года — рейхсканцлер президентского кабинета. В 1934—1955 годах находился в эмиграции в США. — *Прим. науч. ред.*

[43] См.: *Horkenbach C.* Op. cit. S. 315.

шкирку, бейте ногами в жирное брюхо, выметайте их с треском из храма!» — писал Геббельс, для которого эта избирательная кампания стала первым экзаменом со времени назначения на пост руководителя партийной пропаганды. Эрнст Блох неодобрительно относился к «глупой восторженности» национал-социалистов; однако именно в ней, в частности, и заключалось преимущество, потому что коммунисты, несмотря на всю свою высокопарную уверенность в собственной победе, несмотря ни на что, всегда действовали серо и угрюмо, словно их прерогативой была не история, а обыденщина. Кроме того, теперь были широко и целенаправленно пущены в ход две или три тысячи выпускников партийной школы ораторов. Доклады об идеологической мудрости партии, часто примитивные и явно заученные наизусть, не очень-то прибавили партии сторонников, и все же массовые выступления бесчисленных рядовых пропагандистов создавали впечатление неустанной, все одолевающей активности. И Гитлер полагался на действенность такого впечатления. Одновременно испытанные ораторы гау и Имперского руководства НСДАП выступали на богато оформленных мероприятиях для населения. «Собрания с числом участников от одной до пяти тысяч, — говорилось в одной из докладных записок Министерства внутренних дел Пруссии, — в больших городах стали обычным явлением; часто они вынуждены даже устраивать еще одно или несколько параллельных собраний, поскольку первоначально предусмотренные помещения не могут вместить всех желающих»[44].

Во всех отношениях Гитлер сам стоял во главе торжеств — как вождь, главное действующее лицо и организатор. Он открыл ее крупным мероприятием в Веймаре и с того времени беспрерывно находился в дороге — в машине, поезде, самолете. Где бы он ни появлялся, он неизменно приводил в движение массы, и это при том, что у него не было ни плана, ни какой-либо теории кризиса и его преодоления. Но зато у него были ответы. Он знал, кто виноват: державы Антанты, продажные политики республиканской системы, марксисты и евреи. И он знал, что требовалось, чтобы покончить с нуждой: воля, самосознание и вновь обретенная власть. Его эмоциональные призывы никогда не выходили за рамки общих фраз. «Отстаньте от меня с вашими текущими делами!» —

[44] Опубликовано в кн.: Ursachen und Folgen. Bd. VIII. S. 330.

говорил он в свое оправдание. Немецкий народ и так уж чуть не погиб, запутавшись в них: «Текущие дела придуманы специально для того, чтобы затуманить взгляд на великие свершения». Даже кризис парламентской системы он объяснял тем, что партии и их цели слишком зациклились на «повседневных мелочах», ради которых «люди не склонны идти на жертвы»[45]. Он по-прежнему действовал по уже испытанному рецепту: сводить тысячи повседневных неудач и несчастий к немногим, но хорошо понятным причинам, придавать им широту и демоническую окраску, рисуя мрачную панораму мира, за кулисами которого плели свои интриги внушающие ужас заговорщики. Не меньше чем своими ораторскими приемами он воздействовал на слушателей внушительным церемониалом и театральностью своего явления народу. Он постоянно стремился к тому, чтобы его рассуждения можно было свести к краткому девизу, чтобы из них выкристаллизовывались многочисленные яркие, запоминающиеся понятия, которые еще долгое время продолжали самостоятельно действовать в подсознании слушателей. В те недели он приобрел не только чрезвычайно большой организаторский опыт, но и ту психологическую изощренность, которая пригодилась ему двумя годами позже, когда он развернул несравнимо более широкие и яростные кампании.

Отсутствие четкой программы, контрастировавшее с энергичностью и громогласной напористостью национал-социалистической агитации, привело к недооценке НСДАП. Для критически настроенных современников партия представляла собой феномен шумный, надоедливый и слегка сумасшедший в эти шумные и слегка сумасшедшие времена. Курт Тухольский дал Гитлеру необычайно меткое и одновременно на редкость ошибочное определение, отражавшее подобные неверные суждения: «Этого человека и нет-то вовсе; есть только шум, который он производит»[46]. Все памятные записки Министерства внутренних дел Германии, показывавшие, что за формальными уверениями в привер-

---

[45] Adolf Hitler in Franken. S. 42 и S. 57 (выступление 26.3.1927), а также: Ebd. S. 102 (выступление 8.12.1928).

[46] *Tucholsky K.* GW. Bd. III. S. 834. Аналогичным образом высказался и издатель журнала «Вельтбюне» Карл фон Осецкий в статье незадолго до сентябрьских выборов 1930 года: «У национал-социалистического движения шумное настоящее, но нет никакого будущего».

женности к закону стоит почти не скрываемая антиконституционность партии, остались без внимания. Вместо этого власти полагались на взрывную силу внутренних противоречий в быстро разбухающей партии, на угрожавшие ее целостности духовную посредственность, неотесанность и честолюбие партийного руководства.

Эти ожидания подтверждались кризисами, которые летом 1930 года, казалось, основательно тряхнули НСДАП. На самом же деле, как показали позднейшие наблюдения, эти кризисы были акциями чистки, послужившими укреплению дисциплины и наступательной активности партии. Вознесенный на гребень волны несущимся со всех сторон ликованием, Гитлер, почувствовав в этом катаклизме, угрожающий грохот которого становился все оглушительнее, свой единственный шанс, стал готовиться, очищая партию от остатков критиков и оппозиционеров.

Для начала он навязал окончательно запутавшимся левым внутри партии давно откладывавшееся выяснение отношений. Пока НСДАП была маргинальной партией и занималась только шумной пропагандой, не имея возможности реализовать свои принципы в парламентах или правительствах, ей без труда удавалось скрывать идеологические разногласия в своих рядах. Однако теперь успехи на местных выборах поставили партию перед необходимостью постоянно разъяснять свою позицию. Отто Штрассер и его сторонники, сгруппировавшиеся вокруг издательства «Кампфферлаг», упорно ставили под сомнение курс Гитлера на легальность и агрессивно отстаивали «тактику катастроф». Они разыгрывали роль неистовых антикапиталистов, требовали широкой национализации, союза с СССР или же, отступая от линии партии, поддерживали местные забастовочные движения. Естественно, что тем самым они не только подвергали риску едва наметившиеся связи партии с финансовыми кругами, но своей бездумной тенденцией к обязательствам программного характера перечеркивали гитлеровскую тактику возможного отступления от собственных утверждений и открытости для любых слоев общества. В январе вождь НСДАП потребовал у Отто Штрассера передачи издательства «Кампфферлаг». Двулично, перемежая лесть угрозами и попытками подкупа, а то и со слезами на глазах он предложил строптивому товарищу пост руководителя печати Мюнхенского центра, а за издательство

обещал около 80 000 марок. Он взывал к его чести старого солдата и национал-социалиста с многолетним стажем, но Штрассер, считавший себя лордом-хранителем национал-социалистической идеи в ее подлинном виде, отклонил все предложения и не испугался угроз. 21 и 22 мая 1930 года в тогдашней берлинской штаб-квартире Гитлера — гостинице «Сан-Суси» по Линкштрассе — состоялся принципиальный разговор. В присутствии Макса Аманна, Рудольфа Гесса и брата Отто Штрассера, Грегора, стороны в течение семи часов возбужденно излагали свои аргументы.

Совершенно в стиле самоучки, который впоследствии приводил в немое отчаяние его товарищей по застольям, Гитлер начал собрание, о котором мы знаем из записей Штрассера, с поучающих рассуждений об искусстве (оно-де не знает революционных переломов, но существует лишь как «вечное искусство», да и вообще — все, что заслуживает имени искусства, имеет греческо-нордические корни, остальное же — обман). Затем он долго распространялся о роли личности, проблемах расы, мирового хозяйства, итальянского фашизма, чтобы только потом вернуться к социализму, к «проблеме Пилата»[47], которая между тем уже невидимо витала на переговорах с самого начала. Он упрекнул Штрассера, что тот идею ставит выше вождя и вообще «хочет дать каждому члену партии право судить об идее, больше того — право решать, верен ли еще вождь так называемой идее или уже нет. Это — демократия худшего пошиба, и именно у нас ей нет места, — воскликнул он возмущенно. — У нас вождь и идея едины, и каждый член партии должен делать то, что прикажет вождь, воплощающий в себе идею и «единственно знающий ее конечную цель». Он вовсе не намерен, продолжал Гитлер, «позволять нескольким литераторам, заболевшим манией величия», разбить «партийную организацию, построенную на дисциплине ее членов».

Неспособность Гитлера рассматривать человеческие отношения в каком-либо другом аспекте, кроме иерархического, редко проявлялась так наглядно, как в ходе этих переговоров. Каждый аргумент, каждое возражение он парировал, словно это был интеллектуальный рефлекс, вопросом о власти: кто имеет право распоряжаться, кто здесь отдает приказы, а кто должен им подчиняться? Все было безоглядно

[47] *Heiden K.* Geschichte. S. 259.

сведено к противопоставлению «господа — рабы»: есть сырая, необразованная масса — и есть великая личность, для которой эта масса является орудием и объектом манипуляции. Удовлетворение законных потребностей этой массы в защите — это и было, по мысли Гитлера, социализмом. В ответ на упрек Штрассера, что он пытался задушить революционный социализм партии ради своих связей с буржуазной реакцией, Гитлер резко возразил: «Я — социалист, в отличие, например, от влиятельного господина Ревентлова. Я начинал как простой рабочий. Я и сегодня еще не могу терпеть, чтобы мой шофер ел на обед не то, что и я. Но то, что вы понимаете под социализмом, — это неприкрытый марксизм. Понимаете, основная масса рабочих не хочет ничего иного, кроме хлеба и зрелищ, она не думает ни о каких идеалах, и мы никогда не сможем рассчитывать на завоевание симпатий значительного числа рабочих. Нам нужна элита нового слоя господ, движимая не какой-то там моралью сострадания, но ясно осознающая, что она благодаря своей лучшей породе имеет право властвовать, и потому безоглядно поддерживающая и обеспечивающая это господство над широкими массами... Вся ваша система — это работа за письменным столом, не имеющая ничего общего с действительной жизнью». Обращаясь к своему издателю, Гитлер спросил: «Г-н Аманн, Вам понравилось бы, если бы в Ваши дела вдруг стали вмешиваться Ваши секретарши? Предприниматель, несущий ответственность за производство, создает и хлеб для рабочих. Именно для наших крупных предпринимателей самое важное — не накопление денег, не жизнь в богатстве и т.п., а ответственность и власть. Благодаря своему усердию они пробились наверх, и на основании этого отбора, который опять-таки свидетельствует только о лучшей породе, у них есть право вести массы за собой». Когда после горячей дискуссии Штрассер поставил принципиальный вопрос, останутся ли производственные отношения неизменными после захвата власти, Гитлер ответил: «Ну разумеется. Уж не думаете ли Вы, что я настолько безрассуден, чтобы разрушить экономику? Только если кто-то будет действовать наперекор интересам нации, вмешается государство. Но для этого не требуется ни экспроприации, ни права рабочих на участие в управлении государством». Потому что, продолжал он, на самом-то деле всегда существует только одна система: «Ответственность перед верхами, автори-

тет по отношению к низам», так это практикуется тысячелетиями и вообще не может быть иначе[48].

В интерпретации Гитлером социализма нет ни гуманного побудительного импульса, ни потребности в обновлении общественной структуры. Его социализм, говорил он, не имеет «ничего общего с "механической конструкцией" хозяйственной жизни», он только дополнительное определение понятия «национализм». Он означает ответственность всей структуры в целом за индивидуума, тогда как «национализм» означает, что индивидуум всего себя отдает этому целому; в национал-социализме же, продолжал Гитлер, объединяются оба эти элемента. Такой прием воздавал должное всем интересам, а сами понятия низводил до роли игральных фишек: капитализм находил свое завершение только в гитлеровском социализме, а социализм, оказывается, был осуществим только в условиях капиталистической экономической системы. Эта идеология прикрывалась левой риторикой только из соображений тактики захвата власти. Она требовала государства, сильного и внутри, и вне своих границ, требовала неоспоримого господства над «широкой безымянной массой», над «коллективом вечно несовершеннолетних»[49]. Какой бы ни была исходная точка истории НСДАП, в январе 1930 года она являлась, как утверждал Гитлер, партией «социалистической» (чтобы использовать избирательный потенциал популярного слова) и «партией рабочих» (чтобы заручиться поддержкой самой энергичной общественной силы). Как и обращенность к традиции, к консервативным ценностям и представлениям или к христианству, социалистические лозунги были частью манипулятивного идеологического подполья, служившего для маскировки, введения в заблуждение и прикрываемого де-

---

[48] См. более подробное и, учитывая сопутствующие обстоятельства, явно драматически стилизованное изложение Отто Штрассера (*Strasser O.* Mein Kampf. S. 37 ff, особенно S. 50 ff), в основе которого лежат более ранние описания этой встречи. В передаче содержания беседы в целом, пожалуй, не может быть никаких сомнений — не только потому, что сразу же после ее окончания был по памяти составлен подтвержденный протокол, но и потому, что такая аргументация Гитлера совпадает с его многочисленными высказываниями в других случаях.

[49] *Rauschning H.* Gespräche. S. 45 f. По поводу определения Гитлером понятия «социализм» см. также его высказывания: Adolf Hitler in Franken. S. 144. S. 167 ff. (речь 30. 11. 1929)

визами, менявшимися вместе с конъюнктурой. Насколько цинично отбрасывались нацистской верхушкой программные принципы, один из молодых энтузиастов-перебежчиков, вступивших в НСДАП, узнал из разговора с Геббельсом. В ответ на свое замечание о том, что положение Федера об уничтожении процентного рабства все же содержит в себе элемент социализма, он услышал: лучше уничтожить того, кто слушает этот вздор[50].

Легкость, с которой Штрассер вскрывал нелепицы и жонглирование понятиями в аргументации своего собеседника, очень задела Гитлера. Он вернулся в Мюнхен расстроенным и, как обычно после таких дискуссий, несколько недель не подавал никаких вестей о себе, так что Штрассер оставался в полном неведении. И только когда он в памфлете, озаглавленном «Министерское кресло или революция?», описал ход дискуссии и обвинил вождя партии в предательстве по отношению к социалистическому ядру их общей идеологии, Гитлер нанес ответный удар. В письме, стилистические огрехи которого выдают степень его озлобленности, он приказал своему берлинскому гаулейтеру, не церемонясь, исключить Штрассера и его последователей из партии. Он писал:

«В течение нескольких месяцев я как ответственный руководитель НСДАП наблюдаю за попытками внести разброд и смуту в ряды движения, подорвать его дисциплину. Под предлогом борьбы за социализм делаются попытки отстаивать политику, совершенно отвечающую политике наших еврейско-либерально-марксистских противников. То, чего требуют эти круги, совпадает с желаниями наших врагов... Теперь я считаю необходимым беспощадно, целиком и полностью вышвырнуть из партии эти деструктивные элементы. Настоящее содержание нашего движения сформулировали и определили мы — люди, основавшие это движение, боровшиеся за него, томившиеся за его дело в тюрьмах и поднявшие его после краха к нынешним высотам. Те, кому это содержание, заложенное нами, в первую очередь мной, при основании движения, не подходит, не должны приходить в ряды движения — или же покинуть их. Пока я руковожу Национал-социалистической партией, она не станет дискуссионным клубом лишенных корней литераторов или салонных большевиков. Она останется тем, чем является и сегодня: дисциплиниро-

[50] См.: *Heiden K.* Geburt. S. 38.

ванной организацией, созданной не для доктринерских дурачеств и политических перелетных пташек, но для борьбы за такое будущее Германии, в котором классовые понятия будут сокрушены»[51].

После этого Геббельс 30 июня созвал собрание членов партии гау. Оно состоялось в Хазенхейде под Берлином. «Кто не подчинится нашему порядку, будет изгнан из наших рядов!» — кричал он собравшимся. Отто Штрассера и его приверженцев, пришедших, чтобы изложить свою позицию, штурмовики силой выгнали из зала. После этого группа Штрассера заговорила о «сталинизме чистой воды» и о том, что партийное руководство занимается целенаправленным «преследованием социалистов», при этом она все сдавала свои позиции. Уже на следующий день Грегор Штрассер снял с себя обязанности издателя в «Кампфферлаг» и в резкой форме отмежевался от своего брата. Фон Ревентлов и другие видные деятели левого крыла тоже изменили бунтовщикам — многие, вероятно, по экономическим мотивам, поскольку Гитлер дал кому пост, кому деньги или же мандат, но большинство все же несомненно из соображений той «почти противоестественной личной преданности», которую Гитлер сумел им внушить и в них сохранить, несмотря на все бесчисленные акты собственного вероломства. Геббельс уверенно заявил, что партия «извергнет из себя эту попытку саботажа»[52]. После этого газеты Отто Штрассера 4 июля возвестили: «Социалисты покидают НСДАП!» Но за ним почти никто не последовал. Как оказалось, в партии фактически не было социалистов, да и вообще людей, способных теоретически мало-мальски обосновать собственную политическую позицию. Отто Штрассер основал новую партию, сначала она называлась Революционные национал-социалисты, позже «Черный фронт», но ей так и не удалось избавиться от клейма группы литераторов-сектантов. Приверженцам Гитлера было запрещено читать газеты издательства «Кампфферлаг», но их излюбленная тематика и без того вскоре

---

[51] *Heiden K.* Hitler. Bd. 1. S. 275; а также: *Kühnl R.* Op. cit. S. 374.

[52] Из циркулярного письма рейхслейтера по пропаганде от 1 июля 1930 года, см.: *Kühnl R.* Op. cit. S. 251. Замечание о «почти противоестественной личной преданности» принадлежит К.О. Петелю и касается Грегора Штрассера, но относится, безусловно, и к другим тоже: Ebd. S. 215.

почти перестала кого-либо занимать: разоблачения из области интимной жизни руководящего аппарата выглядели мещанским педантизмом и вообще неуместными по отношению к партии, которая как раз услышала зов истории и решительно поднялась на борьбу с всемирной катастрофой. Теоретические же споры никого не интересовали. Массы связывали свои надежды и ожидание спасения не с какой-либо программой, а с Гитлером.

Выход Отто Штрассера из игры не только раз и навсегда покончил со спорами о социалистических принципах в НСДАП, но и обозначил ощутимую утрату власти Грегора Штрассера. С этих пор у него уже не было ни власти внутри партии, ни прессы. Он еще считался, правда, организационным руководителем, имел резиденцию в Мюнхене и держал в руках еще многие нити, но все больше отдалялся от членов партии и от общественности. Всего годом раньше журнал «Вельтбюне» предполагал, что Штрассер «в один не столь уж отдаленный день поставит своего господина и учителя Гитлера в угол» и сам захватит власть в партии[53]. Теперь же Штрассер ее потерял и тем самым предопределил свое поражение двумя годами позже, когда он преодолел было свою покорность судьбе попыткой сопротивления, пока, наконец, уставший и сломленный, не покинул партию.

Последним отголоском штрассеровского кризиса были волнения берлинских отрядов СА под командованием заместителя Верховного руководителя СА по Восточной Германии и бывшего капитана полиции Стеннеса[54]. Недовольство партийного войска было связано не столько со спорами вокруг социализма, сколько с нараставшими в Политической организации признаками номенклатурности и непотизма, а также с низкой оплатой за трудную службу во время избирательной кампании. В то время как штурмовики, оборванные и истощенные, вечер за вечером вынуждены были «рисковать своим здоровьем», Политическая организация возвела себе роскошный, великолепно отделанный дворец — таков был часто повторявшийся упрек. В ответ на довод, что она в виде «Коричневого дома» как раз и соорудила штур-

---

[53] Die Weltbuehne. 1930. S. 566.

[54] В 1928 году Вальтер Стеннес был назначен заместителем Верховного руководителя СА по Востоку и командующим группой СА «Восток» (со штаб-квартирой в Берлине). — *Прим. науч. ред.*

мовикам монумент из мрамора и бронзы, они возражали: это выглядит памятником на их могиле. И вообще в Политической организации, мол, распространено мнение, что «СА существует только для того, чтобы умирать», писал один оберфюрер СА. Не зная, что делать, Геббельс из Силезии стал просить помощи Гитлера и СС. Когда восставшие штурмовики несколькими днями позже напали на здание окружного бюро на Хедеманштрассе[55], произошло их первое кровавое столкновение с гиммлеровской черной гвардией. Об авторитете Гитлера говорит тот факт, что стоило ему только появиться, как бунт моментально прекратился. Но примечательно, что сначала он всячески избегал объяснений с Стеннесом, а вместо этого старался непосредственно успокоить сами отряды. Переходя от одной пивной к другой, он в сопровождении вооруженных эсэсовцев присаживался к постоянным столикам штурмовиков, посещал их дежурки, заклинал отряды, иногда даже разражался слезами, говорил о предстоящих победах и высокой оплате, которая будет обеспечена им, солдатам революции. Пока же он гарантировал им правовую защиту и лучшие условия оплаты, для чего ввел особый налог по 20 пфеннигов с каждого члена партии в пользу СА[56]. В благодарность за службу СС получила девиз: «Твоя честь — в верности!»[57].

Конец бунта означал выход из игры фон Пфеффера. Сначала внутренне сопротивляясь, но затем смирившись, Верховный руководитель СА наблюдал, как росла власть Политической организации, что, в свою очередь, заметно ослабляло

---

[55] Стеннес выдвинул ряд требований, среди которых важнейшими были отказ от вмешательства в дела СА со стороны гаулейтеров, закрепление за СА статуса единственной организации, обеспечивающей безопасность партийных съездов, а также права для командиров СА выставлять свои кандидатуры на выборах в Рейхстаг. 30 июля 1930 года штурмовики заняли штаб-квартиру НСДАП в Берлине и захватили Геббельса. — *Прим. науч. ред.*

[56] Hitlers Tischgespräche. S. 419. О глубинных причинах кризиса штурмовых отрядов здесь упоминается лишь вскользь, см.: *Orlow D.* Op. cit. S. 216 ff, а также: *Höhne H.* Der Orden unter dem Totenkopf. S. 64 ff.

[57] Девиз представлял собой перефразированную фразу А. Гитлера, обращенную к членам СС: «Эссесовец! Твоя честь в верности!» (SS-Mann! Deine Ehre heisst Treue!). Гитлер написал эту фразу в письме к руководителю берлинских СС К. Далюге после разгрома в 1930 году бунте Стиннеса. — *Прим. науч. ред.*

влияние СА. Одна из причин такого перемещения центра тяжести заключалась явно в том все яснее проявлявшемся «византийском» стиле, который Гитлер усвоил по отношению к своему окружению. Он все увереннее ощущал на себе знак благодати, а повседневное ликование масс только укрепляло его в этом убеждении. У него развилась потребность в поклонении, а к этому были более способны мелкобуржуазные функционеры ПО, чем руководители СА, проникнутые духом военного чинопочитания. Именно поэтому ПО оказывалась в предпочтительном положении и при распределении скудных денежных средств партии, и при составлении списков депутатов, и в других актах покровительства. Помимо всего прочего, за напряженными отношениями скрывалась полная несовместимость между полухудожником, представителем южнонемецкой богемы, с одной стороны, и более суровым, «прусским» типом — с другой, как бы мало от этого типа ни оставалось в фон Пфеффере или среди фигур более узкого круга его соратников. Раздраженно косясь на сословную спесь высшего руководителя СА, Гитлер говорил иногда, что вообще-то ему следовало бы носить фамилию не Пфеффер, а Кюммель[58].

Так же, как и позже, в 1938 и 1941 годах, в конфликтах с вермахтом, Гитлер в конце августа, сместив фон Пфеффера, сам занял пост Верховного руководителя СА, а для повседневного руководства он вызвал из Боливии Эрнста Рёма, работавшего там военным инструктором[59]. Таким образом, он окончательно стал единственным повелителем движения. В его руках находились теперь и особые права СА, выхлопотанные и утвержденные ранее фон Пфеффером. Всего через несколько дней Гитлер заставил каждого командира штурмовиков принести ему лично «клятву в безусловной верности» и поручил им потребовать того же от всех членов СА. Дополнительное обязательство заключалось в обещании, даваемом при приеме: «исполнять все приказы безупречно и добросовестно, так как я знаю, что мои командиры

---

[58] Игра слов: Pfeffer по-немецки — «перец», а Kümmel — тмин. — *Прим. пер.*

[59] Рём уехал в Боливию в 1928 году, во время «кризиса Стеннеса» Гитлер вызвал его в Берлин. 1 ноября 1930 года Рём был восстановлен в НСДАП (ему был вручен билет № 41), а 5 января 1931 года он был назначен начальником штаба СА. — *Прим. науч. ред.*

не потребуют от меня ничего противозаконного». Статья в «Фёлькишер Беобахтер», в которой Гитлер подводил итоги кризиса и обосновывал свою линию поведения, содержала местоимение «я» 133 раза[60].

Примечательно, что к тому времени претензии Гитлера уже и в самих Штурмовых отрядах принимались практически без возражений. Движение окончательно организовалось и как институт, и в психологическом плане, а Гитлеру удалось, так же как и из конфликтов прошлого, использовать этот кризис для укрепления собственного положения и престижа. Уже в июне в Сенаторском зале недавно отстроенного «Коричневого дома» он объявил нескольким партийным журналистам о своей единоличной власти в партии, четко нарисовав картину иерархии и организации католической церкви. По ее образу и подобию, заявил он, и партия тоже должна воздвигнуть свою руководящую пирамиду «на широком фундаменте находящихся среди народа... политических пастырей», которые «по ступеням, ведущим через крайзлейтеров и гаулейтеров, поднимаются к сенаторам, а потом к фюреру-папе». Как рассказывал один из участников разговора, Гитлер не постеснялся сравнить гаулейтеров с епископами, а будущих сенаторов с кардиналами и ничтоже сумняшеся проводил путаные параллели между понятиями авторитета, послушания и веры в светской и церковной сферах. Без малейшей иронии он закончил свою речь замечанием, что не собирается «оспаривать у Святого отца в Риме его права на душевную — или как это называется — духовную? — непогрешимость в вопросах веры. В этом я не очень разбираюсь. Но зато тем больше, как мне кажется, я разбираюсь в политике. Поэтому я надеюсь, что и Святой отец впредь не станет оспаривать моего права. Итак, я провозглашаю теперь для себя и моих последователей в руководстве Национал-социалистической рабочей партии Германии право на политическую непогрешимость. Я надеюсь, что мир привыкнет к этому так же быстро и без возражений, как он привык к праву Святого отца»[61].

Еще поучительней, чем эти слова, была опять-таки реак-

---

[60] VB, 4.4.1931 («Hitlers Abrechnung»); цифра 133 была подсчитана в газете «Франкфуртер Цайтунг» 9 апреля; далее см.: Doc. Ctr. 43/1, а также: Dienstvorschrift fuer die SA der NSDAP (SADV), 1.10.1932. S. 82.

[61] См.: *Krebs A.* Op. cit. S. 138 f.

ция на них, в которой не заметно было ни удивления, ни тем более возражений и которая ясно показала успех того курса на внутреннее подчинение в партии, какой Гитлер проводил так упорно и с таким педантичным усердием. Многое сослужило ему тут службу. Движение всегда осознавало себя как харизматическое боевое сообщество, основанное на принципе фюрерства и слепой дисциплине, и именно в этом оно черпало свою динамичную уверенность в отличие от традиционных партийных интересов и программ. В то же время у него была возможность опираться на прошлое и опыт именно «старых борцов». Почти все они принимали участие в Первой мировой войне и прошли школу неукоснительного выполнения приказа. К тому же многие происходили из семей, чьи педагогические идеалы определялись жесткой этикой кадетских корпусов. Гитлер вообще использовал своеобразие авторитарной системы воспитания, и конечно не случайно, что по крайней мере 20 из 73 гаулейтеров в свое время были учителями[62].

После обоих сравнительно легко преодоленных внутрипартийных кризисов лета 1930 года в НСДАП не осталось никакой власти или авторитета, кроме Гитлера. Опасность, исходившая от Отто Штрассера, Стеннеса или фон Пфеффера, была, может быть, и не так велика, но их имена теоретически означали альтернативу, ставившую предел претензии на абсолютную власть. Теперь же командующий СА в Южной Германии Август Шнейдхубер[63] заявил в одной из служебных записок, что возрастающее значение и притягательная сила движения — вовсе не заслуга его функционеров, они зиждутся «только на пароле "Гитлер", объединяющем всех»[64]. Окруженный усердными и льстивыми пропагандистами, фюрер в атмосфере нарочитого смешения религиозной и светской сфер вырастал в одинокую монументальную фигуру-символ, недосягаемую для каких-либо оценок или критики, не зависящую от результатов внутрипартийного голосования. Одному из своих

---

[62] См.: *Tyrell A.* Op. cit. S. 270.

[63] Отставной полковник Август Шнейдхубер ((8.5.1887—30.6.1934) в 1929—1931 годах командовал группой СА «Юг» (Мюнхен), в 1931 году — группой СА «Запад» (Кобленц). В феврале 1933 года назначен на один из важнейших постов — руководителем VII обергруппы СА со штаб-квартирой в Мюнхене. — *Прим. науч. ред.*

[64] Из служебной записки заместителя командующего СА в Южной Германии от 19.9.1930. Doc. Ctr. 43/11. Bl. 1.

последователей, обратившихся к нему с жалобой на своего гаулейтера, он обидчиво ответил в письме, что он не «лакей» партии, а ее основатель и вождь, а каждая жалоба свидетельствует о «глупости» либо «бесцеремонности», а также о «бессовестном намерении изобразить меня еще большим слепцом, чем первый попавшийся партийный скандалист». Один из наблюдателей писал тогда, что печать НСДАП, по сути, вся заполнена восхвалением Гитлера и нападками на евреев[65].

Конечно, снова появились жалобы, что Гитлер удаляется от своих сторонников и слишком уж подчеркивает расстояние между собой и ними. Так, Шнейдхубер сетовал, что чувство отчуждения охватило «почти каждого штурмовика»: «СА борется с фюрером за его душу и до сих пор не обрела ее Но должна обрести». Далее он писал о том, что люди «взывают к фюреру», но что на зов этот отклика нет. Не случайно приветствие и боевой клич «Хайль Гитлер!», введенный Геббельсом в Берлине и употреблявшийся и раньше, теперь проник повсюду. На афишах все реже упоминалось об ораторе «Адольфе Гитлере», зато все чаще на них стояло слово «фюрер» — безымянное и почти абстрактное понятие. Во время своих поездок по стране он очень не любил, когда в холлах отелей или в партийных офисах его окружали взволнованные партийцы — его угнетали их излишняя близость и усердие. Он разрешал, да и то очень неохотно, чтобы ему представляли только испытанных членов партии, и избегал всякого светского общения с незнакомыми людьми.

Разумеется, он умел, особенно после того как избавился от некоторых неуклюжих привычек, и показать себя: то это был галантный собеседник в дамском обществе, то свой брат-рабочий с простецкими манерами или же по-отечески добрый товарищ, в сердечном порыве склонявшийся к светловолосым детским головкам. «Что касается торжественных рукопожатий и исполненных значения взглядов, то тут ему нет равных», — заметил один из современников. Но ближайшее-то окружение не могло не видеть, сколько во всем этом было расчетливого актерства. Он постоянно думал о том, какое про-

---

[65] *Miltenberg W. v.* Adolf Hitler — Wilhelm III. S. 74. S. 18; по поводу конфликта с известным партийным оратором Германом Фридрихом, перешедшим к национал-социалистам из КПГ и вступившим затем в упомянутый конфликт с Гитлером, см.: *Friedrich H., Neumann F.* Vom Sowjetstern zum Hakenkreuz. Karlsruhe, 1928. S. 20 ff.

изведет впечатление на публику, и в своих расчетах делал ставку и на народность, и на трогательность или величие жеста. Никто не проявлял столько внимания к своему имиджу, никто так не ощущал необходимости во что бы то ни стало вызывать интерес. Точнее других он понял, что значил для того времени тип «звезды» и насколько политик подчинен тем же законам. Из-за слабого здоровья он уже довольно давно не курил, а со временем был вынужден отказаться и от алкоголя. Теперь он использовал оба эти обстоятельства, чтобы произвести впечатление аскета, далекого от радостей жизни. Понимание им своей роли делает его несомненно самой современной фигурой немецкой политики тех лет. Во всяком случае, он гораздо лучше угождал потребностям демократического массового общества, чем его антагонисты — от Гугенберга до Брюнинга. Они как раз не умели эффектно подать себя, что и доказывало, насколько они и по происхождению, и по своим корням были феноменом прошлого.

Никто с этих пор не мог бы утверждать, что оказывает хоть какое-то заметное влияние на Гитлера. Времена Дитриха Эккарта и даже такого человека как Альфред Розенберг давно прошли. «Я никогда не ошибаюсь! Любое мое слово принадлежит истории!» — воскликнул он в своем первом объяснении с Отто Штрассером. Его желание чему-либо учиться шло на убыль по мере того, как он все более претендовал на роль «фюрера-папы». Всегда окруженный только восторженными почитателями и далеко не интеллектуальной свитой, он и в духовном плане постепенно попадал в растущую изоляцию. В его кумире Карле Люгере его восхищал когда-то пессимистический взгляд на людей, а теперь он и сам почти не скрывал пренебрежения как своими приверженцами, так в равной степени и противниками. Послушный своему консервативному инстинкту, он упрямо твердил, что человек зол и испорчен по природе, что люди — это «насекомые, расползшиеся по земле», как он выражался в одном из писем. И далее: «Широкие массы слепы и глупы, они не ведают, что творят»[66].

---

[66] Об этом говорится и в уже не раз упоминавшейся речи в гамбургском «Национальном клубе». Op. cit. S. 97, и в упомянутом письме от 2.2.1930 одному члену партии, имя которого не названо; опубликовано в: VJHfZ, 1966. H. 4. S. 464. К замечаниям О. Штрассера, который тоже, возможно, сгустил краски, см.: *Strasser O.* Mein Kampf. S. 98. S. 43.

Он презирал людей и поэтому, использовав их, бросал без всякой жалости. Без конца он кого-то свергал, наказывал или выдвигал, менял людей и занимаемые ими должности, и это, конечно, было одной из предпосылок его успехов. Он уже знал по опыту, что последователи жаждут именно такой бесцеремонности и безмерной требовательности. Он беспощадно гнал своих агитаторов в предвыборные схватки. Основное ядро функционеров и помощников партии пришло из традиционно аполитичных слоев населения, у них была нерастраченная энергия, и они, не задумываясь, окунулись в постоянную предвыборную борьбу, с радостью сделав ее своей профессией. Их лихость эффектно отличалась от той рутинной вялости, с которой традиционные партии отделывались от своих обязанностей в ходе предвыборной борьбы. Только за последние два дня перед выборами национал-социалисты провели в Берлине 24 больших митинга. Их плакатами были оклеены все стены, все дома и заборы, они окрасили город в жесткий красный цвет. Партийные газеты, отпечатанные гигантскими тиражами, по цене в один пфенниг передавались членам партии для раздачи по домам или предприятиям. Сам Гитлер за время между 3 августа и 13 сентября был главным оратором более чем на двадцати крупных митингах. Для него напряженная агитационная работа его приверженцев была своего рода отборочным экзаменом. «Теперь мимо навозной кучи просто проносится магнит, а потом мы увидим, сколько железа было в этой навозной куче и сколько его притянул магнит»[67].

Выборы были назначены на 14 сентября 1930 года. Гитлер рассчитывал на 50, а в минуты хорошего настроения даже на 60—80 мандатов. Он полагался на избирателей распадающегося буржуазного центра, на молодежь, впервые получившую право голоса, а также на людей, долгие годы не участвовавших в выборах; по всей политической логике они должны были голосовать за него — конечно, если вообще явятся на избирательные участки.

---

[67] *Heiden K.* Hitler. Bd. 1. S. 272.

Глава II

ЛАВИНА

> Подходящий момент требует и подходящих способов борьбы. Первый этап — это изучение противника, второй — подготовка, а третий — атака.
>
> *Адольф Гитлер*

День 14 сентября стал одним из поворотных пунктов в истории Веймарской республики: он ознаменовал собой конец демократического режима и возвестил о начавшейся агонии государства в целом. Когда около трех часов ночи стали известны результаты выборов, все изменилось. Одним махом НСДАП пробилась к самому порогу власти, а ее руководитель — этот одними обожаемый, другими высмеиваемый барабанщик Адольф Гитлер — превратился в одну из ключевых фигур на политической сцене Германии. Национал-социалистическая пресса ликовала: судьба республики решена, теперь начинается сражение в процессе преследования.

На зов НСДАП откликнулось не менее 18 % участников выборов. За те почти два года, что прошли со времени последних выборов, партии удалось увеличить число поданных за нее голосов с 810 тысяч до 6,4 миллиона, а вместо 12 мандатов она получила даже не 50, на которые рассчитывал Гитлер, а целых 107. Это поставило ее на второе место, сразу же за СДПГ[1]. История партий не знает подобных прорывов. Что касается буржуазных партий, то одна лишь партия католического Центра отстояла свои позиции, зато все другие понесли чувствительные потери[2]. Четырем центристским партиям досталось всего 72 места в парламенте, а за Немецкую национальную народную партию Гугенберга было подано 7 % голосов вместо 14,3 % на прошлых выборах — ее связи с более радикальным партнером оказались для партии

---

[1] По результатам этих выборов СДПГ получила 143 мандата и сохранила крупнейшую фракцию в Рейхстаге (хотя по сравнению с предыдущими выборами они и потеряли 10 депутатских мест). — *Прим. науч. ред.*

[2] «Центр» получил 68 мандатов (вместо 62 на прошлых выборах), Германская народная партия — 30 (вместо 24), Баварская народная партия — 19 (вместо 16). — *Прим. науч. ред.*

самоубийственными. Поскольку ей досталось всего 41 место в Рейхстаге, она была теперь не только внутренне, но и внешне подчинена НСДАП, в то время как претензии Гитлера на руководство правыми силами нашли впечатляющее подтверждение. Социал-демократам также пришлось примириться со значительными потерями. Одни только коммунисты — наряду с НСДАП — получили прирост числа голосов, хотя гораздо более скромный: с 10,6 до 13,1 %[3]. Тем не менее опьяненные слепой верой в историю и самодовольством, они сочли результаты выборов исключительно своим успехом и монотонно твердили: «Единственный победитель на сентябрьских выборах — это коммунистическая партия!»[4].

Современники в большинстве своем понимали историческое значение состоявшегося события. Акценты могли быть различными, но в основном его объясняли глубоким кризисом партий и политической системы и считали выражением растущего неверия в жизнеспособность либерально-капиталистического строя и вместе с тем все большего стремления к радикальному изменению всех существующих отношений. «Большинство избирателей, благодаря которым крайние партии приобрели новые мандаты, вовсе не являются радикальными — эти люди просто не верят в старые порядки». Не меньше трети избирателей начисто отвергли существующий порядок, не зная, да и не спрашивая, что же будет потом. Некоторые говорят о "выборах ожесточения"»[5].

Тут полезно вспомнить о тех тяжелых обстоятельствах, а заодно и о той половинчатости, которые десятью годами раньше определили облик республики и сделали ее, по сути дела, «ничейным» государством. Теперь все это мстило за себя. Собственно, республике так и не удалось добиться от нации

---

[3] Их представительство в Рейхстаге увеличилось 54 до 77 депутатских мандатов и они образовали третью по численности фракцию. — *Прим. науч. ред.*

[4] Remmele H. In: Die Internationale. Nr. 13, S. 548, цит. по: Bracher K.D. Auflösung. S. 365.

[5] Из передовицы «Франкфуртер Цайтунг» от 15.9.1930. См. кроме того: статью В. Абегга в газете «Берлинер Тагеблатт» от 9.11.1930. Доклад регирунгспрезидента Кобленца от 14.2.1931 также свидетельствует о том, что люди, голосовавшие за НСДАП, являются не столько сторонниками Гитлера, сколько противниками правящей власти; см.: Heyen F. J. Op. cit. S. 49 f.

чего-либо большего, чем снисходительно-терпимое отношение. В историческом сознании многих она была всего-навсего периодом междувластия: феноменом переходного периода, не создавшим «ничего впечатляющего», «ничего воодушевляющего», «ничего дерзко-смелого», как говорил один из романтически настроенных критиков республики[6]. Подобно ему, все более широкие слои и правых и левых ждали, что государство вспомнит о своей функции и вернется к своему традиционному облику. Все до того подавляемые сомнения в партийно-демократическом режиме, все до поры до времени дремавшее пренебрежение к парламентаризму, «чуждому немцам», теперь, в атмосфере порожденного кризисом отчаяния, вырвалось наружу и обрело такую убедительность, с которой не могли справиться никакие логические доводы. Тезис Гитлера, повторенный тысячекратно, что это государство — не что иное, как дань врагам и худшее из кабальных условий Версальского договора, не мог не вызвать резонанса в широких кругах.

Странно, но в подобном же тоне были выдержаны и многочисленные отклики из-за рубежа. Особенно английские и американские газеты расценивали результаты выборов как реакцию на абсурдную суровость мирного договора и двуличную практику держав-победительниц. Одна только Франция была в общем-то возмущена, хотя втайне надеялась, что правоэкстремистские тенденции дадут и повод, и оправдание для более жесткой политики по отношению к ее соседу за Рейном. Вместе с тем из общего возбужденного хора впервые выделился один из тех голосов, которые с этих пор в течение целого десятилетия сопровождали политику Гитлера и прикрывали его перегибы и аморальность, поскольку видели в нем орудие для достижения собственных целей. Лорд Ротермир[7] писал в газете «Дейли мейл», что в победе этого человека не следует видеть одну лишь угрозу, надо понять, что в ней заключены и «некоторые преимущества». «Поскольку он возводит усиленный заслон против большевизма, он устраняет великую опас-

---

[6] *Spengler O.* Preussentum und Sozialismus. München, 1919. S. 11.

[7] Гарольд Сидни Хермсуорт, с 1919 года 1-й виконт Ротермир (1868—27.11.1940) — один из крупнейших британских медиамагнатов того времени, основатель «Глазгоу дейли рекорд», «Дейли мирор» и др. Кроме того, контролировал «Дейли мейл» и ряд других влиятельных газет. Какое-то время сочувствовал фашистам. — *Прим. науч. ред.*

ность того, что поход Советов против европейской цивилизации достигнет Германии»[8].

Успех НСДАП в значительной степени объяснялся удавшейся мобилизацией молодежи, а также аполитичных людей, прежде не голосовавших: по сравнению с 1928 годом число участвовавших в выборах возросло более чем на 4,5 миллиона человек и поднялось до 80,2 % избирателей. На те же слои опирались, хотя и в меньшем объеме, и коммунисты; примечательно, что свою предвыборную кампанию они вели под подчеркнуто национальными лозунгами. О том, насколько сами национал-социалисты были ошеломлены своим успехом, говорит тот факт, что они выставили далеко не всех полагавшихся им 107 кандидатов, да их у них по всей вероятности сначала и не было[9]. Гитлер сам не выставлял свою кандидатуру, поскольку у него все еще не было немецкого гражданства.

Результаты выборов часто называли «обвальными», но едва ли не еще более роковыми были их последствия. В атмосфере замешательства, царившей в ночь после выборов, возникли дикие слухи о планах национал-социалистического путча. Это привело к значительному оттоку иностранного капитала и тем самым к дальнейшему обострению и без того катастрофически тяжелого кредитного кризиса. В то же время общественность как бы в едином порыве внезапно с интересом и любопытством обернулась к новой партии. Конъюнктурщики, люди, просто озабоченные положением, и почуявшие шанс оппортунисты приспосабливались к новому соотно-

---

[8] См.: Daily Mail, 24.9.1930, цит. по: VB, 25.9.1930. Характерно, что статья лорда Ротермира начиналась с призыва изменить представление о Германии: «Для нас она до сих пор своего рода военнопленный. В отличие от других народов она не свободна. Обретение ею полной национальной свободы мы поставили в зависимость от платежей и условий, которые мы навязали ей против ее воли... Разумно ли настаивать на последней букве закона?» Заканчивалась статья так: «Для блага западной цивилизации было бы лучше всего, если бы в Германии у руля оказалось правительство, руководствующееся теми же здоровыми принципами, с помощью которых Муссолини обновлял Италию последние восемь лет».

[9] Одному из этих кандидатов-«везунчиков», которые неожиданно для себя попали в Рейхстаг, некий предприниматель задал вопрос о том, как же он представляет себе отмену выплаты процентов по долгам, и тот не смог ничего ответить; см.: *Tyrell A.* Op. cit. S. 302.

шению сил. Особенно целая армия вечно бдительных журналистов спешно искала возможность подключиться к этой «волне будущего» и своими обильными репортажами компенсировала традиционную слабость нацистской печати. Членство в НСДАП стало «модным». Еще весной в нее вступил один из сыновей кайзера, принц Август Вильгельм (Ауви), заметив при этом: туда, где руководит Гитлер, может спокойно вступать каждый. Теперь же в партию пришел Ялмар Шахт[10], один из соавторов плана Юнга, прежде защищавший этот план от критики со стороны национал-социалистов. Его примеру последовали многие другие. За два с половиной месяца, оставшихся до конца года, число членов НСДАП возросло почти на сто тысяч и достигло 389 тысяч. Союзы по интересам, следуя явной тенденции, в свою очередь, приспосабливались к новой расстановке сил, «и в руки НСДАП почти сами собой шли связи и позиции, которые значительно способствовали дальнейшему расширению и укреплению движения»[11].

«Как только к нам с криками «ура!» кинутся массы, мы пропали», — уверял Гитлер за два года до этого, в 1928 году на Мюнхенском съезде командиров СА, а теперь Геббельс презрительно говорил о «сентябрятах», добавляя: «Часто я с грустью и умилением вспоминаю о тех прекрасных временах, когда мы во всей стране были просто-напросто маленькой сектой, а в столице у национал-социалистов едва ли набиралась дюжина сторонников»[12].

Они опасались, что масса людей без мировоззрения затопит партию, подорвет ее революционную волю, а потом при

---

[10] Ялмар Шахт (22.1.1.1877—3.6.1970) с 1916 года был директором частного Национального банка Германии, с 1920 года — его владелец; имел репутацию выдающегося профессионала-финансиста. В 1922 году, после объединения Национального банка и Дармштадтского банка торговли и промышленности в «Данат-Банк», Шахт стал одним из крупнейших банкиров Германии. В 1923 году был осуществлен план Шахта, остановивший огромную инфляцию и стабилизировавший марку. С декабря 1923 года — президент Имперского банка. В марте 1930 года в знак протеста против принятия плана Юнга ушел в отставку. В марте 1933 года он вновь стал президентом Имперского банка, а в 1934 году одновременно занял пост имперского министра экономики. — *Прим. науч. ред.*

[11] По утверждению К. Д. Брахера, см.: *Bracher K.D.* Diktatur. S. 201.

[12] Der Angriff, 2. 11. 1931, перепечатано в Wetterleuchten. S. 213 f.

первых же неудачах моментально разбежится — как это случилось с памятным «инфляционным притоком» в НСДАП в 1923 году. В одном из меморандумов, появившемся спустя пять дней после выборов, говорилось: «Мы не имеем права тащить на себе трупы отжившей свое буржуазии»[13]. Но сверх ожидания партии не составило особого труда свалить все новое пополнение, как писал Грегор Штрассер, «в большой котел национал-социалистической идеи» и переплавить его в нем. Пока соперники движения все еще были заняты поисками успокоительных формул, оно стремительно набирало ход вперед. Верный своей психологической максиме, что наилучший момент для атаки наступает сразу же за победой, Гитлер, не мешкая, развернул после 14 сентября серию мероприятий, принесших партии новые успехи. На выборах в городской совет Бремена 30 ноября ей удалось собрать почти вдвое больше голосов, чем на выборах в Рейхстаг и получить более 25% мандатов, тогда как все другие партии понесли существенные потери. Сходные результаты были достигнуты в Данциге, Бадене и Мекленбурге.

13 октября в обстановке сумятицы и треволнений собрался Рейхстаг. В знак протеста против все еще действовавшего в Пруссии запрета на ношение нацистской униформы депутаты от НСДАП, переодевшись в здании парламента, с криками и явно угрожающими жестами явились в зал заседаний в коричневых рубашках. В своей пламенной речи Грегор Штрассер объявил борьбу «системе бесстыдства, коррупции и преступности». Его партия, говорил он, не испугается и такого крайнего средства как гражданская война, и Рейхстаг не сумеет ей помешать; все решает народ, а народ — на ее стороне. Между тем на улицах провоцировались драки с коммунистами, а Геббельс впервые организовал погром еврейских магазинов и насилие по отношению к прохожим с еврейской внешностью. На вопрос об этом Гитлер ответил, что эксцессы — дело рук хулиганов, магазинных воришек и коммунистических провокаторов. Газета «Фёлькишер Беобахтер» добавила, что в Третьем рейхе витрины еврейских магазинов будут защищены надежнее, чем теперь, при марксистской полиции. Одновременно забастовали более 100 тысяч метал-

---

[13] Согласно упоминавшейся служебной записке А. Шнейдхубера от 19.9.1930. Doc. Ctr. 43/11. Относительно упомянутого письма Грегора Штрассера см.: *Tyrell A.* Op. cit. S. 340.

листов, причем их поддерживали и коммунисты, и национал-социалисты. Все это создавало картину всеобщего развала существующего строя.

Гитлер сам, казалось, и теперь ни на миг не колебался в вопросах своей тактики. Вдобавок к незабытым урокам 1923 года он понял, что даже разлагающийся, распадающийся строй неизмеримо сильнее любой уличной атаки. Романтическим «р-р-революционерам» своей партии, не мыслившим себе революции без порохового дыма и сразу же после 14 сентября опять заговорившим о марше на Берлин, о революции и рукопашных схватках, он снова и снова противопоставлял свою концепцию легальности, хотя и не скрывал ее чисто тактических мотивов. Так, в Мюнхене он заявил: «В принципе мы — не парламентская партия, ибо это противоречило бы всем нашим взглядам. Мы были вынуждены стать парламентской партией, и принудила нас к этому конституция... Победа, которую мы только что одержали, есть не что иное, как обретение нового оружия для нашей борьбы». Цинично, но в сущности в полном соответствии с этим Геринг говорил: «Мы боремся против этого государства и нынешней системы, то есть хотим их уничтожить без остатка — но легальным путем. Пока не было закона о защите республики, мы говорили, что ненавидим это государство. С тех пор как закон этот существует, мы говорим, что любим это государство. Однако же каждый знает, что мы имеем в виду»[14].

Строгий курс Гитлера на легальность не в последнюю очередь объяснялся тем, что он опасался рейхсвера. Именно из-за этого он, как признавался впоследствии, вынужден был отказаться от мысли о государственном перевороте[15]. Дело в том, что власть и влияние рейхсвера росли по мере того, как все более распадалось общественное устройство. Путч и запрет контактов с только что сформированными СА значительно ухудшили их взаимоотношения. Поэтому Гитлер еще в марте

---

[14] Цит. по: *Bullock A.* Op. cit. S. 159, а также: Frankfurter Zeitung, 26.9.1930. См. в этой связи кроме того: *Hitler A.* Mein Kampf. S. 379: «Движение является... антипарламентским, и даже его участие в парламентском институте может иметь смысл лишь тогда, когда оно направлено на его развал, на ликвидацию того учреждения, в котором мы должны видеть одно из тяжелейших проявлений деградации человечества».

[15] Hitlers Tischgespräche. S. 364.

1929 года сделал армии некое осторожное предложение. В одной из своих целенаправленных речей он отверг лозунг о «солдате вне политики», сформулированный в свое время генералом фон Сектом, и предсказывал офицерам, что после победы левых их ожидает будущее «палачей и политкомиссаров». Тем великолепнее казались на этом фоне его собственные планы, имеющие целью величие нации и честь ее оружия[16]. Речь эта благодаря ее точной психологической направленности, естественно, оказала влияние на офицеров, особенно молодых. Спустя несколько дней после сентябрьских выборов в имперском суде Лейпцига начался суд над тремя офицерами гарнизона Ульма, которые вопреки указанию военного министерства установили связь с НСДАП и агитировали за нее в своих частях[17]. По предложению своего адвоката Ганса Франка Гитлер явился на процесс в качестве свидетеля. Вызвавший большой общественный резонанс процесс дал ему возможность продолжить уже публично свои попытки сближения с рейхсвером и одновременно эффектно изложить свои политические цели. 25 сентября, на третий день процесса, он вошел в зал заседаний суда как человек, уверенный в успехе, как руководитель партии, только что одержавшей победу.

Во время допроса Гитлер заявил, что его убеждения объясняются тремя причинами. Это, во-первых, отовсюду угрожающая опасность подрыва чистоты национального начала, опасность интернационализма; во-вторых, это обесценивание личности и подъем демократического сознания; в-третьих, это угроза отравления немецкого народа ядом пацифизма. Он еще в 1918 году начал борьбу за то, чтобы противопоставить этим тревожным тенденциям партию фанатичного немецкого национального духа, абсолютного подчинения авторитету вождя и несгибаемой воли к борьбе. Но он никоим образом не выступает против вооруженных сил. Кто разлагает армию — тот враг народа, а что касается СА, то они заду-

---

[16] Цит. по: *Schüddekopf O.E.* Heer und Republik. S. 281 ff.

[17] Это были офицеры 5-го артиллерийского полка — лейтенанты Ганс Людин, Рихард Шерингер и обер-лейтенант Ганс Фридрих Вендт. Кроме Франка подсудимых защищал также Карл Зак. Они были признаны виновными и приговорены к 18 месяцам заключения в крепости. Людин во времена Третьего рейха стал крупным дипломатом. Шерингер (13.9.1904—9.5.1986) еще в заключении порвал с НСДАП и затем стал фанатичным коммунистом и оставался таковым до конца жизни. — *Прим. науч. ред.*

маны вовсе не для того, чтобы нападать на государство или конкурировать с рейхсвером.

Будучи затем опрошен относительно легальности его борьбы, Гитлер самоуверенно ответил, что СА не нуждаются в применении силы. «Еще пара-тройка выборов, и национал-социалистическое движение завоюет в парламенте большинство; тогда мы совершим национальную революцию». На вопрос, что он имеет в виду, Гитлер заявил:

«Понятие "национальная революция" всегда считают чисто внутриполитическим. Но для национал-социалистов это только оживление порабощенного немецкого национального духа. Германия закабалена мирным договором. Все немецкое законодательство в настоящий момент — не более чем попытка укоренить мирные договоры в сознании немецкого народа. Для национал-социалистов же эти договоры — не закон, а нечто навязанное нам извне. Мы не признаем своей вины в развязывании войны и выступаем против того, чтобы отягощать этим еще и будущие поколения, которые уж совсем ни в чем не повинны. Мы будем выступать против этих договоров как дипломатическим путем, так и полностью игнорируя их. Если мы будем отвергать их любыми средствами, то это и будет путь революции».

В этом возражении, повернувшем понятие «революции» против внешнего мира, умышленно ничего не было сказано о внутриполитических планах. На вопрос председателя, будет ли направленная против внешнего мира революция применять нелегальные методы, Гитлер, не колеблясь, подтвердил: «Любые средства, в том числе и те, которые с точки зрения других стран считаются нелегальными». Будучи спрошен о многочисленных угрозах в адрес так называемых внутренних предателей, Гитлер ответил: «Я здесь поклялся перед лицом всесильного Господа. И я говорю вам: если я приду к власти легально, то создам на законном основании государственные суды, которые в соответствии с законом осудят людей, ответственных за несчастья нашего народа. Тогда, возможно, вполне легально покатятся некоторые головы»[18].

---

[18] Высказывание Гитлера передано не полностью и не соответствует протоколу; в приведенных здесь цитатах сведены воедино различные тексты, имеющие отношение к данному аспекту. См. попытку реконструировать дословный текст по сообщениям в печати, предпринятую Петером Бухером: *Bucher P.* Der Reichswehrprozess. S. 237 ff.

Аплодисменты, которыми наградила его галерка, были характерны для настроения, царившего в зале. Возражения Министерства внутренних дел, представившего более чем достаточные доказательства антиконституционной деятельности НСДАП, не были услышаны. Без какой-либо видимой реакции суд воспринял заключительное заявление Гитлера о том, что он чувствует себя связанным Конституцией только во время борьбы за власть, но, став обладателем конституционных прав, он эти права либо отменит, либо же заменит другими. И в самом деле, согласно тогдашним теориям устранение Конституции легальными методами не противоречило собственно идее демократической Конституции. Суверенитет народа включал в себя также и отказ народа от суверенитета. Здесь-то и была та лазейка, через которую Гитлеру без особых помех удалось проникнуть, а затем парализовать всякое сопротивление, завоевать государство и подчинить его себе.

Но за формальными уверениями Гитлера в приверженности Конституции стояло не только издевательски-неприкрытое намерение не прибегать к силе всего лишь до тех пор, пока он не сможет набросить на нее мантию из параграфов. Дело в том, что Гитлер явно стремился придать своим словам о верности принципу легальности тревожащую двусмысленность. Уверяя, что он «твердо, как гранит, стоит на почве легальности», он одновременно поощрял своих сторонников к диким, безудержным речам, в которых сила выражалась, правда, в основном в виде образов и устрашающих метафор. «Мы грядем как враги! Как волк врывается в овечье стадо, так грядем и мы». Строго говоря, легальными были только декларации партийной верхушки, в то время как в низах, на задних дворах берлинского района Веддинг, на ночных улицах Альтоны или Эссена, царили убийства, смертельные схватки и пренебрежение законностью, свидетельства которого кое-кто, пожимая плечами, расценивал всего лишь как «эксцессы местных подразделений». Чисто риторический характер этих заверений Геббельс раскрыл в разговоре с одним из молодых офицеров, которого в Лейпциге в конце концов все же осудили, — лейтенантом Шерингером. Ему-то Геббельс и сказал с ухмылкой: «Я считаю эту клятву [Гитлера] гениальным шахматным ходом. Что после нее эти братиш-

ки могут против нас сделать? А они-то только и ждали случая нас подловить. Но теперь мы — законные, просто-таки законные в законе»[19].

Именно неясность в том, что касается взглядов Гитлера, постоянное чередование у него клятв в верности Конституции с угрозами составляло суть его политики. Подобное поведение, с одной стороны, успокаивало широкую публику, а с другой — не избавляло ее от того чувства тревоги, которое порождает столь большое число перебежчиков и ренегатов. В то же время в этом поведении Гитлера люди, в руках которых находились рычаги власти, особенно Гинденбург и командование рейхсвера, разглядели предложение о союзе, но опять-таки и предупреждение о невозможности ставить движению определенные условия. И, наконец, Гитлер завладел воображением тех своих сторонников, кто все еще ждал марша на Берлин, и, словно заговорщически подмигивая, давал им понять, что гениальный фюрер обведет вокруг пальца любого противника. В этом смысле роль лейпцигской клятвы нельзя недооценивать. А в общем плане Гитлер обнаружил своей открытой в любую сторону тактикой не только хитроумный и точный расчет, но и свой собственный характер, потому что эта тактика отражала его глубочайшую внутреннюю нерешительность. Правда, она одновременно была и очень рискованной, требовала высокого умения балансировать на грани фола. Если бы он потерпел неудачу, ему оставалось только либо пойти на опрометчивый и почти бесперспективный путч, либо уйти из политики.

Идея тактики Гитлера, а также и вся ее рискованность и все ее трудности самым наглядным образом воплощались в СА. Согласно запутанной концепции Гитлера его коричневая партийная армия должна была соединять в себе законность с романтикой политического воинства, отказ от вооружения — с культом оружия. Именно на этом парадоксальном требовании, в частности, споткнулся фон Пфеффер. В начале 1931 года его на посту начальника штаба сменил

---

[19] Scheringer R. Das grosse Los. S. 236; Der Angriff. S. 73 (30.4.1928). А. Кребс рассказывал потом, что весной 1932 года Гитлер призывал гамбургскую партийную прессу к «подстрекательству масс на революционные действия» *Krebs A.* Op. cit. S. 154.

Эрнст Рём[20]. Он сразу же стал вновь перестраивать СА по военному образцу. Вся территория страны была разделена на пять обергрупп[21] и 18 групп[22], штандартам (полкам) СА были присвоены номера бывших кайзеровских полков, а целая система специальных подразделений СА — летных, морских, инженерных, санитарных — только подчеркивала армейскую структуру организации. Одновременно Рём приказал свести все многочисленные отдельные инструкции фон Пфеффера в единый Устав СА. Словно подчиняясь какой-то механической воле, он всеми своими планами стремился превратить СА в армию гражданской войны. В отличие от 1925 года Гитлер предоставлял ему свободу действий, но не только потому, что теперь больше уверовал в свой авторитет. Дело было в том, что концепция Рёма поддерживала его собственный неоднозначный курс. Если посмотреть в целом на реформы в СА, начатые после снятия фон Пфеффера, то нельзя не заметить в них все признаки фиктивных гитлеровских реформ: решение основных вопросов подменялось сменой некоторых руководящих деятелей, клятвами верности и созданием конкурирующей структуры[23]. Ибо под давлением не прекращавшихся трудностей в отношениях с СА Гитлер исподволь, практически в обход Рёма начал расширять СС, которые до этого хоть и были элитой, ударным отрядом и «внутренней охранкой» партии, прозябали на задворках — к началу 1929 года они насчитывали всего 280 человек. Позднейшее окончание этой реформы походило на финал всех остальных: тенденции, непреодолимо ведущие к конфлик-

---

[20] Как уже и указывалось выше, Франц Пфеффер фон Заломон был снят с поста Верховного руководителя СА 29 августа 1930 года, и его место занял лично Гитлер. Эрнст Рём же был назначен 5 января 1931 года начальником штаба СА — на этом посту он сменил своего предшественника Отто Вагенера. — *Прим. науч. ред.*

[21] Пять обергрупп СА было сформировано Рёмом в июле 1932 года (к январю 1934 года их число увеличилось до десяти). — *Прим. науч. ред.*

[22] В ходе проведенного реформирования СА Рёмом в 1931 году территория Германии была разделена на 21 группу СА (еще одна действовала в Австрии). — *Прим. науч. ред.*

[23] См.: *Sauer W.* In: *Bracher K.D., Sauer W., Schuiz G.* Die nationalistische Machtergreifung. S. 851; о развитии и роли СС см.: *Höhne H.* Op. cit. S. 30 ff; Ebd. S. 57 f.; численность рядов СС: январь 1929 года — 280 человек, декабрь 1929 года — 1000, декабрь 1930 года — 2727 человек.

ту, нашли свое разрешение в диком, кровавом и внезапно нанесенном ударе.

Под руководством Рёма СА превратились в массовую армию, которая благодаря необычайному организаторскому дару нового начальника штаба к концу 1932 года насчитывала в своих рядах уже более полумиллиона человек. Привлеченные общежитиями и питанием, в СА потянулись бесчисленные безработные. Их ненависть к обществу и подспудные обиды активистов-авантюристов на то же общество слились в агрессивный потенциал беспримерной силы. Сам Рём немедленно занялся основательной чисткой командного состава от ставленников фон Пфеффера, ставя на их место своих друзей-гомосексуалистов. За ними в СА проникла целая банда темных личностей, и вскоре уже заговорили о том, что Рём, дескать, создал свою «частную армию внутри частной армии». Оппозицию этому Гитлер приструнил своим знаменитым приказом, в котором он «решительно, со всей строгостью и принципиальностью» отклонял донесения об уголовных делишках высшего командования СА. Эта организация, говорилось в приказе, является «объединением людей ради политических целей, ...а не институтом благородных девиц»; главное в ней — насколько каждый из ее членов выполняет свой долг. «Частная же жизнь может быть предметом рассмотрения только в том случае, если она противоречит основополагающим принципам национал-социалистического мировоззрения»[24].

Эта охранная грамота окончательно утвердила господство беззакония внутри СА. Наперекор всем клятвам в приверженности к легальности гитлеровская армия вскоре распространила атмосферу неслыханного, парализующего страха, который, в свою очередь, служил обоснованием для непрерывных требований диктатуры. По сведениям полиции, на оружейных складах СА можно было найти все типичные виды оружия преступного мира: кистени, кастеты, резиновые шланги, а пистолеты на случай угрозы разоблачения носили «девочки»-оруженосцы, совсем как в преступных шайках. Жаргон этих людей также выдавал их родство с преступным миром. Так,

---

[24] Цит. по: *Bennecke H.* Hitler und die SA. S. 253 (Dok. 13). Штурмовики не должны были быть также и женаты: «Отцы семейств не годятся для уличных боев» — считал Гитлер; см.: *Hanfstaengl E.* Op. cit. S. 97.

в мюнхенских отрядах пистолеты называли «зажигалками», а резиновые дубинки «ластиками». Берлинские штурмовики с извращенной гордостью, достойной обитателей социального дна, давали друг другу клички, которые разоблачали все пропагандистские уверения о якобы революционных устремлениях этих «боевых сообществ». Один из штурмов СА (что соответствовало примерно роте) в Веддинге так и назывался — «Разбойный штурм»; отряд в центре Берлина именовал себя «Танцевальной гильдией», один из его членов носил кличку «Пивной король», другой — «Мюллер-выстрел», а третий — «Револьверная рожа»[25]. «Песня берлинских штурмовиков» точно отражает всю эту характерную смесь пролетарского чванства, культа силы и жалкой идеологии:

Пот на рабочих лбах, желудок же пустой —
Винтовку держим черной, мозолистой рукой;
Так мы стоим в колоннах, готовые к борьбе,
И только с кровью евреев свобода придет и к тебе.

Но эта страшная оборотная сторона картины проступала только на краткие мгновения. Фасадом же были стройные марширующие колонны, униформа и зычные команды, являвшиеся для нации близким и привычным символом порядка. Впоследствии Гитлер говорил, что Германия в те годы хаоса жаждала порядка и готова была заплатить за его восстановление любую цену[26]. Все чаще на странно пустынных улицах появлялись коричневые колонны, шагающие, словно на параде, с развернутыми знаменами под музыку собственных духовых оркестров. Их организованность и дисциплина разительно отличала их от бесцветных маршей нищеты, устраиваемых коммунистами, когда они под раздражающе визгливые звуки волынок беспорядочной толпой тянулись по улице и, подняв сжатые кулаки, выкрикивали: «Голод!» Это был, однако, лишь патетический образ, вызывающий в сознании картину лишений бедняков, но не указывающий никакого выхода. О том, сколько в подобных стычках все стороны

[25] См.: *Sauer W.* In: Machtergreifung. S. 847; *Broszat M.* Die Anfänge der Berliner NSDAP. In: VJHfZ, 1960. H. 1. S. 85 ff. Приведенные ниже отрывки из песни штурмовиков цит. по: Der Angriff. Op. cit. 25.6.1928.

[26] Hitlers Tischgespräche. S. 364.

проявили в те годы и самоотверженности, и отчаянного бескорыстия, свидетельствует письмо одного 34-летнего штандартенфюрера СА Грегору Штрассеру:

«Во время своей работы в пользу НСДАП я больше 30 раз представал перед судом и восемь раз был осужден за нанесение телесных повреждений, оказание сопротивления полиции и прочие проступки, сами собой разумеющиеся для любого наци. До сегодняшнего дня я все еще выплачиваю наложенные на меня денежные штрафы, а тем временем против меня возбуждено еще несколько дел. Кроме того, не меньше 20 раз я был более или менее тяжело ранен. На затылке, левом плече, на нижней губе и правом предплечье у меня множество шрамов от ножевых ран. Я ни разу не просил и не получал ни пфеннига из партийных денег, но зато сам жертвовал своим временем в пользу нашего движения, часто в ущерб своему процветающему магазину, завещанному мне отцом. Сейчас я буквально на пороге разорения...»[26].

Против подобной решимости у республики средств не было, как, впрочем, после прорыва гитлеровского движения не было у нее и сил на то, чтобы проводить курс энергичного противодействия, не опасаясь разбудить призрак гражданской войны. Защитники республики цеплялись за надежду, что натиск иррационализма удастся сломить силой разумной аргументации, и полагались на воспитывающее влияние демократических институтов, на необратимое развитие по пути к более гуманным общественным порядкам. Но к этому времени уже стало ясно, что представления, в которых прослеживались еще следы старой веры в прогресс, ошибочны, так как они предполагали присутствие разума и остроту зрения там, где уже безраздельно царила неразбериха из страха, паники и агрессивности. Недостаточная компетентность гитлеровских пропагандистов, их малоубедительные ответы на ужасы кризиса, их назойливый антисемитизм мало кого смущали, и, несмотря на самоуверенные контраргументы специалистов, национал-социалисты по-прежнему были на подъеме. Напротив, Брюнинг, предпринявший весной 1931 года поездку по Восточной Пруссии и самым нищим областям Силезии, повсюду наталкивался на прохладный, даже враждебный при-

---

[26] Из письма Вилли Феллера от 16.8.1930, цит. по: *Tyrell A.* Op. cit. S. 297 f.

ем. Толпа встречала его транспарантами со словами «диктатор голода» и нередко освистывала.

Между тем национал-социалисты все виртуознее играли в Рейхстаге свою двойную роль разрушителей и судей «системы». В отличие от прежних времен теперь они, будучи сильной фракцией, были в состоянии парализовать деятельность парламента и своими криками и беспардонными выходками еще и подчеркнуть его репутацию «говорильни». Но зато они противились любым попыткам стабилизировать положение, ссылаясь на то, что улучшение условий в конечном итоге служит только политике выполнения договоров и что любая жертва, которой требует правительство от народа, — это акт измены родине. Вместе с тем они использовали технические средства обструкции: шум, бесконечные дискуссии о порядке ведения, или же они все до одного покидали зал, как только слово получал «марксист». Агрессивность фракции, презирающей все условности, показывает и то обстоятельство, что, как явствует из доклада парламентского комитета по надзору за соблюдением процедуры, против 107 депутатов НСДАП было подано 400 жалоб. Когда в феврале 1931 года был принят закон, ограничивавший возможности злоупотреблений депутатским иммунитетом, национал-социалисты, сопровождаемые депутатами от ДНФП, а также коммунистами, вообще ушли из Рейхстага. Теперь национал-социалисты еще интенсивнее развернули работу на улицах и в залах собраний, где они — не без основания — надеялись эффективнее укрепить свою репутацию и пополнить собственные ряды. Оставшихся в парламенте Геббельс издевательски обозвал «партиями чугунных задниц» и похвалялся, что четырьмя днями позже он будет выступать не перед бессильным парламентом, а перед более чем пятьюдесятьютысячной аудиторией[27]. Правда, от демагогической затеи создать в Веймаре с помощью тюрингского министра внутренних дел Фрика антипарламент национальной оппозиции пришлось отказаться, поскольку государство пригрозило Тюрингии репрессиями.

Исход национал-социалистов из Рейхстага был, однако же, решением, не лишенным последовательности. Хотя сами же национал-социалисты сделали все возможное, чтобы парализовать Рейхстаг и лишить его всякого престижа, он и без того перестал быть центром принятия политических реше-

[27] См.: Wetterleuchten. S. 71 f. (статья, датированная 19.2.1931).

ний. Еще до сентябрьских выборов 1930 года Брюнинг, воспользовавшись статьей 48-й Веймарской конституции о праве президента страны на введение чрезвычайного положения[28], правил через голову Рейхстага, погрязшего в дрязгах. А с тех пор как пути нормального формирования парламентского большинства были блокированы, он вообще пользовался только методами чрезвычайного президентского правления, как бы упражняясь в применении форм полудиктатуры. Но тот, кто видит в этом «смертный час Веймарской республики»[29], должен все же принять во внимание следующее. Это перемещение центра тяжести власти стало возможным только потому, что отвечало стремлению практически всех партий уклониться от политической ответственности. Некоторые исследователи все еще склонны винить в повороте событий к авторитаризму «аполитичные массы». Но если «командные государственные структуры» как-то и проявляли себя, то именно в той смиренной поспешности, с какой и левые и правые партии в момент кризиса свалили ответственность на презираемого «эрзац-кайзера», чтобы только о них не подумали, будто они как-то связаны с предстоящими непопулярными решениями. Покинув Рейхстаг, национал-социалисты только проявили большую последовательность, чем остальные партии.

Недовольство многопартийным государством — по сути уже таковым не являвшимся — усиливалось еще явными неудачами правительства как во внутренней, так и во внешней политике. Политика жесткой экономии, которую Брюнинг проводил с дальним прицелом и уверенностью, дорого сто-

---

[28] Первая часть статьи давала президенту право «союзной экзекуции», а вторая распространяла это право также и на действия против «внутренних врагов» буржуазного государства. В статье, в частности, говорилось: «Рейхспрезидент может, если в рейхе общественная безопасность и порядок серьезно нарушены или подвергаются опасности, принять меры, необходимые для восстановления общественной безопасности и порядка, а в случае необходимости — вмешаться с помощью вооруженной силы. Для этой цели он может временно, полностью или частично, отменять основные права, установленные статьями 114, 115, 117, 118, 123, 124, 153», то есть отменить свободу слова, печати, собраний и союзов, право на неприкосновенность личности, жилища, собственности и тайну переписки. — *Прим. науч. ред.*

[29] Формулировка Артура Розенберга: *Rosenberg A.* Entstehung und Geschichte der Weimarer Republik. S. 479.

ившей ему самому, не устранила ни финансовых трудностей, ни кризиса сбыта. Не уменьшила она и бесчисленную армию безработных, так же как не принесла плодов в решении вопроса репараций и разоружения. В первую очередь Франция, встревоженная результатами сентябрьских выборов, противилась любым уступкам и предавалась истерическим настроениям.

В начале 1931 года застопорились и наметившиеся было попытки покончить с всеобщей экономической войной всех против всех путем заключения торгового соглашения и устранения таможенных границ. Когда же Германия и Австрия, уже по собственной инициативе, заключили двустороннее таможенное соглашение, не затрагивавшее самостоятельности обоих партнеров в области экономической политики и открытое для присоединения к нему других стран, Франция вновь увидела в этом попытку сорвать Версальский договор на решающем участке и даже заявила, что «мир на нашем древнем континенте снова находится под угрозой»[30]. Французские банки немедленно предъявили в Германии и Австрии к оплате свои краткосрочные векселя, вызвав в этих странах «гигантское банкротство» и заставив их на унизительных условиях той же осенью отказаться от своих намерений. Австрии пришлось пойти на значительные экономические уступки, а в Германии Гитлер и радикальные правые буйно веселились, видя, как упал престиж правительства, и публично издевались над его усилиями все же достичь какого-то взаимопонимания. Когда американский президент Гувер 20 июня предложил отсрочить репарационные платежи на год, во французской палате депутатов воцарилось «настроение, словно при начале войны»[31]. Поэтому Франция, которой этот план нанес особенно болезненный удар, оттягивала переговоры о нем до тех пор, пока целая цепь банкротств в Германии не обострила кризис до немыслимой степени. И в Берлине, как писал один из тогдашних современников, обстановка была похожа на канун войны[32]. По-прежнему в конце каждой рабочей недели происходили острые столкновения и уличные драки. На исходе 1931 года Гитлер, очень

---

[30] *Fransois-Poncet A.* Op. cit. P. 22 f.

[31] *Curtius J.* Sechs Jahre Minister der deutschen Republik. Heidelberg, 1948. S. 217.

[32] Сообщение британского посла от 16.7.1931. Цит. по: *Bullock A.* Op. cit. S. 173.

завысив цифру, объявил, что потери партии за прошедший год составили 50 убитых и 4000 раненых.

Как раньше в реальности, так теперь уже и в теории прогрессировал процесс отхода от демократической многопартийной системы. Оказавшись бессильным перед лицом кризиса, Рейхстаг махнул на себя рукой, а государственный авторитет отступил перед активностью уличной толпы. Все это неизбежно оживляло дискуссии о новых проектах Конституции. В многочисленных планах реформ пренебрежительное отношение к ослабевшей парламентской демократии сочеталось с опасениями перед тоталитарными концепциями правых и левых экстремистов. Угарная смесь идей, особенно у консервативных публицистов с их теориями «нового государства» или же «диктатуры правового государства», имела своей целью противопоставить радикальной альтернативе Гитлера свой собственный промежуточный вариант.

Те же намерения лежали в основе концепций возрождения Конституции в авторитарном варианте. В связи с растущей усталостью общества от демократии они серьезно обсуждались в окружении рейхспрезидента. Самыми активными защитниками таких планов, имевших своей целью путем постепенного возрождения монархии примирить демократический режим с традицией и тоской населения по прошлому, были сам Брюнинг, министр рейхсвера Грёнер[33], а также его доверенное лицо в политике, начальник канцелярии министра генерал Курт фон Шлейхер[34], который к этому времени благодаря своей близости к Гинденбургу выдвинулся в качестве главной закулисной фигуры в политической игре.

Ко времени назначения Брюнинга рейхсканцлером Шлейхер уже играл видную роль и благодаря своей ловкости, про-

---

[33] Генерал-лейтенант Вильгельм Грёнер (22.11.1867—2.9.1939) последний 1-й генерал-квартирмейстер германского Полевого Генштаба Первой мировой войны. С 25 июня 1920 года по 12 августа 1923 года он занимал пост министра путей сообщения, а с 20 января 1928 года по 30 мая 1932 года — министра рейхсвера. Обладал большими политическими амбициями и вел закулисные политические интриги, надеясь занять пост рейхсканцлера. — *Прим. науч. ред.*

[34] Генерал-майор Курт фон Шлейхер (7.4.1882—30.6.1934) с 1929 года являлся статс-секретарем министерства рейхсвера. 1 июля 1932 года назначен министром рейхсвера в кабинете Франца фон Папена. С 3 декабря 1932 года по 28 января 1933 года — рейхсканцлер. — *Прим. науч. ред.*

ницательности и хитрости настолько расширил свое влияние, что с тех пор без его согласия не назначался и не отзывался ни один рейхсканцлер, ни один министр. Его тяготение к сумеречной среде, в которой смазываются контуры политического характера, а тонкая паутина интриг становится невидимой, принесло ему вскоре репутацию «серого кардинала в военной форме». Он был циничен, как бывают циничны впечатлительные натуры, импульсивен, свободен от предрассудков и обладал темпераментом танцора на канате: ему повсюду мерещились опасности. С помощью военной контрразведки он устанавливал слежку даже за друзьями и соседями. Своеобразное сочетание легкомыслия, чувства ответственности и страсти к интриганству делало его одной из самых спорных фигур последних лет существования Веймарской республики.

Шлейхер исходил из того, что такое широкое народное движение, какое удалось мобилизовать Гитлеру, невозможно одолеть средствами государственной власти. Шоковый урок революции, в которой против офицерского корпуса внезапно выступила серая, бунтующая, страшная масса, заставил как раз наиболее разумных представителей командования рейхсвером осознать: допустить противостояния армии и народа нельзя ни в коем случае. Даже и не принимая всерьез фюрера НСДАП, которого он насмешливо называл «провидцем и кумиром глупцов», Шлейхер все же понимал побудительные причины, обеспечившие Гитлеру гигантский приток новых членов, и считался с ними. Он отнюдь не заблуждался относительно сомнительных сторон движения, той комбинации беззакония, обид и идеологического фанатизма, которую один из его сослуживцев-офицеров назвал «русским характером» партии[35]. Но как раз эти качества и побуждали его ускорить осуществление своих планов. Пока еще был жив Гинденбург, а рейхсвер в общем и целом свободен от кризисных явлений, Шлейхер верил, что у него есть шанс «воспитать» Гитлера и сковать его цепью политической ответственности. Тогда массовая армия его последователей в обстановке ограничений, налагаемых Версальским

---

[35] Речь идет о статье анонимного офицера рейхсвера «Национал-социализм и рейхсвер», которая наглядно отражает все неоднозначное отношение офицерского корпуса к гитлеровскому движению; опубликовано в: *Jacobsen H.-A., Jochmann W.* Op. cit., «23 ноября 1930 года». О личности фон Шлейхера см., напр.: *Eyck E.* Op. cit. Bd. II. S. 420 ff., а также: *Treviranus G.R.* Das Ende von Weimar. S. 248 ff.

договором, могла бы быть использована для усиления «воли к сопротивлению». Шлейхер осторожно приступил к поискам контакта с Гитлером, используя для этой цели посредничество Рёма и Грегора Штрассера.

Теми же мотивами руководствовался Альфред Гугенберг, что свидетельствовало об общем стремлении консервативных сил вернуть себе утраченную власть над неотесанным хозяином арен и залов для собраний и подчинить его своему педагогическому влиянию. Когда летом 1931 года Гинденбург пожаловался ему на «этих молодых подстрекателей» Гитлера и заявил, что не считает НСДАП «надежной национальной партией», Гугенберг самоуверенно ответил, что именно потому-то необходим союз с ними, а кроме того он, Гугенберг, думает, что уже внес свою лепту в политическое воспитание национал-социалистов[36]. Теперь и он желал выправить испорченные отношения с Гитлером — вопреки всему неудачному опыту прошлых лет.

Усилия разных сторон по сближению с Гитлером совпали с подобными же попытками самого вождя НСДАП. Он был в недоумении — его успех в сентябре до сих пор не принес никаких результатов. Исход выборов, правда, сделал его одним из главных актеров на политической сцене, но, пока оставаясь в изоляции, он в известном смысле играл «роль без слов». Один из современников[37] писал: «Гитлер потерял многие месяцы, он бездеятельно растранжирил время, которое ему теперь не вернет и сама вечность. Никакая власть на свете не вернет ему это 15 сентября, эту дрожь побежденных и растерянность властей. Тогда пробил час немецкого дуче — законно ли, нет ли, кого это заботило? Но этот немецкий дуче оказался трусливым, изнеженным существом, слишком быстро разжиревшим мелкобуржуазным мятежником, предающимся житейским радостям и с трудом соображающим, что судьба опускает его вместе с его лаврами в едкий уксус. Этот барабанщик бьет в барабан только в тылу... Брут спит»[38].

---

[36] См.: *Hubatsch W.* Hindenburg und der Staat. S. 306.

[37] Эти слова принадлежат Карлу фон Осецкому (правильнее — Осситцки) (3.10.1889—3.5.1938) — журналисту — пацифисту и антифашисту, издателю пацифистского журнала «Вельтбюне». После прихода Гитлера к власти Осецкий брошен в концлагерь, но, после того как ему в 1935 году присуждена Нобелевская премия мира, освобожден. — *Прим. науч. ред.*

[38] *Ossietzky C. v.* In: Die Weltbühne, 3.2.1931.

Поскольку приверженцы Гитлера были связаны между собой не столько политическими убеждениями, сколько неустойчивыми эмоциями, меняющимися в зависимости от момента, он действительно больше других нуждался в новых, притом ощутимых успехах. Надо сказать, что победное шествие партии продолжалось и в 1931 году. Так, на выборах в ландтаг в Шаумбург-Липпе в начале мая она собрала 26,9 % голосов, а спустя две недели в Ольденбурге — даже 37,2 %, впервые сформировав, таким образом, самую крупную фракцию в земельном ландтаге. Но по сути эти успехи были бледным слепком того, чего партии в сентябре удалось достичь во всегерманских масштабах. К власти они ее не приблизили, и если ее сторонники на площадях и узких улочках оглушительно скандировали: «Гитлер стоит у ворот!», то это звучало так, словно они еще только собирались расчистить ему дорогу к этим воротам. Да и в самих ландтагах, работу которых она также стремилась парализовать, НСДАП не могла похвастаться особыми успехами. Оставалось только на глазах выдыхающееся, все более судорожное ликование по поводу роста рядов партии, рекордного числа участников митингов или все новых мучеников идеи — тут уже был уместен тон торжественно-елейный. Весной подспудное недовольство затянувшимся застоем и нетерпение выплеснулись в бунте опять-таки берлинских СА все под тем же руководством Вальтера Стеннеса. Руководитель штурмовиков собирался осуществить отделение своих отрядов от партии и перетянуть на свою сторону колеблющегося Геббельса, но Гитлер его опередил, прислав распоряжение о снятии Стеннеса, и недовольство заговорщиков растворилось в новых заверениях и клятвах верности[39].

Вопреки своим обещаниям побороть «систему», нанося ей поражение за поражением в предвыборных битвах, Гитлер, на-

---

[39] 1 апреля 1931 года штурмовики Стеннеса вновь захватили берлинскую штаб-квартиру НСДАП, а также редакцию газеты «Ангриф», причем их действия были поддержаны подавляющим большинством командиров СА. В ответ Гитлер прекратил финансирование мятежных отрядов. После того как средства стали заканчиваться, сторонники стали покидать Стеннеса, и его «путч» завершился провалом. Изгнанный из партии, Стеннес организовал антигитлеровский Национал-социалистический революционный союз. В мае 1933 года арестован и подвергнут пыткам. Осенью 1933 года освобожден и уехал в Китай, где возглавил личную охрану и разведку Чаш Кайши. В 1939—1952 годах сотрудничал с советской политической разведкой. — *Прим. науч. ред.*

чиная с весны, явно стремился посредством какой-то широкой акции завоевать доверие и поддержку влиятельных сил. Яснее, чем когда-либо, он осознавал, что, опираясь только на успех в массах, никогда не достигнет реальной власти. Статья 48-я, сосредоточившая власть в руках президента и его ближайшего окружения, снизила вместе с властью Рейхстага и значение побед на выборах — основанием для притязания на пост рейхсканцлера было теперь не число собранных голосов, а воля президента. Поэтому завоевать Гинденбурга было в известном смысле важнее, чем получить большинство голосов.

Как обычно, Гитлер стал действовать на разных уровнях одновременно. Его лейпцигская клятва верности закону и легальности уже содержала в себе скрытое обещание благопристойного поведения и намек на возможность союза. В начале года он получил знак от фон Шлейхера: национал-социалистам было разрешено служить в пограничных войсках. В качестве ответного шага Гитлер своим указом от 20 февраля запретил штурмовикам участие в уличных схватках, и их подразделение в Касселе, вооружившееся вопреки приказу, просто распустил. В это же время Рёму в апрельском циркуляре пришлось даже заявить, что, если Гитлер станет рейхсканцлером, отряды СА будут «возможно, излишними». Грёнер в эти же дни писал одному из своих друзей: «Прекрасный Адольф весь сочится лояльностью» и вообще перестал кого-либо тревожить[40]. Когда католические епископы в остром заявлении заявили об опасности, исходящей от Гитлера, он немедленно послал имевшего широкие связи «в обществе» Германа Геринга с посреднической миссией в Рим. В интервью газете «Дейли экспресс» Гитлер высказался за интенсивное сотрудничество немцев и англичан в борьбе за отмену репараций, показал себя человеком рассудительным и зрелым и всячески подчеркивал объединяющие моменты. Вильгельм Пик[41], депутат Рейхстага от Коммунистической партии, ска-

---

[40] См.: *Gröner-Geyer D.* General Gröner. S. 279; затем: Denkschrift des Stabschefs der SA Röhm für Zwecke aktiver Information in Auslande, 22.4.1931. In: Vogelsang Th. Op. cit. S. 422 ff.

[41] Вильгельм Пик (3.1.1876—7.9.1960) был одним из основателей «Союза Спартака» (1915), арестовывался за уклонение от военной службы (1917) и в 1918 году бежал в Нидерланды. Вместе с Либкнехтом был одним из руководителей Ноябрьской революции 1919 года и тогда же стал членом ЦК КПГ. С 1928 года — депутат Рейхстага. В 1933 году, находясь в эмиграции, возглавил ЦК КПГ и в 1935 году

зал, что Красная армия готова поспешить на помощь революционным освободительным силам внутри страны. Гитлер использовал эти слова, чтобы заявить одной из американских газет, что НСДАП — это плотина на пути надвигающегося мирового большевизма. У одного из современников мы читаем: «Теперь он бранится гораздо меньше, уже не ест на завтрак евреев» и вообще старается «больше не походить на человека, который весь во власти одной мании»[42]. Его забота о добропорядочной репутации распространялась и на чисто внешние моменты. Так, он отказался от номера в маленькой, скромной гостинице «Сан-Суси», где раньше останавливался при визитах в Берлин, и впредь — не без вызова — снимал апартаменты в респектабельном «Кайзерхофе» на Вильгельмсплац, почти напротив Имперской канцелярии. Представители правых сил, уже подготовившие рецепт укрощения строптивого фюрера, уверяли друг друга, что Гитлер наконец-то встал на путь сотрудничества с государством.

Не оставил он и своих притязаний на благосклонность предпринимательских кругов, которые в общем и целом все еще проявляли сдержанность. В лице госпожи фон Дирксен, устраивавшей регулярные приемы в «Кайзерхофе» и обладавшей большими связями, он снова обрел одну из тех немолодых покровительниц, энергичности которых он был так многим обязан. Госпожа Бехштейн тоже по-прежнему хлопотала в его пользу. Другие контакты налаживались через содержавшего открытый дом Геринга и журналиста Вальтера Функа[43],

---

стал председателем ЦК. С 1946 года — председатель СЕПГ, а с октября 1949 года — первый президент ГДР. Руководил установлением в этом стране просоветского режима. — *Прим. науч. ред.*

[42] *Heuss Th.* Op. cit. S. 148 f.

[43] Вальтер Эмануэль Функ (18.8.1890—31.5.1960) с 1921 года являлся главным редактором «Берлинской биржевой газеты» (Berliner Börsen-Zeitung), с 1927 года — председателем пресс-службы Берлинского биржевого общества и Берлинской промышленной и торговой палаты. В 1928—1932 годах — руководящий член правления «Общества германской промышленной и социальной политики». С мая 1931 года — редактор издания «Политико-экономическая пресс-служба» НСДАП. С января 1933 года — пресс-секретарь правительства, с ноября 1937-го имперский министр экономики и генеральный уполномоченный по вопросам военной экономики, одновременно с января 1939 года — президент Имперского банка. На процессе в Нюрнберге приговорен Международным военным трибуналом к пожизненному тюремному заключению. В 1957 году освобожден. — *Прим. науч. ред.*

специализировавшегося по экономическим вопросам. Кроме того, Вильгельм Кеплер[44] — пострадавший от кризиса мелкий делец — привлек к движению симпатизировавших ему промышленников и основал «Кружок друзей экономики»; правда, впоследствии этот «кружок» из-за связей с Гиммлером получил чудовищную репутацию. Отто Дитрих[45], располагавший обширными семейными связями в промышленных кругах и с августа 1931 года заведовавший отделом печати НСДАП, заметил: «Летом 1931 года фюрер в Мюнхене внезапно принял решение о систематической обработке влиятельных хозяйственников, составляющих ядро сопротивления, и поддерживаемых ими партий центра». На собственном «Мерседесе-Компрессоре» Гитлер предпринял длительную поездку по всей Германии, чтобы провести доверительные переговоры. Секретности ради некоторые из них проводились «на уединенных лесных опушках, на лоне матери-природы». В имении Кирдорфа «Штрейтхоф» он провел переговоры более чем с тридцатью ведущими представителями тяжелой промышленности[46]. Грегора Штрассера и Готфрида Федера, которые в подтверждение уже отброшенных социалистических целей потребовали в Рейхстаге экспроприации собственности «банковских и биржевых воротил», Гитлер демонстративно заставил снять их предложение, а когда коммунистическая фракция со своей стороны доставила себе удовольствие внести его, не изменив ни слова, он принудил депутатов голосовать против. С тех пор Гитлер говорил о своих экономи-

---

[44] Вильгельм Кеплер (14.12.1882—13.6.1960) был членом правления многих компаний. В 1938—1945 годах — статс-секретарь по особым поручениям Имперского министерства иностранных дел, обергруппенфюрер СС. — *Прим. науч. ред.*

[45] До этого отставной лейтенант Отто Дитрих (31.8.1897—22.11.1952) был руководителем биржевого отдела «Мюнхенско-Аугсбургской газеты» и заместителем шеф-редактора «Эссенской национальной газеты», кроме того, его тесть был владельцем «Рейнско-Вестфальской газеты». С февраля 1934 года он занимал пост имперского шефа прессы НСДАП и имел в структуре НСДАП ранг рейхслейтера. — *Прим. науч. ред.*

[46] Эта встреча была вскоре продолжена в Берлине, однако, как свидетельствует Эрнст Пёнсген, все заклинания Гитлера, обращенные к промышленникам, прекратить поддержку Брюнинга, успехом не увенчались; см.: *Pönsgen E.* Erinnerungen. S. 4; *Dietrich O.* Mit Hitler in die Macht. S. 45.

ческих планах только неясными намеками. Одновременно он отмежевался от упрямца Федера и иногда просто запрещал ему публичные выступления.

Наконец, в первые дни июля Гитлер в Берлине встретился с Гугенбергом, а вскоре — с представителями «Стального шлема» Зельдте и Дуйстербергом, которые опять склоняли его к союзу. Затем состоялась встреча Гитлера с фон Шлейхером и командующим сухопутными силами генералом фон Хаммерштейном-Эквордом. Совещался он и с Брюнингом, Грёнером и вновь со Шлейхером и Брюнингом. Целью переговоров было взаимное выяснение намерений и сближение — с тем чтобы включить Гитлера в систему, против самого принципа которой он боролся, поймать его в сеть тактических союзов и, как считал генерал Грёнер, «теперь уже вдвойне, даже втройне привязать его к столпу легальности»[47]. Но никто из участников переговоров даже не подозревал, насколько тверд и непримирим был Гитлер, и все они попали на его удочку. Результат же заключался в том, что вождю НСДАП удалось вырваться из изоляции и обрести статус партнера. Все эти переговоры вдохновили приверженцев, запутали противников и впечатляли избирателей. О том, как страстно он ждал такого поворота событий, свидетельствует его реакция, которую он не сумел скрыть, когда его пригласили в Берлин на переговоры с Брюнингом. Когда пришла телеграмма из Мюнхена, у него находились Гесс и Розенберг. Мгновенно пробежав ее глазами, он взволнованно воскликнул: «Теперь они у меня в кармане! Они признали меня как партнера для переговоров». Следующее высказывание Грёнера показывает, какой имидж создал себе Гитлер: «Намерения и цели его хороши, но сам он — мечтатель, горячий, разбрасывающийся. Производит приятное впечатление, скромный, приличный человек, а в общем и целом — честолюбивый самоучка». Характерно, что в своем тесном кругу главные действующие лица называли его теперь просто «Адольф», хоть и не без доли пренебрежительной иронии[48].

Дебют удался. Неудачно окончился лишь разговор с Гинденбургом, состоявшийся 10 октября при посредничестве

---

[47] Письмо Грёнера фон Глейху от 1.11.1931, *Phelps R.H.* In. Deutsche Rundschau, 1950. Nr. 76. S. 1016 f.

[48] См., напр., письма Грёнера своему другу фон Глейху: Gröner-*Geyer D.* Op. cit. S. 279 ff. *Heiden K.* Hitler. Bd. 1. S. 293.

Шлейхера. В Президентском дворце и в самом деле существовало решительное предубеждение против Гитлера, и сын Гинденбурга, Оскар[49], услышав о том, что Гитлер просит его принять, ядовито заметил: «Должно быть, надеется выпить на дармовщинку». В ходе разговора прибывший в сопровождении Геринга Гитлер нервничал, а на совет президента поддержать правительство в тяжелое для страны время невпопад ответил пространным изложением целей своей партии. Так же многословно он отреагировал и на упреки в связи с ростом актов насилия, но эти заверения не убедили его собеседника. Позже из окружения Гинденбурга просочилось известие о том, что президент, может быть, назначит этого «богемского ефрейтора» министром почт, но уж никак не канцлером[50].

Сразу же после беседы у Гинденбурга Гитлер отправился в Бад-Гарцбург, где днем позже «национальная оппозиция» собиралась на гигантском митинге отпраздновать свое объединение, после которого она намеревалась начать подготовку к генеральному наступлению на «систему». Гугенберг снова собрал на боевой смотр всех правых деятелей, обладавших властью, деньгами или престижем. Здесь были представители высшего руководства национал-социалистов и Немецкой национальной партии, включая депутатов Рейхстага и прусского ландтага, представители Немецкой народной партии, Экономической партии, «Стального шлема» и Имперского земельного союза. Кроме того, прибыли многочисленные именитые покровители, члены бывших

---

[49] Полковник Оскар фон Бенскендорф унд фон Гинденбург (31.1.1883—12.2.1960) с мая 1925 года был прикомандирован своему отцу в качестве личного адъютанта. После прихода Гитлера около 5 тысяч акров земли, полученных им не совсем законно в 1927 года, были узаконены и освобождены от налога. В 1942 году он был произведен в генерал-лейтенанты. — *Прим. науч. ред.*

[50] *Weizsäcker E. v.* Erinnerungen. S. 103. После замечания насчет министра почт автор приводит такую анекдотическую фразу: «Да пусть он лижет меня на марках — сзади». Гинденбург обычно называл Гитлера «богемским ефрейтором», поскольку ошибочно предполагал, что Гитлер родом из Браунау в Богемии. Не исключено, однако, что одновременно он тем самым хотел, прибегая к просторечью, подчеркнуть богемско-богемный характер Гитлера, который он находил чужеродным и не свойственным немцу. — По поводу замечания Оскара Гинденбурга см.: *Hammerstein K. v.* Spähtrupp. S. 20.

правящих династий во главе с двумя принцами из дома Гогенцоллернов, советник юстиции Класс из руководства Пангерманского союза, отставные генералы (например фон Лютвитц и фон Сект), а также многие знаменитости из финансово-промышленных кругов, в том числе Ялмар Шахт, Эрнст Пёнсген из Имперского объединения сталепромышленности, Луи Равене из Союза оптовой торговли железом, Блом из Гамбурга и банкиры фон Штаусс, Регенданц и Зогемейер. За исключением коммунистов, тут были представлены, словно на параде, все противники республики — пестрая армия недовольных, объединенная не столько общей целью, сколько общей ненавистью.

Гитлер сам казался страшно расстроенным. Его и так еле уговорили хотя бы поприсутствовать, тем более что неудачный визит к Гинденбургу только усугубил его дурное настроение. Так же, как во времена союза против плана Юнга, ему снова приходилось ждать критики из собственных рядов, да и самому ему этот «роман» с буржуазией внушал беспокойство. Поэтому незадолго до митинга он созвал свою свиту на закрытое совещание, где Фрик по его подсказке постарался оправдать союз с «буржуазным сбродом» чисто тактическими соображениями. И Муссолини, говорил Фрик, ради завоевания власти пришлось пойти на общенациональную коалицию. Не успел еще Фрик закончить, как Гитлер вместе со своим личным сопровождением в присущем ему стиле внезапно и эффектно появился в зале и заставил участников торжественно поклясться ему в верности. Между тем Национальный единый фронт ожидал его появления в курзале.

Для Гугенберга, который еще во время подготовки митинга пошел на многие уступки вождю НСДАП, это было далеко не последнее унижение в ходе мероприятия. В вызывающей манере, не считаясь с чувствами своих влиятельных партнеров, Гитлер перечеркнул гугенберговский план союза. Накануне он не пришел на заседание совместной редакционной комиссии, заявив, что ее работа — чистая трата времени. Когда на заключительном параде, который должен был стать вдохновляющей кульминацией всего мероприятия, отряды СА уже отмаршировали, а на подходе были колонны «Стального шлема», Гитлер демонстративно покинул трибуну. Не участвовал он и в совместном банкете, велев сказать, что не может себе этого позволить, пока тысячи его приверженцев несут «службу на голодный желудок». Гугенберг был разоча-

рован. «Только во избежание нежелательных для всех участников публикаций в печати», жаловался он, был предотвращен «разрыв на открытой сцене»[51].

Дурное настроение Гитлера в Гарцбурге было не тактической уловкой и не капризом примадонны, только подогревающим обожание поклонников. Нет, встреча эта острее прежнего поставила перед ним вопрос о власти. Разговоры Гугенберга о единении не могли скрыть его претензий на руководящую роль, на которую он делал заявку как устроитель празднества. Увидев возможные последствия, Гитлер понял, что любое объединение чревато опасностью подчинения или же приведет к абсурдной ситуации, в которой у Германии появляется целых два «избавителя». Чтобы загладить впечатление от гарцбургского митинга, он всего неделю спустя устроил мощную демонстрацию на «Францевом поле» в Брауншвейге. Туда специальными поездами прибыло свыше 100 000 штурмовиков. Во время парада, продолжавшегося шесть часов, над полем кружили самолеты, к которым были прикреплены гигантские полотнища со свастикой. При освящении знамен Гитлер заявил, что это происходит в последний раз перед захватом власти: движение находится «в шаге от цели». Чтобы уж окончательно заглушить все сомнения, газета «Ангриф» писала 21 октября: «Гарцбург был тактической, промежуточной целью, а Брауншвейг — провозглашением неизменной конечной цели. О месте назначения надо судить не по Гарцбургу, а по Брауншвейгу».

Впрочем, на резком поведении Гитлера в Гарцбурге сказалось и его раздражение против буржуазного мира, которое он так и не научился скрывать. Уже один только вид цилиндров, сюртуков и накрахмаленных манишек злил его не меньше, чем титулы и ордена, подчеркивающие сословную спесь. Это был мир, веривший в то, что его будущее господство коренится в самой идее нравственности, и охотно говоривший о своей «роли, предписанной самой историей». Но у Гитлера было безошибочное чутье на слабость и гниль, и за всей показной основательностью и волевыми повадками он угадывал

---

[51] Слова Альфреда Гугенберга: Hugenbergs Ringen in deutschen Schicksalstunden, Hrsg. *von Borchmeyer J.* Detmold, 1951. Bd. 1. S. 18. По поводу высказывания Гитлера см. полемическую переписку с председателем «Стального шлема» Теодором Дуйстербергом в книге: *Duesterberg Th.* Der Stahlhelm und Hitler. S. 24 f.

распад и ненавистное прошлое, которому принадлежала эта кучка мумий с манерами среднего сословия.

Это был тот же буржуазный мир, к которому так жадно стремился молодой, одетый с дешевым шиком завсегдатай кофеен, промотавшийся горе-художник. И хотя его изгоняли и выталкивали из этого мира, Гитлер некритично воспринял его социальные, идеологические и эстетические ценности и долго с ними не расставался. Однако хотя с тех пор этот мир принес ему свою присягу, в отличие от его представителей Гитлер этого не забыл. В Гугенберге он словно заново встретил хитрого, надменного и слабовольного Риттера фон Кара, навсегда ставшего для него воплощением буржуазной знати. Одна мысль об этом с тех пор вызывала в нем почти рефлекторное желание унизить их хотя бы эпитетом; особенно он любил прилагательные «трусливый», «глупый», «идиотский» и «прогнивший». Часто он подчеркивал: «В политике нет слоя глупее так называемой буржуазии», а однажды добавил, что долгое время он крикливой пропагандой и дурными манерами сознательно держал ее подальше от партии. В мае 1931 года его посетил Рихард Брейтинг, главный редактор газеты «Лейпцигер Нойесте Нахрихтен»[52]. Гитлер начал разговор со следующего замечания: «Вы — представитель буржуазии, против которой мы боремся». Затем он заявил, что его задача отнюдь не спасение умирающей буржуазии, наоборот, он исключит ее из политической жизни и во всяком случае расправится с ней быстрее, чем с марксизмом[53]. В то время он охотно, хотя и не без некоторого насилия над логикой, подчеркивал свой отход от буржуазной культуры, под знаком которой он когда-то начинал: «Если сегодня какой-нибудь пролетарий меня грубо одернет, у меня появляется надежда, что

---

[52] «Leipziger Neueste Nachrichten» — «Лейпцигские новые известия». — *Прим. науч. ред.*

[53] См.: *Calic E.* Ohne Maske. S. 22 passim. Там же приводятся многочисленные примеры того, как у Гитлера словно срабатывал рефлекс неприятия слова «буржуазный». Относительно достоверности книги, содержащей заметки о двух беседах Гитлера с главным редактором газеты «Лейпцигер Нойесте Нахрихтен» Рихардом Брейтингом, уместно высказать значительные сомнения. Однако именно к антибуржуазным высказыванием Гитлера они, очевидно, не относятся; см. в этой связи: Der Spiegel, 1972. Nr. 37. S. 62 ff., далее Hitler's Tischgespräche. S. 170, 236, 245, 261 f., 348. Многочисленные примеры см. также: *Hitler A.* Mein Kampf, под ключевым словом «bürgerlich».

однажды эта грубость обратится на внешних врагов. Если же какой-нибудь буржуа, потерянный в мечтах, болтает только о культуре, цивилизации и эстетическом удовлетворении мира, я говорю ему: "Ты потерян для нации! Твое место — в западных кварталах Берлина. Иди туда и дрыгайся там в своих негритянских танцах, пока не подохнешь!"»[54]. Иногда он даже называл себя «пролетарием», но при этом ему никогда не удавалось избежать впечатления, что говорит он не столько о своей социальной принадлежности, сколько о социальном отмежевании. «Никогда не понять меня с буржуазной точки зрения», — уверял он. Даже в его надежде на рабочих, о которой он не раз говорил, и восхищении этим «подлинным дворянством» выражалась, пожалуй, не столько симпатия по отношению к трудовому люду, сколько так и не преодоленная ненависть к другому, отвергнувшему его классу: ненависть его к буржуазии была не совсем свободна от примеси инцеста. Снова и снова в ней находили выход разочарования начинающего буржуа по натуре, которого сначала оттолкнули, а потом обманули. Эти комплексы сказывались и на том излюбленном типе сообщника, который преобладал в его ближайшем личном окружении, на всей этой грубой, примитивной «шоферне» типа Шауба, Шрека, Графа или Мориса. Только немногим на время удавалось пробить его скорлупу — например Эрнсту Ганфштенглю или Альберту Шпееру. Комиссару Лиги Наций в Данциге Карлу Якобу Буркхардту Гитлер сказал «печально» в 1939 году: «Они выходцы из мира, мне чуждого»[55].

Контакта с этим чуждым миром не было. Как показала встреча в Гарцбурге, не удалось установить с ним и более или менее прочных связей, основанных хотя бы на тактических соображениях. Не получилось там ни общей идеи оппозиции, ни теневого кабинета, уже не раз обсужденного ранее, ни договоренности об общем кандидате на предстоящих выборах президента страны, а те представления о боевом сообществе, которые так окрыляли буржуазный лагерь при виде коричневых отрядов СА, вызывали у уверенных в себе гитлеровцев только

---

[54] Adolf Hitler in Franken. S. 138 (речь 30.11.1929).

[55] *Burckhardt C.J.* Meine Danziger Mission. S. 346, u. 340. Мысль о том, что по буржуазным меркам его не понять, Гитлер высказал в интервью Гансу Йосту, опубликованном в: Frankfurter Volksblatt, 26.1.1934. См. также: Hitlers Tischgespräche. S. 170.

насмешки. Гугенберг надеялся установить в Гарцбурге союз между НСДАП, остальными правыми группировками и кругами, обладающими и капиталом, и престижем. Он затеял закулисные маневры и, действуя с лисьей хитростью, уже видел себя в роли великого дирижера общенациональной оппозиции. Вместо этого, однако, вышло так, что Гитлер поставил его перед дилеммой: либо подчиниться ему, либо вообще отказаться от идеи Национального единого фронта. Подобно всем предыдущим «пробным бракам»[56] между национал-социалистами и буржуазными правыми, и этот окончился неудачно, и встреча в Гарцбурге знаменовала собой скорее конец, чем начало. Для Гугенберга, во всяком случае, она означала прощание с иллюзиями о собственной руководящей роли, а заодно и с тем образом Гитлера как барабанщика, агитатора пивнушек и художника-мазилы, который был создан господским высокомерием националистов. Но все же это еще не было прощанием с самой идеей союза. Протест Гугенберга выразился единственно в таких словах: «Мы вовсе не чувствуем себя "сбродом" и не собираемся позволять использовать нас в качестве добавочных пристяжных, которых потом отпихнут пинком ноги». Но его дальнейший курс противоречил его же намерениям.

Таким образом, часто упоминаемый Гарцбургский фронт — это скорее понятие из области политической мифологии, чем факт реальной истории. Он считается одним из главных доказательств той теории заговора, которая в предыстории Третьего рейха видит цепь темных махинаций, а при всем том дает ослепить себя блеском орденских звезд, сюртуками и сословными претензиями, презиравшимися Гитлером с гораздо большим на то правом. Но прежде всего этот «фронт» считается саморазоблачением заговора между Гитлером и крупным капиталом.

Несомненно, между вождем НСДАП и некоторыми влиятельными предпринимателями существовал целый клубок связей. Верно и то, что партия извлекала из этих связей и материальную выгоду, и увеличение престижа. Но все это прежде доставалось — столь же долго и даже гораздо в больших

---

[56] Так писала газета «Дер Юнгдойче» 18.5.1930 об Имперском комитете против плана Юнга. Среди других попыток заключения союза был так и не состоявшийся референдум по роспуску ландтага Пруссии или провалившаяся попытка создания коалиции национал-социалистов с правым буржуазным блоком в Брауншвейге. По поводу приведенного ниже замечания Гугенберга см.: Schulthess, 1931. S. 251.

масштабах — и разваливавшимся партиям центра. Ни прирост числа голосов у НСДАП, ни потери голосов другими партиями не объяснить одними только богатыми покровителями. Не раз Гитлер жаловался на сдержанность предпринимателей и говорил, что Муссолини «его борьба доставалась легче, поскольку на его стороне была итальянская промышленность... А что делает немецкая индустрия для возрождения немецкого народа? Ничего!»[57] Еще в апреле 1932 года он был поражен тем, что таявшая на глазах Немецкая народная партия получала от промышленников более крупные суммы, чем его собственная, и когда Вальтер Функ к концу года предпринял поездку по Рурской области с целью выклянчивания средств, то только однажды получил взнос в 20—30 тысяч марок. Надо сказать, что объем такой помощи вообще часто преувеличивается. Если считать реальной сумму около 6 миллионов, полученную за период между 1930 годом и 30 января 1933 года, то никто даже за сумму вдвое большую не сумел бы финансировать партийную организацию с почти 10 000 ортсгрупп и разветвленным руководящим аппаратом, с почти полумиллионной частной армией и двенадцатью щедро оплаченными предвыборными кампаниями 1932 года. Как установил Конрад Хейден, годовой бюджет НСДАП составлял в то время 70—90 миллионов марок. Именно цифры такого порядка позволяли Гитлеру время от времени не без иронии называть себя одним из крупнейших руководителей немецкой экономики[58].

---

[57] Цит. по: *Jacobsen H.-A., Jochmann W.* Op. cit., «1927». S. 2.

[58] См.: *Hallgarten G. W. F.* Hitler, Reichswehr und Industrie. S. 120; там же приводятся и более подробные данные об обязательствах НСДАП и размерах финансовой поддержки со стороны промышленников. См. также: *Heiden K.* Hitler. Bd. I. S. 313 f. Более скромные цифры называет Г.А. Тернер: *Turner H.A.* Fritz Thyssen und «I paid Hitler». In: Faschismus und Kapitalismus in Deutschland. S. 87 ff. О реальных, а не мифических цифрах и связанных с этим трудностях свидетельствует и неудачная попытка Тиссена изъять в пользу НСДАП из забастовочного фонда северо-западного отделения Союза немецких предпринимателей металлургической и сталелитейной промышленности 100 000 рейхсмарок. Когда бывший в то время управляющим делами Союза Людвиг Грауэрт перечислил деньги без разрешения председателя Союза Эрнста Пёнсгена, тот выразил ему свой решительный протест, а Крупп потребовал даже увольнения Грауэрта. Только благодаря заверению Тиссена, что речь шла лишь о займе, и тому, что он тут же выложил всю сумму из своего собственного кармана, управляющий не пост-

Не случайно теория заговора даже в своих серьезных свидетельствах тяготеет к понятиям широким и неточным, сводя «весь» капитал с НСДАП, в то время как на уровне псевдона-

---

радал; см. в этой связи: *Turner H.A*. Op. cit. S. 101 ff. — Согласно частично подтвержденному фактами показанию Фридриха Флика на суде национал-социалисты получили из выделенных им на политические цели денег лишь по 2,8 %; см.: Ebd. S. 20. Вопрос о финансовой поддержке Гитлера промышленниками предоставляет — не в последнюю очередь из-за крайней скудости источниковедческой базы — широкий простор для идеологически окрашенных спекуляций. Казначей НСДАП Франц Ксавер Шварц сам говорил, что весной 1945 года сжег все документы в «Коричневом доме», чтобы не допустить их конфискации приближающимися американскими частями. Кроме того, недостаточно надежным оказался и до сих пор наиболее часто цитирующийся источник — книга Фрица Тиссена «Я платил Гитлеру» (*Thyssen F.* I paid Hitler). Тиссен сам опровергал аутентичность этой книги. Весной 1940 года в Монте-Карло, куда Тиссен эмигрировал, он дал несколько интервью издателю Э. Реву. В дальнейшем они должны были послужить материалом для книги воспоминаний. Однако быстрое продвижение немецких армий во Франции сорвало планы, Рев бежал вместе с материалами в Англию, где затем и опубликовал эти интервью, снабдив их многочисленными вставками. Отличная от этого версия самого Рева менее достоверна, поскольку не была учтена даже судом по делам денацификации в Кенигштайн-Таунусе.

В своем уже упоминавшемся исследовании Г.А. Тернер доказал, что именно пассажи, до сих пор рассматривающиеся историками как особо важные, относятся к тем фрагментам книги Рева, которые автор — Фриц Тиссен — никогда не видел, что и было подтверждено самим Ревом. Значение книги как источника снижается далее тем обстоятельством, что, например, эпизод, где Тиссен говорит о «глубоком впечатлении», которое произвела речь Гитлера в Дюссельдорфе на присутствовавших там промышленников, в стенограмме интервью вообще отсутствует, то есть представляет собой более позднюю вставку, против которой Тиссен категорически возражал уже после войны. И другое постоянно цитируемое место, где размер ежегодных субсидий для НСДАП оценивается Тиссеном в 2 млн марок, является, как убедительно продемонстрировал Тернер, в большей или меньшей степени вымыслом. По поводу реального размера платежей см. размышления автора в упоминавшейся книге с таким резюме: «Если все тщательно взвесить, то финансовые отчисления промышленников были направлены преимущественно против национал-социалистов» (*Turner H.A.* Op. cit. S. 25). В остальном можно исходить из того, что основную часть денежных средств, которыми располагала НСДАП, составляли членские взносы, размер которых, согласно одному из донесений полиции, удерживал многих от вступления в партию; см. также: *Heyen F.J.* Op. cit. S. 22, u. S. 63.

учной полемики в Гитлере всерьез видят «с трудом поднятого из низов и дорого обошедшегося политического кандидата» некой закулисной капиталистической «нацистской клики», ее «человека по связям с общественностью»[59]. На деле же интересы отдельных предпринимателей и отраслей явно не совпадали между собой. Как крупные экспортеры, биржевые круги и владельцы больших универмагов, так и химическая промышленность и старинные семейные фирмы Крупна, Хеша, Боша или Клекнера по крайней мере до 1933 года относились к гитлеровской партии с весьма заметным предубеждением, обусловленным главным образом экономическими мотивами. Не говоря уже о большом количестве предприятий, принадлежавших евреям. Отто Дитрих, способствовавший установлению ряда контактов между Гитлером и крупной рейнско-вестфальской индустрией, жаловался в одном из документов тех лет на нежелание хозяев экономики «в эти времена труднейшей борьбы... поверить в Гитлера». Еще в начале 1932 года, писал он, явно ощущались «сильные очаги экономического сопротивления», и знаменитая речь Гитлера в дюссельдорфском Клубе промышленников 26 января 1932 года как раз имела своей целью преодолеть это сопротивление[60]. Финансовые средства,

---

[59] Слова Э. Чихона (*Czichon E.* Op. cit.) в качестве одного из целого ряда аналогичных примеров; см. в этой связи также критическую статью Э. Хеннинга, где приводятся многочисленные другие свидетельства и данные о литературе: *Henning E.* Industrie und Faschismus. In: NPL, 1970. H. 4. S. 432 ff. Впрочем, Чихон предпочитает ссылаться на весь источник в целом, а также на неопубликованные документы, так что проверить их во многих случаях невозможно. Нередко встречаются и явно сознательные искажения, неточности и ошибочные ссылки. Э. Нольте доказал, что Чихон так рассказывает об одном взносе концерна «ИГ Фарбен» в кассу НСДАП, будто он состоялся до ее прихода к власти, в то время как из самого документа следует, что деньги были перечислены в 1944 году (*Nolte E.* Der Nationalsozialismus. Berlin, 1970. S. 190). Ссылаясь на Брахера (*Bracher K.D.* Auflösung. S. 695), Чихон утверждает также, что после разговора с Папеном 4 января 1933 года в Кёльне Гитлер встретился с Кирдорфом и Тиссеном, однако этого эпизода у Брахера нет. Аналогичным образом обстоит дело и с неверной ссылкой Чихона на книгу Мейснера и Вильде «Захват власти»: *Meissner H. O., Wilde H.* Die Machtergreifung. Более подробно см.: *Henning E.* Op. cit. S. 439.

[60] Это выступление состоялось 26 января, а не 27, как чаще всего утверждается. См., в частности: *Dietrich O.* Mit Hitler in die Macht. S. 44, 46. Различную позицию отдельных отраслей промышленнос-

сразу после того переданные партии, помогли, правда, устранить самые насущные заботы, но объем их не оправдал ожиданий. Безрезультатной осталась даже петиция к Гинденбургу, написанная в конце 1932 года Шахтом, банкиром фон Шредером и Альбертом Фёглером, в которой предлагалось назначить Гитлера на пост рейхсканцлера. Большинство предпринимателей отказалось ее подписать. Тяжелая промышленность, сетовал Шахт в письме Гитлеру, называется так не без оснований, потому как тяжело принимает решения[61].

Теория о тесном союзе Гитлера с крупным капиталом не в состоянии объяснить и того факта, почему миллионы голосов избирателей были собраны задолго до миллионов промышленников. Когда Гитлер произносил речь в Дюссельдорфе, его партия располагала свыше 800 тысячами членов и примерно более 10 миллионами голосовавших за нее избирателей. Именно они были его базой, и «великий антикапиталистический гнев», владевший ими, определял поведение Гитлера в гораздо большей степени, чем своевольные и строптивые предприниматели. Промышленникам он принес в жертву одного только резонера Отто Штрассера, которого к тому же и сам ненавидел. Участие же своих последователей в стачке берлинских металлистов он без околичностей обосновал, сказав, что лучше уж бастующие национал-социалисты, чем бастующие марксисты[62]. Но меньше всего тезис о гитлеровской партии как «служанке капитала» способен прояснить вопрос, на который этот тезис якобы отвечает: почему такое необычное массовое движение, возникшее из ничего, так легко смогло опередить немецких левых с их богатыми традициями и превосходной организацией. Поэтому тезис этот основан либо на вере в какие-то высшие силы, либо на ортодоксальном марксизме, но в любом случае он

ти и отдельных промышленников подчеркивает и Хальгартен, см.: *Hallgarten G.W.F.* Hitler, Reichswehr und Industrie; а также: его же. Dämonen oder Retter. S. 215 f., затем: *Fetcher I.* Faschismus und Nationalsozialismus. Zur Kritik des sowjetmarxistischen Faschismusbegriffs. In: Politische Vierteljahresschrift, 1962. H. 1. S. 55.

[61] Письмо Шахта Гитлеру от 12.11.1931. IMT 773-PS. Густав Крупп, например, ответил так: «По целому ряду причин я действительно не могу подписать это обращение». См.: *Hallgarten G.W.F.* Hitler, Reichswehr und Industrie. S. 125; *Turner H.A.* Op. cit. S. 25.

[62] См.: *Heiden K.* Geburt. S. 22.

означает утрату левыми рационализма, своего рода «антисемитизм левых»[63].

Но одно дело говорить о тесном переплетении и сговоре «всех» промышленников с национал-социализмом и совсем другое — указать на ту атмосферу «благосклонности» и даже симпатии, которая окружала национал-социализм. Влиятельные силы в промышленности не скрывали своей — правда, пока пассивной — заинтересованности в том, чтобы Гитлер стал рейхсканцлером, и многие из тех, кто отнюдь не собирался поддерживать его материально, не так уж возражали против его программы. Они не связывали с ней каких-то конкретных экономических ожиданий и так до конца и не избавились от недоверия к социалистическим антибуржуазным настроениям внутри НСДАП. Небольшая группа симпатизирующих партии промышленников летом 1932 года даже создала специальный рабочий орган для противодействия экономическому радикализму левого крыла НСДАП. По сути же предприниматели так и не приняли буржуазную демократию с ее последствиями, с требованиями и правами масс, и за все годы своего существования республика так и не стала их государством. Тот порядок в стране, который обещал установить Гитлер, многим из них представлялся в виде автономии предпринимательства, налоговых льгот и конца власти профсоюзов. За лозунгом «Спасемся от этой системы!», сформулированным одним из экспонентов промышленных кругов, на заднем плане всегда маячили проекты авторитарного строя[64]. Едва ли в каких-либо других общественных структу-

---

[63] *Dahrendorf R.* Gesellschaft und Demokratie in Deutschland. S. 424. Относительно побудительных причин Дарендорф также справедливо полагает, что предприниматели поддерживали Гитлера, как и любую другую стремящуюся к власти партию правых. При этом они думали не о заговоре, а исключительно о собственной защите — в порядке перестраховки. Они, выражаясь известными словами Гуго Стиннеса, сказанными им в 1919 году, платили как бы «социальную страховую премию по предотвращению восстаний». Хальгартен также приходил к выводу: хотя Гитлер и получал солидную поддержку из фондов промышленности, но «сотворен» был не ими; см.: *Hallgarten G.W.F.* Op. cit. S. 113. Можно сказать и так: если «вся» промышленность и не привела Гитлера к власти, то при ее явном нежелании ему тоже вряд ли удалось бы этого добиться.

[64] Формулировка Ялмара Шахта, прозвучавшая в его речи в Гарцбурге, см.: *Schacht H.* 76 Jahre meines Lebens. S. 367 ff. Еще в декаб-ре

рах Германии еще жила такая допотопная вера в сильную государственную власть, как в индустрии, где современная технология сочеталась с прямо-таки докапиталистическими социальными взглядами. Главная ответственность «всего» капитала за взлет НСДАП заключается не в общих с ней целях и уж, конечно, не в мрачном заговоре, а в антидемократическом климате, созданном им и направленном на одоление «системы». Правда, представители капитала неверно оценили Гитлера. Они видели только его манию порядка и насаждаемый им жесткий культ авторитета, только его ностальгию по прошлому, но за этим не разглядели одновременно присущей ему своеобразной ауры будущего.

В уже упоминавшейся речи в дюссельдорфском Клубе промышленников — одном из наиболее впечатляющих образчиков его ораторского искусства — Гитлер необычайно тонко уловил и сконцентрировал на себе авторитарные представления предпринимателей о государстве силы и порядка. Одетый в темный двубортный костюм, демонстрируя известную светскость и корректные манеры, он изложил перед крупными промышленниками, проявлявшими сначала заметную сдержанность, идеологические основы своей политики. Каждое слово его доклада, продолжавшегося два с половиной часа, весь подход, вся тональность и акцентировка были тщательно рассчитаны именно на эту аудиторию.

В самом начале речи Гитлер подчеркнул свой тезис о примате внутренней политики и решительно отверг точку зрения

1929 года, то есть до свержения последнего правительства парламентского типа, на общем собрании Имперского союза немецких промышленников один из ораторов, например, под аплодисменты присутствующих заявил, что в Германии «экономический мир не наступит, пока не менее 100 тысяч партийных функционеров не будут выдворены из страны», и в протоколе значится, что в общих криках «Браво!» прозвучала реплика: «Муссолини!» Два года спустя союзы немецких промышленников в «Совместном заявлении» предъявили правительству Брюнинга ультимативные экономические и политические требования, которые связывались с призывами к самой настоящей национальной диктатуре. Близкая к предпринимательским кругам газета «Дойче Альгемайне Цайтунг» угрожала в передовой 6.10.1931, что в противном случае «влиятельные силы немецкой политики и экономики» отвернутся от Брюнинга. См., впрочем, также: *Turner H.A.* Op. cit. S. 25 f., где на вопрос о том, оказывали ли крупные предприниматели существенную поддержку Гитлеру, дается определенно отрицательный ответ.

(фактически доктрину Брюнинга), утверждавшую, что судьба Германии зависит главным образом от ее внешнеполитических связей. Внешняя политика, заявил он, наоборот, «определяется внутренним состоянием» любого народа, а все иное — это путь сдачи своих позиций, своей национальной идентичности или же уловки плохих правительств. В Германии, продолжал Гитлер, внутреннее состояние нации подорвано нивелирующим влиянием демократии. «Если великие умы какой-либо нации, и без того всегда редкие, по стоимости уравниваются со всеми остальными, то медленно, но верно наступает обесценивание гения, обесценивание способностей и ценности человеческой личности, и тогда это называют властью народа. Это неверно, ибо на деле это совсем не власть народа, а власть глупости, посредственности, половинчатости, трусости, слабости, бездарности. При подлинном народовластии народом во всех областях жизни должны руководить и управлять самые способные, именно для этого рожденные редкие личности... а не большинство, по натуре своей неизбежно чуждое любой из этих областей».

Но принцип демократического равенства, продолжал Гитлер, — это отнюдь не безобидная, лишь теоретически значимая идея, так как рано или поздно он проникает во все сферы жизни и способен медленно отравить народ. Частная собственность, втолковывал Гитлер предпринимателям, по сути, своей несовместима с демократическим принципом, ибо ее логическое и моральное оправдание покоится на убеждении, что люди и их свершения разнятся между собой. Затем он перешел к главному пункту своей атаки:

«Признавая это, было бы, однако, безумием утверждать: в экономической области обязательно присутствуют ценностные различия, а в политической — нет! Это противоестественно — в хозяйственном плане строить жизнь на идее успеха, личностной ценности, то есть, по сути, на авторитете личности, а в политическом плане отвергать этот авторитет личности и подменять его законом больших чисел, демократией. Так с необходимостью возникает разлад между экономической и политической концепциями, и будут предприняты попытки преодолеть его путем приспособления экономики к политическим нуждам... Но аналогом политической демократии в экономической области является коммунизм. Мы переживаем сейчас период, когда эти два основных принципа во всех пограничных зонах борются между собой...

В государстве существует такая организация, а именно армия, которая вообще не может быть как-то демократизирована, ибо в противном случае она перестает быть сама собой... Армия может существовать только при сохранении абсолютно антидемократического принципа полного авторитета верхов и полного подчинения им низов. А результат таков, что в государстве, где вся политическая жизнь, начиная с общины и кончая Рейхстагом, построена на идее демократии, армия постепенно, но неизбежно становится чужеродным телом».

Гитлер привел еще много примеров подобного структурного противоречия, а затем указал на то опасное распространение, которое якобы нашло в Германии демократическое, а следовательно и коммунистическое мышление. Он старательно раздувал страх перед большевизмом — это «не только банда, бесчинствующая на некоторых улицах немецких городов», нет, речь идет о «мировоззрении, которое вот-вот подчинит себе весь азиатский континент; ...постепенно оно расшатает весь мир и разрушит его». Затем он продолжал:

«Если не остановить большевизм, он точно так же коренным образом изменит мир, как когда-то его изменило христианство... Поскольку речь идет о мировоззрении, то 30 или 50 лет тут не имеют значения. Христианство начало медленно пронизывать весь юг Европы лишь 300 лет спустя после Христа».

В Германии, продолжал Гитлер, коммунизм в силу особых духовных блужданий и внутреннего разложения уже распространился шире, чем в других странах. Миллионы людей подвели к мысли о том, что коммунизм — это «мировоззренческое дополнение их реальной, практической экономической ситуации». Поэтому неверно искать причины царящей нищеты во внешних обстоятельствах и бороться с ней внешними средствами; экономические меры или «двадцать чрезвычайных законов», говорил Гитлер далее, не сдержат распад нации. Причины упадка имеют политический характер, поэтому они требуют и политической решимости, а именно «принципиального решения»:

«Оно основывается на понимании того, что всегда сначала распадается государство, а уж за ним экономика, а не наоборот; что не может быть процветающей экономики, если ее не защищает и за ней не стоит могучее процветающее госу-

дарство; что Карфаген не имел бы своей экономики без своего флота».

Но мощь и благополучие государств — это следствие их внутренней организации, «крепости общих взглядов на некоторые принципиальные вопросы». Германия, продолжал Гитлер, находится ныне в состоянии великой внутренней разобщенности. Почти половина народа настроена в широком смысле по-большевистски, а другая — в национальном духе. Одни признают частную собственность, другие же считают ее чем-то вроде кражи, одни считают измену родине преступлением, а другие — своим долгом. И вот, чтобы преодолеть эту разобщенность и бессилие Германии, он создал и движение, и мировоззрение.

«Вы видите здесь перед собой организацию, которая... исполнена чувства теснейшей связи с нацией, построена на идее абсолютного авторитета руководства в любой области, на любом уровне. Это единственная партия, без остатка преодолевшая в себе не только интернационалистскую, но и демократическую идею, знающая, что такое приказ и повиновение. Это впервые вводящаяся в политическую жизнь Германии миллионная структура, построенная на принципе ответственности «каждый за каждого». Это организация, вселяющая в своих сторонников неукротимый боевой дух, впервые такая организация, которая, слыша от политического противника: "Ваше выступление означает для нас провокацию", вовсе не собирается сразу же отступать, а жестко добивается своего и вызывающе отвечает на это: мы боремся сегодня! И будем бороться завтра! А если вы сегодня считаете наше собрание провокацией, то на следующей неделе мы соберемся снова... И если вы говорите: "Вы не смеете выходить на улицы", — мы все равно выйдем на улицы! И если вы говорите нам: "Тогда мы вас побьем!", — то сколько бы жертв нам ни пришлось принести, эта молодая Германия будет маршировать всегда... А если нам ставят в упрек нашу нетерпимость, то мы гордо признаемся — да, мы нетерпимы, мы приняли неумолимое решение искоренить марксизм в Германии до последнего корешка. Мы приняли это решение вовсе не из любви к дракам, и я вполне могу себе представить жизнь поспокойнее, чем эти вечные метания по всей Германии...

[Но] сегодня мы переживаем поворотный момент судьбы Германии. Если теперешнее развитие событий продолжится, то Германия неизбежно погрязнет в большевистском хаосе.

Если же такое развитие событий будет остановлено, то нашему народу придется пройти школу железной дисциплины... Либо удастся снова переплавить весь этот конгломерат партий, союзов, объединений, мировоззрений, сословного чванства и классового безумия в единый стальной народный организм — либо Германия, не добившись такой внутренней консолидации, погибнет окончательно...

Мне часто говорят: "Вы всего лишь барабанщик национальной Германии!" Ну и что, если я только бью в барабан?! Сегодня вбить в этот немецкий народ новую веру было бы большей заслугой государственного масштаба, чем постепенно проматывать существующую... (*Одобрительный шум в зале.*) Я очень хорошо знаю, господа: если национал-социалисты маршируют по улице, а вечером внезапно начинается суматоха и скандал, то обыватель, выглядывая из-за занавески в окно, говорит: "Опять они нарушают мой ночной покой и мешают мне уснуть"... Но не забывайте, что это немалая жертва для многих сотен тысяч членов СА и СС из национал-социалистического движения, если они вынуждены день за днем садиться в грузовики, охранять собрания, маршировать, проводить ночи без сна и возвращаться на рассвете — либо снова в мастерские и на заводы, либо на биржу труда, чтобы получить там нищенское пособие по безработице... Если бы сегодня вся нация прониклась такой же верой в свое предназначение, как эти сотни тысяч, если бы вся нация разделяла этот идеализм, то мир увидел бы ныне другую Германию! (*Оживление, аплодисменты.*)»[65].

Несмотря на все аплодисменты, прерывавшие речь Гитлера в защиту мощного имперского государства и привилегий предпринимателей во имя «авторитета личности», в конце мероприятия к возгласу Фрица Тиссена «Хайль, господин Гитлер!» присоединилось всего около трети участников. Материальная польза от этого выступления не оправдала ожиданий, но основной выигрыш заключался в том, что Гитлер наконец-то преодолел прежнюю изоляцию. Тем заметнее становилась теперь изоляция государства. Растущая армия противников со всех сторон осаждала расшатанные позиции республики. В Пруссии все еще правила коалиция под руководством социал-демократов. «Стальной шлем», Немецкая национальная народная партия, НСДАП, Немецкая на-

[65] Полный текст см.: *Domarus M.* Op. cit. S. 68 ff.

родная партия и даже коммунисты предприняли совместную попытку изменить соотношение сил во властных структурах и путем референдума добиться роспуска ландтага. Все вместе они собрали не больше 37 % голосов, но впечатление, что существует широкий фронт сил, желающих убрать эту власть, осталось.

Ожесточенные схватки прежде всего между полувоенными боевыми отрядами коммунистов и национал-социалистов, а также и тех и других с полицией, беспорядки на улицах, кровавые эксцессы в конце каждой рабочей недели тоже были симптомом подорванного авторитета государства. В день еврейского Нового года берлинские СА под руководством графа Хельдорфа[66] во многих местах учинили беспорядки, в университетах студенты устраивали шумные сходки против непопулярных профессоров, а во время судебных процессов против членов НСДАП случались беспримерные выходки. Да, пока еще гражданской войны не было. Но в ушах нации все еще громко звучали слова Гитлера о том, что скоро покатятся головы. Быстро ширилось убеждение, что на улицах происходит нечто большее, чем (иногда кровавые) драки партий, конкурирующих между собой в борьбе за симпатии избирателей и места в парламентах. «Буржуазные партии видят свою цель не в уничтожении [противника], а всего лишь в победе на выборах», — говорил Гитлер несколько раньше. К этому он добавил: «Мы совершенно ясно осознаем, что будем уничтожены, если победит марксизм; но если победим мы, будет уничтожен марксизм, и уничтожен без остатка; мы тоже не признаем никакой терпимости. Мы не успокоимся, пока не будет уничтожена последняя газета, ликвидирована последняя организация, устранен последний просветительский центр и обращен в нашу веру или истреблен последний марксист. Третьего тут не дано»[67]. То, что

---

[66] Граф Вольф Генрих фон Хельдорф (14.10.1896—15.8.1944) был назначен командиром группы СА «Берлин» в начале 1931 года. После прихода нацистов к власти в июле 1935 года назначен полицей-президентом Берлина. В 1938 году примкнул к заговору против А. Гитлера. После неудачи покушения на Гитлера был арестован, а затем повешен. — *Прим. науч. ред.*

[67] Из выступления Гитлера перед гамбургским Национальным клубом 28.2.1926 в банкетном зале гостиницы «Атлантик». В протоколе записано: «бурные аплодисменты»; см.: *Jochmann W.* Im Kampf. S. 103, 114.

происходило на улицах, было репетицией такой гражданской войны, которая наверстывала упущенный в 1919 году шанс расправы с прерванной революцией и была доведена до конца лишь весной 1933 года, в «подвалах для героев» и концлагерях СА.

В этой чрезвычайно напряженной ситуации поведение противников Гитлера определялось нежеланием доводить ее до крайности. В конце ноября 1931 года, спустя десять дней после выборов в ландтаг Гессена, на которых НСДАП, получив 38,5 % всех мандатов, стала сильнейшей фракцией, некий перебежчик из НСДАП передал начальнику полиции Франкфурта план действий национал-социалистов Гессена на случай попытки восстания под руководством коммунистов. Эти «Боксхеймские документы», названные так по имению близ Вормса, которое было прибежищем гитлеровцев во время их заговорщических сходок, предусматривали захват власти СА и родственными им организациями. Предполагалось принятие «беспощадных мер» с целью добиться «самой суровой дисциплины» от населения, а при любом акте сопротивления или просто неповиновения — смертной казни, которая при определенных условиях должна была осуществляться «без суда, на месте». Имелось в виду также отменить на некоторое время частную собственность и все выплаты процентов по долгам, ввести общественное питание населения и трудовую повинность; правда, для евреев не было запланировано ни питания, ни трудовой повинности[68].

По реакции Гитлера на факт публикации документа было ясно, что в своих тактических замыслах он все более осознанно учитывал и опасения своих конкурентов, и страхи общественности. Как бы то ни было, он, в отличие от своей практики при нарушении принципа легальности полугодовой давности, на этот раз не принял никаких дисциплинарных мер против авторов этой программы действий и ограничился тем, что снял с себя ответственность за нее. Возможно, что программа эта в мелочах отличалась от его замыслов и прежде

---

[68] Ответственность за план проведения акции нес судебный асессор доктор Вернер Бест, который, будучи начальником правового отдела гау, был сотрудником управления юстиции земли Гессен, а позднее, в Третьем рейхе, дослужился до должности имперского комиссара Дании. Сам документ опубликован в: Schultness, 1932. S. 263.

всего в каких-то полусоциалистических элементах противоречила его новому курсу. Тем не менее она необыкновенно точно учитывала ту идеальную исходную ситуацию для захвата власти, к которой он всегда стремился. Он точно так же исходил из представлений о попытке коммунистического восстания, которое заставит государственную власть взывать о помощи; и тогда на арену выйдет он со своими штурмовиками и сможет действовать силой от имени права и с подобием права. Такой просьбы о помощи он безуспешно добивался в ночь на 9 ноября 1923 года от фон Кара. Никогда он не стремился добиться власти, чтобы уподобиться бесчисленным другим политикам. Он желал предстать перед нацией ее избавителем от железной хватки коммунизма и, окруженный спасительным воинством, достичь господства. Эта исходная позиция соответствовала его драматическому и одновременно эсхатологическому темпераменту, поскольку он всегда считал себя участником всемирной борьбы с силами тьмы. Тут играли роль туманные и полуосознанные вагнеровские мотивы — образ рыцаря-лебедя Лоэнгрина, чаши Святого Грааля[69] и белокурой дамы, которой грозит опасность. Когда впоследствии обстоятельства не сложились именно таким желаемым образом и коммунистическая попытка путча, как писал Геббельс, «не разгорелась», Гитлер попытался создать ее сам, пусть даже приблизительно.

Раскрытие боксхеймских планов не имело никаких последствий. Тот факт, что бюрократия и судебные власти явно затягивали рассмотрение серьезнейшего дела об измене Родине, а политические структуры, пожав плечами, просто махнули на него рукой и тем упустили последний шанс принять решительные меры, проливает свет на быстрый и повсеместный упадок лояльности. Вместо того чтобы арестовать Гитлера, — а улик против него вполне хватало — и поставить его перед судом, они по-прежнему проявляли готовность к переговорам. Более того, обеспокоенные его угрозами, они старались пуще прежнего. Теперь-то стало ясно, насколько было важно, что он успел добиться приема

[69] Герой оперы Вагнера Лоэнгрин — мифологический персонаж, сын рыцаря Парсифаля. Грааль — священная чаша, из которой, по преданию, пил Иисус Христос во время Тайной вечери, а затем в нее Иосиф Аримафейский собрал кровь Спасителя. — *Прим. науч. ред.*

у Шлейхера и Гинденбурга, что влиятельные политики, предприниматели и представители знати согласились видеть в нем партнера, что он снова приблизился к окружению «господина президента». Впрочем, к этому времени представлялось сомнительным, что полицейские или юридические меры могли ли обуздать национал-социалистическое движение и не получилось ли бы в результате в высшей степени нежелательного психологического эффекта. Во всяком случае, прусский министр внутренних дел Зеверинг[70] в декабре 1931 года отказался от плана силами полиции арестовать Гитлера прямо на одной из его пресс-конференций в отеле «Кайзерхоф» и выслать из Пруссии. А генерал фон Шлейхер в ответ на требование энергичных мер против национал-социалистов, прозвучавшее в ходе одного из совещаний, сказал: «Для этого у нас уже нет достаточных сил. Если мы попытаемся это сделать, нас просто сметут!»[71].

Самонадеянное мнение, что гитлеровская партия — это всего-навсего кучка мелкобуржуазных отбросов и демагогов-шарлатанов, неожиданно стало превращаться в свою противоположность. В редких случаях, но совершенно однозначно возникало чувство парализующей апатии, словно перед лицом стихийного бедствия. «Это движение молодых, и остановить его невозможно» — так резюмировал британский военный атташе настроения, овладевшие немецким офицерским корпусом. Исследуемая нами здесь история восхождения НСДАП — это одновременно и история истощения и упадка республики. Для сопротивления ей не хватало не только сил, но и впечатляющей картины будущего, в то время как Гитлер рисовал ее в риторическом экстазе. Только немногие еще верили, что республика выживет.

«Бедная система!» — иронически записал в своем дневнике Геббельс[72].

---

[70] Социал-демократ Карл Зеверинг (1.6.1875—23.7.1952) в 1920—1926 и 1930—1932 годах возглавлял прусское, а в 1928—1930 годах — Имперское министерство внутренних дел. В годы Третьего рейха — на пенсии. — *Прим. науч. ред.*

[71] См.: *Heiden K.* Hitler, Bd. 1. S. 292, а также: *Severing C.* Mein Lebensweg. Bd. II. S. 316 f. По поводу приведенной ниже цитаты из документов британского военного атташе см.: Documents on British Foreign Policy 1919—1939, 2nd series, vol. 1. P. 512. Anm. 2.

[72] *Goebbels J.* Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei. S. 102 (28. 5. 1932).

Глава III

ПЕРЕД ВРАТАМИ ВЛАСТИ

На выборы, на выборы! Ближе к народу! Мы все очень счастливы.

Йозеф Геббельс

Восхождение Гитлера — это результат не только его виртуозной демагогии, ловкости и пыла радикала. Казалось, что путь ему расчищали сами силы иррационализма. В течение 1932 года пять крупных избирательных кампаний позволили ему, главным образом из-за случайного совпадения сроков, эффектно показать свое превосходство в области, наиболее ему близкой, — в агитации.

Весной истекал срок полномочий президента страны. Чтобы избежать риска и последствий радикализации, Брюнинг заблаговременно разработал план, согласно которому поправкой к Конституции Гинденбургу должно было быть обеспечено пожизненное правление. Все его намерения имели одну цель — выиграть время. Зима принесла новое, невообразимое обострение кризиса. В феврале 1932 года число безработных превысило 6 миллионов. Но как трезвый специалист, уверенный в том, что его принципы гораздо выше любого низменного приспособленчества политика, Брюнинг жестко держался своего курса. Он надеялся на окончательную отмену репараций, успех конференции по разоружению, достижение Германией равноправного положения, а также в значительной мере на весну и свою концепцию жесткой экономии вплоть до голода.

Но люди не разделяли ни его жесткости, ни его надежд. Они страдали от голода, холода и унизительных условий существования. Они ненавидели бесконечные чрезвычайные постановления с их шаблонными призывами к готовности приносить жертвы. Многие упрекали правительство в том, что оно только управляет нищетой, вместо того чтобы ее устранить[1]. Но если проповедуемая Брюнингом политика неумолимой бережливости была проблематичной с точки зрения экономики, то в политическом отношении она оказалась про-

[1] Так писал Эрих Кох-Везер в письме Отто Геслеру от 26.3.1932; см.: *Gessler O.* Reichswehrpolitik. S. 505.

сто недейственной и не находила отклика у отчаявшихся людей. В холодной деловитости Брюнинга не было того патетического жертвенного обертона, который даже из крови, пота и слез способен сделать восторженно встречаемый цирковой номер. Никто не склонен так легко согласиться с тем, что нищета — это просто нищета, и больше ничего. Растущее неприятие республики происходило и от ее неспособности придать бедственному положению и постоянным призывам к жертвенности какой-либо высший смысл.

Политика Брюнинга, направленная на выигрыш времени, зависела от того, насколько его поддерживает президент. Однако Гинденбург совершенно неожиданно воспротивился планам продления своих полномочий. Ему уже исполнилось 84 года, он устал от своих обязанностей, а кроме того, боялся, что связанная с его персоной дискуссия вокруг этого плана неизбежно вызовет новые нападки на него со стороны его и без того разочарованных друзей справа[2]. И только когда речь зашла о продлении его полномочий всего на два года, он наконец согласился, правда, после долгих уговоров со всех сторон и, что примечательно, после ссылки на пример Вильгельма I, который в свое время на 92-м году жизни заявил, что у него нет времени на усталость. Но при этом Гинденбург потерял доверие к Брюнингу, которого он с полным основанием считал движущей силой всей этой мучительной для него осады: добившись своего, рейхсканцлер, по сути, потерял то, на что рассчитывал.

Переговоры Брюнинга с партиями неизбежно превратили Гитлера в центральную и очень важную для всех фигуру, так как любое изменение Конституции предполагало его согласие. Но одновременно они поставили его перед чрезвы-

---

[2] Гинденбургу явно все больше не давала покоя мысль, что в ноябре 1918 года он бросил своего монарха на произвол судьбы. Концепции Брюнинга, предусматривавшей борьбу с опасностью установления национал-социалистической диктатуры поначалу с помощью авторитарной реформы с последующим переходом к конституционному решению по английскому образцу, президент противопоставил требование прямого и последовательного восстановления монархии в старом духе. Когда же Гинденбург наконец согласился выставить свою кандидатуру, то поставил условие, «чтобы выборы были со стопроцентной гарантией и чтобы Гарцбургский фронт не был бы целиком и полностью против»; см. беседу фон Вестарпа со статс-секретарем Мейснером. Цит. по: *Bracher K.D.* Auflösung. S. 458.

чайно опасной дилеммой: ему предстояло либо действовать заодно со «столпами системы» и тем самым укреплять позиции Брюнинга и отказаться от собственного радикализма — либо вести предвыборную борьбу против престарелого, окруженного общим благоговением президента, верного слуги и «эрзац-кайзера» нации. Но такая предвыборная борьба могла серьезно поколебать легенду об обреченности его движения на успех и, помимо всего прочего, вскрыть его противоречия с Гинденбургом. А это в связи с решающими полномочиями президента в том, что касается доступа к власти, неизбежно повлекло бы за собой непредсказуемые последствия. Грегор Штрассер советовал Гитлеру принять предложение Брюнинга. Рём и особенно Геббельс, напротив, категорически возражали. В своем дневнике Геббельс записал: «Речь идет здесь о рейхспрезиденте; дело в том, что господину Брюнингу хотелось бы надолго упрочить свои собственные позиции и позиции своего кабинета. Фюрер попросил времени на размышление. Ситуацию нужно исследовать со всех сторон... Шахматная партия за обладание властью начинается. Она, возможно, продлится весь этот год. Эту партию следует играть в темпе, умно, а в чем-то и изощренно. Главное для нас — оставаться сильными и не идти ни на какие компромиссы»[3].

Загнанный ходом Брюнинга в чрезвычайно неудобную позицию, Гитлер долго не знал, что предпринять. Если Гугенберг сразу и грубо отклонил предложение Брюнинга, то Гитлер еще колебался, и ответ, который он в конце концов дал, отражал не только его сомнения, но и его осторожность. Оба эти ответа вскрывали всю разницу между Гугенбергом как весьма недалеким тактиком, постоянно пытавшимся догнать своего радикального партнера и даже, хоть и задыхаясь, перегнать его, — и самим Гитлером, который пользовался своим радикализмом как орудием и комбинировал его с элементами лукавого рационализма. Во всяком случае, он обставил свое несогласие таким количеством оговорок, что оно кое в чем очень походило на приглашение к дальнейшим переговорам. Главное же для него было расширить хоть немного наметившуюся трещину в отношениях между Гинденбургом и рейхсканцлером, которую Гитлер инстинктивно, но совершенно точно уловил. Прибегая к казуистическим доводам, он

[3] *Goebbels J.* Kaiserhof. S. 19 f.

выставлял себя ярым защитником Конституции и в длиннейших речах, посвященных якобы заботе о соблюдении президентом клятвы верности, приводил множество юридических возражений против плана рейхсканцлера.

Хотя Гитлер тем самым уже решился выставить свою кандидатуру в противовес Гинденбургу, он еще несколько недель медлил и не обнародовал своего решения. Дело в том, что его жизненная концепция всегда предусматривала «благосклонность» господина президента, а не противопоставление ему. К тому же он яснее своих соратников осознавал, насколько рискованно было соперничать с легендарным Гинденбургом. Поэтому напрасно Геббельс и прочие осаждали его советами объявить о своей кандидатуре. Тем не менее он все же согласился с предложением прибегнуть к помощи брауншвейгского министра внутренних дел Клаггеса[4], члена НСДАП, чтобы обеспечить ему немецкое гражданство, необходимое для выставления кандидатуры[5]. На примере этого эпизода особенно хорошо видны его так часто упоминаемая нерешительность, боязнь решающего шага и — как странный контраст с

---

[4] Дитрих Клаггес (1.2.1891—12.11.1971) в 1931 году, после того как нацисты победили на выборах в Брауншвейге, назначен брауншвейгским министром внутренних дел и народного образования. В 1933—1945 годах — министр-президент Брауншвейга. После войны приговорен к пожизненному тюремному заключению, но в 1957 году освобожден. — *Прим. науч. ред.*

[5] *Brecht A.* Vorspiel zum Schweigen. S. 180. Арнольд Брехт приводит такую трагикомическую ситуацию: создатели Конституции сознательно отказались перенять то положение американской Конституции, согласно которому к участию в выборах на высший государственный пост допускаются только родившиеся в этой стране граждане — дабы не исключить своих австрийских собратьев. Впрочем, усилия по обеспечению Гитлеру немецкого гражданства предпринимались еще осенью 1929 года. Тогда Фрик попытался, хотя и безуспешно, уладить вопрос с гражданством в Мюнхене. Полгода спустя, став тем временем министром в Тюрингии, Фрик хотел устроить Гитлеру немецкое гражданство, сделав его государственным служащим этой земли; он собирался предложить ему свободное место комиссара жандармерии в Хильдбургхаузене, однако Гитлер отказался от всей этой смехотворной возни. Не удалась тогда и попытка Клаггеса устроить Гитлера на должность преподавателя Высшего технического училища в Брауншвейге. Лишь последовавшее затем запасное решение о назначении Гитлера государственным чиновником брауншвейгского представительства в Берлине увенчалось успехом.

образом действующего с уверенностью лунатика фюрера — его склонность оттягивать какое-либо решение до последнего момента, пока все не решат обстоятельства, на которые он фаталистически полагался. Ведь, строго говоря, решение было давно принято. Дневник Геббельса шаг за шагом прослеживает мучительную, почти несуразную нерешительность Гитлера:

«9 января 1932 года. Всеобщее смятение. Все гадают: что же сделает фюрер? Вот кое-кто удивится! — 19 января 1932 года. Обговорил с фюрером вопрос о выдвижении его кандидатуры на пост рейхспрезидента. Доложил о своих переговорах. Решение еще не принято. Я очень настойчиво выступаю за его собственную кандидатуру. Если говорить серьезно, теперь, пожалуй, и нет других вариантов. Мы просчитали все с цифрами в руках. — 21 января. В этой ситуации нам не остается ничего иного, как выставить собственного кандидата. Борьба тяжелая и напряженная, но нужно пройти и через нее. — 25 января. Вся партия дрожит от боевого нетерпения. — 27 января. За или против Гинденбурга — такая предвыборная формула теперь, очевидно, неизбежна. Мы должны наконец открыто назвать своего кандидата. — 29 января. Заседает комитет Гинденбурга. Нам придется выложить карты на стол. — 31 января. Фюрер примет решение в среду. Каким оно будет, сомневаться не приходится. — 2 февраля. Аргументы в пользу кандидатуры фюрера настолько убедительны, что ни о чем другом больше и речи быть не может... Днем долго совещался с фюрером. Он излагает свой взгляд на президентские выборы. Он решился выставить свою кандидатуру. Но сначала нужно выяснить, что происходит на противоположной стороне. Тут решающее значение имеет СДПГ. Затем о нашем решении будет оповещена общественность. Чрезвычайно тягостная борьба, но через это надо пройти. Фюрер делает свои ходы в этой партии без всякой спешки и с ясной головой. — 3 февраля. Гаулейтеры ждут опубликования решения о кандидатуре на пост президента. Ждут напрасно. Тут идет игра в шахматы, а в этих случаях никто не говорит, каким будет его следующий ход... Партия вся — сплошное беспокойство и напряженное ожидание, тем не менее пока царит молчание... Фюрер в часы досуга занимается планами строительства нового партийного дома и гигантской перестройки имперской столицы. Проекты у него совершенно готовы, и не уста-

ешь удивляться, в каком количестве вопросов он разбирается как специалист. Ночью ко мне зашли многие верные, старые товарищи по партии. Они подавлены, так как все еще ничего не знают о решении. Их беспокоит, что фюрер слишком долго тянет. — 9 февраля. По-прежнему неопределенность. — 10 февраля. На улице трескучий мороз. В ясном воздухе носятся ясные решения. Ждать их остается уже недолго. — 12 февраля. Просчитал вместе с фюрером в «Кайзерхоф» еще раз все цифры. Риск есть, но на него надо идти. Итак, решение принято... Фюрер снова в Мюнхене. Опубликование решения откладывается на несколько дней. — 13 февраля. На этой неделе должно быть публично объявлено о решении по вопросу о президентских выборах. — 15 февраля. Теперь нам уже нет нужды скрывать решение. — 16 февраля. Работаю так, словно предвыборная борьба уже идет. Это создает известные затруднения, так как фюрер официально еще не назван кандидатом. — 19 февраля. У фюрера в «Кайзерхофе». Долгий разговор с глазу на глаз. Решение принято. — 21 февраля. Вечное ожидание почти изматывает».

На следующий вечер Геббельс назначил общее собрание в берлинском Дворце спорта. Это было его первое появление с тех пор, как 25 января был снят запрет на публичные выступления. Между тем срок выборов приблизился на целых три недели, а Гитлер все медлил. Днем Геббельс отправился в «Кайзерхоф», чтобы изложить основные тезисы своей предстоящей речи. Заговорив о проблеме кандидатуры, он вдруг услышал долгожданное разрешение объявить о том, что Гитлер принял решение. «Слава богу!» — записывает Геббельс в дневнике и продолжает:

«Дворец спорта переполнен. Общее собрание членов партии Западного, Восточного и Северного районов. Бурная овация сразу же в начале собрания. Когда я после часовой вступительной речи открыто объявляю о кандидатуре фюрера, на целых 10 минут разражается буря воодушевления и восторга. Люди встают, ликуют и выкрикивают приветствия фюреру. Кажется, вот-вот обрушится потолок. Грандиозная картина. Это действительно движение, которое не может не победить. В зале — неописуемая атмосфера упоения и экстаза. Поздно вечером фюрер еще раз позвонил мне. Я доложил ему обо всем, и он еще зашел к нам домой. Он рад, что объяв-

ление о его кандидатуре произвело такой эффект. Он был и остается все же нашим фюрером»[6].

Последнее предложение выдает сомнения, которые Геббельс совершенно очевидно испытывал в течение последних недель, видя слабость Гитлера как руководителя. Но если этот эпизод — одно из ярчайших свидетельств флегматичности и нерешительности Гитлера, то не менее характерна и та внезапная, можно сказать, с места в карьер начатая бурная, энергичная деятельность, которую он, приняв решение, развил в предвыборной кампании. 26 февраля на церемонии в отеле «Кайзерхоф» он позволил назначить себя на неделю правительственным советником Брауншвейга и тем самым получил немецкое гражданство. Днем позже он восклицал во Дворце спорта, обращаясь к своим противникам: «Я знаю ваш девиз! Вы говорите: "Мы останемся у власти любой ценой", а я говорю вам: мы свергнем вас в любом случае!.. Я счастлив, что сейчас могу биться рядом с моими товарищами — в прямом и переносном смысле слова». Потом он ответил на слова берлинского полицай-президента Гжезински, который еще раньше пригрозил выгнать его арапником из Германии: «Вы сколько угодно можете грозить мне собачьей плеткой. Мы еще посмотрим, будет ли она у вас в руках, когда эта борьба закончится». Одновременно он попытался как-то уклониться от противостояния с Гинденбургом, навязанного ему Брюнингом, и заговорил о том, что чувствует себя обязанным сказать генерал-фельдмаршалу, чье «имя останется для немецкого народа именем вождя великой борьбы»: «Старик, мы слишком чтим тебя, чтобы позволить людям, которых мы стремимся уничтожить, говорить от твоего лица. И как бы мы ни сожалели — но ты должен отойти в сторону, ибо они хотят борьбы, и мы тоже ее желаем»[7]. Вне себя от счастья, Геббельс записал в дневнике: фюрер «снова на высоте положения».

Все это показало, насколько Гитлер и национал-социалисты уже захватили политическую сцену. Настоящая предвыборная борьба началась только теперь, хотя уже давно трое конкурентов противостояли друг другу: Гинденбург, кандидат коммунистов Эрнст Тельман и кандидат радикальных буржуазных правых Теодор Дуйстерберг. И опять национал-социалисты не стеснялись применять грубую, все опроки-

---

[6] *Goebbels J.* Kaiserhof. S. 22 f.

[7] *Domarus M.* Op. cit. S. 94f; *Goebbels J.* Kaiserhof. S. 54 f.

дывающую силу. Внезапно развернувшаяся деятельность по организации собраний свидетельствовала не только о более полной партийной кассе, но и о все более густой сети агитационных опорных пунктов. Еще в феврале Геббельс перевел руководство партийной пропагандой в Берлин и предсказал предвыборную борьбу, «какой еще не знал мир». Мобилизована была вся ораторская элита партии. Гитлер сам с 1 по 11 марта объездил на автомобиле всю Германию и, как утверждалось, выступил в общей сложности перед 500 тысячами слушателей. Этому «демагогу крупнейшего масштаба» помогала, как он и требовал, «армия подстрекателей, которая разжигала страсти и без того измученного народа»[8]. Изощренность и изобретательность этих людей, впервые применивших и современные технические средства, снова дали им громадное преимущество над соперниками. Так, рассылалась пластинка, изготовленная в 50 тысячах экземпляров, снимались звуковые ролики, которые навязывались владельцам кинотеатров в качестве журнала перед основным показом. Был издан специальный иллюстрированный журнал, началась, как выражался Геббельс, война плакатов и знамен, так что целые города или кварталы за одну ночь окрашивались в кричащий, кровавый цвет. Целыми днями по улицам разъезжали грузовики, часто колоннами, под развевающимися знаменами стояли, опустив ремни касок под подбородок, подразделения СА, пели или кричали «Германия, пробудись!» Этот грохочущий пропагандистский поход вскоре создал внутри партии — как следствие самовнушения — настолько победное настроение, что Гиммлер вынужден был издать предписание, ограничивающее употребление алкоголя во время победных празднеств СС[9].

По другую сторону стоял, по сути дела, только Брюнинг. Его одиночество производило странное впечатление. Глубоко почитая рейхспрезидента, он ради него взвалил на себя тяжесть этой изнурительной предвыборной борьбы — позиция социал-демократов слишком ясно показывала, что они поддерживали Гинденбурга, только чтобы добиться поражения Гитлера. Двойственность их положения разделял и сам Гинденбург. В своей единственной за всю предвыборную кампанию речи по радио он решительно отверг упреки в том, что

---

[8] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 532: *Goebbels J.* Kaiserhof. S. 31.

[9] Приказ SS-S Nr. 3 от 3.3.1932. HA roll 89, folder 1849.

будто бы являлся кандидатом «черно-красной коалиции». Но так или иначе, а выбор, перемешавший все фронты и устранивший любую лояльность, существовал только между Гинденбургом и Гитлером. Вечером накануне 13 марта берлинская газета «Ангриф» самоуверенно заявила: «Завтра Гитлер станет рейхспрезидентом».

По контрасту с этими радужными надеждами тем тяжелее был шок, когда стали известны результаты. Гинденбург одержал внушительную победу, собрав 49,6 % голосов и оставив Гитлера (30,1 %) далеко позади. Торжествующий Отто Штрассер приказал расклеить на улицах плакаты, изображавшие Гитлера в роли Наполеона, отступающего из Москвы. Подпись гласила: «Великая армия уничтожена, Его Величество император изволят чувствовать себя хорошо». Отброшенный далеко назад (6,8 % голосов), окончил свою карьеру Дуйстерберг и, его поражение раз и навсегда решило соперничество внутри лагеря националов в пользу Гитлера. За Тельмана проголосовали 13,2 % избирателей. Кое-где национал-социалисты приспустили свои флаги со свастикой.

Но Гинденбург все же чуть-чуть не дотянул до предписанного абсолютного большинства, и предстоял новый тур выборов. Реакция Гитлера на ситуацию была опять-таки примечательной. В партии распространялась нежелательная депрессия, кое-кто уже подумывал об отказе от второго, явно бесперспективного тура выборов. Гитлер же, не предаваясь эмоциям, уже вечером 13 марта призывал в своих обращениях к партии, СА, СС, Гитлерюгенду и Национал-социалистическому автокорпусу к новой, удесятеренной активности. «Первый этап борьбы на выборах окончен, второй начался сегодня. Я и его буду вести с полной самоотдачей», провозгласил он и, как восторженно писал Геббельс, «этой симфонией наступательного духа» снова поднял и распрямил партию. Однако же один из его сопровождающих застал его поздно ночью в темной комнате, погруженного в задумчивость и безучастного — «фигура разочарованного, потерявшего мужество игрока, поставившего на карту больше, чем он мог заплатить»[10].

Тем временем Альфред Розенберг взбадривал приунывших приверженцев в «Фёлькишер Беобахтер»: «Теперь мы пойдем

---

[10] *Hanfstaengl E.* Op. cit. S. 271; VB, 15.3.1932, а также: *Goebbels J.* Kaiserhof. S. 64.

дальше — с ожесточением и безоглядностью, которых Германия еще не знала... Основа нашего борения — это ненависть против всего, что нам противостоит. Теперь никакой пощады не будет». Всего через несколько дней в специальном обращении в поддержку Гитлера выступили около 50 известных деятелей — представители знати, генералы, гамбургские патриции и профессора. Выборы были назначены на 10 апреля. Чтобы хоть как-то сдержать подстрекательскую агитацию правых и левых радикалов, окрашенную ненавистью, обидами и лозунгами гражданской войны, правительство со ссылкой на предстоящие пасхальные праздники объявило «гражданский мир», ограничивший предвыборную борьбу приблизительно одной неделей. Но как всегда в ситуациях, когда его загоняли в угол, Гитлер, вдохновленный именно этой помехой, придумал особенно эффектный пропагандистский трюк. Чтобы как можно действеннее использовать свой ораторский потенциал и лично охватить как можно большее число людей, он нанял самолет для себя и своего ближайшего окружения: Шрека, Шауба, Брюкнера, Ганфштенгля, Отто Дитриха и Генриха Гоффмана. 3 апреля он предпринял первый из тех ставших знаменитыми полетов по Германии, в ходе которых он посетил 21 город, где день за днем выступал на четырех-пяти манифестациях, организованных в стиле операций Генерального штаба. Конечно, партийная пропаганда сплела немало легенд вокруг этого мероприятия. Однако нельзя не признать, что полеты создавали впечатление богатства идей, дерзкого новшества, воинственности и жутковатой вездесущности. «Гитлер над Германией!» — таков был эффектный лозунг, в своей двусмысленности отражавший и ожидания, и страх миллионов людей. В своей самовлюбленности Гитлер, видя окружавшее его ликование, говорил, что ему кажется, будто он орудие в руках Бога и призван освободить Германию[11].

Как и ожидалось, Гинденбург, за которого проголосовали почти 20 миллионов избирателей, собрал 53 % голосов и без труда обеспечил себе необходимое абсолютное большинство. И все же Гитлер, за которого проголосовали 13,5 миллионов человек, сумел добиться гораздо большего прироста голосов: всего за него было подано 36,7 %. Дуйстерберг на этот раз не баллотировался, а Тельман получил всего немногим более 10 % голосов.

---

[11] *Görlitz W., Quint H.A.* Op. cit. S. 338.

В тот же день, в атмосфере усталости, спешки и упоения успехом, Гитлер отдал распоряжения, касающиеся выборов в ландтаг, которые через две недели должны были состояться в Пруссии, Ангальте, Вюртемберге, Баварии и Гамбурге. В них втягивалась опять почти вся страна — $^4/_5$ ее населения. Геббельс записал: «Мы не останавливаемся ни на мгновение и сразу же принимаем решения»[12]. Гитлер снова отправился в полет по Германии и за восемь дней выступил в 25 городах. Его окружение хвастливо говорило о том, что будет поставлен «мировой рекорд» личных встреч. Но этого как раз и не получилось. В лихорадочной активности Гитлер утратил индивидуальные черты, казалось, что вместо него действовал некий динамический принцип: «Вся наша жизнь сейчас — это изнурительная погоня за успехом и властью».

Теперь личность этого человека, и без того трудноуловимая, на долгое время как бы растворилась и не поддавалась истолкованиям биографов. Напрасно окружение Гитлера силилось придать его образу яркость, своеобразие, человеческое обаяние. Даже его могучая пропаганда, владевшая практически любым трюком, перед лицом этой задачи оказалась вскоре у предела своих возможностей. Красноречивое свидетельство тому — дневники и описания событий, вышедшие из-под пера Геббельса или Отто Дитриха. Бесконечные истории о Гитлере — друге детей, уверенном навигаторе, чутьем выводящем заплутавший самолет на верный маршрут, «абсолютном» стрелке из пистолета или находчивом полемисте среди «красной черни» всегда казались вымученными и только усиливали впечатление о Гитлере как человеке, далеком от жизни, — а между тем задача подобных историй была как раз обратной. Только кое-какие внешние атрибуты, за которые он упорно держался, придавали ему некоторую индивидуальность: плащ-дождевик, фетровая шляпа или кожаный шлем, хлыст, которым он постоянно пощелкивал, характерные черные усики и неподражаемая челка. Но поскольку последние не менялись, они одновременно как бы и лишали его личностных черт. Геббельс наглядно описал всю ту лихорадочную, поглощавшую любую индивидуальность суету, которая тогда изнуряла всех руководящих деятелей партии:

---

[12] *Goebbels J.* Kaiserhof. S. 78 u. S. 76; по поводу приводимого ниже замечания о «мировом рекорде» Гитлера см.: *Dietrich O.* Mit Hitler in die Macht. S. 65.

«Снова начинается неистовство. Работать приходится, не глядя на то, идешь, едешь или летишь. Самые важные переговоры ведутся на лестницах, в подъездах домов, у дверей, по дороге на вокзал. Просто не успеваешь опомниться. Тебя несет по всей Германии поездом, машиной, самолетом. Приезжаешь в какой-нибудь город за полчаса до начала, иногда и позже, сразу же поднимаешься на трибуну и говоришь... Когда речь окончена, ты в таком состоянии, словно тебя только что во всей одежде вытащили из горячей ванны. Потом снова — в машину, двухчасовой переезд»[13].

За эти последние полтора года, еще до того, как такой неустанный бег приведет Гитлера к успеху, обстоятельства только пару раз вырвали его из этой безликой суеты и на мгновение бросили свет на его личный характер.

Еще в середине сентября предыдущего года, как раз в начале гонки через всю Германию, Гитлер, только что выехавший из Нюрнберга и направлявшийся на предвыборное собрание в Гамбург, получил известие, что его племянница Гели Раубал покончила с собой в их совместной квартире на Принцрегентенштрассе[14]. Гитлер был потрясен, по словам очевидцев, испуган и растерян. Он немедленно повернул назад. Многое говорит в пользу предположения, что, пожалуй, ни одно событие личной жизни ни до ни после этого не переживалось им так болезненно. Несколько недель он был на грани нервного срыва, твердил, что хочет уйти из политики, а в моменты помрачения не раз намекал, что намерен покончить счеты с жизнью: это опять было то эмоциональное состояние — броситься в бездну, отбросить все, — которым сопровождалась каждая полоса неудач в его жизни[15]. Оно заново приоткрывало завесу над тем, под каким высоким напряжением проходило все его существование, скольких постоянных усилий воли стоило ему его стремление быть тем человеком, которым он хотел казаться. Энергия, которую он излучал, была отнюдь не эманацией могучего характера, а скорее актом насилия невротика над соб-

---

[13] *Goebbels J.* Kaiserhof. S. 120 f.

[14] Это произошло 18 сентября 1931 года. — *Прим. науч. ред.*

[15] На самом деле Гитлер в связи с этой «трагедией» абсолютно не изменил образа своей жизни. В том числе на могилу Гели он приехал только спустя год, а уже через несколько дней он уже выступал на митинге, причем из-за смерти ни одно из его выступлений не было отменено. — *Прим. науч. ред.*

ственной натурой. В полном соответствии со своей максимой о том, что величие не знает чувств, он на несколько дней уединился от всех в доме на Тегернзее. Как утверждают люди из его близкого окружения, он и позже говорил о своей племяннице нередко со слезами на глазах; но по неписаному правилу никто не смел напоминать о ней. Верный своей склонности к патетике, включавшей в себя и любовь к смерти, он и память о племяннице превратил в предмет преувеличенного культа. В ее комнате в «Бергхофе»[16] все осталось так, как было при ее жизни, а в помещении, где ее обнаружили лежащей на полу, был установлен ее бюст, и много лет Гитлер в годовщину смерти Гели запирался там на несколько часов для размышлений[17].

Это преувеличенное, экзальтированное обожание, странное на фоне обычной для Гитлера отчужденности и холодности в отношениях с людьми, тем не менее характерно для его реакции на смерть племянницы. Кое-что заставляет думать, что поведение его определялось не только склонностью к театральности и жалостью к самому себе. Вероятно, в этом эпизоде следует видеть одно из ключевых событий его личной жизни, навсегда наложившее отпечаток на его отношение к противоположному полу, и без того перегруженное комплексами.

Со времени смерти матери женщины, если верить имеющимся свидетельствам, играли в его жизни только побочную роль — или роль заменителя. Мужское общежитие, случайные знакомства в мюнхенских пивных подвалах, ночлежки, казармы и партия, дух которой определялся военной формой и мужскими компаниями — таков был мир Гитлера, а дополнение к этому миру, — бордель, хоть и презираемый им, фри-

---

[16] Автор ошибается — не в «Бергхофе», а в квартире на Принцрегентенштрассе. — *Прим. науч. ред.*

[17] См. в этой связи: *Frank H.* Op. cit. S. 190 f.; *Hanfstaengl E.* Op. cit. S. 271 ff. Ссылка на неписаный закон о том, чтобы никогда не упоминать имени племянницы, основывается на сообщении А. Шпеера.

На самом деле Гитлер после прихода к власти практически не бывал в своей мюнхенской квартире. Надо отметить, что несколько месяцев спустя в этой квартира по инициативе Гитлера была отпразднована свадьба Генриетты Гоффман с Бальдуром фон Ширахом. «Для смены нарядов невесте была предоставлена та самая комната, в которой совсем недавно погибла ее подруга, что, конечно, противоречит обращению с сакралиями». См.: *Зигмунд А.* Лучший друг фюрера. М., 2005.

вольные мимолетные связи, с которыми он при его тяжелом угрюмом характере мирился, очевидно, не так-то легко. Его отношение к женщинам выразилось еще в его эмоционально странно обедненной симпатии к его юношескому кумиру Стефании. Среди фронтовых товарищей он считался «женоненавистником»[18]. И хотя он постоянно сохранял тесные общественные связи, постоянно был окружен множеством людей, биография его прямо-таки пугающе безлюдна — в ней нет отдельных, индивидуальных связей. Характерный для него страх раствориться в другом человеке включал в себя, по наблюдению одного из членов его окружения, и постоянную боязнь «стать из-за женщины предметом пересудов».

Только с появлением Гели Раубал, питавшей к «дяде Альфу» мечтательную, поначалу, вероятно, полудетскую склонность, Гитлер как будто начал освобождаться от своих комплексов. Может быть, страх перед непринужденным, не стилизованным поведением, перед вынужденным отказом от позы государственного человека, перед психологическим самообнажением все же смягчался родственными отношениями; не исключено, однако, и то, что его чувства к Гели были более сомнительного происхождения: склонность его отца к шестнадцатилетней девочке, которую он взял в свой дом и сделал своей возлюбленной еще до того, как она стала матерью Адольфа Гитлера, была не лишена элементов инцеста. Ни одна из женщин в жизни Гитлера — ни Женни Хауг, сестра его шофера, ни Хелена Ганфштенгль или Юнити Митфорд, ни все те, кого он в стиле австрийского «интима» (в том числе и в разговоре с другими) называл «моя принцессочка», «моя графинечка», «теленочек» или «плутовочка», ни даже Ева Браун — так и не заменили ему Гели Раубал. Она была его единственной и, как бы неуместно ни звучало это слово, большой любовью, к которой примешивались и ощущение запретности этого чувства, и настроения Тристана, и трагическая сентиментальность[19].

---

[18] *Mend H.* Op. cit. S. 113 f. Менд, который, со своей стороны, пользовался довольно большим успехом у женщин, также сообщает, что нередко навлекал на себя за это критику со стороны Гитлера.

[19] Основным создателем этой версии стал социал-демократ и ярый противник национал-социализма К. Хейден, и позже ее поддерживали другие авторы. Однако все последующее поведение Гитлера показывает, что потеря Гели была для него потерей отнюдь не любимой женщины, а близкого человека — племянницы, в судьбе которой он принимал искреннее участие. — *Прим. науч. ред.*

Тем более поразительно, что он при всем своем несомненном психологическом чутье, очевидно, не понимал двусмысленного положения этой неуравновешенной, импульсивной девушки. Никто так и не знает, была ли она действительно его любовницей, хотя некоторые исследователи это утверждают и истолковывают ее самоубийство как отчаянную попытку найти выход из запутанных отношений с дядей, ставших для нее невыносимым грузом. Другие пишут даже, что девушку довели до этого некие противоестественные требования предрасположенного к извращенности Гитлера. В третьей же версии вообще оспаривается какая-либо сексуальная связь между Гитлером и его племянницей, но зато подчеркивается, что племянница была не слишком разборчива и строга по отношению к военизированному персоналу Гитлера[20]. Во всяком случае, достаточно достоверно, что она наслаждалась славой своего дяди и наивно верила, что отблеск этой славы падает и на нее.

Однако, несмотря на многолетние общие мечты, походы в оперу и радости пикников на природе и совместных сидений в кафе, связь эта мало-помалу, вероятно, приобретала тягостный характер. Теневая сторона характера Гитлера — его мучительная ревность, его завышенные требования, — а он, например, посылал свою весьма средне одаренную и к тому же почти лишенную честолюбия молоденькую племянницу к знаменитым учителям пения, чтобы они сделали из нее вагнеровскую героиню, — как и вообще его бесконечное вмешательство в ее жизнь все больше ограничивали возможности личного самовыражения девушки. В окружении Гитлера знали, что перед самым его отъездом в Гамбург между ними произошло бурное, проходившее на повышенных тонах объяснение из-за того, что Гели хотелось на некоторое время переехать в Вену. Скорей всего, именно эти запутанные и в общем действительно безвыходные обстоятельства в конце концов и толкнули ее на роковой шаг. Политические противники Гитлера распространяли самые нелепые слухи, которые именно поэтому мгновенно подхватывались публикой. Так, они

---

[20] Для сравнения различных версий см.: *Hanfstaengl E.* Op. cit. S. 231 ff.; *Heiden K.* Hitler. Bd. 1. S. 371; *Görlitz W., Quint H.A.* Op. cit. S. 322 ff.; *Frank H.* Op. cit. S. 90. Жалобы вюртембергского гаулейтера Мундера на то, что Гитлер, проводя время в обществе своей племянницы, слишком уж отвлекается от своих политических обязанностей, сыграли не последнюю роль в его отставке.

утверждали, что девушка застрелилась, так как была якобы беременна от Гитлера, обвиняли самого Гитлера в убийстве или же заявляли, что с ней расправился «фемегерихт»[21] СС, чтобы она не отвлекала своего дядю от исторической миссии. Гитлер жаловался временами, что эта «ужасная грязь» убивает его, и мрачно угрожал, что не забудет своим противникам злословие тех недель[22].

Как только он пришел в себя от потрясения, он все же поехал в Гамбург и там под ликование тысяч собравшихся граждан произнес одну из тех будоражащих речей, которые доводили публику до коллективного исступления. Она жадно ждала мгновения раскрепощения, острого наслаждения, разрешающегося в визгливых криках. Аналогия слишком прозрачна, чтобы быть обойденной, и позволяет истолковывать ораторские триумфы Гитлера как феномен сексуальности, направленной в пустоту. Очевидно, не без причины Гитлер сравнивал толпу как понятие с «воплощением женского начала». Достаточно перелистать соответствующие страницы его книги «Майн Кампф», достаточно одного взгляда на тот эротический пыл, который пробуждали в нем идея массы, его представления о ней. Этот пыл позволял ему добиваться все же примечательной стилистической свободы выражения, чтобы понять, чего искал и что находил этот неконтактный, одинокий человек, стоя на высокой трибуне над послушной массой во время этих коллективных бдений, которые со временем стали для него почти наркотиком. Однажды он, если верить источнику, в порыве саморазоблачения назвал массу своей «единственной невестой»[23]. Неотразимость его подсознательных самоизвержений была не в последнюю очередь обусловлена именно тем, что все это было обращено к массе, измученной долгой нуждой, вынужденной ограничиваться

---

[21] Тайное судилище. — *Прим. пер.*

[22] Здесь и далее см. в этой связи: *Frank H.* Op. cit. S. 90. Ганфштенгль рассказывает в своей книге (*Hanfstaengl E.* Op. cit. S. 242.) о другой версии событий: по его словам, в семье Гитлера говорили о том, что Гели была беременна от одного еврея, учителя рисования из Линца. Ганфштенгль пишет также, что труп Гели был найден со сломанной переносицей, однако никаких доказательств этого не приводит. На расспросы автора Ганфштенгль заявил, что тогда об этом знали все, но, насколько мне известно, в серьезной литературе это обстоятельство нигде не встречается.

[23] *Hanfstaengl E.* Op. cit. S. 61.

элементарными потребностями и реагирующей поэтому «подсознательно», то есть настроенной на ту же волну, что и Гитлер. Магнитофонные записи того времени ясно передают своеобразную атмосферу непристойного массового совокупления, царившую на тех мероприятиях — затаенное дыхание в начале речи, резкие короткие вскрики, нарастающее напряжение и первые освобождающие вздохи удовлетворения, наконец, опьянение, новый подъем, а затем экстатический восторг как следствие наконец-то наступившего речевого оргазма, не сдерживаемого уже ничем. Поэт Рене Шиккеле как-то сравнил речи Гитлера с «сексуальным убийством». Да и многие другие современники пытались описать наэлектризованную, чувственную атмосферу этих митингов, по сути дела, подобным же образом, в выражениях, больше подходящих к Вальпургиевой ночи и шабашу на Блоксберге[24].

И все же было бы ошибкой видеть в этом рассчитанном разгуле, этом сексуальном суррогате весь секрет ораторских успехов Гитлера. Скорее, и здесь дело было опять-таки в странной, но для него столь характерной смеси беспамятства и расчета. Стоя в свете прожекторов, бледный, жестикулирующий, громко и хрипло бросающий в зал брань, слова обвинения и ненависти, Гитлер все же постоянно очень хорошо контролировал свои эмоции, и вся его исступленность не мешала ему точно отмеривать долю инстинктивного в своих речах. Снова мы имеем здесь дело с двойственностью, пронизывавшей все его поведение и составлявшей одну из основ его натуры. Это накладывало свой отпечаток и на его ораторскую тактику не меньше, чем на тактику «легальности», а впоследствии на методы завоевания власти или внешнеполитические маневры. Даже самый режим, который он создал, воспринял эту его черту и был однажды прямо так и назван «двойным государством»[25].

Триумфы этого периода отличались от побед прежних лет как раз явно растущей долей обдуманной рациональности в искусстве овладения аудиторией и широким применением хорошо отработанных приемов. Успех Гитлера по-прежнему основывался на том, что он всякий раз доходил до крайней точки, только теперь он стал радикальнее не только в эмоциях,

---

[24] Так в немецких народных преданиях называется Брокен, вершина в горах Гарца, с которой связан ряд поверий. — *Прим. пер.*

[25] В известном одноименном исследовании Эрнста Френкеля.

но и в рациональном расчете. Еще в одной из речей в августе 1920 года он сказал, что его задача — исходя из трезвой оценки, «будить, будоражить и разжигать инстинктивное начало»[26]. Это позволяет понять, в чем он видел секрет своих тогдашних массовых успехов. Но только теперь, в неизмеримо более острой обстановке мирового экономического кризиса, это трезвое понимание позволило ему найти и применить в своей агитации смелые стилевые методы для достижения той психологической «капитуляции», которую он называл целью любой пропаганды. При планировании гитлеровских кампаний для случайностей места не оставалось, всякая деталь, как выражался Геббельс, «была заорганизована до конца»: маршрут, наращивание числа людей, обслуживающих мероприятие, численность участников каждого собрания, точно определяемое соотношение добровольцев и публики как таковой или, для усиления эффекта ожидания, намеренное затягивание момента появления самого Гитлера с помощью режиссерских мизансцен вроде выноса знамен, звуков маршей и экстатических криков «Хайль Гитлер!», — а затем внезапное появление оратора в свете вспыхивающих прожекторов перед толпой, уже искусно подогретой, жаждущей зрелища и внутренне готовой к вихрю восторга. Когда-то, на заре существования партии, Гитлер устроил митинг в первой половине дня и не сумел установить никакой связи, «ни малейшего контакта» со слушателями, «что повергло его в глубочайшее уныние». С тех пор он назначал все мероприятия только на вечерние часы и придерживался этого правила по возможности даже во время полетов по Германии, хотя из-за наращивания числа выступлений приходилось ужимать и без того сжатые сроки проведения митингов до нескольких часов, что доставляло немало трудностей. Ему случалось и запаздывать к назначенному часу, как, например, при полете в Штральзунд, куда он прибыл на митинг около половины третьего ночи. Но 40-тысячная толпа прождала его почти семь часов, и когда он окончил свою речь, уже занималось утро. Такое же

---

[26]Из выступления Гитлера 13.8.1920, см.: VJHfZ, 1968. H. 4. S. 417; в начале июня 1931 года Гитлер говорил Р. Брейтингу: «Борьба за идею основывается не только на вере, но и на разуме. Однако если в массах мы должны апеллировать к чувствам веры, то в нашем руководящем звене нет места спекуляциям на вере. Все взвешивается трезво». *Calic E.* Op. cit. S. 58.

значение, как времени, он придавал и месту. «Таинственная магия» затемненного байройтского фестивального театра во время представления «Парсифаля» или же «искусственно созданный и все же таинственный полумрак католических церквей» были, как он сам признавал, почти непревзойденными моделями психогенных помещений, которые уже заранее подготавливают аудиторию к работе пропагандиста «по ограничению свободы воли людей»[27].

«Ибо истинно говорю вам, — возвестил Гитлер в обычном для него проповедническом тоне, — каждое собрание — это противоборство двух противоположных сил»; в его понимании природы таких противоборств агитатору были дозволены любые средства. Каждое из его рассуждений должно было служить «отключению мышления», «суггестивному параличу», созданию «состояния готовности к фанатическому самопожертвованию». Массовое собрание и само было в не меньшей степени, чем помещение, время, маршевая музыка и световые эффекты, оружием психотехнического ведения борьбы. Когда человек, пояснял Гитлер, «со своего места работы или с большого завода, где он кажется себе совсем маленьким, впервые приходит на массовое собрание и видит вокруг себя многие тысячи единомышленников; когда он, этот ищущий индивид, подпадает под мощное, пьянящее воздействие суггестивного воодушевления трех-четырех тысяч человек; когда видимый успех и согласие тысяч подтверждают в нем сомнение в правильности его прежних убеждений — тогда он подпадает под волшебное влияние того, что мы называем внушением. Желания и устремления, но также и сила тысяч людей накапливаются в каждом из них. Человек, пришедший на такое собрание полным сомнений и колебаний, покидает его, будучи внутренне гораздо более сильным: он стал членом некоего сообщества»[28].

Гитлер считал, что его режиссерские находки и демагогические фразы, в которых, как он хвастливо заявлял, «учтены все человеческие слабости», прямо-таки с «математической точностью» обречены на успех. Во время своего первого полета по Германии он после речи в Герлице случайно открыл для себя, какое магическое воздействие на десятки тысяч напряженно всматривающихся людей оказывает зрелище осве-

---

[27] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 530 ff.
[28] Ebd. S. 535 ff.

щенного самолета на фоне ночного неба[29]. Он снова и снова прибегал уже намеренно к этому приему, чтобы вызвать в людях то настроение жертвенности и жажды вождя, которому он потакал, предлагая себя в качестве идола и кумира. Он, не таясь, публично возносил хвалу Всевышнему за то, что тот дал движению людей, проливавших кровь, и мучеников. После первого поражения на президентских выборах Гитлер упрекал партийную печать в том, что она «скучна, монотонна, лишена самостоятельности мысли и всякого подобия темперамента», и сердито спрашивал, как она пропагандистски использовала смерть многих штурмовиков. Один из очевидцев вспоминал слова Гитлера о том, что наших мертвых товарищей «похоронили под звуки барабанов и флейт, а партийные газетенки написали об этом напыщенно, жалобно и нудно. Почему в витринах редакций партийных газет не показали народу покойников, их раздробленные черепа, их исполосованные ножами окровавленные рубахи? Почему сами газеты не воззвали к народу у гробов, не призвали его к мятежу, к восстанию против убийц и их закулисных покровителей, вместо того чтобы публиковать прописные истины, жалкие и политически половинчатые? Для матросов броненосца "Потемкин" достаточно было скверной жратвы, чтобы совершить революцию, а нас и смерть наших товарищей не подвигает на национальную борьбу за освобождение»[30].

Однако снова и снова все его мысли, вся его любовь к психологии обращаются к массовым митингам, которые «воспламеняли в жалком, маленьком человеке гордое сознание того, что пусть он и червь, однако он — часть большого дракона, от огненного дыхания которого однажды погибнет в пламени ненавистный буржуазный мир»[31]. Ход мероприятия основывался на неизменном тактическом и литургическом ритуале, который, по мысли Гитлера, должен был все больше подчеркивать значимость и эффектность его появления перед публикой. Пока знамена, маршевые ритмы и крики ожидания погружали массы в состояние предпраздничной суматохи, сам

---

[29] См.: *Dietrich O.* Mit Hitler in die Macht. S. 86 f., а также: *Hitler A.* Mein Kampf. S. 45 f.

[30] *Krebs A.* Op. cit. S. 154; Adolf Hitler in Franken. S. 73.

[31] *Hitler A.* Mein Kampf. S. 529; это замечание, как и многочисленные выводы Гитлера, относятся конечно же к противнику-марксисту, однако это не больше чем внешняя оболочка.

он, нервничая, сидел в гостинице или каком-либо партийном офисе, беспрерывно пил минеральную воду и выслушивал частые донесения о настроении в зале. Нередко он давал еще несколько полезных указаний или подсказывал особо тщательно сформулированные сообщения для передачи в зал. Только когда нетерпение масс грозило снизиться, а искусственно подогреваемая лихорадочная жажда слияния схлынуть, он отправлялся в путь.

Он предпочитал длинные коридоры, переход по которым еще увеличивал напряжение, и всегда входил в зал не через сцену, а через проход для публики. В Баденвейлерском марше[32] у него была своя, только для него предназначенная выходная тема, и ее приближающиеся издалека звуки заставляли утихнуть шум в зале и в едином порыве срывали людей с мест. Застыв с поднятыми для приветствия руками, они исходили криком, доведенные всеми этими манипуляциями до состояния полного блаженства: ОН ПРИШЕЛ. Многие фильмы того времени донесли до нас эту картину: в свете следующих за ним прожекторов он шествует между беснующимися, рыдающими живыми шпалерами, в первых рядах которых часто стояли женщины. «Via triumphalis... из живых людских тел», как высокопарно писал Геббельс[33]. И на этом фоне сам Гитлер, замкнутый, как бы недоступный для этой жажды психологического изнасилования. Он не терпел ничьих вступительных речей или зачитывания приветствий, все это только отвлекало внимание от его собственной персоны. На несколько мгновений он задерживался у сцены, машинально пожимал чьи-то руки, молча, с отсутствующим видом и беспокойным взглядом, но в то же время готовый как медиум впитать в себя силу, исходящую от кричащей толпы, чтобы вознестись над ней же.

Первые слова негромко, как бы ища опоры, падали в бездыханную тишину, часто им предшествовала минутная пауза, нужная ему для концентрации и делавшая ожидание слушателей невыносимым. Начало было монотонным, обычным, чаще всего связанным с легендой его восхождения: «Когда я, безымянный фронтовик, в 1918 году». Таким формализован-

---

[32] Баденвейлерский марш (Badenweiler Marsch) был любимым маршем Гитлера. Он считался «личным» маршем Гитлера и мог исполняться только в его присутствии. — *Прим. науч. ред.*

[33] *Goebbels J.* Kaiserhof. S. 307 f.

ным началом он не только еще и еще подстегивал ожидание уже во время самой речи, но и получал возможность почувствовать атмосферу зала и настроиться на нее. Какой-нибудь выкрик из зала мог его внезапно вдохновить на ответ или острое замечание, и тогда вспыхивали долгожданные первые аплодисменты. Они давали ему чувство контакта, ощущение восторга, и «четверть часа спустя», замечал один из современников, «наступает то, что можно описать только примитивной старинной формулой: в него вселяется дух»[34]. Тогда Гитлер, беспорядочно, импульсивно жестикулируя, поднимая голос, приобретающий металлический тембр, до немыслимых нот, извергал из себя слова. Нередко в пылу заклинаний он закрывал себе лицо сжатыми кулаками и закрывал глаза, весь во власти своей замещенной сексуальности.

Его речи были тщательно подготовлены и произносились строго по записям, всегда находившимся у него под рукой, но как феномен они рождались все же в тесном общении, в обратной связи с аудиторией. Одному из его временных попутчиков казалось, что Гитлер ощущения своих слушателей просто впитывает в себя с воздухом. Именно эта присущая ему необыкновенная чуткость к реакции публики, распространявшая вокруг него ни с чем не сравнимую женственную ауру, создавала возможность того оргиастического соединения с публикой, в котором она «познавала его» в библейском смысле этого слова. Ни психологическое чутье, ни расчетливая режиссура его митингов сами по себе не дали бы ему такой колдовской власти, если бы он не разделял с массой самые потаенные движения ее души и не сосредоточил бы в себе самым наглядным образом все ее извращенные реакции. Стоя перед его трибуной, она видела в нем себя, становилась объектом обожания и поклонения; это был взаимный обмен патологическими реакциями, соединение индивидуальных и коллективных комплексов внутреннего кризиса в опьяняющем празднике вытеснения этих комплексов.

Поэтому постоянный рефрен, что Гитлер, мол, говорил каждому собранию только то, что оно хотело слышать, лишь весьма поверхностно отражает суть дела. Он отнюдь не был краснобаем-оппортунистом, льстящим толпе, но выражал чувства тысяч и тысяч людей — их потрясение, их страх и не-

---

[34] *Miltenberg W. v.* (т.е. Герберт Бланк, входивший в окружение О. Штрассера). Op. cit. S. 69.

нависть, объединяя их и превращая в динамичный фактор политики. После одного из массовых митингов в Мюнхене американский журналист Х.Р. Никербокер сделал такую запись: «Гитлер выступал в цирке. Он был евангелистом, несущим свое слово собравшимся на митинг, был Билли Сэнди немецкой политики. Его новообращенные послушно следовали за его мыслью, смеялись вместе с ним, разделяли все его чувства. Вместе с ним они издевались над французами. Вместе с ним они ошикивали республику». В ходе таких контактов ему «удавалось ощутить собственный невроз как некую универсальную истину, а коллективный невроз превратить в резонатор собственной одержимости»[35]. Именно по этой причине он так зависел от производимого им впечатления, ему необходимы были аплодисменты, чтобы полностью раскрыть свой ораторский дар. Малейшее несогласие в зале выбивало его из колеи, и штурмовики, с самых первых выступлений постоянно его окружавшие, нужны ему были не столько как служба порядка, сколько для того, чтобы подавлять любое возражение, любой намек на сопротивление и угрозами доводить ликование до нужной точки. Многие свидетельствуют, что Гитлер в неприязненной аудитории вдруг терял нить, прерывал выступление и немедленно покидал помещение.

Но ликование толпы было ему нужно и чисто физиологически, так как когда-то оно пробудило его к жизни, а теперь поддерживало в нем тонус и несло все дальше вперед. Впрочем, он и сам говорил, что в обстановке ликования и восторга чувствует себя «совсем другим человеком». Историк Карл фон Мюллер, слышавший ранние упражнения участника своего семинара по ораторскому искусству, говорил, что у него было такое чувство, будто Гитлер заражает слушателей возбуждением, которое потом передается ему самому и заставляет крепнуть его голос. Конечно же он был выдающимся тактиком, способным организатором в делах власти, недюжинным психологом и, несмотря на все срывы, случавшиеся холостые ходы и низменные черты характера, одним из необычнейших явлений общественной жизни тех лет. Но ту гениальность, которая казалась неодолимой и далеко уносила его от темных сторон жизни, он обретал только перед лицом

---

[35] *Broszat M.* Soziale Motivation und Puehrerbindung des Nationalsotialismus. In: VJHfZ, 1970. H. 4. S. 402; цитату из книги Х. Р. Никербокера см.: *Knickerbocker H.R.* Deutschland so oder so? S. 206.

большого скопления людей. Тогда изрекаемые им банальности обретали звучание мощного пророчества, и он, казалось, в самом деле превращался в того вождя, изображать которого в повседневности ему было не так просто. Основным его душевным состоянием была апатия в сочетании с типично австрийской «утомленностью», и ему постоянно приходилось бороться с искушением удовольствоваться хождением по кино, в оперетту на «Веселую вдову», шоколадными пирожными в Карлтонских кафе или бесконечными разговорами об архитектуре. И только лихорадочная суета, поднимавшаяся вокруг его выступлений, подвигала его к тому постоянному волевому усилию, которое придавало ему не только энергию, настойчивость и самоуверенную агрессивность, но и психологическую стойкость во время необыкновенно изнурительных кампаний и полетов по Германии. Это был наркотик, необходимый ему в этом судорожном существовании. Во время своей первой частной встречи с Брюнингом в начале октября 1931 года он, по свидетельству рейхсканцлера, произнес часовой монолог, в ходе которого прямо-таки на глазах становился все резче и взвинченнее — его воодушевляли колонны штурмовиков, которые по его приказанию через равные промежутки времени с песнями маршировали под окнами. Очевидно, это делалось как для устрашения Брюнинга, так и для «подзарядки» самого Гитлера[36].

Именно глубинная связь с массами позволила Гитлеру подняться над образом уверенного в своих приемах демагога и обеспечила ему несравненно больший успех, чем Геббельсу, хотя тот и действовал более тонко и хитроумно. Мысль о том, чтобы нанять для своих предвыборных путешествий самолет, именно в этом контексте обретает черты гениальности, так как придает его выступлениям налет мессианства. Словно избавитель, Гитлер спускался с небес к бурлящим толпам, покорно ждущим его час за часом, и стряхивал с них отупение и отчаяние, чтобы пробудить их к «подгоняющей вперед истерии», как он сам это охарактеризовал. Геббельс как-то назвал эти митинги «литургиями нашей политической работы», а одна гамбургская учительница в апреле 1932 года писала после предвыборного митинга, собравшего 120 тысяч человек, о картинах «трогающей душу веры» в Гитлера как

[36] *Brüning H.* Memoiren 1918—1934. S. 195; к предыдущему замечанию см.: *Dietrich O.* Zwölf Jahre. S. 160.

«опору и спасителя, как избавителя от великих бед». Нечто похожее высказывала и Элизабет Ферстер-Ницше, сестра философа, после одной из поездок Гитлера в Веймар: как она писала, он «производил впечатление фигуры скорее религиозной, чем политической»[37].

Вот эти-то метафизические элементы в гораздо большей степени, чем идеологические, и привлекли к нему стольких людей и обеспечили триумфальный подъем на том этапе. Массовый успех Гитлера был прежде всего феноменом религиозно-психологического свойства, который выявлял не столько политические убеждения, сколько душевное состояние людей в каждый данный момент. Разумеется, Гитлер в этом смысле отталкивался от обширной системы традиционных норм поведения и реагирования на те или иные жизненные ситуации: от предрасположенности немцев к авторитарному порядку и иррациональному типу мышления, от глубоко укорененной потребности следовать за каким-то авторитетом или неадекватного отношения к политике. Но такими достаточно общими точками соприкосновения совпадение это в основном и исчерпывалось. Так, особый резонанс гитлеровских призывов к ненависти объясняется не каким-то чрезмерным антисемитизмом немцев, а эффектным возвращением к старому, испытанному приему создания видимого образа врага. И не в том дело, что он мобилизовал якобы единственную в своем роде воинственность немцев, но он апеллировал к чувствам самоуважения и национального своенравия, которые так долго игнорировались другими. Массы шли за ним вовсе не потому, что картинами украинских равнин он разжигал безудержную империалистическую жадность нации, а потому, что они стосковались по гордому сознанию своей новой причастности к формированию истории. Поразительно малое число людей, читавших «Майн Кампф», хотя по тиражу книга побила все рекорды, до известной степени объясняет то духовное равнодушие, с которым они всегда относились к конкретным программам Гитлера.

Вопреки более поздним утверждениям, подъем и усиление НСДАП не были большим заговором немцев против всего мира во имя империалистических и антисемитских целей.

---

[37] *Kessler H.* Graf. Op. cit. S. 681; *Jochmann W.* Nationalsozialismus und Revolution. S. 405; а также: *Heiber H.* Joseph Goebbels. S. 65.

В речах Гитлера в годы массового притока людей в его партию удивительно мало говорится о конкретных намерениях и почти ничего даже о его идеологических «пунктиках» — антисемитизме и жизненном пространстве. Наоборот, бросается в глаза зыбкая, очень общая тематика этих речей и обилие в них ни к чему не обязывающих мировоззренческих метафор. Что же касается наглядного определения целей, то тут они далеко отстают от откровенной книги «Майн Кампф». Всего за несколько месяцев до начала Второй мировой войны Гитлер в разгар одного из спровоцированных им кризисов признался в том, что годами придерживался «тактики невинности» и что обстоятельства заставляли его носить маску миротворца[38].

По мере того как он проникался сознанием своего ораторского таланта, в его речах оставалось все меньше содержательности и конкретности. Он полагался на свое формальное мастерство. Его длительный успех наглядно показывает, что национал-социализм был не столько идеологическим, сколько харизматическим движением и ориентировался не на какую-либо программу, а на вождя. Только фигура вождя придавала той расплывчатой смеси идей, которая была на поверхности, некий контур и стержень, только вождь вообще делал возможным рождение этого движения из его первоначально туманного, призрачного состояния. У Гитлера была интонация, увлекавшая людей за собой, гипнотический голос. Сколько бы ни говорилось о том, что Гитлер ловко использовал чужие несбывшиеся мечты и притязания на гегемонию, все же большинство людей, встречавших его с восторгом на ораторской трибуне, хотели просто забыть хоть на время о своей крайней усталости и панике и вовсе не думали о Минске или Киеве, не говоря уж об Освенциме. Они хотели прежде всего перемен. Их политические взгляды вряд ли выходили за рамки слепого отрицания существующего положения вещей.

Гитлер лучше всех своих конкурентов и справа и слева понял, какие возможности таил в себе этот комплекс отри-

---

[38] См. речь Гитлера перед главными редакторами периодических изданий 10.11.1938, опубликовано в: VJHfZ, 1958. H. 2. S. 182 ff.; Голо Манн как-то указал на то, что в предвыборном манифесте Гитлера 1930 года на тринадцати плотно исписанных страницах, где были перечислены все те, кого социал-националисты считали своими противниками и предателями, не было ни одного антисемитского высказывания; см.: Deutsche und Juden. Frankfurt/M. 1967. S. 67.

цания. Его агитаторская тактика заключалась, собственно, всего-навсего в сочетании клеветы и провидческих картин, исходящих ненавистью обвинений в адрес настоящего и обещаний великого будущего. Это были бесконечные вариации на тему восхваления сильного государства, возвеличивания нации, требования национально-расового возрождения и свободы действий в политике. Особенно он любил апеллировать к немецкой жажде единения, негодовал по поводу «самоубийственного внутреннего разброда» в недрах самой нации, называл классовую борьбу «религией людей с комплексом неполноценности», расхваливал свое движение как попытку «навести мосты» между ее отдельными слоями или же запугивал предсказанием того, что немцы могут стать «удобрением для культуры» других наций мира.

Но постоянным его лейтмотивом, средством и самовозбуждения, и возбуждения масс были нападки на настоящее: «разрушение рейха», ослепление нации, угроза марксизма, «противоестественность многопартийного государства», «трагедия мелких вкладчиков», голод, безработица, самоубийства. Нарочито общие формулировки в описаниях бедственного положения не только давали ему возможность найти наиболее общий знаменатель для масс своих последователей. Гитлер к тому времени уже понял: внутренние раздоры в партиях всегда являются следствием слишком конкретных обещаний, а неясность целей, наоборот, увеличивает силу любого движения. Массы, а в конечном итоге и власть должны будут достаться тому, кто сумеет сочетать самое радикальное отрицание настоящего с самыми неопределенными обещаниями в отношении будущего. Так, прибегая к одной из таких типичных, бесконечно варьируемых комбинаций картины и антикартины, проклятья и утопии, он говорил: «Разве это по-немецки, это дробление нашего народа на тридцать партий, из которых ни одна не ладит с другими? А я говорю всем этим горе-политикам: "Германия станет одной-единственной партией, единой партией великого народа-героя!"»[39].

Одновременно по-агитаторски резкое отрицание действительности давало ему возможность для той простоты изложения, в которой он сам видел одну из причин своего успеха и, больше того, блестящее подтверждение собственного пропа-

[39] Adolf Hitler in Franken. S. 81 (речь, произнесенная 30.7.1932).

гандистского кредо: «Любая пропаганда должна быть народной и в своем интеллектуальном уровне равняться на восприятие самых ограниченных слушателей». Примером может служить отрывок из одного выступления в марте 1932 года, в котором Гитлер упрекал режим в том, что ему было дано долгих тринадцать лет, чтобы проявить свои возможности, а он вместо того привел только к «серии катастроф»:

«С самого первого дня революции и вплоть до эпохи подчинения и порабощения, вплоть до времени договоров и чрезвычайных законов мы видим только ошибку за ошибкой, крах за крахом, бедствие за бедствием; робость, летаргия, безнадежность — вот постоянные вехи этих катастроф... Крестьянство сегодня в упадке, ремесло вот-вот рухнет, миллионы людей потеряли свои с трудом накопленные гроши, миллионы других остались без работы. Все, что было раньше, опрокинуто, все, что раньше казалось великим, свергнуто. Единственное, что нам осталось — это те люди и те партии, которые повинны в наших несчастьях. Они все еще у руля»[40].

Вот такими тысячекратно повторяемыми и варьируемыми, очень убедительно звучащими обвинениями, будоражащими призывами к возмущению, туманными рецептами и советами, касающимися отечества, чести, величия, мощи и мести, он и мобилизовал массы. Ему было важно, взвинчивая своих слушателей, еще больше усилить хаос, против которого он так сурово и яростно выступал. Гитлер рассчитывал на все то, что разлагало и расшатывало существующие отношения, ибо динамика событий подтачивала систему и в итоге играла ему на руку. Никто другой так убедительно, решительно и эффективно не формулировал уже невыносимое стремление к переменам. Люди настолько отчаялись, писал Гарольд Николсон в дневнике во время пребывания в Берлине в начале 1932 года, что «примут все, что хотя бы немного напоминает собой альтернативу»[41].

Агитация Гитлера, будучи неопределенной по содержанию и направленной единственно на развитие реактивных сил общества, именно в силу этих обстоятельств позволяла ему не касаться социальных конфликтов и топить противоречия в многословных тирадах. Геббельс писал в дневнике об одной из речей Гитлера, которую он произнес в полночь в берлинском

---

[40] Adolf Hitler in Franken. S. 179 (речь, произнесенная 7.3.1932).

[41] *Nicolson H.* Tagebücher und Briefe. S. 105.

районе Фридрихсхайн: «Там сплошь совсем маленькие люди. Речь фюрера их очень растрогала». Но такое же действие его речи оказывали и на очень больших людей, как и на группы, находящиеся между обоими этими полюсами. Некий профессор Бурмейстер рекомендовал его как «кандидата немецких деятелей искусства» и хвалил «его ораторское искусство, своей сердечностью согревающее душу». После двухчасового выступления Гитлера перед руководителями аграрного союза и представителями дворянства Бранденбурга один из крупных аграриев попросил «от имени всех присутствующих» разрешение не открывать дискуссию: конечно, речь шла о кризисах, интересах и социальных конфликтах, но «не следует нарушать чем бы то ни было святости только что пережитого». Со скептиками, говорил Гитлер в оправдание своего постоянного требования верить ему безоглядно, «невозможно, разумеется, завоевать мир, с ними нельзя штурмовать ни небеса, ни государство»[42]. Из пестрой смеси его лозунгов, философской эклектики и тонко продуманной аффектации каждый мог выбрать то, что сам в них вкладывал. Для перепуганного бюргерства это было обещание порядка и возвращение его социальной значимости, для революционно настроенной молодежи — проект нового, окрашенного в романтические тона общества, для деморализованных рабочих — социальная защищенность и хлеб, для военнослужащих стотысячной армии — надежда на карьеру и ордена, для интеллектуалов — смелый, живительный ответ на модные настроения, в основе которых лежали презрение к разуму и языческое обожествление жизни. Вся эта многозначность основывалась не столько на лжи и обмане всех и вся, сколько на способности уловить основной тон аполитичного типа поведения. Подобно Наполеону, он мог сказать о себе, что каждый сам стремился попасть в его сети и что к моменту его прихода к власти не было ни одной группы, которая не возлагала бы на него каких-то надежд[43].

---

[42] Так Гитлер заявил 24 февраля 1937 года, вспоминая о времени до прихода к власти; опубликовано в: *Kotze H., Krausnick H.* Op. cit. S. 85. О высказывании в кругу аграриев сообщает доктор Гмелин в письме от 4. 02. 1931, см.: BAK, NS 26/513; затем: *Jochmann W.* Nationalsozialismus und Revolution. S. 369, а также: *Goebbels J.* Kaiserhof. S. 75.

[43] Так в изобилующей намеками биографии Наполеона, вышедшей в 1942 году якобы по инициативе самого Гитлера, написанной рейхслейтером Филиппом Боулером. Цит. по: *Jacobsen H.-A., Jochmann W.* Op. cit. S. 48.

1932 год был в целом, несомненно, временем величайших ораторских триумфов Гитлера. Судя по некоторым отдельным свидетельствам его ближайшего окружения, он в прежние годы говорил ярче и убедительнее, а позже, на великолепно ритуализованных массовых мероприятиях в годы своего канцлерства, собирал гораздо большую, поистине уже неисчислимую аудиторию. Но никогда ни до, ни после того он не достигал такого «алхимического» слияния всех мотивов: тоски по избавлению, личного сознания своей харизматической проповеднической силы и исключительной устремленности на одну-единственную цель и веры в собственное избранничество — и все это на драматическом фоне бедственного положения страны. Для самого Гитлера тот отрезок времени стал тем глубинным переживанием, которое наложило на него неизгладимую печать и, в качестве прецедента, долго еще определяло его решения. Это ощущение сохранилось в мифе о «времени борьбы», прославлявшемся как «героический эпос», «преодоленный ад» или «борьба титанических характеров»[44].

Точно просчитанному ритуалу открытия митинга соответствовала и его заключительная часть. В шум и восторженные крики врывалась музыка оркестра, исполнявшего «Песнь немцев» или один из партийных гимнов. Это должно было не только закрепить впечатление, сплоченности и заговорщического единства, но и просто задержать собравшихся, пока Гитлер, еще не пришедший в себя, весь мокрый от пережитого напряжения, не покидал помещение и не садился в ожидавший его автомобиль. Иногда он еще несколько минут стоял, приветствуя присутствующих и машинально улыбаясь, рядом с шофером, в то время как толпа старалась придвинуться к нему как можно ближе, или пока штурмовики и эсэсовцы строились в широкие колонны для факельного шествия. Сам же он, усталый, без сил, растративший всего себя, отправлялся в гостиничный номер, и это странное состояние опьянения и отупения, наступавшее после его речей, должным образом завершает картину вак-

---

[44] *Dietrich O.* Zwölf Jahre. S. 21, 29 f., а также общий портрет национал-социализма в его собственной интерпретации. То, в какой мере Гитлер уже во время войны, особенно терпя поражения в ее второй фазе, обращался к опыту «времени борьбы» и черпал в нем свою уверенность, наглядно демонстрируют «Застольные беседы».

ханалий, какими являлись его выходы на большую публику. Одному из современников, встретившему его в такие мгновения, когда он выходил, притихший, с остекленевшим взглядом, адъютант Брюкнер преградил дорогу со словами: «Оставьте же его в покое, он только что кончил!» А один из гаулейтеров нашел Гитлера уже наутро после одной из речей в самой задней комнате анфилады, которую он занимал со своей свитой. Там он «с усталым и унылым видом сидел в одиночестве, сгорбившись, за круглым столом и медленно, с неохотой ел свой обычный овощной суп»[45].

Но одно только возбуждение, вызываемое агитацией Гитлера, конечно, никогда не привело бы его к власти. Правда, выборы в ландтаг Пруссии принесли НСДАП 36,3 % голосов, в результате чего с гегемонией прежней коалиции социал-демократов и партии «Центра» было покончено. Желанного абсолютного большинства, однако же, не получилось — так же как и тремя месяцами позже, на выборах в Рейхстаг 31 июля. Тем не менее НСДАП, получив в парламенте 230 мест (больше чем вдвое по сравнению с прошлыми выборами), далеко опередила все другие партии. Однако все указывало на то, что Гитлер достиг предела своих возможностей. Он переманил к себе множество членов центристских и правых буржуазных партий, а некоторые из них просто поглотил, но прорыв на главном участке, в Социал-демократическую и Коммунистическую партии, ему не удался. Весь гигантский агитационный аппарат, все эти беспрерывные массовые мероприятия, шествия, акции по распространению плакатов и листовок, речи партийных ораторов, выступавших до полного изнеможения, и, наконец, третий полет Гитлера по Германии, в ходе которого он за 15 дней выступил в 50 городах, принесли партии прирост всего около 1 % голосов по сравнению с выборами в прусский ландтаг. Уже тогда Геббельс так прокомментировал этот результат: «Теперь должно что-то произойти. Мы должны прийти к власти в обозримом будущем. Иначе мы напобеждаемся на выборах до собственной гибели»[46].

---

[45] *Krebs A.* Op. cit. S. 136, затем: *Luedecke K.G.W.* Op. cit. S. 479. См. также: *Schirach H.* Der Preis der Herrlichkeit. Wiesbaden, 1956. S. 226, где она пишет: «Однажды я увидела его после выступления. Осунувшийся и бледный, обессиленный и притихший, он ждал, накинув свою шинель, когда ему принесут новый костюм и свежее белье».

[46] *Goebbels J.* Kaiserhof. S. 307. Небезынтересен и состав фракции национал-социалистов в Рейхстаге после июльских выборов 1932 года.

Для подобных ожиданий вскоре появились и первые основания. Перейдя к системе безусловного чрезвычайного положения, Гинденбург, особенно после своего вторичного избрания, все чаще интерпретировал свою власть как личную и все своевольнее и упрямее отождествлял свои желания с благом государства. В этом его поддерживала небольшая группа безответственных советчиков, среди которых не только его сын Оскар, как тогда острили, не был «предусмотрен Конституцией». Сюда относились прежде всего статс-секретарь Мейснер и генерал Шлейхер, молодой консервативный депутат доктор Гереке, а кроме того, сосед Гинденбурга по имению фон Ольденбург-Янушау, обожавший еще со времен кайзера разыгрывать из себя «реакционного грубияна» и шокировавший общественность, например, заявлением, что следует всегда иметь возможность с помощью одного лейтенанта и десяти солдат распустить парламент. К этой группе относились, далее, некоторые другие юнкера с восточного берега Эльбы. Позже к ней присоединился и Франц фон Папен[47]. Последующие месяцы были временем их активной закулисной деятельности. Гитлер возвышался над политическим ландшафтом, словно одинокая, дерзко торчащая скала, и они намеревались интегрировать его, привязать к своим интересам, а по возможности и использовать для запугивания левых сил. Это была внушенная иллюзией высокомерного превосходства последняя попытка старой Германии вернуть себе утраченную ею историческую роль.

По иронии судьбы первой жертвой этой попытки стал Брюнинг. Полагаясь на поддержку президента, рейхсканцлер настроил против себя некоторых из тех «могущественных», заручиться благоволением которых его противник Гитлер так настойчиво — и небезуспешно — старался. Отказ считаться с определенными требованиями промышленников заставил их еще более отойти от правительства, а теперь от него отвернулись и крупные аграрии, группировавшиеся вокруг Гинденбурга. Особенно их возмутило намерение Брюнинга поставить раз-

---

Из 230 депутатов было 55 рабочих и служащих, 50 крестьян, 43 владельца торговых, ремесленных и промышленных предприятий, 29 функционеров, 20 чиновников, 12 учителей и 9 отставных офицеров. См.: Reichstage-Handbuch. 6. Wahlperiode. Berlin, 1932. S. 270.

[47] Отставной майор Франц фон Папен (29.12.1879—2.5.1969) был одним из руководителей католической партии «Центр». — *Прим. науч. ред.*

мер материальной помощи хозяйствам, испытывавшим трудности, в зависимость от их рентабельности, а владения, безнадежно увязшие в долгах, предоставить переселенцам в ходе задуманной широкомасштабной акции по смягчению последствий безработицы. Немедленно начались нападки на рейхсканцлера со стороны групп, чьи интересы оказались под угрозой. Дело дошло до того, что его стали упрекать в большевистских наклонностях. Теперь уже невозможно доказательно утверждать, какая именно мотивировка подействовала на подвергавшегося массированному давлению старого и уже плохо ориентирующегося президента, однако не подлежит сомнению, что это сыграло свою роль в его решении расстаться с Брюнингом. Помимо прочего, для Гинденбурга рейхсканцлер оставался человеком, приведшим его перед переизбранием не на ту сторону фронта, и он — опять-таки не без влияния своего окружения — не захотел простить Брюнингу того глубокого личного конфликта, в который он из-за него попал. Конец Брюнинга наступил, когда он в довершение ко всему вышел из доверия и у Шлейхера, утверждавшего, что он говорит от имени рейхсвера.

Прологом к этому стало событие, выглядевшее как энергичный шаг правительства, на деле же обострившее скрытые противоречия внутри руководства страны и тем самым приблизившее агонию республики. Речь идет о запрете СА и СС. Со времени обнаружения «Боксхеймских документов» снова появились основания полагать, что национал-социалисты по-прежнему не исключали из своих планов возможность насильственного государственного переворота. Партийная армия становилась все нетерпеливее и самоувереннее, а составной частью тактики «легальности» Гитлера являлись его тревожные раздумья на публике о том, как долго ему еще удастся держать в узде коричневые отряды штурмовиков. Людендорф в сердцах как-то назвал Германию «оккупационной зоной СА». За два дня до первых президентских выборов Геббельс писал в дневнике: «Обсудил с руководством СА и СС меры сдерживания на ближайшие дни. Повсюду царит ужасное возбуждение. Слово «путч» у всех на устах»[48]. А в самый день выборов Рём привел свои соединения в состояние полной боевой готовности и приказал коричневорубашечникам окружить Берлин. Когда

---

[48] *Goebbels J.* Kaiserhof. S. 60. *Heiden K.* Geburt. S. 52, где приводится высказывание Людендорфа.

прусская полиция обыскала несколько организационных центров штурмовиков, она наткнулась на бумаги, которые хоть и не содержали четкого плана переворота, но все же предписывали подробно перечисленные меры по боевой готовности и применению силы на случай победы Гитлера на выборах и называли тайный пароль для начала путча: «Бабушка умерла»[49]. Кроме того, были найдены приказы, в которых штурмовикам восточных областей предписывалось в случае нападения со стороны Польши отказываться от какого бы то ни было участия в обороне страны. Эта находка поразила особенно Гинденбурга. Итак, решение о запрете, состоявшееся не в последнюю очередь по ультимативному настоянию правительств некоторых земель было принято единодушно, положив конец долгим раздумьям и проволочкам.

Однако за несколько дней до опубликования запрета события приняли драматический оборот. Шлейхер, сначала согласившийся с этим планом и даже хвалившийся своим авторством, «вдруг» изменил все свои взгляды и, не найдя немедленного согласия, развил бурную деятельность против запрета. Он втянул в нее и Гинденбурга, внушив ему опасение, что запрет еще увеличит враждебность его и без того разочарованных сторонников в стане правых. Шлейхер исходил из соображения, что предпочтительней было бы сначала распустить вместе с СА все вооруженные формирования вроде «Стального шлема» или сохраняющего верность республике «Рейхсбаннера», а затем объединить их в широкий милицейский или военно-спортивный союз, подчиненный рейхсверу. Кроме того, его характеру интригана не соответствовало такое грубое средство как запрет; ему были по душе тонкие ходы и хитросплетения. Характерно, что его контрпредложение предусматривало целый ряд ультимативных требований к Гитлеру о демилитаризации СА. Требования были совершенно невыполнимы, но их отклонение было бы незаконным.

Не без угрызений совести и с тревожной думой о «старых боевых товарищах», состоящих в СА и СС, Гинденбург в конце концов подписал запрет, и 14 апреля в ходе обширной полицейской акции частная армия Гитлера была распущена. Полицейские заняли ее штаб-квартиры, общежития, школы

---

[49] Так, во всяком случае, у К. Хейдена: *Heiden K.* Geburt. S. 57.

и арсеналы. Это был самый энергичный удар государственной власти по национал-социализму с ноября 1923 года. Официальное обоснование, в котором в качестве причины запрета назывались не отдельные происшествия, но само существование частной армии, прежде всего снова демонстрировало стремление государства к самоутверждению. «Содержание организованных военных формирований является прерогативой государства. Если такая сила организуется в частном порядке, а государство это допускает, то возникает угроза порядку и спокойствию... Не подлежит сомнению, что в правовом государстве военная сила может быть организована только конституционными органами самого государства. Поэтому ни одна частная организация, основанная на силе, по сути своей не может быть легальным институтом... Мера по роспуску служит поддержанию самого государства»[50].

Рём, опиравшийся на агрессивность и мощь своих 400 000 штурмовиков, в первый момент, казалось, был настроен на пробу сил; но Гитлер на это не пошел. Он без промедления включил СА в Политическую организацию и тем самым сохранил отряды штурмовиков в целости. Снова оказалось, что фашистские движения при первом же сопротивлении государства отступают без боя. Так, Габриеле д'Аннунцио в 1920 году очистил город Фиуме после одного-единственного пушечного выстрела, а теперь Гитлер в специальном призыве к легальности предписал строгое соблюдение мер запрета не из страха, а потому, что выстрел здесь означал больше, чем просто выстрел, а запрет — нечто большее, чем ограниченную защитную меру. Он означал аннулирование «фашистской конъюнктуры», союза консервативной власти с революционным народным движением.

Возможно, что уступчивость далась Гитлеру сравнительно легко, поскольку он через Шлейхера получил информацию о разногласиях внутри правительства. На этом он и строил свою дальнейшую тактику. Он держался уверенно. Вечером того самого дня, который должен был положить начало процессу одоления гитлеровского движения, Геб-

---

[50] Ursachen und Folgen. Bd. VIII. S. 459; о нерешительности Гинденбурга см.: *Brüning H.* Op. cit. S. 542 ff. Президент, очевидно, не в последнюю очередь беспокоился о том, что после его переизбрания «не теми» людьми ему придется отвечать и за «не ту» политику этих людей.

бельс после разговора с Гитлером в «Кайзерхофе» записал в дневнике: «Мы обсуждали кадровые вопросы в связи с приходом к власти, как если бы мы уже были в правительстве. Мне думается, ни одно оппозиционное движение не было так уверено в успехе, как наше!»[51].

Уже на следующий день Грёнер получил холодное письмо от Гинденбурга, послужившее началом обширной интриги. Она сопровождалась безудержной кампанией в правой прессе, к которой присоединился хор известных представителей националистического лагеря. По мнению кронпринца, было «просто непонятно», что именно министр рейхсвера помогает в разгроме «великолепного человеческого материала, объединенного в рядах СС и СА и получающего там ценное воспитание». Шлейхер сам посоветовал своему начальнику-министру, который все еще видел в генерале своего «протеже», уйти в отставку и распространял злостные слухи (или, во всяком случае, не препятствовал их распространению) о том, что Грёнер болен, что он пацифист, что он опозорил армию преждевременным рождением ребенка от второй жены. Президенту же Шлейхер рассказывал, что в рейхсвере ребенка называют «Нурми» — по имени финского бегуна, известного своим феноменальным спуртом[52].

---

[51] *Goebbels J.* Kaiserhof. S. 84.

[52] Т. Эшенбург писал, что «осуществление руководства страной до этого момента в значительной степени основывалось на добрых человеческих отношениях между Брюнингом, Грёнером, Шлейхером и Гинденбургом. К тому же у этой четверки было больше возможностей поддерживать непосредственные тесные контакты, поскольку Гинденбург и Грёнер были вдовцами, а Брюнинг и Шлейхер – холостяками. Необремененность семьей усиливала их взаимную привязанность». Эти отношения расстроились после повторного брака Грёнера. «Грёнер и Шлейхер виделись теперь реже, меньше обменивались мнениями, что сказывалось и на их прежнем доверительном отношении друг к другу». Заметная отчужденность ощущалась и по отношению к Гинденбургу. После досрочного появления на свет ребенка упреки в адрес Грёнера возобновились с новой силой. Гинденбург и его друзья считали республику и демократию проявлением деградации, которая не могла не затронуть и нравственные устои. Грёнер казался им жертвой аморального духа этой эпохи. Впрочем, в июле 1931 года женился и Шлейхер – на жене одного генерала, которая из-за него развелась с мужем, это также шло вразрез со строгими представлениями Гинденбурга о морали. См.: *Eschenburg Th.* Die Rolle der Persönlichkeit in der Krise der Weimarer Republik. In: VJHfZ, 1961. H. 1. S. 13 ff.

Одновременно Шлейхер сообщил руководству НСДАП, что он лично не согласен с запретом СА. Он по-прежнему считал, что надо допустить национал-социалистов к участию во власти, лишив их тем самым главного козыря, и дать им в виде кабинета влиятельных специалистов нужное «обрамление» — таково было новое волшебное слово. (Хотя пример Муссолини должен был бы показать, что это волшебство не действует на народных трибунов, имеющих к тому же собственную армию.) В конце апреля Шлейхер встретился с Гитлером для первой беседы. Геббельс писал в дневнике: «Разговор прошел хорошо», а вскоре, после второй встречи, в которой участвовали Мейснер и Оскар фон Гинденбург и в ходе которой обсуждалось уже свержение не только Грёнера, но и всего кабинета Брюнинга, Геббельс отмечал: «Все идет хорошо... Блаженное ощущение: еще никто не подозревает, и меньше всех — сам Брюнинг».

После почти месяца непрерывной подрывной работы ситуация наконец разрешилась. 10 мая Грёнер защищал в Рейхстаге запрет СА от яростных атак справа. Но протест Грёнера, который к тому же был неважным оратором, против национал-социалистического «государства в государстве», «государства против государства» потонул в диком шуме, поднятом национал-социалистами, так что вместе с министром, который был ошеломлен, беспомощен и, вероятно, сломлен, потерпело поражение и дело, которое он отстаивал. Во всяком случае к нему вскоре подошли Шлейхер и командующий сухопутными войсками генерал фон Хаммерштейн и холодно сообщили, что он потерял доверие рейхсвера и должен уйти в отставку. Два дня спустя Грёнер после безуспешного обращения к Гинденбургу подал прошение об отставке.

Однако по замыслу камарильи это было только прологом, и «вслед за плащом вскоре появился и герцог». 12 мая Гинденбург отправился недели на две в Нойдек[53], и когда Брюнинг выразил желание побеседовать с ним, он недовольно отмахнулся. Президент в это время испытывал давление своих собратьев по сословию, которые приготовились к атаке на качающееся кресло рейхсканцлера. Каковы бы ни были аргументы, они наверняка приводились «крупными землевладельцами и кадровыми офицерами с присущей им тяжеловес-

[53] Нойдек — имение Гинденбурга в округе Мариенведер в Восточной Пруссии. — *Прим. науч. ред.*

ностью и без оглядки на честность и верность принципам». Поэтому Гинденбург, вернувшись в Берлин в конце месяца, был полон решимости расстаться со своим канцлером. Брюнинг сам в это время считал, что стоит на пороге внешнеполитических успехов. Еще утром 30 мая, отправляясь к Гинденбургу, он получил информацию, сулившую решающий поворот в вопросе разоружения. Но хитроумно задуманная протокольная процедура лишила его шанса уведомить об этом президента хотя бы в последние минуты. Годом раньше Гинденбург заверял его, что Брюнинг — его последний канцлер и он никогда с ним не расстанется. Теперь же его в несколько минут оскорбительно-бесцеремонно выставили за дверь, так как Гинденбургу не хотелось опаздывать на церемониал по случаю годовщины битвы у пролива Скагеррак[54]. Военные воспоминания и желание полюбоваться второстепенным военным зрелищем оказались сильнее аргумента, имевшего решающее значение для судеб республики[55].

В качестве преемника Брюнинга генерал фон Шлейхер убедил президента назначить человека, чья политическая карьера не случайно долго не выходила за рамки дилетантских попыток. Это был Франц фон Папен, отпрыск старинного вестфальского дворянского рода. Когда-то он служил в привилегированном кавалерийском полку и впервые обрел некую, причем сразу же специфическую известность, когда его в 1916 году, во время Первой мировой войны, выслали из Соединенных Штатов, где он служил военным атташе, за шпионскую деятельность. По пути в Европу он по легкомыслию допустил, чтобы важные бумаги, свидетельствовавшие об этой его деятельности тайного агента, попали в руки британских властей. Благодаря женитьбе на доче-

---

[54] 31 мая — 1 июня 1916 года у пролива Скагеррак, соединяющего Балтийское и Северное моря, произошло крупнейшее в годы Первой мировой войны Ютландское сражение на море, в котором принимали участие главные силы британского и германского флотов. — *Прим. пер.*

[55] См. в этой связи в частности: *Bracher K.D.* Auflösung. S. 522 f.; затем: *Conze W.* Zum Sturz Brünings. In: VJHfZ, 1953. H. 3. S. 261 f., а также: *Brüning H.* Op. cit. S. 597 ff и S. 273. Значение информации о благоприятном повороте в переговорах по разоружению не бесспорно с исторической точки зрения, кое-что говорит о том, что Брюнинг его переоценил. О характере давления, которое испытывал Гинденбург в имении Нойдек, см.: *Eschenburg Th.* Op. cit. S. 25.

ри крупного саарского промышленника он приобрел значительное состояние и прекрасные связи в промышленных кругах. Кроме того, будучи дворянином-католиком, он был связан и с церковными сановниками, а как бывший офицер Генерального штаба поддерживал разного рода контакты с рейхсвером. Вероятно, именно тот факт, что Папен находился в центре пересечения столь многих интересов, и привлек внимание Шлейхера. Папен производил впечатление до гротеска старорежимного человека, и его журавлиная походка, чванство и высокомерная манера говорить в нос делали его похожим на собственную карикатуру, на фигуру из «Алисы в стране чудес», как остроумно заметил один из современников. При всем при том у него была репутация человека легкомысленного и опрометчивого. Никто не принимал его всерьез: «Если ему что-то удается, он весел и доволен, а если не удается, то и это его не печалит»[56].

Но, по-видимому, именно эта бесшабашная легкость и беззаботность кавалериста Папена особенно привлекала Шлейхера, так как могла помочь ему в проталкивании все более конкретных планов устранения скомпрометированной парламентской системы в рамках концепции «умеренной» диктатуры. Помимо этого, очевидно, сыграло роль и предположение, что тщеславие неопытного и поверхностного Папена удовлетворится самим фактом предоставления ему поста рейхсканцлера и связанными с ним представительскими функциями, а в остальном он будет послушным орудием. Именно это соображение соответствовало характеру Шлейхера, одновременно честолюбивого и предпочитавшего действовать за кулисами. Удивленные друзья говорили ему, что Папен — это не голова, на что генерал возражал: «Этого от него никто и не ждет, зато он — шляпа на голове».

Но если Шлейхер думал, что Папен со своими обширными связями сумеет создать коалицию или хотя бы обеспечить терпимость всех партий, стоящих справа от социал-демократии, то вскоре ему пришлось убедиться в собственной ошибке. У нового рейхсканцлера не было никакой политической опоры. Партия католического «Центра», ожесточенная предательством по отношению к Брюнингу, ушла в жесткую оппозицию, да и Гугенберг не скрывал своего возмущения, тем

---

[56] *Fransois-Poncet A.* Op. cit. P. 49, а также *Kessler H.* Graf. Op. cit. S. 671.

более что его опять обошли, не посчитавшись с его амбициями. Общественность тоже оказала Папену враждебный прием. Даже когда он в самом начале пребывания на новом посту пожинал успех, подготовленный Брюнингом, и добился на конференции в Лозанне закрытия вопроса о репарациях, это не дало ожидаемого эффекта. Его кабинет действительно никак не мог считаться ни демократическим, ни правительством специалистов. Это все были люди состоятельные и из старинных дворянских родов[57], которые не смогли отказать Гинденбургу, когда тот обратился к ним от имени отечества, и теперь «окружали его как офицеры своего генерала»[58]: семеро дворян, двое директоров концернов, с ними покровитель Гитлера еще с мюнхенских дней Франц Гюртнер и один генерал. Не было ни одного представителя от средних слоев или рабочих. Казалось, тени прошлого возвращаются. Тот факт, что массовое возмущение, насмешки и протесты населения не дали никаких результатов, продемонстрировал, насколько старые руководящие слои оторвались от действительности. «Кабинет баронов» опирался только на авторитет Гинденбурга и силу рейхсвера.

Крайняя непопулярность правительства вынуждала и Гитлера к сдержанности и осторожности. На переговорах со Шлейхером он обещал терпимо относиться к правительству, если будут назначены новые выборы и отменен запрет СА, а самой НСДАП будет предоставлена свобода агитации. Всего за несколько часов до отставки Брюнинга, во второй половине дня 30 мая, он ответил «да» на вопрос президента, согласен ли он с назначением Папена. И хотя рейхсканцлер уже 4 июня открыл целую серию уступок роспуском Рейхстага и одновременно пообещал скорую отмену запрета СА, национал-социалисты постепенно от него отступались. Геббельс писал в дневнике: «Мы как можно скорее должны дистанцироваться от буржуазного переходного кабинета; все это вопросы, требующие тонкого чутья нюансов». И несколькими

---

[57] Кабинет Франца фон Папена получил название «кабинет баронов»: в нем пост министра иностранных дел занимал барон Константин фон Нейрат, министра внутренних дел — барон Вильгельм фон Гайль, министра финансов — граф Лутц Шверин фон Крозигк, министра почт и транспорта — барон Пауль Эльтц фон Рюбенах, а министра продовольствия — барон Магнус фон Браун. — *Прим. науч. ред.*

[58] *Bracher K.D.* Auflösung. S. 532 f.

днями позже: «Наша задача — как можно быстрее избежать компрометирующего нас соседства с этими буржуазными слабаками. Иначе мы погибли. Я предпринял в «Ангрифе» новую атаку на кабинет Папена». Когда, вопреки ожиданиям, запрет на СА не был отменен в первые же дни, он в один из вечеров «вместе с 40—50 командирами Штурмовых отрядов, облаченными наперекор запрету в полную форму, с провокационной целью заявился в большое кафе на Потсдамерплац. У нас было только одно заветное желание — быть арестованными полицией... В полночь мы не торопясь прошлись по Потсдамерплац и Потсдамерштрассе. Но ни одна собака даже не забеспокоилась. Полицейские только удивленно глазели на нас, а потом сконфуженно отводили глаза»[59].

Два дня спустя, 16 июня, запрет был наконец отменен, но все предшествовавшие проволочки уже создали впечатление, что «государство, потеряв уважение, буквально пало на колени перед надвигавшейся новой властью»[60]. Прозрачная попытка Папена в последний момент выторговать у национал-социалистов в обмен на свою уступчивость согласие на будущее участие в правительстве в тактическом плане запоздала, поскольку Шлейхер и сам не дремал, а кроме того, обнаружилось просто гротескное непонимание того, насколько яростно Гитлер рвался к власти. Поэтому Папену пришлось удовольствоваться обещанием партнера вернуться к его требованиям после выборов в Рейхстаг, причем дано оно было холодным и непререкаемым тоном.

Сразу же на улицах возобновились столкновения, похожие уже на гражданскую войну. Теперь они достигли своего апогея. За пять недель, предшествовавших 20 июля, только в Пруссии произошло почти 500 столкновений, в которых 99 человек были убиты и 1125 ранены; 10 июля по всей территории Германии насчитывалось 17 убитых; во многих местах в ожесточенные уличные драки вынуждены были вмешаться части рейхсвера. Эрнст Тельман был прав, говоря, что отмена запрета СА была прямым подстрекательством к убийствам (правда, он умолчал о том, имело ли его замечание в виду активную или пассивную роль его собственных боевых отрядов). 17 июля в гамбургском районе Альтона произошел самый кровавый конфликт этого лета. В ответ на провокаци-

---

[59] *Goebbels J.* Kaiserhof. S. III. S. 107 ff.

[60] *Stampfer F.* Die vierzehn Jahre. S. 628.

онное шествие 7000 национал-социалистов по улицам красного рабочего района коммунисты открыли огонь с крыш и из окон домов, что, в свою очередь, вызвало яростную реакцию. За этим последовало ожесточенное побоище у срочно сооруженных баррикад. В результате 17 человек были убиты, многие тяжело ранены. Из 68 человек, погибших в июле 1932 года в политических схватках, 30 были сторонниками коммунистов, а 38 — национал-социалистов. «Дело дошло до драк и стрельбы, — писал Геббельс, — это последний выход режима на сцену»[61].

Не понимая того, что именно уступки укрепляли национал-социалистов в сознании своей силы, Папен пошел еще на один шаг. Надеясь укрепить престиж своего почти полностью изолированного правительства грандиозным авторитарным жестом и одновременно несколько успокоить Гитлера и его окружение, он утром 20 июля приказал троим членам тогдашнего прусского правительства явиться в Имперскую канцелярию и в резкой форме сообщил им, что на основании Чрезвычайного закона смещает премьер-министра Брауна и министра внутренних дел Зеверинга и будет сам в качестве имперского комиссара исполнять обязанности премьер-министра земли. Зеверинг заявил, что покорится только силе, на что Папен, «кавалер с ног до головы даже при совершении государственного переворота», спросил, может ли он узнать, что тот имеет в виду. Министр заверил, что покинет свой служебный кабинет только под давлением. Так было заключено впоследствии много раз цитировавшееся устное соглашение о том, что сила тем же вечером будет применена в форме одностороннего действия полиции. На основании подготовленного второго Чрезвычайного закона Папен тем временем ввел военное положение в Берлине и Бранденбурге и таким образом сконцентрировал в своих руках силы полиции. Вечером

---

[61] *Goebbels J.* Kaiserhof. S. 104. О так называемом кровавом воскресенье в Альтоне см.: *Severing C.* Op. cit. Bd. И. S. 345 f. Данные о количестве убитых и раненых за кровавые недели после отмены запрета на СА во многом разнятся. См.: например, *Hoegner W.* Die verratene Republik. S. 629, или: *Bullock A.* Op. cit. S. 210, где дается ссылка на А. Гжезинского. В целом же точных окончательных данных о числе жертв нет и по сей день. Позже Х. Фольц приведет такие цифры потерь среди национал-социалистов: 1929 год — 11 убитых, 1930 год — 17, 1931 год — 43, 1932 год — 87; см.: *Volz H.* Ehrenliste der Ermordeten der Bewegung.

в Министерство внутренних дел к Зеверингу явились три полицейских чина и попросили его очистить помещение, и он со словами — теперь он-де уступает силе — покинул кабинет и отправился в свою находившуюся неподалеку квартиру. Уже во второй половине следующего дня точно так же, без малейшего сопротивления, была повержена вся верхушка прусской полиции, которая раньше внушала такой страх. Когда берлинского полицай-президента Гжезински, его заместителя Вейса и полицейского офицера Хейманcберга вели через двор полицай-президиума, чтобы на короткое время поместить их в арестантские камеры, то, как рассказывают, некоторые служащие полиции прощались со своим начальником, выкрикивая ему вслед лозунг «Рейхсбаннера». Они кричали: «Свобода!», и правильно было сказано, что это было прощание с давно уже ослабевшей, никому не нужной, а теперь и без сопротивления преданной свободой Веймарской республики[62].

Естественно, в полиции думали о возможности широкого сопротивления. По свидетельству одного из современников, Гжезински и Хейманcберг вместе с министериальдиректором Клаузенером будто бы настойчиво требовали у Зеверинга «проведения борьбы всеми средствами», в частности «немедленной и беспощадной акции берлинской полиции, объявления всеобщей забастовки, немедленного ареста имперского правительства и президента, а также объявления его недееспособным»; но это предложение было отклонено[63]. Отпор не вышел за рамки бессильных протестов в прессе и обращений к Верховному суду. И это при том, что в распоряжении прусского

---

[62] *Heiden K.* Geburt. S. 71. По поводу переговоров, состоявшихся 20 июля, см. официальный протокол, опубликованный в: Ursachen und Folgen. Bd. VIII. S. 572 f. К. Хейден, в частности, метко заметил, что 20 июля 1932 года положило конец социал-демократическому полицейскому социализму: «Для борьбы за бессмысленную, ни на что полезное не применявшуюся власть это правительство годами оттачивало и полировало полицейскую саблю, но как только дело наконец-то дошло до ее применения, оно не решилось испортить зазубринами эту красивую вещицу».

[63] Предложение депутата от партии «Центра» Якоба Диля, см.: *Diel J.* Das Ermaechtigungsgesetz. In: Die Freiheit. 1. Nr. 5 (Okt. 1946). S. 28. О подобном настойчивом требовании, предъявленном Зеверингу и оказавшемся тщетным, свидетельствует министр финансов Пруссии Клеппер, см.: *Kessler H.* Graf. Op. cit. S. 690 f.

правительства были превосходно обученные силы полиции численностью в 90 тысяч человек, кроме того, «Рейхсбаннер», приверженцы республиканских партий и профсоюзы. К тому же оно занимало все ключевые позиции в Германии. Но боязнь гражданской войны, благоговение перед Конституцией, сомнения в действенности всеобщей забастовки в условиях царившей безработицы и многие другие подобные соображения в конечном итоге заблокировали все планы сопротивления. Папен сумел без помех, сопровождаемый лишь взглядами своих смирившихся противников, захватить власть в «сильнейшем бастионе республики». Мотивы прусских политиков были, конечно, весомы и внушали уважение, а если взвесить все обстоятельства, то приходишь к выводу, что их решение, вероятно, было все же разумным. Но перед лицом истории эта разумность мало что значит. Там не возникло и мысли о каком-то проявлении сопротивления вопреки всему, и ни на одном из этапов событий Зеверинг и его ослабленные, морально сломленные соратники даже и не подумали о том, чтобы хотя бы почетным концом заставить забыть свою половинчатость и упущения прошедших тринадцати лет и дать импульс обновлению демократического самосознания. Подлинная суть дня 20 июля 1932 года, которую нельзя недооценивать, заключается как раз в психологических последствиях: этот день лишил мужества одних и одновременно показал другим, что особого отпора со стороны республики можно не опасаться.

Потому событие это только подогрело нетерпение национал-социалистов. Теперь в борьбе за власть противостояли друг другу три резко очерченных лагеря: национал-авторитарная группа вокруг Папена, представлявшая в парламенте едва 10 % избирателей, но зато располагавшая прикрытием в лице Гинденбурга и рейхсвера; далее отыгравшие свое демократические группы, которые, правда, все еще могли рассчитывать на значительную опору в обществе; наконец, их тоталитарные противники национал-социалистической и коммунистической ориентации, вместе имевшие негативное большинство в 53 %. Так же как эти две группы, остальные тоже блокировали и парализовали деятельность друг друга. Лето и осень 1932 года прошли под знаком беспрерывных попыток взломать застывшие друг против друга фронты все новыми тактическими маневрами[64].

[64] Акцию, проведенную 20 июля, Папен рассматривал под этим же углом зрения. По своей собственной инициативе он довел до сведения Брюнинга, что вовсе не собирается допускать Гитлера к власти, а наоборот, хочет лишь поводить его за нос; см.: *Brüning H.* Op. cit. S. 619.

5 августа Гитлер встретился с Шлейхером в Фюрстенберге под Берлином и впервые потребовал всю полноту власти: пост рейхсканцлера для себя, кроме того, Министерства внутренних дел, юстиции, сельского хозяйства и авиации, создания специального Министерства пропаганды, а также, исходя из событий 20 июля, посты прусского премьер-министра и министра внутренних дел. А заодно предоставления его правительству права на введение Закона о чрезвычайных полномочиях, включая неограниченные полномочия управлять страной посредством специальных указов. Ибо, как заметил Геббельс, «если уж мы придем к власти, то никогда больше ее не отдадим — разве что наши трупы вынесут из служебных кабинетов».

Гитлер расстался с Шлейхером в полном убеждении, что стоит непосредственно перед обретением власти. При прощании он был в прекрасном настроении и даже предложил в память об их встрече установить на доме в Фюрстенберге мемориальную доску. Для подкрепления своих требований и одновременно успокоения волнующихся штурмовиков, часть из которых уже бросили работу и готовились к дню победы, к его празднествам, эксцессам и обещанным «теплым местечкам», Гитлер приказал им сосредоточиться и развернуться вокруг Берлина, так что город оказался в кольце, и кольцо это постепенно сжималось. Казалось, что он в последний момент, как когда-то, в 1923 году, в пивной «Бюргербройкеллер», снова вот-вот вытащит пистолет. Кровавые столкновения ширились по всей стране, особенно в Силезии и Восточной Пруссии. В результате 9 августа появился указ, направленный против политического террора и угрожавший смертной казнью каждому, кто «в пылу политической борьбы из чувства гнева или ненависти предпримет нападение на своего противника со смертельным исходом». Уже на следующую ночь одетые в форму штурмовики в верхнесилезской деревне Потемпа ворвались в жилище рабочего-коммуниста, вытащили его из постели и на глазах у матери буквально затоптали до смерти.

Еще не выяснено, насколько эти происшествия стали одним из моментов, вызвавших поворот событий, который перечеркнул на время мечты национал-социалистов о власти. Возможно, Шлейхер сам отказался от своей концепции приручения гитлеровцев. Во всяком случае, его план, заключавшийся в том, чтобы, сделав Гитлера рейхсканцлером правой

коалиции, связать его определенными обязательствами и тем подорвать его популярность, впервые натолкнулся на энергичное сопротивление президента, которому к тому времени уже полюбились лихость и фривольный шарм Папена, словно старому отцу шалости сына. Он совсем не собирался менять его на «богемского» фанатика и псевдомессию Гитлера, претендовавшего к тому же на то, чтобы лишить Гинденбурга любимой роли «эрзац-кайзера». 13 августа он провел длительные переговоры с руководством национал-социалистов и вместе с Папеном отклонил все претензии Гитлера на власть, а вместо этого предложил ему войти в существующий кабинет в качестве вице-канцлера. Взбешенный, в том настроении «все или ничего», в котором он пребывал все эти дни, Гитлер отверг это унизительное для него предложение и не изменил своей позиции и когда Папен под честное слово пообещал передать ему пост рейхсканцлера позже, после некоторого времени «доверительного и плодотворного сотрудничества». Можно с уверенностью утверждать, что Гитлер уже заранее представлял себе пышное театрализованное действо: вот он демонстрирует удрученному, распадающемуся в прах миру зрелище своего призвания на власть. По дороге в Берлин в придорожном трактире у озера Химзее, «откусывая большие куски омлета», он рисовал своим командирам картину кровавой бани, которую они учинят марксистам. А его между тем просто одурачили. И как обычно в полосу неудач в его жизни, за разочарованием последовал эффектный жест отчаяния. Когда его во второй половине того же дня пригласили к Гинденбургу, он сначала было склонился к отказу, и только заверения, поступившие к нему из Президентского дворца, что еще ничего не решено, внушили ему новые надежды. Однако Гинденбург ограничился лаконичным вопросом, готов ли Гитлер поддержать существующее правительство. Гитлер сказал, что нет. Апелляция к патриотическим чувствам, с помощью которой старец любил добиваться назначения нужных ему лиц, на Гитлера тоже не произвела впечатления. Дело кончилось увещеваниями и «ледяным прощанием». Идя по коридору, все еще возбужденный, Гитлер пророчил президенту скорое падение[65].

---

[65] Версии о ходе переговоров довольно существенно отличаются друг от друга. Широко распространена та из них, согласно которой Гинденбург принял Гитлера стоя, в неблагосклонном расположении

Он еще более ожесточился, когда прочитал вслед за этим опубликованное официальное сообщение. Его снова переиграли. В документе говорилось, что Гинденбург «решительно» отклонил требования Гитлера, «обосновав это тем, что не сможет отвечать перед собственной совестью и своим долгом перед отечеством, если передаст всю правительственную власть исключительно национал-социалистическому движению, которое намерено использовать эту власть односторонне». Было выражено также официальное сожаление по поводу того, что Гитлер — вопреки прежним обещаниям — не видит для себя возможности поддержать созданное президентом национальное правительство, которому он доверяет. Это был намек, даже упрек, хоть и выраженный казенным языком, в нарушении данного слова, что вызвало в памяти фигуры из прошлого — Зейссера и ненавистного фон Кара. Однако не прошло и нескольких месяцев, как все эти благоразумные соображения были забыты.

Национал-социалисты немедленно перешли в жесткую оппозицию и показали Папену, насколько необдуманной и напрасной была его политика постоянных авансов. Когда 22 августа на основании Указа о противодействии политическому террору убийцы, действовавшие в Потемпе, были приговорены к смертной казни, в зале суда, битком набитом национал-социалистами, разыгрались дикие сцены. Эдмунд Хейнес, командир силезских СА, заявившийся в суд в полной форме, громогласно угрожал суду возмездием, а Гитлер отправил осужденным телеграмму, в которой он заверял своих «товарищей перед лицом этого чудовищного кровавого приговора» в своей «безоговорочной преданности» и обещал

духа и после короткого диалога, продемонстрировавшего непримиримость Гитлера, отпустил его, пригрозив, что будет стрелять, если Гитлеру вздумается прибегнуть к силе. Другую версию дает, например, Папен в своих воспоминаниях: *Papen F. v.* Erinnerungen. S. 224. Он подчеркивает царившую на встрече корректность и называет «ледяным» лишь само прощание, в то время как Мейснер отмечает в записанном в тот же день по памяти протоколе, что Гинденбург, хотя и пригрозил прибегнуть к жестким мерам, если штурмовики не прекратят своих дерзких выходок, закончил дружелюбно: «Мы же старые боевые товарищи (!), и давайте останемся ими, ведь наши пути смогут снова сойтись. А сейчас вот вам моя рука боевого товарища». См.: *Hubatsch W.* Op. cit. S. 339. (Dok. 88), а также изложение этой истории у Кесслера: *Kessler H.* Graf. Op. cit. S. 692.

им быстрое освобождение. Однозначная решимость, с которой он сбросил маску бюргерской благопристойности, тщательно сохранявшуюся в последние два года, и снова открыто, как в старые, неистовые времена солидаризовался с убийцами, показывает всю меру его возмущения. Хотя, возможно, в этом определенную роль сыграли и волнения, охватившие его приверженцев. Опять-таки самое глубокое разочарование испытывали штурмовики. СА являлись самой многочисленной боевой организацией страны, обладали безмерной самоуверенностью и презирали фрачных буржуа с Вильгельмштрассе[66]. Им было непонятно, как мог Гитлер проглатывать беспрерывные унижения, вместо того чтобы наконец открыть своим вернейшим борцам путь к тому кровавому карнавалу, на который они, по их мнению, имели полное право.

Как бы то ни было, Гитлер ввел СА в игру, и теперь это была гораздо большая угроза, чем когда-либо прежде. И вот 2 сентября, после их почти беспрерывной десятидневной кампании, Папен действительно дрогнул и пожертвовал последними остатками своего престижа: он рекомендовал президенту заменить смертную казнь пожизненным заключением. Всего несколько месяцев спустя осужденные были выпущены на свободу и встречены ликующей толпой как заслуженные борцы. Даже речь, произнесенная Гитлером 4 сентября, все еще выдавала гнев и возмущение человека, которого обвели вокруг пальца:

«Я знаю, что у этих господ на уме: им хотелось бы дать нам кое-какие посты и тем заткнуть нам рот. Но долго им в этой древней карете не кататься... Нет, господа, я основал эту партию не для торгов, не для продажи или спекуляции! Партия — это не львиная шкура, которую может натянуть на себя какая-нибудь овца. Партия — это партия, и этим все сказано!.. Неужели вы и вправду верите, что можете поймать меня на приманку пары министерских кресел? Да я совсем не желаю быть в вашем обществе! Насколько мне наплевать на все это, вы, господа, и представить не можете. Если бы Бог захо-

---

[66] Улица в центре Берлина, где располагались резиденция президента и Президентское бюро (дом 73), здания имперского правительства (дом 77), министерств иностранных дел (дом 74/76), финансов (дом 60/62), транспорта (дом 80), продовольствия и сельского хозяйства (дом 72). — *Прим. науч. ред.*

тел, чтобы все было так, как есть, тогда и мы родились бы с моноклем в глазу. Да зачем нам это? Можете сами занимать эти посты, все равно они вам не принадлежат!»[67].

Гитлер чувствовал себя настолько униженным тем, как обошлись с ним Гинденбург и Папен, что, кажется, впервые почувствовал искушение распрощаться с курсом на легальность и захватить власть посредством кровавого восстания. Дело в том, что этот афронт не только отбросил его назад в политике, но и оскорбил в его желании принадлежать к буржуазной среде. Чаще, чем когда-либо раньше, гремела на митингах угроза: «Час расплаты близится!» Он затеял переговоры с партией «Центр», надеясь свергнуть правительство Папена, и как-то даже всплыло авантюрное предложение сместить Гинденбурга с помощью разочаровавшихся левых, для чего использовать решение Рейхстага и сразу же за ним — референдум. Или же, охваченный жаждой мести, Гитлер в те недели рисовал своему окружению обстоятельства и шансы революционного захвата ключевых позиций, опять-таки подробно останавливаясь на деталях насильственного устранения противников-марксистов. Надо заметить, что путь легальности, которым он старательно шел годами, отвечал лишь холодно-рассудочной стороне его инстинкта искать поддержки. Но одновременно свойственная ему агрессивность, его воспаленная фантазия и убежденность в том, что историческое величие немыслимо без кровопролития, восставали против его же собственной осторожности.

Именно это внутреннее противоречие занимало все его помыслы, когда в Оберзальцберге его посетил Герман Раушнинг[68], национал-социалист, президент Сената Данцига. Он был поражен мелкобуржуазным стилем жизни могущественного народного трибуна: ситцевые занавесочки на окнах, так называемая рустикальная мебель, попискивающие птицы в занавешенной клетке, а также общество перезрелых дам. Гитлер в резких выражениях обрушился на

---

[67] Adolf Hitler in Franken. S. 194.

[68] Герман Раушнинг (7.8.1887—8.2.1982) вступил в НСДАП в 1932 году и после победы нацистов в мае 1932 года на выборах в Сенат Данцига был избран его президентом. В 1934 году, разочаровавшись в нацизме, Раушнинг рассорился с гаулейтером А. Форстером, покинул пост президента Сената, вышел из НСДАП и в 1936 году эмигрировал в Швейцарию. В 1948 году выехал в США. — *Прим. науч. ред.*

Папена, а национальную буржуазию назвал «подлинным врагом Германии». Под свой протест против приговора убийцам из Потемпы он подвел грандиозное педагогическое обоснование: «Мы вынуждены быть жестокими. Мы должны вернуть себе способность к совершению жестокости с чистой совестью. Только так мы сможем освободить наш народ от слабоволия и сентиментального филистерства, от этой любви к «уюту» и к блаженному сидению за вечерней кружкой пива. У нас больше нет времени на прекраснодушие. Мы должны заставить свой народ стать великим, поскольку ему выпало на долю исполнить свою историческую миссию».

Вдоволь наговорившись о том, как он понимает вызов истории, и сравнив себя с Бисмарком, он вдруг спросил, существует ли между Данцигом и Германией договор о выдаче преступников. Раушнинг не сразу понял вопрос, и Гитлер пояснил, что ему, может быть, понадобится убежище[69].

Потом, снова предавшись своим настроениям, он продемонстрировал уверенность в будущем. Легкомыслие, наивность и уступчивость Папена, равно как и доброжелательное, но неустойчивое отношение президента страны ко всем национальным силам, да и его возраст, вызывающий у него, Гитлера, просто смех, как он и публично уже заявлял, — все это укрепляло его стойкость и упорство. Через несколько дней, после того как он назвал убийц из Потемпы «товарищами», ему передали послание Ялмара Шахта. В нем Шахт заверял «дорогого господина Гитлера» в своей «неизменной симпатии», высказывал уверенность, что в один прекрасный день он так или иначе все равно придет к власти. Он советовал пока не выдвигать никакой определенной экономической программы и заканчивал словами: «Куда бы мне ни пришлось в ближайшее время поехать по делам, и даже если Вы однажды увидите меня внутри крепости, Вы всегда можете рассчитывать на меня как на Вашего надежного помощника».

В эти дни представитель американского агентства «Ассошейтед пресс» спросил Гитлера, не собирается ли он теперь,

---

[69] *Rauschning H.* Gespräche. S. 18 ff. В дневниковых записях Геббельса от 25 августа есть замечание, которое, вероятно, объясняет вопрос Гитлера, заданный Раушнингу: «Ходят слухи, что Гитлера надо взять под арест; но это же ребячество». *Goebbels J.* Kaiserhof. S. 149.

по примеру Муссолини, предпринять марш на Берлин. На что Гитлер двусмысленно ответил: «Зачем мне маршировать на Берлин? Я и без того уже там!»[70].

Глава IV

У ЦЕЛИ

Ты видишь: Республика, Сенат и Достоинство — ничего этого не было ни в одном из нас.

Из обращения Цицерона к своему брату Квинту

Прямо по канонам классической драмы события осени 1932 года приняли оборот, не без основания вызвавший надежду на преодоление кризиса. Предпосылки, обеспечившие подъем национал-социалистов, оказались насколько запутанными, как если бы режиссером спектакля была фантазия. На какой-то миг показалось, что ситуация изменилась на всех уровнях и обнажила всю несерьезность претензий Гитлера на власть. И тут все внезапно рухнуло.

После 13 августа Папен решил больше не идти Гитлеру навстречу. Хотя мотивы, которыми он при этом руководствовался, сложно понять из-за сумбурности его собственных заявлений, можно все же исходить из того, что двуличный, обманный курс национал-социалистов, позже метко названный Геббельсом «терпимостью понарошку»[1], в решающей степени, хоть и с опозданием, помог Папену понять суть происходящего. Критическая ситуация, в которой оказалась партия с ее маниакальной жаждой власти, ясно показала, сколько возможностей все еще скрывала в себе тактика ее последовательного неприятия. Невысокий авторитет правительства вынудил рейхсканцлера отменить приговор над виновными из

---

[70] VB. 21/22.8.1932. Ироническое отношение Гитлера к возрасту Гинденбурга видно из его упоминавшегося выступления 4.9.1932; в контексте это звучит так: «Если в качестве противника мне сейчас предложат рейхспрезидента, то это будет просто смешно. Ведь бороться-то я смогу дольше, чем рейхспрезидент», см.: Adolf Hitler in Franken. S. 189.

[1] *Goebbels J.* Der Führer als Staatsmann. In: Adolf Hitler. Bilder aus dem Leben des Führers. S. 52.

Потемпы, но в конце концов перенервничавший Гитлер сам себя разоблачил телеграммой, посланной убийцам. Вскоре он допустил еще одну тяжелейшую ошибку.

На первом же рабочем заседании Рейхстага, созванном Папеном 12 сентября, Гитлер не устоял и поддержал роспуск парламента, хотя ему это не сулило ничего, кроме большого тактического урона. Однако все опасения победило желание отомстить Папену. С помощью Германа Геринга, избранного председателем Рейхстага[2], он действительно нанес рейхсканцлеру самое тяжелое поражение в истории немецкого парламентаризма (42 голосами против 512). Зато Папен в качестве ответного хода предъявил Рейхстагу знаменитую красную папку, содержавшую указ о его роспуске, подписанный еще до заседания. Это был и впрямь беспримерный ход, резко высвечивавший тот факт, насколько были уже подорваны и сами парламентские процедуры, и уважение к ним. После почти часового заседания только что избранный парламент был распущен. Новые выборы должны были состояться 6 ноября.

Судя по всему, Гитлер хотел избежать такого поворота событий, так как это явно противоречило его интересам. Геббельс писал в дневнике: «Все до сих пор еще в шоке; никто не верил, что мы осмелимся на такое решение. Радуемся только мы одни». Но эйфория победы улетучилась очень быстро, впервые за много лет уступив место непривычному унынию. Гитлер прекрасно понимал, что у избирателей, голосовавших под влиянием настроения момента, — а именно им партия была обязана своим ростом — только нимб непогрешимости делал его неотразимым. Он ясно видел, что скандал 13 августа, новый уход в оппозицию, дело Потемпы и конфликт с Гинденбургом подточили веру в его избранность и исключительность. Но если бы полоса успехов кончилась, то по внутренним законам развития НСДАП была бы потеряна и ее притягательная сила, а это означало бы и утрату почвы под ногами.

Гитлера беспокоили и те последствия, которые стратегия Папена на истощение имела для самой партии. Дело в том, что после дорогостоящих кампаний предыдущего года движение впервые стояло на грани банкротства, настолько были исчерпаны его финансы. «Наши противники рассчитывают на то, —

---

[2] Этот пост Герман Геринг занял 30 августа 1932 года и оставался на нем до 23 апреля 1945 года. — *Прим. науч. ред.*

фиксировал верный паладин Гитлера в своих записях, выдававших нарастающую удрученность и подавленность, — что в этой борьбе у нас сдадут нервы, и мы растеряемся». Четырьмя неделями позже он говорил о трениях между сторонниками, о борьбе за деньги и мандаты, считая, что «организация после многочисленных предвыборных боев, естественно, стала очень нервозной. Она перенапряглась, словно рота, слишком долго находившаяся в окопах». Ему не без труда удавалось сохранять оптимизм: «Наши шансы улучшаются со дня на день. Хотя перспективы еще довольно сомнительны, но во всяком случае их не сравнить с нашими безнадежными делами всего несколько недель тому назад»[3].

Только Гитлер казался по-прежнему уверенным и свободным от любых настроений момента — как всегда после принятия какого-то решения. В первой половине октября он предпринял свой четвертый полет по Германии и снова, объятый манией больших чисел, увеличил число выступлений и преодоленных километров. При встрече с Куртом Людеке[4] Гитлер развил мысли, в которых надежды и действительность перемешивались самым причудливым образом, а сам он уже выступал как бы в роли канцлера. Однако и он уже был, казалось, на пределе. Во время автомобильной поездки спутнику пришлось рассказывать ему об Америке, чтобы Гитлер не заснул, ибо Америка была страной, известной ему лишь по романам Карла Мая, и историях про Виннету и Зверобое. Каждый раз, когда у Гитлера слипались глаза, он вздрагивал и бормотал: «Дальше, дальше, мне нельзя засыпать!» Через два дня, после впечатляющего пропагандистского представления с участием 70 000 членов Гитлерюгенда и многочасовых парадов, Людеке, прощаясь с Гитлером на вокзале, увидел его забившимся в угол купе, совершенно изможденного. Единственное, на что он был способен — вялые бессильные жесты[5].

Гитлер держался только благодаря экзальтации борьбы, надежде на власть, театральной лихорадке своих выступле-

---

[3] *Goebbels J.* Kaiserhof. S. 162 f., 165, 180 f.

[4] Он посетил Гитлера незадолго до его полетов и сопровождал его на съезд национал-социалистической молодежи в Потсдаме. Гитлер прибыл сюда, окруженный целым сонмом «мерседесов» и вооруженных до зубов «марсиан».

[5] *Lüdecke K.G.W.* Op. cit. S. 451 ff.

ний, поклонению и коллективной горячке умов. На съезде командиров отрядов СА в Мюнхене он спустя всего три дня был «в великолепной форме», как отметил Геббельс, и «набросал великолепные контуры развития и состояния нашей борьбы на дальнюю перспективу. Он и в самом деле выше всех нас. Он умеет вызволить партию из любого отчаяния». Трудности партии между тем действительно росли на глазах, казалось даже, что они уже переросли политический вес партии. Ее деятельность парализовала прежде всего нехватка денег. Фронтальное противостояние Папену и его «кабинету реакции» неизбежно противопоставило НСДАП и капиталистическим кругам национальной оппозиции, их взносы стали еще скуднее: «Достать деньги чрезвычайно сложно. Господа, «обладающие капиталом и образованием», все стоят на стороне правительства»[6].

Предвыборная борьба велась также преимущественно против «аристократической клики», «буржуазных слабаков» и «прогнившего режима «Клуба господ»»[7]. Одна из пропагандистских инструкций предписывала распространение лозунгов с целью «непосредственно сеять панику относительно Папена и его кабинета»[8]. Грегору Штрассеру и его последователям, число которых постоянно таяло, было дано еще раз пережить время больших, хоть и обманчивых надежд. «Против реакции!» — таков был официальный, сформулированный Гитлером предвыборный лозунг. Свое конкретное выражение он нашел в яростных нападках на экономическую политику правительства, благоприятствующую предпринимателям, в разгоне собраний немецких националистов и организованных нападениях на вождей «Стального шлема». Социализм НСДАП по-прежнему не имел программы и определялся только на уровне заклинаний образного

---

[6] *Goebbels J.* Kaiserhof. S. 176, 181, см. также S. 167.

[7] «Немецкий клуб», известный как «Клуб господ», был основан в 1924 году. В него входили представители финансово-промышленной и аграрной верхушки, в 1930 году насчитывал свыше 400 членов. — *Прим. пер.*

[8] См.: *Jacobsen H.-A., Jochmann W.* Op. cit., «27.10.1932»; о том, что буржуазные партии приняли вызов, свидетельствуют с негодованием цитировавшиеся в упомянутой пропагандистской инструкции примеры из пропагандистских изданий Немецкой национальной народной партии, в которых НСДАП называется придатком марксизма, а Геббельс — «Розой Люксембург в штанах».

языка донаучного сознания. Это были «принцип исполнения долга прусским офицером и неподкупным немецким служащим, стены города, ратуша, собор и больница свободного имперского города, все это вместе»; это было также «превращение класса рабочих в общность рабочих». Именно эта неприкрытая многозначность и делала его популярным в народе. «Честный заработок за честную работу» — это воспринималось легче, чем уверенность в спасении души, приобретенная в вечерней школе. «Если распределительный аппарат нынешней системы мировой экономики не умеет правильно распределить природные богатства, значит, эта система неправильна, и ее нужно заменить»: это было созвучно основному внутреннему ощущению, что все должно быть изменено. Характерно, что отнюдь не коммунистам, а Грегору Штрассеру удалось придумать самую популярную, тотчас же ставшую девизом формулу, выразившую это широко распространенное настроение того времени, сбитого с толку всякими теоретическими концепциями. В одной из своих речей Штрассер упомянул о «жажде антикапитализма», охватившей общественность и ставшей доказательством великого перелома эпохи[9].

Всего за несколько дней до выборов, когда предвыборная борьба, ведущаяся с явной натугой и на пределе сил, уже близилась к концу, НСДАП представилась возможность продемонстрировать серьезность своих левых лозунгов. В начале ноября в Берлине началась забастовка на общественном транспорте. Она была организована коммунистами вопреки

---

[9] В контексте это звучит так: «Подъем национал-социалистического движения — это протест народа против государства, которое отказывает ему в праве на труд и в восстановлении естественных источников доходов. Если распределительный аппарат нынешней системы экономики не умеет правильно распределить природные богатства, то эта система неправильна, и ее нужно заменить во имя народа... Самое главное в этом процессе — сильная жажда антикапитализма, распространяющаяся сейчас в нашем народе и охватившая сейчас — вольно или невольно — уже 95 % населения. Эта жажда антикапитализма... является доказательством того, что перед нами великий перелом эпохи — преодоление либерализма и возникновение нового мышления в экономике и нового отношения к государству». См.: *Strasser O.* Kampf um Deutschland. S. 347 f. Эффективность этой формулы сыграла, пожалуй, далеко не последнюю роль в том, что политическое влияние Штрассера в НСДАП, по сути дела, переоценивается и по сей день.

сопротивлению профсоюзов, и сверх всяких ожиданий к ней немедленно примкнули и национал-социалисты. Штурмовики и «ротфронтовцы» на пять дней парализовали общественный транспорт, выкапывали трамвайные рельсы, выставляли пикеты, избивали штрейкбрехеров и силой останавливали резервные машины, которые властям удавалось вывести на линию. Единство действий всегда считалось доказательством фатального сходства левого и правого радикализма. Но независимо от этого у НСДАП в тот момент, по сути, не было другого выхода, хотя ее буржуазные избиратели были в ужасе, а финансовые поступления почти полностью прекратились. «Вся печать злобно нас ругает, — записывал Геббельс. — Она называет это большевизмом; но нам, собственно, не оставалось ничего иного. Если бы мы стояли в стороне от этой забастовки, в которой речь идет о самых элементарных жизненных правах трамвайщиков, это поколебало бы наши твердые позиции среди трудового народа. В данном же случае нам до выборов еще раз дается прекрасная возможность показать общественности, что наш антиреакционный курс действительно идет изнутри и является нашим искренним намерением». А вот запись от 5 ноября, всего несколькими днями позже: «Последний штурм. Отчаянное сопротивление партии против поражения... В последнюю минуту нам удалось раздобыть 10 тысяч рейхсмарок, и мы их во второй половине субботнего дня целиком всадили в пропаганду. Все, что можно было сделать, мы сделали. Теперь пусть решает судьба»[10].

Судьба впервые с 1930 года посрамила претензии национал-социалистов на власть: они потеряли два миллиона голосов и 34 мандата. СДПГ тоже потеряла несколько мест в парламенте, в то время как немецкие националисты получили дополнительно 11, а коммунисты — 14 мандатов[11]. В целом распад буржуазных центристских партий, продолжавшийся уже несколько лет, казалось, приостановился. В случае с НСДАП бросалось в глаза, что откат избирателей наступил везде почти равномерно. Дело было, следовательно, не в спаде региональной активности; это было отражением общей усталости. НСДАП потеряла большое количество голосов даже

---

[10] *Goebbels J.* Kaiserhof. S. 195, 191.

[11] НСДАП получила 196 мандатов (против 230), Немецкая национальная народная партия — 52 (вместо 37), СДПГ — 121 (вместо 133), КПГ — 100 (вместо 89). — *Прим. науч. ред.*

в таких преимущественно сельскохозяйственных районах, как Шлезвиг-Гольштейн, Нижняя Саксония или Померания, хотя на предыдущих выборах они составляли самое многочисленное и надежное ядро избирателей и заставили пересмотреть представление о НСДАП как об исходно городской партии мелкой буржуазии[12]. Хотя ее функционеры клялись, что будут «работать и бороться, пока эта брешь не будет закрыта», на местных выборах в последующие недели волна продолжала откатываться. Казалось, что победное шествие партии закончилось навсегда, и если ее еще можно было считать крупной, то легендарной она уже не была. Но вопрос заключался как раз в том, могла ли она существовать как обычная крупная партия — или только как легенда.

Доволен исходом выборов был прежде всего Папен. Считая, что одержал большую личную победу, он обратился к Гитлеру с предложением забыть старые споры и снова попытаться объединить все национальные силы. Но Гитлер, которому самоуверенный тон рейхсканцлера лишний раз напомнил о его собственной слабости, целыми днями не появлялся в Берлине, скрывая свое местонахождение. Еще вечером в день выборов он в обращении к партии отверг любую мысль о каком-либо соглашении с правительством и провозгласил «дальнейшую беспощадную борьбу до поражения этих частично явных, частично замаскировавшихся противников», чья реакционная политика загоняет-де страну в объятия большевизма. И только когда Папен обратился к нему повторно, уже с официальным письмом, он после хорошо обдуманной паузы в несколько дней дал отрицательный ответ, опять-таки присовокупив к нему целый ряд невыполнимых условий. Резкие отказы канцлер получил и от других партий.

---

[12] См. в этой связи статистические данные, приводимые К. Д. Брахером: *Bracher K.D.* Auflösung. S. 645 ff., затем материал, подчеркивающий прежде всего социальное положение (безработицу) в книге Г. Беннеке «Экономическая депрессия»: *Bennecke H.* Wirtscnaftliche Depression. S. 158 ff. Здесь же раскрывается то примечательное обстоятельство, что между безработицей и голосованием за НСДАП существует не прямая, а в лучшем случае опосредованная связь. Количество голосов, отданных за партию Гитлера, было значительно выше именно в сельских областях, не так сильно пострадавших от последствий кризиса, как, например, Рурская область или Берлин, где доля голосов, отданных за национал-социалистов, не доходила даже до 25 % и составляла лишь около половины от доли голосов в Шлезвиг-Гольштейне.

Сопровождаемое выражениями недовольства почти всей страны, правительство неуклонно приближалось к единственной оставшейся альтернативе: либо снова распустить Рейхстаг и таким рискованным и дорогостоящим методом выиграть время и возможность для политических маневров, либо наконец открыто предпринять давно обсуждаемые шаги против Конституции и, опираясь на президентскую власть и армию, запретить НСДАП, КПГ и, возможно, другие партии. Затем резко ограничить права парламента, ввести новое избирательное право и поставить Гинденбурга как своего рода высший авторитет во главе созванных им представителей старых правящих слоев. После потерпевшего явный крах парламентско-демократического «господства неполноценных» некое «Новое государство», концепция которого созрела в окружении Папена, должно было обеспечить «господство лучших» и тем самым перекрыть дорогу неуемным национал-социалистическим планам диктатуры. Даже если некоторые подробности такого решения вопроса, на которое Папен намекнул в отдельных пассажах своей речи 12 октября, и были пока неясными и представляли собой лишь заявление о намерениях, в целом они все же далеко выходили за рамки ни к чему не обязывающей игры мысли. Старик Ольденбург-Янушау, сосед и доверенное лицо Гинденбурга, с присущей ему прямотой махрового реакционера сказал в этой связи, что скоро он и его друзья «выжгут на теле немецкого народа такую Конституцию, от которой ему не поздоровится»[13].

Папен провозгласил планы создания мощной государственной власти, «которую политические и общественные силы уже не смогут гонять в разные стороны, словно футбольный мяч, ибо она неколебимо будет стоять над ними»[14]. Однако неожиданно он натолкнулся на сопротивление Шлейхера. Как известно, кандидатура Папена пришла генералу в голову, так как он надеялся, что Папен будет его послушным и действенным орудием при укрощении гитлеровской партии путем включения ее в широкую национальную коалицию. Вместо этого Папен не только ввязался в бесплодный личный спор с Гитлером, но и, опираясь на растущее доверие к нему

---

[13] Так, во всяком случае, утверждает Дж. У. Уилер-Беннетт: *Wheeler-Bennett J. W.* Die Nemesis der Macht. S. 277. О сути задуманного изменения см.: *Bracher K.D.* Auflösung. S. 537 ff., S. 658.

[14] Цит. по: *Horkenbach C.* Op. cit. S. 342.

Гинденбурга, утерял ту управляемость, которая, собственно, и привлекла к нему генерала, не любившего действовать на глазах общественности. «Ну, что вы на это скажете, — насмешливо спросил он как-то одного из своих посетителей, — крошка Франц вдруг решил, что он что-то значит»[15]. В отличие от Папена он рассматривал проблемы сотрясаемого кризисом индустриального государства, каким оно было в 1932 году, отнюдь не с «великосветской» точки зрения и был не настолько ограничен, чтобы считать, будто государству не требуется ничего, кроме силы. Поэтому Шлейхера раздражали авантюрные планы реформы рейхсканцлера, и он ни при каких обстоятельствах не согласился бы предоставить в его распоряжение рейхсвер. А планы Папена неизбежно втянули бы войска в борьбу против национал-социалистов и коммунистов. Это уже походило скорее на гражданскую войну, так как вместе обе партии вели за собой почти 18 миллионов избирателей, да еще имели в своем распоряжении насчитывавшие свыше миллиона человек боевые формирования. Но все же решающим для отхода Шлейхера было, вероятно, другое: по его мнению, появился серьезный шанс, создав новую группировку сил, осуществить задуманный план по укрощению НСДАП и постепенному сведению ее на нет.

Поэтому он не без задней мысли посоветовал Папену формально уйти в отставку и предоставить самому Гинденбургу ведение переговоров с руководством партий о создании «кабинета национального единства». Папен 17 ноября последовал этому совету, втайне все же надеясь, что после провала переговоров его позовут снова. Два дня спустя Гитлер, окруженный наскоро собранными ликующими толпами, проехал те немногие метры, которые отделяли «Кайзерхоф» от Президентского дворца. Однако ни этот разговор, ни вторая встреча не дали никаких результатов. Гитлер упорно требовал создания президентского правительства[15a] с особыми полномо-

---

[15] Согласно сообщению Г. Ферча, см.: *Bracher K.D.* Auflösung. S. 537 if., S. 661.

[15a] Статья 48-я Веймарской конституции предоставляла президенту страны, в частности, право на создание правительства, не опиравшегося на парламентское большинство в случае невозможности создать его на основе большинства Рейхстага. Все последние правительства Веймарской республики, начиная с кабинета Г. Брюнинга, назначались именно с использованием таких полномочий президента и именовались президентскими кабинетами. — *Прим. пер.*

чиями, в то время как Гинденбург, направляемый из-за кулис Папеном, как раз в этом не желал уступать. Если страна и дальше будет управляться с помощью чрезвычайных законов, говорил он, то не имело смысла отстранять Папена. Гитлер может стать рейхсканцлером правительства, только при поддержке парламентского большинства. Поскольку руководитель НСДАП этого обеспечить не мог, то статс-секретарь Гинденбурга Мейснер[16] сообщил ему в заключительном письме от 24 ноября:

«Господин рейхспрезидент благодарит Вас, глубокоуважаемый господин Гитлер, за Вашу готовность стать во главе президентского правительства. Однако он придерживается того мнения, что не может взять на себя ответственность перед немецким народом и доверить свои президентские полномочия руководителю партии, многократно подчеркивавшей свою исключительность и настроенной в основном отрицательно как против него лично, так и против тех политических и экономических мер, которые он считает необходимыми. В этих условиях господин рейхспрезидент опасается, что возглавляемый Вами президентский кабинет неизбежно превратился бы в партийную диктатуру со всеми вытекающими отсюда последствиями, то есть чрезвычайным обострением противоречий в немецком народе, а за это он не хотел бы нести ответственность ни перед данной им присягой, ни перед своей совестью»[17].

Это был еще один афронт, к тому же очень обидный, и Геббельс зло писал: «Революция снова стоит перед закрытыми дверями». Все же Гитлеру на этот раз удалось публицистически замаскировать свое поражение. В подробном

---

[16] Профессиональный чиновник и юрист Отто Лебрехт Мейснер (13.3.1880—28.4.1953) в апреле 1920 года возглавил Бюро рейхспрезидента, а в 1923 году получил ранг статс-секретаря Имперского правительства. В 1924 году Бюро преобразовано в Президентскую канцелярию. Оставался во главе канцелярии до краха режима в мае 1945 года. — *Прим. науч. ред.*

[17] Цит. по: *Schwertfeger B.* Rätsel um Deutschland. S. 173. Упоминаемое ниже письмо Гитлера, названное Геббельсом «шедевром» и на самом деле иллюстрирующее тактику, казуистику и психологию Гитлера, опубликовано в кн.: *Domarus M.* Op. cit. S. 154 ff. — Однако Г. Брюнинг утверждает, что его основные положения были сформулированы Я. Шахтом в отеле «Кайзерхоф», см.: *Brüning H.* Op. cit. S. 634.

послании он не без проницательности анализировал внутреннюю противоречивость выдвинутых Гинденбургом требований, впервые обрисовав при этом основные черты решения, принятого 30 января. В Президентском дворце было особо отмечено его предложение заменить предусмотренную в 48-й статье правительственную процедуру изданным в соответствии с конституцией законом о предоставлении чрезвычайных полномочий правительству, который освободил бы Гинденбурга от повседневной политической суеты, сняв с него часть невыносимо тяжелой ответственности. Значение этой инициативы для дальнейшего хода событий трудно переоценить. Она в большой степени способствовала тому, что президент, представший в письме Мейснера таким неуступчивым, в конечном итоге капитулировал перед притязаниями на власть со стороны человека, которому он еще незадолго до того готов был в лучшем случае предоставить Министерство почт.

Если Папен рассчитывал на возвращение в кресло рейхсканцлера после провала всех переговоров, то ему пришлось разочароваться. Ибо Шлейхер тем временем через Грегора Штрассера установил контакты с НСДАП и просчитал возможности участия национал-социалистов в правительстве, которое он сам бы возглавил. Его коварный план исходил из того, что великодушное предложение участвовать в правительстве вызовет в стане нацистов конфликт взрывной силы. Дело в том, что Штрассер, учитывая недавние неудачи партии, неоднократно высказывался за более гибкую тактику, тогда как Геббельс и Геринг жестко выступали против любой «половинчатости» и настаивали на требовании безраздельной власти.

Еще во время своих попыток зондажа Шлейхер вечером 1 декабря был вместе с Папеном вызван в Президентский дворец. Гинденбург попросил Папена изложить свою точку зрения, и тот обрисовал ему план конституционной реформы, мало чем отличавшейся от государственного переворота. После многомесячных открытых обсуждений предполагалось, очевидно, что достаточно будет чисто формального согласия президента. Но тут Шлейхер опередил его драматическим возражением. Он назвал намерения Папена излишними и опасными, одновременно подчеркнул опасность возникновения гражданской войны и изложил собственную концепцию. Она заключалась в том чтобы отколоть штрассеровское крыло от

НСДАП и объединить все конструктивные силы, начиная со «Стального шлема» и профсоюзов и заканчивая социал-демократами, в надпартийном кабинете под его, Шлейхера, руководством. Однако, не вдаваясь в причины, Гинденбург упрямо отклонил это предложение. Шлейхер подчеркнул, что его план освобождает президента от необходимости нарушить данную им присягу. Но даже это не поколебало симпатии «старого ворчуна» к своему любимцу-канцлеру, давно переросшие все конституционные рамки.

Шлейхер, однако же, не сдавался. Когда Папен после беседы пожелал удостовериться, готов ли рейхсвер к насильственному осуществлению конституционной реформы, Шлейхер твердо ответил «нет». И тогда, и на заседании правительства, состоявшемся на следующий день, он указал на проведенное его министерством исследование, которое подвело итоги трехдневных войсковых маневров. Как выяснилось, армия была бы не в состоянии успешно противостоять совместному выступлению национал-социалистов и коммунистов. А по его словам, этого после забастовки на берлинском общественном транспорте нельзя было исключить, тем более, если учитывать возможность всеобщей забастовки и одновременно провокаций со стороны Польши на восточной границе. Кроме того, Шлейхер дал понять, что сомневается в надобности использовать такой надпартийный инструмент как рейхсвер для поддержки имеющего за собой ничтожное меньшинство рейхсканцлера и его безумно дерзких планов реставрации. Аргументы Шлейхера произвели на членов кабинета сильное впечатление, поэтому возмущенному Папену, чувствовавшему себя преданным и обманутым, не оставалось ничего другого, как немедленно пойти к президенту и проинформировать его о новом положении дел. Папен, казалось, в какой-то момент было решил потребовать отставки Шлейхера, чтобы все же протолкнуть свои планы уже с новым министром рейхсвера. Но теперь воспротивился и Гинденбург. Папен сам не без наглядности описал последовавшую за этим трогательную сцену:

«Голосом, в котором звучала почти мука, ...он обратился ко мне: «Дорогой Папен, вы сами сочтете меня подлецом, если я теперь изменю свое мнение. Но я слишком стар, чтобы в конце жизни еще взять на себя ответственность за развязывание гражданской войны. Значит, мы с Божьей помощью должны дать шанс господину фон Шлейхеру».

Две большие слезы скатились по его щекам, когда этот большой сильный человек протянул мне на прощанье обе руки. Наше сотрудничество закончилось. Насколько наши с ним души были родственны, ...пожалуй, увидит даже посторонний, прочитав слова, написанные фельдмаршалом под фотографией, которую он несколькими часами позже передал мне в знак прощанья: "У меня был боевой товарищ!"[18]»[19].

Однако для Папена, который ухитрился завоевать сердце президента так же быстро, как и «утратить последние шансы на разумное преодоление политического кризиса»[20], это был уход не окончательный. Его обида на неожиданное падение смягчалась уверенностью в том, что Шлейхеру теперь придется выйти из тени, в которой он до тех пор прятался, и в беспощадном свете рампы выступить на авансцену, в то время как он сам подобно своему преемнику мог играть при президенте почти всемогущую роль «серого кардинала». Не менее важным, чем «родство душ» с Гинденбургом, было то обстоятельство, что Папен, не сомневавшийся в том, что может распоряжаться государством как своим поместьем, и после отставки продолжал занимать служебную квартиру, из которой садовая дорожка вела к расположенной рядом резиденции Гинденбурга. Эта почти семейная компания — Папен, Гинденбург, а с ними Оскар фон Гинденбург и Мейснер — обиженно и холодно следила за стараниями изворотливого генерала, противодействовала ему и в конце концов привела его к фиаско, хоть и дорогой ценой.

По сути дела момéнт для планов Шлейхера был необычайно благоприятным: кризис, переживаемый Гитлером, достиг своей кульминации, он был тяжелее любой другой из его прежних неудач. В кругах его сторонников широко выражались нетерпение и обманутые надежды, к тому же моментами казалось, что партия вот-вот рухнет под тяжестью долгов. К этому времени прекратились поступления от богатых покровителей, и теперь забеспокоились кредиторы: люди, печатавшие партийные билеты, шившие форму, поставлявшие оружие, предоставлявшие помещения для работы партии, а также бес-

---

[18] Слова из популярной солдатской песни времен Первой мировой войны. — *Прим. пер.*

[19] *Papen F. v.* Der Wahrheit eine Gasse. S. 250. Там же (S. 249) приведены подробности предпринятого подполковником Оттом разбора военных маневров.

[20] *Bracher K.D.* Auflösung. S. 676.

численные держатели векселей. Позже Гитлер с некоей легкомысленной логикой признавал, что подписывал в те времена бесчисленные долговые обязательства без малейшего беспокойства, так как победа сделала бы их оплату легкой, а поражение — излишним[21]. Повсюду на перекрестках улиц часами стояли штурмовики, протягивавшие прохожим опечатанные кружки для сбора пожертвований, «словно отставные солдаты, которым их полководец вместо пенсии дал разрешение на сбор подаяния». При этом они насмешливо кричали: «Для злых наци!» Конрад Хейден рассказывает, что многие отчаявшиеся младшие командиры СА переходили на сторону партий — противниц НСДАП и враждебных ей газет и за деньги выдавали им разные «тайны». Одним из признаков распада было и то, что пестрая армия оппортунистов, шумно и беспорядочно сопровождавшая движение, пока оно было на подъеме, теперь постепенно разбегалась и, хоть пока и неуверенно, начала примыкать к другому лагерю. На выборах в ландтаг Тюрингии, бывшей до тех пор одним из оплотов Гитлера, НСДАП потерпела крупнейшее поражение. 6 декабря Геббельс записывает в дневник: «Положение в стране катастрофическое. В Тюрингии мы по сравнению с 31 июля потеряли почти 40 % голосов»[22]. Впоследствии он публично признавал, что в то время его иногда одолевали сомнения — не погибнет ли движение окончательно. В многочисленных бюро Грегора Штрассера росло число заявлений о выходе из партии.

Скептицизм со всей очевидностью был обращен против концепции Гитлера. Много раз тот неуклонно отвергал половинную власть, однако же полноты власти так и не сумел завоевать. Назначение Шлейхера означало, что его максималистские требования, предусматривавшие либо победу, либо гибель, снова были отклонены. Конечно, в том, что он оставался верен этой дилемме, несмотря на все временные неудачи, разочарования и кризисы, была последовательность, которая может импонировать. И все же хочется вместе с одним из его современников спросить, не превратилась ли непреклонность Гитлера в глупость[23]. Во всяком случае, значительная группа его

---

[21] См.: *Görlitz W., Quint H.A.* Op. cit. S. 352.

[22] *Goebbels J.* Kaiserhof. § 217 f. По поводу упомянутого рассказа К. Хейдена см.: *Heiden K.* Geburt. S. 99.

[23] Это вопрос, поставленный К. Хейденом 10.12.1932 в газете «Фоссише Цайтунг».

сторонников во главе со Штрассером, Фриком и Федером считала, что самый благоприятный момент для захвата власти был почти безвозвратно упущен. Правда, экономический кризис, которому партия была так многим обязана, все еще был далек от преодоления, общее число безработных, включая и скрытую безработицу, в октябре 1932 года составляло, по официальным данным, 8750 тысяч человек, и страна шла навстречу новой голодной и холодной зиме со всеми ее непредсказуемыми деморализующими и радикализирующими последствиями. Но по мнению экспертов, впервые появились несколько обнадеживающие признаки перелома, да и во внешней политике затянувшийся процесс достижения компромисса сдвинулся с мертвой точки. Девиз Гитлера «Все или ничего» был, как правильно указывала группа Штрассера, по сути революционным и потому противоречил тактике легальности. Конкретно опасения касались, в частности, возможности того, что Шлейхер опять распустит парламент и назначит выборы. А к ним партия не была готова ни материально, ни психологически.

Теперь уже с точностью не установить, каким числом приверженцев располагал Штрассер и прежде всего насколько они были готовы следовать за возглавлявшим оргработу в партии даже вопреки воле своего фюрера[24]. По одной из версий, Гитлер будто бы сначала уступил и хотел уже согласиться с вхождением Штрассера в кабинет, так как подобное решение проблемы ему по крайней мере помогло бы остаться при своих жестких принципах и в то же время привело бы партию к власти. Согласно этой версии, Геринг и Геббельс заставили Гитлера вернуться к его прежней неуступчивости, и этого курса он, по свидетельству уже других источников, придерживался «категорически и недвусмысленно». Не выяснено далее, действительно ли Шлейхер на переговорах об образовании своего «кабинета жажды антикапитализма»[25]

---

[24] *Strasser O.* Mein Kampf. S. 60. Здесь О. Штрассер пишет, что его брата поддерживали 63 члена фракции в Рейхстаге, а в книге К.Г.В. Людеке со ссылкой на Штрассера говорится о 100 сторонниках: *Lüdecke K.G.W.* Op. cit. S. 450. Поскольку аппаратом печати национал-социалистов распоряжались сам Гитлер и в первую очередь Геббельс, то намерения приверженцев Штрассера не нашли в ней публицистического отражения. Будучи представителем радикального направления, Геббельс всегда поддерживал курс «все или ничего».

[25] См.: *Strasser O.* Mein Kampf. S. 78. Первые меры Шлейхера в области экономической политики, пытавшегося внести хотя бы час-

предложил Штрассеру пост вице-канцлера и министра труда, потребовав взамен обещание расколоть партию. Неизвестно даже, хотел ли Штрассер вообще переиграть Гитлера, или же вступил в переговоры, опираясь на свое положение второго человека в партии. Может быть, подобно Герингу, который, опять-таки по другой версии, будто бы предложил Шлейхеру свою кандидатуру на пост министра авиации. От всех этих запутанных секретных сговоров, едва обозначенных обещаний и воображаемых успехов не осталось, пожалуй, ни одного достоверного документа[26]. Единственное, что подтверждается документально, — это сеть интриг, заговоров, подозрений и ожесточенного соперничества. Такова уж была оборотная сторона этой идеологически столь мобильной, построенной на принципах верности и фюрерства партии, что перевешивали всегда не деловые, а чисто личные мотивы, а руководящее ядро вокруг Гитлера до самого конца оставалось скопищем враждующих приспешников, в котором каждый в какой-то момент противостоял каждому.

5 декабря, после принесших НСДАП чувствительные потери выборов в Тюрингии, на совещании у Гитлера в отеле «Кайзерхоф» произошел крупный спор. Штрассер понял, что Фрик от него уже откололся, а красноречие Гитлера окончательно его изолировало. Два дня спустя он там же снова стоял перед Гитлером, осыпаемый упреками и обвинениями в коварстве, предательстве и вероломстве. Возможно, что сама реакция собравшихся на обвинения Гитлера и на его собственные гневные возражения убедила Штрассера в бесперспективности его стремлений. Во всяком случае, когда разразился дикий скандал, он собрал свои вещи и молча, ни с кем не попрощавшись, ушел. Придя в свой номер, он написал Гитлеру большое письмо, подводившее итог их долголетних отношений. Он критиковал авантюрную политику партии, находившейся под гу-

---

тичные коррективы в реакционное наследие Папена, позволяют говорить о том, что такая характеристика была не так уж далека от действительности.

[26] Источниками сведений о закулисной игре послужили в основном краткая информация О. Дитриха, записки Геббельса, хотя они и сильно стилизованы, клятвенное заявление О. Отта, сделанное им 12.01.1949 (IfZ/München), а также рассказ К. Хейдена, точный в данном случае с точки зрения передачи «атмосферы», но не совпадающий с другими источниками в деталях. См. также показания Геринга на Нюрнбергском процессе: IMT. Bd. IX. S. 279.

бительным влиянием Геббельса и Геринга, а также непостоянство Гитлера, которому он предсказывал, что он кончит курсом на «применение силы и грудой развалин на немецкой земле»[27]. Затем, полный разочарования и отвращения, он заявлял об отставке со всех партийных постов.

Письмо повергло партию в отчаяние и уныние, тем более что в нем ничего не говорилось о дальнейших планах Штрассера. Какого-то знака от него ожидали не только такие его ближайшие приверженцы, как Эрих Кох, Кубе, Кауфман, граф Ревентлов, Федер, Фрик или Штер. Сам Гитлер, казалось, нервничал и был готов к тому, чтобы уладить разногласия в открытой дискуссии. Беспокойство усилилось, поскольку Штрассер нигде не показывался: «Вечером фюрер был у нас дома, — писал Геббельс. — Настроение никак не улучшалось. Мы все весьма подавлены, прежде всего потому, что есть опасность развала всей партии; тогда вся наша работа была впустую. Мы стоим перед решающим испытанием». Позже, уже в своем гостиничном номере, Гитлер внезапно прервал молчание словами: «Если партия когда-нибудь развалится, я тремя минутами позже пущу себе пулю в лоб»[28].

Между тем Штрассер, которого искали и которого боялись, тот Штрассер, который в какой-то исторический момент, казалось, держал в своих руках судьбу движения, провел вторую половину дня за кружкой пива в обществе одного из друзей. С разочарованием, но и облегчением он излил всю злость, копившуюся в нем годами, ругался, вздыхал и пил. Вечером он сел в поезд и уехал, чтобы отдохнуть от изнурительной близости Гитлера. Свое окружение он оставил в состоянии недоумения и беспомощности. Если кто-то захочет найти причины этого срыва, то их следует искать прежде всего в разлагающем влиянии долголетней безусловной преданности: Грегор Штрассер слишком долго хранил верность, чтобы сохранить еще и самостоятельность. На следующий день, как только стало известно об уходе Штрассера, Гитлер принялся за разрушение его аппарата. Молниеносно, с какой-то лихорадочной уверенностью, он издал целый ряд указов и призывов. В соответствии с моделью разрешения кризиса в СА он сам возглавил Партийную организацию и назначил Роберта Лея, который еще в ганноверские годы доказал свою

---

[27] *Heiden K.* Geburt. S. 101.

[28] *Goebbels J.* Kaiserhof. S. 219 f.

слепую преданность, начальником своего штаба. Затем повысил в должности своего личного секретаря Рудольфа Гесса, сделав его руководителем Центральной политической комиссии, задуманной, вероятно, как противовес возможным притязаниям на власть со стороны третьих лиц. Кроме того, самостоятельность получили аграрно-политический отдел и отдел народного просвещения. Их начальниками стали соответственно Дарре и Геббельс.

Затем Гитлер собрал функционеров и депутатов от НСДАП во Дворце председателя Рейхстага — служебной резиденции Германа Геринга, и там прошла волнующая церемония изъявления верности. Он упомянул о том, насколько он всегда хранил верность Штрассеру и насколько тот всегда был вероломен, а вот теперь, на пороге победы, привел партию и вовсе на край пропасти. Сегодня уже не установить, действительно ли Гитлер, рыдая, опустил голову на стол и разыграл комедию отчаяния. Во всяком случае для Геббельса речь была «наполнена таким искренним чувством, что у меня стало горячо на сердце... У старых партийцев, много лет несгибаемо боровшихся и работавших в движении, в глазах стояли слезы ярости, боли и стыда. Этот вечер — огромный успех для единства движения». Гитлер не упустил из-под влияния своего патетического триумфа ни одного из соратников Штрассера, потребовав от них всех акта публичного подчинения его воле: «Все пожали ему руку и пообещали бороться плечом к плечу рядом с ним что бы ни случилось и не отступаться от нашего дела, даже если ради этого придется пожертвовать жизнью. Штрассер совершенно изолирован. Политический труп».

Так Гитлер преодолел один из значительных кризисов в своей карьере и опять-таки доказал удивительную способность превращать разброд и развал в импульс для дальнейшей закалки своих приверженцев. Да, конечно, Штрассер, не навязавший Гитлеру ни борьбы, ни компромисса, облегчил ему этот успех и стал очень удобным козлом отпущения, на которого теперь можно было свалить все неудачи прошлых месяцев. Но в истории возвышения Гитлера всякий раз случалось так, что его соперники не умели бороться и, видя его ожесточение, пожимали плечами и отказывались от борьбы. Едва почувствовав немилость Гинденбурга, Брюнинг капитулировал так же быстро, как 20 июля Зеверинг или Гжезински. Теперь пришел черед Штрассера и его сторонников, потом Гугенбер-

га и других: при виде его ярости все они отступались и уходили. От Гитлера их отличало то, что у них не было такой страстной жажды власти. Для них какой-либо кризис означал поражение, для него же — исходную точку для борьбы и обретения новой уверенности. Сам Гитлер описал тип своего буржуазного соперника с проницательной презрительностью: «Не будем обманываться — нам вовсе не собираются сопротивляться. Каждое слово, произносимое в том лагере в наш адрес, выдает стремление к соглашательству... Это все не те люди, которые жаждут власти или испытывают наслаждение от обладания властью. Они способны только рассуждать о долге и ответственности и были бы просто счастливы, если бы могли спокойно ухаживать за цветами в своем саду, в привычный час ходить на рыбалку, а в остальном проводить жизнь в благочестивом созерцании»[29]. Декабрьский кризис 1932 года подтвердил эту высокомерную характеристику; вплоть до военных лет она оставалась стимулирующим примером того, как из поражений и неудач черпать новую уверенность в победе. Сам Гитлер любил, вспоминая прошлое, взбадривать самого себя словами, что ему «приходилось преодолевать еще и не такие пропасти и не раз стоять перед альтернативой — быть или не быть».

Однако окончание дела Штрассера еще не означало конца политического кризиса в НСДАП. Дневник Геббельса и в последующие недели изобилует свидетельствами подавленности; упоминается также, что было «очень много склок и недоразумений». Верхушка партии, особенно Гитлер, Геринг, Геббельс и Лей, в конце каждой недели объезжала гау, чтобы поднять настроение своих сторонников. Как во времена крупных кампаний, Гитлер выступал до четырех раз в день, часто в весьма отдаленных друг от друга городах. Не прекращались и финансовые трудности. В берлинском гау пришлось урезать оклады партийных чиновников, а фракция НСДАП в прусском ландтаге даже не смогла выдать парламентским служащим традиционные рождественские чаевые. 23 декабря Геббельс записывает: «Меня охватывает ужасное одиночество, схожее с тупой безысходностью!» Под новый год «Франк-

---

[29] *Rauschning H.* Gespräche. S. 254. Приведенное ниже замечание см.: Hitlers Tischgespräche. S. 364. Об уступчивости его соперников см.: *Eschenburg Th.* Die Rolle der Persönlichkeit in der Krise der Weimarer Republik. In: VJHfZ, 1961. H. 1. S. 28 ff.

фуртер Цайтунг» уже радовалась «развенчанию легенды о НСДАП», а Гарольд Ласки, один из ведущих интеллектуалов английских левых сил, уверял: «День, когда национал-социалисты представляли собой смертельную опасность, прошел... Если отвлечься от случайностей, то не так уж невероятно, что Гитлер окончит свою карьеру стариком в какой-нибудь баварской деревушке, рассказывающим своим друзьям по вечерам в пивной, как он однажды чуть было не устроил переворот в Германском рейхе»[30]. Словно продолжая эту мысль, Геббельс недовольно писал: «Год 1932-й был сплошной чередой неудач. Его надо разбить вдребезги... Не осталось никаких перспектив, никаких надежд».

Именно в этот момент неожиданно для всех произошел быстрый поворот событий. Как ни умно Шлейхер в качестве рейхсканцлера начинал свою шахматную партию, он скоро увидел, что ему приходится сидеть даже не на двух, а сразу на всех стульях. Хоть он и представился в своем правительственном заявлении как «социально ориентированный генерал», его уступки трудящимся не привлекли к нему социал-демократов и в то же время обозлили предпринимателей. Крестьяне были недовольны тем, что им предпочитают рабочих, а крупные землевладельцы выступили против объявленной «поселенческой программы»[31], сплоченные тем же кастовым духом, который в свое время стал роковым для Брюнинга. К тому же старания генерала по объединению явились большой неожиданностью, и Шлейхер, известный своим интриганством, не вызывал доверия в качестве поборника единства. Провозглашенные им идеи плановой экономики, его попытки сближения с профсоюзами, его намерения восстановить парламентские порядки — все это, может быть, было искренним, но натолкнулось на недоверие и сопротивление. Тем не менее Шлейхер не терял оптимизма, считая, что его противники не в состоянии объединиться ради борьбы против него. Да, интрига, задуманная им вокруг Грегора Штрассера, пока

---

[30] Цит. по: *Eyck E.* Op. cit. Bd. II. S. 541.

[31] «Поселенческая программа» представляла собой часть плана социальных мероприятий правительства Брюнинга, направленных на смягчение тягот массовой безработицы; ею предусматривалось заселение, в том числе и принудительное, пустующих, разорившихся и не подлежащих санированию имений в Восточной Пруссии безработными и их семьями. — *Прим. пер.*

провалилась; и все же дело это нанесло тяжелый ущерб сплоченности глубоко деморализованной, погрязшей в долгах НСДАП и привело к тому, что Гитлер, без участия которого антиправительственный фронт терял ударную силу, перестал считаться политиком, с которым можно заключать союзы.

Не кто иной, как Франц фон Папен спутал все расчеты Шлейхера и неожиданно помог НСДАП обрести новый шанс. В нем соперничающие между собой противники Шлейхера усмотрели наконец фигуру «всеобщего защитника»[32].

Всего две недели спустя после вступления генерала на пост главы правительства Папен высказал кёльнскому банкиру Курту фон Шрёдеру[33] свою заинтересованность во встрече с вождем НСДАП. Случилось так, что контакты совпали по времени с уходом Грегора Штрассера, а это могло быть истолковано кругами покровителей-промышленников в том смысле, что революционные, антикапиталистические настроения в партии если и не преодолены, то во всяком случае лишились своего главного выразителя. Да и постоянный рост голосов, подаваемых за Коммунистическую партию (что подтвердилось на ноябрьских выборах в Рейхстаг), способствовал преодолению предубеждения предпринимателей против Гитлера. Тем более что пропаганда НСДАП работала под лозунгом: «Если завтра партия распадется, то послезавтра в Германии прибавится 10 миллионов коммунистов». Будучи главой кёльнского «Клуба господ». Шрёдер обладал широкими связями в руководстве рейнской тяжелой промышленности. Он и раньше не раз активно выступал в поддержку Гитлера, набрасывал планы экономической политики национал-социалистов, а в ноябре 1932 года подписал составленную Ялмаром Шахтом петицию, содержавшую неприкрытую поддержку претензий Гитлера на власть. Тогда Папен в резком заявлении отверг это выступление как недопустимое, теперь же он обрадовался и согласился, когда

---

[32] *Bullock A.* Op. cit. S. 241.

[33] Барон Курт фон Шрёдер (24.11.1889—4.11.1966) был одним из владельцев Банкирского дома «Й.Х. Штейн» (Кёльн). Во времена Третьего рейха он был президентом Промышленной и торговой палаты Рейнланда, президентом региональной экономической палаты Кёльна—Ахена, возглавлял Объединение частных банкиров, был председателем Наблюдательного совета Германского транспортного кредитного банка (Берлин), а также ряда крупных фирм. — *Прим. науч. ред.*

Шрёдер пригласил его на встречу с Гитлером, назначенную на 4 января.

Разговор, состоявшийся в обстановке строжайшей секретности, начался с горького, полного упреков монолога Гитлера, вращавшегося в основном вокруг его унижения 13 августа. Только некоторое время спустя Папену удалось добиться нормализации разговора, свалив на Шлейхера всю вину за отказ президента назначить Гитлера рейхсканцлером. Затем он предложил создать коалицию немецких националистов и национал-социалистов во главе с неким подобием дуумвирата, состоящего из него самого и Гитлера. В ответ Гитлер снова произнес «длинную речь», как фон Шрёдер показал на Нюрнбергском процессе, «в которой он утверждал, что будучи назначен канцлером, не сможет отказаться от своего намерения самому в одиночку возглавлять правительство. Но люди Папена, продолжал Гитлер, все же могли бы войти в его правительство в качестве министров, если выкажут готовность участвовать в политике, которая изменит многое. К числу упомянутых им изменений относились удаление социал-демократов, коммунистов и евреев с ключевых позиций в Германии и восстановление порядка в общественной жизни. В принципе Папен и Гитлер пришли к согласию»[34]. В ходе дальнейших переговоров Гитлер получил ценную для него информацию о том, что у Шлейхера нет полномочий на роспуск Рейхстага и что НСДАП, следовательно, может не опасаться новых выборов.

Встреча эта с полным на то основанием была названа «часом рождения Третьего рейха»[35]. Между ней и тем, что про-

---

[34] Из показания Шрёдера, сделанного им 3.11.1945. Цит. по: Nazi Conspiracy and Aggression, Vol. II. P. 922 ff.

[35] *Bracher K.D.* Auflösung. S. 691. Гитлер и сам признавал, что встреча в Кёльне носила переломный характер; тогда, как он выразился, у него «сложилось впечатление, что его дела очень даже неплохи»; см.: Hitlers Tischgespräche. S. 365. Впрочем, представленная здесь версия не является бесспорной. В частности, сам Папен протестовал против нее (см. его письмо в газету «Дас Парламент», 14, 8.4.1953). Однако версия, изложенная в его книге воспоминаний и оправданий, в немалой мере рассчитана на легковерие читателя. Так, например, он пытается придать этой встрече абсолютно случайный и второстепенный характер; он постоянно подчеркивает, что она преследовала чисто ознакомительные цели. Но этому противоречат не только показания фон Шрёдера, равносильные данным под присягой. Гитлер еще

изошло 30 января, существует прямая причинная связь. Одновременно переговоры снова бросали свет на те предпринимательские круги, которые поддерживали гитлеровские амбиции. Пока, правда, все еще не выяснено, не коснулся ли разговор в конце и катастрофического финансового положения, партии и обсуждались ли конкретные меры по уплате ее долгов. Однако уже сами переговоры как таковые без, сомнения укрепили кредитоспособность партии и вообще вернули ей статус участника политической жизни. Еще 2 января консультант НСДАП по налогам заявил в одном из финансовых учреждений Берлина официально, для занесения в протокол, что партия сможет заплатить налоги только ценой своей независимости. Геббельс же отметил в дневнике, что у партии «снова высокая котировка». Хотя он и не указывал, как часто утверждается, на «внезапное улучшение» ее материального положения, но все же писал, что у него «нет охоты заботиться о скверном финансовом положении организации. Если мы на этот раз добьемся своего, все это перестанет играть какую-либо роль»[36].

В той же мере, в какой кёльнская встреча восстановила веру национал-социалистов в собственные силы и близкую победу, она нанесла, пожалуй, решающий удар по Шлейхеру и его правительству. Сознавая надвигающуюся опасность, рейхсканцлер немедленно информировал прессу, а затем попросил аудиенции у Гинденбурга. Но на просьбу о том, чтобы президент принимал впредь Папена только в его, Шлейхера, присутствии, он получил уклончивый ответ, показавший ему всю слабость своей позиции. Гинденбург больше не

за несколько недель до встречи отказался вести переговоры с Папеном. Если более поздние утверждения Папена о том, что не было сделано никакого предложения, на самом деле соответствуют действительности, то все же решающим остается одно обстоятельство: Гитлер мог считать, что через Папена к нему обращался Гинденбург. Предложение заключалось, по крайней мере, в личности Папена, и он как дипломат должен был бы это знать и наверняка знал. Далее Папен уверяет, что вел беседу в интересах и для поддержки Шлейхера и что дуумвират касался не Гитлера и его, а Гитлера и Шлейхера. Уже сама трусливая таинственность, окружавшая встречу, говорит об абсурдном характере этой версии.

[36] *Goebbels J.* Kaiserhof. S. 235 f. Неверно интерпретирует эту запись в дневнике, например, У. Ширер: *Shirer W. L.* Op. cit. S. 175. См. в этой связи: *Turner H.A.* Op. cit. S. 35 ff.

собирался предпочитать государственные институты и принципы корректного выполнения служебных обязанностей своему «юному другу» Папену, обладавшему столь лихим шармом и так прекрасно умевшему рассказывать анекдоты.

Окончательно ясно это стало в разговоре, который Папен, в свою очередь, провел с Гинденбургом. Вопреки истине он сообщил президенту, что Гитлер наконец-то стал уступчивее и отказался от требования единоличной правительственной власти. Но вместо того чтобы пожурить Папена за своеволие, Гинденбург ограничился словами, что и сам «сразу же подумал, что это [шлейхеровское] изложение ситуации не может соответствовать действительности», и даже поручил Папену оставаться в контакте с Гитлером лично и строго секретно. Наконец, он попросил своего статс-секретаря Мейснера ничего не говорить Шлейхеру о поручении, данном Папену. Тем самым президент сам включился в заговор против своего же канцлера[37].

Формирующийся фронт Папена — Гитлера получил вскоре ощутимое подкрепление. Пока Шлейхер — с нарастающим чувством безнадежности — старался завоевать расположение Штрассера, профсоюзов и партий, в Президентский дворец 11 января пришла делегация Имперского аграрного союза, энергично жаловавшаяся на бездействие правительства, особенно в области правительственных пошлин. За этим стояли опасения аграриев, что будет осуществлена задуманная еще Брюнингом переселенческая программа, а также, очевидно, страх, что парламент станет проверять, куда ушла «восточная помощь»[38]. А многие собратья Гинденбурга по сословию использовали ее не только для неправедного обогащения, но и для того, чтобы эксплуататорскими мерами лишний раз доказать свою принципиальную непримиримость к ненавистной республике. В присутствии приглашенных членов кабинета Гинденбург тотчас же принял сторону представителей интересов крупных аграриев.

---

[37] См. по этому поводу: *Meissner O.* Staatssekretär. S. 254 ff.; *Papen F. v.* Op. cit. S. 261, а также показания Мейснера на так называемом процессе по делу Вильгельмштрассе: Протокол от 4.5.1948. S. 4607.

[38] «Восточная помощь» — правительственная программа санирования сельского хозяйства в Восточной Пруссии. Она обошлась в 2,5 млрд марок, причем 68 % досталось крупным землевладельцам, на долю которых приходилось 39 % полезных угодий. — *Прим. пер.*

Поскольку Шлейхер не собирался тут же брать на себя какие-либо обязательства, владелец имения в Нойдеке, по свидетельству одного из очевидцев, грохнул кулаком по столу и в ультимативном тоне заявил: «Я прошу вас, господин рейхсканцлер фон Шлейхер, а как старый солдат вы наверняка знаете, что просьба — это только вежливая форма приказа, — чтобы сегодня же ночью кабинет собрался, принял бы законы в том направлении, о котором здесь говорилось, и положил их мне завтра утром на стол на подпись»[39]. Сначала Шлейхер, казалось, готов был уступить нажиму президента. Но всего несколько часов спустя стала известна демагогическая резолюция Имперского аграрного союза, вынудившая его принять вызов и сразу же прервать переговоры. Когда он двумя днями позже еще и отказался предоставить реакционеру Гугенбергу пост министра экономики и недвусмысленно подтвердил свою социально-политическую аргументацию, все пошатнулось; теперь против него выступили и правые. Социал-демократия и раньше отказала «дьявольскому генералу» в какой-либо поддержке и даже запретила профсоюзному лидеру Лейпарту переговоры со Шлейхером. В оценке Гитлера социал-демократы стали пленниками собственных одномерных представлений, самодовольно приукрашенных идеологическими стереотипами и недомыслием. Подобно консервативным деятелям с их особым сознанием, будто они «уполномочены самой историей», социал-демократы в своем самодовольстве, под которое они подводили историко-философскую базу, полагались на автоматическое действие прогресса. В Гитлере они видели всего лишь отклонение от прямого пути, драматическое обострение ситуации перед окончательным прорывом к свободному общественному строю. Шлейхер, конечно, своими бесчисленными интригами и незаконными махинациями сам почти полностью подорвал доверие к себе, но этого еще было недостаточно, чтобы не доверять ему больше, чем Гитлеру. В том равнодушии, с каким социал-демократическое руководство позволило свалить генерала, сказалась в известной мере традиционная настороженность по отношению к самому этому государству, которое никогда полностью не соот-

---

[39] Так сказано в письме Генриха фон Зибеля от 2.2.1951, цит. по: *Bracher K.D.* Auflösung. S. 697 f. См. также подборку материалов по проверке «восточной помощи»: *Treue W.* Op. cit. S. 390 ff.

ветствовало их представлениям. Как бы то ни было, во всех этих оговорках, диссонансах и возражениях потерялось понимание того факта, что Шлейхер был последней остававшейся альтернативой Гитлеру, в нетерпении стоявшему перед вратами власти. В годы после краха «большой коалиции» СДПГ не проявила, пожалуй, ни одной значительной инициативы; теперь она снова собралась было с силами — но только для того, чтобы уничтожить последний малый шанс республики на спасение[40].

Хитроумный рейхсканцлер быстрее, чем ожидали, оказался, таким образом, в безвыходной ситуации: как личность он не дорос до своей же собственной по сути правильной концепции. Его программа создания рабочих мест настроила против него предпринимателей, его переселенческая программа обозлила аграриев, его происхождение — социал-демократов, а его предложения Штрассеру — национал-социалистов. Конституционная реформа оказалась настолько же неосуществимой, как правление с парламентом, без парламента или захват власти: казалось, что политика на нем вообще кончилась. Если Шлейхер и оставался какое-то время на своем посту, то только потому, что заговорщики пока не пришли к согласию относительно состава нового кабинета. Именно эти вопросы стали теперь предметом лихорадочной закулисной деятельности.

Что касается Гитлера, то он, чтобы укрепить свои позиции на переговорах и придать большую основательность претензиям НСДАП на власть, сконцентрировал все силы на назначенных на 15 января выборах в ландтаг крохотной земли Липпе. В ходе этой чрезвычайно дорогостоящей предвыборной борьбы он снова собрал всех известных партийных ораторов в замке барона фон Ойенхаузена, и вечер за вечером они наводняли собой эту землю. В первый день, писал Геббельс, «я выступил трижды, частично в совсем малень-

---

[40] См. в этой связи данные, опубликованные К.Д. Брахером (*Bracher K.D.* Auflösung. S. 700), а также записи Юлиуса Лебера, сделанные им в июне 1933 года в следственном изоляторе и касающиеся фиаско его партии, особенно следующую формулировку: «Единственным политическим достижением, на которое еще оказалось способным правление фракции в эти месяцы, были немедленные заявления о недоверии, которыми оно встречало каждое новое правительство». Партия, пишет он, не услышала «рева бури»; см.: Ursachen und Folgen. Bd. VIII. S. 769 ff.

ких деревушках»; сам Гитлер за несколько дней выступил на восемнадцати митингах. То точное психологическое чутье, которое многими так и не было понято или высокомерно презиралось, помогло ему распознать шанс, даваемый этими выборами. С самого начала вся агитация была направлена на то, чтобы представить результаты выборов как решающую репетицию в борьбе за господство, и действительно — общественность поддалась этому внушению. Она ожидала результатов этого второстепенного события, голосования каких-то ста тысяч избирателей[41] так, словно это было нечто вроде суда Божия, определявшего «политическое будущее 68-миллионного народа»[42].

Благодаря предпринятым усилиям Гитлер 15 января достиг первого успеха со времени июльских выборов. Правда, партия собрала 39,5 % голосов, а это было меньше, чем в том же Липпе ранее, к тому же демократические партии, особенно СДПГ, в целом завоевали большее количество голосов, чем гитлеровская партия. Однако общественность во главе с президентской верхушкой увидела в этом успехе не результат непропорционально больших усилий и не совпадение благоприятных обстоятельств, позволивших истощенной и не способной на крупную кампанию НСДАП использовать малые выборы. Исход выборов был воспринят как доказательство восстановления нимба неотразимости, окружавшего гитлеровское движение.

Поэтому встретившись 18 января в Берлине-Далеме у недавно примкнувшего к нему виноторговца Иоахима фон Риббентропа[43] с Францем фон Папеном, Гитлер еще самоувереннее потребовал для себя пост рейхсканцлера. Папен возразил, что для этого его собственного влияния на президента недостаточно, и переговоры грозили окончательно зайти в тупик. Только несколькими днями позже в строжай-

---

[41] На 1933 год все население земли Липпе составляло 175 538 человек. — *Прим. науч. ред.*

[42] *Bracher K.D.* Auflösung. S. 701; *Dietrich O.* Mit Hitler in die Macht. S. 174; *Goebbels J.* Kaiserhof. S. 237 f.

[43] Иоахим Ульрих Фридрих Вилли фон Риббентроп (30.4.1893—16.10.1946) был женат на дочери крупнейшего торговца шампанским О. Хенкелля и владел собственной фирмой по торговле импортными алкогольными напитками «Шёнберг и Риббентроп». Кроме того, он был хорошо знаком с фон Папеном еще со времен Первой мировой войны. — *Прим. науч. ред.*

шей тайне была осуществлена идея подключить Гинденбурга-сына, что позволило продвинуться на переговорах. Гитлер и сопровождавшие его лица под покровом темноты вошли в дом Риббентропа со стороны сада, а в это время Оскар фон Гинденбург и статс-секретарь Мейснер демонстративно показались в опере, прежде чем сразу же после антракта тайно покинуть ложу. Что касается Папена, то шофер привез его в машине Риббентропа.

Как только все были в сборе, Гитлер попросил сына президента выйти с ним в соседнюю комнату, так что Оскар фон Гинденбург, специально настоявший на участии Мейснера, оказался внезапно изолированным. Предмет этого разговора с глазу на глаз, продолжавшегося около двух часов, до сих пор достоверно неизвестен. В соответствии со своими тактическими методами Гитлер, вероятно, попытался обеспечить себе поддержку президентского сына с помощью испытанной комбинации угроз и лести. К угрозам могло относиться обвинение Гинденбурга в попытке совершить государственный переворот в Пруссии, которое национал-социалисты не раз собирались предъявить. Не исключено также, что Гитлер оказал на Оскара нажим, намекнув, что НСДАП разоблачит скандальную неуплату налога семьей Гинденбургов при передаче прав собственности на имение Нойдек[44]. Конечно, и присущая Гитлеру сила внушения не могла не произвести впечатления на президентского сына, и без того склонного к оппортунизму. Как бы то ни было, Оскар, пришедший в дом Риббентропа с большим предубеждением против Гитлера, на обратном пути сказал Мейснеру, что теперь уже нет

---

[44] Имение, приобретенное преимущественно на деньги промышленников, формально было подарено не Гинденбургу, а его сыну, чтобы избежать уплаты налога на наследство. Гинденбурга сильно беспокоили и события 20.7.1932. Брюнинг писал: «Эрвин Планк, навестивший меня в больнице как-то вечером за 4 дня до отставки Шлейхера с поста рейхсканцлера, рассказал мне о трудностях, возникавших в правительстве из-за боязни Гинденбурга, что ему будет предъявлено обвинение, и меня заверили в том, что именно по этой причине Гинденбург дал наконец свое согласие назначить Гитлера рейхсканцлером»; см.: *Brüning H.* Ein Brief. In: Deutsche Rundschau, 1947. S. 15. Кроме того, летом 1935 года Брюнинг сказал Г. Кеслеру, что Оскар фон Гинденбург «позволил втянуть себя во всякие темные делишки биржевиков и тем самым попал в такое положение, что постоянно опасался разоблачений». *Kessler H.* Op. cit. S. 739.

другой возможности, кроме как сделать Гитлера канцлером, тем более что и Папен якобы согласился на пост вице-канцлера[45].

К тому времени и Шлейхер впервые, пожалуй, осознал всю опасность ситуации. 23 января он посетил Гинденбурга и откровенно признал, что его план — расколоть НСДАП и придать кабинету парламентскую основу — провалился. Но когда вслед за этим он испросил у президента полномочий на роспуск Рейхстага, объявление чрезвычайного положения и Указ об одновременном запрещении НСДАП и КПГ, Гинденбург напомнил ему о споре, состоявшемся 2 декабря. Тогда Папен предлагал похожее решение вопроса, но вынужден был отступить, натолкнувшись на возражения Шлейхера. Канцлер указал на изменившиеся обстоятельства, но на старика это не возымело действия, и после консультации с Мейснером он отклонил предложение Шлейхера.

Как и следовало ожидать, камарилья немедленно известила общественность о намерениях Шлейхера. Все стороны тут же выразили категорический протест. Национал-социалисты с наигранным возмущением жаловались на планы государственного переворота по типу «Примо де Шлейхерос»[46]. Понятно, что возмущены были и коммунисты, а у демократических центристских партий рейхсканцлер растерял последние остатки своего престижа. Такая дружная реакция возымела свое действие на Гинденбурга и, вероятно, побудила его более благосклонно отнестись к планам создать кабинет Гитлера. Кроме того, 27 января Геринг посетил в Президентском дворце Мейснера и попросил передать «почтеннейшему генерал-фельдмаршалу», что в отличие от Шлейхера Гитлер не намерен отягощать совесть президента, заставляя его нарушать право, и будет неуклонно соблюдать Конституцию[47].

А между тем неутомимый Папен трудился не покладая рук. На этот раз он старался сделать запланированный кабинет бо-

---

[45] См. упомянутые показания Мейснера на процессе по делу Вильгельмштрассе. Геббельс также подтверждает, что тогда же была достигнута договоренность обеих сторон о кабинете Гитлера, см.: *Goebbels J.* Kaiserhof. S. 247 f.

[46] По аналогии с генералом Мануэлем Примо де Ривера-и-Орбанеха маркизом де Эстелья (8.1.1870—16.3.1930), который 13 сентября 1923 года совершил государственный переворот и возглавил директорию, став диктатором Испании. — *Прим. науч. ред.*

[47] *Meissner O.* Op. cit. S. 263 f.

лее приемлемым для Гинденбурга путем включения в него немецких националистов и близких к президенту руководителей «Стального шлема». Если Дуйстерберг[48] решительно возражал против якобы «настоятельной необходимости» кабинета Гитлера, то Зельдте[49] и Гугенберг были согласны с планами Папена. Ничему не научившись на опыте прошлых лет, Гугенберг заявлял, «что ничего ведь не может случиться», поскольку Гинденбург останется президентом и Верховным главнокомандующим рейхсвера, Папен станет вице-канцлером, он сам возьмет на себя всю экономику, а Зельдте — министерство труда: «Следовательно, мы создадим для Гитлера определенное обрамление»[50].

Сам же Гинденбург, уставший, запутавшийся и способный только моментами хоть как-то разбираться во всех этих хитросплетениях, вероятно, все еще думал о кабинете фон Папена, в котором Гитлер был бы вице-канцлером. Когда генерал фон Хаммерштейн, командующий сухопутными войсками, утром 26 января высказал ему свои сомнения по поводу развития политических событий, Гинденбург «чрезвычайно обидчиво» запретил «оказывать на него какое-либо политическое влияние, но потом — наверное, чтобы меня успокоить, — сказал что «и не подумает сделать австрийского ефрейтора министром обороны или рейхсканцлером»[51]. Однако уже на следующий день у президента появился Папен, заявивший, что в настоящий момент создать кабинет фон Папена не представляется возможным. Теперь Гинденбург остался в одиночестве и один возражал против назначения Гитлера.

---

[48] Теодор Дуйстерберг (19.10.1875—4.11.1949) был кадровым офицером. Вышел в отставку в знак протеста против подписания Версальского мира, подполковник. В 1921—1923 годах был членом Немецкой национальной народной партии, а в 1923 году вступил в «Стальной шлем», став вскоре одним из его руководителей. В 1934 году, во время «Ночи длинных ножей», он был арестован и брошен в концлагерь Дахау. После освобождения отошел от любой политической деятельности. — *Прим. науч. ред.*

[49] Майор Франц Зельдте (29.6.1882—1.4.1947) в 1918 году основал «Стальной шлем» и до января 1933 года был его бессменным председателем. — *Прим. науч. ред.*

[50] *Duesterberg Th.* Op. cit. S. 38 f.

[51] «С точностью до слова 26 января 1933 года в 11.30 утра в присутствии свидетеля», — добавил фон Хаммерштейн; см.: *Hammerstein K. v.* Spähtrupp. S. 40. Упомянутым свидетелем был генерал-лейтенант фон дем Буше-Иппенбург, который в это утро докладывал президенту по кадровых вопросам рейхсвера.

Какие именно обстоятельства привели к перелому в ходе следующего дня, сегодня трудно сказать. Конечно, не остались без последствий массированные попытки камарильи повлиять на президента, так же, как и угрозы со стороны НСДАП или вмешательство представителей групп интересов крупных аграриев или немецких националистов. Определенную роль сыграло и то, что Шлейхер уже ни для кого не был подходящей альтернативой. Наконец, не могло не повлиять на президента и то обстоятельство, что обещанное избалованным Папеном новое правительство должно было состоять исключительно из представителей правых. Дело в том, что уже при отставке Брюнинга одним из решающих мотивов было соображение того рода, что правительству нужно наконец поправеть и покончить с порядками, которые усталый дух Гинденбурга понимал как «господство профсоюзных бонз». Теперь тот же мотив обернулся против Шлейхера. Руководители партий, снова привлеченные Гинденбургом для консультации, тоже выступили против канцлера-генерала, но отклонили и возможный новый эксперимент с Папеном. Больше того, они дали понять, что пришло наконец время позвать Гитлера, обеспечив себе возможную подстраховку, и связать ему руки возложенной на него ответственностью, чтобы подвергнуть его тому же процессу морального износа, которому сами они так долго платили дань. Республика действительно была при последнем издыхании.

Утром 28 января Шлейхер предпринял последнюю попытку удержать ситуацию под контролем, заявив, что будет просить Гинденбурга о полномочиях на роспуск Рейхстага, а в случае отказа подаст в отставку. Ближе к полудню он отправился в Президентский дворец, и тут окончательно выяснилось, до какой степени он потерял влияние, поскольку его вплоть до этого времени явно никто не информировал о планируемом канцлерстве Гитлера. Наоборот, он, кажется, до последнего момента верил, что Гинденбург останется на его стороне и выполнит свое обещание в любое время дать ему полномочия на роспуск парламента[52]. Поэтому когда прези-

---

[52] По свидетельству фон дем Буше, Шлейхер неоднократно подтверждал данное Гинденбургом обещание «...как в 1932 году, так и после своей отставки. Он сказал: “Без этого обещания моя миссия потеряла бы всякий смысл”. Когда я спросил его, существует ли она в письменном виде, он сказал: “По отношению ко мне старик сдержит свое слово” — или что-то в этом роде. Во всяком случае он твердо верил в это обещание». *Hammerstein K. v.* Spähtrupp. S. 38 f.

дент просто отклонил его повторные требования, Шлейхер, вероятно, почувствовав себя еще и лично оскорбленным, насколько известно, в резком тоне заявил: «Я признаю за Вами, господин рейхспрезидент, право быть недовольным тем, как я исполняю свои обязанности, хоть Вы всего четыре недели назад и уверяли меня в обратном. Я признаю за Вами также право сместить меня. Но права на то, чтобы за спиной Вами же призванного канцлера сговариваться с кем-то другим, я за вами не признаю. Это вероломство». Гинденбург возразил, что и так уж одной ногой стоит в могиле и не уверен, не придется ли ему на небесах раскаиваться в своем решении, на что Шлейхер холодно и возмущенно ответил: «После того как Вы не оправдали оказанного Вам доверия, я не уверен, Ваше превосходительство, что Вы попадете на небеса»[53].

Сразу же после ухода Шлейхера Папен вместе с Оскаром фон Гинденбургом и Мейснером снова стали уговаривать президента назначить Гитлера рейхсканцлером. Все еще колеблясь и медля, Гинденбург предпринял последнюю попытку уйти от тяжелого решения. Вопреки обычаям он не сам поручил Гитлеру сформировать новое правительство, а сделал Папена своим homo regius[54], дав ему поручение «путем переговоров с партиями выяснить политическую обстановку и реальные возможности».

Уже во второй половине того же дня Папену удалось привлечь на свою сторону Гугенберга, пообещав ему два места в кабинете. Затем он послал за вождем НСДАП. На долгих предварительных переговорах уже было достигнуто согласие в том, что люди Гитлера помимо должности рейхсканцлера получат Министерство внутренних дел, а для Геринга будет специально создано Министерство авиации. Но теперь Гитлер потребовал дополнительно Имперский комиссариат по делам Пруссии, а также прусское Министерство внутренних дел, которое обеспечило бы ему контроль над прусской полицией. Кроме того, он потребовал проведения новых выборов.

---

[53] *Hammerstein K. v.* Spähtrupp. S. 44. О реплике Шлейхера сообщает Дж. У. Уилер-Беннетт: *Wheeler-Bennett J.W.* Op. cit. S. 301 f. Согласно Брюнингу, который ссылается на свидетельство Шлейхера, Гинденбург сказал: «Я благодарю Вас, господин генерал, за все, что Вы сделали для Отечества. Давайте посмотрим, как с Божьей помощью пойдут дела дальше».

[54] То есть правой рукой. — *Прим. пер.*

И снова все пошатнулось. Услышав о дополнительных требованиях Гитлера, Гинденбург, казалось, снова охваченный дурными предчувствиями, успокоился только тогда, когда ему передали — правда двусмысленное — заверение Гитлера, «что это будут последние выборы». Теперь наконец он предоставил события их собственному ходу. Все требования Гитлера были выполнены (за исключением поста имперского комиссара Пруссии, который уже был предназначен Папену). Жребий был брошен.

Принятие решения было ускорено еще и тем, что во второй половине дня 29 января распространился слух, будто Шлейхер вкупе с Хаммерштейном поднял по тревоге гарнизон Потсдама, чтобы арестовать президента, объявить, что «государство в опасности», и с помощью рейхсвера захватить власть. Жена Оскара фон Гинденбурга еще несколько дней спустя возмущенно рассказывала о том, что престарелого президента якобы собирались отвезти в Нойдек в «пломбированном вагоне для скота». Гитлер, узнавший об этом слухе в квартире Геббельса на Рейхсканцлерплац, отреагировал дерзким демагогическим шагом. Он не только сразу же поднял по тревоге берлинских штурмовиков, но и приказал — в патетическом предвосхищении ожидаемой власти — держать в боевой готовности шесть еще даже не существующих полицейских батальонов на случай захвата Вильгельмштрассе[55].

В отличие от автора этого слуха, так до сих пор и не установленного, фигура того, кому он был выгоден, абсолютно ясна. Не кто иной, как Папен воспользовался грозным призраком военной диктатуры, чтобы продвинуть свои планы. Он вызвал из Женевы генерала фон Бломберга[56] и добился того, чтобы генерал рано утром 30 января, еще до назначения других членов кабинета, был приведен к присяге в качестве министра рейхсвера — очевидно, чтобы предотвратить возможную отчаянную попытку Шлейхера, который между тем установил

---

[55] Так переданы слова Гитлера в «Застольных беседах» (Hitlers Tischgespräche. S. 368). Там же он рассказывает, что это задание он дал преданному ему майору полиции Векке. — По поводу замечания госпожи фон Гинденбург см.: *Hammerstein K. v.* Spähtrupp. S. 59.

[56] Произведенный в генералы пехоты 20 января 1933 года бывший командующий войсками I военного округа Вернер фон Бломберг (2.9.1878—14.3.1946) с февраля 1932 года возглавлял германскую военную делегацию на переговорах по разоружению в Женеве. — *Прим. науч. ред.*

связь с Гитлером. Одновременно это был нажим на Гугенберга, упрямо отклонявшего требуемые Гитлером новые выборы. Не в последнюю очередь для того, чтобы лишить его всякой возможности выяснить источник таинственных слухов о путче, Папен вызвал Гугенберга к себе в 7 часов утра, чтобы в «сильнейшем волнении» попробовать его переубедить. Он воскликнул: «Если до 11 часов не будет сформировано новое правительство, то выступит рейхсвер!» Но Гугенберг лучше Папена разглядел тактику Гитлера, определяемую стремлением к власти, понял, что тот путем мобилизации государственных и неограниченных материальных средств заранее хотел обеспечить себе лучшие шансы, чем на выборах 6 ноября. Поэтому Гугенберг отказался изменять свою позицию.

Это, казалось, снова поставило все на карту, когда Папен без четверти десять утра повел членов предполагаемого правительства через заснеженный сад министерства к президенту. В кабинете Мейснера он торжественно приветствовал Гитлера как нового рейхсканцлера. Гитлер, поблагодарив, не преминул заявить, что «теперь немецкий народ путем всеобщих выборов должен подтвердить свершившееся образование кабинета». Но тут и он столкнулся с решительным противодействием Гугенберга. В последовавшей за этим резкой перепалке Гитлер в конце концов подошел к своему противнику и «торжественно дал ему честное слово», что новые выборы ничего не изменят в персональном составе кабинета, что он «никогда не расстанется ни с одним из здесь присутствующих». Озабоченный Папен в свою очередь подал реплику: «Господин тайный советник, неужели вы захотите подвергнуть риску согласие, достигнутое с таким трудом? Вы же не можете сомневаться в торжественно данном честном слове немца!»[57].

Так высокомерные планы «обрамления» и укрощения при первом же испытании обнаружили всю свою слабость. С чисто арифметической точки зрения, конечно, удалось завлечь Гитлера в меньшинство: трем национал-социалистам противостояли восемь министров-консерваторов, и почти все ключевые посты в государстве оказались в руках группы, тесно связанной и в социальном, и в идеологическом плане[58]. Жаль

---

[57] *Duesterberg Th.* Op. cit. S. 40 f.

[58] Состав кабинета, сформированного 30.1.1933: рейхсканцлер — Адольф Гитлер (НСДАП), вице-канцлер — Франц фон Папен, министры: внутренних дел — Вильгельм Фрик, иностранных дел — барон

только, что этими «укротителями» оказались именно Папен, Нейрат, Зельдте или Шверин фон Крозигк, у которых не было ни осознания ценности института государства, ни достаточной энергии, чтобы суметь их защитить. Они понимали дело так, что призваны к сохранению только унаследованных ими привилегий. Тот факт, что Гитлер так легко пошел на численно невыгодное для него соотношение, свидетельствует как о его уверенности в собственных силах, так и о безграничном презрении к консервативным противникам. В одной из оконных ниш кабинета его укротители теперь дружно наседали на сопротивляющегося Гугенберга, а в это время в соседней комнате президент нетерпеливо допрашивал своего статс-секретаря о том, что означает это промедление. Мейснер вернулся к спорящим «с часами в руках»: «Господа, приведение к присяге у господина рейхспрезидента было назначено на 11 часов. Сейчас 11 часов 15 минут. Вы не можете долее задерживать господина рейхспрезидента». И то, чего не смогли сделать ни красноречие Гитлера, ни заклинания Папена, еще раз — в последний раз в жизни и умирании республики — удалось сделать легендарному имени президента-фельдмаршала. Гугенберг с нескрываемой гордостью и не без оснований много раз называл себя «упрямым бараном», еще в августе он заявил Гинденбургу, что «не обнаружил у Гитлера особой верности договорам». Но теперь и Гугенберг уступил, хотя хорошо знал, что было поставлено на карту, — уступил из глубочайшего уважения к расписанию Гинденбурга. Через несколько минут кабинет был приведен к присяге[59].

Действительно, Папен и сам верил, что ему удался политический шедевр: он отомстил Шлейхеру и одновременно осуществил его же концепцию укрощения, он удовлетворил свое тщеславие, непомерно раздутое со времени его нечаянного канцлерства, вернувшись в правительство, но повязав и Гитлера ответственностью и в то же время не выдав ему го-

---

Константин фон Нейрат, финансов — граф Лутц Шверин фон Крозигк, путей сообщения и почт — барон Пауль фон Эльц-Рюбенах, рейхсвера — Вернер фон Бломберг, экономики и сельского хозяйства — Альфред Гугенберг, юстиции — Франц Гюртнер, труда — Франц Зельдте, министр без портфеля — Герман Геринг. — *Прим. науч. ред.*

[59] *Duesterberg Th.* Op. cit. S. 41. см. также: *Papen F. v.* Op. cit. S. 276.

сударство. Ведь вождь НСДАП не стал даже канцлером президентского кабинета, он должен был заручиться поддержкой парламентского большинства. Доверие Гинденбурга было по-прежнему не на его стороне, а на стороне Франца фон Папена, который к самым крупным успехам своих переговоров причислял и оговоренное право участвовать во всех беседах Гитлера с президентом. Наконец он стал вице-канцлером и хозяином Пруссии. Нацистам достались в правительстве только Министерство внутренних дел, которому полиция земель не подчинялась, и еще одно министерство, создаваемое скорее для того, чтобы потешить тщеславие Геринга. Правда, Геринг назначался одновременно прусским министром внутренних дел, но тут уж он сам, Франц фон Папен, собирался решительно стать у него на пути. В довершение всего в самом кабинете внешняя политика, финансы, экономика, вопросы труда и сельское хозяйство находились в испытанных руках консерваторов, а рейхсвером распоряжался господин президент. Действительно остроумная, просто превосходная комбинация, к тому же позволяющая использовать не очень приятного господина Гитлера в интересах не только предпринимателей и крупных землевладельцев, но и собственных планов Папена, касавшихся авторитарного «Нового государства». Из своего эпизодического и неудачного канцлерства Папен, пожалуй, все же извлек тот урок, что современной, промышленно развитой нацией, находящейся в состоянии кризисных потрясений, все же не могли открыто управлять уходящие представители уходящей эпохи. С помощью слегка одиозной фигуры этого укротителя масс старая проблема руководства без народа, казалось, вот-вот будет решена. Именно в этом смысле Папен самоуверенно отвечал на жаргоне политического импрессарио на всевозможные предупреждения об опасности: «Вы ошибаетесь, мы его просто наняли»[60].

Гитлер, без сомнения, с самого начала разгадал эти замыслы, и его требование новых выборов было не чем иным, как тактическим ходом. Беспримерный триумф на этих выборах должен был помочь ему сломать сколоченную Папеном коалицию и с помощью плебисцита, забыв ничего ему не стоившее «честное слово», избавиться от навязанной ему роли фик-

---

[60] См.: *Schwerin v. Krosigk L.* Graf. Es geschah in Deutschland. S. 147.

тивного рейхсканцлера. «Кабинет национального единства» представлял собой средоточие самых противоречивых тайных устремлений, когда Гинденбург простился с ним, сказав: «А теперь, господа, с Богом за работу!»[61].

Между тем Вильгельмштрассе не без активного содействия Геббельса заполнилась молчаливой толпой. Напротив, в отеле «Кайзерхоф», ждали приверженцы Гитлера, «обуреваемые сомнениями и надеждами, счастливыми предчувствиями и малодушием». Эрнст Рём в бинокль неотступно наблюдал за входом в Имперскую канцелярию. Первым вышел Геринг и громко объявил новость ожидающим; сразу же за этим из ворот выехала машина Гитлера. Он стоя принимал приветствия толпы. Несколько минут спустя он вошел в «Кайзерхоф» к своим соратникам. Как писал один из участников этих событий, на глазах у него были слезы. Незадолго перед тем он публично заявил, что больше он с Божьей помощью не позволит отторгнуть себя от власти, и во второй половине того же 30 января он подкрепил эти слова соответствующим шагом. На немедленно созванном заседании кабинета он, несмотря на сопротивление Гугенберга (теперь уж совершенно недейственное), по всей форме принял решение о роспуске Рейхстага и назначении новых выборов. Последние опасения Гинденбурга преодолел сам Папен, с тонким психологическим расчетом объявив возражения Гугенберга ненавистными президенту «партийно-тактическими мотивами»; после чего Гинденбург подписал решение[62].

Вечером национал-социалисты в честь этого дня устроили грандиозное факельное шествие. Ограничение на массовые мероприятия в правительственном квартале было снято, на тротуарах толпились взволнованные, шумные зрители («в Берлине в эту ночь царит чисто карнавальная атмосфера»[63]), а между ними похаживали, важные от сознания собственной значимости, представители службы порядка. С семи часов вечера до полуночи через Бранденбургские ворота в направлении Имперской канцелярии продефилировали 25 тысяч

---

[61] По свидетельству О. Мейснера; см. *Meissner H.O., Wilde H.* Op. cit. S. 191.

[62] О. Мейснер (*Meissner H.O.* Op. cit. S. 179), Э. Кордт (*Kordt E.* Wahn und Wirklichkeit. S. 27) и сам Гитлер (Tischgespräche. S. 369) объясняют данное Гинденбургом в конце концов согласие посредничеством Мейснера.

[63] *Kessler H. Graf.* Op. cit. S. 704.

одетых в форму гитлеровцев и членов «Стального шлема» с факелами в руках. Это была патриотическая огненная лента, бросавшая тревожные отблески на лица и стены домов. В одном из освещенных окон видна была нервно пританцовывающая фигура Гитлера. Время от времени он пружинисто перегибался через подоконник и приветствовал толпу поднятой рукой; рядом с ним были Геринг, Геббельс и Гесс. Несколькими окнами дальше Гинденбург задумчиво созерцал марширующие колонны, рассеянно отбивая тростью в такт маршам духовых оркестров. Вопреки протесту руководителей радио Геббельс добился трансляции митинга; лишь радио Мюнхена отказалось это сделать — к большому неудовольствию Гитлера. Только в полночь последние колонны прошли через правительственный квартал, и после того как Геббельс простился со все еще не расходившейся толпой криком «Хайль!» в честь Гинденбурга и Гитлера, «эта ночь великого чуда закончилась... в бессмысленной суматохе торжеств».

Именно как «чудо» национал-социалисты сразу же принялись восхвалять так называемый захват власти. Специалисты по пропаганде обожали слова из области сверхъестественного, с их помощью они пытались придать событию ореол святости. Сам Гитлер 30 января доверительно сообщил одному из своих последователей, что спасся только благодаря божественному промыслу, «когда я, уже видя пристань, почти тонул, задушенный интригами, финансовыми затруднениями и тяжестью 12 миллионов людей, колебавшихся то в одну, то в другую сторону». Такие формулировки могли рассчитывать на ответную реакцию с тем большим успехом, что событие это и впрямь несло на себе печать эксцентричности и невероятности: на политическом уровне — как внезапный шаг от кризиса, почти взорвавшего партию, до приемной президента, а в личном плане — как прыжок от жалкого начала, от летаргии и маргинального образа жизни к власти. Поистине: «Черты сказочного в нем заметны, хоть и искажены»[64].

Мысль о чуде, введенная в оборот еще Геббельсом, и до сегодняшнего дня присутствует в интерпретации события. Она сказывается во всех попытках придать Гитлеру черты демонической личности, объяснить его успех действиями неиз-

---

[64] *Mann Th.* Bruder Hitler. GW. Bd. 12. S. 774; к процитированному выше замечанию Гитлера см.: Prank W. Zur Geschichte des Nationalsozialismus. In: Wille und Macht, 1934. Nr. 17. S. 1 ff.

вестных закулисных сил или придать интриге мстительного кавалера фон Папена гигантский вес исторического перелома. В этой мысли — по-разному в зависимости от вариантов — так или иначе присутствует представление о том, что захват власти был исторической случайностью.

Разумеется, существовали возможности преградить Гитлеру путь, даже, пожалуй, вплоть до последнего момента. По причинам, коренящимся в случайностях, легкомыслии или неудачном стечении обстоятельств, они были упущены. Но это еще не повод считать, что историю и ее ход перехитрили. Целый ряд мощных исторических и политических тенденций неумолимо вел к 30 января, и настоящим чудом была бы решимость к сопротивлению. Тот, кто хоть раз ясно себе представил, что по крайней мере со времени отставки Брюнинга между республикой и Гитлером уже не было никаких преград, кроме колеблющейся воли угасающего старца, интриг Шлейхера и слепой ненависти Франца фон Папена, уже не может придавать сколько-нибудь серьезного значения махинациям закулисных сил, вмешательству групп определенных интересов и диктаторским замашкам интригана. Они всего-навсего повлияли на обстоятельства, в которых республика пала, но не были подлинной причиной ее краха.

Это, разумеется не означает, что Гитлер преуспел бы и при более решительных противниках. Редко когда в современной истории перелом в государстве со столь необозримыми последствиями в такой степени определялся бы личными факторами, настроениями, предрассудками и аффектами крохотного меньшинства, и редко когда государственные институты в решающий момент были настолько незаметны. Без президентской камарильи канцлерство Гитлера действительно едва ли бы состоялось, и как бы ни был мал шаг, отделявший его с лета 1932 года от власти, он все же был слишком велик для его собственных сил. Именно его противники дали ему все карты в руки: изоляцию партий и парламента, серию избирательных кампаний, привычку к нарушению Конституции. Стоило одному из них решиться на сопротивление, как немедленно появлялся другой, чтобы сорвать планы первого. Вместе взятые силы противников до самого последнего времени были несомненно больше, чем у Гитлера; но ополчаясь друг против друга, они друг друга обессиливали. Было нетрудно понять, что национал-социализм являлся врагом для всех: буржуа, коммунистов и марксистов, евреев, респуб-

ликанцев. Но только очень немногим слабость и слепота не помешали сделать вывод, что, следовательно, все должны быть врагами национал-социалистов[65].

В апологетических работах непосредственных участников событий все еще всплывает аргумент, что назначение Гитлера канцлером стало неизбежным, поскольку НСДАП выросла в сильнейшую партию. Но в этом аргументе не учитывается, что социал-демократия во все времена существования республики, за исключением нескольких месяцев до 30 января 1933 года, обладала таким же численным перевесом — и все же не участвовала в большинстве правительств. Не учитывается и то, что Гитлер показал себя завзятым врагом той Конституции, на которую ссылаются сторонники подобного взгляда. Коммунисты могли бы собрать гораздо больше голосов, чем национал-социалисты, — и все же натолкнулись бы на сильнейшее сопротивление. На деле консервативные пособники Гитлера считали, что он хоть и вульгарно, но действенно отстаивает их планы. Слишком поздно они разглядели, что он противостоял им и тому миру, который они надеялись сохранить, не менее радикально, чем Тельман, хоть и по-другому. Безымянный баварский секретарь уголовной полиции, побывавший летом 1921 года на митинге НСДАП и доложивший своему управлению, что Гитлер «не что иное... как предводитель второй Красной армии», глубже понял его суть, чем коррумпированные нотабли 1933 года[66].

Но если существовало так много удачно для Гитлера сложившихся факторов и обстоятельств, то в чем, собственно, заключалась особая заслуга Гитлера в те недели? Действительно, в период, непосредственно предшествующий 30 января 1933 года, его основные способности почти не проявлялись. Подлинная его заслуга была пассивного рода: несмотря на все свое нетерпение, он умел ждать, умел усмирять своих строптивых приверженцев и сохранять собранность и в поражении. Даже в последний момент, в приемной президента, он с холодным расчетом игрока высокого класса пошел на риск и сумел выиграть партию. Оглядываясь назад, на годы, прошедшие со времен плебисцита против плана Юнга, видишь, насколько он перерос фазу уличных беспорядков и пропаганды

---

[65] См.: *Heiden K.* Geburt. S. 60.

[66] Из донесения секретаря уголовной полиции Фейля, NStA München. Allg. Sonderausgabe. Bd. 1. Nr. 1475.

и созрел как политик. Вместе с тем опыт тех недель снова показал, что по своей натуре это был азартный игрок: самое удивительное в его жизни, говорил он в эти дни, заключается в том, что спасение всякий раз приходит к нему тогда, когда он сам уже махнул на себя рукой[67].

В ту ночь Гитлер, после того как замолкло ликование и отзвучали музыка и эхо марширующих колонн, до самого утра оставался в маленькой комнате, примыкавшей к приемной канцлера. Глубоко взволнованный, он, по свидетельству одного из присутствующих, затеял один из своих бесконечных монологов. Он вспоминал утреннюю сцену приведения к присяге, в упоении перечислял свои успехи, подчеркнул оцепенение «красного» противника и вернулся затем к своим пропагандистским максимам; еще ни одной предвыборной борьбе он не радовался так, как этой, уверял он. Некоторые полагают, продолжал он, что теперь начнется война; его деятельность — это пролог к заключительной борьбе белого человека, арийца, за господство над всей Землей. Не-арийцы, цветные, монголы уже на марше, говорил он, чтобы под руководством большевизма захватить господство, но этот день является началом «германской расовой революции, величайшей в мировой истории». Эсхатологические видения перемежались с архитектурными проектами: для начала, считал он, нужно перестроить Имперскую канцелярию, потому что она похожа на «вульгарную коробку из-под сигар»[68]. Только к утру он через потайную дверь в стене покинул здание и отправился к себе в отель.

Ошеломляющие переживания этого дня, все удовлетворение, все вознаграждение за прошлое, которые он ему принес, еще не были самой целью. Они были лишь этапом на пути к ней. Возможно, что откровения его затяжного монолога той ночью переданы не с полной достоверностью, но намерения были ясны: все усилия направлены на столь многократно провозглашавшуюся революцию, и видов на ее осуществление было больше, чем когда-либо раньше. Как каждый настоящий путчист, он считал, что с его приходом начинается новый день истории.

---

[67] Так Гитлер говорил о беседе со Шлейхером в начале февраля 1933 года, см.: *Brüning H.* Op. cit. S. 648.

[68] См.: *Frank H.* Op. cit. S. 121 f. Правда, в опубликованный вариант книги Франк не включил приведенные здесь эсхатологические высказывания; см. в этой связи: *Görlitz W., Quint H.A.* Op. cit. S. 367.

Характерно, что эту мысль он выразил в форме отрицания, заявив в те дни: «Мы — последние в ряду тех, кто делает историю Германии»[69].

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ВРЕМЕНИ II:

НЕМЕЦКАЯ КАТАСТРОФА ИЛИ ЛОГИКА НЕМЕЦКОГО ПУТИ?

Идея не настолько бессильна, чтобы породить только идею.

Г. В. Ф. Гегель

Мысль предшествует действию, как молния — грому. Правда, немецкий гром — тоже немец и не очень-то подвижен; он приближается без спешки; но он разразится, и если вы однажды услышите грохот, какого еще не слыхивала немецкая история, то знайте: немецкий гром наконец-то достиг цели.

Генрих Гейне, 1834 год

Театрализованная церемония с факельными шествиями, маршами и построениями, сопровождавшая приход Гитлера на пост рейхсканцлера, нисколько не соответствовала чисто конституционному значению события. Потому что, строго говоря, 30 января 1933 года не принесло с собой ничего, кроме смены правительства. И все же общественность чувствовала, что назначение Гитлера канцлером было не сравнимо с формированием кабинетов прошлых лет. Вопреки всем хвастливым уверениям партнеров по коалиции из рядов немецких националистов, что они «будут держать австрийского художника-неудачника на поводке»[1], национал-социалисты с самого начала не скрывали своей решимости захватить всю полноту власти. Их целеустремленная тактика и волна воодушевления, направленная умелой рукой режиссера, создали притягательную силу нового начала, и это течение в короткое время зах-

[69] Из предвыборного выступления Гитлера в Липпе, см.: *Domarus M.* Op. cit. S. 176.

[1] Так высказывался в те дни Гинденбург, см.: *Meissner H., Wilde H.* Op. cit. S. 194.

ватило консервативные сферы и смыло их. Все потуги Папена и его окружения, тоже желавших вставить словечко, участвовать в торжествах и в управлении, были всего-навсего попыткой задыхающегося бегуна догнать ушедшего вперед соперника. Ни численный перевес в кабинете, ни влияние на рейхспрезидента, на экономику, армию и чиновничество не могли скрыть того обстоятельства, что наступило время их соперника.

Словно по тайному паролю после 30 января начался массовый приток новых членов в национал-социалистическую партию, причем часто это были бывшие сторонники других движений. Конечно, здесь снова подтвердилось, что в революционные времена убеждения — товар дешевый и что в такие часы бал правят предательство, расчет и страх. Однако в массовом политическом повороте на 180 градусов сказались не только бесхарактерность и угодничество, но нередко и спонтанно проявлявшееся желание отбросить старые предрассудки, идеологии и общественные условности, чтобы вместе начать новый разбег. «Мы не все были оппортунистами»[2], написал позже Готфрид Бенн, один из бесчисленного множества тех, кого подхватил бурлящий поток людей, верящих в пробуждение страны. Старые партии с богатыми традициями гибли под этим напором, предоставив своих членов самим себе — еще до принудительного роспуска и запрета. Прошлое с его республикой, разорванностью сознания и бессилием кончилось. Быстро таявшее меньшинство тех, кто не дал затянуть себя в общий водоворот лихорадочного обращения в новую веру, на глазах попадало в изоляцию и уже было исключено из победных демонстраций чувства общности — с массовыми клятвами в огнях прожекторов, образующих «сияющие соборы», речами фюрера, ночными кострами на возвышениях и тысячеголосыми хоралами. Даже первые признаки террора не смогли приглушить ликования, скорее наоборот, так как общественное сознание воспринимало их как выражение бьющей через край энергии, которой ему так долго не хватало. И очень скоро нарастающий шум заглушил крики, раздававшиеся в «подвалах для героев» при караульных постах штабов СА[3].

---

[2] *Benn G.* Doppelleben. GW. Bd. IV. S. 89.

[3] Такое название получили камеры, в которых штурмовики держали в заключении своих политических противников. — *Прим. науч. ред.*

Именно этот энтузиазм, сопровождавший захват Гитлером власти, вызывает тревогу и недоумение. Ибо он перечеркивает все тезисы, выдающие этот захват власти за несчастный случай в истории, комедию интриг или мрачный заговор. С явным раздражением истолкование событий тех лет снова и снова ставило в тупик перед вопросом: как же удалось национал-социализму в таком древнем народе с великой культурой и богатейшим духовным и душевным опытом так быстро не только легко захватить власть, но и привлечь на свою сторону большинство? Более того, погрузить его в своеобразное истерическое состояние — смесь восторга, легковерия и самопожертвования? Как случилось, что политические, общественные и моральные сдерживающие моменты, присущие стране, причисленной к «аристократии наций»[4], так скандально отказали? Один из современников описал еще до прихода Гитлера к власти, какие неизбежные последствия это должно было повлечь за собой: «Диктатура, ликвидация парламента, удушение всех духовных свобод, инфляция, террор, гражданская война; ибо оппозицию было бы не так просто убрать; следствием этого была бы всеобщая стачка. Профсоюзы стали бы стержнем самого отчаянного сопротивления; кроме того, выступили бы «Имперское знамя» и все силы, озабоченные будущим. И даже если Гитлер перетянул бы на свою сторону рейхсвер и заставил заговорить пушки — все равно нашлись бы миллионы решительных людей»[5]. Но этих решительных миллионов не было, а следовательно, дело и не дошло до кровавых столкновений. Гитлер пришел отнюдь не как разбойник в ночи. В отличие от всех других политиков он, болтливый, словно ярмарочный фокусник, годами говорил о том, к чему неизменно, не отвергая ни кружных путей, ни тактических маневров, стремился: к диктатуре, антисемитизму, завоеванию «жизненного пространства».

Эйфория в связи с приходом к власти понятным образом вызвала у многих наблюдателей чувство, что Германия тех недель вернулась к своей сути. Конституция и правила игры республики оставались пока в силе, но казались странно обвет-

---

[4] *Borgese G.A.* Der Marsch des Faschismus. Amsterdam, 1938. S. 338.

[5] Так писал Фридрих Франц фон Унру в серии своих статей под названием «Национал-социализм», печатавшейся с 22 февраля по 3 марта 1931 года в «Франкфуртер Цайтунг».

шавшими и отброшенными как нечто чуждое. Именно такой образ нации, которая, казалось, ликуя отвернулась от европейских традиций разума и прогресса и тем самым снова стала самой собой, определил на десятилетия вперед понимание событий тех лет.

Еще в 30-е годы появились первые попытки объяснить успех национал-социалистов какой-то особенностью немцев, коренящейся в их истории и менталитете: некоей трудно уловимой сутью, в которой было полно оборотных сторон и которая свое отступление от цивилизации и морали не без строптивой гордости стилизовала под «отчужденность от мира», свойственную избранной культурной нации. С помощью головоломных генеалогических построений, ведущих от Бисмарка и Фридриха Великого к Лютеру или к Средневековью, а иногда тревоживших даже дух предводителя германцев Арминия, который в 9 году нашей эры битвой в Тевтобургском лесу якобы помешал проникновению латинян в области[6], населенные немцами, они конструировали традицию подспудного гитлеризма, будто бы существовавшего задолго до Гитлера. Эта концепция нашла наиболее яркое выражение в некоторых трудах германиста Эдмона Вермейля и еще довольно долго оказывала влияние на многих англосаксонских исследователей. На его исследования опирался и Уильям Л. Ширер[7] в работе о Третьем рейхе, которая во всем мире создала определенный образ Германии. Вермейль писал: «На разных стадиях своей истории немцы с отчаянной уверенностью, происходившей то ли от внутренней разорванности и слабости, то ли наоборот, от представления о своей непревзойденной, непобедимой силе, верили, что им предстоит выполнить божественную миссию и что Германия избрана провидением»[8]. Узурпация Римской империи, Ганза, Реформа-

---

[6] Арминий (18 или 16 до н.э. — 19 или 21 н.э.) — вождь германского племени херусков, ставший в 9 году н.э. во главе антиримского восстания. Осенью 9 года войска Арминия разгромили в Тевтобургском лесу легионы римского наместника Квинтилия Вара (около 20 тысяч человек). Арминий погиб в результате измены родовой знати херусков. — *Прим. науч. ред.*

[7] На русском языке книга Уильяма Ширера носила название «Взлет и падение Третьего рейха» (т. 1—2. М., 1991). — *Прим. науч. ред.*

[8] *Vermeil E.* The Origin, Nature and Development of German Nationalist Ideology in the 19th and 20th Centuries. In: The Third Reich. P. 6. См. в этой связи также: *Butler R.D.* The Roots of National Socialism. New York,

ция, немецкая мистика, подъем Пруссии, романтизм — все это являло собой более или менее скрытые формы проявления подобной мессианской устремленности, которая, начиная с бисмарковской политики «железа и крови» и имперского стремления к мировому господству, все отчетливее принимала черты политики насилия. Строго говоря, в немецкой истории не было «невинных» явлений, и даже в идиллии нельзя было не узнать призраков послушания, милитаризма, жажды экспансии. Немецкая тоска по бесконечному являлась не чем иным, как попыткой господствовать в царстве духов, когда для подобного господства в реальности еще недоставало средств: в конечном итоге все развитие стремилось к Гитлеру, он был отнюдь не «немецкой катастрофой», как утверждал заголовок одной известной книги[9], но логическим следствием немецкого пути.

1942, McGovern W. From Luther to Hitler. London, 1946; *Steed W.* From Frederick the Great to Hitler. The Consistency of German Aims. In: International Affairs, 1938. Nr. 17.

[9] *Meinecke F.* Die deutsche Katastrophe. — Несмотря на многочисленные отдельные точные наблюдения, любые попытки разглядеть Гитлера в точке схода многовековой истории не минуют опасности натолкнуться на интерпретации, схожие с национал-социалистическими. Они также узурпировали Ганзу, мистику, пруссачество и романтику и прославляли Третий рейх как самореализацию немецкой истории. Не менее проблематичной оказалась и противоположная попытка представить национал-социализм, да и тоталитаризм вообще, не иначе как феномен кризиса самой демократической эпохи с ее протестом против традиции и узаконенных порядков, со свойственными ей общественными антагонизмами и экономическими слабостями и определить его как следствие не немецкого, а современного характера как такового: ставшей реальностью антиутопией тотального государства, о которой настойчиво предупреждали многочисленные пессимистические пророчества XIX века. Национал-социализм понимал сам себя как преодоление во всемирно-историческом масштабе того кризиса, выразителем которого его тем самым делали. В интерпретациях, исходящих от немецкой стороны на основе подобных же предпосылок, Гитлер предстает нередко как феномен засилья иностранного влияния, «антипод традиции, особенно немецко-прусской и бисмарковской традиции», как выразился Герхард Риттер, решительно не соглашаясь с Вермейлем, в своей статье для сборника «Третий рейх» (*Ritter G.* Third Reich. P. 381 ff.). Ошибочные позиции, вменяемые в вину также преимущественно немцам, характерны, по его мнению, для эпохи в целом. Вот что он пишет: «Удивительно, как много проявлений националистических амбиций, милитаристского духа, расовой гордыни и антиде-

В национал-социализме, без сомнения, были неповторимо немецкие черты, но другого, более сложного свойства, чем думали Вермейль или Ширер. Ни генеалогия зла, ни какое-либо единственное объяснение еще не раскрывают природы этого феномена, так же как ошибочно было бы прослеживать его происхождение только по явлениям, катастрофичную тенденцию которых нельзя не видеть, как невозможно не заметить молнию в темной туче. Успеху национал-социализма способствовали многие наивные или как минимум сохранявшиеся на протяжении поколений позиции и взгляды, больше того — даже некоторые добродетели и ценностные представления. Один из уроков эпохи состоит как раз в том, что тоталитарная система власти не может быть построена на одних только извращенных или даже преступных склонностях какого-то народа и что ни один народ не может — в отличие от Ричарда III — вдруг решить стать злодеем. Во многих странах существовали исторические, психологические, да и социальные условия, сходные с тем, что было в Германии, и часто лишь очень тонкая стена отделяла народ от фашистского правления. Национальное самосознание, развившееся с таким опозданием как немецкое и не сумевшее действительно и действенно связать себя с демократическими тенденциями, не было исключительно немецкой чертой, так же как и непреодолимое расстояние между либеральными и социальными силами, между буржуазией и рабочими. Представ-

---

мократической критики можно найти в культурно-исторической и политической литературе всех европейских стран».

Все эти страдающие перекосом то в одну, то в другую сторону толкования не в состоянии постичь характер явления. Особенно ярко это видно на примере марксистской модели интерпретирования. Будучи постоянно скованными собственными аксиомами и пиететом по отношению ко взглядам старых партийцев, поборники этого направления, по сути, так и не смогли освободиться от известного, официально провозглашенного определения, которое видело в национал-социализме форму проявления «открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, шовинистических и империалистических элементов финансового капитала». Следовательно, если довести эту мысль до конца, в качестве главных действующих лиц национал-социализма должно рассматривать не Гитлера, Геббельса и Штрейхера, а Гугенберга, Круппа и Тиссена; так на самом деле и считает, например, Э. Чихон: *Czihon E.* Op. cit. и др. См. в этой связи, а также по всей проблеме в целом широкий обзор литературы, который дает К.Д. Брахер: *Bracher K.D.* Diktatur, S. 6 ff.

ляется также сомнительным, были ли реваншистские устремления, воинствующие идеологии или мечты о великодержавности в Германии более весомыми, чем у некоторых соседних европейских наций. Даже антисемитизм, несмотря на решающее его влияние на мышление Гитлера, конечно, не был специфически немецким явлением, среди немцев он был скорее менее развит, чем во многих других странах. Во всяком случае не расовый аффект привел массы на сторону национал-социализма, и риторические маскировочные усилия Гитлера на конечной стадии борьбы за власть показали, что он прекрасно это понимал[10]. Именно в ту эпоху к власти пришли многочисленные фашистские или подобные им режимы — в Италии, Турции, Польше, Австрии или Испании. Как раз взгляд на сравнимые системы в этих и других странах помогает понять, что конкретно в национал-социализме было неповторимо немецким: он стал самой радикальной и абсолютной формой проявления фашизма.

Эта принципиальная заостренность, выявившаяся как на интеллектуальном уровне, так и на уровне исполнительной власти, была основным вкладом Гитлера в суть национал-социализма. Он был истинно немецким в своем пристрастии к тому, чтобы резко противопоставить какую-нибудь идею действительности и признать за этой идеей большую власть, чем за действительностью. Именно политик-неудачник местного масштаба набрасывал, еще снимая угол на Тиршштрассе, триумфальные арки и сводчатые залы своей будущей славы. Он стал канцлером, который, невзирая на все издевки, вел счет не на поколения людей, а на тысячелетия и который хотел стереть не память о Версале и бессилии Германии, но, по сути, о результатах Великого переселения народов. Если Муссолини считал своей целью восстановление исторического величия, Моррас мечтал о «старом режиме» и пытался вызвать к жизни «la gloire de la Deesse France»[11], да и все другие виды фашизма не сумели избежать соблазна тоски по былому, правда, просветленному воспоминаниями, то Гитлер думал об осуществлении цели искусственной, созданной в воображении

---

[10] Характерно, что главарь румынских фашистов Кодряну сетовал в начале 20-х годов в связи со своим пребыванием в Германии, что в этой стране, мол, отсутствует природный последовательный антисемитизм, см.: *Nolte E.* Krise. S. 263.

[11] «Славу божественной Франции» (*фр.*). — *Прим. пер.*

и не имеющей какого-то реального подобия. Он мечтал о мировой империи от Атлантики до Урала и от Нарвика до Суэца, созданной единственно волей к расовому самоутверждению. Государства противились этому? Он их подавит. Народы селились вопреки его планам? Он их расселит по-другому. Расы не соответствовали его представлениям? Он произведет селекцию, облагородит их или уничтожит, пока действительность не будет наконец соответствовать его представлениям. Он мыслил о немыслимом, в его высказываниях всегда прорывался на поверхность элемент дерзкого бесстрашия перед действительностью, что не было лишено признаков маниакальности. «Я противостою всему с чудовищной, ледяной свободой от всех предрассудков»[12], — заявлял он. Только в крайнем радикализме он казался тем, кем он был. В этом смысле национал-социализм без него немыслим.

К неповторимо национальным чертам, отличавшим национал-социализм от других фашистских движений, относится и то, что для своего эксцентричного радикализма Гитлер всегда находил самых послушных исполнителей. Ни одно гуманное чувство не разгладило на физиономии режима то выражение концентрированной жесткости и исполнительности, которое сделало его единственным в своем роде. Часто его пугающие черты приписывали жестокости убийц и садистов, и эти однозначно преступные элементы до сих пор являются основой для создания общей картины режима. До наших дней они поставляют литературе или театру шаржированных персонажей с плеткой в руках и олицетворяют собой национал-социализм.

Сам режим, однако, не считал, что его типологически олицетворяют подобные явления. Хоть он, особенно на начальном этапе, и использовал их, не стесняясь, но вскоре понял, что длительное господство не может быть основано на высвобождении преступных инстинктов. У радикальности, являющей собой глубинную суть национал-социализма, и впрямь мало общего с возбуждением аффектов и обещанием возможности без стеснений удовлетворить низменные инстинкты, она была проблемой не преступной, а извращенной моральной энергии.

К кому апеллировал национал-социализм? Прежде всего к людям с ярко выраженным, но не направленным стрем-

---

[12] См.: *Rauschning H.* Gespräche. S. 212.

лением к морали. Привлечь такой тип людей, объединив его в элитарную организацию — он старался в первую очередь через СС. Кодекс «внутренних ценностей», беспрерывно проповедовавшийся для членов этого ордена и находивший свое романтическое подкрепление в ночных празднествах при свете факелов, охватывал, по мнению Генриха Гиммлера, верность, честность, послушание, твердость, добропорядочность, бедность и храбрость. Все это не было связано с какой-либо широкой системой соответствующих понятий, но зато четко ориентировано на цели режима. Под влиянием таких императивов был воспитан тип бесчувственного экзекутора, требующего от самого себя «холодного, даже каменного поведения», как написал один из них, и «переставшего ощущать человеческие чувства»[13]. Жесткость по отношению к себе давала ему внутреннее оправдание быть жестким и с другими; буквально требуемой способности шагать по трупам предшествовало умерщвление собственного «я». Вот эта-то неподвижная, автоматическая последовательность производит на наблюдателя странным образом впечатление гораздо большей радикальности, чем криминальный аффект, сладострастная брутальность которого все же содержит в себе захватывающее социальное, интеллектуальное или человеческое чувство обиды, в известных случаях вызывающее даже сочувствие.

Моральные притязания дополнялись и достраивались представлением об особой миссии: ощущением бытия в средоточии апокалипсического противостояния, необходимостью подчинения «высшему закону», существованием в качестве проводника некоей идеи — или другими образами и лозунгами по сути метафизической убежденности. Именно она особым образом освящала неумолимую твердость, и в полном соответствии с этим Гитлер называл тех, кто препятствовал его миссии, «врагами народа»[14]. В таком ригоризме, непоко-

---

[13] Так писал Рудольф Хёсс, бывший одно время комендантом Освенцима, см.: *Gilbert G.M.* The Psychology of Dictatorship. New York, 1950. P. 250.

[14] «Тот, кто мешает этой миссии, — заявил Гитлер в речи 20 февраля 1938 года, — является врагом народа независимо от того, пытается ли это делать большевик, демократ, террорист-революционер или реакционный фантазер»; см.: *Domarus M.* Op. cit. S. 793. С некоторым метафизическим контекстом эта мысль об особой миссии появляется, например, и у Ганса Франка, который 10 февраля 1937 года записал в дневник: «Моя вера — это вера в Германию. Служить Германии зна-

лебимо опиравшемся на свое более глубокое, чем у других, понимание и свое высшее предназначение, отражалась не только традиционная немецкая аполитичность, но и нечто гораздо более широкое — своеобразно искаженное отношение нации к реальности как таковой. Действительность, в которой идеи принимают очертания и становятся частью жизни людей, а мысли реализуются в отчаянии, страхе, ненависти, ужасе, — эта действительность просто не существовала. Вместо нее была программа, а в ходе ее осуществления, как Гитлер однажды заметил, только положительная или отрицательная активность[15]. Недостаток человеческого воображения, обнаружившийся, начиная с Нюрнбергских процессов над руководящими деятелями Германии, был не чем иным, как выражением этой утраты чувства реальности. Она и была собственно неповторимым, типично немецким элементом в национал-социализме, и кое-что заставляет думать, что некоторые нити связывают его с древней историей немцев.

Согласно одному парадоксальному замечанию, событием новейшей немецкой истории, повлекшим за собой самые значительные последствия, стала «несостоявшаяся революция»[16]. Это придало стране характер своеобразной затхлой идиллии и погрузило ее в состояние постоянной отсталости от политического характера каждой последующей эпохи. Нередко в этой неспособности к революции видели отражение особенно склонного к подчинению характера, и фигура добродушного, невоинственного, мечтательного немца долгое время была предметом насмешек для более самоуверенных соседей. На деле же глубокая подозрительность по отношению к любой революции представляла собой реакцию народа, исторический опыт которого был почти целиком отмечен ощущением угрозы. На основе его срединного географического положения у него рано развились комплексы того, что он окружен

чит служить Господу Богу. Никакое вероисповедание, никакая вера в Христа не может быть столь сильной, как эта наша вера в то, что, явись Христос сегодня, Он был бы немцем. Мы — поистине орудие господне для уничтожения всякого зла. От имени Господа Бога мы выступаем против еврея и его большевизма. Да защитит нас Бог!»; цит. по: *Klessmann Ch.* Der Generalgouverneur Hans Frank. In: VJHfZ, 1971. H. 3. S. 259.

[15] *Rauschning H.* Gespräche. S. 211.

[16] *Laski H.J.* Die Lektion des Faschismus, цит. по: *Nolte E.* Theorien. S. 379.

врагами и должен быть готовым к обороне. Эти комплексы самым ужасным образом подтвердились в так никогда и не преодоленном страшном опыте Тридцатилетней войны[17], превратившей страну почти в безлюдную пустыню. Самым значительным наследием войны были травмирующее чувство незащищенности и глубоко запрятанный страх перед хаосом любого рода. Оба эти ощущения в течение жизни целых поколений поддерживались и эксплуатировались как своими, так и иноземными правителями. Первейшим долгом гражданина стало достижение спокойствия, так же как и необходимость защитить страну от страха и нужды. Протестантское же понимание сути власти подвело под это представление и идеологическую базу. Даже Просвещение, во всей Европе понимавшееся как вызов существующим авторитетам, в Германии во многих случаях щадило княжеские дома, а иногда их даже восхваляло — так глубоко сидели пришедшие из прошлого страхи. В этом незабытом историческом опыте и берут свое начало такие для немецкого сознания необыкновенно содержательные категории, как порядок, дисциплина и строгая самодисциплина, преклонение перед государством как неоспоримым авторитетом и «сдерживателем зла» или вера в фюрера. Стоящая за этим потребность в защите — вот что Гитлер сумел ухватить и с помощью легкой стилизации использовать для своих претензий на господство — в виде культа верности фюреру, идеологизировавшего его требование полного подчинения, или в геометрии парадных шествий, наглядно свидетельствовавших об укоренившемся инстинкте защиты от любых хаотических проявлений.

Однако остроумное замечание о несостоявшейся немецкой революции — это только половина правды. Ибо нация, память которой не знает ни казненных королей, ни победоносных народных восстаний, больше любой другой способствовала революционной мобилизации мира. Она дала так называемому веку революций самые провокационные озарения, самые острые революционные лозунги и, как высокопарно выражался Фихте, разметала скалы мыслей, из которых следующие века возвели себе жилища. Интеллектуальный ра-

---

[17] Война 1618—1648 годов между габсбургским блоком (испанские и австрийские Габсбурги, германские католические князья) и антигабсбургской коалицией (германские протестантские князья, Франция, Швеция, Дания). — *Прим. науч. ред.*

дикализм Германии не знает себе подобных, и именно эта неповторимость придала немецкому духу величие и характерный блеск. Но что касается действительности, то тут имела место полная неспособность к прагматическому типу поведения, в котором примирились бы друг с другом мышление и жизнь, а разум стал бы разумным. Немецкий дух мало заботился об этом. Он был в буквальном смысле слова асоциален и никогда не стоял ни слева ни справа, а преимущественно находился в прославляемом противоречии с жизнью. Дух безоговорочный и концентрированный, всегда в позиции «не могу иначе», с почти апокалипсической «тягой к интеллектуальной пропасти»[18], на краю которой виделась не столько банальная действительность, сколько величественная гибель целых эпох. Господи, Бог мой, — что этому духу было до жизни!

И все же это типичное разграничение между спекулятивным и политическим уровнями все еще имело характер эрзац-действия: радикальность идеи одновременно прикрывала бессилие воли. Замечание Гегеля о том, что мышление стало силой, направленной против существующей действительности, было задумано как триумф, но одновременно и утешение. Не только столетняя дилемма затхлого немецкого мирка с его тяжелой жизнью и провинциальностью подвигала мысль на полеты в свободные просторы, но и та долго игнорируемая роль, на которую мысль была обречена бездуховностью или франкоманией княжеского правления. От самых неудобоваримых текстов начала XIX века до поверхностной политической публицистики 20-х годов — во всем чувствуется, хоть и во вторичных, книжных или просто жалких проявлениях, — что-то от того характерного основного движения духа, который «предоставил эпоху самой себе», чтобы строить идеальное внутреннее царство, которое безмятежно противопоставляло себя внешнему. Никогда ему не удавалось скрыть жажду отмщения, жившую в радикальности его суждений. Это было тонкое ощущение мести по отношению к реальности, считавшей, что она не нуждается в духе и поэтому теперь посрамленной духом.

Процесс отчуждения от действительности еще усилился вследствие многочисленных разочарований, пережитых бюргерским сознанием в XIX веке в ходе его попыток достичь по-

[18] *Mann Th.* Denken und Leben. GW. Bd. 11. S. 246.

литической свободы, и следы этого процесса заметны почти на всех уровнях: в фиктивности политической мысли, в мифологизирующих идеологиях от Винкельмана до Вагнера или же в странно оторванном от реальности немецком представлении об образовании, решительно избравшем для себя призрачную стихию искусства и всего возвышенного. Политика лежала в стороне от этого пути, она не была частью национальной культуры.

Общественный тип, в котором сконцентрировались эти тенденции, представлял немецкую суть настолько точно, что до наших дней сохранил высочайший социальный престиж. Это те далекие от мира сего, погруженные в размышления господа на старинных портретах, в профессиональной мине которых так много идеальной строгости, верности принципам и задумчивой выразительности, люди, чье простодушие было не без глубин. Они мыслили обширными категориями, низвергали или создавали системы, их взгляд шел издалека. В то же время они излучали флюиды интимной и тесной домашности, явный запах приватного образа жизни. «Книги и мечты» были, как говорил Пауль де Лагард[19], их стихией, они жили в своей придуманной действительности, их гениальная изобретательность с лихвой компенсировала им недостаток реальной действительности, их уверенность проистекала из их интеллектуальной профессии и свидетельствовала о довольстве культурой и собственным вкладом в нее.

Презрению к действительности соответствовало все яснее проступавшее пренебрежительное отношение к политике, так как она была действительностью в самом строгом, навязчивом смысле: пошлый элемент, «господство неполноценных», как это было сформулировано в заглавии знаменитой книги 20-х годов[20]. И сегодня еще политическая мысль в Германии сохранила нечто от той торжественной тональности, с помощью которой она, по собственному мнению, морально и интеллектуально поднимается над банальной действительностью. За этим всегда — и раньше и теперь — стояла потребность в идеальной, «аполитичной политике», потребность, отражавшая

---

[19] *Lagarde P.* Ausgewählte Schriften. Hrsg. von Fischer P. München, 1934. S. 34.

[20] «Господство неполноценных» — название содержащей резкую критику демократии книги Э. Юнга, который, будучи сотрудником Папена, стал позднее жертвой расправ, учиненных 30 июня 1934 года.

подавленность как следствие постоянного политического бессилия. Если отвлечься от небольшого и постоянно попадающего в изоляцию меньшинства, то общественность в Германии относилась к политике как к чужеродному телу и не знала, что с ней делать. Политика оставалась предметом старательно высказываемого интереса, самопринуждения и даже, согласно широко распространенному мнению, самоотчуждения. Мир немцев ориентировался на частные, приватные понятия, цели и добродетели. Никакие социальные обещания не могли сравниться с завлекающим пафосом частного мира, семейного счастья, умилением природой, лихорадкой научного познания в тиши кабинета — со всей этой сферой вполне обозримых форм удовлетворенности своим существованием. Никто эту сферу и не собирался покидать, если тайну лесов предстояло поменять только на «шум ярмарки», а вместо свободы грез предлагались только конституционные права.

И это чувство, в свою очередь, радикализировалось. «Человек политики противен», — писал Рихард Вагнер Францу Листу. А один из почитателей Вагнера заметил: «Если Вагнер в какой-то степени был выразителем своего народа, если он в чем-то был немцем, гуманным по-немецки, немецким бюргером в высшем и самом чистом смысле, то это — в своей ненависти к политике»[21]. Аффект аполитичности охотно рядился в одежды защитника морали от власти, человечного от социального, духа от политики, и из этих антитез во все новых, глубокомысленных и полемических рассуждениях вырастали излюбленные темы бюргерских саморефлексий. Своей блестящей кульминации, полной сложных признаний, этот аффект достиг в изданном в 1918 году произведении Томаса Манна «Наблюдения аполитичного». Они были задуманы как защита гордого своей культурой немецкого бюргерства от просветительского, западного «террора политики» и содержали уже в самом названии указание на романтическую цель, сознательно игнорирующую действительность: на традиционный поиск аполитичной политики.

Эстетически-интеллектуальное неприятие политики, ставшее содержанием все более обширной, запутанной научной литературы, нашло свое крайнее выражение в своеобраз-

---

[21] *Mann Th.* Betrachtungen eines Unpolitischen. S. 113. Письмо Вагнера Ф. Листу опубликовано в кн.: *Nitsche R.* Der haessliche Bürger. Gütersloh, 1969. S. 158.

ном представлении о спасении от политики, которое с середины XIX века стало необычайно популярным — в мысли о спасении искусством. Эта мысль вобрала в себя все несбывшиеся надежды, все разочарования нации. Как намек, она возникала еще в романтизме с его постулатом тесного взаимопроникновения политики и поэзии. Шопенгауэр, говоривший об избавлении идеи от трагических перипетий жизненной борьбы прежде всего с помощью музыки, придал этой мысли субъективную окраску, и у Рихарда Вагнера она наконец достигла своего высочайшего развития в рассуждениях об обновленном театре, изложенных в его «Грезах культуры о "конце политики" и начале человечности»[22]. Политика, требовал он, должна стать грандиозным зрелищем, государство — произведением искусства, а человек искусства должен занять место государственного деятеля. Искусство было его тайной, его храмом — Байройт, а его святыней — драгоценная чаша арийской крови, исцелившая умирающего Амфортаса и погубившая под развалинами фантастического замка волшебника Клингсора[23], это воплощение противостоящих сил еврейства, политики и сексуальности. Пожалуй, с не меньшим успехом, чем был у Вагнера, Юлиус Лангбен[24] в конце столетия провозгласил Рембрандта символом жажды обновления. Искусство, подчеркивал он, должно вернуть заплутавшему миру простоту, естественность и интуицию, устранить торговлю и технику, примирить друг с другом классы, объединить народ и привнести утерянное единство в наконец-то замиренный мир: ибо искусство — великий победитель.

---

[22] *Mann Th.* Op. cit. S. 115; затем прежде всего: *Wagner R.* Kunst und Revolution, Ges. Schriften. Bd. III. S. 194; см. в этой связи также: *Gutmann R.* Op. cit. S. 148 ff., 309, *Stern F.* Op. cit. S. 154, 166, 172.

[23] Амфортас и Клингсор — персонажи древнегерманской мифологии и оперы Вагнера «Парсифаль». Амфортас — король Монсальвата, гора, на которой в замке хранится Грааль (святая чаша с кровью Христа). Целью же злого волшебника Клингсора является победа над Парсифалем, в этом случае Клингсор должен стать властелином Грааля. — *Прим. науч. ред.*

[24] Юлиус Август Лангбен (26.3.1851—30.4.1907) выступал против плачевного состояния и раздробленности духовной жизни немецкого народа, предлагая радикальные способы исправления общества. Причину этой ситуации он видел в господстве рационализма. Объединяющей же силой он считал искусство, которое должно было составлять основу идеальной воспитательной системы будущего. — *Прим. науч. ред.*

Конечной целью объявлялось устранение любой политики и ее обратное превращение в экстаз, власть, харизму, гениальность. Самым последовательным образом он оставляет право на господство в желанном новом веке благословенному свыше гению, своему «великому герою искусства», «отдельной личности цезаристско-артистического склада»[25].

Все эти мотивы сыграли свою роль в том отторжении, которым немцы сильнее чем прежде болезненно реагировали на политику во время и после войны. Традиционный путь бегства от реальности вел их в эстетику и мифологию. В отвращении к «грязной» революции неприятие политики чувствовалось не меньше, чем в разнообразных теориях заговора, омрачивших горизонт веймарских лет: например, в легенде об «ударе кинжалом в спину»[26] или в теории двойной угрозы — со стороны красного (коммунистического) и золотого (капиталистического) Интернационала, в антисемитизме или в распространенных страхах перед масонами и иезуитами. Словом, в самых разных симптомах бегства от действительности в воображаемый, фиктивный мир, полный таких романтических категорий, как измена, одиночество и обманутое величие.

Соответствующее политическое мышление тоже было во власти аполитичных образов и категорий, всякого рода идеологий — войны как переживания, «молодых народов», «тотальной мобилизации» или «варварского цезаризма». Это был почти необозримый поток национально-утопических проектов и модных философий так называемой «консервативной

---

[25] *Stern F.* Op. cit. S. 181 ff; см. кроме того: *Klemperer K. v.* Op. cit. S. 167 ff.

[26] Теория о том, что немецкая армия проиграла Первую мировую войну потому, что революционеры в тылу «нанесли ей удар кинжалом в спину». По свидетельству Уиллера-Беннета, автора книги «Деревянный титан Гинденбург», причастным к возникновению этой теории оказался генерал Малькольм, глава британской военной миссии в Берлине. «Как-то вечером Людендорф ужинал с генералом и в свойственной ему высокопарной манере говорил о том, что штаб Верховного командования всегда страдал из-за отсутствия необходимой поддержки со стороны гражданского правительства и что революция предала армию. Пытаясь обобщить одной фразой смысл словесных излияний Людендорфа, генерал Малькольм спросил: "Не хотите ли вы, генерал, сказать этим, что вам нанесли удар в спину?" Глаза Людендорфа заблестели, и он моментально, как голодная собака за кость, ухватился за эту фразу. "Удар в спину? — переспросил он. — Да, совершенно верно, нам нанесли удар в спину"». — *Прим. науч. ред.*

революции». Все они так или иначе видели свою цель в том, чтобы, перефразируя слова Фихте, натянуть на мир мундир иррационализма. Усилиям, предпринимаемым в политической действительности ради достижения какого-то равновесного положения, они противопоставляли свои безоговорочные лозунги и судили повседневность от имени грандиозных мифов. Хоть и не оказывая прямого влияния, они своими вносящими сумятицу романтическими альтернативами в немалой мере способствовали интеллектуальному истощению республики, тем более что «отвращение к политике» больше чем когда-либо разжигалось ненавистной действительностью. В то время как защитники Веймарской республики часто производили впечатление апологетов коррумпированной, безнадежной системы и были не в состоянии преодолеть пропасть между собственным пафосом и всем и каждому видимым неблагополучием, противники Республики, особенно правые, казались исполненными благих побуждений, были полны проектов и создавали из мифов, грез и капли горечи альтернативу Республике. Среди их самых презрительных упреков в адрес «системы» был тот, что она приучает нацию к «мелкому счастью», потребительству и мелкобуржуазному эпикурейству[27]. Категориями же этого времени, обладающими привлекательной силой, были приключение, трагизм, гибель. Например, Карл фон Осецкий видел среди интеллектуалов страны многочисленных «бескорыстных любителей всевозможных катастроф, гурманов всемирно-политических несчастий». Один французский наблюдатель в начале 30-х годов задавался вопросом, не вкладывает ли Германия в «свой кризис слишком много страсти и радикализма»[28]. И в самом деле, старая «тяга к интеллектуальной пропасти» тоже частично ответственна за то, что кризис в Германии приобрел совершенно безвыходный, отчаянный характер. Это-то и сделало потребность к бегству от действительности массовым явлением, а идею героического прыжка в неизвестность — самой близкой и привычной.

Феномен Гитлера следует рассматривать на этом идеологическом фоне. Иногда он даже производит впечатление вульгарного искусственного продукта всех этих взглядов, ре-

---

[27] Смысл критики демократии Игнацио Силоне см.: *Silone I.* Die Kunst der Diktatur. S. 171.

[28] *Vienot P.* Ungewisses Deutschland. Frankfurt/M., 1931. S. 93.

акций и комплексов, впечатление комбинации мифологического и рационального мышления в крайнем радикализме социально отчужденного интеллектуала. В его речах появлялись почти все известные риторические фигуры аполитичного аффекта: ненависть к партиям, к компромиссному характеру «системы», отсутствие у нее «величия». Он всегда рассматривал политику как понятие, близкое к понятию судьбы, то есть нечто само по себе пассивное и потому нуждающееся в освобождении сильной личностью, через искусство или с помощью некоей высшей силы, обозначаемой как «провидение». В одном из своих главных выступлений периода захвата власти, прозвучавшем 21 марта по случаю Дня Потсдама, он так сформулировал связь между политическим бессилием, мечтами как эрзацем силы и избавлением через искусство:

«Немец, рассорившийся с самим собой, непоследовательный в мыслях, с расщепленной волей и потому бессильный в действии, теряет силу в утверждении собственной жизни. Он мечтает о праве на звездах и теряет почву под ногами на земле... В конечном итоге немцам всегда оставался только путь внутрь себя. Будучи народом певцов, поэтов и мыслителей, немцы мечтали тогда о мире, в котором жили другие, и только когда нужда и лишения наносили этому народу бесчеловечную травму, тогда, может быть, на почве искусства произросло желание нового подъема, нового царства, а значит и новой жизни»[29].

Гитлер считал себя именно такой фигурой спасителя, раз уж он в свое время расстался с мечтами об искусстве. В контексте духовной традиции он несомненно ощущал большую близость к «великому герою искусства», о котором писал Лангбен, чем, например, к Бисмарку, которым он, судя по разным его высказываниям, восхищался не столько как политиком, сколько как эстетическим феноменом великого человека. Для Гитлера политика тоже означала прежде всего средство достичь величия, ни с чем не сравнимый шанс компенсации недостаточного художественного таланта в грандиозной замещающей роли. Все, чем он располагал как политик, он выучил или усвоил как временную роль; что касается его импульсивных озарений, то тут он был полностью в плену мистического, эстетического, чуждого действительности, т.е.

---

[29] *Domarus M.* Op. cit. S. 226 f.

аполитичного мышления. Он проливал слезы над произведениями искусства, свидетелем чего стал один из его современников[30], но humanities[31] были ему, по словам его окружения, безразличны. Убедительное доказательство тому — неофициальные документы о его жизни, ранние выступления, а также застольные беседы в Ставке. Возможно, что редко какая-либо похвала доставила ему большее удовольствие, чем замечание Х. С. Чемберлена в письме в октябре 1923 года, где он был назван «противоположностью политике». Чемберлен добавлял: «Идеалом политики было бы отсутствие всякой политики; но эту не-политику, следует признать откровенно, пришлось бы навязывать миру»[32]. В этом смысле у Гитлера действительно не было политики, ее место занимала великая суггестивная идея судьбы, и осуществление этой идеи он с максимальным упорством сделал целью своей жизни.

Вальтер Беньямин назвал фашизм «эстетизацией политики», и фашизм захватил немцев — народ, чье понимание политики всегда было пронизано эстетикой, — с особой стремительностью. Одна из причин крушения Веймарской республики заключалась в том, что, не понимая психологии немцев, она не видела в политике ничего, кроме политики. Только Гитлер путем беспрерывного затуманивания сути дела, театральных эффектов, экстаза и сутолоки вокруг создания нового идолопоклонства вернул общественным делам издавна привычный образ. Их самым выразительным символом стали «огненные соборы» — стены из волшебства и света, отделяющие от мрачного, угрожающего внешнего мира. Даже если немцы и не разделяли стремление Гитлера к расширению «жизненного пространства», его антисемитизм, присущие ему черты вульгарности и грубости, они поддержали его и пошли за ним, потому что он снова привнес в политику мощное звучание темы судьбы, смешанное с элементом страха и трепета.

В соответствии с идеологией аполитичного «государства красоты» Гитлер не отделял своих представлений художника от представлений политика, а свой режим охотно восхвалял

---

[30] Свидетельство Карла Гёрделера согласно стенограмме, сделанной Рихардом Брейтингом, см.: *Calic E.* Op. cit. S. 171; затем: *Hoffmann H.* Op. cit. S. 188.

[31] Гуманитарные науки (англ.) — *Прим. пер.*

[32] См.: Illustrierter Beobachter, 1926. Nr. 2. S. 6.

как наконец-то состоявшееся примирение искусства с политикой[33]. Он считал, что идет по стопам Перикла[34], и любил проводить соответствующие параллели; по свидетельству Альберта Шпеера, автобаны были для него его Парфеноном. Совершенно всерьез он заявлял, что «как люди, которым недоступно наслаждение искусством», ни рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, ни Рудольф Гесс по сути своей не способны стать в будущем его преемниками[35]. Зато Шпеер сумел забраться так высоко и иногда даже считался предрешенным преемником фюрера не в последнюю очередь потому, что, по мнению Гитлера, был «человеком, понимающим искусство», «артистом», «гением». Характерно, что в начале войны Гитлер освободил от военной службы людей искусства, но не ученых и техников. Даже когда ему демонстрировали новый вид оружия, он редко не обращал внимания на его эстетическое оформление и мог, например, похвалить «элегантность» орудийного ствола. Вне искусства для него не было ничего, и даже полководец, говаривал он, может одерживать победы, только будучи человеком с художественным вкусом[36]. Поэтому после победы над Францией он предпочел посетить Париж не как завоеватель, а скорее как любитель музеев. По этим же причинам он довольно рано, а со временем все раздражительнее стал тосковать по прошлым годам. «Я стал политиком поневоле, — так или почти так говорил он снова и снова, — политика для меня — только средство для достижения цели. Есть люди, думающие, что мне станет очень трудно, если я когда-нибудь прекращу свою теперешнюю деятельность. Нет! Это будет самый прекрасный день моей жизни, если я уйду из политики и оставлю далеко позади все заботы, муки и непри-

---

[33] *Speer A.* Op. cit. S. 134.

[34] Перикл (ок. 490—429 до н.э.) — афинский государственный и военный деятель, провел широкомасштабную реформу законодательства, что способствовало расцвету Афинской республики, отстроил Парфенон, Пропилеи, Одеон. — *Прим. науч. ред.*

[35] Из записки Шпеера для автора; об отклонении кандидатур Гесса и Гиммлера в качестве преемников см.: *Speer A.* Op. cit. S. 152.

[36] *Ziegler H.S.* Op. cit. S. 75; *Speer A.* Op. cit. S. 249. Научно-технические работники были освобождены от воинской службы в 1942 году по инициативе Шпеера. Проблему освобождения от воинской повинности творческих работников Гитлер решил, как сообщил автору Шпеер, приказав взять их дела из управлений военно-призывных районов и тут же уничтожить.

ятности... Войны приходят и проходят. Остаются только культурные ценности». Ганс Франк видел в таких настроениях даже тенденцию эпохи, заключающуюся в том, чтобы «снова изгнать все, что связано с государствами, войной, политикой и т.д., и суметь поставить над этим высокий идеал творения искусства»[37]. Примечательно в этой связи, что в национал-социалистической верхушке была непропорционально высока доля людей, не сумевших стать людьми искусства, потерпевших крушение в творчестве. Сюда кроме самого Гитлера можно отнести Дитриха Эккарта; Геббельс безуспешно пытался писать романы, Розенберг начинал как архитектор, фон Ширах и Ганс Франк пописывали когда-то стихи, а Функ был музыкантом. Сюда же относится и Шпеер с его тягой к аполитичной изоляции, а также вообще тот тип интеллигента, мыслящего одновременно расплывчато и непреклонно, который, испытывая эстетскую слабость к государственным переворотам, сопровождал и поощрял подъем национал-социализма.

Искажение понятия действительности у социально отчужденных интеллектуалов позже наложило отпечаток и на весь мир идей Гитлера. Многие современники констатировали его склонность во время разговора забираться «в высшие сферы», из которых его снова и снова приходилось «стаскивать на почву фактов», как писал один из них[38]. Примечательно, что Гитлер любил предаваться своим смутным размышлениям в Оберзальцберге или же в «Орлином гнезде», которое он приказал соорудить выше «Бергхофа» на Кельштейне[39], на высоте двух тысяч метров. Здесь, в разреженном воздухе, в роковых декорациях окружающих скал, он обдумывал свои проекты и, как он однажды заметил, принимал все свои важ-

---

[37] *Frank H.* Friedrich Nietzsche, цит. по: *Klessmann Ch.* Op. cit. S. 256. Hitlers Tischgespräche. S. 167 f.; *Speer A.* Op. cit. S. 38.

[38] Таково одно из высказываний Шлейхера, см.: *Conze W.* Zum Sturz Brünlngs. In: VJHfZ, 1953. H. 2. S. 261 ff. Hitlers Tischgespräche. S. 167 f.; *Speer A.* Op. cit. S 38.

[39] Автор делает довольно распространенную ошибку, объединяя две резиденции Гитлера (которые были очень похожи по архитектуре), — первую на горе Кельштейн (эту резиденцию Гитлер не любил и побывал там чуть более десяти раз) и другую — «Бергхоф», которая располагалась в этом же районе и стала любимым местом его пребывания. «Орлиное гнездо» — башенка над шале «Бергхоф», откуда открывался замечательный вид на Баварские Альпы. — *Прим. науч. ред.*

нейшие решения[40]. Но фантастические мечты о гигантской империи вплоть до Урала, геополитические замыслы в масштабах великих пространств и передела миров, генетические видения массового истребления целых народов и рас, грезы о сверхчеловеке и фантасмагории на тему чистоты крови и Святого Грааля, да и, наконец, вся эта задуманная в масштабах континента система шоссейных дорог, военных сооружений и укрепленных поселений — все это, по сути, отнюдь не было «немецким», а брало свое начало из близких или очень далеких источников. Немецкой тут была только интеллектуальная, непомерная логика и последовательность, с которой он в мыслях складывал эту мозаику, и немецким же был несгибаемый ригоризм, не отступающий ни перед какими последствиями. Жесткость Гитлера была связана несомненно с предпосылками, заложенными в его чудовищном характере. В его радикальности тоже всегда присутствовал элемент экстремизма и бесшабашности маргинала. Но помимо прочего, она демонстрировала ту аполитичную, враждебную действительности позицию по отношению к миру, которая принадлежит к духовным традициям страны. В точке схода немецкой истории он находится не из-за своих расистских концепций или экспансионистских целей, но как один из тех интеллектуалов, которые, будучи исполнены веры в теории, высокомерно подчиняли реальность собственным категорическим принципам.

От ему подобных Гитлера отличала способность занять политическую позицию: он был исключением, интеллектуалом с практическим пониманием власти. В текстах его предшественников, вплоть до массовой макулатуры, вышедшей из-под пера «фёлькише», нетрудно найти постулаты и порадикальней, чем у Гитлера. И в немецкой и в европейской культуре есть гораздо более яркие свидетельства страха перед настоящим и эстетствующего отрицания действительности. Так, Маринетти жаждал избавления от «подлой действительности» и в Манифесте 1920 года потребовал предоставить «всю власть людям искусства» (так брошюра и называлась), ибо власть должна принадлежать «широко понимаемому пролетариату гениев». Но и эти и им подобные выступления только упоенно кокетничают бессилием интеллектуалов и наслаждаются им. Характерно, что Маринетти свои заклинания про-

[40] См.: *Hillgruber A.* Hitlers Strategie. S. 216.

тив действительности обращал к «мстящему морю»[41]. Здесь Гитлер опять-таки был исключением — в силу своей готовности принимать собственные интеллектуальные фикции за чистую монету и только что не питаться фразами, рожденными вековой экзальтацией мысли.

Тут он был единственным в своем роде. Если тиран Писистрат захватил афинян врасплох на пиру, то о Гитлере и немцах этого не скажешь. Как и все остальные, они могли бы быть настороже, так как Гитлер многократно излагал свои намерения открыто, без всякой интеллектуальной сдержанности. Но традиционное разделение придуманной и социальной реальности уже давно создало представление о том, что слова не стоят ничего, а его слова казались и вовсе дешевкой. Только этим можно объяснить ту сугубо неверную оценку Гитлера, которая одновременно была и неверной оценкой этого времени. Рудольф Брейтшейд, председатель фракции СДПГ в Рейхстаге, окончивший свои дни в концентрационном лагере Бухенвальд, радостно зааплодировал, узнав о назначении Гитлера рейхсканцлером, и сказал, что наконец-то Гитлер сам себя погубит. Другие, произведя предварительные расчеты, полагали, что Гитлер всегда будет в меньшинстве и ни за что не получит большинства в две трети, необходимого для изменения конституции. Юлиус Лебер[42], другой ведущий социал-демократ, снисходительно заметил, что подобно всем остальным хотел бы наконец что-либо «узнать о духовной базе этого движения»[43].

---

[41] Цит. по: *Joll J.* Three Intellectuals in Politics. P. 135, 174.

[42] Доктор, отставной лейтенант Юлиус Лебер (16.11.1891—5.1.1945) был одним из руководителей СДПГ, с 1921 года — главный редактор газеты «Фольксботе», с 1924 года — депутат Рейхстага от СДПГ. Убежденный противник Гитлера. 31 января 1933 года на Лебера было совершено покушение, после выздоровления он был арестован и приговорен к 20 месяцам тюрьмы, а затем отправлен в концлагерь. В 1937-м освобожден, участвовал в движении Сопротивления. После неудачи Июльского заговора 1944 года арестован гестапо. Повешен по приговору Народной судебной палаты. — *Прим. науч. ред.*

[43] Как заявляет Герхард Риттер, большинству немцев мысль о том, что они оказались в руках бессовестного авантюриста, показалась бы «прямо-таки гротескной». См.: *Ritter G.* Carl Goerdeler. S. 109. Мнение Рудольфа Брейтшейда передает Фабиан фон Шлабрендорф: *Schlabrendorff F. V.* Offiziere gegen Hitler. S. 12; об отсутствии духовной базы Юлиус Лебер писал в одной из своих дневниковых записей, см.: *Leber J.* Ein Mann geht seinen Weg. Berlin, 1952. S. 123 f. Многие соци-

Кажется, никто не понимал, кем Гитлер был на самом деле. Только географическая отдаленность сделала кое-кого проницательней. Правда, ожидаемых санкций из-за границы не последовало — мировые столицы, не меньше самой Германии попавшие в сеть ослепления, надежд на укрощение и слабость, готовились к соглашениям и пактам будущих лет. И все же отдельные тревожные предчувствия высказывались, хотя и в них проскальзывала странная зачарованность. Так, немецкий наблюдатель в Париже отмечал, что французы испытывают «такое чувство, словно в непосредственной близости от них началось извержение вулкана, которое в любой день может опустошить их поля и города и за малейшими движениями которого они следят поэтому с изумлением и страхом. Явление природы, перед которым они почти бессильны. Германия ныне — снова международная звезда первой величины, притягивающая к себе внимание масс в каждой газете, в каждом кинотеатре и вызывающая страх и непонимание, смешанные с невольным восхищением, не лишенным, однако, доли злорадства; великая трагическая, жуткая, опасная страна-авантюрист»[44].

Почти ни одна из идей, под знаком которых страна пустилась в не имевшую аналогов авантюру, не принадлежала ей одной; но немецкой была та бесчеловечная серьезность, с которой она отринула свое существование в области воображения. Описанные здесь тенденции и аффекты, усиленные уже нестерпимой напряженностью между многовековой революционной мыслью и статичностью общественных отношений, придали этому выступлению небывалый вес и экстремистский характер запоздалой реакции: немецкий гром наконец достиг цели. В его раскатах потонула отчаянная попытка отрицания реальности под знаком ретроспективной утопии.

Однако отрицание действительности во имя радикально идеализированных представлений довольно трудно подавить; оно имеет дело со стихией фантазии и дерзостью мысли. По-

---

ал-демократы втайне надеялись, что Гитлер очень быстро начнет конфликтовать с Папеном и Гинденбургом, так что они смогут появиться на сцене в качестве радующегося третьего «и тут-то мы и сведем с ними счеты, не то что в 1918 году», — пригрозил бывший статс-секретарь Пруссии Абегг в беседе с графом Кеслером, как говорится в «Дневниках» последнего, см.: *Kessler H.* Tagebücher. S. 708.

[44] *Kessler H. Graf.* Op. cit. S. 684 f.

литическая проблематика тут налицо. Но тем, чем он был, немецкий дух не в последнюю очередь обязан своей позицией отказа от реальности, и вопреки бытующему мнению, не все его развитие тупо ведет только к Освенциму.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА 3

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ВЕЛИКИЙ ГИТЛЕР? 12

Эксцессивный характер Гитлера. — Презрение к духу времени. — Совпадение со всеобщей волей. — Сомнения в историческом величии Гитлера. — Понятийная проблематика. — Возражения против создания его биографии. — Взаимосвязь индивидуальной и социальной психологии. — Решающая роль Гитлера.

КНИГА ПЕРВАЯ

ЖИЗНЬ БЕЗ ЦЕЛИ

Глава I

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И НАЧАЛО ПУТИ 24

Попытка самозасекречивания. — Функция чужеродности. — Подоплека. — Ненайденный предок. — Изменение фамилии. — Отец и мать. — Легенды. — Фиаско в учебе. — «Ни друзей ни приятелей». — Искусство возвышает. — Лотерейный билет. — Первая встреча с Рихардом Вагнером. — Вена.

Глава II

КРУШЕНИЕ МЕЧТЫ 43

Вена на закате эпохи. — Кризис многонационального государства. — Оборонительные идеологии. — Страх немцев перед чужим засильем. — Антисемитизм. — Академия отказывает. — Смерть матери. — «Господин опекун, я отправляюсь в Вену!» — Прожекты, прожекты... — Новое фиаско. — Поворот спиной к буржуазному миру и потребность к кому-то прислониться.

Глава III
ГРАНИТНЫЙ ФУНДАМЕНТ 61

Ланц фон Либенфельс. — Идейная среда ранних лет. — Два года душевных борений. — Поворот к «фанатическому антисемитизму». — Барон Георг фон Шенерер и Карл Дюгер. — Богемский национал-социализм. — Мужское общежитие. — В компании с Ханишем. — Гитлер и Рихард Вагнер. — Романтическая «Королевская дорога». — «Братец Гитлер». — Театральное отношение к миру. — Ссора с Ханишем. — Социал-дарвинизм. — Гобино и Чемберлен. — И снова Рихард Вагнер. — Мечты и реальность.

Глава IV
БЕГСТВО В МЮНХЕН 96

Мюнхен или Берлин? — Опять одиночество. — Школа страха. — Причина бегства. — Новонайденные воинские документы. — Арест Гитлера. — Письмо магистрату города Линца. — Негоден к строевой. — Предчувствия. — Благодарность эпохе. — Поступление в армию.

Глава V
СПАСЕНИЕ БЛАГОДАРЯ ВОЙНЕ 109

Первые шаги на войне. — Связной в штабе полка. — Не от мира сего. — Университеты Гитлера. — Шок от встречи с родиной. — Союзническая военная пропаганда. — Провал правящей верхушки. — Мировоззрение против мировоззрения. — Великое наступление 1918 года. — Пазевальк. — Революция и антиреспубликанские настроения. — Версаль. — Конец старой Европы. — Политизация общественного сознания. — Решение стать политиком откладывается. — «Где был Гитлер?» — Аполитичный политик.

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ВРЕМЕНИ I:
«ВЕЛИКИЙ СТРАХ» 143

Триумф и кризис демократической мысли. — Угроза революции. — Великий страх. — Пессимизм европейской цивилизации. — Великая нелюбовь к Просвещению. — Версальское предательство. — Вооруженный страх. — Гитлер — «фашистский тип». — Идея фюрера. — Средневековье и модернизм. — Фашизм как культурная

революция. — Оборонительная позиция. — В союзе с инстинктом. — Бунт ради завоевания авторитета. — Изменение тенденции эпохи.

КНИГА ВТОРАЯ
ПУТЬ В ПОЛИТИКУ

Глава I
ЧАСТЬ НЕМЕЦКОГО БУДУЩЕГО 174

Эйснер и попытка революции в Мюнхене. — Организация контрреволюции. — Добровольческие отряды и группы самозащиты граждан. — Поручение войсковой команды рейхсвера. — Письмо Гитлера Адольфу Гемлиху. — «Общество Туле» и Немецкая рабочая партия. — «Самое главное решение моей жизни». — 16 октября 1919 года: истинное пробуждение. — Шаг в народ. — Провозглашение 25 пунктов. — Решение стать политиком.

Глава II
ЛОКАЛЬНЫЕ ТРИУМФЫ 204

Рационализм Гитлера. — «Талант комбинатора». — Стиль агитации. — Эрнст Рём. — Знамена и кокарды. — Рост известности Гитлера-оратора. — Капповский путч. — Роль Баварии. — Благосклонность власть предержащих. — Дитрих Эккарт. — Мюнхенское общество. — Антураж. — Гитлер в Берлине. — Летний кризис 1921 года. — «Фюрер». — СА. — Битва в пивной «Хофбройхаус». — Социология НСДАП. — Цирк, оперная постановка, церковная литургия: демагогия Гитлера. — Угроза высылки. — День Кобурга. — У истоков обретения собственного стиля. — Катализатор и продукт катализа.

Глава III
ВЫЗОВ ВЛАСТИ 266

Партийный съезд в Мюнхене. — Битва за Рур. — Гитлер выходит из игры. — Примат внутренней политики. — Источники финансирования партии. — «Кампфбунд». — Первомайское поражение. — Утрата мужества. — Руководители «Кампфбунда». — Слухи о путче. — Профессия — спасение Германии. — Ревнивые соперники. — Решение организовать путч — Дилемма и оправдание Гитлера. — Байройт и Хьюстон Стюарт Чемберлен.

Глава IV
ПУТЧ 302

Собрание в «Бюргербройкеллер». — Выстрел в потолок. — «Победить или умереть!» — Появление Людендорфа. — Непредвиденный поворот. — Клятвоотступничество против клятвоотступничества. — Кризис и выход из него. — Марш к Фельдхеррнхалле. — На коленях перед государственной властью. — Арест. — Процесс в народном суде. — Выигранное поражение. — Час, когда родилось движение. — «Адольф Легалите»! — Поведение самоубийцы.

КНИГА ТРЕТЬЯ
ГОДЫ ОЖИДАНИЯ

Глава I
ВИДЕНИЕ 327

Ландсберг. — Чтение. — «Майн Кампф». — Программное честолюбие Гитлера. — Стиль поведения. — Революция нигилизма? — Константы гитлеровской картины мира. — «Великая болезнь мира». — Железный закон природы. — Учение о творческих расовых зернах. — Повелитель антимира. — Идеология и внешняя политика. — Поворот на Восток. — Господство над миром. — Выход из тюрьмы.

Глава II
КРИЗИСЫ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ 362

Перемена декораций. — Кризис в окружениях. — Переговоры с Хельдом. — Покориться или быть высланным из страны. — Разрыв с Людендорфом. — «Все к Гитлеру!» — Новое рождение партии. — Запрет на публичные выступления. — Грегор Штрассер. — Ссора с Эрнстом Рёмом. — Глубже некуда. — Йозеф Геббельс — «новый тип». — Группа Штрассера и ее планы. — Совещание в Ганновере. — Тактика «катастроф». — Гитлер удаляется в горную идиллию.

Глава III
ПОСТРОЕНИЕ К БОЮ 391

Бамбергское совещание. — «Добрый, честный Штрассер!» — Конец левых. — Институциональное закрепление

власти и празднование победы. — «Мертвый национал-социализм». — Проблема СА. — Геббельс меняет взгляды. — Организационное развертывание партии. — Теневое государство. — Первый Нюрнбергский партийный съезд. — Дом в Оберзальцберге. — Возвращение под купол цирка. — Претензии на непогрешимость. — «Пусть только начнется представление!» — Третья шкала ценностей.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ
ВРЕМЯ БОРЬБЫ

Глава I
ПРОРЫВ В БОЛЬШУЮ ПОЛИТИКУ 426

Переломный момент. — Гугенберг и Имперский комитет против плана Юнга. — Гитлер-тактик. — Кампания. — Контакты. — «Коричневый дом». — Разрыв с Гугенбергом. — Проникновение в новые слои. — Черная пятница. — Тотальный кризис. — Прорыв к массовой партии. — Тихая гражданская война. — «Адольф Гитлер пожирает Карла Маркса!» — Молодежное движение собственного покроя. — Правительство Брюнинга. — Разрыв с Отто Штрассером. — Гитлеровский социализм. — Бунт Стеннеса. — Фюрер, как и Папа Римский, непогрешим. — Предвыборная борьба.

Глава II
ЛАВИНА 471

Выборы 14 сентября 1930 года. — Волна грядущего. — Заигрывание с рейхсвером. — Издевка над легальностью. — Возвращение Эрнста Рёма. — Политическая уголовщина. — Агония многопартийного государства. — Курт фон Шлейхер. — Претензии, контакты, переговоры. — Гарцбург. — Гитлер и буржуазия. — Теория о заговоре монополистического капитала. — Перед Дюссельдорфским промышленным клубом. — «Боксхеймские документы». — «Бедная система!»

Глава III
ПЕРЕД ВРАТАМИ ВЛАСТИ 517

Предвыборные бои. — Ход Брюнинга и дилемма, вставшая перед Гитлером. — Решение принято. — Победа Гинденбур-

га. — «Гитлер над Германией». — Смерть Гели Раубал. — Гипнотизирующие речи. — Демагогический ритуал. — Отключение мышления. — Самоослепление. — Причины массового притока. — Лозунги и формулы. — Результаты выборов. — Интриги. — Падение Брюнинга. — Франц фон Папен. — Антипрусский государственный заговор. — Отказ президента. — Размышления о жестокости.

Глава IV
У ЦЕЛИ 567

Вновь предвыборная борьба. — Берлинская забастовка на транспорте. — Поражение 6 ноября. — Папеновская концепция диктатуры. — Сопротивление и канцлерство Шлейхера. — Большие планы Шлейхера. — Кризис НСДАП. — «Если партия развалится...» — Бессилие соперников. — Интрига Папена. — Беседа в Кёльне. — Всякая политика имеет свой конец. — Концепция обрамления. — Гинденбург меняет позицию. — Последние трудности. — «С Богом за работу!» — Факельное шествие. — Победа или интрига? — Монолог в Имперской канцелярии.

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ВРЕМЕНИ II:
НЕМЕЦКАЯ КАТАСТРОФА
ИЛИ ЛОГИКА НЕМЕЦКОГО ПУТИ? 608

Переломное настроение. — Заблуждение историков. — Теория предрасположенности немцев к национал-социализму. — Теория эпох. — Национальные элементы. — Отрыв от реальности. — Упущенная революция. — Потребность в аполитичной политике. — Аффект аполитичности. — Спасение через искусство. — Эстетизация политики. — Романтизм и отношение к миру. — Реализованные фикции. — Риск.

Научно-популярное издание

ФЕСТ Иоахим

ГИТЛЕР. БИОГРАФИЯ.
ПУТЬ НАВЕРХ

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Научный редактор *К.А. Залесский*
Корректор *С.И. Смирнова*
Дизайн обложки *Д.В. Грушин*
Верстка *М.А. Виноградов*

ООО «Издательство «Вече 2000»
ЗАО «Издательство «Вече»
ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Гигиенический сертификат
№ 77.99.02.953.П.001857.12.03 от 08.12.2003 г.
E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 18.01.2006. Формат 84 × 108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «НьютонС». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 20. Тираж 5000 экз. Заказ З-73

Отпечатано в типографии ОАО ПИК «Идел-Пресс» в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов.
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

ООО «ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ВЕЧЕ»
129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24.
Тел.: (495) 188-88-02, (495) 188-16-50, (495) 188-65-10.
Тел./факс: (495) 188-89-59, (495) 182-60-47
Интернет/ Home page: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «Вече».
Тел.: (495) 188-66-03.
E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!
Книги издательства «Вече» вы можете приобрести в издательстве
и в наших филиалах по адресам:

ООО «Вече-НН»:
г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 50.
Тел.: (8312) 64-93-67, (8312) 64-97-18

ОАО «Новосибирсккнига»:
г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, д. 1.
Тел.: (3832) 10-24-95, (3832) 10-39-67.
E-mail: sales@nkniga.ru

ООО «Вече-Казань»:
г. Казань, ул. Дементьева, д. 2в.
Тел./факс: (843) 571-33-07.
E-mail: veche-kaz@nm.ru

ООО «Вече-Украина»:
г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 2б, а/я 84.
Тел.: (38-044) 537-29-20,(38-044) 407-22-75.
E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «Вече»
в московских книжных магазинах:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Новый книжный».